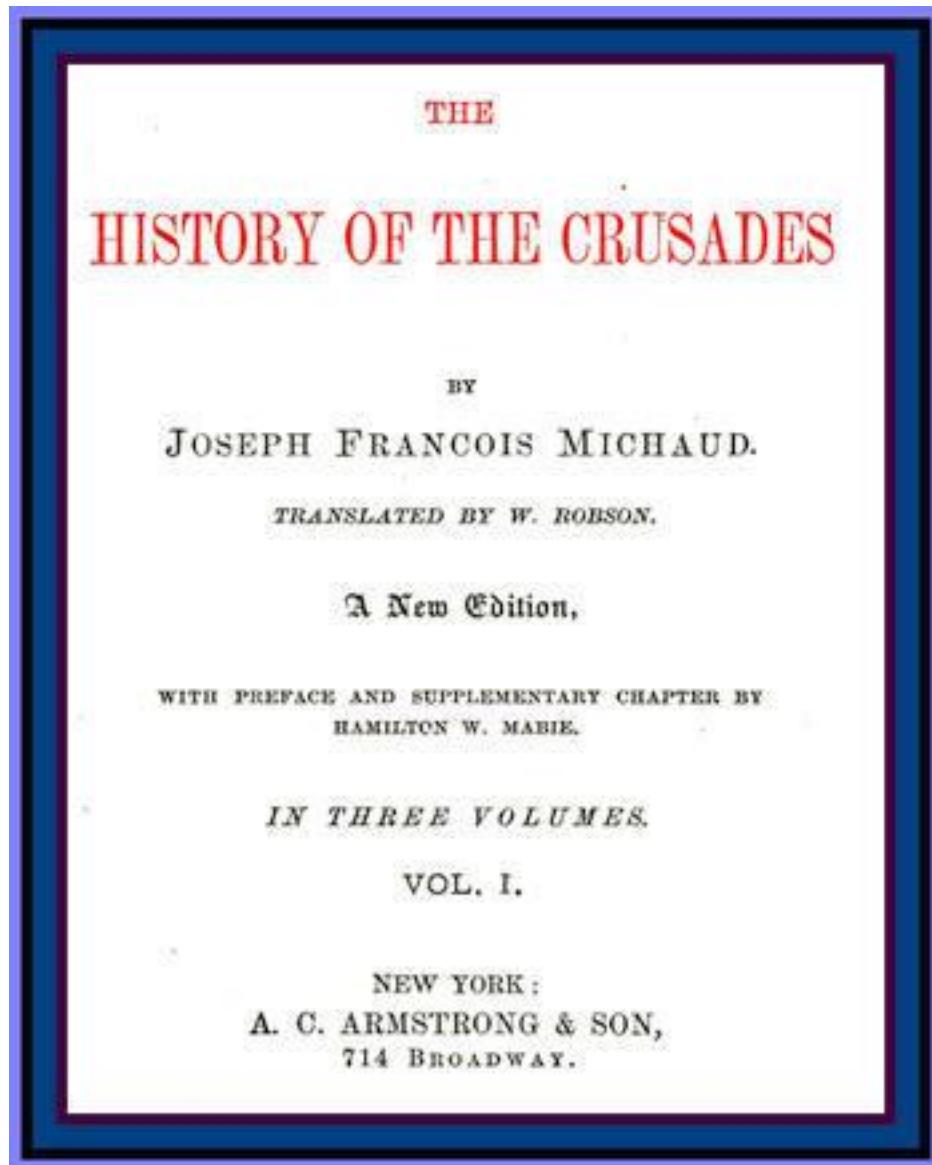

История крестовых походов (том 1 из 3)

Жозеф Франсуа Мишо

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории крестовых походов (том 1 из 3)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История крестовых походов (том 1 из 3)

Автор: Ж. Ф. Мишо

Переводчик: Уильям Робсон

Дата выхода: 1 июня 2015 г. [Электронная книга № 49104]
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Джованни Фини и командой корректоров, распространяющей тексты онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ"
(ТОМ 1 ИЗ 3) ***

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

АВТОР: Жозеф Франсуа Мишо.

ПЕРЕВОД У. РОБСОНА.

Новое издание С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ГЛАВОЙ ГАМИЛЬТОНА У. МЭБИ.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ I.

НЬЮ-ЙОРК:

A. C. ARMSTRONG & SON,
Бродвей, 714.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Публикация нового издания этой стандартной работы находит свое оправдание в широко распространенном интересе к историческим исследованиям и в важности событий, которые она описывает с такой полнотой и точностью. Массовый спрос на первоклассные исторические произведения беспрецедентен в анналах книгоиздательства и является существенным свидетельством растущего вкуса к наиболее важной литературе. Стандартные книги по истории одна за другой публикуются привлекательными изданиями и быстро заполняют библиотеки англоговорящих людей во всем мире. В этом замечательном развитии народного интереса к исторической литературе столь поразительный эпизод, как Крестовые походы, не мог остаться незамеченным, и нигде эта история не рассказана так увлекательно и всесторонне, как на страницах Мишо. Эта история достойна тщательного изучения не только из-за ее внутреннего интереса, но и из-за ее значения в той более широкой истории Европы, в которой она во многих отношениях является самой драматичной и живописной главой.

В последнее время произошел огромный прогресс в методах исторического исследования, и современный историк изучает события, которые он берется изобразить, с новой точки зрения. Было бы трудно найти в какой-либо другой области литературного творчества более широкое различие в методе и цели, чем то, которое отличает "Карла V" Робертсона от "нормандского завоевания Англии" Фримена. Ключ к разгадке теперь ищут не в руках опытных дипломатов, а в широком, хотя и менее очевидном, развертывании народной жизни. Для наиболее продвинутой школы историков Робин Гуд почти так же важен, как Ричард I. Исторический писатель прошлого века работал с живописным воображением, сплетая свой рассказ о ярких персонажах и эпизодах эпохи; тот же самый писатель наших дней, обладающий воображением, натренированным на философских методах, различает смутно очерченное движение национальной жизни за пышностью дворов, борьбой партий и стремительным развитием событий. Несомненно, именно это углубление исторического изучения и расширение исторического эффекта сделало историю соперницей романа в общественном интересе. Изученный рассказ Юма отталкивает, несмотря на его достоверность, в то время как изображение Гринем национального развития на фоне не менее достоверных фактов побуждает множество читателей к повторному прочтению.

Эпоха крестовых походов важна с точки зрения обеих школ. Прескотт и профессор Сили каждый нашли бы в ней материал по своему вкусу. Изученный с прицелом на живописный эффект, какой ряд событий может быть более впечатляющим, чем тот, который повествует о последовательных кампаниях по захвату и удержанию Иерусалима? Если рыцарство когда-либо было чем-то большим, чем плодом фантазии и сантиментов, то это было в ожесточенной борьбе, которая развернулась вокруг Святого Города. Достоинства феодализма никогда не

были так ярко продемонстрированы, как в тот короткий период, когда горстка рыцарей удерживала Иерусалим против группы враждебных народов. Отделенные долгими и опасными переходами от Европы, окруженные врагами, многочисленность которых делала ничтожными их собственные немногочисленные ряды, поддерживаемые храбростью, которую ничто не могло сломить, целеустремленностью, которую ничто не могло победить, умением владеть оружием, которое превращало их костяк армии в воинство, они долгое время поддерживали безнадежную борьбу христианской колонии против Азии с оружием в руках, чтобы уничтожить ее.

Танкред, Годфред де Бульон, Ричард и Саладин - имена, которые сделали рыцарство синонимом чести, верности и отваги. Их личные подвиги, равно как и более крупные достижения, в которых они сыграли свою роль, делают эпоху крестовых походов полем деятельности, благодаря которому литература обогатилась героическими персонажами и драматическими происшествиями со времен Рауля де Кана и Тассо до наших дней. Эти экспедиции представляют собой самый поразительный эпизод в европейской истории, вдохновленный религиозными чувствами, осуществляемый в самых опасных условиях, демонстрирующий в самых эффектных контрастах самые возвышенные и самые низменные страсти людей и с самого начала обреченный на катастрофический провал, который нависает над повествованием так же незримо, но так же неизбежно, как гибель, осеняющая греческую трагедию. Если бы у них не было более глубокого интереса, чем тот, который связан с широким и разнообразным раскрытием характера, с обширными и разнообразными достижениями, эти воинственные паломничества были бы достойны самого вдумчивого изучения.

Однако крестовые походы имеют более глубокое значение, чем когда-либо имели какие-либо отдельные персонажи или события, какими бы живописными или впечатляющими они ни были. Они привели две цивилизации к конфликту, и нет более важных событий, чем те, которые обеспечивают контакт разных цивилизаций. В современной истории ничто так не наводит на размышления о переменах, как чудесное возвращение западной цивилизации к восточной в Египте, Сирии, Индии и Японии. Соприкосновение западных знаний и мысли с восточными в Крестовых походах ни в коем случае не было столь плодотворным, как то, что произошло в результате завоеваний Александра, а позже и Рима, но оно не обошлось без больших результатов. Крестовые походы установили контакты между Востоком и Западом, которые, хотя и были часто враждебными, тем не менее оставляли открытым канал для того обмена мыслями и трудолюбием, который на единственном факультете сравнительной филологии сделал возможным удивительный прогресс в неожиданной области знаний. Изучение санскрита открыло эпоху в исторических и литературных исследованиях, которая, по словам профессора Фиске, будет не менее плодотворной для интеллектуального прогресса мира, чем эпоха Возрождения.

Крестовые походы впервые объединили воюющие государства Европы ради общей цели и общего предприятия. Это приучило перегруженных людей к мысли о более высокой власти, чем та особая тирания, при которой им довелось родиться, и таким образом подготовило почву для роста более широких идей власти и гражданственности. Могущество феодализма было заметно ослаблено катастрофами, которые постигали последовательные экспедиции, возглавляемые цветком рыцарства, и этот результат сделал возможным развертывание монархического принципа, которому суждено было сыграть столь важную роль в политическом развитии Европы. Короче говоря, массовые беспорядки, вызванные этими последовательными

экспедициями на Восток, заметно расшатали железные рамки феодальной тирании, которая держала европейское общество связанным и беспомощным, и путем постепенного распада подготовили почву для зарождения народных институтов.

Х. В. М.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Мы не из тех, кто думает, что читателям безразлично жизненное положение, поступки и судьба авторов, которые дают им наставления или доставляют удовольствие; рвение, с которым разыскиваются места рождения гениальных людей и их увековечивание; нежность, с которой описываются их самые незначительные поступки; и бесконечные коллекции их бесед и высказываний, которые составляются, доказывают, что этого не может быть.

В предисловии к мемуарам мы едва ли можем вдаваться в подробности жизни Мишо, которых, возможно, заслуживает этот предмет. Мишо был не просто писателем, историю которого можно прочитать в его произведениях. Он жил в знаменательный период и не был праздным наблюдателем проходящих событий; полная жизнь Мишо, действительно, превратилась бы в историю Франции с 1790 по 1839 год.

Жозеф Франсуа Мишо, родившийся в Альбенсе, в Савойе, 19 июня 1767 года, происходил из семьи, история которой восходит к десятому веку. Один из его предков, Хью Мишо де Корсель, был заслуженно отмечен императором Карлом V. Отец Джозефа был вынужден покинуть свою страну вследствие того, что его биограф называет проявлением мальчишеской опрометчивости, но мы предпочитаем связывать это с любыми воинственными деяниями вышеупомянутого Хью. Находясь на охоте, он решил перекусить в коттедже и застал хозяйку в величайшем отчаянии, ибо в момент его появления офицеры уносили ее скромную мебель за ничтожную сумму в шестьдесят франков. Он предложил заплатить эту сумму, если они поедут с ним к нему домой, но они отказались и продолжили свои операции в его присутствии. Это разозлило его до такой степени, что он пригрозил пустить в ход свое ружье и, в конце концов, нанес одному из них такой сильный удар прикладом, что тот скончался на месте. Он удалился в местечко близ Бурга, в Брессе, где женился; а впоследствии устроился нотариусом и комиссаром в Терьере, в этой провинции. Ранняя смерть оставила его вдову обремененной многочисленной семьей, в которой Джозеф был старшим. Несмотря на это бедствие, он получил превосходное образование в бурском колледже и приобрел большой авторитет как ритор и сочинитель французских стихов. Завершив учебу и несколько юношеских путешествий, ему стало необходимо определиться с способом добывания средств к существованию; и поскольку ограниченность средств его матери ограничивала его усилия торговлей, он поступил в дом книготорговца в Лионе, привлеченный, без сомнения, близостью между книготорговцем и

литератором. Он оставался здесь до 1790 года, когда прохождение богатой, влиятельной и интеллектуальной графини Фанни де Богарне через этот город побудило всех провинциальных муз сделать свои подношения великой даме. Среди поэтов Мишо пользовался таким успехом, что счел себя вправе последовать за ней в Париж с целью продолжить литературную карьеру под ее покровительством. Сразу же по прибытии он представил публике содержимое своего поэтического портфолио и вскоре стал сотрудником Серизье в *Универсальной газете*, а также Эсменара в *почтовом отделении*. Его взгляды и ранние связи привели его к партии роялистов, вступление в которую его талантов было очень приемлемым. Можно сказать, что он был верен своим цветам, несмотря на все бедствия несчастного дела, за которое он встал; ибо, несмотря на тюремное заключение, изгнание и неоднократные сокрытия, мы находим, что в 1799 году он опубликовал два сатирических памфлета против Бонапарта по приказу Людовика XVIII. Один из его побегов был так хорошо организован и осуществлен так своевременно, что мы предложим отчет о нем нашим читателям. Его отправили пленником в Париж, где он шел между двумя конными жандармами, которым было приказано не щадить его, и если усталость ослабит его скорость, они должны были освежить его плоскими сторонами своих сабель. Когда он въехал в Париж в таком жалком состоянии, его встретил его ревностный друг Жиге, чье горе только заставило его плодovitый мозг работать над изобретением средств для побега. Поскольку Мишо в течение многих дней вели из тюрьмы в Тюильри для допроса, Жиге сначала подумал, что лучшим способом было бы вышибить мозги двум сопровождавшим его жандармам; но это он отверг как недостойное гениального человека. Выбрав в рассказе Мишо момент, который соответствовал его цели, он остановил компанию и, притворившись, что ничего не знает об этом деле и не видел своего друга с момента его прибытия в Париж, принялся энергично расспрашивать о его здоровье, о том, что он делает, куда направляется, и настоял на том, чтобы позавтракать с ним. “Нет, нет,” ответил Мишо, “у меня там, в Тюильри, небольшое дело, нужно сказать всего несколько слов для объяснения — всего на пару минут. — Начинайте завтракать без меня, я скоро вернусь”. “Так не пойдет; так не пойдет; они не отправляют людей так быстро. Возможно, они начнут не с вас; давайте сначала позавтракаем. Осмелюсь заметить, что эти господа (указывая на жандармов) еще не завтракали и не будут возражать против котлеты и бокала бурдовского вина! а вот и лучший дом в Париже, совсем рядом. Жандармы, после небольшого колебания, позволили соблазнить себя, и вскоре заключенный, охранники и друзья удобно расположились за столом. Они едят, они пьют, произносят зажигательные тосты и немного разговаривают обо всем на свете; но в особенности о Брессе и о том хорошем настроении, которое там всегда царило, — но о молодках из Брессы! никогда еще не было такого вкусного блюда, как бресские цыплята! У жандармов потекли слюнки при одном их описании. “Parbleu, господа,” воскликнул Жиге, “поскольку вы никогда не пробовали наших деревенских молодок, я берусь убедить вас, что в восьмидесяти трех департаментах их нет. У нас полно времени; вы можете съесть еще немного, и аппетит придет вместе с выпивкой (и он наполнил бокалы). Официант, сюда! молодку по-бресски! никаких фокусов, имейте в виду; это должно быть из Брессы, а не из Мана. Но постойте, Мишо, вы разбираетесь в этих вещах лучше, чем кто-либо другой; присмотрите за этими ребятами, спуститесь на кухню и проследите, чтобы они нас не обманули. Доброго вам здоровья, джентльмены. Пока они пьют, Мишо встает и вскоре выходит из дома. Жиге сумел продержать охранников за столом еще полчаса, сказав, что его друг всего лишь наблюдает за приготовлением, потому что молодка по-бресски ничего не стоит, если ее не зажарить по-бресски; а когда они обнаружили, что Мишо на кухне нет, он заявил, что это либо шутка, либо он заболел и ушел домой; и ухитрился провести долгие бесполезные поиски способом, прямо противоположным тому, который, как он знал, избрал

покойный заключенный. Побег Мишо был счастливым, потому что в тот самый день совет приговорил его к смертной казни. Дружеское рвение бедняги Жиге стоило ему почти месяца тюремного заключения и даже поставило под угрозу его жизнь.

Карьера Бонапарта была настолько успешной, что, в конце концов, дальнейшее сопротивление показалось бесполезным, и Мишо даже написал хвалебные стихи о браке Наполеона с Марией Луизой и о рождении юного короля Рима. Но это подчинение обстоятельствам не было добровольным проявлением почтения; в глубине души он все еще был преданно предан бурбонам. Долгое время он сопротивлялся заманчивым предложениям императора, и один из его отказов, по своему остроумию, если не по своему патриотизму, почти заслуживает того, чтобы быть помещенным рядом с отказом Эндрю Марвела. Фонтен, эmissар Бонапарта, сказал ему: "Необходимо положить конец всякому сопротивлению; оно ослабевает с каждым днем. Приходите, делайте, как делают другие люди. Посмотрите, например, на Делиля, он только что получил пенсию в шесть тысяч франков". "О! что касается этого," ответил Мишо, "то он так напуган, что согласился бы на пенсию в сто тысяч франков, если бы вы предложили ее ему". Потомки, возможно, будут благодарны ему за то, что он ушел из политики в литературу. Во время одного из своих вынужденных изгнаний он написал свое прекрасное стихотворение "Le Printemps d'un Proscrit": впоследствии он стал сотрудничать со своим братом в качестве книготорговца и спланировал и исполнил произведения, список которых мы приведем ниже. Какого бы мнения ни придерживались о его талантах, более чем вероятно, что без его подразумеваемого подчинения Бонапарту он никогда бы не получил объект надежд всех французских авторов - бессмертного фотейля в Академии. Этой чести он удостоился в 1813 году и после публикации своего четвертого тома "Истории крестовых походов" имел удовольствие подписать себя "Рыцарем ордена Святого Иоанна Иерусалимского" и "Рыцарем Гроба Господня": титулы, которыми его без всякой просьбы наградили командоры, представляющие орден Святого Иоанна Иерусалимского во Франции.

Он с большой тревогой наблюдал за безумно амбициозной карьерой Бонапарта и с неподдельным восторгом приветствовал возвращение его покровителей, бурбонов. У него не было причин жаловаться на их неблагодарность, и он занял такое хорошее положение, на какое только мог рассчитывать литератор, когда побег с Эльбы в течение ста дней помешал его занятиям и подвергся значительной опасности. Он уехал из Парижа; вернулся снова и приготовился к борьбе; но, сочтя сопротивление опасным и бесполезным, он удалился в департамент Айн, где скрывался до тех пор, пока не утихла буря; его знаменитый журнал "Повседневная жизнь" тем временем выродился в "Дневник", или, скорее, как сказал один остроумец, "Дневник вчерашней ночи" ("La Feuille de la veille"); поскольку он редактировался только ножницами и не содержал ничего, кроме вырезок из "Moniteur" и других газет. безобидные дневники." Наин Жон "желтый карлик") нечестно воспользовался преимуществом врага, который, как он знал, не мог ему ответить, и наградил Мишо прозвищем "Великий магистр ордена Гасителей", которое закрепилось за ним с присущей бурликам настойчивостью на многие годы после второй реставрации Бурбонов. Он приветствовал это последнее событие публикацией брошюры под названием "История пятнадцати недель, или последнее царствование Бонапарта", которая имела большой тираж: за очень короткий период вышло двадцать семь ее изданий. После своего успеха как автора он расстался со своим братом - книготорговцем и продал свою долю в типографии, после 1815 года он посвятил себя продолжению своего великого труда о крестовых походах и даже расстался со своей частью "Всемирной биографии". Его любовь к политике привела его в это время к тому, что его вернули

на должность заместителя в департамент Ain: но увы! он обнаружил, что совсем другое дело для человека со слабым голосом и совершенно “непривычного к публичным выступлениям” сидеть и писать бесконтрольно и незаметно в своем кабинете — и подвергаться “вежливой отповеди” врага, который следит за твоими ошибками, исправляет их и безжалостно опровергает все твои любимые аргументы: после судебного разбирательства в течение одного заседания он ушел в отставку со своего депутатского поста и оставил все надежды на славу оратора.

Во время популярности его журнала *"Повседневность"* он был назначен королевским чтецом с жалованьем в 3000 франков; к этому назначению прилагалось несколько странное условие, что его никогда не будут привлекать к выполнению его обязанностей. После 1819 года, когда был разработан план скупки влиятельных журналов, Мишо и его коллегам-владельцам предложили за них 500 000 франков, от которых наш автор отказался. “Монсеньор, - сказал онобратившемуся к нему превосходительству, - есть только одна вещь, ради которой я мог бы поддаться искушению продать *Повседневность*, и это было бы немного здоровья. Если бы ты мог дать мне это, я мог бы позволить развратить себя”. Министр Виллель неоднократно возвращался к обвинению, но когда из-за растущего ухудшения своего здоровья шестидесятилетний Мишо расстался с большей частью своих акций журнала, это произошло только для того, чтобы передать их другому “я”, своему другу Лоренти.

Продолжая свою великую работу, он был удивлен, столкнувшись с огромным количеством материала, о котором и не мечтал, когда начинал ее; и у него возникла идея не только реконструировать свою историю, но и отправиться в Святую Землю в поисках дополнительной информации. Хотя было уже слишком поздно для такой попытки, слава ободрила его, и король Карл X. настолько благосклонно отнесся к этому, что выделил ему 25 000 франков на покрытие расходов. Он отправился в путь в начале 1830 года. Какое бы удовлетворение он ни получил от своего путешествия, оно, к сожалению, было омрачено новостями, которые он получал из Франции в тот богатый событиями год. В довершение своих горестей он также в этот период потерял 200 000 франков, большую часть своего состояния, которое он неосторожно передал в ненадежные руки. Однако он все еще обладал умеренной компетентностью и мог бы спокойно провести остаток своих дней, если бы не бесхозяйственность, которой так часто подвергаются семьи литераторов. По возвращении из Святой Земли он некоторое время пробыл в Италии, где был любезно принят своим законным сувереном Карлом Альбертом. В 1837 году он был назначен членом Академии надписей; но почести от монархов и академий не смогли отсрочить роковой час, и он умер в элегантной деревне Пасси 30 сентября 1839 года. По этому случаю был продемонстрирован пример того, что наш поэт называет “господствующей страстью, сильной в смерти”. Немногие авторы удостоивались большего преклонения, и никто не мог быть более жадным до него. Рассказываются экстраординарные случаи об обильных глотках этого опьяняющего напитка, которые ему предлагали, и о жадности, с которой он их глотал. “Никогда, - говорит его биограф, - хотя ему нравилось, когда его называли *Лафонтеном журналистики*, он не думал о второй басне о добром человеке”.^[1] Один из самых экстравагантных своих льстецов сказал другу, признавшемуся в последнем интервью: “При всей его слабости, ни малейшего следа упадка интеллекта; все та же легкость выражения, все та же ясность”. Это взволновало Мишо, на которого нежные слова искреннего друга только что не произвели никакого действия. Он вздрогнул и, выпрямившись в постели, дрожащим голосом воскликнул: “Да! да! все тот же! и все же...” - и он в изнеможении опустил на подушку: это были его последние слова!

Чтобы должным образом критиковать работы Мишо, потребовался бы целый том; поэтому мы можем предложить нашим читателям только список таких произведений, которые в силу своих достоинств и известности когда-либо попадут в поле зрения английских читателей. Его величайшая претензия на внимание потомков, несомненно, лежит перед нами, “История крестовых походов”, о которой его биограф, который, безусловно, менее склонен к восхвалению, чем кто-либо из тех, кого мы когда-либо видели берущимися за подобную задачу, очень справедливо говорит: “Без преувеличения, можно сказать, что это одно из самых ценных исторических произведений, созданных нашим веком. Ради ее завершения он пожертвовал почти каждым мгновением двадцати лучших лет своей жизни”. Никому из читателей не нужно объяснять, что это был труд любви.—Он был основателем и значительный вклад в “Ла биографическая картина Всемирной,” дело, которому могут позавидовать Англия Франция разработке и реализации; и если мы добавим его прекрасное стихотворение “Весна d'ООН Proscrit,” мы думаем, что назвать все, что он написал, что было бы интересно на сегодняшний день: и другие исторические труды, немощного, и политической петарды журналиста прошествии половины века, только тому, кто может писать истории того времени. В этом последнем смысле мы можем, однако, предположить, что он преуспел; с раннего возраста был связан с политикой и журналистикой; обладал живым воображением и большой свободой самовыражения; постоянно находился в мире и глубоко интересовался его событиями; мы можем представить, что его *работа в обществе*, о которой так много говорится, была пикантной и искрометной. Мы приводим пример, написанный после экспедиции Бонапарта в Египет:

Que de lauriers tombés dans l'eau,
Et que de fortunes perdues!
Que d'hommes courent au tombeau,
Pour porter Bonaparte aux nues!
Ce héros vaut son pesant d'or;
En France, personne n'en doute;
Mais il vaudrait bien plus encore,
S'il valoit tout ce qu'il nous coute.

Какие лавры падают в воду,
Какие состояния тонут, чтобы больше не подняться!
Какие люди лежат, окутанные пеленой смерти,
Чтобы Бонапарт мог покорить небеса!
Этот герой на вес золота;
Во Франции в этом никто не сомневается;
Но гораздо больше его ценность, если продать его
За ту цену, за которую он стоит, — или около того!

Его репутация как собеседника стоит даже выше, чем у нашего Кольриджа, ибо поток был таким же постоянным и обильным, и в то же время гораздо более прозрачным. В одном из наших биографических словарей английского языка сказано, что он был цензором прессы при Людовике XVIII, но мы считаем, что это неверно; действительно, это была должность, едва ли подходящая для редактора и владельца такого журнала, как *Quotidienne*. Он был членом

Академии и Института, рыцарем орденов святого Иоанна Иерусалимского и Гроба Господня и в течение короткого времени представителем департамента Айн. Это были его временные почести — гораздо более прочные и блестящие принадлежат ему как автору рассматриваемой нами работы.

W. R.

Введение.

История средних веков не представляет более впечатляющего зрелища, чем крестовые походы, в ходе которых народы Азии и Европы вооружались друг против друга, две религии боролись за превосходство и оспаривали мировую империю. После того, как мусульмане несколько раз угрожали ему и долгое время подвергались их вторжениям, внезапно Запад пробуждается и появляется, по выражению греческого историка, [2], чтобы оторваться от своего основания, чтобы обрушиться на Азию. Все нации отказываются от своих интересов и соперничества и видят на лице земли лишь одну-единственную страну, достойную честолюбивых замыслов завоевателей. Можно было бы поверить, что во вселенной больше не существует никакого другого города, кроме Иерусалима, или какого-либо другого пригодного для жизни места на земле, кроме того, где находится гробница Иисуса Христа. Все дороги, ведущие в священный город, залиты кровью и не представляют собой ничего, кроме разбросанной добычи и обломков империй.

В этой всеобщей неразберихе мы можем созерцать самые возвышенные добродетели, смешанные со всеми беспорядками самых диких страстей. Христианским воинам приходится в то же время бороться с голодом, влиянием климата и самыми грозными врагами; среди величайших опасностей, среди их успехов и постоянных разногласий ничто не может истощить ни их упорство, ни их покорность. После четырех лет усталости, страданий и побед крестоносцы берут Иерусалим; но поскольку их завоевания - это не результат мудрости и благоразумия, а плод слепого энтузиазма и плохо направленного героизма, они создают не что иное, как преходящую силу.

Знамя креста вскоре переходит из рук Годфри де Бульона в руки его слабых и слабоумных преемников. Иерусалим, ныне христианский город, вынужден снова обратиться за помощью к Западу. По голосу святого Бернара христиане берутся за оружие. Ведомые императором Германии и королем Франции, они отправляются на защиту Святой Земли; но среди них больше нет великих военачальников; в них нет ни капли великодушия или героической покорности, свойственных их отцам. Азия, которая без ужаса взирает на их приход, уже представляет собой новое зрелище. Ученики Магомета пробуждаются от своей апатии; их сразу охватывает неистовство, равное тому, которым вооружались их враги; они противопоставляют энтузиазм энтузиазму, фанатизм фанатизму и, в свою очередь, горят желанием пролить свою кровь в религиозной войне.

Дух раздора, разрушивший их власть, ощущается теперь только среди христиан. Роскошь и нравы Востока ослабляют мужество защитников креста и заставляют их забыть даже о цели священной войны. Иерусалим, стоивший крестоносцам столькой крови, снова попадает во власть неверных и становится завоеванием мудрого и воинственного князя, объединившего под своим знаменем силы Сирии и Египта.

Гений и удача Саладина наносят смертельный удар неуверенному в себе могуществу христиан на Востоке. Напрасно император Запада и два короля, прославленные своей храбростью, ставят себя во главе всех сил своих государств, чтобы освободить Палестину; эти новые армии крестоносцев повсюду встречаются с храбрыми врагами и непреодолимыми преградами, и все их объединенные усилия не приводят ни к чему, кроме грандиозных бедствий. Иерусалимское королевство, за руины которого они борются, больше не что иное, как пустое название; вскоре даже плен и страдания святого города перестают вызывать чувства благочестия и энтузиазма, которые они породили среди христиан. Крестоносцы, взявшиеся за оружие для ее освобождения, позволяют соблазнить себя богатствами Греции и останавливаются перед завоеванием Константинополя.

С этого времени дух крестоносцев начинает меняться; в то время как небольшое количество христиан все еще проливает свою кровь за освобождение гробницы Иисуса Христа, принцы и рыцари глухи ко всему, кроме голоса честолюбия. Папы довершают развращение истинного духа крестоносцев, подстрекая их своими проповедями против других христиан и против их собственных личных врагов. Затем священные войны перерастают в гражданские, в которых возмущаются как религия, так и человечество.

Эти злоупотребления во время крестовых походов и связанные с ними ужасные страсти ввергают Европу в беспорядок и анархию, когда благочестивый король вновь берется вооружить силы Запада против неверных и возродить среди крестоносцев дух, который воодушевлял сподвижников Годфри. Две войны, которыми руководил этот благочестивый вождь, более неудачны, чем все остальные. В первом мире миру предстает зрелище плененной армии и короля в оковах; во втором - могущественный монарх, умирающий на ее пепелище. Тогда иллюзия исчезает, и Иерусалим перестает привлекать все внимание Запада.

Вскоре после этого лицо Европы меняется; разум рассеивает варварство; крестовые походы больше не вызывают прежнего энтузиазма, и первым результатом цивилизации, которую они начинают распространять, является ослабление духа фанатизма, породившего их. Иногда предпринимаются несколько бесполезных усилий, чтобы вновь разжечь огонь, который так яростно горел в Европе и Азии. Народы настолько полностью оправились от благочестивого бреда крестовых походов, что, когда Германия обнаруживает угрозу со стороны мусульман, которые являются хозяевами Константинополя, знамя креста с трудом может собрать вокруг себя армию; и Европа, которая массово поднялась, чтобы напасть на неверных в Азии, оказывает им лишь слабое сопротивление на своих собственных территориях.

Такова, в нескольких словах, картина событий и революций, которые должен описать историк крестовых походов. Писатель, который опередил нас на два столетия и который называет историю крестовых походов *настоящей королевской историей*, удивлен молчанием, сохранившимся до его времени.^[3] “Я считаю прискорбным, - говорит он, - что такие люди, ни в чем не уступающие тем, кого так прославляли греки и римляне, впали в такую безвестность, что мы тщетно пытаемся выяснить, кто они были и что они делали; и они кажутся мне в высшей

степени виновными, которые, обладая ученостью и умением писать, оставили нас”. этими историями пренебрегли“. Теперь каждый должен придерживаться этого мнения и сожалеть, что наши великие писатели не затронули благородную тему крестовых походов. Когда я берусь восполнить нужду, вызванную их молчанием, я должным образом осознаю сложность этой задачи.

Те, кто среди нас писал древнюю историю, имели в качестве проводников историков Рима и Афин. Яркие краски Ливия, Тацита, Фукидида естественным образом ложились на их карандаши; но у меня нет образцов для подражания, и я вынужден заставить говорить тех историков средних веков, которых презирает наше время. Они редко поддерживали меня в моей работе очарованием своего стиля или элегантностью своих повествований; но если они и не преподали мне уроков писательского искусства, то, по крайней мере, передают мне события, интерес к которым компенсирует недостаток их таланта или моего. Возможно, при чтении этой истории будет обнаружено, что период, в который все поражает воображение, ничего не теряет, будучи представленным в простой и достоверной картине. На мой взгляд, нетронутый стиль наших старых историков, по-видимому, оживляет людей и характеры, которые они описывают; и если я извлек пользу из того, чему они меня научили, эпоха, в которую они жили, будет неплохо представлена на моих страницах. Мне было бы легко сурово осудить, как это обычно делается, их невежество и доверчивость, но я уважаю в них откровенность и прямоту периодов, интерпретаторами которых они являются. Не разделяя веры всему, что они говорят, я не пренебрег баснями, которые они нам рассказывают и которым верили их современники; ибо то, что считалось достойным доверия, затем помогает нам представить нравы наших предков и составляет существенную часть истории прошлых веков.

Теперь нам не требуется особой проницательности, чтобы обнаружить в наших древних хрониках, что является сказкой, а что нет. Гораздо труднее согласовать по некоторым пунктам часто противоречащие друг другу утверждения латинян, греков и сарацин и отделить в истории крестовых походов то, что относится к религиозному фанатизму, политике или человеческим страстям. Я не претендую на то, чтобы более искусно, чем другие, разрешать эти трудные проблемы или возвышаться над своим предметом, высказывая положительные суждения о нациях и эпохах, которые представят себя передо мной. Не вдаваясь в отступления, в которых всегда легко блеснуть ученостью, после скрупулезного изучения сохранившихся до нас исторических памятников, я честно расскажу то, что считаю правдой, и оставлю рассуждения эрудитам, а домыслы философам.

В эпоху, когда мнение о крестовых походах приобретает определенное значение, в первую очередь возникает вопрос, были ли войны крестовых походов справедливыми. На этот счет нам нечего ответить: в то время как крестоносцы верили, что повинуются самому Богу, нападая на сарацин на Востоке, последние, вторгшиеся в часть Азии, населенную христианами, овладевшие Испанией, угрожавшие Константинополю, побережьям Италии и нескольким странам Запада, не упрекали своих врагов в развязывании несправедливой войны и предоставляли удаче и победе решать вопрос, который почти всегда бесполезен.

Мы сочтем более важным в этой истории изучить, что было причиной и природой этих отдаленных войн и каково оказалось их влияние на цивилизацию. Крестовые походы были вызваны религиозным и военным духом, царившим в Европе в средние века. Любовь к оружию и религиозный пыл были двумя доминирующими страстями, которые, каким-то образом

смешиваясь, придавали друг другу взаимную энергию. Эти два великих принципа, объединившись и действуя сообща, породили священную войну и вознесли среди крестоносцев доблесть, покорность и героизм характера на высшую ступень возвышения.

Роль, которую союз этих двух принципов неизбежно сыграл в развязывании священных войн, будет ясно видна из нашего повествования. Нам будет гораздо труднее по достоинству оценить все результаты крестовых походов. Некоторые авторы не видели в этих великих экспедициях ничего, кроме самых прискорбных излишеств, без какой-либо пользы для веков, последовавших за ними; другие, напротив, утверждают, что именно им мы обязаны всеми благами цивилизации. В настоящее время в мои обязанности не входит рассматривать эти два противоречивых мнения. Не веря, что священные войны принесли либо все добро, либо весь вред, который им приписывают, следует признать, что они были источником горькой скорби для поколений, которые видели их или принимали в них участие; но, подобно бедствиям и бурям человеческой жизни, которые делают человека лучше и часто способствуют прогрессу его разума, они передали опыт народам; и можно сказать, что, серьезно взволновав и потрясши общество на какое-то время, они, в конце концов, значительно укрепили его основы. Это мнение, лишенное всякого духа преувеличения или системы, будет, возможно, казаться наиболее разумным; я, кроме того, испытываю некоторое удовольствие, принимая его, поскольку оно является утешительным для века, в который мы живем. Нынешнее поколение, ставшее свидетелем вспышки стольких страстей на политической арене, пережившее столько бедствий, не без интереса увидит, что Провидение иногда прибегает к великим революциям для просвещения человечества и обеспечения будущего процветания империй.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

Биографические сведения автора

Страница
vii

Введение в историю крестовых походов,

xv

КНИГА I.—300-1095 гг. н. э..

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Ранние паломничества в Святую Землю—Почитание Гроба Господня—Палестину посетили первые христиане—Иерусалим, их мирное убежище—Осквернен огнепоклонниками—Отвоеван Ираклием—Распространение религии Магомета—Поклонение волхвам, уничтоженное магометанством—Персидская империя, раздираемая междоусобицами—Анархия Персидского царства. Восток—Фанатизм и храбрость сарацин—Их завоевания—Язычество, уничтоженное мусульманством—Монархия готов свергнута—Карл Мартелл—Халиф Омар захватывает Иерусалим—Христиане, преследуемые мусульманами—Паломничества Петра Отшельника и т. д.—Гарун-аль-Рашид—Карл Великий—Осада Константинополя—Багдад—Завоевание арабов—Святой Бернар—Торговля Востока—Халифы Багдада—Фатимиты —Греки—Антиохия—Цимисхий, император

стр. 1-60.

греков—Фатимитские халифы захватывают Иерусалим—Халифы Каира—
Вильгельм Тирский—Преследования евреев—Паломников приветствуют
повсюду—Король Роберт—Мемфис—Вифлеем—Монастыри для паломников—
Больницы в Иерусалиме—Тайна искупления—Паломничества выдающихся
личностей, предшественников крестовых походов—Турки—Султан Мамух-Тогрул—
Бег—Победоносная карьера турок-Малек—Ша—Захваченный Иерусалим—
Никея—Греки—Племена сельджуков—Казнены одиннадцать императоров
Константинополя—Смерть Цимисхия—Военный пыл франков—Михаил Дукас—
Папа Григорий VII.—Власть пап—Рим—Папа Хильдебранд—Папа Виктор III.
подстрекает христиан взяться за оружие против неверных—Завоевания генуэзцев
и пизанцев—Петр Отшельник—Его беседы с патриархом Иерусалимским и папой
Урбаном II.—Крестовые походы, спровоцированные Петром—Первый определен
на соборе в Клермоне, созванном Урбаном II.—Энтузиазм в их пользу

КНИГА II.—1096-1097 гг. н.э..

Огромные армии, собранные в разных частях Европы—Петр Отшельник,
избранный полководец крестового похода—Противостоят венгры и болгары—
Семлин—Нисса—Крестоносцы достигают Константинополя—Алексий Комнин—
Жадность и жестокость крестоносцев—Их поражение и резня—Свежие армии,
присланные из Европы—Их выдающиеся лидеры—Они ведут войну против
греков—Союз Готфрида Бульонского с Алексеем Константинопольским—
Плачевное положение остатков армии Петра в Вифинии—Турецкая мощь—
Королевство Эзерум—Осада Ниццы—Битва при Горгони—Турки побеждены
крестоносцами—Султан Ниццы опустошает страну—Антиохетта—Икония—Тарс
захвачен Болдуином—Его конфликты с Танкредом—Захват Александретты и
Эдессы крестоносцами—Они прибывают в Месопотамию

КНИГА III.— 1097-1099 гг. н. э..

Крестоносцы повсюду торжествуют—Их страдания при переходе горы Тавр—
Входят в Сирию—Дамаск—Алеппо—Захват Халкиды и Артезии—Осада Антиохии—
Свено, король Дании—Варварское обращение с турками—Послы из Египта—
Город Гарем—Крестоносцев освобождают пизанцы и генуэзцы—Балдуин, принц
Эдессы—Захвачена Антиохия—Ссора Годфри де Бульона и Богемона—Кербога,
султан Моссула—Султан Персии посылает огромную армию против крестоносцев
—Сражения перед Антиохией—Страдания крестоносцев—Тонкая политика
Алексия—Кербога осаждает Антиохию—Притворные чудеса—Священное копье—
Речь Петра Отшельника к сарацинским вождям и надменный ответ Кербоги—
Сарацины побеждены крестоносцами—Примеры героической храбрости—
Великолепный лагерь Кербоги—Под сомнением чудесное влияние святого копья—
Смерть Балдуина, графа Эно—Смертельная эпидемия в Антиохии—Смерть
епископа Пюи—Покорность льва—Джеффри де ла Тур—Фульк и его вдова—Эмир
Хезас вступает в союз с крестоносцами и побеждает султана Алеппо—Письма,
переданные голубями—Чудесные явления—Захват Маараха—Завоевания
крестоносцами Сирии

стр. 61-
125.

стр. 126-
186.

КНИГА IV.-1099-1103 гг. н.э..

Крестоносцы берут их отъездом из Антиохии, и в марте Палестины—осада archas в Альпах—Понс-де-Balasu—Арнольд де Rohés, и его неверие в чудеса, фанатизм, из Barthélemi—Святое Копье—тяжелое испытание огнем—ненависть латинян к грекам,—Халиф Каира—Эмир Триполи разгромили—Палестина—Phœnicia—равнина включен в состав Арабского халифата—змей—Птолемаиду—Эммаус и Вифлеем—сигнализация с затмением—в г. Иерусалим—энтузиазм крестоносцев на первое видя ее—осада Иерусалима—унижения обрушились на христиан—фонтан Siloë—генуэзского флота зайти в порт Яффо—Гастон де Беарн—горе Елеонской—Адрес Арнольд де Rohés—выступление Петра отшельника крестоносцев—башня Танкреда—машины, используемые при осаде Иерусалима—сарацинские маги—чудесное явление Святого Георгия—крестоносцев вступить в Иерусалим штурмом—Creton Rheimhault—Эверард де Пюизе—мечеть Омара—убой мусульмане, и благочестивым усердием христиан—уничтожение евреев—богатство нашли в Иерусалиме—Открытие “Истинного Креста”—речь графа Фландрии—пророческие видения—Годфри избран королем Иерусалима—ликования среди христиан, и отчаяние мусульмане—Элегия Modhaffer Abyverdy—Afdhal, мусульманское командир—сигнал поражение сарацинов в Аскалон—Тассо—Годфри ссориться с Раймондом—осада Аскалона—Риу-де-Loheас—Стивен де Salviac—Питер де Salviac—смерть Гастона де Беарн—Петра Пустынника, и многие христианские лидеры вернулись в Европу—Уильям IX в., граф Фландрии, на Восточном—Уильям, граф де Невер, поражение от турок—сайт eude, герцога Бургундского, убитый—Конрад, Маршала Генриха I. Германии—Волк IX в., герцог Баварии—Хамберт-II ст., граф Савойский, отправляется в Святую Землю, Алексей, император Константинополя против крестоносцев—город Анкиру в плен—крестоносцы разгромлены турками—взятие Тортосы—нашествие татар—Тассо “Освобожденный Иерусалим”—тайнства Гастон де Беарн

ПП. 187-264.

Книга V.—А. Д. 1099-1148.

Королевство основал побед крестоносцев—Государство Палестина на тот период—политических мероприятий Годфри—Тверия захватил Танкред—осада Арсур—Иерусалим посещается многочисленными паломниками и заслуженных крестоносцев—архиепископа Daimbert избран патриархом Иерусалима “ассизы Иерусалима”—смерть Годфри,—его брат Болдуин избран королем—ведет успешные боевые действия против иноверцев Палестину, Египет, и т. д.—Cæsarea и Арсур осажден и захвачен—город Рамла взят сарацинами—госпитальеров Святого Иоанна—коварная политика Алексея—Жослен де Куртене—Балдуин взят в плен—Bohémond, князь Антиохии, посетил Италию и вернулся с большим войском против Алексея—его смерть—освобождение Болдуин—расстройства Антиохию—ссора между Балдуин и патриарх Иерусалима—генуэзцев и пизанцев флотов помощи крестоносцев—Осада и взятие Птолемаиду—армии Египта победил—Триполи, Biblies, Сарепта, включен в состав Арабского халифата, и Сидоне, взят крестоносцами—Сигур, принц Норвегии—“истинный крест”—смерть Танкреда—

ПП. 265-328.

христиане победили—Палестина опустошенный—смерти Балдуин—Балдуин дю Бург избран королем Иерусалима—в плен—Эсташ Гренье, регент—венецианцы уничтожить флот сарацин, и завоевать шин—релиз Болдуин в нескольких городах Египта захватил—Ismaëlians—Zengui, князь Mossoul—династии Atabecks—цветущее государство Антиохии, Эдессе, Триполи, и т. д.—Рыцари Св. Иоанна и Храм Гроба Господня—тамплиеры—смерти Балдуин дю Бург—Foulque был Анжуйского королем Иерусалима—Раймонд Poitiers назначен правителем Антиохии император Константинополя атак Антиохии—Мелисенды, королева Иерусалима—Балдуином III степени. восходит на трон—отступление от Бусра—страна Tracoonite—завоеваний Zengui—смерть Жослена де Куртенэ—Nouredin, сын Zengui, захват Эдессы, и угрожает Иерусалим

КНИГА VI.—Д. А. 1142-1148.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Европы вызвал второй крестовый поход надвигающейся опасности Иерусалима и Святой Земли—Святого аббата Бернара—Людовика VII. из Франции—он разрушает Витри, раскаивается, и определяет, на крестовый поход против неверных—папе Евгению III степени. призывает на помощь верующих—Понс, аббат Везелаи—Проповедь святого Бернарда—Государство Германской империи—Конрад III. созывает всеобщий сейм в Шпайерсе и участвует в крестовом походе—Многие выдающиеся личности принимают крест—Энтузиазм немцев—Конрад и Людовик VII. прибывают в Константинополь—Лицемерная политика императора и предательство греков—Тревога, вызванная солнечным затмением—Крестоносцы побеждены турками—Орифламма—Роковая ошибка Жоффруа де Рансона—Сообщение о смерти Людовика VII.—Эверард де Барр, великий магистр тамплиеров—Вероломная политика греков—Страдания греков Крестоносцы—Людовик VII. прибывает в Антиохию с небольшой частью своей армии—Элеонора Гиенская отвергнута своим мужем Людовиком VII.—Он направляется в Святую Землю—Конрад прибывает в Иерусалим—Балдуин III. призывает к войне—Крестоносцы осаждают Дамаск и терпят поражение—Аюб, отец Саладина—Склады—Крестоносцы в Испании и Португалии—Сугер, министр Франции—Печальные результаты этого крестового похода—Завоевания Нуреддина—Смерть Раймона, Джосселина, Сугера и Святого Бернарда

КНИГА VII.—1148-1188 гг. н.э..

ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Религия Магомета—Государство Востока во времена третьего крестового похода—Династии сарацин и турок почти уничтожены—Халифы Багдада, вожди исламизма—Героический характер Нуреддина—Захват Аскалона Балдуином III.—Смерть Балдуина—Его брат Амор избран его преемником—Расстроенное состояние Египта—Военные приготовления против захвата Балдуином Бильбейса—Сирийцы вторгаются в Египет—Балдуин женится на дочери императора Мануила—Совершает война с Египтом—Низложение и смерть халифа. Династия Фатимитов угасла—Обширная власть Нуреддина, султана

стр. 329-381.

стр. 382-450.

Алеппо и Дамаска—Саладин, визирь Египта—Смерть Нуреддина—Империя Атабеков приходит в упадок—Смерть Амора—Победы Саладина в Сирии—Балдуин IV, король Иерусалима—Мамлюки—Ги де Лузиньян—Рено де Шатийон—Возведен на трон Антиохии—Его различные военные авантюры—Восстание Ги де Лузиньяна—Расстроенное состояние Иерусалима—Интервью Генриха II. король Англии и Ираклий, патриарх Константинопольский —Филипп Август, король Франции —Смерть Балдуина IV. и V.—Ги де Лузиньян, правитель Иерусалима—Сибилла, дочь Амора—Тамплиеры потерпели сокрушительное поражение—Тверия взята Саладином—Катастрофическое поражение христиан—Захват “истинного креста”—Ги де Лузиньян и многие выдающиеся рыцари взяты в плен или убиты—Саладин захватывает Птолемаис, Аскалон, Газу и множество других городов Палестины—Он овладевает Иерусалимом—Страдания христиан—Архиепископ Тирский проповедует в поддержку священной войны—Генрих II. король Англии Ричард I и король Франции Филипп принимают решение о возобновлении священной войны—Преследования и массовые убийства евреев—Архиепископ Болдуин проповедует крестовый поход в Англии—Фредерик Барбаросса участвует в крестовом походе—Чудесное видение—Раздоры между греками и латинянами—Андроник Константинопольский свергнут с престола—Греки побеждены Барбароссой—Его победоносная карьера—Его смерть

КНИГА VIII.—1188-1192 гг. н.э..

Завоевания Саладина—Конрад Монферрат—осада Тира—Маркиз Монферрат—“Зеленый Рыцарь”—осада Триполи—Вильгельм, король Сицилии, участвует в священной войне—Адмирал Margaritt защищает Триполи—взятие Тортосы—героическая оборона Сагас—релиз от Ги де Лузиньяна—он осадил Птолемаиду, и его многочисленные конфликты с Саладином—описание Птолемаиду—Karacoush, министр Саладина—Конрад, маркиз Тирский, снаряжает флот в Святую Землю, храбрость мамелюки—смерти Андре де Бриенн—поражение крестоносцев в Птолемаиду Саладином—смерти Фридриха, герцога Швабии, и Сибилла, жена Ги де Лузиньян—споры о наследовании королевства Иерусалимского—Хамфри де Thorone—Конрад—Элеонора Гиени—Филиппа Франции прибывает в Палестину, Кипр, захваченный Ричардом I.—его брак с Беренгарией Наваррской—Джейн, королева Сицилии—Исаак Комнин—споров, уважение суверенитета Иерусалима—прибытие Ричарда I. до стены Птолемаиду—его ссоры с Филиппом Франции—конфликты с Саладином—Птолемаиду, приняты христианами—Ги де Шатильон, Жослен де Монморанси, и некоторые из храбрейших дворян Европы, убитый—магометане—Леопольда, герцога Австрии—Франции Филипп покидает Палестину, и возвращается во Францию—сражение Арсур—Аскалон разрушен Саладином, и восстановлен Ричард Иванович—Ричард походов на Иерусалим—Конрад убит—мирный договор между Ричардом и Саладином—Ги де Лузиньян получает суверенитет Кипра и Палестины отошла к Генри, граф Шампани—персонажи Ричарда I. и Саладина—Леопольда Австрийского задерживает Ричарда в плен—смерть Саладина Малек-Аделя овладевает Египет

ПП. 451-
509.

история

из

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

КНИГА I.

300-1095 гг. н. э.

С самых ранних веков существования Церкви существовал обычай совершать паломничества в Святую Землю. Иудея, полная религиозных воспоминаний, все еще оставалась землей обетованной для верующих; благословения небес, казалось, были уготованы тем, кто посетил Голгофу, гробницу Иисуса Христа, и обновил свое крещение в водах Иордана. В царствование Константина среди верующих возросло стремление к паломничеству; они стекались из всех провинций империи, чтобы поклониться Иисусу Христу на его собственной могиле и пройти по стопам своего Бога в этом городе, который только что вернул себе свое название и который благодаря благочестию императора восстал из руин. Взорам паломников предстал Гроб Господень, окруженный великолепиям, которое удвоило их почитание. Темная пещера превратилась в мраморный храм, вымощенный драгоценными камнями и украшенный великолепными колоннадами. К востоку от Гроба Господня появилась церковь Воскресения, в которой они могли любоваться богатствами Азии, смешанными с искусством Греции и Рима. Тридцать первый год своего правления Константин отпраздновал открытием этой церкви, и тысячи христиан пришли по случаю этого торжественного события послушать панегирик Христу из уст ученого и святого епископа Евсевия.

Святая Елена, мать императора, отправилась в Иерусалим в весьма преклонном возрасте и повелела построить церкви и приделы на горе Фавор, в городе Назарете и в большей части мест, которые Христос освятил своим присутствием и своими чудесами. С этого периода паломничества в Святую Землю стали гораздо более частыми. Паломники, больше не боявшиеся преследований язычников, могли теперь без страха отдаться пылу своей набожности; римские орлы, украшенные крестом Иисуса Христа, защищали их во время похода; они повсюду попирали ногами обломки идолов и путешествовали среди жилищ своих собратьев-христиан.

Когда император Юлиан, чтобы ослабить авторитет пророчеств, предпринял восстановление иудейского храма, было рассказано о многочисленных чудесах, которыми Бог нарушил его замыслы, и Иерусалим, даже благодаря этой попытке, стал еще более дорог ученикам Иисуса Христа. Христиане не переставали посещать Палестину. Святой Иероним, который к концу четвертого века удалился в Вифлеем, сообщает нам в одном из своих писем, что паломники

толпами прибывали в Иудею и что вокруг святого гроба были слышны восхваления Сына Божьего, произносимые на многих языках. Начиная с этого периода паломничества в Святую Землю были настолько многочисленными, что несколько врачей и отцов Церкви сочли своим долгом указать на злоупотребления и опасность этой практики. Они говорили христианам, что долгие путешествия могут сбить их с пути спасения; что их Бог не ограничивается одним городом; что Иисус Христос был повсюду, где можно было найти веру и добрые дела; но таково было слепое рвение, которое тогда влекло христиан к Иерусалиму, что голос святых учителей едва был услышан.[4] Советы просвещенного благочестия не смогли умерить пыл паломников, которые считали, что им недостает веры и усердия, если они не поклоняются Иисусу Христу в тех самых местах, где, по выражению святого Иеронима, свет Евангелия впервые воссиял с вершины святого креста.

Как только люди Запада обратились в христианство, они обратили свои взоры на Восток. Из глубин Галлии, из лесов Германии, из всех стран Европы прибывали новые христиане, спешившие посетить колыбель веры, которую они приняли. Маршрут, которым пользовались паломники, служил им проводником от берегов Роны и Дордони до берегов Иордана, а по возвращении из Иерусалима они побывали в главных городах Италии.[5]

Когда мир был опустошен готами, гуннами и вандалами, паломничества в Святую Землю нисколько не прерывались. Благочестивые путешественники были защищены гостеприимством варваров, которые начали уважать крест Христов и иногда даже следовали за паломниками в Иерусалим. В эти смутные времена бедный паломник, несший свою сумку и посох, часто проходил через поля резни и без страха путешествовал среди армий, которые угрожали империям Востока и Запада.

Знатные семьи Рима прибыли искать убежища в Иерусалиме и на могиле Иисуса Христа. Тогда христиане обрели на берегах Иордана тот мир, который, казалось, был изгнан из остального мира. Этот мир, длившийся несколько столетий, не был нарушен до правления Ираклия. При этом правлении армии персидского царя Косроя вторглись в Сирию, Палестину и Египет; святой город попал в руки огнепоклонников; завоеватели увели в плен огромное количество христиан и осквернили церкви Иисуса Христа. Все верующие оплакивали несчастья Иерусалима и проливали слезы, когда узнали, что персидский царь унес с собой среди трофеев побежденных крест Спасителя, который хранился в церкви Воскресения.

Наконец Небеса, тронутые молитвами и страданиями христиан, благословили оружие Ираклия, который после десяти лет неудач одержал победу над врагами христианства и империи и вернул в Иерусалим христиан, цепи которых он разорвал. Тогда можно было увидеть императора Востока, идущего босиком по улицам святого города и несущего на плечах на вершину Голгофы древо истинного креста, которое он считал самым славным трофеем своих побед. Эта впечатляющая церемония была праздником для жителей Иерусалима и христианской церкви, которая до сих пор каждый год отмечает память о ней.[6] Когда Ираклий вернулся в Константинополь, его приняли как освободителя христиан, и короли Запада прислали послов поздравить его.

Но радость верующих была недолгой. К началу VII века в отдаленном уголке Азии возникла новая религия, противоположная всем остальным, проповедовавшая господство и войну.

Магомет обещал завоевание мира своим ученикам, вышедшим почти нагими из Аравийских пустынь. Своей страстной доктриной он умел воспламенять воображение арабов, а на поле боя умел вдохновлять их своей безудержной храбростью. Его первые успехи, которые, должно быть, значительно превзошли его надежды, были подобны многим чудесам, укрепляя уверенность его сторонников и вселяя убежденность в умы слабых и колеблющихся. Политическое состояние Востока, казалось, не представляло никаких препятствий для развития секты, которая с самого своего зарождения проявляла себя повсюду с огнем и мечом. Поклонение волхвам стало вызывать презрение; евреи, рассеянные по всей Азии, были настроены против сабеев и разделились между собой; а христиане под именами еutihанцев, несториан, маронитов и иаковитов были заняты взаимным осыпанием друг друга анафемами. Персидская империя, раздираемая междоусобными войнами и атакованная варварскими народами Татари, утратила и свою мощь, и великолепие; империя греков, ослабленная как внутри, так и снаружи, приближалась к своему падению; “на Востоке все погибало”, - говорит Боссюэ. Новая религия, новая империя легко возникли среди руин. Вооруженная доктрина Магомета за очень короткий период захватила три Аравии, часть Сирии и значительную часть Персии.

После смерти Пророка из Мекки его помощники и соратники по его первым подвигам продолжили его великую работу. Вид завоеванных провинций только усилил фанатизм и храбрость сарацин. Они не боялись смерти на поле боя, ибо, согласно словам их пророка, рай со всеми его сладострастными удовольствиями ожидал тех, кто бросался на врага, а за их спинами открывались свои бездны ада. Их завоевания были тем более быстрыми, что они объединились в своем военном и религиозном правлении, быстро приняли решение о деспотизме со всеми страстями, которые встречаются в республике. Хозяева Персии и Сирии, они вскоре овладели Египтом; их победоносные батальоны хлынули в Африку, водрузили знамя Пророка на развалинах Карфагена и принесли ужас своего оружия к берегам Атлантики. От Индии до Кадисского пролива и от Каспийского моря до океана язык, нравы, религия - все изменилось; то, что осталось от язычества, было уничтожено вместе с культом волхвов; христианство едва уцелело, и самой Европе угрожало подобное разрушение. Константинополь, который был оплотом Запада, видел перед своими стенами неисчислимые орды сарацин: несколько раз осажденный как с моря, так и с суши, город Константина был обязан своей безопасностью только греческому огню, помощи болгар и неопытности арабов в искусстве мореплавания.

В первую эпоху Хиджры завоевания мусульман были ограничены только морем, отделявшим их от Европы; но когда они построили корабли, ни одна нация не была в безопасности от их вторжения; они опустошали острова Средиземного моря, побережья Италии и Греции; удача или измена сделали их хозяевами Испании, где они свергли монархию готов; они воспользовались слабостью детей Хлодвига, чтобы проникнуть в южные провинции Галлии, и их вторжения были остановлены только римлянами. победы Шарля Мартеля.

Во время первых завоеваний сарацин они обратили свои взоры на Иерусалим. Согласно вере мусульман, Магомет побывал в городе Давида и Соломона; именно из Иерусалима он отправился в свое ночное путешествие, чтобы вознестись на небеса. Сарацины считали Иерусалим домом Божиим, городом святых и чудес. Вскоре после смерти Пророка воины Омара осадили его. Христиане, охваченные отчаянием, поклялись защищать город. Осада длилась четыре месяца, каждый день был отмечен вылазками или атаками; сарацины, приближаясь к стенам, повторяли слова Корана: “Войдем в святую землю, которую обещал нам Бог”.

Претерпев все невзгоды долгой осады, жители Иерусалима, наконец, сдались халифу Омару, который сам прибыл в Палестину, чтобы получить ключи и покорность завоеванного города.

Христиане имели горе видеть, как храм Гроба Господня был осквернен присутствием главы неверных. Патриарх Софроний, сопровождавший халифа, не смог удержаться от повторения этих слов Даниила: “Мерзость запустения находится на святом месте”. Иерусалим был полон траура, мрачная тишина царила в церквях и во всех местах, где так долго звучали христианские гимны. Хотя Омар оставил им право совершать богослужения, они были вынуждены прятать свои кресты и священные книги. Колокол больше не призывал верующих к молитве; пышность церемоний была запрещена, и религия предстала лишь в виде безутешной вдовы. Халиф приказал воздвигнуть мечеть на том месте, где был построен храм Соломона. Вид этого здания, посвященного богослужению неверных, еще больше усугублял страдания христиан. История повествует, что патриарх Софроний не смог вынести зрелища стольких профанаций и умер в отчаянии, сожалея о несчастьях и пленении святого города.

Между тем присутствие Омара, умеренностью которого может похвастаться Восток, сдерживало ревнивый фанатизм мусульман. После его смерти верующим пришлось гораздо больше страдать; их изгнали из их домов, оскорбляли в их церквях; дань, которую они должны были платить новым хозяевам Палестины, была увеличена, и им было запрещено носить оружие или ездить верхом. Кожаный пояс, без которого им никогда не разрешалось ходить, был знаком их рабства; завоеватели не позволяли христианам говорить на арабском языке, священном для последователей Корана; а люди, оставшиеся верными Иисусу Христу, не имели права даже произносить имя иерусалимского патриарха без разрешения сарацин.

Все эти преследования не могли остановить толпу христиан, которые направлялись в Иерусалим; вид святого города придавал им мужества и усиливал их преданность. Не было такого зла, такого безобразия, которое они не могли бы перенести со смирением, когда вспомнили, что Христос был закован в цепи и умер на кресте в тех местах, которые они собирались посетить. Среди верующих Запада, прибывших в Азию в разгар ранних завоеваний мусульман, история сохранила имена св. Аркульф и святой Антонин Плезанские.^[7] Последний отличился оружием, когда решил следовать за паломниками, направлявшимися в Иерусалим. Он пересек Сирию, Палестину и Египет. Когда он прибыл на берега Иордана, Иудея еще не попала в руки неверных; но слава об их победах уже наполнила Восток, и их армии угрожали святому городу. Через несколько лет после паломничества святого Антонина Аркульф в сопровождении Петра, французского отшельника, отплыл от берегов Англии на судне, направлявшемся в Сирию. Девять месяцев он оставался в Иерусалиме, находившемся тогда под властью врагов Христа. Вернувшись в Европу, он рассказал о том, что видел в Палестине, и во всех священных местах, которые посещали паломники Запада. Отчет о его паломничестве был составлен святым монахом с Гебридских островов для сведения и назидания верующих.

Христиане Палестины, однако, пользовались небольшими промежутками безопасности во время гражданских войн мусульман.^[8] Если бы они не были освобождены от своего рабства, они могли бы, по крайней мере, спокойно поплакать на могиле Христа. Династия Оммиадов, основавшая резиденцию мусульманской империи в Дамаске, всегда была ненавистна всегда грозной партии Алидов и занималась не столько преследованием христиан, сколько сохранением своей собственной шаткой власти. Мерван II, последний халиф этого дома, был самым жестоким по отношению к ученикам Христа; и когда он со всей своей семьей пал под

властью своих врагов, христиане и неверные объединились в благодарности небесам за избавление Востока от его тирании.

Аббасиды, обосновавшиеся в городе Багдад, который они сами основали, по очереди преследовали христиан и терпимо относились к ним. Христиане, всегда живущие между страхом преследований и надеждой на временную безопасность, увидели, наконец, перспективу более счастливых дней, наступивших для них с правлением Гаруна аль-Рашида, величайшего халифа из рода Аббаса. При этом правлении слава Карла Великого, достигшая Азии, защищала церкви Востока.^[9] Его благочестивая щедрость облегчила нужду христиан Александрии, Карфагена и Иерусалима. Два величайших государя своего времени свидетельствовали о своем взаимном уважении частыми посольствами; они посылали друг другу великолепные подарки; и в дружеских отношениях двух могущественных монархов Восток и Запад обменивались богатейшими плодами своей земли и своей промышленности. Подарки Гаруна вызвали живое удивление при дворе Карла Великого и дали высокое представление об искусстве и богатствах Азии. Монарх франков с удовольствием демонстрировал посланцам халифа великолепие религиозных церемоний христиан. Свидетели нескольких процессий в Экс-ла-Шапель, во время которых духовенство демонстрировало все свои самые драгоценные украшения, послы по возвращении в Багдад сообщили, что видели *золотых людей*.

В знаках уважения, которые Гарун расточал самому могущественному из принцев Запада, несомненно, была политика. Он вел войну против императоров Константинополя и мог справедливо опасаться, что они заинтересуют в своем деле самых храбрых христиан. Народные предания Византии предсказывали, что латиняне когда-нибудь станут освободителями Греции; и во время одной из первых осад Константинополя сарацинами одно только известие о приходе франков оживило мужество осажденных и вселило ужас в ряды мусульман. Во времена Гаруна название Иерусалима уже оказывало столь сильное влияние на христиан Запада, что этого было достаточно, чтобы пробудить их воинственный энтузиазм и собрать армии для борьбы с неверными. Чтобы отнять у франков любой предлог для религиозной войны, который мог бы заставить их встать на сторону греков и завлечь их в Азию, халиф не упустил ни одной возможности заручиться дружбой Карла Великого; и приказал вручить ему ключи от святого города и гроба Господня^[10]. Это почтение, оказанное величайшему из христианских монархов, с энтузиазмом воспевалось в современных легендах, которые впоследствии заставили поверить, что этот принц совершил путешествие и завершил завоевание Иерусалима.^[11]

Гарун обращался с христианами Латинской церкви как со своими подданными, и дети халифа подражали его сдержанности. Под их властью Багдад был обителью наук и искусств. Халиф Алмамун, говорит арабский историк, не был невежественен в том, что те, кто трудится над развитием разума, являются избранниками Бога. Интеллект отшлифовал манеры вождей исламизма и внушил им терпимость, до того времени неизвестную мусульманам. В то время как африканские арабы продолжали свои завоевания на Западе, пока они овладевали Сицилией, а сам Рим видел, как неверные вторгались в его пригороды и разграбляли церкви Святых Петра и Павла, слуги Иисуса Христа молились в мире в стенах Иерусалима.^[12] Паломники Запада, которые прибыли туда без опасности, были приняты в больницы, основание которой приписывают Карлу Великому. Согласно отчету монаха Бернарда,^[13] который сам совершил паломничество в Святую Землю, примерно в середине девятого века больница для паломников Латинской церкви состояла из двенадцати домов или гостиниц. К этому благочестивому заведению были пристроены поля, виноградники и сад, расположенные в долине Иосафат. В

этом госпитале, как и в тех, что император Запада основал на севере Европы, была библиотека, всегда открытая для христиан и путешественников. С десятого века по соседству с Силойским источником существовало кладбище, на котором хоронили паломников, умерших в Иерусалиме. Среди могил верующих обитали слуги Божьи. Это место, говорится в рассказе святого Антонина, покрытое фруктовыми деревьями, усеянное гробницами и скромными кельями, объединяет мертвых и живых и представляет собой одновременно веселую и печальную картину.

К желанию посетить иерусалимскую гробницу присоединилось искреннее желание приобрести реликвии, которые затем с рвением разыскивались преданными верующими. Все, кто вернулся с Востока, прославились тем, что привезли в свою страну некоторые драгоценные остатки христианской древности, и прежде всего кости святых мучеников, которые составляли украшение и богатство их церквей и на которых князья и короли клялись уважать истину и справедливость. Азиатские постановки также привлекли внимание жителей Европы. Мы читаем в[14] Григорий Турский, что вино Газы прославлялось во Франции во времена правления Гонтрана;[15] что шелк и драгоценные камни Востока придавали платьям великолепие о великих и благородных; и что святой Элуа при дворе Дагоберта не гнушался одеваться в богатые одежды Азии. Торговля привлекла огромное количество европейцев в Египет, Сирию и Палестину. Венецианцы, генуэзцы, пизанцы - купцы из Амальфи и Марселя — имели все магазины в Александрии, в приморских городах Финикии и в городе Иерусалиме. Перед церковью Святой Марии-ла-Латин, говорит уже цитировавшийся монах Бернар, простиралась большая площадь, которая называлась Рынком франков. Каждый год 15 сентября на горе Голгофа открывалась ярмарка, на которой производился обмен продукции Европы на продукцию Востока.

Греческие и сирийские христиане утвердились даже в городе Багдад, где они посвятили себя торговле, практиковали искусство медицины и развивали науки. Благодаря своей учености они достигали самых значительных должностей и иногда даже получали командование городами и управление провинциями. Один из халифов рода Аббаса[16] заявил, что ученики Христа были самыми достойными, которым можно было доверить управление Персией. Короче говоря, христианам Палестины и мусульманских провинций, паломникам и путешественникам, вернувшимся с Востока, казалось, больше не нужно было опасаться никаких преследований, когда внезапно на Востоке разразились новые бури. Дети Гаруна вскоре разделили судьбу потомства Карла Великого, и Азия, как и Запад, погрузилась в ужасы анархии и гражданской войны.

Поскольку империя, основанная Магометом, имела своим принципом дух завоевания; поскольку государство не было защищено никаким предусмотрительным учреждением; и поскольку все зависело от личного характера правителя, легко можно было заметить, что симптомы упадка начали проявляться, как только не осталось ничего другого, что можно было бы завоевывать, и вожди перестали либо внушать страх, либо внушать уважение. Багдадские халифы, изнеженные роскошью и развращенные долгим процветанием, оставили заботы империи, похоронили себя в своих сералях и, по-видимому, не оставляли за собой никакого другого права, кроме права быть названными по имени в публичных молитвах. Арабами больше не руководили то слепое рвение и тот пламенный фанатизм, которые они принесли с собой из

пустыни. Выродившиеся, как и их вожди, они больше не походили на своих воинственных предков, которые плакали бы из-за того, что не присутствовали в битве. Власть халифов потеряла своих истинных защитников; и когда деспотизм окружил себя рабами, купленными на берегах Окса, это иностранное ополчение, призванное защищать трон, только ускорило его падение. Новые сектанты, соблазненные примером Магомета и убежденные, что мир будет повиноваться тем, кто изменит его нравы или мнения, добавили опасность религиозных разногласий к опасности политических проблем. Посреди всеобщего смятения эмиры или наместники, несколько из которых управляли обширными королевствами, больше не предлагали ничего, кроме тщеславного почтения преемнику Пророка, и отказывались посылать ему ни денег, ни войск. Гигантская империя аббасидов рушилась со всех сторон, и мир, по выражению одного арабского писателя, был в пределах досягаемости того, кто завладеет им. Духовная власть сама по себе была разделена; исланизм видел одновременно пять халифов, каждый из которых принял титул повелителя правоверных и наместника Магомета.

Многочисленные династии, возникшие среди смут Азии, делили между собой добычу багдадских государей; те, которые правили Персией и берегами Тигра под предлогом защиты мусульманской религии, подвергали своих духовных вождей самому унижительному подчинению. В то же время фатимиты, которые выдавали себя за потомков Али и узурпировали титул халифа, собрали армии и предали анафеме аббасидов; они овладели Египтом и угрожали вторгнуться в Сирию, и двинуться на Багдад, и свергнуть наместников Пророка.

Затем греки, по-видимому, очнулись от долгого бездействия и попытались воспользоваться разногласиями и унижением сарацин. Никифор Фока выступил в поход во главе мощной армии и отбил Антиохию у мусульман. Жители Константинополя уже праздновали его триумфы и называли его *“звездой Востока, смертью и бичом неверных”*. Возможно, он заслужил бы эти титулы, если бы греческое духовенство поддержало его усилия. Никифор желал придать этой войне^[17] религиозный характер и возвести в ранг мучеников всех, кто должен пасть в ходе ее ведения. Прелаты его империи осудили его замысел как кощунственный, и противопоставили ему канон святого Василия Блаженного, текст которого рекомендовал тому, кто убил врага, воздерживаться в течение трех лет от участия в святых тайнах. Лишенный мощного стимула фанатизма, Никифор нашел среди греков больше панегириков, чем солдат, и не мог воспользоваться своими преимуществами в борьбе с сарацинами, которым даже в период их упадка религия предписывала сопротивление и сулила победу. Его триумфы, которые с энтузиазмом отмечались в Константинополе, ограничились взятием Антиохии и послужили лишь началу гонений на христиан Палестины. Патриарх Иерусалимский, обвиненный в поддержании взаимопонимания с греками, скончался на костре, а несколько церквей святого города были преданы огню.

Греческая армия под командованием Темелика подошла к воротам Амиды, города, расположенного на берегах Тигра. Эта армия была атакована сарацинами в разгар урагана, которые обратили ее в бегство и взяли большое количество пленных. Христианские солдаты, попавшие в руки неверных, слышали в багдадских тюрьмах о смерти Никифора; и поскольку Цимисхий, его преемник, не обратил внимания на их освобождение, их начальник написал ему в следующих выражениях: “Ты, оставляющий нас погибать в проклятой земле и не считающий нас достойными быть похороненными, согласно христианским обычаям, в гробницах наших отцов, мы не можем признать тебя законным главой священной греческой империи. Если ты не отомстишь за тех, кто пал перед Амидой, и за тех, кто сейчас вздыхает в чужих землях, Бог

потребуется от тебя строгого отчета за них в страшный судный день”. Когда Цимисхий получил это письмо в Константинополе, говорит армянский историк,^[18] он был охвачен горем и решил отомстить за оскорбление, нанесенное религии и империи. Со всех сторон были начаты приготовления к новой войне против сарацин. Народы Запада не были новичками в этом предприятии, которое более чем за год предшествовало первому из Крестовых походов. Венеция, которая в то время наслаждалась торговлей с Востоком, запретила своему народу под страхом смерти передавать мусульманам Африки и Азии железо, дерево или какие-либо другие виды оружия. Христиане Сирии и несколько армянских князей встали под знамена Цимисхия, который выступил в поход и повел войну на территории сарацин. Столь велика была неразбериха, царившая тогда среди мусульманских держав, и с такой быстротой одна династия сменяла другую, что история едва ли может различить, какой принц,^[19] или какой народ правил Палестиной и Иерусалимом. Разгромив мусульман на берегах Тигра и заставив багдадского халифа платить дань преемникам Константина, Цимисхий почти без сопротивления проник в Иудею, овладел Кесарией, Птолемаидой, Тивериадой, Назаретом и несколькими другими городами Святой Земли. Он стоял лагерем на Фаворе, когда принял депутацию жителей Рамалы и Иерусалима, которые обещали ему повиновение и требовали от него войск для защиты их городов. Цимисхий благосклонно воспринял их представление и просьбу,^[20] и преследовал остатки сарацинской армии, которые искали убежища в некоторых городах Финикии и в горах Ливана.

После этой первой кампании Святая Земля, казалось, была на пороге полного освобождения от ига неверных, когда император умер отравленным. Его смерть в какой-то степени положила конец осуществлению проекта, душой и руководителем которого он был. Едва христианские народы успели порадоваться освобождению Иерусалима, как они узнали, что святой город снова попал в руки фатимитских халифов, которые после смерти Цимисхия вторглись в Сирию и Палестину.

Каирские халифы, воспользовавшиеся временными завоеваниями греков для расширения своей империи, поначалу относились к христианам как к союзникам и вспомогательным средствам. В надежде обогатить свои новые владения и устранить зло войны, они поощряли торговлю европейцев и терпимо относились к паломничествам в Святую Землю. В городе Иерусалиме были восстановлены рынки франков; христиане отстроили больницы для паломников и церкви, которые приходили в упадок. Они начали забывать о мирном господстве аббасидов и радовались тому, что живут по законам каирских монархов; и еще большее право имели они надеяться, что всем их бедам вот-вот придет конец, когда они увидели, что халиф Хаким, мать которого была христианкой, взошел на трон. Но Бог, который, по выражению современных авторов, желал испытать добродетели верующих, не замедлил опровергнуть их надежды и возбудить против них новые гонения.

Хаким, третий из фатимитских халифов, ознаменовал свое правление всеми проявлениями фанатизма и негодования. Непокколебимый в своих собственных проектах и колеблющийся между двумя религиями, он по очереди защищал христианство и преследовал его. Он не уважал ни политику своих предшественников, ни законы, которые установил сам. На следующий день он изменил то, что установил накануне, и посеял беспорядок и неразбериху по всем своим владениям. В экстравагантности своего ума и опьянении властью он зашел в своем безумии так далеко, что возомнил себя богом. Ужас, который он внушал, обеспечил ему поклонников, и в окрестностях Фостата, который он предал огню, были воздвигнуты ему алтари.

Шестнадцать тысяч его подданных пали ниц перед ним и поклонялись ему как повелителю живых и мертвых.

Хаким презирал Магомета, но мусульман в его государстве было слишком много, чтобы он мог думать о преследовании них. Бог трепетал за власть князя и позволил всему своему гневу обрушиться на христиан, которых он предал ярости их врагов. Места, которые христиане занимали в администрации, и злоупотребления, допущенные при взимании податей, в обязанности которых они были вменены, навлекли на них ненависть всех мусульман. Когда халиф Хаким однажды подал сигнал к преследованию, он не почувствовал никаких потерь от палачей. Сначала те, кто злоупотреблял своей властью, были объектами преследования; христианская религия стала следующим преступлением, и самые благочестивые из верующих считались наиболее виноватыми. Кровь христиан лилась во всех городах Египта и Сирии, их мужество посреди мучений только усиливало ненависть их преследователей. Жалобы, которые вырывались у них во время страданий, даже молитвы, с которыми они обращались к Иисусу Христу, чтобы положить конец их злу, рассматривались как бунт и карались как самая гнусная измена.

Вполне вероятно, что в преследовании христиан политические мотивы сочетались с мотивами фанатизма. Герберт, архиепископ Равенны, ставший папой под именем Сильвестра II, был свидетелем бед, которым подвергались верующие во время своих паломничеств в Иерусалим. По возвращении он призвал народы Запада взяться за оружие против сарацин. В своих увещеваниях он заставил заговорить саму Иерусалим, заставил ее сожалеть о своих несчастьях и умолять своих христианских детей поторопиться и разорвать ее цепи. Люди были глубоко тронуты жалобами и столами Сиона. Пизанцы, генуэзцы и Бозон, король Арля, предприняли морскую экспедицию против сарацин и совершили вторжение на побережье Сирии. Эти враждебные действия и число паломников, которые увеличивались с каждым днем, вполне могли вызвать недоверие к мастерам Востока. Сарацины, встревоженные зловещими предсказаниями и неосторожными угрозами христиан, не видели в учениках Христа ничего, кроме врагов; с тех пор ужас и смерть охраняли ворота Иерусалима.

Невозможно, говорит Вильгельм Тирский, описать все виды преследований, которым тогда подвергались христиане. Среди примеров варварства, приводимых историками, есть один, который навел Тассо на мысль о его трогательном эпизоде с Олиндом и Софронией. Один из злейших врагов христиан, чтобы усилить ненависть их преследователей, ночью подбросил дохлую собаку в одну из главных мечетей города. Первые, кто отправился туда на утреннюю молитву, были охвачены ужасом при виде этого осквернения и громко выразили свой гнев. Вскоре во всех частях города раздались угрожающие крики; толпа в состоянии сильного возбуждения собралась вокруг мечети; христиан сразу же обвинили в этом акте святотатства, и все поклялись смыть оскорбление, нанесенное их пророку, кровью виновных. Все христиане должны были быть принесены в жертву мести мусульман, и они уже были готовы к смерти, когда среди них появился молодой человек, имени которого история не сохранила. “Величайшим несчастьем, которое могло бы случиться, - сказал он, - было бы то, что Иерусалимская церковь погибла бы. Когда народу угрожает уничтожение, справедливо, что один человек должен пожертвовать собой ради спасения всех; я здесь и сейчас приношу себя в жертву, чтобы умереть за вас; на вас я возлагаю обязанность воздать должное моей памяти, и я вверяю себя вашим молитвам”. Произнеся эти слова, повергшие собрание в слезы, он покинул его и отправился к вождям мусульман; он объявил себя одного виновником преступления,

вменяемого христианам, и призвал на себя смерть, которой угрожали его братьям. Мусульмане, несколько не тронутые его великодушной преданностью, были удовлетворены жертвой, принесшей себя в жертву их мести: меч больше не был занесен над головами христиан, и тот, кто принес себя в жертву ради их безопасности, отправился, по выражению Вильгельма Тирского,^[21] получить на небесах награду, предназначенную для тех, чьи умы горят любовью к богу. совершенное милосердие.

Тем не менее христиан Палестины ожидали и другие несчастья; все религиозные церемонии были запрещены; большая часть церквей была превращена в конюшни; храм Гроба Господня был полностью разрушен. Христиане, изгнанные из Иерусалима, были рассеяны по странам Востока. Древние историки рассказывают, что мир принял участие в оплакивании святого города и был охвачен тревогой и ужасом. Зима с ее морозами и штормами проявила себя в регионах, где до того времени она была неизвестна. Босфор и Нил покрылись ледяными покровами. Землетрясения ощущались в Сирии и Малой Азии, и их толчки, которые повторялись в течение двух месяцев, разрушили несколько крупных городов. Когда сообщение о разрушении святых мест дошло до Запада, это вызвало слезы у всех истинных христиан. Мы читаем в хронике монаха Глабра, что Европе также были представлены знамения, предвещавшие великие бедствия: в Бургундии обрушился каменный дождь, а в небесах появились комета и угрожающие метеориты. Волнение было чрезвычайным среди всех христианских народов; тем не менее, они не подняли оружия против мусульман, но вся их месть обрушилась на евреев, которых вся Европа обвиняла в том, что они вызвали ярость неверных.

Бедствия, постигшие святой город, сделали его еще более почитаемым в глазах верующих; преследования удвоили благочестивый восторг тех, кто отправлялся в Азию, чтобы посмотреть на город, покрытый руинами, и увидеть пустую гробницу. Именно в Иерусалиме, наполненном скорбью, Бог наиболее явно раздавал свои благословения и с радостью указывал на свою волю. Самозванцы постоянно пользовались этим мнением христианского народа, чтобы ввести в заблуждение доверчивые массы. Чтобы поверить в правдивость их слов, было вполне достаточно предъявить письма, которые, по их словам, упали с небес в Иерусалим. В этот период предсказание, в котором было объявлено^[22] о конце света и приближающемся пришествии Иисуса Христа в Палестину, очень сильно усилило почитание людьми святых мест. Христиане Запада толпами прибывали в Иерусалим с намерением умереть там или там ожидать прихода верховного судьи. Монах Глабер сообщает нам, что наплыв паломников превзошел все, что можно было ожидать от набожности тех далеких времен. Сначала на священном шествии были замечены бедняки и низшие классы, затем графы, бароны и принцы, все они считали ничтожным величие земли.

Непостоянство Хакима в какой-то степени смягчило бедствия Иерусалима, и он только что предоставил христианам свободу восстанавливать свои церкви, когда сам погиб от руки убийцы. Его преемник, руководствуясь более мудрой политикой, терпимо относился как к паломничеству, так и к исповеданию христианской религии. Церковь Гроба Господня была полностью восстановлена только через тридцать лет после ее разрушения, но зрелище ее руин все еще воспламеняло рвение и набожность христиан.

В XI веке Латинская церковь разрешила паломничество вместо канонического покаяния; грешники были обречены на то, чтобы на время покинуть свою страну и вести бродячую жизнь

по примеру Каина. Такой способ совершения покаяния лучше соответствовал активному и беспокойному характеру людей Запада. Следует добавить, что благочестивые паломничества, каковы бы ни были взгляды просвещенной философии, были приняты и даже поощрялись во всех религиях. Это тоже относится к чувству, естественному для человека. Если вид земли, некогда населенной героями и мудрецами, пробуждает в нас трогательные и благородные воспоминания; если душа философа трепещет при виде руин Пальмиры, Вавилона или Афин, то какие живые эмоции не должны были испытывать христиане при виде мест, которые Бог освятил своим присутствием и своими благословениями?

Христиане Запада, почти все несчастные в своих странах и часто терявшие представление о своем зле в длительных путешествиях, по-видимому, были заняты только поисками на земле следов утешающего и помогающего божества или какой-нибудь святой личности. Не существовало провинции без своего мученика или апостола, чьей поддержки они просили; не было города или уединенного места, в которых не сохранялось бы предание о чуде или не было часовни, открытой для паломников. Самые виновные из грешников или самые ревностные из верующих подвергали себя величайшим опасностям и отправлялись в самые отдаленные места. Иногда они направлялись в Апулию и Калабрию, посещали гору Гарган, прославленную явлением святого Михаила, или гору Кассен, прославленную чудесами святого Бенедикта; иногда они пересекали Пиренеи и в стране, отданной сарацинам, считали себя счастливыми, молясь перед мощами святого Яго, покровителя Галисии. Некоторые, подобно королю Роберту, отправились в Рим и простерлись ниц на могилах апостолов Святого Петра и святого Павла; другие добрались до Египта, где Христос провел свое младенчество, и проникли в уединенные места Скиты и Мемфиса, населенные учениками Антония и Павла.

Огромное количество паломников отправилось в Палестину; они вошли в Иерусалим через Ефремовы ворота, где заплатили дань сарацинам. Подготовив себя постом и молитвой, они явились в церковь Гроба Господня, покрытые погребальным покрывалом или рясой, которые они бережно хранили до конца своей жизни и в которых были похоронены после своей смерти. Они со святым почтением смотрели на гору Сион, Елеонскую гору и Долину Иосафата; они покинули Иерусалим, чтобы посетить Вифлеем, где родился Спаситель мира; гору Фавор, освященную преображением; и все места, памятные его чудесами. Затем паломники искупались в водах Иордана,^[23] и собрали на территории Иерихона пальмы, которые они унесли на Запад в качестве доказательств и реликвий.

Таковы были набожность и дух десятого и одиннадцатого веков, что большая часть христиан сочла бы себя не справившимися с религиозными обязанностями, если бы они не совершили какого-нибудь паломничества. Тот, кто избежал опасности или одержал победу над своими врагами, взял посох паломника и отправился в путь к святым местам; тот, кто получил своими молитвами сохранение отца или сына, отправился возносить благодарность небесам вдали от своего домашнего очага, в места, почитаемые святыми религиозными традициями. Отец часто посвящал своего ребенка в колыбели паломничеству, и первой обязанностью любящего и послушного сына, достигшего детского возраста, было выполнить обет, данный его родителями. Не раз сон, видение посреди сна налагало на христианина обязанность совершить паломничество. Таким образом, идея этих благочестивых путешествий смешалась со всеми сердечными привязанностями и со всеми предрассудками человеческого ума.

Паломников встречали повсюду, и в обмен на гостеприимство, которое они получали, от них требовали только молитв; часто, действительно, это было единственное сокровище, которое они носили с собой. Один из них, желая отплыть в Александрию в Палестину, явился со своей сумкой и посохом на борт корабля и предложил книгу святых Евангелистов в уплату за свой проезд. У паломников на их пути не было другой защиты от нападений нечестивых, кроме креста Христова, и никаких других проводников, кроме тех ангелов, которым Бог велел *“присматривать за детьми Своими и направлять их на всех путях их”*.

Величайшей заслугой в глазах верующих, помимо паломничества, было посвятить себя служению паломникам. Больницы были построены на берегах рек, на вершинах гор, посреди городов и в пустынных местах для приема этих путешественников. В девятом веке паломники, покинувшие Бургундию, чтобы отправиться в Италию, были приняты в монастыре, построенном на горе Сенис. В следующем столетии два монастыря, в которых принимали путешественников, сбившихся со своего пути, заняли места храмов идолопоклонства на горе Джовис,^[24] и оттуда потеряли название, полученное от язычества, и взяли имя своего благочестивого основателя, святого Бернара де Ментона. Христиане, побывавшие в Иудее, обнаружили на границах Венгрии и в провинциях Малой Азии огромное количество приютов, созданных на благотворительные цели.

Христиане, обосновавшиеся в Иерусалиме, шли навстречу паломникам и часто подвергали себя тысяче опасностей, сопровождая их в пути. В святом городе были больницы для приема всех путешественников. В одной из таких больниц женщины, совершавших паломничество в Палестину, принимали религиозные женщины, занимающиеся благотворительностью. Купцы из Амальфи, Венеции и Генуи, самые богатые среди пилигримов, и несколько князей Запада, благодаря своей щедрости, предоставили средства для содержания этих домов открытыми для всех бедных путешественников.^[25] Каждый год монахи с Востока приезжали в Европу, чтобы собрать добровольную дань благочестия христиан. Паломник был привилегированным существом среди верующих. По завершении своего путешествия он приобрел репутацию особо святоши, и его отъезд и возвращение отмечались религиозными церемониями. Когда он собирался в путь, священник вручил ему его суму и посох вместе с мантией, отмеченной крестом; он окропил его облачение святой водой и сопровождал его во главе процессии до границ следующего прихода. Вернувшись в свою страну, паломник возблагодарил Бога и подарил священнику пальмовую ветвь, которую тот возложил на алтарь церкви в доказательство того, что его предприятие благополучно завершилось.

Бедняки в своих паломничествах находили определенные средства против нищеты; возвращаясь в свою страну, они получали обильную милостыню. Тщеславие иногда побуждало богатых предпринимать эти длительные путешествия, что побудило монаха Глабра сказать, что многие христиане отправлялись в Иерусалим, чтобы вызвать восхищение и по возвращении иметь возможность рассказать о чудесах, которые они видели. На многих повлияла любовь к праздности и переменам, на других - любопытство и склонность увидеть разные страны. Отнюдь не редкостью была встреча с христианами, которые провели свою жизнь в святых паломничествах и несколько раз посещали Иерусалим.

Каждый паломник был обязан иметь при себе письмо от своего князя или епископа - мера предосторожности, которая, должно быть, предотвратила многие беспорядки. История не зафиксировала ни одного акта насилия, совершенного кем-либо из путешественников, которые

полностью преодолели маршрут на Восток. Мусульманский губернатор, который видел, как огромное количество из них перешло в Эмессу, сказал: “Они покинули свои дома не с какими-либо дурными намерениями; они только стремятся выполнить свой закон”.^[26]

Каждый год, в период празднования Пасхи, бесчисленные толпы паломников прибывали в Иудею, чтобы отпраздновать таинство Искупления и лицезреть чудо священного огня, который, как верила суеверная толпа, сошел с небес на светильники гроба Господня. Не существовало преступления, которое нельзя было бы искупить паломничеством в Иерусалим и богослужениями у гробницы Христа. В “Деяниях святых” мы находим, что во времена Лотаря это мнение утвердилось среди франков. Старый родственник, сохраненный монахом из Редона, сообщает нам, что могущественный сеньор герцогства Бретань по имени Фротмонд, убийца своего дяди и брата, предстал в одеянии кающегося грешника перед королем Франции и собранием епископов. Монарх и прелаты, во искупление пролитой им крови, крепко заковали его в железные цепи и приказали посещать святые места, посыпав его чело пеплом, а тело завернуть в простыню. Фротмонд в сопровождении своих слуг и соучастников своего преступления отправился в Палестину; пробыв некоторое время в Иерусалиме, он пересек пустыню, вышел к берегам Нила, пересек часть Африки, дошел до Карфагена и вернулся в Рим, где находился папа Бенедикт III. посоветовал ему начать новое паломничество, завершить свое покаяние и получить полное отпущение своих грехов. Фротмонд во второй раз увидел Палестину, добрался до берегов Красного моря, пробыл три года на горе Синай и отправился в Армению, чтобы посетить гору, на которой покоился Ноев ковчег после Всемирного потопа. По возвращении в свою страну он был принят как святой; он затворился в монастыре Редон,^[27] и умер, опечаленный кенобитами, которых он назидал рассказами о своих паломничествах.

Спустя много лет после смерти Фротмонда Ценций, префект Рима, применивший насилие к папе в церкви Святой Марии Великой, оттащивший его от алтаря и поместивший в темницу, не нуждался ни в чем большем, чтобы искупить это святотатство, чем совершить паломничество в Святую Землю. Фулькнерра, граф Анжуйский, обвиненный в преступлениях и запятнанный кровью, думал загладить все свои жестокости путешествием в Иерусалим. Его брат, которого он приговорил к смерти в темнице, появлялся у него перед глазами, куда бы он ни пошел; ему казалось, что многочисленные жертвы, принесенные в жертву его честолюбию в несправедливых войнах, выходят из своих могил, чтобы потревожить его сон и упрекнуть его в варварстве. Повсюду преследуемый этими ужасными образами, Фульк покинул свои владения и отправился в Палестину в одежде паломника. Когда он прибыл в Иерусалим, он прошел по улицам святого города со шнуром на шее, избиваемый розгами своими слугами, повторяя громким голосом эти слова: “Господи, сжался над клятвопреступником и беглым христианином”. Во время своего пребывания в Палестине,^[28] он оказывал многочисленные благодеяния, утешал пилигримов и повсюду оставлял свидетельства своей преданности и милосердия. Он вернулся в свое герцогство, прихватив с собой частицу истинного креста и камень, на котором он преклонял колени, когда молился перед гробом Христа.

Фульк, вернувшись в свои владения, пожелал всегда иметь перед глазами изображение мест, которые он посетил, и распорядился построить рядом с замком Лох монастырь и церковь, носившие название Гроба Господня. Вспоминая о своем паломничестве, он все еще слышал голос раскаяния и во второй раз отправился в Иерусалим. Он еще раз назидал христиан святого города выражением своего раскаяния и суровостью своей епитимьи. Возвращаясь в свое герцогство, проезжая через Италию, он избавил римское государство от разбойника, который

грабил города и деревни и вел войну со всеми купцами и паломниками. Папа высоко оценил его рвение и храбрость, отпустил ему грехи и разрешил носить с собой мощи двух святых мучеников. Когда он покинул Рим, народ и духовенство с триумфом проводили его, провозгласив своим освободителем. По прибытии в Анжу он восстановил мир в своих владениях, которые во время его отсутствия пребывали в большом смятении. Возвращенный своей стране, своей семье и своим подданным, забывшим его жестокости; примиренный с Церковью, объявившей его своим благодетелем, он, казалось, больше не должен был искупать преступлений и не желал исправляться на старости лет; но ни отпущение грехов папой, ни мир в его государствах, ни благословения народа — ничто не могло успокоить его душу, вечно терзаемую угрызениями совести. Он не мог отделаться от образа своего брата, который все еще преследовал его и вызывал в памяти преступления, которыми он запятнал себя. Непрестанно он был перед ним, бледный, изуродованный, волоча за собой цепи и взывая к небесам отомстить братоубийце. Фульк решил совершить третье паломничество в Иерусалим; он вернулся в Палестину, заново оросил гробницу Христа своими слезами и огласил святые места своими стонами. Посетив Святую Землю и вверив свою душу молитвам отшельников, которым было поручено принимать и утешать паломников, он покинул Иерусалим, чтобы вернуться в свою страну, которую он был обречен никогда больше не увидеть. Он заболел и умер в Меце. Его тело было перевезено в Лох и похоронено в монастыре Гроба Господня, который он приказал построить. Его сердце было помещено в церковь в Меце, где в течение многих веков после его смерти находился мавзолей, который назывался гробницей Фулька, графа Анжуйского.

В тот же период, ближе к середине XI века, Робер-ле-Фризон, граф Фландрии, и Беренгер II, граф Барселоны, также решили искупить свои грехи путешествием в Святую Землю. Последний умер в Азии, не будучи в состоянии выдержать суровую епитимию, которую он наложил на себя. Роберт вернулся в свои владения, где благодаря паломничеству обрел благосклонность в глазах духовенства, которое он хотел ограбить. Этим двум принцам предшествовал в их паломничестве Фредерик, граф Верденский.^[29] Фредерик происходил из прославленной семьи, которая однажды причислила к своим героям Годфри де Бульона. Отправившись в Азию, он отказался от земного величия и уступил свое графство епископу Вердена. Вернувшись в Европу, он решил закончить свои дни в монастыре и умер настоятелем аббатства Святого Васта близ Арраса.

Слабый и робкий пол не был остановлен трудностями и опасностями длительного путешествия. Елена, родившаяся в знатной шведской семье, покинула свою страну, погрязшую в идолопоклонстве, и пешком отправилась на Восток. Когда, посетив святые места, она вернулась в свою страну, то была принесена в жертву негодованию своих родственников и соотечественников и получила, как гласит старая легенда, пальму первенства мученичества.^[30] Несколько верующих, тронутых ее набожностью, воздвигли часовню в ее память на острове Зеландия, рядом с фонтаном, который до сих пор называют Фонтаном Святой Елены. Христиане Севера долгое время совершали паломничество на этот остров, где созерцали грот, в котором жила Елена перед своим отъездом в Иерусалим.

Среди знаменитых паломников того времени мы встречаем имя Роберта II, герцога Нормандии, отца Вильгельма Завоевателя. История обвиняет его в том, что он стал причиной отравления своего брата Ричарда. Угрызения совести побудили его совершить паломничество в Палестину, и он отправился в путь в сопровождении большого числа рыцарей и баронов, с сумкой и посохом, босиком и в мешке покаяния. По его словам, он придавал больше значения страданиям, которые претерпел ради Христа, чем самому богатому городу своего герцогства. По

прибытии в Константинополь он презрел роскошь и подарки императора и появился при дворе в облике самого скромного из паломников. Заболев в Малой Азии, он отказался от услуг христиан из своей свиты и заставил сарацин нести себя на носилках. Встретив паломника из Нормандии, последний спросил его, есть ли у него какое-нибудь послание, которое он мог бы доставить для него в его страну. “Идите и скажите моему народу, ” сказал герцог, “ что вы видели христианского принца, которого дьяволы унесли в Рай”. Прибыв в Иерусалим, он обнаружил толпу паломников, которые, не имея средств платить дань неверным, ожидали прибытия какого-нибудь богатого лорда, который, возможно, соизволит по своей милости открыть для них ворота святого города. Роберт заплатил за каждого из них по золотой монете и последовал за ними в Иерусалим под одобрительные возгласы христиан. Во время своего пребывания здесь он добился того, что его заметили за его набожность и еще больше за его милосердие, которое он распространял даже на неверных. Возвращаясь в Европу, он умер в Никее, в Вифинии, думая только о реликвиях, которые привез с собой из Палестины, и сожалея, что не закончил свои дни в святом городе.

Величайшим благословением для паломников и тем, чего они требовали от Небес в награду за свои труды и изнурение, было умереть, подобно Иисусу Христу, в святом городе. Когда они представляли перед гробом Господним, они обычно возносили такую молитву: “Ты, кто умер за нас и был похоронен в этом святом месте, сжался над нашими страданиями и немедленно заberi нас из этой долины слез”. История повествует о христианине, родившемся на территории Отена, который по прибытии в Иерусалим искал смерти, чрезмерно постясь и умерщвляя плоть. Однажды он долго пребывал в молитве на Елеонской горе, подняв глаза и руки к небу, куда, казалось, призывал его Бог. По возвращении в больницу для паломников он трижды воскликнул: “Слава тебе, о Боже!”^[31] и скоропостижно скончался на глазах у своих товарищей, которые завидовали его судьбе и считали себя свидетелями чуда.

Стремление обрести святость путем путешествия в Иерусалим стало, наконец, настолько всеобщим, что отряды паломников своей численностью встревожили страны, через которые они проезжали, и хотя они пришли не как солдаты, их называли “*воинством Господним*”. В 1054 году Литберт, епископ Камбре, отправился в Святую Землю в сопровождении более трех тысяч паломников из провинций Пикардия и Фландрия.^[32] Когда он начал свой поход, народ и духовенство сопровождали его в трех лигах от города и с глазами, полными слез, молили Бога о счастливом возвращении их епископа и братьев. Паломники пересекли Германию, не встретив никаких врагов, но, достигнув Болгарии, они не встретили никого, кроме людей, населявших леса и питавшихся грабежом. Многие были убиты этими варварскими людьми, а некоторые погибли от голода посреди пустынь. Литберт с большим трудом добрался до Лаодикии, сел на корабль вместе с теми, кто последовал за ним, и был выброшен бурей на побережье Кипра. Он видел, как погибла большая часть его товарищей, а остальные едва не утонули в своих разнообразных невзгодах. Вернувшись в Лаодикию, они узнали, что на пути в Иерусалим их ожидают еще большие опасности. Епископ Камбре почувствовал, что мужество покидает его, и поверил, что сам Бог воспротивился его паломничеству. Пройдя тысячу опасностей, он вернулся в свою епархию, где построил церковь в честь гроба Господня, которую никогда не видел.

Через десять лет после путешествия Литберта семь тысяч христиан, среди которых были архиепископ Майнца и епископы Шпайера, Кельна, Бамберга и Утрехта, вместе отправились с берегов Рейна, чтобы вернуться в Палестину. Этот многочисленный караван, который был

предшественником крестовых походов,[33] пересек Германию, Венгрию, Болгарию и Фракию и был встречен в Константинополе императором Константином Дукасом. Посетив византийские церкви и многочисленные реликвии, которые были объектами почитания греков, пилигримы Запада беспрепятственно пересекли Малую Азию и Сирию; но когда они приблизились к Иерусалиму, вид их богатств пробудил алчность арабов-бедуинов, недисциплинированных орд, у которых не было ни страны, ни оседлого жилья, и которые стали грозными в гражданских войнах на Востоке. Арабы напали на паломников с Запада и вынудили их выдержать осаду в заброшенной деревне; и это было в Страстную пятницу. В такой священный день паломники, даже имевшие оружие, пользовались им с большими колебаниями и щепетильностью. Окруженные руинами старого замка, они некоторое время сопротивлялись, но на третий день голод вынудил их капитулировать. Когда они пришли к соглашению об условиях мира, возникла ожесточенная ссора, которая чуть было не привела к резне всех христиан арабами. Эмир Рамалы, которому сообщили несколько беглецов, с радостью пришел им на помощь, избавил их от смерти, которой им угрожали, и позволил им продолжить свой путь. Поскольку известия об их боях и подстерегающих их опасностях предшествовали им, их прибытие произвело большую сенсацию в Иерусалиме. Патриарх торжественно принял их и проводил под звуки тимпанов и при свете факелов в храм Гроба Господня. Во время их пребывания в Иерусалиме нищета, в которую они впали, возбуждала жалость христиан. Они не могли посетить берега Иордана или самые известные места Иудеи, поскольку все они теперь были наводнены арабами и подвергались их вторжениям. Потеряв более трех тысяч своих товарищей, они вернулись в Европу, чтобы рассказать о своих трагических приключениях и опасностях паломничества в Святую Землю.[34]

Новые опасности и самые жестокие преследования в этот период угрожали как паломникам Запада, так и христианам Палестины. Азия была близка к тому, чтобы снова сменить хозяев и содрогнуться от новой тирании. В течение нескольких столетий богатые страны Востока подвергались постоянным вторжениям диких орд Татариин. Как только победоносные племена изнемогали от роскоши и процветания, им на смену приходили другие, сохранявшие все варварство пустынь. Турки, пришедшие из стран, расположенных за Оксом, сделали себя хозяевами Персии, где безотчетная политика Мамуха принимала и поощряла их кочующие племена. Сын Мамуха вступил с ними в битву, в которой проявил чудеса доблести; “но фортуна, - говорит Фериша, - оказалась не благосклонна к его оружию; он огляделся во время битвы, и, за исключением отряда, которым он непосредственно командовал, вся его армия *заняла пути бегства*”. На самом театре своей победы турки приступили к избранию короля. В связку было собрано большое количество стрел. На каждой из этих стрел было начертано название племени, семьи и воина. Ребенок вытащил три стрелы в присутствии всей армии, и случай передал трон Тогрул-бегу, внуку Сельджука. Тогрул-бек, честолубие которого равнялось его храбрости, вместе со своими воинами принял веру Магомета и вскоре присоединил к титулу завоевателя титул защитника мусульманской религии.

Берега Тигра и Евфрата были тогда встревожены восстанием эмиров, которые делили добычу багдадских халифов: халиф Кайем умолял о помощи Тогрула и обещал завоевание Азии новому повелителю Персии. Тогрул, которого он назначил своим временным наместником, выступил во главе армии, разогнал мятежников, разорил провинции и вошел в Багдад, чтобы пасть ниц у ног халифа, который провозгласил триумф своих освободителей и их священные притязания на империю. В разгар величественной церемонии Тогрул был последовательно облачен в семь почетных одежд; и ему были представлены семь рабов, рожденных в семи климатах Аравии. На

его голову возложили две короны и, как эмблему его владычества над Востоком и Западом, опоясали его двумя ятаганами. Эта церемония сделала узурпацию власти турок законной в глазах мусульман. Империя, на которую наместник Магомета указал их амбициям, была быстро завоевана их оружием. При правлении Алп-Арсланда и Малек-Ша, преемников Тогрула, семь ветвей династии Сельджуков поделили между собой крупнейшие королевства Азии. Едва прошло тридцать лет с тех пор, как татары завоевали Персию, а их военные и скотоводческие колонии уже простирались от Окса до Евфрата и от Инда до Геллеспонта.

Один из военачальников Малек-Ши перенес ужас своего оружия на берега Нила и вырвал Сирию из рук фатимитских халифов. Палестина уступила власти турок, и черный флаг аббасидов торжествующе развевался над стенами Иерусалима. Завоеватели не пощадили ни христиан, ни детей Али, которых багдадский халиф считал врагами Бога. Египетский гарнизон был перебит, а мечети и церкви отданы на разграбление. Священный город был залит кровью христиан и мусульман.

Овладение Иерусалимом ни в какой степени не остановило варварскую ярость турок. Поскольку их империя была недавней и плохо устоявшейся, поскольку им угрожали армии Каира и даже с Запада, их тирания стала беспокойной, ревнивой и жестокой. Христиане дрожали от самого тяжелого и унижительного порабощения; у них отняли их имущество и довели до самой ужасающей степени нищеты. Они претерпели гораздо большее зло, чем во времена правления Хакима.

Огромное количество тех, кто покинул свои семьи и свою страну, чтобы посетить гробницу Христа, расстались с жизнью, прежде чем смогли насладиться счастьем приветствовать святой город; а те, кто прибыл в Иерусалим после того, как избежал тысячи опасностей, оказались подверженными оскорблениям и жестокости новых хозяев Иудеи. Паломники Латинской Церкви, вернувшиеся в Европу, рассказывали обо всем, что они перенесли в своем путешествии, и со стоном рассказывали о надругательствах, совершенных над религией Христа. Они видели, как осквернили гроб Господень, а христианские церемонии стали забавой неверных; они видели, как иерусалимских патриархов и почтенных хранителей святых мест выволокли из их святилища и с позором бросили в темницы. Эти рассказы, преувеличенные повторением, передавались из уст в уста и вызывали слезы на глазах верующих.

В то время как турки под командованием Тутуша и Ортока опустошали Сирию и Палестину, другие племена этого народа под предводительством Солимана, племянника Малек-Ши, проникли в Малую Азию. Они завладели всеми провинциями, через которые обычно проходили паломники по пути в Иерусалим. Эти страны, в которых христианская религия впервые засияла, и большая часть греческих городов, названия которых были заметны в летописях первоначальной церкви, пали под игом неверных. Знамя пророка развевалось над стенами Эдессы, Иконии, Тарса и Антиохии. Никея стала резиденцией мусульманской империи, и божественность Христа была оскорблена в этом городе, где первый вселенский собор объявил ее символом веры. Скромность девственниц была принесена в жертву жестокой похоти завоевателей. Тысячи детей были обрезаны.^[35] Везде законы Корана заменяли законы евангелистов и Греции. Черные или белые шатры турок покрывали равнины и горы Вифинии и Каппадокии, а их стада паслись среди развалин монастырей и церквей.

Грекам никогда не приходилось сражаться с более жестокими и страшными врагами, чем турки. В то время как двор Алп-Арслана и Малек-Ши блистал великолепиями и культивировал знания и

интеллигентность древних персов, остальной народ оставался в состоянии варварства и сохранил среди покоренных народов все свирепые и дикарские нравы Татари. Детям сельджуков больше нравилось жить в своих палатках, чем в стенах городов; они питались молоком своих стад, презирая как сельское хозяйство, так и торговлю, в убеждении, что война удовлетворит все их потребности. Для них самих домом был любой регион, в котором их оружие могло одержать верх, а их стада найти богатые пастбища. Когда они переходили из одной страны в другую, все члены одной семьи шли вместе; они брали с собой все, что любили, и все, чем обладали. Постоянная бродячая жизнь и частые ссоры между собой и с соседями поддерживали их воинский дух. Каждый воин носил свое имя, начертанное на копье, и клялся, что его враги будут уважать его. Турки так рвались в бой, что было вполне достаточно, если вождь посылал свой лук или стрелы в свое племя, чтобы все они немедленно взяли за оружие.

Терпение, с которым они переносили голод, жажду и усталость, делало их непобедимыми. Ни один народ Востока не превосходил их в искусстве верховой езды или владения луком; ничто не могло превзойти стремительность их атаки, и в то же время они были грозны в бегстве и неумолимы в победе. В своих экспедициях они руководствовались не жаждой славы или чувством чести, а просто любовью к разрушению и мародерству.

Слух об их вторжениях распространился среди народов Кавказа и Каспийского моря, и, казалось, каждый день прибывали новые миграции, чтобы усилить их армии. Поскольку они были послушны на войне и беспокойны и непокорны в мирное время, политика их вождей заключалась в том, чтобы постоянно вести их к новым завоеваниям. Малек-Ша, стремясь скорее избавиться от своих помощников, чем вознаградить их, разрешил им попытаться завоевать земли греков и египтян. Собрать армии, которым была обещана добыча, добытая врагами пророка и его законного наместника, было несложно. Все, кто не разделил добычу предыдущих войн, стекались под знамена, и богатства Греции вскоре стали добычей турецких всадников, которые лишь недавно вернулись из своих пустынь в шерстяных шапках и деревянных стремянах. Из всех орд, подвластных династии Сельджуков, войска, вторгшиеся в Сирию и Малую Азию, были самыми бедными, самыми дикими и бесстрашными.

В глубине своей нищеты греки завоеванных провинций едва осмеливались поднять глаза на византийских государей, у которых не хватило мужества защитить их и поэтому они не оставили им никакой надежды на помощь в их бедах. В разгар революций и гражданских войн греческая империя приближалась к своему падению. Со времен правления Ираклия Константинополь стал свидетелем казни одиннадцати своих императоров в их собственном дворце. Шестеро из этих властителей мира окончили свои дни в неизвестности монастырей; некоторые были искалечены, лишены зрения и отправлены в изгнание; пурпур, запятнанный и униженный столькими революциями, украшал только порочных и презренных принцев или людей без характера или добродетели. Вся их работа заключалась в их собственной личной безопасности; и они были вынуждены делиться своей властью с соучастниками своих преступлений, перед которыми они жили в постоянном страхе. Они часто жертвовали городами и провинциями, чтобы купить у своих врагов несколько мгновений безопасности, и, казалось, им нечего было просить у судьбы, кроме существования империи в течение их собственных никчемных жизней.

Греки по-прежнему хранили великие имена и великую память, которыми они гордились, но которые лишь демонстрировали их нынешнюю слабость и деградацию. Среди роскоши Азии и

памятников Греции и Рима они были едва ли менее варварскими, чем другие народы. В своих теологических спорах они утратили истинный дух евангелистов; среди них все было испорчено, даже религия. Всеобщий фанатизм, говорит Монтескье, подавил их мужество и парализовал всю империю. Они пренебрегли опасностями своей страны, и стали фанатиками какой-нибудь реликвии или секты. На войне суеверие указывало грекам на счастливые и несчастные дни, в которые полководец должен или не должен давать сражение; а поскольку религия не внушала им ничего, кроме безразличного смирения при поражениях, они утешали себя потерей провинций, обвиняя их жителей в ереси.

У греков хитрость и вероломство носили название политики и удостаивались тех же похвал, что и доблесть; они считали столь же славным обманывать своих врагов, сколь и побеждать их. За их солдатами к месту сражения следовали легкие колесницы, на которых было их оружие; и они усовершенствовали все машины, которые могли заменить мужество как в осадах, так и в сражениях. Их армии демонстрировали большую военную пышность, но испытывали недостаток в солдатах. Единственное, что они унаследовали от своих предков, был буйный и мятежный дух, который смешивался с их женоподобными манерами и обязательно прорывался наружу, когда их стране угрожала опасность. Раздор непрестанно царил как среди армии, так и среди народа; и они продолжали безумно оспаривать право на империю, само существование которой находилось под угрозой, и слепо предоставляли ее защиту варварам и чужеземцам. Короче говоря, развращенность греков была настолько велика, что они не смогли бы вынести ни хорошего правителя, ни хороших законов. Никифор Фока, разработавший проект восстановления дисциплины, погиб от покушения. Цимисхий также поплатился жизнью за свои усилия вывести греков из их малодушной деградации. Когда император Роман-Диоген попал в плен к туркам, его несчастья послужили сигналом к новому восстанию против его личности. Персидский султан с почестями отправил его обратно, но в империи, которую он пытался защитить, он не встретил ничего, кроме палачей, и умер в нищете и отчаянии на необитаемом острове Пропонтида.

В то время как восточная империя была близка к своему падению и казалась подорванной временем и коррупцией, институты Запада находились в зачаточном состоянии. Империи и законов Карла Великого больше не существовало. Нации не имели никаких отношений друг с другом и, ошибочно полагаясь на свои политические интересы, развязывали войны, не считаясь с их последствиями или опасностями, и заключали мир, совершенно не осознавая, выгодно это или нет. Королевская власть нигде не была достаточно сильной, чтобы остановить развитие анархии и злоупотребления феодализма. В то самое время, когда Европа была полна солдат и покрыта крепкими замками, сами государства были без поддержки против своих врагов и не имели армии для их защиты. Посреди всеобщего замешательства не было никакой безопасности, кроме как в лагерях и крепостях, которые поочередно обеспечивали безопасность и наводили ужас на города и страну. Крупнейшие города не давали убежища свободе, а человеческая жизнь считалась настолько ничтожной целью, что безнаказанность за убийство можно было купить несколькими монетами. Часто, чтобы раскрыть преступление, судьи прибегали к воде, огню и железу; по слепому и немому свидетельству стихий жертвы приговаривались к смерти; правосудие вершилось с мечом в руке; именно мечом должно было быть возмещено причиненное зло. Тогда никто не был бы понят, кто говорил бы о правах природы или о правах человека; язык баронов и лордов состоял только из таких слов, которые относились к *войне*; война была единственной наукой, единственной политикой либо князей, либо государств.

Тем не менее, это варварство народов Запада нисколько не походило ни на варварство турок, религия и нравы которых отталкивали все виды цивилизации или культивирования, ни на варварство греков, которые были не чем иным, как развращенным и выродившимся народом. В то время как один демонстрировал все пороки государства, почти дикого, а другой - всю испорченность упадка, к варварским нравам франков примешивалось что-то героическое и великодушное, напоминавшее страсти юности и обещавшее лучшее будущее. Турками управляло грубое варварство, которое заставляло их презирать все благородное или великое; греками владело ученое и отточенное варварство, которое наполняло их презрением к героизму или военным добродетелям. Франки были такими же храбрыми, как турки, и ценили славу выше, чем любой другой народ. Принцип *чести*, породивший рыцарство в Европе, руководил их храбростью и иногда принимал облик справедливости и добродетели.

Христианская религия, которую греки свели к мелким формулам и суетным практикам суеверия, была для них неспособна вдохновлять ни на великие замыслы, ни на благородные мысли. Среди народов Запада, поскольку они еще не были знакомы со спорными догмами христианства, оно имело большую власть над их умами, оно больше располагало их сердца к энтузиазму и сразу сформировало среди них как святых, так и героев.

Хотя религия не всегда могла успешно проповедовать свои доктрины и ее влиянием злоупотребляли, она имела тенденцию смягчать нравы варварских народов, вторгшихся в Европу; она предоставляла священную власть слабым; она внушала спасительный страх сильным и часто исправляла несправедливость человеческих законов.

Посреди тьмы, окутавшей Европу, только христианская религия сохраняла память о прошедших временах и поддерживала некоторую степень соперничества между людьми. Он сохранил также для более счастливых дней язык королевского народа, единственный, способный выражать великие идеи нравственной добродетели, на котором гений законодательства воздвиг свои самые великолепные памятники. В то время как деспотизм и анархия царили в городах и королевствах Запада, народ призывал религию против тирании, а князья призывали ее на помощь против распущенности и восстаний. Часто, посреди государственных неурядиц, титул христианина внушал большеуважения и пробуждал больший энтузиазм, чем имя гражданина в Древнем Риме. Поскольку христианская религия предшествовала всем существовавшим тогда институтам, она, естественно, долгое время оставалась окруженной почитанием и любовью народа. Более чем в одном отношении народы, по-видимому, не признавали никаких других законодателей, кроме отцов соборов, никакого другого кодекса, кроме кодекса Евангелия и священного Писания. Европу можно было бы рассматривать как религиозное общество, в котором сохранение веры было главным интересом и в котором люди принадлежали больше церкви, чем стране. При таком положении вещей было легко воспламенить умы людей, показав им, что дело религии и христиан нуждается в защите.

За десять лет до вторжения турок в Малую Азию Майкл Дукас, преемник Романа-Диогена, обратился за помощью к папе римскому и князьям Запада. Он обещал устранить все барьеры, которые отделяли греческую Церковь от римской, если латиняне возьмутся за оружие против неверных. Григорий VII. затем занял кафедру святого Петра, и его таланты, его знания, его активность, его смелость вкупе с непреклонностью его характера сделали его способным на величайшие начинания. Надежда распространить религию и империю Святого Престола на Восток заставила его благосклонно принять смиренные мольбы Майкла Дукаса. Он призвал

правоверных взяться за оружие против мусульман и пообещал сам повести их в Азию. Несчастья христиан Востока, писал он в своих письмах, побудили его даже проникнуться презрением к смерти; он предпочел бы пожертвовать своей жизнью ради освобождения святых мест, чем жить для того, чтобы повелевать всей вселенной. Воодушевленные его речами, пятьдесят тысяч паломников согласились последовать за Григорием в Константинополь, а оттуда в Сирию; но он не сдержал данного обещания, и дела Европы, в которых честолюбивый понтифик был заинтересован больше, чем в делах Азии, приостановили осуществление его планов.

С каждым днем могущество пап возрастало благодаря прогрессу христианства и все возрастающему влиянию латинского духовенства. Рим во второй раз стал столицей мира и, по-видимому, восстановил при монахе Гильдебранде империю, которой он пользовался при Цезарях. Вооруженный обоюдоострым мечом Петра, Григорий громогласно провозгласил, что все царства земли находятся под властью Святого Престола и что его власть должна быть такой же вселенской, как и власть церкви, главой которой он является. Эти опасные притязания, подпитываемые мнениями его эпохи, немедленно вовлекли его в ожесточенные споры с императором Германии. Он желал также диктовать законы Франции, Испании, Швеции, Польше и Англии; и, не думая ни о чем, кроме признания себя великим арбитром государств, он обрушил свои анафемы даже на Константинопольский престол, который он взялся защищать, и больше не уделял внимания освобождению Иерусалима.

После смерти Григория Виктор III, хотя он и продолжал политику своего предшественника и должен был в то же время вести борьбу с императором Германии и партией антипапы Гиберта, не пренебрег возможностью начать войну против мусульман. Сарацины, населявшие Африку,^[36] нарушили судоходство в Средиземном море и угрожали побережью Италии. Виктор пригласил христиан взяться за оружие и пообещал им отпущение всех их грехов, если они пойдут сражаться против неверных. Жители Пизы, Генуи и нескольких других городов, побуждаемые своим религиозным рвением и желанием защитить свою торговлю, снарядили флоты, набрали войска и высадились на берегах Африки, где, если верить хроникам того времени, они разбили вдребезги стотысячную армию сарацин. Чтобы мы не сомневались, говорит Барониус, что Бог был заинтересован в деле христиан, в тот самый день, когда италийки одержали победу над врагами Христа, весть об этой победе чудесным образом разнеслась за морями. Предав огню два города, Аль-Махадию и Сибилу,^[37] построенные на территории древнего Карфагена и вынудившие короля Мавритании платить дань Святому Престолу, генуэзцы и пизанцы вернулись в Италию, где трофеи завоеванных были использованы для украшения церквей.

Однако папа Виктор умер, так и не выполнив своего обещания напасть на неверных в Азии. Слава освобождения Иерусалима принадлежала простому паломнику, не обладавшему никакой другой силой, кроме влияния своего характера и своего гения. Некоторые приписывают неясное происхождение Петру Отшельнику; другие говорят, что он происходил из знатной семьи Пикардии; но все сходятся на том, что у него была неблагородная и вульгарная внешность. Рожденный с беспокойным, деятельным духом, он во всех условиях жизни искал цель, которую не мог найти ни в одной другой. Изучение литературы, ношение оружия, безбрачие, брак, церковное положение - все это не давало ему ничего, что могло бы наполнить его сердце или удовлетворить его пылкий ум. Испытав отвращение к миру и человечеству, он удалился к самым суровым кенобитам. Пост, молитва, медитация, тишина уединения

будоражили его воображение. В своих видениях он поддерживал обычную связь с небом и считал себя орудием его замыслов и хранителем его воли. Он обладал рвением апостола и мужеством мученика. Его рвение не встречало препятствий, и все, чего он желал, казалось легко достижимым. Когда он говорил, страсти, которыми он был взволнован, оживляли его жесты и слова и передавались его слушателям.^[38] Таков был необыкновенный человек, который подал сигнал крестоносцам и который, не имея ни состояния, ни имени, только силой своих слез и молитв, преуспел в том, что Запад массово обрушился на Азию.

Слава о паломничествах на Восток отвлекла Петра от его уединения, и он последовал в Палестину за толпой христиан, которые отправились посетить святые места. Вид Иерусалима взволновал его гораздо больше, чем любого другого паломника, ибо породил в его пылком уме тысячу противоречивых чувств. В городе, который повсюду являл знаки милосердия и покровительства Божьего, все предметы разжигали его благочестие, раздражали его набожность и рвение и поочередно наполняли его уважением, ужасом и негодованием. Последовав за своими братьями на Голгофу и к гробнице Христа, он отправился к иерусалимскому патриарху. Седые волосы Симеона, его почтенная фигура и, прежде всего, гонения, которым он подвергся, свидетельствовали о полном доверии Петра, и они вместе оплакивали беды христиан. Отшельник с разорванным сердцем, с лицом, залитым слезами, спросил, нет ли какого-нибудь выхода, какого-нибудь средства, которое можно было бы придумать от стольких бедствий? “О, вернейший из христиан!” ответил патриарх. - Разве не ясно, что наши беззакония лишили нас всякого доступа к милости Господа? Вся Азия находится во власти мусульман, весь Восток погружен в состояние рабства; никакая сила на земле не может помочь нам”. При этих словах Петр прервал Симеона и указал ему на надежду, что воины Запада однажды могут стать освободителями Иерусалима. “Да, без сомнения,” ответил патриарх, “когда мера наших страданий будет полной, когда Бог будет тронут нашими невзгодами, он смягчит сердца князей Запада и пошлет их на помощь святому городу”. При этих словах Петр и Симеон почувствовали, как их сердца наполнились надеждой, и обняли друг друга, проливая слезы радости. Патриарх решил обратиться в своих письмах за помощью к папе и князьям Европы, а отшельник поклялся быть переводчиком христиан Востока и побудить Запад взяться за оружие для их освобождения.

После этой беседы энтузиазму Петра не было предела; он был убежден, что сами Небеса призывают его отомстить за содеянное. Однажды, распростершись ниц перед гробом Господним, он поверил, что слышит голос Христа, который сказал ему: “Петр, встань! поспешите возвестить о бедствиях моего народа; настало время, чтобы мои слуги получили помощь и чтобы святые места были освобождены”. Исполненный духа этих слов, которые непрестанно звучали в его ушах, и заряженный письмами от патриарха, он покинул Палестину, пересек моря, высадился на побережье Италии и поспешил броситься к ногам папы. Кафедру святого Петра тогда занимал Урбан II, который был учеником и доверенным лицом как Григория, так и Виктора. Урбан с жаром воспринял проект, который вынашивался его предшественниками; он принял Петра как пророка, приветствовал его замысел и повелел ему выйти вперед и возвестить о приближающемся освобождении Иерусалима.

Петр Отшельник пересек Италию, пересек Альпы, посетил все уголки Франции и большую часть Европы, воспламеняя все сердца тем же рвением, которое сжигало его собственное. Он

путешествовал верхом на муле, с распятием в руке, ноги его были босы, голова непокрыта, тело опоясано толстой веревкой, покрыто длинным одеянием и капюшоном отшельника из самой грубой материи. Необычность его внешности была зрелищем для людей, в то время как строгость его манер, благотворительность и моральные доктрины, которые он проповедовал, заставляли его почитаться как святой, куда бы он ни приезжал.

Он ходил из города в город, из провинции в провинцию, воздействуя на мужество одних и на набожность других; иногда выступая с кафедр церкви, иногда проповедуя на больших дорогах или в общественных местах. Его красноречие было живым и впечатляющим и наполнено теми яростными обращениями, которые производят такой эффект на необразованную толпу. Он описал осквернение святых мест и кровь христиан, пролитую потоками на улицах Иерусалима. Он по очереди взывал к Небесам, святым, ангелам, которых призывал засвидетельствовать истинность того, что он им сказал. Он обращался к горе Сион, Голгофской скале и Елеонской горе, которые он заставлял оглашаться рыданиями и стонами. Когда он исчерпал запас слов, описывая страдания верующих, он показал зрителям распятие, которое носил с собой; иногда ударяя себя в грудь и рана плоть, иногда проливая потоки слез.

Люди толпами следовали по стопам Петра. Проповедника священной войны повсюду принимали как посланника от Бога. Те, кто мог прикоснуться к его облачению, считали себя счастливыми, и клочок волос, сорванный с мула, на котором он ехал, был сохранен как священная реликвия. При звуке его голоса разногласия в семьях улаживались, бедняки утешались, распутники краснели от своих ошибок, ни о чем не говорили, кроме добродетелей красноречивого кенобита; описывались его аскезы и чудеса, а тем, кто его не слышал, повторялись его речи, и их назидало его присутствие.

В своих путешествиях он часто встречался с христианами с Востока, которые были изгнаны из своей страны и скитались по Европе, питаясь благотворительностью. Петр Отшельник представил их народу как живые свидетельства варварства неверных; и, указывая на лохмотья, в которые они были одеты, он разразился потоками брани против их угнетателей и гонителей. При виде этих жалких негодяев верующие поочередно испытывали самые живые чувства жалости и ярости мести; все они в глубине души сожалели о бедствиях и позоре Иерусалима. Люди возносили свои голоса к небесам, умоляя Бога соизволить сжалиться над своим любимым городом; одни предлагали свои богатства, другие - свои молитвы, но все обещали отдать свои жизни за освобождение святых мест.

В разгар этого всеобщего волнения Алексей Комнин, которому угрожали турки, отправил послов к папе римскому с просьбой о помощи латинян. Незадолго до этого посольства он направил письма князьям Запада, в которых самым прискорбным образом описал им завоевания турок в Малой Азии. Эти дикие орды в своем разгуле и опьянении победой надругались над природой и человечеством.^[39] Теперь они были у ворот Византии, и без немедленной помощи всех христианских государств Константинополь должен был попасть под самое страшное господство турок. Алексей напомнил князьям христианства о святых реликвиях, хранящихся в Константинополе, и заклинал их спасти столь священное собрание почитаемых предметов от осквернения неверными. Описав великолепие и богатства своей столицы, он призвал рыцарей и баронов прийти и защитить их; он предложил им свои сокровища в награду за их доблесть и яркими красками расписал красоту гречанок, любовь которых вознаградит за подвиги его освободителей. Таким образом, не было пощажено ничего, что могло бы разжечь страсти или

пробудить энтузиазм воинов Запада. Вторжение турок было, в глазах Алексея, величайшим несчастьем, которого должен был страшиться глава христианского королевства; и все, чтобы предотвратить такую опасность, казалось ему справедливым и допустимым. Он мог смириться с потерей короны, но не с позором видеть, как его государства подчиняются законам Магомета: если однажды ему суждено было потерять свою империю, он мог утешиться этой потерей при условии, что Греция избежит мусульманского ига и станет добычей латинян.

В соответствии с молитвами Алексия и пожеланиями верующих суверенный понтифик созвал собор в Плезансе, чтобы там разоблачить опасности, исходящие от греческой и Латинской Церквей на Востоке. Проповеди Петра настолько подготовили умы и воодушевили рвение верующих, что более двухсот епископов и архиепископов, четыре тысячи духовных лиц и тридцать тысяч мирян откликнулись на приглашение Святого Престола. Совет был настолько многочисленным, что его пришлось провести на равнине по соседству с городом.

На этом собрании все взоры были обращены на послов Алексея; их присутствие посреди латинского собора достаточно ясно свидетельствовало о катастрофическом положении Востока. Когда они призвали князей и воинов спасти Константинополь и Иерусалим, Урбан поддержал их речи и молитвы всеми доводами, которые могли привести интересы христианства и дело религии. Совет Плезанса, однако, не пришел к какому-либо решению относительно войны с неверными. Освобождение Святой Земли было далеко не единственной целью этого собора: заявления императрицы Аделаиды, которая пришла, чтобы раскрыть свой собственный позор и позор ее мужа, анафемы против императора Германии и антипапы Гиберта, в течение нескольких дней привлекали внимание Урбана и собравшихся отцов церкви.

Следует также добавить, что в государствах Италии, в стране, где проходил этот собор, дух торговли и свободы начал ослаблять религиозный энтузиазм. Большая часть городов думала только о выгодах, которые могли бы достаться им в результате смут; одни лелеяли надежду, что они увеличат свое богатство, другие смотрели на них как на средство обеспечения своей независимости, и ни один народ так свободно, как другие, не поддавался влиянию пап. В то время как христианский мир чтит в Урбану грозного преемника Григория, итальянцы, к милосердию которых он часто обращался, были лучше всех знакомы с его позорами и несчастьями: его присутствие ни в какой степени не подогревало их рвения, и его указы не всегда были законами для них, которые видели, как он из глубины нищеты и изгнания обрушивал свои громовые удары на троны Запада.

Благоразумный Урбан избегал попыток пробудить пыл итальянцев; он не думал, что их пример может повлиять на другие народы. Чтобы принять решительное участие в гражданской войне и заинтересовать всю Европу в ее успехе, он решил созвать второй синод в лоне воинственной нации, которая с самых отдаленных времен привыкла давать импульс Европе. Новый собор, собравшийся в Клермоне, в Оверни, был не менее многочисленным и респектабельным, чем собор в Плезансе; самые известные святые мужи и ученые врачи приехали почтить его своим присутствием и просветить своими советами. Город Клермон едва мог вместить в своих стенах всех принцев, послов и прелатов, прибывших на собор; “так что”, - говорится в древней хронике,^[40] “к середине ноября города и деревни по соседству были так переполнены людьми, что они были вынуждены установить палатки и павильоны на полях и лугах, хотя время года и страна были чрезвычайно холодными”.

Прежде чем переключить свое внимание на священную войну, собор сначала рассмотрел реформу духовенства и церковной дисциплины; а затем занялся ограничением разгула войн между отдельными лицами. В эти варварские времена даже простые рыцари никогда не думали о том, чтобы залечить свои раны какими-либо другими средствами, кроме оружия. Не было ничего необычного в том, что семьи по малейшим причинам начинали войну друг против друга, которая длилась в течение нескольких поколений; Европа была охвачена проблемами, вызванными этими военными действиями. При бессилии законов и правительств Церковь часто прибегала к своему благотворному влиянию, чтобы восстановить спокойствие: несколько соборов наложили свой запрет на частные войны в течение четырех дней недели, и их декреты призывали Небесную кару против нарушителей общественного спокойствия. Клермонский собор возобновил Божье перемирие и пригрозил всем, кто отказывается *“принять мир и справедливость”*, громами Церкви. Один из его декретов ставил вдов, сирот, торговцев и рабочих под защиту религии. Они заявили, как уже делали на других соборах, что церкви должны стать неприкосновенными святынями и что даже кресты, установленные на больших дорогах, должны стать убежищами от насилия.

Человечество и разум должны приветствовать такие спасительные указы; но суверенный понтифик, хотя и представлялся защитником святости брака, не заслужил таких же похвал, когда произнес на этом соборе анафему Филиппу I. но всеобщее увлечение было тогда таким, что никто не удивился, что король Франции был отлучен от церкви в самом сердце своего собственного королевства. Приговор Урбану не смог отвлечь внимание от объекта, который казался гораздо более внушительным, а отлучение Филиппа от церкви едва ли занимает место в истории Клермонского собора. Верующие, собравшиеся со всех провинций, думали только об одном; они не говорили ни о чем, кроме бедствий, которым подвергались христиане в Палестине, и не видели ничего, кроме войны, которая вот-вот должна была быть объявлена неверным. Энтузиазм и фанатизм, которые всегда возрастают на больших собраниях, были доведены до полного расцвета. Урбан, наконец, удовлетворил нетерпение верующих, нетерпение, которое он, возможно, искусно возбудил и которое было самой надежной гарантией успеха.

Совет провел свое десятое заседание на большой площади Клермона, которая вскоре заполнилась огромной толпой. Сопровождаемый своими кардиналами, папа взобрался на приготовленное для него подобие трона; рядом с ним был Петр Отшельник, одетый в то причудливое и неуклюжее одеяние, которое повсюду привлекало к нему внимание и уважение толпы. Апостол священной войны сначала рассказал о безобразиях, совершенных против религии Христа; он вернулся к профанациям и святотатствам, свидетелем которых он был; он изобразил муки и гонения, которым народ, враг Бога и человека, подвергал тех, кого религия побудила посетить святыни. По его словам, он видел, как христиан заковывали в кандалы, тащили в рабство или запрягали в ярмо, подобно самым мерзким животным; он видел, как угнетатели Иерусалима продавали детям Христа разрешение приветствовать храм их Бога, вырывали у них даже хлеб их нищеты и мучили саму их бедность, чтобы получить дань; он видел, как служителей Бога вытаскивали из их святынь, били розгами и приговаривали к позорной смерти. Во время описания несчастий и деградации христиан лицо Петра было опущено и выражало чувство смятения и ужаса; его голос прерывался от рыданий; его живое волнение проникло в каждое сердце.

Урбан, выступивший после Петра, представил, как он и сделал, святые места оскверненными господством неверных. Эта земля, освященная присутствием Спасителя, эта гора, на которой он искупил наши грехи своими страданиями, эта гробница, в которую он соизволил быть заключен как жертва смерти, — все это стало достоянием нечестивых. Алтари лжепророков были воздвигнуты в тех стенах, где раньше находилось августейшее собрание апостолов. У Бога больше не было святилища в его собственном городе; Восток, колыбель христианской религии, теперь не видел ничего, кроме кощунственного великолепия; нечестие распространило свою тьму на все богатейшие страны Азии. Антиохия, Эфес, Никея превратились в мусульманские города; турки перенесли свои опустошения и гнусное владычество даже к проливам Геллеспонта, к самым воротам Константинополя, и оттуда они угрожали Западу.

Верховный понтифик^[41] обратился ко всем нациям, которые были представлены на соборе, и особенно к французам, составлявшим большинство: “Нация, возлюбленная Богом, - сказал он, - именно на ваше мужество возлагает надежду христианская церковь; именно потому, что я хорошо знаком с вашим благочестием и вашей храбростью, я пересек Альпы и прибыл сюда. проповедовать слово Божье в этих странах. Вы не забыли, что земля, на которой вы живете, была захвачена сарацинами и что, если бы не подвиги Карла Мартелла и Карла Великого, Франция приняла бы законы Магомета. Непрестанно вспоминайте об опасности и славе ваших отцов; ведомые героями, имена которых никогда не должны умирать, они освободили вашу страну, они спасли Запад от позорного рабства. Вас ожидают более благородные победы под водительством Бога воинств; вы освободите Европу и Азию; вы спасете город Иисуса Христа — тот Иерусалим, который был избран Господом и откуда к нам пришел закон”.

По мере того, как Урбан продвигался вперед, чувства, которыми он был воодушевлен, проникали в самые души его слушателей. Когда он говорил о пленении и несчастьях Иерусалима, все собрание заливалось слезами; когда он описывал тиранию и вероломство неверных, воины, слушавшие его, хватались за мечи и в сердцах клялись отомстить за дело христиан. Урбан удвоил их энтузиазм, объявив, что Бог избрал их для осуществления своих замыслов, и призвал их обратить против мусульман то оружие, которое они сейчас используют в борьбе против своих братьев. Теперь они были призваны мстить не за человеческие обиды, а за обиды, нанесенные божеству; теперь в награду за их доблесть им предлагалось не завоевание города или замка, а богатства Азии, владение землей, по которой, согласно обетованиям Священного Писания, текли потоки молока и меда.

Понтифик стремился по очереди пробудить в их умах честолюбие, любовь к славе, религиозный энтузиазм и жалость к своим братьям-христианам. “Едва ли найдется христианская семья, - сказал он, - в которую мусульмане не принесли бы скорби и отчаяния. Сколько христиан каждый год покидают Запад, чтобы не найти в Азии ничего, кроме рабства или смерти! Епископы были переданы палачу; девы Господни подверглись надругательству; святые места были лишены своих украшений; приношения благочестия стали добычей врагов Божьих; дети верующих забыли в рабстве веру своих отцов и несут на своих телах отпечаток их поругания. Свидетели стольких бедствий, иерусалимские христиане давно бы покинули святой город, если бы они не возложили на себя обязанность помогать и утешать паломников, если бы они не боялись оставить без священников, без алтарей, без верующих землю, где все еще дымится кровь Иисуса Христа.

“Я не буду пытаться осушить слезы, которые должны вызывать у вас образы, столь болезненные для христианина, для служителя религии, для общего отца верующих. Давайте плакать, братья мои, давайте плакать о заблуждениях, которые навлекли на нас гнев Божий; давайте плакать о пленении святого города! Но зло будет нам, если в нашей бесплодной жалости мы и дальше будем оставлять наследие Господа в руках нечестивцев! Почему мы должны вкушать здесь минутный покой, в то время как дети Иисуса Христа живут среди мук, а царица городов стонет в цепях?

“Воины-христиане, которые без конца ищут тщетные предлоги для войны, радуйтесь, ибо сегодня вы нашли истинные. Вы, которые так часто наводили ужас на своих сограждан, идите и сражайтесь против варваров, идите и сражайтесь за освобождение святых мест; вы, продающиеся за бесценок, отдающие силу своего оружия ярости других, вооруженных мечом Макабеев, идите и заслужите вечную награду. Если вы одержите победу над своими врагами, восточные королевства станут вашим наследием; если вы будете побеждены, вам выпадет слава умереть в том же месте, что и Иисусу Христу, и Бог не забудет, что он нашел вас в своих святых рядах. Это момент для того, чтобы доказать, что вы воодушевлены истинным мужеством; это момент, в который вы можете искупить так много насилия, совершенного в лоне мира, так много побед, приобретенных ценой справедливости и человечности. Если тебе нужна кровь, омой свои руки в крови неверных. Я обращаюсь к вам с резкостью, потому что мое служение обязывает меня к этому: **СОЛДАТЫ АДА, СТАНЬТЕ СОЛДАТАМИ ЖИВОГО БОГА!** Когда Иисус Христос призовет вас к Себе на защиту, пусть никакие низменные чувства не удерживают вас в ваших домах; не смотрите ни на что, кроме позора и зла христиан; не слушайте ничего, кроме стенаний Иерусалима, и хорошо помните, что сказал вам Господь: *”Тот, кто любит своего отца и свою мать больше, чем меня, не достоин меня; всякий, кто оставит свой дом, или своего отца, или свою мать, или свою жену, или своих детей, или свое наследство, ради имени Моего, получит стократное вознаграждение и будет обладать жизнью вечной.”*

При этих словах аудиторы Urban проявили энтузиазм, которого никогда прежде не вызывало человеческое красноречие. Собрание поднялось единой массой, как один человек, и ответило ему единодушным возгласом: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”*^[42] “Да, без сомнения, такова воля Божья, - продолжал красноречивый Урбан. - Сегодня вы видите исполнение слова нашего Спасителя, который обещал быть среди верующих, когда они будут собраны во имя Его; именно Он продиктовал вам слова, которые я слышал. Пусть они будут вашим боевым кличем, и пусть они повсюду возвещают о присутствии Бога воинств”. Закончив эти слова, понтифик показал собравшимся христианам знак их искупления. “Это сам Христос, - сказал он им, - который восходит из своей могилы и представляет вам свой крест: это будет знамение, поднятое среди народов, которое должно снова собрать вместе рассеянных сынов Израилевых. Носите его на своих плечах и на груди; пусть он сияет на ваших руках и на ваших знаменах; он будет для вас гарантией победы или жезлом мученичества; он будет непрестанно напоминать вам, что Христос умер за вас и что ваш долг умереть за него”.

Когда Урбан замолчал, из толпы вырвались громкие возгласы одобрения. Жалость, негодование, отчаяние одновременно волновали шумное собрание верующих: одни проливали слезы над Иерусалимом и судьбой христиан; другие клялись истребить расу мусульман; но внезапно, по сигналу верховного понтифика, воцарилось глубочайшее молчание. Кардинал Григорий, впоследствии занявший кафедру святого Петра под именем Иннокентия II, громким

голосом произнес нечто вроде общей исповеди, все собравшиеся упали на колени, били себя в грудь и получили отпущение своих грехов.

Адемар де Монтейль, епископ Пюи, потребовал, чтобы ему первому позволили вступить *напуть Божий*, и взял крест из рук папы; несколько других епископов последовали его примеру. Раймонд, граф Тулузский, извинился перед своими послами за то, что не смог присутствовать на Клермонском соборе; по его словам, он уже сражался с сарацинами в Испании и обещал отправиться сражаться с ними в Азию, сопровождаемый самыми храбрыми и верными из своих воинов. Бароны и рыцари, услышавшие увещевания Урбана, все дали торжественную клятву отомстить за дело Иисуса Христа; они забыли свои личные ссоры, и даже у тех, кто действительно воевал, больше не было врагов, кроме мусульман. Все верующие пообещали уважать постановления собора и украсили свои одежды красным крестом. С того времени всех, кто участвовал в борьбе с неверными, называли “*Крестоносцами*”,^[43] и священная война получила название *Крестового похода*. Верующие просили Урбана встать во главе их; но понтифик, который еще не одержал победы над антипапой Гибертом, который в то же время изрекал свои анафемы против короля Франции и императора Германии, не мог покинуть Европу, не поставив под угрозу власть и политику Святого Престола. Он отказался возглавить крестовый поход и назначил епископа Пюи апостольским легатом в армии христиан.

Он обещал всем, кто примет крест, полное отпущение их грехов. Их личности, их семьи, их имущество - все было отдано под защиту Церкви и апостолов Святого Петра и Святого Павла. Собор объявил, что всякое насилие, совершенное над воинами Христа, должно быть наказано анафемой, и рекомендовал всем епископам и священникам неусыпно следить за своими постановлениями в пользу крестоносцев. Он регулировал дисциплину и отъезд тех, кто записался в святые ряды, и из опасения, что размышления могут удержать кого-либо от того, чтобы покинуть свои дома, он угрожал отлучением от церкви всем тем, кто не выполнит свои обеты.

Вскоре повсюду распространилась слава о только что объявленной войне против неверных. Когда епископы вернулись в свои епархии, они все еще продолжали благословлять кресты толп христиан, которых требовалось вести на завоевание Святой Земли. Урбан проехал через несколько провинций Франции, чтобы завершить работу, которую он так счастливо начал. В городах Руане, Туре и Ниме он провел соборы, на которых оплакивал судьбу христиан Востока: повсюду народ и знатные люди, знать и духовенство повиновались настоятельным призывам понтифика и обещали взяться за оружие против мусульман.

Можно было бы сказать, что у французов больше не было другой страны, кроме Святой Земли, и что ради нее они были вынуждены пожертвовать своим комфортом, своим имуществом и своими жизнями. Этот безграничный энтузиазм вскоре распространился и на другие христианские нации; пламя, охватившее Францию, передалось Англии, все еще обеспокоенной недавним завоеванием норманнов; Германии, обеспокоенной анафемами Григория и Урбана; Италии, взволнованной своими фракциями; даже Испании, хотя ей пришлось сражаться с сарацинами на своей собственной территории. Таково было господство религии, поруганной неверными, таково было влияние примера, поданного французами, что все христианские нации, казалось, сразу забыли об объектах своих амбиций или своих страхов и предоставили для крестового похода солдат, которые были им абсолютно необходимы для самозащиты. Весь

Запад огласился этими словами: *“Тот, кто не возьмет свой крест и не пойдет со мной, недостойн меня.”*

Стремление к паломничеству, которое возрастало в течение нескольких столетий, стало страстью и насущной потребностью большинства христиан; каждый стремился отправиться в Иерусалим и принять участие в крестовом походе, который во всех отношениях был вооруженным паломничеством. Ситуация, в которой тогда оказалась Европа, несомненно, способствовала увеличению числа паломников: “все было в таком беспорядке, - говорит Вильгельм Тирский, - что мир, казалось, приближался к своему концу и был готов снова погрузиться в неразбериху хаоса”. Повсюду народ, как я уже говорил, стонал от ужасного рабства; ужасающая нехватка провизии, которая в течение нескольких лет опустошала Францию и большую часть западных королевств, породила всевозможные разбои и насилие; и все это, свидетельствуя о разрушении сельского хозяйства и торговли, еще больше усилило ужасы голода. Деревни, даже города, лишились жителей и превратились в руины. Люди покинули землю, которая больше не кормила их и не могла предложить им ни покоя, ни безопасности: знамя креста казалось им неким убежищем от нищеты и угнетения. Согласно постановлениям Клермонского собора, крестоносцы были освобождены от всех повинностей, и их нельзя было преследовать за долги во время их путешествия. Именем креста сами законы приостановили свою угрозу, тирания не могла ни искать своих жертв, ни вершить правосудие даже над виновными среди тех, кого Церковь приняла за своих защитников. Уверенность в безнаказанности, надежда на лучшую участь, любовь к вседозволенности и желание сбросить самые священные узы побуждали значительную часть толпы, которая стекалась под знамена крестового похода.

Многие дворяне, которые сначала не приняли крест и которые видели, как их вассалы отправлялись в путь, не имея возможности помешать им, решили следовать за ними в качестве военных вождей, чтобы сохранить какую-то часть их власти. Большая часть графов и баронов без колебаний покинула Европу, которую совет объявил находящейся в состоянии мира, поскольку это больше не давало им возможности отличиться своей доблестью; всем им предстояло искупить множество преступлений; “им было обещано, ” говорит Монтескье, — искупление в потворстве их господствующей страсти, - поэтому они взяли крест и оружие”.

Пример подают сами священнослужители. Многие епископы, носившие титулы графов и баронов и привыкшие воевать в защиту прав своих епископств, считали своим долгом вооружиться для дела Иисуса Христа. Священники, чтобы придать больший вес своим увещаниям, сами взяли на себя крест; множество пасторов решили последовать за своими стадами в Иерусалим; немало из них, как мы увидим ниже, имели в виду богатые епископства Азии и позволили вести себя надежде когда-нибудь занять самые знаменитые престолы Восточной церкви.

Посреди анархии и смут, опустошавших Европу со времен правления Карла Великого, возникла ассоциация благородных рыцарей, которые странствовали по миру в поисках приключений; они дали клятву защищать невинность, сражаться с неверными и, что удивительно, называли себя *Поборниками Бога и Красоты*. Религия, освятившая их учреждение и благословившая их меч, призвала их на свою защиту, а рыцарский орден, который во многом обязан своим величием и прогрессом священным войнам, увидел, как его воины поспешили встать под знамена креста.

Честолюбие, возможно, было не чуждо преданности делу Христа. Если религия обещала свои награды тем, кто собирался сражаться за нее, то фортуна обещала им точно так же богатства и земные троны. Все, кто вернулся с Востока, с энтузиазмом рассказывали о чудесах, которые они видели, и о богатых провинциях, которые они пересекли. Было известно, что две или три сотни нормандских паломников отвоевали Апулию и Сицилию у сарацин. Земли, занятые неверными, казались наследием, обещанным рыцарям, все богатство которых заключалось в их происхождении, их доблести и их мече.^[44]

Тем не менее, мы бы обманули себя, если бы не верили, что религия была принципом, который наиболее сильно действовал на большее число крестоносцев. В обычные времена люди следуют своим естественным склонностям и повинуются только голосу своих собственных интересов; но во времена Крестовых походов религиозная лихорадка была слепой страстью, которая говорила громче всех других. Религия не позволяла своим пылким защитникам видеть никакой другой славы, никакого другого блаженства, кроме тех, которые она представляла их разгоряченному воображению. Любовь к родине, семейные узы, самые нежные привязанности сердца - все было принесено в жертву идеям и мнениям, которые тогда владели всей Европой. Умеренность была трусостью, безразличие - изменой, противодействие - святотатственным вмешательством. Сила законов считалась ничем среди людей, которые верили, что сражаются за дело Божье. Подданные едва ли признавали власть принцев или лордов во всем, что касалось священной войны; у господина и раба не было другого титула, кроме христианского, и не было другого долга, который они должны были выполнять, кроме как защищать свою религию с мечом в руке.

Те, кого возраст или состояние, казалось, удерживали в Европе и кого собор освободил от трудов и опасностей крестового похода, заставили небеса, призвавшие их на священную войну, заговорить вслух.^[45] Женщины и дети запечатлевали кресты на своих нежных и слабых конечностях, чтобы показать волю Божью.^[46] Монахи покинули монастыри, в которых они поклялись умереть, полагая, что их ведет божественное вдохновение; отшельники и отшельницы вышли из лесов и пустынь и смешались с толпой крестоносцев. Во что еще труднее поверить, воры и разбойники, покинув свои тайные убежища, пришли, чтобы признаться в своих преступлениях, и пообещали, принимая крест, отправиться и искупить их в Палестине.

Европа казалась страной изгнания, которую каждый стремился покинуть. Ремесленники, торговцы, чернорабочие отказались от занятий, которыми они зарабатывали на жизнь; бароны и лорды даже отказались от владений своих отцов. Земли, города, замки, за которые они совсем недавно воевали, все сразу потеряли свою ценность в глазах своих владельцев и были отданы за небольшие суммы тем, кого не коснулась милость Божья и кто не был призван к счастью посетить святые места и завоевать Восток.

Современные авторы рассказывают о нескольких чудесах, которые помогли воспламенить умы толпы. Звезды падали с небосвода; на небесах были видны следы крови; города, армии и рыцари, украшенные крестом, были изображены в облаках. Преподобный Роберт утверждает, что в тот самый день, когда Клермонский собор вынес решение о священной войне, это решение было провозглашено за морями. “Эта новость, - добавляет он, - подняла мужество христиан на Востоке и посеяла отчаяние среди народов Аравии”. Говорили, что святые и короли прошлых эпох, как самые действенные из чудес, восстали из своих могил, и многие французы

заявляли, что видели тень Карла Великого, призывавшего христиан сражаться против мусульман.

Мы не будем приводить все другие чудеса, о которых сообщают историки, в которые верили в эпоху, когда ничто не было более обычным, чем чудеса, в которой, по замечанию Флери, вкус к чудесному сильно преобладал над вкусом к истинному. Читатели этой истории найдут достаточно экстраординарных вещей в описании стольких великих событий, ради которых нравственный мир и даже сама природа, казалось, нарушили свои законы. В самом деле, какое чудо может больше удивить философа, чем видеть, как Европа, которая, можно сказать, была взбудоражена до самых своих основ, приходит в движение вся разом и, как единый человек, с оружием в руках марширует на Восток?

Клермонский собор, состоявшийся в ноябре 1095 года, назначил отъезд крестоносцев на праздник Успения Пресвятой Богородицы в следующем году. В течение зимы ни о чем не думали, кроме приготовлений к путешествию в Святую Землю; все остальные заботы, всякая другая работа в городах и на равнинах были приостановлены. Посреди всеобщего возбуждения религия, воодушевлявшая все сердца, следила за общественным порядком. Внезапно о грабежах и разбоях больше не было слышно.^[47] Запад хранил молчание, используя выражение из Священного Писания, и в Европе в течение нескольких месяцев царил мир, которого она никогда прежде не знала.

Принявшие крест ободряли друг друга, адресовали письма и отправляли послов, чтобы ускорить свой отъезд. Благословения небес, по-видимому, были обещаны тем, кто первым должен быть готов отправиться в Иерусалим. Даже люди, которые поначалу придирались к безумию крестового похода, обвиняли себя в безразличии к делу религии и проявляли не меньшее рвение, чем те, кто подавал пример. Все горели желанием продать свое имущество, но не могли найти покупателей. Крестоносцы презирали все, что не могли унести с собой; продукты земли продавались по низкой цене, что сразу же возвращало изобилие даже в условиях дефицита.

Как только наступила весна, ничто не могло сдержать нетерпения крестоносцев, и они двинулись в путь к местам, где им предстояло собраться. Большинство шло пешком; среди толпы появилось несколько всадников; очень многие путешествовали на колесницах; они были одеты по-разному и одинаково вооружены пиками, мечами, дротиками, железными дубинками и т. Д. Толпа крестоносцев представляла собой причудливую и запутанную смесь представителей всех рангов и всех состояний; женщины появлялись с оружием в руках среди воинов, проституция не была забыта среди аскетизма покаяния. Старость соседствовала с младенчеством, богатство соседствовало с нищетой; шлем путали с одеждой, митру - с мечом. Вокруг городов, вокруг крепостей, на равнинах, в горах были разбиты палатки и шатры; повсюду демонстрировалась подготовка к войне и празднествам. Отсюда слышался звон оружия или рев труб, в то время как на небольшом расстоянии воздух был наполнен псалмами и духовными песнопениями. От Тибра до океана и от Рейна до другой стороны Пиренеев не было видно ничего, кроме отрядов людей, отмеченных крестом, которые поклялись истребить сарацин и заранее распевали свои завоевательные песни. Со всех сторон раздавался боевой клич крестоносцев: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”*

Отцы сами вели своих детей и заставляли их клясться победить или умереть за Иисуса Христа. Воины вырывались из объятий своих жен и из своих семей, обещая вернуться победителями.

Женщины или старики, чья слабость осталась без поддержки, сопровождали своих сыновей или мужей до ближайшего города и там, не будучи в состоянии отделиться от объектов своей привязанности, решали последовать за ними в Иерусалим. Те, кто остался в Европе, завидовали судьбе крестоносцев и не могли сдержать слез; те, кто отправился искать смерти в Азию, где были полны надежды и радости.^[48] Семьи, целые деревни отправлялись в Палестину и привлекали в свои ряды всех, с кем встречались на своем пути. Они шли вперед, ни о чем не думая, и не верили, что тот, кто кормит воробья, оставит паломников, облаченных в святой крест, погибать в нужде. Их невежество усиливало иллюзию и придавало очарование всему, что они видели; они с каждым мгновением верили, что приближаются к концу своего паломничества. Деревенские дети, увидев город или замок, спрашивали, *не Иерусалим ли это?*^[49] Многие знатные лорды, которые провели свою жизнь в своих деревенских донжонах, знали по этому вопросу немногим больше своих вассалов; они брали с собой на охоту и рыбалку и маршировали со своими соколами на запястьях, сопровождаемые своими гончими. Они рассчитывали добраться до Иерусалима, развлекаясь по дороге, и продемонстрировать Азии грубую роскошь своих замков.

Посреди всеобщего бреда ни один мудрец не заставил себя прислушаться к голосу разума; никто тогда не был поражен тем, что сейчас вызывает столько удивления. Эти столь странные сцены, в которых каждый был действующим лицом, могли стать зрелищем только для потомков.

КНИГА II.

1096-1097 гг. н. э.

Количество христиан, принявших крест в большей части стран Европы, было вполне достаточным для формирования множества крупных армий. Поскольку эти армии могли истощить силы в странах, через которые им предстояло пройти, князья и военачальники, которые должны были вести их, договорились между собой, что им не следует выступать всем одновременно, а следует следовать разными маршрутами и снова встретиться в Константинополе.

Пока они были заняты приготовлениями к отъезду, толпе, следовавшей за Петром Отшельником в его проповедях, не терпелось выступить вперед перед другими крестоносцами; и, оставшись без предводителя, они обратили свои взоры на того, кого считали посланником с небес. Они выбрали Петра своим полководцем; кенобит, обманутый чрезмерным его рвением, полагал, что только энтузиазмом можно объяснить все военные успехи и что будет легко руководить недисциплинированным войском, взявшимся за оружие при звуке его голоса. Он уступил молитвам толпы и, облачившись в свою шерстяную мантию, накинув на голову капюшон, обув ноги сандалиями и сев только на мула, на котором он пересек Европу, принял командование на

себя. Его отряд, выступивший с берегов Мааса и Мозеля, направился в Германию и по дороге пополнился огромным количеством паломников, спешивших из Шампани, Бургундии и других частей Франции. Вскоре Петр увидел под своим знаменем от восьмидесяти до ста тысяч человек. Эти первые крестоносцы, таща за собой женщин, детей, стариков и многочисленных больных, начали свой поход, веря в чудесные обещания, данные им их генералом; будучи преисполнены убеждения, что сам Бог призвал их защищать его дело, они надеялись, что реки откроются перед их батальонами и что манна упадет с небес, чтобы прокормить их. Армия Петра Отшельника была разделена на два отряда; авангард выступил в поход под командованием Уолтера Без Гроша в кармане,^[50] фамилия которого, сохраненная историей, доказывает, что вожди были такими же несчастными, как и солдаты. В этом авангарде было всего восемь всадников; все остальные отправились на завоевание Востока, попутно прося милостыню. Пока крестоносцы находились на территории Франции, благотворительность верующих, встречавшихся на их пути, удовлетворяла их нужды. Они подогревали рвение немцев, среди которых крестовый поход не проповедовался. Их отряд, который повсюду считался народом Божиим, не встретил врагов на берегах Рейна; но новые амаликитяне, венгры и болгары, ожидали их на берегах Моравы и Дуная.

Венгры, вышедшие из Татари, имели общее происхождение с турками и, подобно им, представляли угрозу для христиан. В десятом веке они вторглись в Паннонию и принесли опустошительные последствия войны в богатейшие страны Европы. Народы, напуганные прогрессом своего оружия, считали его бичом, посланным как предвестник конца света. К середине одиннадцатого века они приняли христианство, которое сами же и преследовали. Однажды повинувшись Евангельской вере, они начали строить города и возделывать свою землю; они почувствовали, что значит иметь страну, и перестали наводить ужас на своих соседей. В период первого крестового похода венгры хвастались тем, что среди их королей был святой,^[51] но, все еще отделенные своим положением от христианской республики, они вовсе не разделяли рвения крестоносцев и с безразличием смотрели на приготовления Европы к завоеванию Азии.

Болгары, происходившие от древнего народа склавов, по очереди защищали и разоряли Константинопольскую империю. Их воины убили Никифора в битве, и череп императора, оправленный в золото, долгое время служил чашей для их вождей во время победных оргий. Впоследствии они были завоеваны Василием, который выколол глаза пятнадцати тысячам своих пленников и этим варварским актом поднял весь народ против Греции. Во время крестового похода Болгария находилась под властью греческой империи, но она презирала законы и власть своих хозяев. Болгарский народ, расселившийся по южным берегам Дуная, среди неприступных лесов, сохранил свою дикую независимость и признал императоров Востока только тогда, когда увидел их армии. Несмотря на то, что болгары приняли христианство, они не считали христиан своими братьями; они не уважали ни законы наций, ни права гостеприимства, и в течение одиннадцатого века они наводили ужас на паломников Запада, направлявшихся в Иерусалим.

Таковы были люди, территории которых крестоносцы собирались пересечь, и среди которых отсутствие дисциплины неизбежно должно было привести их к самым ужасным поражениям. Когда авангард вступил в Венгрию, им помешали в пути лишь несколько оскорблений, за которые Уолтеру хватило благоразумия не мстить; но покорность пилигримов не могла долго противостоять бедствиям, которые с каждым днем увеличивались. Нужда и сопутствующее ей

зло вскоре рассеяли все чувства умеренности, которые религия на мгновение породила в сердцах ее защитников. Правитель Болгарии не смог снабдить их провизией, и они рассеялись по стране, угнали стада, сожгли дома и убили нескольких жителей, которые сопротивлялись их насилию. Раздраженные болгары бросились к оружию и напали на солдат Вальтера, нагруженных своей добычей. Сто сорок крестоносцев погибли в огне в церкви, в которой они нашли убежище; остальные спаслись бегством. После этого поражения, которое он не пытался исправить, Вальтер продолжил свой марш через леса Болгарии, преследуемый голодом и таща за собой остатки своей армии. Он предстал в качестве просителя перед губернатором Ниссы, который был тронут страданиями крестоносцев, и дал им провизию, оружие и одежду.

Солдаты Вальтера, испытанные заслуженными поражениями под предводительством вождя, не испытывавшего недостатка ни в мастерстве, ни в храбрости, снова прислушались к голосу религии и прошли через Фракию, не совершив никаких беспорядков. После двух месяцев усталости и невзгод они прибыли под стены Константинополя, где император Алексей разрешил им дожидаться армии Петра Отшельника.

С этой армией, которая в то время проходила через Германию, могли обойтись хуже, чем с ее авангардом. Кенобит Петр, более восторженный, чем его солдаты, был более искусен в возбуждении их рвения, чем в руководстве им. Он не проявил ни умеренности, ни благоразумия своего лейтенанта и понятия не имел, как избежать опасностей, которые поджидали его на пути. По прибытии на границы Венгрии он узнал о несчастье, с которым столкнулись его спутники,^[52] и о планах военных действий, сформированных, как ему сказали, против армии паломников. Тела нескольких крестоносцев, повешенные у ворот Семлина, который историки крестовых походов называют *Маллевиллем*,^[53] привлекли его внимание и вызвали его негодование. При виде этого он подал сигнал к мести и войне. Зазвучали трубы, солдаты схватились за оружие и поспешили на бойню. Ужас предшествовал им в городе. При первом нападении люди обратились в бегство и искали убежища на холме, одна сторона которого была защищена лесами и скалами, а другая - Дунаем. Разъяренная толпа крестоносцев преследовала их и загнала в это последнее убежище. Более четырех тысяч жителей Семлина пали от мечей завоевателей. Тела, унесенные рекой, разнесли весть об этой ужасной победе до самого Белграда.

При этом известии болгары и венгерки были охвачены горем и негодованием и во всех частях света схватились за оружие. Крестоносцы все еще оставались в Семлине и прославляли себя своим триумфом, когда внезапно их взору предстала армия, в спешке собранная Коломаном, королем Венгрии. Петру нечего было противопоставить своим врагам, кроме солдат, слепую ярость которых он сам возбудил и с которыми невозможно было договориться о какой-либо военной диспозиции. Он не осмелился дожидаться армии Коломана и поспешил переправиться через Мораву.

Завоевав территории болгар, крестоносцы обнаружили деревни и города покинутыми; даже в Белграде, столице, не было жителей; они бежали в леса и горы. Солдаты Петра после трудного марша, испытывая недостаток в провизии и с трудом находя проводников, чтобы проводить их, прибыли, наконец, к воротам Ниссы, месту, достаточно хорошо укрепленному, чтобы быть в безопасности от первого нападения. Болгары, показавшиеся на своих крепостных валах, и крестоносцы, опиравшиеся на свое оружие, внушали друг другу взаимный страх. Этот страх

поначалу препятствовал военным действиям; но гармония между армией, лишенной дисциплины, и народом, раздраженным насилием, не могла длиться долго.

Паломники, раздобыв провизию, только что двинулись в путь, когда ссора между жителями и некоторыми солдатами привела к ожесточенной войне.^[54] Сотня немецких крестоносцев, которых Вильгельм Тирский назвал *детьми Веллала*, и которые воображали, что у них есть причина жаловаться на некоторых торговцев, желая отомстить за себя, подожгли семь мельниц, расположенных на реке Ниссава. При виде этого пожара жители Ниссы бросились со своих крепостных валов и, напав на арьергард Петра, перебили всех, кто попался у них на пути, увели две тысячи повозок и взяли большое количество пленных. Петр, который уже покинул территорию Ниссы, предупрежденный о бедствии своих спутников, немедленно вернулся с основной частью своей армии. Глаза крестоносцев, приближавшихся к городу, были повсюду потрясены самым печальным зрелищем. Они узнали среди погибших друзей и братьев и горели желанием отомстить за них.

Однако кенобиты, опасавшиеся новых неудач, прибегли к переговорам и молитвам. В Ниссу были посланы депутаты, чтобы потребовать пленных и обоз его армии, которые были захвачены болгарами. Эти депутаты напомнили губернатору, что они взяли крест и что они собираются сражаться на Востоке за дело Иисуса Христа. Они взывали к религии и человечности жителей Ниссы, которых они называли своими братьями.

Губернатор, не видевший в этих мирных словах ничего, кроме языка страха, показал себя непреклонным к их молитвам. Он сурово отослал их обратно к их генералу, сказав им, что крестоносцы сами подали сигнал к войне и что он не видит в них ничего, кроме врагов. Когда этот ответ был доведен до сведения армии Петра, каждый солдат пришел в негодование. Напрасно сенобит пытался успокоить их дух и попытаться начать новые переговоры; они обвиняли его в верности, они подозревали в его храбрости. Самые пылкие взялись за оружие; не было слышно ничего, кроме жалоб и угроз; и ни один крестоносец не подчинился бы никаким указаниям, кроме тех, которые были продиктованы его собственной гневной волей. Пока Петр совещался с губернатором Ниссы, две тысячи солдат подошли к крепостным валам и попытались взобраться на них. Они были отброшены болгарами и поддержаны большим количеством своих товарищей. Сражение стало всеобщим, и огонь резни запылал во всех частях света вокруг вождей, которые все еще говорили об условиях мира. Напрасно отшельник прибегал к мольбам, чтобы остановить безумное продвижение своих солдат, напрасно он становился между сражающимися; его голос, так хорошо знакомый крестоносцам, терялся в грохоте оружия. Они бросили вызов его власти; они презрели его молитвы. Его армия, сражавшаяся без порядка и без лидеров, была разгромлена и изрублена на куски. Женщины, дети, следовавшие за крестоносцами, их лошади, походное снаряжение, армейские сундуки, в которых хранились многочисленные подношения верующих, - все стало добычей врага, ярость и месть которого ничто не могло остановить.

Отшельник Петр с остатками своего отряда укрылся на холме по соседству с городом. Он провел ночь в тревоге, сожалея о своем поражении и печальных последствиях насилия, о котором он сам дал сигнал и подал пример венграм. Вокруг него было не более пятисот человек. Трубы и клиросы звучали не переставая, напоминая о тех, кто избежал резни и потерял себя в бегстве.

То ли дело было в том, что крестоносцы не могли найти безопасности, кроме как под своими собственными стандартами, то ли они все еще помнили о своей клятве, но никто не отказался от крестового похода. На следующий день после их поражения семь тысяч беглецов присоединились к своему генералу. Несколько дней спустя Петр собрал под своим командованием тридцать тысяч бойцов. Все остальные погибли в битве под стенами Ниссы. Армия крестоносцев, доведенная до плачевного состояния, не искала возможности отомстить за свое поражение, но меланхолическими шагами продвигалась к границам Фракии. У них не было средств ни к существованию, ни к сражению. Им приходилось опасаться нового поражения, если они столкнутся с болгарами, и всех ужасов голода, если они придут в пустынную страну. Несчастье сделало их более послушными и внушило им чувство умеренности. Сострадание, которое вызывали их страдания, было для них более полезным, чем ужас, который они хотели вызвать. Когда они перестали быть объектом страха, им была оказана помощь. Когда они вступили на территорию Фракии, греческий император послал депутатов пожаловаться на их беспорядки, но в то же время объявить о своем помиловании. Петр, страшившийся новых бедствий, заплакал от радости, когда узнал, что обрел благосклонность Алексея. Полный уверенности и надежды, он продолжил свой поход, и крестоносцы с пальмами в руках беспрепятственно прибыли под стены Константинополя.

Греки, которые не питали любви к латинянам, были более расточительны и добры в помощи, которую они им оказывали, находя их менее грозными. Они втайне аплодировали мужеству болгар и с самодовольством созерцали воинов Запада, одетых в лохмотья нищеты. Император желал увидеть выдающегося человека, взбудоражившего западный мир своим красноречием, и Петр был допущен на аудиенцию к Алексею. В присутствии всего своего двора император превозносил рвение проповедника крестового похода; и поскольку ему нечего было опасаться честолюбия отшельника, он осыпал его подарками, распорядился распределить оружие, деньги и провизию среди своей армии и посоветовал ему отложить начало войны до прибытия принцев и прославленных военачальников, принявших крест.

Этот совет был полезен, но самые прославленные герои крестового похода еще не были готовы покинуть Европу; им должны были предшествовать свежие войска крестоносцев, которые, маршируя без предусмотрительности и дисциплины по стопам армии Петра, должны были совершать те же бесчинства и подвергаться тем же неудачам. Священник из Пфальца проповедовал о крестовом походе в нескольких провинциях Германии. По его приказу пятнадцать или двадцать тысяч человек принесли клятву сражаться с неверными и объединились в вооруженный отряд. Поскольку проповедники священной войны выдавали себя за людей, вдохновленных Богом, люди верили, что они повинуются воле небес, принимая их за вождей крестового похода. Готшальк получил ту же честь, что была оказана Петру Отшельнику, и был избран генералом людьми, которых он убедил взяться за оружие. Эта армия прибыла в Венгрию к концу лета. Урожай, который был обильным, предоставил немцам прекрасную возможность предаться неводержанности. Наслаждаясь бурными сценами разврата, они забыли Константинополь, Иерусалим и самого Христа, чье поклонение и законы они маршировали защищать. Грабежи, насилия и убийства были повсюду оставлены в качестве следов их прохождения. Коломан собрал войска, чтобы наказать их за распущенность и напомнить им о принципах справедливости и законах гостеприимства. Солдаты Готшалька были полны мужества и поначалу защищались с преимуществом. Их сопротивление вызвало серьезную тревогу даже у венгров, которые решили прибегнуть к военной хитрости, чтобы ослабить их. Генерал Коломана притворился, что желает мира. Вожди венгров явились в лагерь

крестоносцев уже не как враги, а как братья. С помощью протестов и ласк они убедили их позволить разоружить себя. Немцы, рабы самых жестоких страстей, но простые и легковверные, поддались обещаниям христианского народа и предались слепому доверию, жертвами которого они очень скоро стали. Едва они сложили оружие, как вождь венгров подал сигнал к кровавой бойне. Молитвы, слезы крестоносцев, священный знак, который они носили на своей груди, не могли отразить удары вероломного и варварского врага. Их судьба достойна сожаления, и история могла бы пролить над ней слезы, если бы они сами уважали законы человечности.

Мы, несомненно, меньше удивляемся бесчинствам первых крестоносцев, когда вспоминаем, что они принадлежали к низшему классу людей, всегда слепых и всегда готовых надругаться над именами и святынями, когда их не сдерживают законы или лидеры. Гражданские войны, которые так долго тревожили Европу, значительно увеличили число бродяг и искателей приключений. Германия, более беспокойная, чем другие страны Запада, была полна людей, обученных разбою, и стала бичом общества. Почти все они встали под знамена креста и унесли с собой в новую экспедицию дух распушенности и бунтарства, которым они были воодушевлены.

На берегах Рейна и Мозеля собрался новый отряд крестоносцев, еще более мятежный и даже более недисциплинированный, чем отряды Петра и Готшалька. Им сказали, что крестовый поход принес прощение всех грехов, и, руководствуясь этим убеждением, они спокойно совершали величайшие преступления. Движимые фанатичной гордыней, они считали себя вправе презирать и дурно обращаться со всеми, кто не присоединился к священному походу. Война, которую они собирались вести, казалась им настолько угодной Богу, и они думали этим оказать Церкви такую важную услугу, что всех богатств земли едва хватило бы, чтобы заплатить им за их преданность. Все, что попадало в их руки, казалось победой над неверными и становилось справедливой наградой за их труды.

Ни один капитан не осмеливался встать во главе этого свирепого отряда;^[55] они бродили в беспорядке и не подчинялись никому, кроме тех, кто разделял их дикий бред. Священник по имени Фолькмар и граф Эмицио, которые думали искупить необузданность своей юности чрезмерным фанатизмом, привлекли своими декламациями внимание и доверие новых крестоносцев. Эти два вождя были поражены тем, что люди зашли так далеко, чтобы воевать с мусульманами, которые по своему собственному закону охраняли гробницу Иисуса Христа, в то время как они оставили в покое нацию, которая распяла своего Бога. Чтобы еще больше распалить человеческие страсти, они позаботились о том, чтобы заговорить с небес и подкрепить свое мнение чудесными видениями. Народ, для которого евреи повсюду были объектом ненависти и ужаса, уже проявил себя, но слишком готовым к их преследованию. Торговля, которую они вели почти в одиночку, передала в их руки значительную часть золота, имевшего тогда хождение в Европе. Вид их богатства неизбежно раздражал крестоносцев, которые по большей части были вынуждены молить о милосердии верующих, чтобы раздобыть средства для начала своего путешествия. Вероятно также, что евреи своими насмешками оскорбляли энтузиазм христиан по поводу крестового похода.

Все эти мотивы, соединенные с жадной грабежа, разожгли костер преследований. Эмицио и Фолькмар послужили сигналом и примером. По их зову разъяренная толпа рассредоточилась по городам Рейна и Мозеля, безжалостно убивая всех евреев, которых они встречали на своем

пути. В своем отчаянии многие из этих жертв предпочли быть самими разрушителями, чем ожидать верной смерти от рук своих врагов. Некоторые заперлись в своих домах и погибли в пламени, которое они сами разожгли; некоторые привязали к своей одежде большие камни и бросили себя и свои сокровища в Рейн или Мозель. Матери прижимали своих детей к груди, говоря, что они предпочитают отправить их таким образом в лоно Авраама, чем видеть, как их отдают на растерзание христианам. Женщины и старики молили о сострадании, чтобы помочь им умереть; все эти несчастные существа взывали к смерти так же искренне, как другие люди просят о жизни. Посреди этих сцен запустения история получает удовольствие от того, что отдает должное просвещенному рвению епископов Вормса, Трева, Майнса и Шпиля, которые возвысили голос религии и человечности и открыли свои дворцы как убежища для евреев от преследования убийц и злодеев.

Солдаты Эмицио гордились своими подвигами, и сцены резни наполняли их ликованием. Гордые, как будто они победили сарацин, они отправились в свой поход, нагруженные добычей, взывая к небесам, которые они так жестоко оскорбили. Они были рабами самых жестоких суеверий и заставляли предшествовать себе козла и гуся, которым приписывали нечто божественное.[56] Эти подлые животные, стоявшие во главе батальонов, были их вождями и пользовались уважением и доверием толпы вместе со всеми теми, кто являл собой примеры самых ужасных эксцессов. Все люди разбегались при приближении этих страшных поборников креста. Христиане, встречавшиеся им на пути, были вынуждены аплодировать их рвению, в то же время дрожа от страха стать его жертвами. Эта необузданная толпа, не будучи знакома ни с людьми, ни со странами, через которые им предстояло пройти, не ведая даже о бедствиях тех, кто предшествовал им на этом опасном пути, подобно урагану продвигалась к равнинам Венгрии. Мерсбург закрыл перед ними свои ворота и отказал им в провизии. Они были возмущены тем, что к воинам Христа было проявлено так мало уважения, и сочли своим долгом обращаться с венграми так же, как они обращались с евреями. Мерсбург,[57] расположенный на Лейте, реке, впадающей в Дунай, был защищен болотами. Крестоносцы переправились через реку, вырубил лес и проложили дамбу, которая подвела их вплотную к стенам этого места. После некоторой подготовки был подан сигнал, лестницы были приставлены к крепостному валу, и начался общий штурм. Осажденные оказали ожесточенное сопротивление и осыпали своих врагов градом дротиков и стрел с потоками кипящего масла. Осаждающие, подбадривая друг друга, удвоили свои усилия. Казалось, Победа вот-вот будет за ними, как вдруг несколько лестниц поддались под весом нападавших и увлекли за собой при падении парапеты и обломки башен, которые сотрясли тараны. Крики раненых и грохот рушащихся руин посеяли панику среди крестоносцев. Они оставили полуразрушенные валы, за которыми трепетали их враги, и отступили в величайшем беспорядке.

“Сам Бог, ” говорит Вильгельм Тирский, “ посеял ужас в их рядах, чтобы наказать за их преступления и исполнить слова мудреца: ‘Нечестивый человек бежит, не будучи преследуемым’”. Жители Мерсбурга, пораженные своей победой, наконец покинули укрытие своих крепостных валов и обнаружили, что равнина покрыта летунами, которые побросали оружие. Огромное количество этих разъяренных существ, которым еще недавно ничто не могло противостоять, позволили без сопротивления истребить себя. Многие погибли, поглощенные болотами. Воды Дуная и Лейты покраснели от их крови и покрылись их телами.

Авангард этой армии постигла та же участь среди болгар, чьи территории они завоевали. В городах и на равнинах эти недостойные крестоносцы повсюду встречали людей, таких же

свирепых и неумолимых, как они сами, которые, по словам историков того времени, были поставлены на пути паломников как орудия божественного гнева. Очень небольшое число людей избежало кровавой бойни. Среди немногих, спасшихся бегством, некоторые вернулись в свою страну, где их приветствовали презрением и насмешками их соотечественников; остальные прибыли в Константинополь, где греки узнали о новых бедствиях латинян с тем большей радостью, что сильно пострадали от бесчинств, совершенных армией Петра Отшельника.

Эта армия, объединенная с армией Вальтера, получила под свои знамена пизанцев, венецианцев и генуэзцев и могла насчитывать около ста тысяч бойцов. Воспоминание об их нищете заставило их на время уважать приказы императора и законы гостеприимства; но изобилие, праздность и вид богатств Константинополя вернули в их лагерь распущенность, неподчинение и жажду грабежа. Нетерпеливо ожидая сигнала к войне, они грабили дома, дворцы и даже церкви в пригородах Византии. Чтобы избавить свою столицу от этих разрушительных гостей, Алексей снабдил их судами и перевез на другой берег Босфора.

Ничего нельзя было ожидать от группы, состоящей из беспорядочной смеси всех наций и остатков нескольких недисциплинированных армий. Огромное количество крестоносцев, покидая свою страну, не думали ни о чем, кроме выполнения своего обета, и только вздыхали о счастье лицезреть Иерусалим; но все эти благочестивые намерения исчезли по пути следования. Каким бы ни был мотив, объединяющий их, когда люди не ограничены никакими ограничениями, господство получают наиболее развращенные, а дурные примеры составляют закон. Как только солдаты Петра миновали проливы, они считали всех, кого встречали, своими врагами, и подданные греческого императора пострадали гораздо больше, чем турки, от своих первых подвигов. В своей слепоте они соединили суеверие с распущенностью и под знаменами креста совершили преступления, от которых содрогается природа.^[58] Но вскоре среди них вспыхнули разногласия, и они отомстили им за все зло, которое они причинили христианам.

Они разбили свой лагерь на плодородных равнинах, граничащих с Никомедийским заливом. Каждый день отряды заходили в окрестности и возвращались, нагруженные добычей. Раздел добычи вызывал между ними частые ссоры. Французы, имевшие самонадеянный и подтрунивающий характер, приписывали себе весь успех этого начала войны и относились к итальянцам и немцам с презрением. Последние отделились от армии и под предводительством вождя по имени Ринальдо,^[59] продвинулись к горам, которые граничат с Никеей. Там они оказались хозяевами форта, гарнизон которого они перебили, и хотя их отряд был немногочислен и испытывал большую нехватку провизии, они были достаточно смелы, чтобы дожидаться армии, которая приближалась, чтобы осадить их. Они не смогли устоять даже при первых атаках турок и почти все были преданы мечу; их генерал и несколько его солдат спасли свои жизни только тем, что приняли веру Магомета и дали позорную клятву сражаться против христиан.

Когда весть об этом бедствии достигла лагеря крестоносцев, она принесла с собой волнение и тревогу. Французы, которые за несколько дней до этого терпеть не могли немцев и итальянцев, оплакивали их трагическую судьбу и горели желанием выступить в поход, чтобы отомстить за них. Напрасно Вальтер, командовавший ими, уверял их, что крестоносцы, о потере которых они сожалели, пали жертвами их собственной неосторожности и что их главной обязанностью было избегать их примера; ничто не могло сдержать нетерпения и слепого рвения его солдат.

Последние полагали, что они уже видели летящих перед ними турок, и боялись, что не смогут их догнать. В христианской армии поднялся ропот против генерала, которого обвиняли в недостатке мужества, потому что он предвидел неудачу. От ропота они перешли к восстанию, и приказ об отходе и атаке был вырван у него насилием. Уолтер, стеновая, последовал за упрямой толпой, которая в беспорядке двинулась к Никее и которую турки вскоре накажут за пренебрежение, с которым они отнеслись к совету своих вождей.

Султан Никеи, предвидя их неосторожность, спрятал часть своей армии в лесу и ждал их с остальными своими войсками на равнине у подножия горы. После нескольких часов марша по неизвестной им стране христиане подверглись неожиданному нападению турок, которые, как они полагали, обратились в бегство. Они построились в спешке и поначалу доблестно оборонялись. Но у врага были преимущества в позиции и численности, и вскоре они были окружены со всех сторон и полностью разбиты. Резня была ужасной: Уолтер, который был достоин командовать лучшими солдатами, пал, пронзенный семью стрелами. За исключением трех тысяч человек, укрывшихся в замке недалеко от моря, вся армия погибла в одном сражении, и вскоре от них осталась лишь беспорядочная груда костей, нагроможденная на равнинах Никеи, как прискорбный памятник, указывающий другим крестоносцам дорогу в Святую Землю.

Такова была судьба того множества паломников, которые угрожали Азии и все же никогда не видели мест, которые они отправлялись завоевывать. Своими излишествами они настроили всю Грецию против идеи крестовых походов, а своим способом ведения боя научили турок презирать оружие христиан Запада.

Петр, вернувшийся в Константинополь перед битвой и давно потерявший всякий авторитет среди крестоносцев, выступил с речью против их индокитайства и гордыни и не увидел в них ничего, кроме разбойников,^[60] которых Бог считал недостойными созерцать могилу Своего Сына или поклоняться ей. С того времени стало совершенно очевидно, что апостол священной войны не обладал качествами, позволяющими ему действовать в качестве ее руководителя. Хладнокровие, благоразумие, непреклонная твердость - только они могли руководить толпой, движимой столькими страстями и не слышащей ничего, кроме энтузиазма. Кенобит Петр, подготовивший своим красноречием великие события крестового похода, затерялся в толпе паломников, играл всего лишь заурядную роль, и в конце концов его едва ли можно было заметить в войне, которая была его делом.

Европа, без сомнения, с ужасом и изумлением узнала о несчастливом конце трехсот тысяч крестоносцев, которые, как она видела, ушли; но те, кто должен был последовать за ними, нисколько не пали духом и решили извлечь пользу из уроков, которые преподали им бедствия их товарищей. Запад вскоре увидел пешие армии, более регулярные и более грозные, чем те, что были уничтожены на берегах Дуная и на равнинах Вифинии.

Описывая их поход и подвиги, мы собираемся проследить гораздо более благородные картины. Здесь героический дух рыцарства проявит себя во всем своем великолепии, и начнется блестящий период священной войны.

Предводители христианских армий, которые теперь покидали Запад, уже были прославлены своей доблестью и подвигами. Во главе великих полководцев, командовавших в этом крестовом походе, история, так же как и поэзия, должна поставить Годфри де Бульона,^[61] герцог Нижней

Лотарингии. Он принадлежал к прославленному роду графов Булонских и происходил по женской линии от Карла Великого. С самой ранней юности он отличился в открытой войне, которая велась между Святым Престолом и императором Германии. На поле битвы он убил Родольфа де Ренфилда, герцога Швабии, которому Григорий послал императорскую корону. Когда в Италии разразилась война за дело антипапы Анаклета, Годфри первым вступил в Рим, осажденный и взятый войсками Генриха. Впоследствии он раскаялся в том, что примкнул к партии, которую сама по себе победа не могла сделать торжествующей и которую большая часть христианского мира считала кощунственной. Чтобы искупить подвиги, осужденные духом его времени как бесполезные, он дал обет отправиться в Иерусалим не как простой паломник, а как освободитель.

Современная история, сохранившая до нас его портрет, сообщает нам, что он сочетал храбрость и добродетели героя с простотой сенобита.^[62] Его мастерство в бою и необычайная сила тела сделали его гордостью кэмпса. Благоразумие и умеренность умеряли его доблесть; его преданность была искренней и бескорыстной; и нигде во время священной войны он не проявлял своего мужества и не вершил свою месть иначе, как против врагов Христа. Верные своему слову, либеральные, приветливые, полные человечности, принцы и рыцари смотрели на него как на образец для подражания, солдаты — как на своего отца - все горели желанием сражаться под его знаменами. Если он и не был лидером крестового похода, как утверждают некоторые авторы, то, по крайней мере, приобрел ту империю, которую дарует добродетель. Среди своих ссор и разногласий принцы и бароны постоянно взывали к мудрости Годфри, и в условиях военных опасностей его советы становились абсолютными приказами.

По сигналу герцога Лотарингского знать Франции и рейнских границ расточала свои сокровища, готовясь к крестовым походам. Все вещи, пригодные для войны, стоили так непомерно дорого, что продуктов поместья едва хватало на снаряжение одного рыцаря. Женщины лишились своих самых драгоценных украшений, чтобы подготовить своих сыновей и мужей к походу. Даже люди, утверждают историки, которые в другие времена скорее приняли бы тысячу смертей, чем отказались бы от своих наследственных владений, либо продавали их по низкой цене, либо обменивали на оружие. Золото и сталь, казалось, были единственными желанными предметами в мире.

Теперь появились запасы богатств, которые были скрыты из-за страха или алчности. Слитки золота, чеканные монеты, говорит аббат Гибер, горами лежали в палатках главных крестоносцев, как самые обычные фрукты в хижинах сельских жителей.

Многие бароны, не имея ни земель, ни замков на продажу, молили о милосердии верующих, которые не приняли креста, и могли надеяться принять участие в священной войне, помогая снаряжать крестоносцев. Некоторые разоряли своих вассалов; другие, как Уильям, виконт де Мелун,^[63] грабили города и деревни, чтобы создать условия для борьбы с неверными. Годфри де Бульон, руководствуясь более просвещенным благочестием, удовлетворился отчуждением своих владений. Мы читаем у Роберта Гагина, что он позволил жителям Меца выкупить свой город, сюзереном которого он был. Он продал княжество Стенай епископу Вердена и уступил свои права на герцогство Бульон епископу Льежа за небольшую сумму в четыре тысячи серебряных марок и фунт золота, что заставляет историка крестоносцев сказать^[64] что светские князья погубили себя ради дела Иисуса Христа, в то время как князья Церкви воспользовались рвением крестоносцев, христиане, чтобы обогатиться.

Герцог Бульонский собрал под своим знаменем восемьдесят тысяч пехотинцев и десять тысяч всадников. Он начал свой поход через восемь месяцев после Клермонского собора в сопровождении большого числа немецкой и французской знати. Он взял с собой своего брата Юстаса де Булонь, другого брата Болдуина и своего двоюродного брата Болдуина де Бурга. Эти двое последних, которым суждено было однажды, подобно Готфруа де Бульону, стать королями Иерусалима, носили тогда звание простых рыцарей в христианской армии. Все они были воодушевлены не столько искренним благочестием, сколько надеждой достичь большого состояния в Азии и без сожаления расстались со скудными владениями, которыми они владели в Европе. Еще более примечательными были в свите герцога Лотарингского Болдуин, граф де Амо; Гарнье, граф де Грай; Конон де Монтегю, Дюдон де Конц, столь прославленные в “Освобожденном Иерусалиме”; два брата Анри и Годфри де Аш, Жерар де Шеризи, Ринальдо и Питер де Туль, Хью де Сен-Поль и его сын Энгельран. Эти вожди привели с собой толпу других рыцарей, менее известных, но не менее грозных своей доблестью.

Армия под командованием герцога Лотарингского, состоящая из дисциплинированных и испытанных в боях солдат, представляла собой немцам зрелище, совершенно отличное от отряда Петра Отшельника, и восстановила честь крестоносцев во всех странах, через которые они проходили. Они встретились с помощью и союзниками там, где первые поборники креста не нашли ничего, кроме препятствий и врагов. Годфри сожалел о судьбе тех, кто был до него, не стремясь отомстить за их дело. Венгры и болгары, со своей стороны, забыли о жестокостях, совершенных солдатами Питера, Готшалка и Эмицио; они восхищались умеренностью Годфри и приносили клятвы за успех его оружия.

В то время как герцог Лотарингский продвигался к Константинополю, Франция собирала другие армии для священной войны. Через несколько месяцев после Клермонского собора знать королевства собралась, чтобы обсудить дела крестового похода. На этом собрании, проходившем в присутствии Филиппа I, который только что был отлучен от церкви, никто не выступал против войны, проповедуемой под эгидой Святого Престола; никому даже в голову не приходило прибегать к политике, чтобы умерить или направить страсти, волновавшие Европу. Кабинеты князей были так же увлечены, как и толпа, и можно сказать, что судьба Франции одна взяла на себя ответственность за эти великие события, которые, хотя и неудачные поначалу, впоследствии привели к возвышению монархии, пришедшей в упадок при слабых преемниках Карла Великого.

Ближе к середине десятого века глава третьей династии освятил узурпацию власти знати и, чтобы получить титул короля, почти отказался от того небольшого, что осталось от прав короны. Филипп I, внук Гуго Капета, обнаружил, что его владения простирались лишь немногим дальше Парижа и Орлеана; остальной Францией управляли великие вассалы, некоторые из которых превосходили монарха по могуществу. Королевская власть, единственная надежда народа против притеснений знати и духовенства, была настолько слабой, что мы в настоящее время удивляемся, как она не пала, настолько многочисленными были трудности и враги, окружавшие ее со всех сторон. Поскольку монарх подвергался порицанию Церкви, было легко склонить своих подданных к неповиновению и узаконить любой вид бунта, придав ему вид священного предложения.

Крестовый поход удалил далеко от Европы всех, кто мог воспользоваться несчастливой ситуацией, в которой оказалось королевство; он спас страну от гражданской войны и

предотвратил такие кровавые раздоры, какие вспыхнули в Германии во времена правления Генриха и понтификата Григория.

Таковы были соображения, которые могли бы прийти в голову самым просвещенным людям и которые должны были бы поразить нас сильнее, чем современников Филиппа.^[65] Было бы трудно поверить, что кто-либо из советников короля Франции осознал во всей полноте эти благотворные результаты крестового похода, которые были признаны много лет спустя и которые были должным образом оценены только в эпоху, в которую мы живем. С другой стороны, они понятия не имели, что война, в которой проявятся все самые опасные страсти, будет сопровождаться большими несчастьями и катастрофическими беспорядками. Честолюбие, вседозволенность, дух энтузиазма, все то, чего так боится страна, может также привести к гибели армий. Ни один из врагов Филиппа, ни один из тех, кто остался дома, не задумывался над этим. Все, как мы уже говорили, те, кто принадлежал к партии Святого Престола, и те, кто придерживался королевской власти, позволили течению событий увлечь себя, не ни понимая их причин, ни предвидя их последствий. Самые мудрые слепо следовали той невидимой судьбе, которая распоряжается миром так, как ей заблагорассудится, и использует страсти людей как инструмент для осуществления своих замыслов.

В суеверный век вид вундеркинда или экстраординарного явления оказывал большее влияние на умы людей, чем оракулы мудрости или разума.^[66] Историки сообщают нам, что пока бароны собирались, луна, находившаяся в затмении, приобрела цвет крови. Когда затмение закончилось, его диск был окружен небывалым великолепием. Несколько недель спустя, по словам аббата Гибера, северный горизонт был весь в огне, и перепуганные люди выбегали из домов и городов, полагая, что враг приближается с огнем и мечом в руках. Эти явления, наряду с некоторыми другими, рассматривались как знаки воли Божьей и предвестия ужасной войны, которая вот-вот должна была начаться во имя его. Они повсюду удвоили энтузиазм в отношении крестового похода. Люди, которые до сих пор оставались равнодушными, теперь присоединились к общему бреду. Все французы, призванные стать воинами и еще не давшие клятвы сражаться против неверных, поспешили теперь принять крест.

Воины Вермандуа маршировали вместе с подданными Филиппа под знаменами своего графа Гуго, молодого принца, блестящими качествами которого очень восхищался двор. Гордясь тем, что он брат короля Франции и первый из французских рыцарей, он отличился своей храбростью и показными манерами. Он проявлял непобедимое мужество на поле боя, но слишком легко поддавался лести, и ему не хватало настойчивости при поражениях. Хотя фортуна была не слишком благосклонна к нему, ни один из героев крестового похода не проявлял более благородных и бескорыстных намерений. Если бы он не заслужил своими подвигами прозвище *Великого*, которое дала ему история, он получил бы его только за то, что прислушался к своему рвению и не искал ничего, кроме славы в войне, которая принесла королевства честолюбию принцев и простых рыцарей.

Роберт по прозвищу *Курте-юз*, герцог Нормандии, который повел своих вассалов на священную войну, был старшим сыном Вильгельма Завоевателя. Он присоединил к благородным качествам некоторые недостатки, наиболее достойные порицания в принце. Даже в ранней юности он не мог выносить отцовской власти; но, увлекаемый скорее стремлением к независимости, чем настоящими амбициями, после того как развязал войну против своего отца ради царствования в Нормандии, он пренебрег возможностью взойти на английский трон после

смерти Вильгельма. Его легкомыслие, непостоянство и слабость вызывали презрение как у подданных, так и у врагов. Его расточительность разорила его народ и довела его, если мы можем доверять монаху Одеру Виталу, до состояния, граничащего с абсолютной нищетой. Историк, которого я только что процитировал, описывает черту, в которую, хотя и трудно поверить, в то же время описывает и Роберта, и эпоху, в которую он жил. “Он часто был вынужден оставаться в постели из-за отсутствия одежды и часто отсутствовал на мессе, потому что его нагота мешала ему помогать в ней”. Это было нестремление к завоеванию царств в Азии, а его непостоянный рыцарский нрав, который заставил его принять крест и взяться за оружие. Норманны, странствующий и воинственный народ, прославившийся среди всех народов Европы своей приверженностью к паломничеству, толпами спешили под его знамена. Поскольку у герцога Роберта не было средств для покрытия расходов на армию, он передал Нормандию в залог своему брату Уильяму Руфусу. Вильгельм, которого его ровесники обвиняли в нечестии и который смеялся над рыцарскими подвигами крестоносцев, с радостью ухватился за возможность управлять провинцией, которую он надеялся однажды объединить со своим королевством. Он обложил налогами духовенство, которое ему не нравилось, и приказал переплавить церковное серебро, чтобы выплатить сумму в десять тысяч серебряных марок Роберту, который отправился в Святую Землю в сопровождении почти всей знати своего герцогства.

Другой Роберт, граф Фландрии, поставил себя во главе фризонов и фламандцев. Он был сыном Роберта по прозвищу *Фрисон*, который узурпировал княжество Фландрия у своих собственных племянников и который, чтобы искупить свои победы, незадолго до крестового похода совершил паломничество в Иерусалим. Молодой Роберт легко нашел солдат для своего предприятия в стране, где все носили оружие во время гражданских войн и где люди были воодушевлены рассказами о множестве паломников, вернувшихся из Святой Земли. Он израсходовал сокровища своего отца, чтобы отправиться в экспедицию, которая принесла ему репутацию отважного рыцаря, а также прозвище “*Копье и меч*” *христиан*. Пятьсот всадников, посланных Робертом Фризонам к императору Алексею, уже прибыли в Константинополь раньше него.

Стефан, граф Блуа и Шартра, также принял крест. Он считался самым богатым дворянином своего времени. Говорили, что количество его замков было равно количеству дней в году. То, что действительно можно было бы считать феноменом одиннадцатого века, этот принц любил и развивал литературу. Благодаря своему красноречию и уму он оказался душой советов; но он не мог долго выносить тяготы войны и иногда проявлял робость на поле боя.

Этих четырех вождей сопровождала толпа рыцарей и знати, среди которых история называет Роберта Парижского, Эврарда Прусайского, Ашара де Монмерля, Изуара де Мюзона, Стефана, графа д'Альбермарля, Вальтера де Сен-Валери, Роже де Барневилля, Фергана и Конана, двух прославленных бретонцев, Гиза де Труссея, Майлза де Брайеса, Рауля де Ожанси, Ротру, сына графа де Перша; Одо, епископа Байе, дядю герцога из Нормандии; Рауль де Гадер, Ив и Альберик, сыновья Гуго де Грандмениля. Большая часть графов и баронов взяла с собой своих жен и детей, а также все свое военное снаряжение. Они пересекли Альпы и направили свой марш к городам Италии с намерением отправиться в Грецию. Они нашли в окрестностях Лукки папу Урбана, который дал им свое благословение, похвалил их усердие и вознес молитвы об

успехе их предприятия. Граф де Вермандуа, получив знамя Церкви из рук верховного понтифика, вместе с другими князьями отправился в Рим, чтобы посетить могилы святых Петра и Павла. Столица христианского мира была тогда театром гражданской войны. Солдаты Урбана и солдаты антипапы Гиберта с оружием в руках сражались за церковь Святого Петра и по очереди уносили подношения верующих. Что бы ни говорили некоторые современные историки, крестоносцы не принимали участия в смутах, разделивших город Рим; и что еще более удивительно, Урбан не призвал на защиту своего дела ни одного из воинов, которых его призыв побудил взяться за оружие. Что касается остального, то зрелище, представшее в городе Святого Петра, должно быть, вызвало скандал у большей части французских рыцарей. Некоторые, довольные тем, что приветствовали гробницу апостолов, и, возможно, излечившиеся от своего святого энтузиазма при виде насилия, осквернявшего святилище, отказались от знамени креста и вернулись в свою страну. Другие продолжили свой поход в сторону Апулии; но когда они прибыли в Бари, зима начала делать навигацию опасной, и они были вынуждены в течение нескольких месяцев ждать благоприятного момента для отплытия.

Однако проход французских крестоносцев пробудил рвение итальянцев. Богемон, принц Тарентский, был первым, кто решил разделить их судьбу и разделить славу священного похода. Он происходил из семьи тех рыцарей, которые основали Неаполитанское королевство и Сицилию. За пятьдесят лет до крестового похода его отец, Роберт Жискар ("хитрый"), покинул замок Отевиль в Нормандии с тридцатью пехотинцами и пятью всадниками. При поддержке некоторых своих родственников и соотечественников, которые предшествовали ему в Италии, он с преимуществом сражался против греков, лангобардов и сарацин, которые оспаривали у него Апулию и Калабрию. Вскоре он стал достаточно могущественным, чтобы поочередно быть врагом и защитником пап. Он разбил армии императоров Востока и Запада, а когда умер, участвовал в завоевании Греции.

Богемон обладал не меньшей хитростью и не меньшими талантами, чем его отец, Роберт Жискар. Современные авторы, которые никогда не упускают случая описать физические качества своих героев, сообщают нам, что его рост был настолько велик, что на локоть превышал рост самого высокого человека в его армии; его глаза были голубыми и казались полными страсти и надменной гордости. Его присутствие, говорит Анна Комнина, было столь же поразительным для глаз, сколь и его репутация для ума. Когда он говорил, его слушатели верили, что красноречие было его единственным занятием; когда он появлялся при оружии, можно было подумать, что он ничего не делал, кроме как владел копьем и мечом. Воспитанный в школе нормандских героев, он скрывал политические комбинации под маской насилия; и хотя у него был гордый и надменный характер, он мог смириться с обидой, когда месть была бы ему невыгодна. Все, что могло способствовать успеху его замыслов, казалось ему справедливым. Он научился у своего отца считать своим врагом каждого человека, чье богатство или состояний он жаждал; его не сдерживали ни страх Божий, ни мнение людей, ни его собственные клятвы. Он последовал за Робертом в войне против императора Алексея и отличился в битвах при Дураццо и Лариссе; но, лишенный наследства по завещанию, после смерти отца у него не осталось ничего, кроме памяти о его подвигах и примера его семьи. Он объявил войну своему брату Рожеру и недавно вынудил его уступить ему Тарентское княжество, когда в Европе заговорили об экспедиции на Восток. Освобождение гробницы Христа не было целью, которая воспламенила его рвение или побудила его принять крест. Поскольку он поклялся в вечной ненависти к греческим императорам, ему улыбалась мысль о том, чтобы пересечь их империю

во главе армии; и, полный уверенности в собственной удаче, он надеялся завоевать королевство до того, как достигнет Иерусалима.

Маленькое княжество Тарент не могло снабдить его армией; но во имя религии вождь имел тогда право собирать войска во всех государствах. Энтузиазм по поводу крестового похода вскоре поддержал его проекты и привел под его знамена большое количество воинов.

Он сопровождал своего брата и дядю Роджера во время осады Амальфи, процветающего города, который с презрением отказался от защиты новых хозяев Апулии и Сицилии. Богемон, который хорошо умел говорить в нужное время языком энтузиазма и скрывать свои амбиции под маской религиозного фанатизма, сам проповедовал крестовый поход в армии осаждающих. Он ходил среди солдат, рассказывая о принцах и великих военачальниках, принявших крест. Он обращался к самым благочестивым воинам религии, которую предстояло защищать, и превозносил перед другими славу и богатства, которые увенчают их подвиги. Армия была покорена его речами, и вскоре лагерь огласился криками: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”* Богемон втайне поздравил себя с успехом своего красноречия, разорвал свой герб на полосы, из которых сделал кресты, и приказал своим офицерам раздать их солдатам. Теперь требовался только вождь, который мог бы командовать священной экспедицией, и новые крестоносцы пришли просить принца Тарента встать во главе их. Богемон, казалось, сначала колебался; он отказался от того, чего страстно желал, и солдаты, собравшиеся вокруг него, удвоили свои просьбы. Наконец он, казалось, уступил их настойчивости и подчинился их воле. Мгновенно рвение и энтузиазм стали более оживленными и более общими. За невероятно короткий промежуток времени вся армия поклялась последовать за ним в Палестину. Рожеру пришлось снять осаду Амальфи, и счастливый Богемон всецело посвятил себя приготовлениям к путешествию.

Вскоре после этого он отплыл к берегам Греции с десятью тысячами всадников и двадцатью тысячами пехотинцев. Все прославленные рыцари Апулии и Сицилии последовали за принцем Тарента. С ним шли Ричард, принц Салернский, и Рандульф, его брат; Герман де Кани, Роберт де Ганс, Роберт де Сурдеваль, Роберт сын Тристана, Буаль де Шартр и Хамфри де Монтегю. Все эти воины прославились своими подвигами, но никто из них не был более достоин привлечь к себе внимание потомков, чем храбрый Танкред.^[67] Хотя он принадлежал к семье, в которой честолюбие передавалось по наследству, им не руководила никакая другая страсть, кроме желания сражаться с неверными. Благочестие, слава и, возможно, дружба только с Богемоном привели его в Азию. Современники восхищались его романтической гордостью и надменной строгостью. Он не признавал никакого превосходства, кроме превосходства добродетели, за исключением случайного подчинения силе красоты. Чуждый всех мотивов и интересов политики, он не признавал никаких других законов, кроме религии и чести, и всегда был готов умереть за их дело. В анналах рыцарства нет более совершенного образца; поэзия и история объединились, чтобы прославить его, и обе воздали ему одни и те же почести.

Крестоносцы из южных провинций Франции выступили в поход под командованием Адемара де Монтейля и Раймона, графов де Сен-Жиль и Тулуза. Епископ Адемар действовал как духовный руководитель крестового похода; его титул апостольского легата и личные качества снискали ему в священной войне доверие и уважение паломников. Его увещевания и советы внесли большой вклад в поддержание порядка и дисциплины. Он утешал крестоносцев в их невзгодах, он воодушевлял их среди опасностей; облаченный одновременно в знаки отличия понтифика и

рыцарские доспехи, он являл в палатке образец христианских добродетелей, а на поле боя часто демонстрировал неустрашимую доблесть.

Раймонд, шедший в поход вместе с Адемаром, прославился тем, что сражался в Испании на стороне сидов и несколько раз побеждал мавров под предводительством Альфонсо Великого, который выдал за него замуж свою дочь Эльвиру. Его обширные владения на берегах Роны и Дордони, а еще больше его подвиги против сарацин сделали его одним из самых замечательных среди великих вождей крестового похода. Возраст не погасил в графе Тулузе ни пыла, ни страстей юности. Поспешный и порывистый, с характером надменным и непреклонным, он имел меньше амбиций завоевывать королевства, чем заставлять каждого подчиняться своей воле. И греки, и сарацины признавали его храбрость. Его подданные и товарищи по оружию ненавидели его за упрямство и жестокость. Несчастный принц, он навеки распрощался со своей страной, которой однажды предстояло стать ареной ужасного крестового похода, направленного против его собственной семьи!

Вся знать Гаскони, Лангедока, Прованса, Лимузена и Оверни сопровождала Раймона и Адемара. Современные историки называют среди рыцарей и лордов, принявших крест, Эракля, графа де Полиньяка, Понса де Балазана, Гийома де Сабрана, Элеазара де Кастри, Элеазара де Монреальона, Пьера Бернара де Монтаньяка, Раймона де Лилля, Пьера Раймона де Отпуля, Гуффье де Ластура, Гийома V., сеньора Монпелье, Роже, графа де Фуа, Раймона Пеле, сеньора д'Алэ, Исарда, графа де Дье, Рамбо, граф д'Оранж, Гийом, граф де Ферез, Гийом, граф де Клермон, Жерар, сын Гильяберта, граф де Руссильон, Гастон, виконт де Беарн, Гийом Аманье д'Альбре, Раймон, виконт де Тюрени, Раймон, виконт де Кастийон, Гийом д'Уржаль и граф де Форткалькье. По примеру Адемара епископы Апта, Лодева и Оранжа, а также архиепископ Толедский взяли крест и повели часть своих вассалов на священную войну.

Раймонд, граф Тулузский, сопровождаемый своей женой Эльвирой и сыновьями, встал во главе ста тысяч крестоносцев, двинулся к Лиону, где пересек Рону, пересек Альпы, Ломбардию и Фриуль и направил свой марш на территорию греческой империи, через дикие горы и через не менее дикие народы Далмации.^[68]

Алексий, моливший о помощи латинян, пришел в ужас, когда узнал численность своих освободителей. Предводителями крестового похода были всего лишь князья второго порядка, но они привлекли с собой все силы Запада. Анна Комнина сравнивает множество крестоносцев с морским песком или звездами на небесах, а их бесчисленные отряды - с бурными потоками, которые соединяются в великую реку.^[69] Алексис научился бояться Богемонда на равнинах Дураццо и Лариссы. Хотя он был менее знаком с мужеством и способностями других латинских князей, он раскаивался в том, что выдал им секрет своей слабости, обратившись к ним за помощью. Его тревоги, которые усилились из-за предсказаний астрологов и мнений, распространившихся среди его народа, становились все серьезнее по мере продвижения крестоносцев к его столице.^[70]

Восседая на троне, с которого он сбросил своего учителя и благодетеля, он не мог верить в добродетель и лучше, чем кто-либо другой, понимал, что может диктовать честолюбие. Он проявил некоторую отвагу, добившись престола, но руководствовался лишь притворством — обычной политикой греков и всех слабых государств. Если Анна Комнина сделала из негосововершенного принца, то латиняне представили его вероломным и жестоким монархом. Беспристрастная история, которая одинаково отвергает преувеличения панегириков или

сатиры, не может видеть в Алексее ничего, кроме слабого правителя с суеверным характером, увлеченного гораздо больше любовью к тщеславному великолепию и показухе, чем какой-либо страстью к славе. В его силах было встать во главе крестоносцев и отвоевать Малую Азию, двинувшись с латинянами на Иерусалим. Это великое предприятие встревожило его слабость. Его робкое благоразумие заставило его поверить, что достаточно обмануть крестоносцев, чтобы им нечего было бояться, и получить от них напрасное почтение, чтобы извлечь выгоду из их побед. Все казалось ему хорошим и справедливым, что могло бы помочь ему выбраться из положения, опасность которого увеличивала его политика и которое шаткость его проектов с каждым днем ставила в еще более затруднительное положение. Чем усерднее он старался внушить доверие, тем более подозрительной становилась его добросовестность. Стремясь внушить страх, он обнаружил все тревоги, которые испытывал сам. Как только он узнал о походе князей крестового похода, он отправил к ним послов, чтобы похвалить их и проникнуть в их намерения. Тем временем он повсюду расставил войска, чтобы преследовать их при прохождении.

Граф де Вермандуа, выброшенный бурей на берега Эпира, удостоился величайших почестей от губернатора Дураццо и по приказу Алексея был препровожден пленником в Константинополь. Греческий император надеялся, что брат короля Франции станет в его руках заложником, который мог бы защитить его от авантюры латинян; но он только возбудил подозрение и вызвал ненависть руководителей крестового похода. Годфруа де Бульон прибыл в Филиппополи, когда услышал о пленении графа де Вермандуа. Он послал к императору с требованием немедленно возместить это оскорбление; и поскольку депутаты сообщили лишь неблагоприятный ответ, он не сдержал ни своего негодования, ни ярости своей армии. Земли, через которые они проходили, считались вражеской страной, и в течение восьми дней плодородные равнины Фракии превратились в театр военных действий. Толпа греков, бежавших в сторону столицы, вскоре сообщила императору о страшной мести латинян. Алексис, испуганный плодами своей собственной политики, умолял о помиловании своего пленника и обещал вернуть ему свободу, когда французы подойдут к воротам Константинополя. Это обещание успокоило Годфри, который прекратил войну и возобновил свой поход, повсюду обращаясь с греками как с друзьями и союзниками.

Тем временем Алексис прилагал все усилия, чтобы добиться от графа де Вермандуа клятвы повиновения и верности, надеясь, что его покорность приведет к покорности других князей крестового похода и что ему меньше придется опасаться их честолюбия, если он сможет включить их в число своих вассалов. Брат короля Франции, который, прибыв на территорию империи, написал письма, полные гордости и показухи, не смог устоять перед ласками и подарками императора и принес все клятвы, которые от него требовались. По прибытии Годфри он появился в лагере крестоносцев, которые радовались его избавлению, но не могли простить ему того, что он подчинился иностранному монарху. Крики негодования поднялись вокруг него, когда он попытался убедить Годфри последовать его примеру. Чем более мягким и покорным он проявлял себя в своем плену, тем сильнее становилось противодействие воле императора со стороны его сподвижников, которые обнажили свои мечи, чтобы отомстить за нанесенное ему оскорбление.

Алексий отказал им в провизии и думал истребить их голодом; но латиняне привыкли получать все, что хотели, насилием и победой. По сигналу своего предводителя они рассеялись по окрестностям, разграбили деревни и дворцы близ столицы и силой принесли изобилие в свой

лагерь. Этот беспорядок продолжался несколько дней; но приближался праздник Рождества, и эпоха рождения Христа возродила великодушные чувства в сердцах христианских солдат и благочестивого Годфри. Этими чувствами воспользовались, чтобы установить мир. Император предоставил провизию, и крестоносцы вложили мечи в ножны.

Но согласие между греками и латинянами не могло долго сохраняться. Латиняне высокомерно хвастались тем, что пришли на помощь империи. Во всех случаях они говорили и действовали как мастера. Греки презирали варварскую храбрость латинян и, возлагая всю свою славу на утонченность их манер, считали, что они позорят греческий язык, произнося имена воинов Запада. Разрыв, долгое время существовавший между Римской и Константинопольской церквями, усилил антипатию, порожденную различием нравов и обычаев. С обеих сторон были произнесены анафемы, и богословы Греции и Италии ненавидели друг друга больше, чем сарацин. Греки, которые не занимались ничем, кроме тщетных ухищрений, никогда не желали вносить в список мучеников тех, кто погиб, сражаясь с неверными. Они питали отвращение к воинственному характеру латинского духовенства, хвастались, что у них в столице хранятся все реликвии Востока, и не могли понять, что они могли искать в Иерусалиме. Со своей стороны, франки не могли простить подданным Алексея того, что они не разделяли их энтузиазма по поводу крестового похода, и упрекали их в преступном безразличии к делу Божьему. Все эти мотивы раздора и ненависти провоцировали частые сцены насилия, в которых греки проявляли больше вероломства, чем мужества, а латиняне - больше отваги, чем умеренности.

На протяжении всех этих разногласий Алексис постоянно пытался добиться от Годфри клятвы повиновения и верности; иногда он прибегал к заверениям в дружбе, иногда угрожал применить полномочия, которыми сам не обладал. Годфри не обращал внимания на его угрозы и не верил в его обещания. Императорские и латинские войска дважды были призваны к оружию, и Константинополь, плохо защищенный своими солдатами, имел основания опасаться, видя знамя крестоносцев, развевающееся над его стенами.

Известие об этих серьезных ссорах наполнило радостью сердце Богемона, который только что высадился в Дураццо. Он считал, что пришло время напасть на греческую империю и разделить добычу. Он отправил послов к Годфри, чтобы предложить ему вступить во владение Византией, обещая присоединиться к нему со всеми его силами для осуществления этого великого предприятия. Но Годфри не забыл, что взялся за оружие для защиты гроба Господня, и отклонил предложение Богемона, напомнив ему о данной им клятве сражаться с неверными.

Это посольство в Богемон, цель которого невозможно было скрыть, удвоило тревогу Алексиса и заставило его использовать все средства, чтобы усмирить твердость Готфрида де Бульона. Он отправил своего собственного сына в качестве заложника в армию крестоносцев. С того времени все недоверие рассеялось. Принцы Запада поклялись уважать законы гостеприимства и отправились во дворец Алексея. Они нашли императора окруженным великолепным двором и всецело занятым попытками скрыть свою слабость под внешним тщеславным великолепием. Предводитель крестоносцев и сопровождавшие его принцы и рыцари в одеяниях, на которых сияла воинская роскошь Запада, склонились перед троном императора и преклонили колена перед безмолвным и неподвижным величием. После этой церемонии, во время которой греки и латиняне, должно быть, представляли друг другу странное зрелище, Алексис усыновил Годфри как своего сына и отдал империю под защиту своего оружия. Крестоносцы обязались вернуть захваченные ими города, принадлежащие империи, в руки императора и отдать ему дань

уважения за другие завоевания, которые они могли бы совершить. Алексис, со своей стороны, обещал помочь им по суше и по морю, снабдить их провизией и разделить опасности и славу их экспедиции.

Алексис расценил это проявление почтения со стороны латинских князей как победу. Предводители крестоносцев вернулись в свои палатки, где его благодарность осыпала их подарками. В то время как Годфри приказал провозгласить в своей армии звуком трубы, что следует сохранять глубочайшее уважение к императору и законам Константинополя, Алексис приказал всем своим подданным доставить провизию франкам и соблюдать законы гостеприимства. Союз, который они только что заключили, по-видимому, был скреплен клятвой доброй воли с обеих сторон; но Алексис не мог разрушить предубеждения греков против латинян, а Годфри не мог обуздать буйное множество своих солдат. Кроме того, император Византии, хотя и мог быть уверен в намерениях герцога Лотарингского, все еще опасался прибытия Богемона и соединения нескольких крупных армий в окрестностях его столицы. Он приказал Годфри перейти со своими войсками на азиатский берег Босфора и обратил свое внимание на любые средства, которые могла предложить его политика, чтобы усмирить гордыню и даже ослабить могущество других латинских князей, направлявшихся к Константинополю.

Принц Тарента продвигался через Македонию, то выслушивая разглазольствования депутатов от Алексея, то сражаясь с войсками, которые препятствовали его проходу. Несколько провинций и несколько городов были разорены итальянскими и нормандскими крестоносцами, когда их вождь получил приглашение от императора возглавить свою армию и прибыть в Константинополь. Алексис заверил Богемона в дружбе, в которую тот не верил, но из которой надеялся извлечь некоторую выгоду. Тот, со своей стороны, заявил о своих добрых чувствах и пошел навстречу Алексису. Император принял его с пышностью, пропорциональной страху, который он испытывал перед его прибытием. Эти два принца были одинаково искусны в искусстве обольщения и лжи. Чем больше у них было поводов жаловаться друг на друга, тем теплее были их заверения в дружбе. Они публично поздравляли друг друга с победами и скрывали свои подозрения и, возможно, презрение под маской взаимного восхищения. Оба были неразборчивы в клятвах, Алексис пообещал Богемону обширные владения, и нормандский герой без колебаний поклялся быть самым верным из вассалов императора.

Роберт, граф Фландрии, герцог Нормандии, и Стефан, граф Шартра и Блуа, прибыв в Константинополь, в свою очередь, выразили свое почтение греческому императору и получили, как и другие, награду за свою покорность. Граф Тулузский, прибывший последним, сначала ответил посланцам Алексея, что он приехал на Восток не для того, чтобы искать хозяина. Император, чтобы смирить гордыню Раймона и его провансальцев, был вынужден снизойти до них.^[71] Он по очереди льстил их алчности и тщеславию и прилагал больше усилий, чтобы показать им свои сокровища, чем свои армии. В государствах, находящихся в упадке, нередко богатство ошибочно принимают за власть, и принц верит, что он правит всеми сердцами до тех пор, пока у него есть средства их развращать. Церемониал был, кроме того, при константинопольском дворе самой серьезной и важнейшей из всех вещей; но какую бы ценность ни придавали пустым формулам, мы не можем не удивляться, видя столь надменных воинов, отправлявшихся завоевывать империи, на коленях перед принцем, который дрожал от страха потерять свою собственную. Они заставляли его дорого платить за неуверенное и мимолетное подчинение, и нередко в их внешних знаках уважения сквозило презрение.

Во время церемонии, на которой Алексис получал дань уважения от нескольких французских принцев, граф Роберт Парижский подошел и сел рядом с императором. Болдуин из Эно потянул его за руку и сказал: “Ты должен помнить, что, оказавшись в чужой стране, ты должен уважать ее обычаи”. “Воистину!” ответил Роберт. - Это приятный клоун, который сидит, в то время как так много прославленных капитанов стоят!” Алексис пожелал, чтобы ему объяснили его слова, и когда графы ушли, он задержал Роберта и спросил его, кто он по рождению и из какой страны. “Я француз,” ответил Роберт, “и принадлежу к самому знатному сословию дворян. Я знаю только одно, и это то, что в моей стране есть место рядом с церковью, куда приходят все, кто горит желанием продемонстрировать свою доблесть. Я часто бывал там, но никто еще не осмеливался предстать передо мной”. Император позаботился о том, чтобы не принимать такого рода вызов, и постарался скрыть свое удивление и досаду, дав несколько полезных советов отважному воину. “Если вы ждали тогда,” сказал он, “не встречая врагов, то теперь вы отправляетесь туда, где найдете достаточно, чтобы удовлетворить себя. Но не ставьте себя ни во главе, ни в хвосте армии; оставайтесь в центре. Я научился сражаться с турками, и это лучшее место, которое ты можешь выбрать”.

Политика императора, однако, не осталась без последствий. Гордость многих графов и баронов не могла устоять перед его ласками и подарками. До сих пор сохранилось письмо, адресованное Стефаном Блуа своей жене Аделе, в котором он поздравляет себя с приемом, оказанным ему при византийском дворе. Описав все почести, с которыми его приняли, он восклицает, говоря об Алексисе: “Поистине, в настоящее время нет такого человека под небесами!” Богемон не мог быть менее поражен щедростью императора. При виде помещения, наполненного богатствами, “Здесь, - сказал он, - их достаточно, чтобы завоевывать королевства”. Алексис немедленно приказал перенести эти сокровища в палатку честолюбивого Богемона, который сначала отказался от них со своего рода скромностью, а в конце концов с радостью принял. Он зашел так далеко, что потребовал титула великого доместика или генерала Восточной империи. Алексий, который сам носил это достоинство и который знал, что это путь к трону, имел мужество отказать ему и удовлетворился обещанием занять этот пост в обмен на будущие услуги принца Тарента.

Таким образом, обещания императора на короткое время удерживали латинских князей под властью его законов. Своими умело распределяемыми милостями и лестью он посеял дух зависти среди лидеров крестового похода. Раймон де Сен-Жиль выступил против Богемона, о планах которого он поведал Алексею; и пока этот принц унижался таким образом перед иностранным монархом, придворные Византии с жаром повторяли, что он превосходит всех других вождей крестового похода, как солнце превосходит звезды.

Франки, которых так боялись на поле боя, были бессильны против мастерства и хитрости Алексея и не могли сохранить свое преимущество среди интриг распутного двора. Пребывание в Византии могло стать опасным для крестоносцев в противном случае; зрелище роскоши Востока, которое они увидели впервые, было рассчитано на то, чтобы развратить их. Христианские рыцари, согласно сообщениям историков того времени, никогда не уставали восхищаться дворцами, великолепными зданиями, богатствами и, возможно, прекрасными гречанками, о которых Алексис говорил в своих письмах, адресованных князьям Запада. Один Танкред, непреклонный ко всем просьбам, не стал бы подвергать свою добродетель соблазнам

Византии. Он сожалел о слабости своих товарищей и, сопровождаемый небольшим числом рыцарей, поспешил покинуть Константинополь, не принеся присяги на верность императору.

Отъезд и сопротивление Танкреда нарушили радость, которую доставлял Алексею успех его политики. Он хвалил себя за то, что своими подарками смягчил главных лидеров крестового похода; но он не настолько полностью полагался на свои средства подкупа, чтобы быть совершенно свободным от подозрений. Каждый день приводил новых крестоносцев, которых он должен был соблазнить и осыпать подарками; само богатство, которое он им демонстрировал, могло, в конце концов, пробудить их честолюбие и вдохновить на самые роковые замыслы. Он ни в коей мере не чувствовал себя защищенным от их вылазок до тех пор, пока все армии Запада не оказались по другую сторону Босфора. Там, не имея возможности нанести оскорбление столице империи, они обратили все свое внимание на подготовку к войне с сарацинами.

Когда крестоносцы продвигались по равнинам Вифинии, они увидели, что несколько солдат армии Петра искали убежища в своих палатках, которые, спасшись от меча сарацин, скрывались в горах и лесах. Они были одеты в нищенские лохмотья и с причитаниями и слезами рассказывали о бедствиях первой армии христиан. На востоке они указывали на крепость, в которой товарищи Ринальдо, измученные голодом и жаждой, сдались туркам, которые перебили их всех. Рядом с этим они показали им горы, у подножия которых погиб Уолтер и вся его армия. Повсюду крестоносцы встречали останки своих братьев; везде они находили повод сожалеть о неблагоразумии и бедствиях первых воинов креста; но ничто не трогало их так глубоко, как вид лагеря, в котором Уолтер оставил женщин и больных, когда его солдаты вынудили его наступать на город Никею. Там христиане были застигнуты врасплох мусульманами в тот момент, когда их священники совершали жертвоприношение во время мессы. Женщины, дети, старики, все, кого слабость или болезнь задерживали в лагере, преследовали к подножию их алтарей, были либо уведены в рабство, либо убиты безжалостным врагом. Воспоминание о столь великом бедствии заглушило раздор, заглушило честолюбие и вновь разожгло рвение к освобождению святых мест. Лидеры извлекли пользу из этого ужасного урока и установили полезные правила для поддержания дисциплины. Грозная армия крестоносцев в наилучшем порядке продвигалась по стране неверных и начала войну с первыми днями весны.

Хотя империя турок-сельджукидов в период прибытия крестоносцев в Азию уже склонялась к своему падению, она, тем не менее, представляла собой грозную преграду для воинов Запада. Королевство Эзерум, или Рум, простиралось от Оронта и Евфрата до окрестностей Босфора и включало в себя богатейшие провинции Малой Азии. Турки были воодушевлены двойным энтузиазмом - религиозным и победным. Оставив заботы о сельском хозяйстве и торговле грекам, своим рабам, они не знали другого занятия, кроме воинского, или желали другого богатства, кроме добычи, полученной от их врагов. Их нынешним вождем был сын Солимана, чьи победы над христианами принесли ему имя *Священного Воина*. Давид, прозванный Килидж-Арслан, или *Меч Льва*, выросший среди смут гражданской войны и долгое время содержавшийся пленником в крепости Корачан по приказу Малек-Ши, вззошел на трон своего отца и сохранил свое положение благодаря своей доблести. Он обладал гением, богатым ресурсами, и характером, который не сломили неудачи. При приближении крестоносцев он призвал своих подданных и союзников на свою защиту. Из всех провинций Малой Азии и даже из Персии самые храбрые защитники исламизма поспешили встать под его знамена.

Не удовлетворившись сбором армии, он сначала уделил все свое внимание укреплению города Ниццы, на что были направлены первые попытки христиан. Этот город, столица Вифинии, прославленный проведением двух соборов, был резиденцией Римской империи; и именно там турки, как на передовом посту, ждали удобного случая напасть на Константинополь и вторгнуться в Европу. Высокие горы защищали подходы к нему. На западе и юге озеро Асканий омывало его крепостные стены и обеспечивало жителям легкое сообщение с морем. Большие рвы, наполненные водой, окружали это место. Триста семьдесят башен из кирпича или камня защищали двойное ограждение его стен, которые были достаточно широкими для проезда колесницы. Отборные турецкие воины составляли его гарнизон, и султан Рума, готовый защищать его, расположился лагерем в соседних горах во главе сотысячной армии.

Полные справедливой уверенности в собственных силах и не подозревающие о том, что им могут противопоставить, крестоносцы двинулись к Ницце. Никогда еще равнины Вифинии не представляли более великолепного или более ужасного зрелища. Численность крестоносцев превышала население многих крупных городов Запада, и их было достаточно, чтобы покрыть самые большие равнины. Турки из своих лагерей на вершинах гор, должно быть, с ужасом созерцали армию, состоящую более чем из ста тысяч всадников и пятисот тысяч пеших,^[72] отборные люди воинственных народов Европы, которые пришли оспорить у них владение Азией.^[73]

Когда было решено осадить Ниццу, посты были распределены по различным частям христианской армии. Лагерь крестоносцев раскинулся на обширной равнине, пересеченной ручьями, стекавшими с гор. Флотилии из Греции и Италии доставляли провизию и поддерживали изобилие осаждающих. Фульше де Шартр причисляет к лагерю христиан девятнадцать народов, различающихся нравами и языком. У каждого народа были свои кварталы, которые они окружали стенами и частоколом, и поскольку у них не было ни дерева, ни камня для разделений, они использовали кости крестоносцев, лежавшие непогребенными в окрестностях Ниццы; “с помощью которых, - говорит Анна Комнина, - они сразу построили гробницу для мертвых и жилище для живых”. В каждом квартале они быстро воздвигли великолепные шатры, которые служили церквями, в которых вожди и солдаты собирались для совершения религиозных церемоний. Различные боевые кличи, барабаны, использование которых было введено в Европе сарацинами, и звонкие рожки, в которых было проделано несколько отверстий, призывали крестоносцев к их военным упражнениям.

Бароны и рыцари носили кольчугу, своего рода тунику, состоящую из маленьких колец из железа или стали. Поверх герба каждого оруженосца развевался синий, красный, зеленый или белый шарф. Каждый воин носил шлем, покрытый серебром для принцев, сталью для рыцарей и знати и железом для простых людей. Рыцари несли круглые или квадратные щиты, а пехотинцы прикрывались длинными щитами. Оружием, использовавшимся крестоносцами в бою, были копье, меч, разновидность ножа, кинжал, называемый *miséricorde*, дубинка, *masse d'armes*, которым воин мог одним ударом повергнуть врага наземь; праща, из которой метались камни и свинцовые шарики; лук и арбалет - смертоносное оружие, до того времени неизвестное жителям Востока. Воины Запада не носили тогда тех тяжелых железных доспехов, описанных историками средневековья, которые они впоследствии позаимствовали у сарацин.

Принцы и рыцари носили на своих щитах фигуры или знаки разных цветов, которые служили опорными пунктами для их солдат. Здесь можно было увидеть нарисованных на щитах и штандартах леопардов и львов; там - звезды, башни, кресты, азиатские и европейские деревья. Некоторые из них пожелали изобразить на своих щитах перелетных птиц, с которыми они встречались на своем пути, и эти птицы, ежегодно меняя климат, стали для крестоносцев символом их собственного паломничества. Эти отличительные знаки в то время воодушевляли их доблесть на поле боя, и им было суждено в будущем стать одним из атрибутов высокого положения среди народов Запада.

В огромной толпе крестоносцев ни один граф, ни один принц не соизволил подчиниться чьему-либо приказу.^[74] Христиане представили образ вооруженной республики. Эта республика, в которой, казалось, все было общим, не признавала никакого другого закона, кроме закона чести, никаких других уз, кроме религиозных. Их рвение было так велико, что вожди выполняли обязанности простых людей, и последним не требовалось сигнала, чтобы устремиться к победе или встретить смерть. Священники постоянно ходили между рядами, напоминая крестоносцам о принципах библейской морали. Их речи не были выброшены на ветер; ибо, если мы можем доверять современным авторам, которые редко щадят крестоносцев, поведение христиан во время осады Ниццы не давало ничего, кроме примеров воинской доблести и предметов назидания.

В первые дни осады христиане предприняли несколько штурмов, в которых они бесполезно проявили чудеса доблести. Килидж-Арслан, разместивший и свою семью, и свои сокровища в Ницце, воодушевил гарнизон своими письмами и решил не жалеть усилий, чтобы помочь осажденным. Он созвал начальников своей армии; он напомнил им о преимуществах, которые они получили над христианами, и предсказал еще более блестящие трофеи за их доблесть. “Величайший беспорядок, ” сказал он им, “ царил в христианской армии, и многочисленность врагов обеспечила им победу. Они собирались сражаться за своих жен, своих детей и страну, которой они были обязаны завоеваниям своих отцов; религия пророка умоляла их о помощи, и наградой за их подвиги должна была стать богатейшая добыча”. Мусульмане, воодушевленные речами и примером своего вождя, приготовились к битве и спустились с гор. Их армия, разделенная на два отряда, стремительно атаковала кварталы Годфри де Бульона и Раймона де Тулуза, которые только что прибыли к Ницце. Провансальцы не смогли устоять перед первым потрясением, но вскоре сплотились, услышав голоса Раймона и Адемара. “Затем две армии”, - говорит Матфей Эдесский,^[75] который рассказывает об этой битве, "соединились, смешались и атаковали друг друга с равной яростью. Повсюду сверкали шлемы и щиты; копья звенели о кирасы; воздух оглашался пронзительными криками; испуганные лошади шарахались от звона оружия и свиста стрел; земля дрожала под поступью сражающихся, и равнина на обширном пространстве оцетинилась дротиками ”. Годфри, Танкред и два Роберта, казалось, были повсюду одновременно и несли смерть и ужас в ряды неверных. Турки не могли долго противостоять безудержной доблести крестоносцев; они были обращены в бегство, и завоеватели преследовали их даже до гор, которые служили им убежищем.

Султан, вместо того чтобы сожалеть о своем поражении, думал только о том, как отомстить за позор своего оружия, и на следующий же день, на рассвете, снова повел свои войска в бой. Турки атаковали христиан, издавая громкие крики. Иногда они с яростью бросались в ряды крестоносцев, иногда сражались на расстоянии, осыпая их градом стрел. Затем они притворились, что бегут, но только для того, чтобы вернуться в атаку с еще большей яростью.

Это второе сражение, в котором турки проявили мужество отчаяния, подкрепленное всеми военными хитростями, длилось с утра до ночи. Победа, которая долгое время была сомнительной, стоила христианам двух тысяч жизней. Крестоносцы взяли очень много пленных; четыре тысячи мусульман пали на поле битвы; головы тысячи были отправлены Алексею; а остальные с помощью машин были брошены в город, чтобы сообщить гарнизону о новом поражении турок.

Килидж-Арслан, отчаявшись спасти Ниццу, отступил с остатками своей армии и поспешил собрать в провинциях новые силы, с которыми можно было выступить против христиан. Крестоносцы, которым больше не нужно было опасаться соседства вражеской армии, энергично продолжали осаду. Иногда они приближались по галереям, покрытым двойной крышей из досок и заграждений; иногда они тащили к стенам башни, установленные на нескольких колесах, построенные в несколько ступеней и нагруженные оружием и солдатами. Здесь тараны били по стенам с удвоенной силой; на небольшом расстоянии балисты непрерывно извергали деревянные балки и град стрел, а катапульты подбрасывали в воздух горючие вещества и огромные камни, которые с грохотом падали на город.

Христиане использовали в этой осаде все машины,[76] известные римлянам. Греки были лучше знакомы с их конструкцией, чем латиняне, и руководили их работой. Столь же вероятно, что греки, находившиеся в Ницце и находившиеся под властью мусульман, обучили последних способам защиты этого места.

Христиане не давали осажденным передышки и защищались с упрямой яростью. Все жители Ниццы взялись за оружие. Их крепостные валы были покрыты грозными машинами, которые сеяли разрушения среди нападавших. Огненные стрелы, балки, огромные куски камня, запускаемые с высоты стен, день за днем разрушали труды крестоносцев. Когда христиане проделали брешь в крепостном валу, из развалин выросла другая стена, которая стала новым препятствием для осаждающих.

Поскольку крестоносцы атаковали без порядка и предосторожностей, их неосторожность и опрометчивость часто оказывались для них роковыми. Некоторые были раздавлены обломками своих собственных машин; другие падали, пронзенные отравленными дротиками; иногда даже, как говорит историк, осаждающие забавлялись своими усилиями, ловя их *железными руками*,[77] или крюками, которые, падая на них, захватывали их и поднимали живыми в город. Раздев их, турки повесили на своих крепостных валах, а затем с помощью своих машин совершенно голыми бросили в лагерь христиан.

Сарацин,[78] которого история описывает нам как великана, совершившего во время этой осады подвиги, превосходящие те, что относятся к сказочной древности. Он был не менее замечателен своим мастерством, чем силой своих рук; он никогда не метал копье напрасно, и все, в кого он попадал, обязательно падали под его ударом. Когда у него иссякли стрелы и он больше не мог пользоваться своим луком, он схватил груды камней и обрушил их на нападавших. Однажды, когда он стоял на платформе башни, атакованной Раймондом, он в одиночку бросил вызов усилиям врагов. Однажды он осыпал осаждающих градом камней; затем, повысив голос, вызвал на бой самых храбрых христиан, осыпая их самыми жестокими оскорблениями. Все взоры были обращены к нему, и тысяча стрел разом полетела из христианской армии, чтобы наказать его за дерзость. На мгновение все усилия осаждающих были направлены против одного человека. Его тело было покрыто ранами и утыкано стрелами;

но он умело защищался и все еще храбрился перед толпой своих врагов, когда Годфри, привлеченный шумом этой общей атаки, схватил арбалет и, прицелившись в грозного сарацина, выстрелил ему в сердце, и его огромное тело скатилось с помоста в ров.

Эта победа, которая, по-видимому, скорее принадлежит героям эпopeи, чем героям истории, была отмечена одобрительными возгласами христианской армии. Крестоносцы, получившие ряд других преимуществ, удвоили свое рвение и доблестные усилия, и осажденные стали оказывать менее ожесточенное сопротивление. Поскольку сарацины получали провизию и подкрепления у озера Асканий, было решено отрезать этот последний ресурс. Большое количество лодок, предоставленных греками, было перевезено по суше и спущено на воду в ночное время. Когда наступил день, озеро покрылось барками, на каждой из которых было по пятьдесят воинов; были подняты флаги, которые реяли над водой, и озеро и его берега огласились различными боевыми кличами и звуком труб и барабанов. При этом зрелище осажденные были поражены удивлением и ужасом, и христиане возобновили свои атаки с большим успехом. Солдаты Раймона подорвали фундамент одной из главных башен Ниццы. Эта башня рухнула посреди ночи, и ее падение сопровождалось таким страшным шумом, что и христиане, и мусульмане пробудились ото сна и поверили, что произошло землетрясение. На следующий день жена султана с двумя малолетними детьми попыталась спастись бегством по озеру и попала в руки христиан. Когда весть об этом достигла города, это значительно усилило всеобщее смятение. После семинедельной осады мусульмане потеряли всякую надежду отстоять Ниццу, и христиане каждый день ожидали, что смогут взять ее штурмом, когда вмешалась политика Алексея, лишившая их оружие чести полного завоевания.

Этот принц, которого сравнивали с птицей, ищущей себе пищу по следам льва, дошел до Пелекании. Он послал в армию крестоносцев слабый отряд греческих войск и двух генералов, пользовавшихся его доверием, не столько для того, чтобы сражаться, сколько для того, чтобы вести переговоры и воспользоваться возможностью завладеть Ниццей с помощью военной хитрости. Один из этих офицеров, по имени Бутумит, проникнув в город, внушил жителям страх перед неумолимой местью латинян и посоветовал им сдаться константинопольскому императору. К его предложениям прислушались, и когда крестоносцы готовились начать последний штурм, знамена Алексея внезапно появились на крепостных валах и башнях Ниццы.

Это зрелище вызвало самое живое удивление в христианской армии. Большая часть вождей не могла сдержать своего возмущения, и солдаты, готовившиеся к штурму, вернулись в свои палатки, дрожа от ярости. Их ярость возросла, когда они обнаружили, что им запрещено входить более чем десяти человекам одновременно в город, который они завоевали ценой своей крови и который содержал обещанные им богатства. Напрасно греки ссылались на договоры, заключенные с Алексеем, и на услуги, которые они оказали латинянам во время осады; ропот не умолкал ни на минуту, разве что благодаря щедрости императора.

Этот принц принял большую часть вождей в Пелекании, где должным образом похвалил их храбрость и осыпал подарками. Овладев Ниццей, он одержал новую победу, возможно, не менее льстившую его тщеславию; в конце концов он восторжествовал над гордыней Танкреда, который принес ему клятву верности и повиновения. Тем не менее, он не подавил возникших у них подозрений в его вероломстве. Свобода, которую он вернул жене и детям султана, и доброе обращение, с которым он обращался с турецкими пленными, дали латинянам веские основания

полагать, что он стремился примирить врагов христиан. Больше ничего не было нужно для возобновления былой ненависти, и с этого периода между греками и крестоносцами была практически объявлена война.

Прошел год с тех пор, как крестоносцы покинули Запад. Отдохнув некоторое время в окрестностях Ниццы, они приготовились выступить в поход на Сирию и Палестину. Провинции Малой Азии, которые они собирались пересечь, были все еще заняты турками, воодушевленными фанатизмом и отчаянием и представлявшими собой не столько нацию, сколько армию, всегда готовую сражаться и переходить из одного места в другое. В стране, так долго опустошаемой войной, дорог почти не было видно, а всякое сообщение между городами было прекращено. В горах ущелья, потоки, пропасти должны были постоянно создавать препятствия для марша многочисленной армии; на равнинах, по большей части невозделанных и бесплодных, голод, нехватка воды, палящая жара климата были неизбежными бедствиями. Крестоносцы вообразили, что победили всех своих врагов в Ницце, и, не приняв никаких мер предосторожности, без каких-либо других проводников, кроме греков, на которых у них было так много причин жаловаться, они продвинулись в страну, с которой были совершенно не знакомы. Они понятия не имели о препятствиях, с которыми им предстояло столкнуться на своем пути, и их невежество создавало им безопасность.

Они разделили свою армию на два отряда, которые прошли маршем на некотором расстоянии один от другого через горы Малой Фригии. Двигаясь таким образом порознь, они могли легче раздобыть провизию; но они рисковали быть застигнутыми врасплох активным и бдительным врагом. Килидж-Арслан, дважды завоеванный христианами, собрал новые силы. Во главе армии, которая, по словам латинских историков, насчитывала двести тысяч человек, он следовал за крестоносцами, выжидая возможности застать их врасплох и заставить дорого заплатить за завоевание Ниццы.

В то время как основная армия под командованием Годфруа, Раймонда, Адемара, Гуго Великого и графа Фландрского пересекала Дорилейскую равнину, другая часть, которой командовали Боэмунд, Танкред и герцог Нормандии, направила свой марш влево. Он шел вдоль берегов небольшой речки и спускался в долину, которой латинские историки дали название Горгони или Озеллис.^[79] Греки дали понять, что враг близко, но крестоносцы считали, что им нечего бояться. После дневного перехода, вечером 30 июня, они прибыли в место, предлагавшее им обильные пастбища, и решили разбить лагерь. Христианская армия провела ночь в полной безопасности; но на следующее утро, на рассвете, разведчики и облака пыли на высотах возвестили им о присутствии врага. Лагерь немедленно всполошился, и все бросились к оружию. Боэмунд, ставший, таким образом, предводителем армии посреди опасности, поспешил принять необходимые меры для приема турок. Лагерь христиан был защищен с одной стороны рекой, а с другой - болотом, поросшим тростником. Князь Тарента приказал окружить его колесницами и частоколом, сделанным из кольев, использовавшихся при возведении шатров. Затем он распределил посты по пехоте и разместил женщин, детей и больных в центре их. Кавалерия, разделенная на три отряда, выдвинулась в начало лагеря и приготовилась оспорить переправу через реку. Одним из этих отрядов командовали Танкред и его брат Вильгельм, а другим - герцог Нормандии и граф де Шартр. Боэмунд, командовавший центром, расположился со своими всадниками на возвышенности, откуда он мог наблюдать за всем и следить за порядком сражения.

Едва князь Тарента закончил свои приготовления, как сарацины, издавая громкие крики, спустились с гор и, находясь на расстоянии выстрела из лука, обрушили на христиан град стрел. Это причинило очень мало вреда всадникам, которые были защищены своими щитами и доспехами, но ранило очень много лошадей, что привело ряды в беспорядок. Лучники, пращники, арбалетчики, разбросанные тут и там по флангам христианской армии, не смогли отразить в турок все выпущенные в них стрелы. Всадникам не терпелось пустить в ход копье и меч, и самые нетерпеливые из них неосторожно переправились через реку и напали на сарацин. Но последние избежали *схватки*; как только крестоносцы предстали перед ними, они разомкнули свои ряды, рассеялись, сплотились на некотором расстоянии и омрачили воздух новой тучей стрел. Быстрота их лошадей помогала им в этих маневрах и защищала от преследования крестоносцев, с которыми они сражались, делая вид, что летят.

Такой способ ведения боя был вполне в пользу турок и делал совершенно бесполезным расположение христианской армии перед битвой. Каждый вождь, каждый всадник полагался только на свою собственную храбрость и полностью подчинялся ее диктату. Христиане сражались в беспорядке на местности, с которой они были совершенно не знакомы, и самые храбрые подвергались наибольшему риску. Роберт Парижский, тот самый, который восседал на императорском троне рядом с Алексеем, был смертельно ранен после того, как увидел, как сорок его товарищей упали вокруг него. Вильгельм, брат Танкреда, пал, пронзенный стрелами. Сам Танкред, чье копье было сломано и у которого не осталось другого оружия, кроме меча, был обязан своей безопасностью только Боэмунду, который пришел ему на помощь и вызволил его из рук неверных. В то время как победа силы и ловкости оставалась неопределенной, новые войска сарацин спустились с гор и вступили в бой. Султан Ниццы воспользовался моментом, когда кавалерия крестоносцев едва могла противостоять натиску турецкой армии, чтобы атаковать их лагерь. Он приказал отборным своим воинам обнажить мечи и следовать за ним. Он переправился через реку и преодолел все препятствия, которые были расставлены на его пути. В одно мгновение лагерь христиан был захвачен турками. Сарацины убивали всех, кто оказывался в пределах досягаемости их мечей, не щадя никого, кроме молодых и красивых женщин, которых они предназначали для своих сералей. Если верить Альберу Эксскому, дочери и жены баронов и рыцарей предпочли в этом случае рабство смерти; ибо было видно, как посреди беспорядков они облачились в свои самые красивые одежды и предстали в таком виде перед сарацинами, стремясь демонстрацией своих прелестей смягчить сердца безжалостного врага.^[80] Тем временем Боэмунд, узнав о нападении на лагерь, немедленно пришел ему на помощь и вынудил султана присоединиться к основной части своей армии. Затем конфликт возобновился на берегах реки с еще большей яростью. Герцог Нормандии, оставшийся один с несколькими своими рыцарями на поле битвы, выхватил свой белый, расшитый золотом вымпел из рук того, кто его нес, и бросился в самую гущу сражения, громко крича: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!* Он рубил своим мечом всех, кто оказывался у него на пути; среди жертв его доблести был один из главных турецких эмиров. Танкред, Ричард, принц Салернский, Стефан, граф Блуа, и другие вожди последовали примеру Роберта и поддержали его доблесть. Боэмунд, преследовавший султана Ниццы, встретил отряд солдат, которые бежали, и остановил их, сказав: “Куда вы бежите, христианские солдаты? Разве ты не видишь, что их лошади быстрее наших? Следуй за мной, я покажу тебе дорогу, более безопасную, чем бегство!” Едва успел он произнести эти слова, как бросился с ними в гущу сарацин и возобновил бой. В беспорядке *схватки* женщины, освобожденные из рук сарацин и

горевшие желанием отомстить за свою оскорбленную скромность, прошли по рядам, неся солдатам угощение и призывая их удвоить свое мужество, чтобы спасти их от рабства.

Но столь многочисленные щедрые усилия оказались почти бесполезными. Крестоносцы были измучены усталостью и не могли долго сопротивляться врагу, силы которого постоянно обновлялись и который превосходил их численностью. Христианская армия, окруженная со всех сторон, была вынуждена отступить с боем и отступить в лагерь, в который турки собирались войти вместе с ними. Невозможно описать то смятение и отчаяние, которые царили в тот момент среди крестоносцев. Было видно, как священники своими стонами и молитвами умоляли Бога воинств о помощи; женщины наполняли воздух стенаниями по погибшим и раненым; в то время как солдаты падали на колени перед священниками, чтобы получить отпущение своих грехов. Среди этого ужасного шума на голоса вождей обращали мало внимания; самые отважные были покрыты ранами, горели от жажды и зноя и больше не могли сражаться. Они отчаялись увидеть Иерусалим и на мгновение оказались в ожидании смерти, когда вдруг тысяча голосов возвестили о приближении Раймонда и Годфри, которые наступали с другим подразделением христианской армии.

Перед началом битвы Боэмунд послал гонцов сообщить им о нападении турок. Узнав об этом, герцог Лотарингский, граф де Вермандуа и граф Фландрский во главе основных сил своей армии направили свой марш к долине Горгони, сопровождаемые Раймоном и Адемаром, которые везли обоз, во главе арьергарда. Когда они появились на гребне гор с восточной стороны, солнце было в середине своего пути, и его свет ярко сиял на их щитах, шлемах и обнаженных мечах; были выставлены знамена; грохот их барабанов и кларнетов разносился вдалеке; и пятьдесят тысяч всадников, полностью вооруженных и жаждущих битвы, двинулись вперед в хорошем порядке. Это великолепное зрелище возродило надежды крестоносцев и вселило страх в ряды неверных.

Едва Годфри, сопровождаемый пятьюдесятью рыцарями, обогнал свою армию и смешался с сражающимися, как султан дал сигнал к отступлению и удалился на высоты, где, как он надеялся, крестоносцы не посмеют последовать за ним. Второй отряд христианской армии вскоре прибыл на равнину, дымящуюся от крови христиан. Крестоносцы, узнав своих братьев и товарищей, распростертых в пыли, загорелись нетерпением отомстить за их смерть и с громкими криками потребовали, чтобы их повели на бой. Даже бойцы, которые сражались с утра, теперь и слышать не хотели об отдыхе. Христианская армия немедленно построилась в боевой порядок. Боэмунд, Танкред и Роберт Нормандский встали слева; Годфруа, граф Фландрский, и граф Блуа возглавили правое крыло. Раймонд командовал центром, а арьергард, или резервная часть, находилась в подчинении Адемара. Прежде чем вожди произнесли слово, священники прошли между рядами, призывая крестоносцев мужественно сражаться и давая им свои благословения. Воины и вожди, обнажив мечи и угрожая врагу, воскликнули в один голос: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”* и этот воодушевляющий боевой клич был повторен эхом гор и долин. Наконец христианская армия двинулась вперед, полная уверенности в себе, против турок, для которых скалы и холмы казались надежным убежищем.

Сарацины оставались неподвижными в горах и, по-видимому, израсходовали свои стрелы. Характер местности не позволял им совершать быстрые перестроения или придерживаться своей обычной тактики. Их также не воодушевляла надежда на победу; но в позе, выражавшей страх, они молча ожидали своих врагов. Граф Тулузский, атаковавший их спереди, прорвал их ряды при первой же атаке. Танкред, Годфри, Хью и два Роберта атаковали их с флангов с таким же преимуществом. Адемар, обошедший горы, направил свою атаку в тыл врагов и довершил беспорядок. Сарацины оказались окружены лесом копий и стали заботиться только о том, чтобы обезопасить себя, убегая по скалам и через леса. Огромное количество эмиров, три тысячи офицеров и более двадцати тысяч солдат погибли в битве и бегстве.

Лагерь врага, находившийся на расстоянии двух лиг, попал в руки крестоносцев. Завоеватели нашли там изобилие провизии, великолепно украшенные палатки, несметные сокровища, всевозможных вьючных животных и, прежде всего, огромное количество верблюдов. Вид этих животных, которые тогда были неизвестны на Западе, вызвал у них столько же удивления, сколько и радости. Они сели на сарацинских лошадей, чтобы преследовать остатки побежденной армии. Ближе к ночи они вернулись в свой лагерь, нагруженные добычей, в сопровождении своих священников, распевая гимны и песнопения благодарения. И вожди, и солдаты покрыли себя славой в этом великом сражении. Мы называли главных военачальников армии; историки указывают на многих других, таких как Балдуин из Бове, Галон де Кальмон, Гастон де Беарн, Жерар де Шеризи, все они прославили себя подвигами, говорит Вильгельм Тирский, память о которых никогда не исчезнет.

На следующий день после победы крестоносцы отправились на поле битвы, чтобы похоронить погибших. Они потеряли четыре тысячи своих товарищей и в слезах отдавали им последние почести; духовенство возносило за них молитвы, а армия чтила их как мучеников. Вскоре, однако, они перешли от похоронных церемоний к бурному веселью. Раздев сарацин, они поссорились из-за их запятнанных кровью привычек. В избытке восторга некоторые солдаты надевали доспехи своих врагов и облачались в развевающиеся мусульманские одежды, рассаживались в палатках побежденных и, имитируя жесты, высмеивали роскошь и обычаи Азии. Те, у кого не было оружия, завладели мечами и кривыми саблями сарацин, а лучники наполнили свои колчаны стрелами, выпущенными в них во время боя.

Опьянение победой, однако, не помешало им отдать должное храбрости турок, которые с тех пор хвастались общим происхождением с франками. Современные историки, восхваляющие доблесть турок, добавляют, что они хотели быть христианами только для того, чтобы их можно было сравнить с крестоносцами. Что в остальном доказывает высокое представление крестоносцев о своих врагах, так это то, что они приписывали свою победу чуду. Через два дня после битвы, говорит Альбер из Экса, хотя их никто не преследовал, неверные продолжали бежать, восклицая на ходу: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”* После победы христианская армия призвала имена святого Георгия и святого Димитрия, которых, по их словам, видели сражающимися в рядах христиан. Эта благочестивая басня была распространена как среди латинян, так и среди греков. Спустя долгое время после победы армяне воздвигли церковь в окрестностях Дорилеума, где люди привыкли собираться в первую пятницу марта и верили, что видели Святого Георгия, появившегося верхом на коне с копьем в руке.

Пока крестоносцы радовались своей победе, султан Ниццы, который не осмеливался снова столкнуться с христианами в поле, предпринял опустошение страны, которую он не мог защитить. Во главе остатков своей армии и десяти тысяч присоединившихся к нему арабов он опередил продвижение христиан и опустошил свои собственные провинции. Турки сожгли урожай, разграбили города, бурги и дома христиан и увезли в своем обозе жен и детей греков, которых они держали в качестве заложников. Берега Меандра и Кестра, Каппадокия, Писидия, Исаурия и вся страна до горы Тавр были отданы на разграбление и полностью опустошены.

Когда крестоносцы возобновили свой поход, они решили больше не разделяться, как это было при вступлении во Фригию. Это решение, безусловно, обезопасило их от внезапного или враждебного нападения, но оно подвергло столь многочисленную армию риску погибнуть от голода и нищеты в стране, опустошенной турками.^[81] Христиане, которые шли без всякой предусмотрительности и никогда не запасались провизией более чем на несколько дней, вскоре почувствовали нужду в пище. На своем пути они не находили ничего, кроме пустынных полей, и вскоре у них не осталось другой пищи, кроме корней диких растений и початков кукурузы, спасшихся от опустошительных набегов сарацин. Гораздо большее количество лошадей в армии погибло из-за нехватки воды и фуража.

Большинство рыцарей, привыкших с презрением смотреть на пеших солдат, были вынуждены, подобно им, маршировать пешком и нести свое оружие, тяжести которого было достаточно, чтобы измотать их. Христианская армия представляла собой странное зрелище — были замечены рыцариверхом на ослах и быках, наступающие во главе своих отрядов; бараны, козы, свиньи, собаки, все животные, которых они могли встретить, были нагружены поклажей, которая, по большей части, была брошена на дорогах.^[82]

Затем крестоносцы пересекли ту часть Фригии, которую древние называли “пылающей Фригией”. Когда их армия прибыла в страну Саурия,^[83] они перенесли все ужасы жажды, перед страшной мощью которой не могли устоять самые крепкие воины. Мы читаем у Вильгельма Тирского, что за один день погибло пятьсот человек. Историки говорят, что видели, как женщины преждевременно рожали своих отпрысков посреди горящих открытых полей; в то время как другие, в отчаянии, имея детей, которых они больше не могли выкармливать, громкими криками молили о смерти и в агонии катались обнаженными по земле на глазах у всей армии.^[84] Авторы того времени не забывают упомянуть о соколах и хищных птицах, которых рыцари привезли с собой в Азию и которые почти все погибли под палящим солнцем. Напрасно крестоносцы призывали к повторению чудес, которые Бог ранее сотворил для своего избранного народа в пустыне. Бесплодные долины Писидии в течение нескольких дней оглашались их молитвами, их жалобами и, возможно, также их богохульствами.

Посреди этих горящих стран они, наконец, сделали открытие, которое спасло армию, но которое было очень близко к тому, чтобы стать для них таким же фатальным, как ужасы жажды.

Собаки, преследовавшие крестоносцев, бросили своих хозяев и разбрелись по равнинам и горам в поисках источника.^[85] Однажды видели, как несколько из них возвращались в лагерь с лапами и шкурами, покрытыми влажным песком, и было решено, что они нашли воду. Несколько солдат посмотрели по их следу и обнаружили реку. Вся армия бросилась к ней всей массой. Крестоносцы, изнывая от жары и жажды, бросались с головой в воду и утоляли внутренний жар без меры предосторожности. Более трехсот из них умерли почти сразу, многие серьезно заболели и не смогли продолжить свой марш.

Наконец христианская армия прибыла к Антиохетте, которая открыла перед ними свои ворота. Этот город, столица Писидии, располагался посреди территории, покрытой полями, реками и лесами. Вид улыбающейся и плодородной страны пригласил христиан отдохнуть несколько дней и вскоре заставил их забыть все зло, которому они подверглись.

Когда слава об их победах и походе распространилась по соседним странам, большая часть городов Малой Азии, одни из страха, другие из привязанности к христианам, послали депутатов предложить им припасы и поклясться им в повиновении. Таким образом, они оказались хозяевами нескольких стран, о названиях или географическом положении которых им ничего не было известно. Большинство крестоносцев были далеки от осознания того, что провинции, которые они только что покорили, видели фалангу Александра и армии Рима, или что греки, жители этих стран, произошли от галлов, которые во времена второго Бренна покинули Иллирию и берега Дуная, пересекли Босфор, [86] разграбил город Гераклею и основал колонию на берегах Галиса. Не утруждая себя поисками следов древности, новые завоеватели приказали перестроить христианские церкви и прочесали страну в поисках провизии.

Во время их пребывания в Антиохетте радость от их завоеваний на мгновение была омрачена страхом потерять двух своих самых прославленных вождей. Раймонд, граф Тулузский, опасно заболел. Поскольку его жизнь была под угрозой, они уже предали его праху, и епископ Оранский повторял литании по усопшим, когда пришел саксонский граф, чтобы объявить, что Раймонд не умрет от этой болезни и что молитвами святого Жилия он добился *перемиря со смертью*. Эти слова, по словам Вильгельма Тирского, вернули надежду всем присутствующим, и вскоре Раймонд предстал перед всей армией, которая праздновала его исцеление как чудо.

Примерно в то же время Годфри, который однажды забрел в лес, подвергся большой опасности, защищая солдата, на которого напал медведь. Он победил медведя, но, будучи ранен в бедро и обильно истекая кровью, его в явно умирающем состоянии отнесли в лагерь крестоносцев. Поражение в битве вызвало бы меньше ужаса, чем печальное зрелище, которое сейчас предстало глазам христиан. Все крестоносцы пролили слезы и вознесли молитвы за жизнь Годфри. Рана оказалась неопасной, но ослабленный потерей крови герцог де Бульон прошел немало времени, прежде чем восстановил свои силы. Граф де Тулузе также долго выздоравливал, и обоих в течение нескольких недель носили на носилках в тылу армии.

Крестоносцам угрожало большее зло. До сих пор между ними царил мир, и их союз составлял их силу. Внезапно среди некоторых военачальников вспыхнули разногласия, которые вот-вот должны были распространиться на всю армию. Танкред и Болдуин, брат Годфри, были отправлены в прочесывающий отряд либо для того, чтобы рассеять разрозненные отряды турок, либо для защиты христиан и получения от них помощи и провизии. Сначала они продвинулись в Ликаонию до города Икония; [87] но, не встретив врага и найдя страну покинутой, они направили свой марш к морскому побережью, через горы Киликии. Танкред, шедший первым, беспрепятственно прибыл под стены Тарса, знаменитого города древности, который очень гордится тем, что был родиной святого Павла. Турки, защищавшие это место, согласились вывесить на своих стенах христианский флаг и пообещали сдаться, если их быстро не сменят. Танкред, которого жители, по большей части христиане, уже считали своим избавителем, располагался лагерем за стенами, когда увидел приближающийся отряд под командованием Болдуина. Командиры и солдаты поздравили друг друга с воссоединением и выразили большую радость оттого, что взаимно приняли друг друга за врагов.

Но вскоре эта гармония была нарушена притязаниями Болдуина. Брат Годфри был возмущен, увидев развевающиеся знамена Танкреда и Боэмунда на стенах Тарса. Он заявил, что, поскольку его войско более многочисленно, город должен принадлежать ему. Он потребовал, по крайней мере, чтобы обе стороны вместе вошли в это место и разделили добычу гарнизона и жителей. Танкред с презрением отверг это предложение и сказал, что он брал в руки оружие не для того, чтобы грабить христианские города. При этих словах Болдуин пришел в ярость и осыпал Танкреда, Боэмунда и весь род нормандских авантюристов самыми грубыми оскорблениями. После долгих дебатов обе стороны пришли к согласию, что это дело должно быть решено жителями и что город должен принадлежать тому, кого они выберут хозяином. Собравшийся народ сначала, казалось, был склонен к Танкреду, которому, как они думали, они были обязаны своим избавлением; но Болдуин заставил турок и местных жителей осознать свое численное превосходство и пригрозил им своим гневом и местью. Страх, который он внушал, склонил голоса избирателей в его пользу, и знамя Танкреда было сброшено в городские рвы и заменено флагом Болдуина.^[88]

Кровь готова была пролиться, чтобы отомстить за это оскорбление, но итальянцы и норманны, умиротворенные своим вождем, прислушались к голосу умеренности и покинули спорный город, чтобы искать других завоеваний в другом месте. Болдуин с триумфом вступил в это место, крепость и несколько башен которого все еще находились во владении турок. Он так сильно боялся, что его новое завоевание будет оспорено, что отказался открыть ворота трем сотням крестоносцев, которых Боэмунд послал на помощь Танкреду и которые попросили убежища на ночь. Эти последние, вынужденные провести ночь в открытом поле, были застигнуты врасплох турками и перебиты. На следующее утро, при виде своих братьев, распростертых безжизненно, без оружия и облачений, христиане не могли сдержать своего негодования. Город Тарс оглашался их стонами и жалобами. Солдаты Болдуина схватились за оружие, они угрожали туркам, которые все еще оставались на месте, и поклялись отомстить своему собственному предводителю, которого они обвиняли в смерти своих товарищей. При первом же признаке этой опасности Болдуин был вынужден бежать и укрыться в одной из башен. Вскоре после этого он появился в окружении своих соплеменников, оплакивая вместе с ними смерть крестоносцев, и извинился, сказав, что связал себя клятвой, что никто, кроме его собственных солдат, не должен входить в город. Говоря таким образом, он указал на несколько башен, которые все еще были заняты турками. В разгар беспорядков несколько христианок, которым турки отрезали носы и уши, своим присутствием усилили ярость солдат Болдуина, и они немедленно напали на турок, оставшихся в городе, и безжалостно перебили их всех.

В разгар этих сцен насилия Болдуин получил неожиданное подкрепление. Был замечен флот, приближающийся к побережью на всех парусах. Солдаты Болдуина, ожидавшие, что им придется иметь дело с большим количеством неверных, поспешили к берегу в полном вооружении. Когда флот приблизился, они допросили команду первого корабля. Команда ответила на чистосердечном языке. Вскоре они узнали, что те, кого они приняли за мусульман, были пиратами из портов Фландрии и Голландии. Эти корсары в течение десяти лет крейсировали по Средиземному морю, где прославились своими подвигами, а еще чаще - пиратством. Услышав о походе христиан Запада, они отплыли в Сирию и Палестину. По приглашению крестоносцев они радостно вошли в порт Тарсус. Их вождь Гаймер, который был булонцем, узнал Болдуина, сына своего древнего хозяина, и пообещал вместе со своими товарищами служить под его началом. Все они приняли крест, а вместе с ним и клятву разделить славу и труды священной войны.

Опираясь на это новое подкрепление и оставив сильный гарнизон в городе Тарсус, Болдуин возобновил свой марш по маршруту Танкреда и вскоре оказался в поле зрения Мальмистры,^[89] которой итальянцы только что овладели. Последние, увидев Болдуина, были убеждены, что он пришел оспорить их новое завоевание, и приготовились отразить удар силой. Когда Танкред попытался успокоить своих раздраженных солдат, против него поднялся ропот. Они обвиняли его в том, что он забыл о рыцарской чести, что его умеренность была в их глазах не чем иным, как постыдной слабостью. Легко себе представить, какой эффект должны были произвести подобные упреки на такого человека, как Танкред. В тот момент, когда они заподозрили в его храбрости, он больше не пытался сдерживать свой гнев и поклялся отомстить за причиненные ему обиды кровью своего соперника. Он сам повел солдат и во главе их выбежал из города навстречу войскам Болдуина. Они сразу же подрались. Храбрость обеих сторон была равной; но ярость мести удвоила усилия итальянцев. Солдаты Болдуина имели численное преимущество. Они сражались с ожесточением, свойственным гражданским войнам; но в конце концов войска Танкреда были вынуждены отступить; они оставили многих своих товарищей в руках противников и на поле битвы и вернулись в город, молча оплакивая свое поражение.

Ночь вернула спокойствие их возбужденному настроению. Солдаты Танкреда признали превосходство фламандцев и верили, что после того, как пролилась кровь, им больше не за что мстить, в то время как последователи Болдуина помнили, что люди, которых они победили, были христианами. На следующий день ни с той, ни с другой стороны не было слышно ничего, кроме голоса человечества и религии. Оба вождя одновременно послали заместителей, и, чтобы избежать видимости просьбы о мире, оба приписали свои попытки вдохновению Небес. Они поклялись забыть свои ссоры и обнялись на глазах у солдат, которые упрекали себя в печальных последствиях своей вражды и жаждали искупить кровь своих братьев новыми подвигами против турок.

Танкред со своим войском выступил из Мальмистры, с триумфом прошел вдоль берегов Киликии и проник до Александретты, которой он легко овладел. По мере того, как он внушал страх своим врагам, он становился все более любимым своими товарищами. Когда он присоединился к христианской армии, покрытой славой и нагруженной добычей, он не слышал вокруг себя ничего, кроме восхвалений своей умеренности и доблести. Присутствие предшествовавшего ему Болдуина, напротив, вызвало лишь ропот, поскольку ему приписывали гибель стольких христианских солдат. Годфри громко обвинял в честолюбии и скупости своего брата. Но, не обращая внимания на эти упреки, Болдуин безболезненно уступил своему сопернику избирательные права армии и предпочел княжество любви и уважению крестоносцев; и вскоре удача предоставила ему возможность осуществить свои честолюбивые планы.

Во время осады Ниццы армянский принц по имени Панкратий присоединился к христианской армии. В молодости он был королем северной Иберии. Изгнанный из своего королевства собственными подданными и долгое время находившийся в плену в Константинополе, он последовал за крестоносцами в надежде вновь завоевать свои государства. Он особенно заботился о судьбе Болдуина, чей честолюбивый характер он понимал и которого надеялся привлечь к осуществлению своих замыслов. Он постоянно говорил ему о богатых провинциях, простиравшихся по обоим берегам Евфрата. Эти провинции, по его словам, были населены большим количеством христиан, и крестоносцам достаточно было только появиться там, чтобы

стать их хозяевами. Эти речи воспламенили честолюбие Балдуина, который решил во второй раз оставить главную армию христиан и отправиться на берега Евфрата, чтобы завоевать страну, столь хваленую богатством.

Он только что потерял свою жену Гундехильду, которая сопровождала его в крестовом походе и была с большой pompой похоронена христианами. Эта потеря не остановила его в реализации своих проектов. Поскольку его не любили в христианской армии, когда он был готов отправиться в путь, ни один командир не пожелал присоединиться к нему, и даже несколько его собственных солдат отказались сопровождать его. Он мог взять с собой только от тысячи до полутора тысяч пехотинцев, отряд, презираемый в армии, и двести всадников, соблазненных надеждой на грабеж. Но ничто не могло умерить его пыл, и поскольку вожди крестового похода решили на совете, что никому не должно быть позволено отступать от армейского знамени, он выступил в путь за день до того, как это решение было опубликовано в лагере христиан.^[90] Во главе своей маленькой армии он двинулся в Армению, не найдя врага, способного воспрепятствовать его походу. Среди турок воцарился ужас, и христиане, повсюду стремившиеся сбросить иго мусульман, стали могущественными помощниками крестоносцев.

Турбессел и Равендел были первыми городами, которые открыли свои ворота удачливому завоевателю. Это завоевание вскоре привело к разделению между Балдуином и Панкратием, которые оба лелеяли одни и те же честолюбивые замыслы; но это различие несколько не задержало продвижение брата Годфри. Принц-крестоносец противопоставлял насилие хитрости; он угрожал обращаться со своим соперником как с врагом и таким образом изгнал его с театра его побед, Болдуин не нуждался ни в руководстве, ни в помощи в стране, все жители которой стекались ему навстречу. Пока он продолжал свой поход, слава о его подвигах разнеслась по самым отдаленным местам; слухи о его завоеваниях опередили его за Евфратом и достигли даже города Эдессы.

Этот город, столь прославленный во времена первобытной церкви, был столицей Месопотамии. Поскольку он избежал нашествия турок, все христиане той местности со своими богатствами укрылись в его стенах. Греческий принц по имени Теодор,^[91] уполномоченный императором Константинополя, был его губернатором и поддерживал свою власть, платя дань сарацинам. Приближение крестоносцев и их победы вызвали самые оживленные волнения в городе Эдессе. Народ и губернатор присоединились к просьбе о помощи Балдуина. Епископ и двенадцать основных жителей были отправлены встречать принца-крестоносца. Они описывали ему богатства Месопотамии, преданность своих сограждан делу Иисуса Христа и умоляли его спасти христианский город от господства неверных. Болдуин с готовностью уступил их мольбам и немедленно приготовился переправиться через Евфрат.

Ему посчастливилось спастись от турок, которые поджидали его на пути, и, не обнажая меча, он прибыл на территорию Эдессы. Поскольку он разместил гарнизоны в городах, попавших в его власть, у него было с собой не больше сотни всадников. Как только он приблизился к городу, все население вышло ему навстречу, неся оливковые ветви и распевая гимны. Должно быть, это было любопытное зрелище - видеть такое небольшое количество воинов, окруженных огромной толпой, которая умоляла их о поддержке и провозглашала их своими освободителями. Их приветствовали с таким энтузиазмом, что принц или наместник Эдессы, которого не любил народ, обиделся и начал видеть в них врагов, которых ему следовало бояться больше, чем

сарацин. Чтобы привязать к себе их вождя и привлечь его к поддержке своей власти, он предложил ему огромные богатства. Но честолюбивый Балдуин, то ли потому, что ожидал получить больше от расположения народа и удачи своего оружия, то ли потому, что считал позорным наниматься на службу к иностранному принцу, с презрением отверг предложения губернатора Эдессы и даже пригрозил уйти в отставку и покинуть город. Жители, которые боялись его отъезда, собрались в беспорядке и громкими криками умоляли его остаться среди них; сам губернатор предпринял новые попытки задержать крестоносцев и заинтересовать их своим делом. Поскольку Болдуин довольно ясно дал понять, что он никогда не будет защищать государства, которые ему не принадлежат, принц Эдессы, который был стар и бездетен, решил усыновить его как своего сына и назначить своим преемником. Церемония усыновления была совершена в присутствии крестоносцев и местных жителей. Согласно обычаю народов Востока,^[92] греческий принц заставил Болдуина провести пальцем между своей рубашкой и обнаженной кожей и поцеловал его в знак союза и отцовства. Пожилая жена губернатора повторила ту же церемонию, и с этого времени Болдуин, считавшийся их сыном и наследником, ничем не пренебрегал для защиты города, который должен был принадлежать ему.

Армянский князь по имени Константин, правивший провинцией в окрестностях горы Тавр, также пришел на помощь Эдессе. Балдуин, поддержанный этим полезным вспомогательным отрядом, а также сопровождаемый своими собственными всадниками и войсками Теодора, выступил в поход, чтобы атаковать ближайшие турецкие города. Он разгромил войска эмира Балдуха в нескольких столкновениях и вынудил их отступить в город Самосата. Христиане приблизились к этому месту, разграбили предместья и дома по соседству, не встречая ни малейшего сопротивления; но когда они были заняты дележом своей добычи, на них неожиданно напали неверные и обратили в бегство. Потеряв две тысячи осветителей, они вернулись в Эдессу, где весть об их поражении вызвала величайший ужас.

Вскоре между Теодором и Болдуином возникли недоразумения, которые взаимно упрекали друг друга в своих неудачах. Эдессенцы, выступившие за принца-крестоносца, и слышать не хотели о каком-либо другом повелителе и не заставили себя долго ждать, чтобы удовлетворить его нетерпение править. Они забыли, что Теодор, благодаря своему мужеству и мастерству, сохранил их независимость в центре страны, постоянно подвергавшейся вторжениям мусульман. Они обвинили его в том, что он обременял своих подданных поборами, чтобы удовлетворить алчность турок, и в том, что он использовал силу неверных для угнетения христианского народа. Они составили, говорит Матфей Эдесский, заговор против его жизни, о котором Болдуин не был в неведении. Предупрежденный об угрожавшей ему опасности, Феодор удалился в цитадель, господствовавшую над городом, и не полагался ни на что, кроме силы, чтобы защититься от мятежников.

После этого в народе поднялось самое яростное смятение. Разъяренная толпа схватилась за оружие и разграбила дома жителей, которых подозревали в принадлежности к сторонникам Теодора. Они поклялись обращаться с ним как с объявленным врагом. Они атаковали цитадель, одни ломались в ворота, другие взбирались на стены. Феодор, видя, что его враги овладели одной частью крепостных валов, больше не пытался защищаться, а предложил капитулировать. Он согласился покинуть это место и отречься от правительства Эдессы, попросив разрешения удалиться со своей семьей в город Мелитена. Это предложение было принято с радостью; мир был подписан, и жители Эдессы поклялись на кресте и евангелистах соблюдать его условия.

На следующий день, когда губернатор готовился к своему отъезду, в городе вспыхнул новый мятеж. Фракционеры раскаялись в том, что оставили в живых принца, которого они так жестоко оскорбили. Против него были выдвинуты новые обвинения. Говорили, что он подписал мир только с вероломными намерениями. Ярость народа вскоре перешла все границы, и тысячи голосов потребовали смерти Теодора. Они с шумом проникли в цитадель, схватили престарелого губернатора в окружении его семьи и сбросили его с высоты крепостного вала. Толпа протащила его окровавленное тело по улицам, которые гордились тем, что убили старика, так же сильно, как если бы одержали победу над неверными.

Болдуин, которого, по крайней мере, можно обвинить в том, что он не защитил своего приемного отца, вскоре был окружен всеми жителями Эдессы, которые предложили ему правление городом. Сначала он отказался от этого, “но в конце концов,” говорит старый историк, “они опровергли его возражения таким количеством доводов, что вынудили его согласиться и назначили его вместо другого”. Болдуин был провозглашен освободителем и хозяином Эдессы. Восседаая на окровавленном троне и пребывая в постоянном страхе перед непостоянным характером народа, он вскоре внушал своим подданным такой же страх, как и своим врагам. В то время как мятежники трепетали перед ним, он расширил границы своих территорий. Он купил город Самосата на сокровища своего предшественника и силой оружия овладел несколькими другими городами. Поскольку удача сопутствовала ему во всем, даже потеря, которую он недавно пережил, своей жены Гундехильды способствовала его планам расширения. Он женился на племяннице армянского князя и благодаря этому новому союзу расширил свои владения до горы Тавр. Вся Месопотамия с обоими берегами Евфрата признала его власть, и тогда Азия увидела французского рыцаря, бесспорно правившего богатейшими провинциями древнего ассирийского царства.

Болдуин больше не думал об освобождении Иерусалима, но уделил все свое внимание защите и приумножению своих государств.^[93] Многие рыцари, ослепленные столь быстрой удачей, поспешили в Эдессу, чтобы увеличить армию и двор нового монарха. Преимущества, которые получили крестоносцы от основания этого нового государства, заставили их историков забыть, что они были плодом несправедливости и насилия. Эдесское княжество служило сдерживающим фактором для турок и сарацин и в период второго крестового похода было главным оплотом могущества христиан на Востоке.

КНИГА III.

1097-1099 гг. н. э.

Великая армия крестоносцев пересекла владения султана Ниццы и Иконии; на протяжении всего своего пути мечети были преданы огню или превращены в церкви; но христиане

пренебрегли укреплением городов, хозяевами которых они стали, или основанием военной колонии в стране, где турки всегда могли сплотиться и восстановить свою грозную мощь. Этот недостаток, который следует отнести к слишком большой уверенности в победе, стал фатальным для крестоносцев, которые в разгар своих триумфов потеряли средства сообщения с Европой и, таким образом, лишили себя помощи, которую они могли бы получить от Греции и Запада.

Ужас открыл паломникам все проходы горы Тавр. На протяжении всего своего триумфального шествия христианам нечего было бояться, кроме голода, жаркого климата и плохих дорог. Им пришлось, в частности, сильно пострадать при переходе через гору, расположенную между Коксоном и Марашем, которую их историки называют *“Горой дьявола”*. Эта гора была очень крута и предлагала только одну узкую тропинку, по которой пешие солдаты шли с трудом; лошади, которые не могли удержаться на ногах, тащили друг друга вниз по пропасти; и армия потеряла большую часть своего багажа. В ходе этого катастрофического похода, говорит историк, который был очевидцем, солдаты впали в отчаяние и отказались идти дальше. Обремененные своим оружием, они либо продавали его по низкой цене, либо сбрасывали в пропасти. Со всех сторон были видны воины, раненные частыми падениями, и измученные усталостью паломники, которые не могли продолжать свой путь и наполняли воздух и горы своими криками и стонами. Переход христианской армии через эту гору занял несколько дней; но когда они, наконец, миновали цепи гор Тавр и Аманус, вид Сирии оживил их мужество и заставил их быстро забыть всю свою усталость. Страна, в которую они собирались вступить, включала в себя Палестину, объект всех их желаний, молитв и трудов. Во все века Сирия привлекала завоевателей плодородием своей почвы и богатством. Во времена Давида и Соломона здесь уже было несколько процветающих городов. В период Крестовых походов он претерпел великое множество революций, но его поля, хотя и покрытые знаменитыми руинами, все еще сохраняли некоторую часть своего плодородия.

Первой из сирийских провинций, представшей взору христиан, была территория Антиохии. На восток простирались государства султанов Алеппо и Мусула. Далее, у подножия горы Либан, виднелось Дамасское княжество; на побережье стояли Лаодикия, Триполи и города Сидон и Тир, столь прославленные как в священной, так и в мирской древности. Всеми этими городами, едва сохранившими тень своего бывшего великолепия, управляли эмиры, которые сбросили иго персидских султанов и правили как суверенные князья на развалинах империи Малек-Ша.

Крестоносцы продвинулись до древней Халкиды, тогда называвшейся Артезией, хозяевами которой они стали. Чтобы добраться до Антиохии, им пришлось проехать по мосту, построенному через Оронт и защищенному двумя башнями, закованными в железо. Ничто не могло устоять перед авангардом, которым командовал герцог Нормандии. Норманны вскоре овладели мостом и переправились через реку. Ужас охватил ряды мусульман, и они с величайшей поспешностью укрылись за стенами города. Вся христианская армия, выстроившись в боевой порядок, с трубами и развевающимися флагами, двинулась к Антиохии и расположилась лагерем в миле от ее стен.

Вид этого города, столь прославленного в летописях христианства, возродил энтузиазм крестоносцев. Именно в стенах Антиохии ученики Иисуса Христа впервые приняли титул христиан, а апостол Петр был назван первым пастором молодой церкви. Ни один город не вмещал в своих недрах большего числа мучеников, святых и врачей; ни один город не видел

большого количества чудес, совершенных во имя веры. На протяжении многих веков верующие имели обыкновение приходить в один из его пригородов, чтобы помолиться у могилы святого Вавилы, который во времена правления Юлиана заставил замолчать оракулов Аполлона. Долгое время Антиохия считалась в христианском мире старшей дочерью Сиона; она носила название Теополь ("град Божий"), и паломники посещали ее с не меньшим уважением, чем Иерусалим.

Антиохия была столь же прославлена в анналах Рима, как и в анналах Церкви. Великолепие его зданий и резиденция нескольких императоров принесли ему название Царицы Востока. Его расположение среди улыбающейся и плодородной страны во все времена привлекало сюда незнакомцев. В двух лье к востоку находилось озеро, изобилующее рыбой, которое сообщалось с Оронтом; в то время как на юге находились пригороды и фонтан Дафны, столь известный в язычестве. Недалеко от этого возвышалась гора Оронт, покрытая садами и загородными домами; на севере была другая гора, иногда называемая Черной горой из-за ее лесов, а иногда Водяной горой из-за ее многочисленных источников. Река Оронт^[94] протекала у подножия крепостных валов Антиохии на запад и впадала в море на расстоянии трех или четырех лиг от города.

Внутри стен находились четыре холма, разделенные стремительным потоком, который впадал в реку. На западном холме была построена очень мощная цитадель, господствовавшая над городом. Крепостные стены Антиохии, по прочности сравнимые со скалой, простирались на три лиги. "Это место," говорит старый автор, - наводило ужас на тех, кто смотрел на него, из-за количества его мощных и обширных башен, которое достигало трехсот шестидесяти". Широкие рвы, река Оронт и болота еще больше защищали жителей Антиохии и отрезали подступы к городу.

Несмотря на все эти укрепления природы и искусства,^[95] Антиохия была взята несколько раз. Она сразу же попала во власть сарацин в первую эпоху Хиджры; впоследствии она была отвоевана греками под командованием Никифора Фоки; а четырнадцатью годами ранее ею овладели турки. При приближении христиан большая часть сарацин из соседних городов и провинций искали безопасности в Антиохии для себя, своих жен и сокровищ. Багисиан,^[96] или Асьен, внук Малек-Ша, который получил власть над городом, заперся в нем с семью тысячами всадников и двадцатью тысячами пехотинцев.

Осада Антиохии представляла много трудностей и опасностей. Вожди крестоносцев обсуждали целесообразность этого предприятия, и первый, кто выступил на совете, подумал, что было бы неосмотрительно начинать осаду в начале зимы. Они боялись не оружия сарацин, а дождей, бурь и ужасов голода. Они посоветовали крестоносцам дожидаться в провинциях и соседних городах прибытия помощи, обещанной Алексеем, и возвращения весны, к этому времени армия восстановит свои потери и получит под свои знамена свежее подкрепление с Запада. Этот совет был выслушан с большим нетерпением большей частью вождей, среди которых выделялись легат Адемар и герцог Лотарингии. "Не следует ли нам немедленно, - сказали они, - воспользоваться террором, охватившим врага? Правильно ли будет дать им время собраться с силами и оправиться от тревоги?" Разве не хорошо известно, что они обратились за помощью к халифу Багдада и султану Персии? Каждая минута промедления может усилить армии мусульман и лишить христиан плодов их побед. Вы говорите о приходе греков; но нуждаемся ли мы в греках, чтобы нападать на врагов, уже много раз побежденных? Нужно ли было ждать новых крестоносцев с Запада, которые пришли бы, чтобы разделить славу и завоевания

христианской армии, не разделив ее опасностей и трудов? Что же касается суровых зимних условий, которых они, казалось, так боялись, то для воинов Иисуса Христа было оскорблением думать, что они неспособны вынести холод и дождь. Это было своего рода сравнение их с теми перелетными птицами, которые улетают и прячутся в укромных местах, когда видят приближение плохого сезона.^[97] Кроме того, невозможно было подумать, что осада может затянуться на сколько-нибудь длительный срок с армией, полной рвения и отваги. Крестоносцам достаточно было вспомнить осаду Ниццы, битву при Дорилее и тысячи других подвигов. Почему их должен сдерживать страх нужды и голода? Разве они до сих пор не находили в войне все ресурсы войны? Они должны знать, что победа всегда удовлетворяла потребности крестоносцев, и что изобилие ожидало их в этом городе Антиохии, который вскоре откроет перед ними свои ворота”.

Эта речь покорила самых пылких и отважных. Те, кто придерживался противоположного мнения, боялись быть обвиненными в робости и хранили молчание. Совет постановил, что следует немедленно начать осаду Антиохии, и в тот же день вся христианская армия подошла к стенам города. Боэмунд и Танкред заняли свои позиции на востоке, напротив ворот Святого Павла; справа от итальянцев были норманны, бретонцы, фламандцы и французы под командованием двух Робертсов; граф де Вермандуа и граф де Шартр расположились лагерем к северу, напротив Собачьих ворот; граф Тулузский, епископ Пюи и герцог Лотарингский с войсками, которыми они командовали, заняли пространство, простиравшееся от Собачьих ворот до того места, где Оронт поворачивает к Собачьим воротам. запад подходит к стенам Антиохии. Крестоносцы оставили открытой южную часть, защищенную горой Оронт, и точно так же пренебрегли осадой западной стороны города, которую защищала река, и таким образом предоставили осажденным свободу совершать вылазки или получать помощь.

Турки заперлись в своих стенах; на крепостных валах не было ни души, и в городе не было слышно ни малейшего шума. Крестоносцам казалось, что они увидели в этой видимости бездействия и в этом глубоком молчании уныние и ужас, овладевшие их врагами. Ослепленные надеждой на легкую победу, они не приняли никаких мер предосторожности и расселились по соседней стране. Изобилие провизии, прекрасное небо Сирии, фонтан и тени Дафны, берега Оронта, знаменитого в языческой древности поклонением Венере и Адонису, заставили их забыть о священной войне и распространить распущенность среди воинов Христа.

Пока они таким образом пренебрегали, среди сцен невоздержанности и разврата, законами дисциплины и предписаниями Священного Писания, на них напал гарнизон Антиохии, который застал их врасплох: часть из них едва охраняла лагерь, а остальные рассеялись по соседней стране. Всех, кого надежды на грабеж или увеселения влекли в деревни и сады, граничащие с Оронтом, ждало либо рабство, либо смерть. Молодой Альберон, архидьякон Меца и сын Конрада, графа Люнебургского, поплатился жизнью за удовольствие от развлечений, которые лишь в малой степени соответствовали суровости его профессии. Он был застигнут врасплох турками^[98] в тот момент, когда, растянувшись на траве, он играл в кости с сирийским куртизанкой. Его голова была отрублена одним ударом сабли. Куртизанку убили только после того, как она удовлетворила жестокою страсть своего победителя. Их головы вместе с головами большого числа христиан были брошены в лагерь крестоносцев, которые теперь сожалели о своих беспорядках и поклялись отомстить за свое поражение.

Желание исправить одну ошибку заставило их совершить другую. Они решили взобраться на стены Антиохии, не имея ни лестниц, ни боевых машин. Был дан сигнал к общему штурму. Жажда мести и фанатизм воодушевляли как солдат, так и руководителей; но их усилия не могли ни поколебать стены города, ни нарушить безопасность осажденных. Их атаки, хотя и возобновлялись несколько раз и в нескольких точках, всегда были безуспешными. Опыт, за уроки которого они всегда так дорого платили, в конце концов научил их, что, если они хотят стать хозяевами этого места, у них не остается другого средства, кроме как полностью использовать его и предотвратить прибытие какой-либо помощи извне.

Они наладили лодочный мост через Оронт и переправили часть войск на западную сторону города. Все средства, которые были в их силах, использовались, чтобы остановить вылазки врага — иногда они возводили деревянные крепости возле крепостных валов, в то время как в других случаях они готовили балисты, которые бросали большие камни в осажденных. Крестоносцы, чтобы закрыть Собачьи ворота от турок, были вынуждены нагромождать на них огромные балки и обломки скалы. В то же время они укрепили свой лагерь и удвоили усилия, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения сарацин.

Христианская армия теперь была занята исключительно блокадой города. Хотя это решение было продиктовано непреодолимой необходимостью, медлительность осады совсем не вязалась с нетерпением воинов Запада. По прибытии в Антиохию христианские солдаты за несколько дней израсходовали запасы продовольствия на несколько месяцев; они думали только о том, чтобы сразиться с врагом на поле боя, и, всегда полные уверенности в победе, они не стремились ни защитить себя от суровых зимних условий, ни предотвратить приближение голода, которым им угрожали.

Вскоре почувствовалась нехватка провизии. Как только наступила зима, они оказались жертвой всевозможных бедствий. Ежедневно лили проливные дожди, и равнины, обиталище которых сделало воинов Христа изнеженными, почти все были погребены под водой. Христианский лагерь, особенно в долине, несколько раз оказывался под водой; бури и наводнения снесли шатры; от влаги ослабли луки, а ржавчина разъела копья и мечи. Большая часть солдат была без одежды, и заразные болезни уносили как людей, так и животных. Дожди, холод, голод, эпидемические заболевания произвели такие опустошительные действия, что, согласно отчету Вильгельма Тирского, у крестоносцев не было ни времени, ни места, чтобы похоронить своих мертвых.^[99]

В разгар всеобщего бедствия Боэмунду и герцогу Нормандии было поручено прочесать страну в поисках провизии. В ходе своего вторжения они разгромили несколько отрядов сарацин и вернулись в лагерь со значительной добычей. Но привезенной ими провизии не могло хватить, чтобы прокормить большую армию в течение какого-либо длительного времени; каждый день они совершали новые вылазки, и каждый день они были менее успешными. Вся территория Верхней Сирии была разорена турками и христианами. Крестоносцы, которых отправляли с этими отрядами за фуражиров, часто обращали неверных в бегство; но победа, которая почти всегда была их единственным ресурсом в моменты нужды, не могла вернуть изобилие в их лагерь.

Чтобы усугубить их страдания, было прекращено всякое сообщение с Константинополем; флотилии пизанцев и генуэзцев больше не ходили вдоль берегов стран, оккупированных крестоносцами. В порт Святого Симеона, расположенный в трех лье от Антиохии, теперь не

приходило ни одного судна ни из Греции, ни с Запада. Фламандские пираты, взявшие крест в Тарсе, после того как овладели Лаодикией, были застигнуты греками врасплох и в течение нескольких недель находились в плену. Самое мрачное будущее ожидало христиан; они больше не говорили ни о чем, кроме понесенных ими потерь и того зла, которое им угрожало; каждый день по армии распространялись самые печальные известия.

Говорили, что сын Свено, короля Дании, принявший крест и возглавивший полторы тысячи всадников на священную войну, был застигнут врасплох турками, когда быстро продвигался по ущельям Каппадокии. Атакованный численно превосходящим врагом, он защищался в течение целого дня, не имея возможности дать отпор неверным, несмотря на все усилия своего мужества или боевых топоров своих воинов. Флорина, дочь Эда I, герцога Бургундского, сопровождавшая датского героя и на которой он должен был жениться после взятия Иерусалима, доблестно сражалась рядом с ним. Пронзенная семью стрелами, но все еще сражающаяся, она вместе со Свено пыталась открыть проход в горы, когда они были разбиты врагами. Они пали вместе на поле битвы, после того как увидели, как вокруг них погибли все их рыцари и самые верные слуги. “Таковы были вести, пришедшие в лагерь христиан, - говорит Вильгельм Тирский, - и так полны они были печали и огорчения, что сердца их более чем когда-либо были подавлены увеличением постигших их бедствий”.^[100]

С каждым последующим днем голод и болезни причиняли все большие разрушения. Провизия^[101], доставленная в лагерь несколькими сирийцами, стоила так дорого, что солдаты не могли ничего достать; толпа наполнила лагерь стенаниями, и не было крестоносца, которому не пришлось оплакивать смерть нескольких своих товарищей. Вскоре к другим бедствиям добавилось дезертирство. Большая часть крестоносцев потеряла всякую надежду взять Антиохию или когда-либо достичь Святой Земли. Некоторые искали убежища от нищеты в Месопотамии, ныне управляемой Балдуином; в то время как другие отправились в города Киликии, попавшие в руки христиан.

Герцог Нормандский удалился в Лаодикию и не возвращался до тех пор, пока не получил три повестки из армии во имя религии и Иисуса Христа. Татий, полководец Алексия, покинул лагерь крестоносцев с войсками, которыми он командовал, пообещав вернуться с подкреплением и провизией. Его отъезд не вызвал особого сожаления, и его обещания, в которые они не верили, нисколько не облегчили отчаяния страдальцев. Это отчаяние достигло апогея среди защитников креста, когда они увидели, что те, кто должен был подать им пример терпения и мужества, покинули их. Вильгельм, виконт де Мелен, чьи выдающиеся подвиги с боевым топором принесли ему прозвище *Плотника*, не смог вынести страданий осады и покинул знамя Христа.^[102] Проповедник крестового похода Петр Отшельник, которого христиане, несомненно, винили во всех невзгодах осады, не смог вынести их жалоб или разделить их несчастья; и, отчаявшись в успехе экспедиции, он тайно бежал из лагеря.^[103] Его дезертирство вызвало большой скандал среди паломников, “и удивило их не меньше, - говорит аббат Гиберт, - чем если бы звезды упали с небес”. Преследуемый и настигнутый Танкредом, он и Уильям Плотник были с позором возвращены в лагерь. Армия упрекнула Петра в его подлом дезертирстве и заставила его поклясться на Священном Писании, что он никогда больше не откажется от дела, которое он проповедовал. Они угрожали наказанием, обычно применяемым к убийцам, всем, кто последует примеру, который он подал своим товарищам и братьям.

Но среди разврата, царившего в христианской армии, сама добродетель могла бы подумать о бегстве и оправдать дезертирство. Если верить рассказам современников, все пороки печально известного Вавилона преобладали среди освободителей Сиона. Странное и неслыханное зрелище! Под шатрами крестоносцев голод и сладострастие образовали отвратительный союз; нечистая любовь, безграничная страсть к играм, со всеми излишествами разврата, смешивались с образами смерти.^[104] В своих несчастьях большая часть паломников, казалось, пренебрегала утешениями, которые могли быть получены от благочестия и добродетели.

И все же епископ Пюи и более добродетельная часть духовенства прилагали все усилия, чтобы изменить нравы крестоносцев. Они заставили голос религии обрушить свой гром на крайности распутства. Они вспоминали все бедствия, которым подверглась христианская армия, и полностью приписывали их порокам и разврату защитников креста. Землетрясение, которое ощущалось в это время, северное сияние, которое было новым явлением для большей части паломников, было указано им как предвестие гнева Небес. Были предписаны посты и молитвы, чтобы предотвратить небесное негодование. Крестоносцы совершали процессии вокруг лагеря, и со всех сторон раздавались покаянные гимны. Священники навлекли гнев Церкви на всех, кто своими грехами предал дело Христа. Вдобавок к ужасам, которые внушали религиозные угрозы, трибуналу, состоящему из главных военачальников армии и духовенства, было поручено преследовать и наказывать виновных. Мужчинам, застигнутым врасплох в состоянии алкогольного опьянения, остригали волосы; в то время как богохульники или те, кто предавался страсти к играм, клеймились раскаленным железом. Монах, обвиненный в прелюбодеянии и осужденный на испытание огнем, был избит розгами и голым проследовал по лагерю. Когда судьям стало известно о виновных, они, должно быть, пришли в ужас от их количества. Самые суровые наказания не могли полностью остановить проституцию, которая стала почти повсеместной. Они решили заключить всех женщин в отдельный лагерь — крайняя и неосмотрительная мера, которая смешивала порок и добродетель и приводила к преступлениям более позорным, чем те, которые они хотели предотвратить.

Среди всех этих бедствий лагерь крестоносцев был полон сирийских шпионов, которые ежедневно приносили в город отчеты о планах, бедствиях и отчаянии осаждающих. Бозмунд, чтобы освободить армию, использовал средства, вызывающие отвращение даже у варваров. Мое перо отказывается рисовать подобные картины, и я предоставляю говорить Вильгельму Тирскому, или, скорее, его старому переводчику. “Бозмунд,” говорит он, “приказал привести к нему нескольких турок, которых он держал в тесном заключении. Он приказал немедленно казнить их руками судебных приставов, а затем, приказав разжечь большой костер, приказал насадить их на вертел и поджарить, как мясо, приготовленное на ужин ему и его войскам; в то же время приказав, чтобы, если кто-нибудь станет расспрашивать о том, что происходит, им отвечали следующим образом: *”Князь и правители лагеря постановили сегодня на совете, что все турки или шпионы, которые отныне будут обнаружены в их лагере, будут таким образом вынуждены готовить мясо из собственных тел”*. , как для принцев, так и для всей армии.”

Слуги Бозмунда в точности выполнили приказы и инструкции, которые он им дал. Чужеземцы, находившиеся в лагере, вскоре стеклись в покои принца Тарента, и когда они увидели, что происходит, добавляет наш древний автор, *были необычайно напуганы*, боясь разделить участь жертв. Они поспешили покинуть лагерь христиан и повсюду на своем пути распространяли

рассказ о том, что они видели. Их история передавалась из уст в уста даже в самые отдаленные страны: жители Антиохии и все мусульмане сирийских городов были охвачены ужасом и больше не осмеливались приближаться к лагерю крестоносцев. “Таким образом, - говорит процитированный нами выше историк, - хитрость и поведение сеньора Бозмунда привели к тому, что вредитель шпионов был изгнан из лагеря, а предприятия христиан не были разглашены врагу”.

В то же время епископ Пюи применил гораздо более невинную уловку, соответствующую духу его служения и его профессии. Он приказал вспахать и засеять земли по соседству с Антиохией, чтобы защитить христианскую армию от нападений голода и в то же время убедить сарацин в том, что ничто не может истощить упорство осаждающих.

Тем временем зима подкрадывалась незаметно; заразные болезни причиняли меньше разрушений, и князья и монастыри Армении посылали христианам провизию.^[105] Голод стал ощущаться меньше. Улучшение состояния паломников объяснялось их раскаянием и обращением, и они благодарили Небеса за то, что они сделали их лучше и более достойными его защиты и милости.

Именно в это время в лагерь крестоносцев прибыли послы от халифа Египта. В присутствии неверных воины-христиане старались скрыть следы и воспоминания о затянувшихся страданиях, которым они подверглись. Они облачались в свои самые драгоценные одежды и демонстрировали свое самое блестящее оружие. Рыцари и бароны состязались во славу силы и мастерства на турнирах. Не было видно ничего, кроме танцев и празднества, среди которых, казалось, царили изобилие и радость. Египетские послы были приняты в великолепном шатре, в котором собрались все главные военачальники армии. В своих обращениях они не скрывали крайнего отвращения, которое их господин всегда питал к союзу с христианами; но победы, одержанные крестоносцами над турками, этими извечными врагами рода Али, заставили его поверить, что сам Бог послал их в Азию как орудия его мести и правосудия. Египетский халиф был склонен вступить в союз с победоносными христианами и готовился вступить в Палестину и Сирию. Узнав, что желания крестоносцев ограничивались горячим желанием увидеть Иерусалим, он пообещал восстановить христианские церкви, защитить их богослужение и открыть ворота Святого Города для всех паломников при условии, что они отправятся туда без оружия и пробудут там не более одного месяца. Если крестоносцы подчинятся этим условиям, халиф обещал стать их самым щедрым сторонником; если они откажутся от благословения его дружбы, народы Египта и Эфиопии, а также все те, кто населяет Азию и Африку, от Гадесского пролива до ворот Багдада, восстанут по голосу законного наместника пророка и покажут воинам Запада мощь своего оружия.

Эта речь вызвала бурный ропот в собрании христиан; один из вождей встал, чтобы ответить на нее, и обратился к заместителям халифа: “Религия, которой мы следуем, - сказал он им, - вдохновила нас на намерение восстановить свою империю в тех местах, где она зародилась; и мы не нуждаемся в согласии властей земли для исполнения наших обетов. Мы приехали в Азию не для того, чтобы получать законы или льготы от мусульман, и, кроме того, мы не забыли бесчинств, совершенных египтянами над паломниками Запада; мы все еще помним, что христиане во времена правления халифа Хакима были преданы палачам и что их церкви, особенно храм Гроба Господня, были разрушены до основания. Да, без сомнения, у нас есть намерение посетить Иерусалим, но мы также дали клятву избавить его от ига неверных. Бог,

который почтил его своими страданиями, желает, чтобы ему там служил его народ. Христиане полны решимости быть как его хранителями, так и его хозяевами. Иди и скажи тому, кто послал тебя сделать выбор между миром или войной; скажи ему, что христиане, расположившиеся лагерем перед Антиохией, не боятся ни народов Египта, ни народов Азии, ни народов Багдада, и что они вступают в союз только с теми силами, которые уважают законы справедливости и стандарты Иисуса Христа”.

Выступивший таким образом оратор выразил мнение и настроения собрания; тем не менее, они не полностью отвергли союз с египтянами. Депутаты были выбраны из христианской армии, чтобы сопровождать послов Каира по их возвращении и передать халифу окончательные предложения крестоносцев о мире.

Едва депутаты покинули лагерь христиан, как последние одержали новую победу над турками. Султаны Алеппо и Дамаска вместе с эмирами Кесарии, Эмессы и Иерополиса собрали двадцатитысячную армию всадников на помощь Антиохии; и эта армия уже направлялась к городу, когда была застигнута врасплох и разбита на куски принцем Тарентским и графом де Сен-Жилем, вышедшими ей навстречу. Турки потеряли в этом сражении две тысячи человек и тысячу лошадей, а город Гарем, в котором они тщетно искали убежища после своего поражения, перешел в руки христиан. В тот момент, когда послы Египта собирались сесть на корабль в порту Святого Симеона, им на четырех верблюдах доставили головы и добычу двухсот мусульман. Победители бросили еще двести голов в город Антиохию, гарнизон которого все еще ожидал помощи; и они насадили большое количество голов на пики вокруг стен. Таким образом, они выставляли напоказ эти ужасные трофеи, чтобы отомстить сарацинам за оскорбления, нанесенные на их крепостных валах образу Пресвятой Богородицы, попавшему к ним в руки.

Но вскоре крестоносцам предстояло проявить себя в гораздо более опасной и кровопролитной битве. Флот генуэзцев и пизанцев вошел в порт Святого Симеона, и известие об их прибытии вызвало величайшую радость в армии, большое количество солдат покинуло лагерь и поспешило в порт, одни, чтобы узнать новости из Европы, а другие, чтобы купить провизию, в которой они так сильно нуждались. Когда они возвращались, нагруженные провизией и по большей части безоружные, на них неожиданно напал и рассеял четырехтысячный отряд турок, которые подстерегли их на пути. Напрасно князь Тарентский, граф де Сен-Жиль и епископ Адемар поспешили к ним на помощь со своими войсками; христиане не могли противостоять натиску неверных и в беспорядке отступили.

Известие об этом поражении вскоре посеяло тревогу среди крестоносцев, оставшихся перед городом. Немедленно Годфри, которому опасность дала верховную власть, приказал вождям и солдатам взяться за оружие.^[106] В сопровождении своего брата Юстаса, двух Робертсов и графа де Вермандуа он пересек Оронт и поспешил на поиски врага, все еще занятого отработкой своего первого преимущества. Как только он предстал перед сарацинами, он приказал другим вождям последовать его примеру и бросился с мечом в руке в самую гущу вражеских рядов. Последние, привыкшие сражаться на расстоянии и в основном пользоваться луком и стрелами, не смогли устоять перед мечом и копьем крестоносцев. Они обратились в бегство, одни в сторону гор, другие - в сторону города. Аксьен, который с башен своего дворца был свидетелем победоносной атаки крестоносцев, немедленно послал многочисленный отряд

для возобновления боя. Он проводил своих солдат до ворот Моста, которые велел закрыть за ними, сказав, что они должны быть открыты для них только тогда, когда они вернутся с победой.

Этот новый отряд сарацин был вскоре разбит и рассеян; и им не оставалось никакой надежды, кроме как попытаться вернуть город. Но Годфри, который все предвидел, занял позицию на возвышенности между беглецами и воротами Антиохии. Именно там возобновилась резня; христиане были воодушевлены своей победой, а сарацины - отчаянием и криками жителей города, собравшихся на крепостных валах. Ничто не может передать ужасающий шум этого нового конфликта. Бряцание оружия и крики сражающихся не позволили бы солдатам услышать приказы своих лидеров. Они сражались один на один, без всякого порядка, в то время как тучи пыли покрывали поле битвы. Случай направлял удары как победителей, так и побежденных, и сарацины, сбитые в кучу своим ужасом, препятствовали их собственному бегству. Смятение было настолько велико, что несколько крестоносцев были убиты своими товарищами и братьями по оружию. Огромное количество сарацин почти без сопротивления пало под мечами христиан, и более двух тысяч человек, спасавшихся бегством, утонули в Оронте. "Старики Антиохии," говорит Вильгельм Тирский, " созерцая эту кровавую катастрофу с высоты своих стен, горевали о том, что прожили так долго, в то время как женщины, ставшие свидетелями смерти своих детей, оплакивали собственную плодовитость". Резня продолжалась в течение всего дня; и только с наступлением темноты Аксьен позволил открыть ворота, чтобы принять жалкие остатки своих войск, которые все еще горячо преследовали крестоносцы.

Командиры и солдаты армии проявили чудеса доблести. Боэмунд, Танкред, Адемар, Болдуин дю Бург и Юстас появлялись повсюду, ведя своих воинов опасными путями. Вся армия говорила об ударах копьем и чудесных ратных подвигах графа де Вермандуа и двух Робертсов. Герцог Нормандии выдержал единоборство с предводителем неверных, который двинулся к нему в окружении своего отряда. Одним ударом меча он рассек ему голову до плеча и, когда сарацин замертво упал к его ногам, воскликнул: *"Я отдаю твою нечистую душу силам ада"*. Танкред, говорит Рауль де Кан, отличился среди самых отважных рыцарей. В разгар схватки христианский герой, столь же скромный, сколь и храбрый, заставил своего оруженосца поклясться хранить молчание о подвигах, свидетелем которых он был.^[107] Годфри, который в этот памятный день продемонстрировал мастерство великого капитана, продемонстрировал свою храбрость и огромную силу действиями, прославленными как историей, так и поэзией. Никакие доспехи, казалось, не могли устоять против его острого клинка; копья, шлемы и кирасы разлетались в щепки под его ударами. Сарацин, превосходящий его силой и ростом, предложил ему сразиться один на один посреди схватки первым же ударом разнес щит Годфри вдребезги. Возмущенный такой дерзостью, христианский герой приподнялся на стременах и, бросившись на своего противника, нанес ему такой страшный удар в плечо, что расколол его тело на две части.^[108] Один, как утверждают историки, упал на землю, в то время как другой остался на коне, который вернулся в город, где это зрелище удвоило ужас осажденных. Несмотря на эти удивительные подвиги, христиане понесли значительные потери. Прославляя героическую доблесть крестоносцев, современная история поражается множеству мучеников, которых сарацины отправили на небеса, и которые, прибыв в обители избранных с коронами на головах и пальмовыми ветвями в руках, обратились к Богу со следующими словами: "Почему ты не пощадил нашу кровь, которая пролилась за тебя сегодня?"^[109]

Неверные провели ночь, хороня тех, кто был убит под стенами города. Они похоронили их возле мечети, построенной с внешней стороны Оронтского моста. После похоронных церемоний они

вернулись в Антиохию. Поскольку, по обычаю мусульман, эти тела были похоронены вместе с их оружием, украшениями и облачениями, эта добыча представляла слишком сильное искушение для огромной толпы, следовавшей за армией крестоносцев. Они переправились через Оронт, толпой бросились на могилы сарацин, выкопали мертвые тела и сорвали с них оружие и одеяния, которыми они были прикрыты. Они быстро вернулись, чтобы выставить в лагере шелковые ткани, щиты, копья, дротики и дорогие мечи, найденные в гробах; и это зрелище нисколько не вызвало отвращения у рыцарей и баронов. На следующий день после битвы, среди трофеев побежденных, они с радостью созерцали полторы тысячи голов, отделенных от туловищ, которые были с триумфом пронесены по армии, напоминая им об их собственной победе и потерях, которые они нанесли неверным. Все эти головы были брошены в Оронт и вместе с телами мусульман, утонувших во время сражения предыдущего дня, донесли весть о победе генуэзцам и пизанцам, высадившимся в порту Святого Симеона. Крестоносцы, которые в начале битвы бежали к морю или в горы и которых оплакивали как погибших, вернулись в лагерь и присоединились к своим собратьям в вознесении благодарности небесам за триумфы христианской армии. С этого времени вожди не думали ни о чем, кроме как воспользоваться тем ужасом, который они внушили сарацинам. Хозяева мусульманского кладбища, крестоносцы разрушили мечеть, построенную за стенами города, и использовали камни с могил даже для возведения крепости перед воротами моста, по которому осажденные совершали свои вылазки. Раймонд, которого обвинили в недостатке рвения к священной войне, приказал построить форт и взял на себя защиту этого опасного поста. Было предложено возвести еще одну крепость рядом с первой, и поскольку никто другой из вождей не явился, чтобы ускорить ее строительство, Танкред предложил крестоносцам свои услуги. Но, каким бы великодушным и верным рыцарем он ни был, у него не было ничего, кроме своего меча и своей славы. Он попросил у своих товарищей необходимые деньги и сам пошел на рискованное предприятие. Все стремились поддержать его мужественную преданность; работы, которыми он руководил, вскоре были завершены, и с этого времени осажденные оказались полностью замкнутыми в кольцо своих стен.

Крестоносцы, завершив таким образом блокаду этого места, застали врасплох сирийцев, которые привыкли привозить провизию в Антиохию, и даровали им свободу и жизнь только после того, как они поклялись снабжать христианскую армию. Узнав, что Аксьен отправил большую часть лошадей своего гарнизона в долину в нескольких лигах от города, они направились туда окольными путями и завладели этой богатой добычей. Две тысячи лошадей и столько же мулов были с триумфом приведены в лагерь христиан.

Поскольку флот пизанцев и генуэзцев привел с собой большое количество рабочих и инженеров, они были заняты руководством осадными работами. Были сконструированы военные машины, и город Антиохия подвергся более энергичному давлению, ему угрожали со всех сторон. В то время как отчаяние заменило сарацинам мужество, рвение и соперничество крестоносцев удвоились. Многие, кого несчастья или страх изгнали из христианской армии, вернулись под их знамена и стремились своими усилиями стереть память о своем дезертирстве. Осаждающие не позволяли себе передышки и, казалось, жили только для того, чтобы сражаться. Женщины поддерживали доблесть воинов. Некоторые смешались с ними в строю, в то время как другие носили им еду и боеприпасы на поле боя. Дети даже формировались в отряды, упражнялись в военных эволюциях и брали в руки оружие против сарацин. Жители Антиохии противопоставляли своих детей детям христиан, и несколько раз эти юные бойцы вступали в драку в присутствии осаждающих, которые воодушевляли их голосом и жестами и

вступали в бой даже для того, чтобы поддержать тех из своей партии, которые, казалось, сдавались.

В то же время была сформирована другая военная сила, еще более грозная для сарацин.^[110] Нищие и бродяги, следовавшие за христианской армией, были задействованы в осадных работах и работали по приказу капитана, получившего титул “*Roi truant*”, или короля нищих. Они получали жалованье из общей казны крестоносцев, и как только они оказались в состоянии приобрести оружие и одежду, король отрекся от них как от своих подданных и заставил вступить в один из отрядов армии. Эта мера, заставив бродяг отказаться от опасной праздности, превратила их в полезных помощников. Поскольку их обвинили в осквернении гробниц и поедании человеческого мяса,^[111] они внушали большой ужас неверным, и один только их вид обратил в бегство защитников Антиохии, которые трепетали при мысли попасть в их руки.

Антиохия была так плотно прижата, а у гарнизона осталось так мало средств обороны, что крестоносцы каждый день ожидали, что овладеют ею. Аксьен потребовал от них перемирия и пообещал сдаться, если его вскоре не сменят. Крестоносцы, всегда полные слепого доверия, имели неосторожность принять предложения губернатора. Как только они заключили перемирие с сарацинами, военачальники армии, которые почти никогда не сходились во мнениях, кроме как на поле битвы, и которых присутствие опасности не всегда объединяло, были готовы объявить друг другу войну.

Болдуин, принц Эдесский, послал великолепные подарки Годфри, двум Робертсам, графу де Вермандуа и графам Блуа и Шартра, но при распределении своих милостей намеренно не упомянул Боэмунда и его солдат. Больше ничего не было нужно для создания разделения. В то время как остальная армия праздновала щедрость Балдуина, принц Тарента и его воины не слышали ничего, кроме жалоб и ропота.

В это время богато украшенный шатер, который армянский принц предназначил для Годфри и который, попав в руки Панкрация, был отправлен Боэмунду, стал новым предметом беспокойства и раздоров. Годфри надменно потребовал подарок, который предназначался ему, а Боэмунд отказался от него отказаться. Обе стороны перешли к оскорбительным условиям и угрозам; они были даже готовы прибегнуть к оружию, и кровь христианоготова была пролиться из-за жалкой ссоры; но, в конце концов, принц Тарента, покинутый большей частью армии и побежденный молитвами своих друзей, уступил палатку своему сопернику, утешаясь в своей досаде надеждой, что война вскоре принесет ему более богатую добычу.

Вильгельм Тирский, передавший нам этот отчет, поражен, увидев, что мудрый Годфри с таким жаром заявляет о столь легкомысленном предмете, и в своем удивлении сравнивает слабость героя со сном доброго Гомера. Его мысль была бы более справедливой, если бы он сравнил раздоры и ссоры руководителей крестового похода с теми, которые тревожили лагерь греков и так надолго задержали взятие Трои. В то время как эти распри привлекли внимание всей христианской армии, жители Антиохии вводили в город подкрепления и готовились к новому сопротивлению. Когда они получили помощь и провизию, необходимые для самозащиты и продления осады, они нарушили перемирие и снова начали войну, пользуясь всеми преимуществами, которые им слишком легко дал мир.

Антиохия после семимесячной осады вырвалась бы из рук христиан, если бы хитрость, политика и честолюбие не сделали для них того, чего не смогли добиться терпение и храбрость. Боэмунд,

чьим единственным мотивом для начала крестового похода было желание улучшить свое положение, постоянно высматривал возможность реализовать свои замыслы. Огромный успех Болдуина пробудил в нем ревность и преследовал его даже во сне. Он осмелился направить свои взгляды на обладание Антиохией, и обстоятельства настолько благоприятствовали ему, что он встретился с человеком, который, возможно, смог бы отдать этот город в свою власть. Этот человек, которого звали Фирус, был, что бы ни говорили некоторые историки, приписывающие ему благородное происхождение, сыном армянина, который по профессии был изготовителем кирас.^[112] У него был беспокойный и занятой характер, он постоянно стремился измениться и улучшить свое состояние. Он отрекся от христианской религии из духа непостоянства, и в надежде приумножить свое состояние; он был наделен замечательным самообладанием и смелостью, не подверженной никаким случайностям, и в любое время был готов совершить за деньги то, чего можно было ожидать только от самого ярого фанатика. Ничто не казалось ему несправедливым или невозможным, что сулило бы удовлетворение его честолюбия или алчности. Будучи активным, ловким и вкрадчивым, он втерся в доверие к Аксьену и был допущен в его совет. Князь Антиохии доверил ему командование тремя главными башнями этого города. Поначалу он защищал их с рвением, но без какой-либо выгоды для своего состояния, и он устал от бесплодной верности в тот момент, когда его напряженный мозг предположил, что измена может оказаться более выгодной. В промежутках между различными конфликтами у него было много возможностей повидаться с принцем Тарента. Эти двое мужчин угадали характер друг друга с первого взгляда, и вскоре эта симпатия породила взаимное доверие. На их первых встречах Фирус жаловался на бесчинства, которым подвергся со стороны мусульман; он глубоко сожалел о том, что оставил религию Христа, и оплакивал гонения, которым подверглись христиане в Антиохии. Большого и не требовалось, чтобы принц Тарента узнал тайные мысли Фируса. Он похвалил как его рассказание, так и его добрые чувства и дал ему самые великолепные обещания. Тогда ренегат открыл ему свое сердце. Они поклялись друг другу в нерушимой дружбе и планировали активную переписку. Впоследствии они встречались несколько раз, но всегда в строжайшей тайне. При каждой встрече Боэмунд говорил Фирусу, что судьба христиан находится в его руках и что только от него зависит заслужить их благодарность и получить от них огромное вознаграждение. Со своей стороны, Фируз заявил, что он стремится служить христианам, которых считает своими братьями, и, чтобы заверить князя Тарента в своей верности или же оправдать свою измену, он сказал, что Иисус Христос явился ему и посоветовал отдать Антиохию христианам.^[113] Bohemond не требовал такого протеста. Ему было нетрудно поверить в то, чего он так страстно желал, и как только он договорился с Фирусом о способах осуществления проектов, которые они так долго обдумывали, он созвал собрание главных военачальников христианской армии. Он начал с того, что с большой серьезностью рассказал им как о зле, от которого крестоносцы до сих пор страдали, так и о еще большем зле, которым им угрожали. Он добавил, что на помощь Антиохии движется мощная армия; что отступление не может быть осуществлено без позора и опасности; и что для христиан не остается никакой безопасности, кроме как при взятии города. Это правда, это место было защищено неприступными валами; но они должны помнить, что не все победы были одержаны силой оружия или на поле битвы; и что те, которые были одержаны благодаря храбрости, не были ни наименее важными, ни наименее славными. Следовательно, те, кого нельзя было победить, должны быть обмануты, а враг должен быть побежден великим, но искусным предприятием. Среди жителей Антиохии, столь разнообразных по своим нравам и религиям, столь противоположных в своих интересах, должны были найтись такие, кто попался бы на приманку золота или соблазны блестящих обещаний. Вопрос о службе, столь важной для

христианской армии, был такого масштаба, что было правильно продвигать любые начинания. Само по себе обладание Антиохией не казалось ему слишком высокой наградой за рвение того, кто должен быть достаточно ловок или удачлив, чтобы распахнуть ворота города перед крестоносцами.

Боэмунд старался не объясняться более ясно, но его цель была легко угадана по завистливому честолюбию некоторых лидеров, которые, возможно, придерживались тех же взглядов, что и он сам. Раймонд, в частности, горячо опроверг коварные инсинуации принца Тарента. “Мы все, ” сказал он, “ братья и компаньоны, и было бы несправедливо, после того как все подверглись одинаковому риску, чтобы кто-то один собирал плоды наших совместных трудов. Что касается меня, - добавил он, бросив на Боэмунда взгляд, полный гнева и презрения, - то я не пересек столько стран, не подвергся столько опасностям, не пролил столько крови и сокровищ и не пожертвовал столько своими солдатами, чтобы ценой наших побед отплатить за какую-нибудь грубую уловку или постыдную уловку, достойную только женщин”. Эти пылкие слова имели тот успех, которого и следовало ожидать среди воинов, привыкших побеждать силой оружия и не считавших никакой победы наградой за доблесть. Большинство вождей отвергли предложение принца Тарентского и присоединили свои насмешки к насмешкам Раймонда. Боэмунд, которого история прозвала латинским Улиссом, делал все, что было в его силах, чтобы сдержаться и скрыть свое раздражение. Он вышел с совета с улыбкой, убежденный, что необходимость скоро заставит крестоносцев согласиться с его мнением.

Как только он вернулся в свою палатку, он разослал эмиссаров по всем частям лагеря, чтобы тайно распространить самые тревожные сведения. Как он и предвидел, христиан охватил ужас. Некоторые из вождей были посланы удостовериться в правдивости слухов, распространявшихся в лагере, и вскоре вернулись с сообщением, что Кербоба, султан Мосула, продвигается к Антиохии с армией в двести тысяч человек, собранной на берегах Евфрата и Тигра. Эта армия, угрожавшая городу Эдессе и опустошавшая Месопотамию, находилась всего в семи днях пути. После этого рассказа опасения крестоносцев удвоились. Боэмунд прошел по рядам, преувеличивая опасность, и делая вид, что выказывает больше подавленности и ужаса, чем все остальные; но в глубине души он был доволен и улыбался при мысли о том, что скоро увидит, как осуществляются все его надежды. Лидеры вновь собрались, чтобы обсудить средства, которые необходимо предпринять в таких опасных обстоятельствах. В совете разделились два мнения. Некоторые желали, чтобы осада была снята и чтобы они выступили навстречу сарацинам; в то время как другие придерживались мнения, что армию следует разделить на два отряда, один из которых должен действовать против Кербоба, в то время как другой должен остаться охранять лагерь. Это последнее мнение, по-видимому, возобладало, когда Боэмунд потребовал разрешения высказаться. Ему не составило большого труда разъяснить им неосуществимость обоих предложенных планов. Если бы они сняли осаду, то оказались бы между гарнизоном Антиохии и грозной армией. Если они продолжат блокаду города, а половина армии пойдет только навстречу Кербобе, они были почти уверены в поражении. “Величайшие опасности, ” добавил принц Тарента, “ окружают нас. Время поджигает; завтра, возможно, будет слишком поздно действовать; к завтрашнему дню мы, возможно, потеряем плоды всех наших трудов и всех наших побед; но нет, я не могу так думать; Бог, который до сих пор вел нас за руку, не допустит, чтобы мы боролись за его дело напрасно. Он *will* спасет христианскую армию, он *will* приведет нас к могиле своего Сына. Если вы примете предложение, которое я вам сделал, завтра зная с крестом будет развеваться над стенами Антиохии, и мы с триумфом войдем в Иерусалим”.

Закончив эти слова, Боэмунд показал письма Фируса, который обещал сдать три башни, которыми он командовал. Фирус сказал, что готов выполнить это обещание, но заявил, что не будет иметь ничего общего ни с кем, кроме принца Тарента. В качестве платы за свои услуги он потребовал, чтобы Боэмунд остался хозяином Антиохии. Итальянский принц добавил, что он уже передал Фирусу значительные суммы; что он один заручился его доверием и что взаимное доверие было самой надежной гарантией успеха столь трудного предприятия. “Что касается остального, - продолжал он, - если можно найти лучший способ спасти армию, я готов одобрить это и охотно откажусь от своей доли в завоевании, от которого зависит безопасность всех крестоносцев”.

Опасность с каждым днем становилась все более острой; было постыдно бежать, неосмотрительно сражаться и опасно тянуть время. Страх заглушал все интересы и всякое соперничество. Чем больше сопротивления лидеры сначала оказывали проекту Боэмунда, тем с большим рвением они теперь приводили убедительные доводы в пользу его принятия. Разделенное завоевание перестало быть завоеванием. Разделение Антиохии могло бы породить множество разногласий в армии и привести к ее гибели. Они отдавали только то, что на самом деле еще не принадлежало им; и они отдавали это, чтобы обезопасить жизни христиан. Было бы лучше, если бы один человек извлек выгоду из трудов всех, чем если бы все погибли, противодействуя благой судьбе этого одного. Более того, взятие Антиохии не было целью крестового похода — они взялись за оружие, чтобы освободить Иерусалим. Каждое промедление противоречило тому, чего ждала религия от своих солдат, тому, чего ожидал Запад от своих самых храбрых рыцарей. Все вожди, за исключением непреклонного Раймонда, объединились, чтобы передать Боэмунду Антиохийское княжество, и заклинали его ускорить исполнение своего проекта.

Покинув совет, принц Тарента отправил информацию о решении лидеров Фирусу, который отдал своего собственного сына в руки принца в качестве заложника. Выполнение плана было назначено на следующий день. Чтобы убаюкать гарнизон Антиохии и обеспечить наибольшую безопасность, было решено, что христианская армия покинет лагерь и направит свой марш сначала по маршруту, по которому, как ожидалось, прибудет принц Моссула, и что с наступлением темноты она встретится под стенами Аскалона. На следующий день, ранним утром, войска получили приказ готовиться к отъезду. За несколько часов до наступления ночи крестоносцы выступили из своего лагеря и двинулись маршем под звуки труб и развевающиеся штандарты. Пройдя небольшое расстояние, они вернулись по своим следам и в молчании вернулись под стены Антиохии. По сигналу, данному принцем Тарента, они остановились в долине на западе, недалеко от башни Трех Сестер, в которой командовал Фирус. Именно там вожди раскрыли армии секрет великой экспедиции, которая должна была открыть им ворота города.

Однако проекты Фируса и Боэмунда были очень близки к провалу. В тот момент, когда христианская армия покинула свой лагерь и все было подготовлено для осуществления заговора, по всей Антиохии разнесся слух об измене. Под подозрением оказались христиане и новообращенные мусульмане; даже шепотом упоминалось имя Фируса, и его обвинили в том, что он поддерживает разведывательную связь с крестоносцами. Он был вынужден предстать перед Асьеном, который подробно допросил его и пристально уставился на него, чтобы проникнуть в его мысли; но Фирус рассеял все его подозрения своим твердым выражением лица. Он сам предложил надлежащие меры, которые следует принять против предателей, и

посоветовал своему хозяину сменить командиров главных башен. Этот совет был одобрен, и Аксьен решил последовать ему завтра. Тем временем был отдан приказ заковать в цепи и предать смерти во тьме ночи всех христиан, которых удастся найти в городе. Затем отступника отправили обратно на его пост, осыпав похвалами за его осторожность и верность. С приближением ночи в Антиохии, казалось, все успокоилось, и Фируз, избежавший столь грозной опасности, ожидал крестоносцев в башне, которую он согласился им сдать.

Поскольку его брат командовал башней рядом с его собственной, Файрус отправился на его поиски и попытался вовлечь его в заговор. “Брат, ” сказал он ему, - ты знаешь, что крестоносцы покинули свой лагерь и что они отправились навстречу армии Кербози. Когда я думаю о страданиях, которые они пережили, и о смерти, которая им угрожает, я не могу не испытывать к ним своего рода жалости. Вы также не в неведении о том, что этой ночью все христианские жители Антиохии, претерпевшие столько бесчинств, будут убиты по приказу Асьена. Я не могу не пожалеть их; я не могу забыть, что мы родились в одной религии и что когда-то были братьями”. Эти слова не произвели того эффекта, которого он ожидал. “Я удивлен, ” ответил его брат, - что ты жалеешь людей, которые должны были бы вызывать у нас ужас. До того, как христиане появились под стенами Антиохии, мы были обременены благами. С тех пор как они осадили город, мы провели нашу жизнь в опасностях и тревогах. Пусть все зло, которое они навлекли на нас, отразится на них самих! Что касается христиан, которые живут среди нас, разве вы не знаете, что большая часть из них - предатели и что они не думают ни о чем, кроме как предать нас мечу наших врагов?” Закончив эти слова, он бросил угрожающий взгляд на Фироуса. Отступник понял, что его подозревают. Он не мог признать брата в человеке, который отказался быть его сообщником, и в качестве единственного ответа вонзил кинжал ему в сердце.

Наконец настал решающий момент. Ночь была темной, и усиливающаяся буря увеличивала глубину мрака. Ветер, который шумел среди крыш зданий, и раскаты грома не позволяли часовым слышать какой-либо шум на крепостных валах. Небеса, казалось, вспыхнули на западе, и вид кометы, появившейся затем на горизонте, казалось, возвестил суеверным умам крестоносцев о предначертанном моменте разорения неверных.^[114]

Они с нетерпением ждали сигнала. Гарнизон Антиохии погрузился в сон; один Фируз наблюдал и обдумывал свой заговор. Ломбардец по имени *Пайен*, посланный Боэмундом, поднялся на башню по кожаной лестнице. Фирус принял его, сказав, что все готово, и в доказательство своей верности указал на мертвое тело своего брата, которого он только что убил. Пока они разговаривали, офицер гарнизона пришел навестить посты. Он предстал с фонарем в руке перед башней, которой командовал Файрус. Последний, не выказывая ни малейшего беспокойства, заставил посланца Боэмунда спрятаться и вышел навстречу офицеру. Получив похвалу за свою бдительность, он поспешил отправить Пайена обратно с инструкциями для принца Тарента. Лангобард, вернувшись в армию, рассказал о том, что он видел, и, со стороны Фируса, заклинал Боэмунда не терять больше ни минуты.

Но внезапно страх овладел солдатами; в момент казни все увидели всю степень опасности, и ни один из них не решился взобраться на вал. Напрасно Годфри и принц Тарентский прибегали по очереди к обещаниям и угрозам; и вожди, и солдаты оставались неподвижны.^[115] Сам Боэмунд поднимался по веревочной лестнице в надежде, что его поддержат самые храбрые; но никто не считал своим долгом следовать по его стопам. Он добрался до башни один, где Файрус

горячо упрекнул его за задержку. Боэмунд поспешно спустился к своим солдатам и повторил им, что все готово для их приема. Его речь, а еще больше - его пример, наконец, придали им мужества, и шестьдесят из них начали эскалацию. Они поднялись по кожаной лестнице, ведомые неким Фульче де Шартр, которого историк Танкреда сравнивает с орлом, уводящим своих птенцов и летящим во главе их.^[116] Среди этих шестидесяти храбрецов был граф Фландрии вместе с несколькими главными вождями. Очень скоро еще шестьдесят крестоносцев быстро наступали на пятки первому,^[117] и за ними снова последовало такое количество и с такой стремительностью, что парапет, к которому была прикреплена лестница, зашатался и, наконец, с громким треском упал в ров. Те, кто почти достиг вершины башни, пали под ударами копий и мечей своих товарищей, следовавших за ними. Среди нападавших царили беспорядок и растерянность, тем не менее руководители заговора смотрели на все спокойно. Фирус обнял своих новых товарищей над окровавленным трупом своего брата; он даже подставил под их мечи другого брата, который случайно оказался с ним, а затем сдал крестоносцам три башни, вверенные его командованию. Вскоре в их руках оказались еще семь башен, и Фирос громко призвал всю христианскую армию к себе на помощь. Он прикрепил к крепостному валу новую лестницу, по которой взбирались самые нетерпеливые, и указал другим на ворота, которые они могли легко взломать, и по ним толпы людей хлынули в город.

Вскоре Готфрид, Раймонд и герцог Нормандский были на улицах Антиохии во главе своих батальонов. Затрубили все трубы, и с четырех холмов город огласился ужасным криком: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”* При первом сообщении о беспорядках все христиане, жившие в Антиохии, поверили, что настал их последний час и что мусульмане собираются принести их в жертву. Последние, полусонные, высыпали из своих домов, чтобы выяснить причину шума, который они слышали, и умерли, так и не узнав, кто был предателем и от чьих рук они были убиты. Некоторые, почувствовав опасность, побежали к горе, на которой была построена цитадель, в то время как другие бросились к воротам города. Все, кто не умел летать, пали под мечами завоевателей.

В разгар этой кровавой победы Боэмунд не пренебрег формальным вступлением во владение Антиохией, и на рассвете его красное знамя было замечено развевающимся над одной из самых высоких башен города. При виде этого крестоносцы, оставшиеся во главе лагеря, разразились громкими радостными возгласами и поспешили принять участие в этом новом завоевании христиан. Резня мусульман продолжалась с неослабевающей яростью. Большая часть христиан Антиохии, которые во время осады сильно пострадали от тирании неверных, присоединились к своим освободителям, причем некоторые из них демонстрировали кандалы, которыми их заковали турки, и таким образом еще больше разжигали мстительный дух победоносной армии. Общественные места были завалены мертвыми телами, а на улицах потоками лилась кровь. Солдаты проникали в дома; религиозные эмблемы указывали на христиан, священные гимны указывали на их братьев; но все, что не было отмечено крестом, становилось объектом мести, и все, кто не произносил имени Христа, были безжалостно убиты.

За одну ночь погибло более шести тысяч жителей Антиохии. Многих из тех, кто бежал на соседние поля, преследовали и приводили обратно в город, где их ждало либо рабство, либо смерть. В первые минуты замешательства Аксьен, видя, что его предали, и не смея больше доверять никому из своих офицеров, решил бежать в Месопотамию и встретиться с армией Кербоги. Сбежав через одни из ворот, он двинулся без сопровождения через горы и леса, пока не наткнулся на нескольких армянских дровосеков. Эти люди сразу узнали князя Антиохии, и

поскольку на его лице были следы подавленности и горя, они решили, что город должен быть взят. Один из них, приблизившись к нему, выхватил у него меч и вонзил его в его тело. Его голову отнесли новым хозяевам Антиохии, и Фируз получил возможность без страха созерцать черты того, кто за день до этого мог приговорить его к смерти. Получив в награду за свое предательство огромные богатства, этот отступник принял христианство, от которого отказался, и последовал за крестоносцами в Иерусалим. Два года спустя, не удовлетворив своих амбиций, он вернулся к религии Магомета и умер, испытывая отвращение как к мусульманам, так и к христианам, чье дело он поочередно поддерживал и предавал.

Когда христианам надоела резня, они приготовились атаковать цитадель; но так как она была построена на горе, неприступной с большинства сторон, все их усилия были бесполезны. Они удовлетворились тем, что окружили его солдатами и боевыми машинами, чтобы ограничить гарнизон, а затем рассредоточились по всему городу, давая выход всему опьянению, которое внушила им победа. Разграбление Антиохии принесло им огромные богатства; и хотя они нашли лишь небольшой запас провизии, они предались самым экстравагантным проявлениям неводержанности и разврата.

Эти события произошли в первых числах июня 1098 года; осада Антиохии началась в октябре месяце предыдущего года. После этой победы быстро пролетели три дня в разгаре ликования, но четвертый был днем страха и скорби.

Грозная армия сарацин приближалась к Антиохии. С самого раннего периода осады Аксьен и султан Ниццы, у которого христиане отняли его владения, обращались ко всем мусульманским державам с просьбой о помощи против воинов Запада. Верховный глава сельджукидов, султан Персии, пообещал им помощь; и по его приказу весь Корассан, говорит Матфей Эдесский, Мидия, Вавилон, часть Малой Азии и весь Восток, от Дамаска и морского побережья до Иерусалима и Аравии, немедленно поднялся, чтобы напасть на христиан.^[118] Кербоба, султан Мосула, командовал этой армией мусульман. Этот воин долгое время сражался, в какой-то период на стороне персидского султана Баркиарока, в другие - на стороне различных принцев из рода Малек-Ша, которые боролись за империю. Часто терпевший поражения и дважды побывавший в плену, он состарился среди потрясений гражданской войны. Столь же полный презрения к христианам, сколь и уверенности в себе, истинный образец свирепого черкеса, прославленного Тассо, он считал себя освободителем Азии и пересек Месопотамию со всей помпой и великолепием завоевателя. Султаны Ниццы, Алеппо и Дамаска, губернатор Иерусалима и двадцать восемь эмиров из Персии, Палестины и Сирии выступили в поход под его командованием. Мусульманские солдаты были движимы жаждой мести и поклялись своим пророком истребить всех христиан. На третий день после взятия Антиохии армия Кербоби разбила свои палатки на берегах Оронта.

Христианам сообщил о его прибытии отряд из трехсот всадников, которые прибыли на разведку и продвинулись даже под стены. Беспокойство и тревога немедленно сменились весельем. Они обнаружили, что у них нет припасов, чтобы выдержать осаду; и несколько их военачальников были отправлены со своими войсками к порту Святого Симеона и в соседнюю страну, чтобы собрать всю провизию, которую они могли найти; но территория Антиохии была так полностью опустошена в течение многих месяцев, что они не могли раздобыть ничего, даже достаточного для содержания многочисленной армии. Возвращение всех, кто был послан за провизией, довершило ужас христиан. В самый момент их прибытия неверные атаковали передовые посты

крестоносцев, и даже в этих первых сражениях христианской армии пришлось оплакивать потерю нескольких своих самых храбрых воинов. Бозмунд был ранен в вылазке; напрасно Танкред и Готфрид проявили чудеса храбрости; мусульмане вынудили христиан запереться в месте, хозяевами которого последние только что стали и где они, в свою очередь, вскоре были плотно осаждены.

Оказавшись между гарнизоном цитадели и осаждающей армией, крестоносцы оказались в самом критическом положении. Чтобы предотвратить получение каких-либо припасов по морю, Кербога послал две тысячи мусульман захватить порт Святого Симеона и все суда, которые доставляли провизию для христианской армии. Голод не заставил себя долго ждать и вскоре произвел жестокие опустошения среди осажденных.

С самого начала осады крестоносцы едва могли приобрести предметы первой необходимости на вес золота. Буханка хлеба среднего размера, продаваемая в безанте, яйцо стоили шесть лукских денег, в то время как за голову быка, лошади или осла давали фунт серебра. Годфри купил за пятнадцать серебряных марок полуголодного верблюда и отдал три марки за козу, от которой в другое время отказались бы самые бедные солдаты его армии. Окруженные огромными богатствами, отвоеванными у сарацин, крестоносцы, таким образом, были обречены на все ужасы и невзгоды голода. После того, как они убили большую часть своих лошадей, они были вынуждены вступить в войну с нечистыми животными. Солдаты и бедняки, следовавшие за армией, питались кореньями и листьями; некоторые заходили так далеко, что пожирали кожу своих щитов и башмаков, в то время как самые несчастные эксгумировали тела сарацин и, чтобы поддержать свое жалкое существование, спорили со смертью за ее добычу. В этом ужасном бедствии безутешные матери больше не могли кормить своих младенцев и умирали от голода и отчаяния. Принцы и рыцари, чья гордость и надменность были наиболее заметны, были поставлены перед необходимостью просить милостыню. Граф Фландрский ходил по домам и улицам Антиохии просить милостыню о самых простых и грубых подаяниях, но часто ничего не получал. Не один лидер продал свое оружие и все свои дела за еду, чтобы прокормиться хотя бы один день. Пока у герцога Лотарингии были какие-либо припасы, он делился ими со своими спутниками; но в конце концов он пожертвовал своим последним боевым конем и оказался, как и все другие крестоносцы, вынужденным жить в самой жестокой нужде.

Многие крестоносцы пытались бежать из города, который не представлял для них ничего, кроме образа и перспективы смерти; некоторые бежали морем, преодолевая тысячи опасностей, в то время как другие бросились к мусульманам, где они покупали немного хлеба, отказавшись от Христа и его религии. Солдаты поневоле теряли мужество, когда видели, что граф де Мелен, который так часто бросал вызов смерти на поле боя, во второй раз спасается бегством от голода и невзгод. Его дезертирству предшествовало дезертирство графа де Блуа, который нес знамя крестоносцев и председательствовал на их советах. Он покинул армию за два дня до взятия Антиохии, и когда он узнал о прибытии Кербоги, он со своими войсками немедленно двинулся к Константинополю.

Дезертиры совершили побег в ночной темноте. Иногда они бросались в городские рвы, рискуя своей жизнью; иногда они спускались с крепостных валов с помощью веревки. С каждым днем христиане обнаруживали, что их покидает все большее число их товарищей, и это дезертирство

усугубляло их отчаяние. Небеса были призваны против подлых людей; Бога умоляли о том, чтобы в другой жизни они разделили судьбу предателя Иуды. Позорный эпитет *канатоходец* "сотеры де кордэ") был прикреплен к их именам и вызывал презрение их товарищей. Вильгельм Тирский отказывается называть имена толпы рыцарей, которые затем покинули дело Иисуса Христа, потому что считает их навсегда вычеркнутыми из книги жизни.^[119] Пожелания христиан в отношении бежавших были выполнены слишком полно; большая часть погибла от нужды, а другие были убиты сарацинами. Стефану, графу Шартрскому, повезло больше, чем его спутникам, ему удалось добраться до лагеря Алексея, который продвигался с армией к Антиохии. Чтобы оправдать свое дезертирство, он не преминул расписать в самых мрачных красках все несчастья и опасности, подстерегающие христиан, и своими рассказами создать впечатление, что Бог оставил дело крестоносцев. Отчаяние нескольких латинских паломников, следовавших за армией греков, было настолько сильным, что подтолкнуло их к ужасным богохульствам.^[120] Они, стоя, спрашивали, почему истинный Бог допустил уничтожение своего народа? почему он позволил им, которые собирались доставить гробницу Его Сына, попасть в руки его врагов? Среди латинских крестоносцев не было слышно ничего, кроме таких странных речей, и Ги, брат Боэмунда, превзошел всех остальных в своем отчаянии. В избытке своего горя он богохульствовал больше всех и не мог понять тайн Провидения, которое предало дело христиан. "О Боже, - воскликнул он, " что стало с твоей силой? Если ты все еще всемогущий Бог, что стало с твоей справедливостью? Разве мы не твои дети, разве мы не твои солдаты? Кто такой отец семейства, кто такой король, который вот так обрекает своих на гибель, когда у него есть сила спасти их? Если ты бросишь тех, кто сражается за тебя, кто осмелится отныне встать под твое священное знамя?" В своем слепом горе все крестоносцы повторяли эти нечестивые слова. Таково было безумие отчаяния, в которое повергла их скорбь, что, согласно сообщениям современных историков, все религиозные церемонии были приостановлены, и ни один священник или мирянин в течение многих дней не произносил имени Иисуса Христа.

Император Алексей, который дошел до Филомелии, был так напуган всем услышанным, что не осмелился продолжить свой поход на Антиохию. По словам Анны Комнины, он считал опрометчивой попытку прийти на помощь городу, укрепления которого были разрушены в результате длительной осады и единственными защитниками которого были солдаты, доведенные до крайнего состояния нищеты. Далее Алексей размышлял, говорит тот же историк, о неосмотрительности и непостоянстве франков, об их манере вести войну без искусства и правил и о неосторожности, с которой, победив своих врагов, они позволили застать себя врасплох тому же самому народу, которого они покорили. Он также думал о том, с какими трудностями ему придется столкнуться, чтобы сообщить крестоносцам о своем прибытии, и о еще большей трудности убедить их лидеров договориться с ним о наилучших средствах их спасения. Все эти мотивы казались разумными; но легко поверить, что Алексей не был огорчен продолжающейся войной, которая уничтожила одновременно и турок, и латинян. Как бы то ни было, принятое им решение вернуться в Константинополь повергло всех христиан Фригии и Вифинии в величайшую тревогу. Тогдашний отчет гласил: 'и если мы можем верить Анне Комнине, это было из намеков Алексея), что мусульмане приближались с многочисленными армиями. Постоянно верили, что они придут, и солдаты императора сами опустошили всю страну вокруг Филомелии, в которую, по их словам, собирались вторгнуться сарацины. Женщины, дети, все христианские семьи последовали за армией Алексея, возвращавшейся в Константинополь. Они навеки простились со своей родной страной и оплакивали потерю своего имущества всех видов. В армии не было слышно ничего, кроме

причитаний и стонов; но наибольшую скорбь выражали латиняне, все желания которых были сосредоточены в Сирии и которые потеряли всякую надежду помочь своим братьям, осажденным в городе Антиохии.

Когда весть об этом отступлении достигла Антиохии, это значительно усилило подавленность крестоносцев. У них не осталось никакой надежды; голод каждый день уносил огромное количество солдат; их ослабевшие руки едва могли поднять копье или меч; у них не было сил ни защитить свою жизнь, ни похоронить своих мертвых. Посреди такого ужасного горя не было видно ни слезинки, не было слышно ни всхлипа; тишина в Антиохии была такой полной, как будто город погрузился в самую глубокую ночь, как будто в нем не осталось ни одного живого человека. У крестоносцев не осталось даже мужества отчаяния. Последнее чувство природы, любовь к жизни, с каждым днем угасала в их сердцах; они боялись встречаться друг с другом в общественных местах и прятались внутри домов, на которые смотрели как на свои могилы.

Башни и крепостные валы остались почти без защиты. Бозмунд, взявший на себя командование этим местом, тщетно пытался своими речами поднять мужество крестоносцев; тщетно трубы и вооруженные сержанты призывали их к бою. В то время как мусульмане заперлись в цитадели, а те, кто осаждал город, каждый день возобновляли свои атаки, христианские воины оставались непоколебимыми в своих жилищах. Чтобы изгнать их из их убежищ, Бозмунду пришлось предать огню несколько кварталов города. Рауль де Кан в напыщенных стихах оплакивает пожары и разорение церквей и дворцов, *построенных из кедров горы Ливан, в которых сияли мрамор горы Атлас, хрусталь Тира, кипрская медь, свинец Амматониса и железо Англии.* Бароны, которые больше не могли добиваться повиновения своих солдат, не имели сил подать им пример. Тогда они с горечью вспомнили свои семьи, свои замки, свое богатство, все, что они бросили ради этой злополучной войны; они не могли понять поражений христианской армии, и, по словам Вильгельма Тирского, мало что могло заставить их обвинить Бога в неблагодарности за то, что он отказался от стольких жертв, принесенных во славу его имени.

Матфей Эдесский рассказывает, что христианские лидеры предложили сдать город Кербеге при единственном условии, что он позволит им и их солдатам вернуться в свои страны, взяв с собой их багаж. Поскольку сарацинский полководец отверг их предложение, некоторые из них, движимые отчаянием, составили план бросить армию и бежать ночью к побережью, но им помешали увещевания Годфри и епископа Адемара, которые указали им на позор, который такой шаг навлечет на них в глазах Европы и Азии.

Опустошительный голод продолжался более двух недель, и мусульмане продолжали осаду с еще большим рвением, будучи убеждены, что вскоре они станут хозяевами города. Фанатизм и суеверия, которые низвергли крестоносцев в пропасть, в которую они теперь были погружены, одни были способны возродить их мужество и избавить их от столь страшных опасностей. Пророчества, откровения и чудеса с каждым днем становились все более частыми темами сообщений в христианской армии. Святой Амвросий явился почтенному священнику и сказал ему, что христиане, победив всех своих врагов, войдут в Иерусалим победителями, и что Бог вознаградит их подвиги и их труды.^[121] Ломбардский священнослужитель провел ночь в одной из церквей Антиохии и видел там Иисуса Христа в сопровождении Пресвятой Девы и князя апостолов. Сын Божий, раздраженный поведением крестоносцев, отверг их молитвы и бросил их на произвол судьбы, которую они слишком щедро заслужили; но Дева упала на колени перед своим сыном и своими слезами и причитаниями успокоила гнев Спасителя. “Встань, - сказал

тогда Сын Божий священнику, - иди и извести мой народ о возвращении моего сочувствия; поспеши и объяви христианам, что если они вернутся ко мне, то час их освобождения близок”.

Те, кого Бог таким образом сделал хранителями своих тайн и своей воли, предлагали в подтверждение истинности своих видений броситься с высокой башни, пройти сквозь пламя или отдать свои головы палачу; но в этих доказательствах не было необходимости, чтобы убедить крестоносцев, всегда готовых верить в чудеса и ставших более легковерными, чем когда-либо, в момент опасности и при избытке своих несчастий. Воображение как лидеров, так и солдат было легко увлечено обещаниями, которые были даны им от имени Небес. Надежды на более благополучное будущее начали возрождать их мужество. Танкред, как хороший и верный рыцарь, поклялся, что до тех пор, пока у него осталось шестьдесят товарищей, он никогда не откажется от проекта освобождения Иерусалима. Годфри, Хью, Рэймонд и двое Робертсов принесли ту же клятву. Вся армия, по примеру своих вождей, пообещала сражаться и терпеть до дня, назначенного для освобождения святых мест.

В разгар этого возрождающегося энтузиазма двое дезертиров предстали перед христианской армией и рассказали, что при попытке бежать из Антиохии они были остановлены: один - его братом, убитым в бою, другой - самим Иисусом Христом. Спаситель человечества обещал освободить Антиохию. Воин, павший от меча сарацин, поклялся восстать из могилы со всеми своими товарищами, такими же мертвыми, как и он сам, чтобы сражаться с христианами. Чтобы увенчать все эти небесные обещания, священник Марсельской епархии по имени Питер Бартеlemi предстал перед советом лидеров, чтобы показать явление святого Андрея, которое повторилось трижды во время его сна. Святой апостол сказал ему: “Иди в церковь моего брата Петра в Антиохии. Рядом с главным алтарем вы найдете, раскопав землю, железный наконечник копья, пронзившего бок нашего Искупителя. В течение трех дней это орудие вечного спасения будет явлено его ученикам. Это мистическое железо, которое несут во главе армии, приведет к освобождению христиан и пронзит сердца неверных”.^[122] Адемар, Раймонд и другие лидеры верили или притворялись, что верят в это явление, слух о котором вскоре распространился по всей армии. Солдаты говорили между собой, что для Бога христиан нет ничего невозможного; они также верили, что Иисус Христос был заинтересован в их благополучии и что Бог должен творить чудеса, чтобы спасти своих учеников и защитников. В течение трех дней христианская армия постом и молитвами готовилась к обретению святого копья.

Утром третьего дня двенадцать крестоносцев, отобранных из числа наиболее уважаемых представителей духовенства и рыцарей, отправились в Антиохийскую церковь с большим количеством рабочих, снабженных необходимыми инструментами. Они начали с того, что раскопали землю под главным алтарем. В церкви воцарилась глубочайшая тишина; зрители каждое мгновение ожидали увидеть блеск чудесного копья. Вся армия, собравшаяся у дверей, которые они предусмотрительно закрыли, с нетерпением ожидала результатов обыска. Землекопы работали в течение нескольких часов и углубились на глубину двенадцати футов, так и не обнаружив копья. Они продолжали свои работы до вечера, ничего не обнаружив. Нетерпение христиан все возрастало. Посреди ночи была предпринята еще одна попытка. Пока двенадцать свидетелей молились по бокам ямы, Бартеlemi бросился в нее и через короткое время появился снова, держа в руках священное железо. Среди зрителей поднялся крик радости, который был повторен солдатами, ожидавшими у дверей, и который вскоре разнесся по всем кварталам города. Железо, на котором были сосредоточены все надежды христиан, было с триумфом продемонстрировано крестоносцам, которым оно показалось небесным

оружием, с помощью которого сам Бог разогнал своих врагов. Все умы пришли в возбуждение, и больше не было сомнений в защите Небес. Энтузиазм вдохнул новую жизнь в армию и вернул крестоносцам силу. Все ужасы голода и даже численность их врагов были забыты. Самые малодушные жаждали крови сарацин, и все с громкими криками требовали, чтобы их повели на битву.

Предводители христианской армии, которые подогревали энтузиазм солдат, теперь использовали его в своих интересах. Они послали наместников к полководцу сарацин, чтобы предложить ему либо единоборство, либо генеральное сражение. Петр Отшельник, который проявлял больше экзальтации, чем кто-либо другой, был выбран для этого посольства. Хотя в лагере неверных его встретили с презрением, он вел себя не менее надменно и дерзко. “Князья, собравшиеся в Антиохии, - сказал Петр, обращаясь к сарацинским вождям, - послали меня требовать от вас правосудия. Эти провинции, огагранные кровью мучеников, принадлежали христианским народам, и поскольку все христиане - братья, мы пришли в Азию, чтобы отомстить за обиды тех, кто подвергался преследованиям, и защитить наследие Христа и его учеников. Небеса позволили городам Сирии на время попасть во власть неверных, чтобы наказать за преступления своего народа; но знайте, что месть Всевышнего утолена; знайте, что слезы и раскаяние христиан отвратили меч божественного правосудия и что Бог воинств восстал, чтобы сражаться на нашей стороне. Тем не менее, мы по-прежнему согласны говорить о мире. Я заклинаю вас, во имя всемогущего Бога, покинуть территорию Антиохии и вернуться в свою страну. Христиане моим голосом обещают вам не досаждать вам в вашем уединении. Мы даже вознесем за вас молитвы, чтобы истинный Бог коснулся ваших сердец и позволил вам увидеть истину нашей веры. Если Небеса сообразоволят выслушать нас, как приятно будет нам назвать вас братьями и заключить с вами прочный мир! Но если вы не желаете принять ни благословения мира, ни преимущества христианской религии, пусть судьба битвы в конце концов решит справедливость нашего дела. Поскольку христиан не застанут врасплох, и поскольку они не привыкли красть победы, они предлагают вам выбор боя”.^[123] Закончив свою речь, Петр устремил взгляд на предводителя сарацин и сказал: “Выбери из числа храбрейших в своей армии, и пусть они сразятся с равным числом крестоносцев; сражайся сам с одним из наших христианских князей; или подай сигнал к генеральному сражению.”^[124] Каким бы ни был твой выбор, ты скоро узнаешь, кто твои враги, и ты узнаешь, что такое великий Бог, которому мы служим!”

Кербога, который знал положение христиан и не знал о том, какую помощь они получили в своем бедственном положении, был очень удивлен такими словами. Некоторое время он оставался немым от изумления и ярости, но наконец сказал: “Возвращайся к тем, кто послал тебя, и скажи им, что дело побежденных - принимать условия, а не диктовать их. Жалкие бродяги, опустившиеся мужчины, призраки могут наводить ужас на женщин; но воинов Азии не запугать пустыми словами. Христиане скоро узнают, что земля, по которой мы ступаем, принадлежит нам. Тем не менее я готов испытывать к ним некоторую жалость, и если они признают Магомета, я могу забыть, что этот город, охваченный голодом, уже находится в моей власти; я могу оставить его в их руках и дать им оружие, одежду, хлеб, женщин, короче говоря, все, чего у них нет; ибо Коран повелевает нам прощать всех, кто подчиняется его законам. Прикажи своим спутникам поторопиться и сегодня же воспользуйся моим милосердием; завтра они покинут Антиохию только с мечом. Тогда они увидят, сможет ли их распятый Бог, который не смог спастись сам от креста, спасти их от судьбы, которая им уготована”.

Этой речи громко аплодировали сарацины, чей фанатизм она вновь разожгла. Петр хотел ответить, но султан Моссула, положив руку на меч, приказал прогнать этих жалких нищенствующих, сочетавших слепоту с дерзостью. Христианские депутаты поспешно отступили и несколько раз подвергались опасности лишиться жизни, проходя через армию неверных. Питер рассказал о своей миссии собравшимся принцам и баронам, и все немедленно приготовились к битве. Герольды с оружием в руках проследовали по разным кварталам города, и благодаря нетерпеливой доблести крестоносцев было обещано сражение на следующий день.

Священники и епископы призывали христиан сделать себя достойными сражаться за дело Иисуса Христа; и вся армия провела ночь в молитвах и богослужебных деяниях. Раны были прощены, раздавалась милостыня, и все церкви наполнились воинами, которые смирились перед Богом и молили об отпущении своих грехов. Накануне вечером были найдены кое-какие припасы, и это неожиданное изобилие было расценено как своего рода чудо. Крестоносцы подкрепили свои силы скромной трапезой, и к концу ночи то, что осталось от хлеба и муки в Антиохии, послужило для жертвоприношения во время мессы. Сто тысяч воинов предстали перед трибуналом покаяния и приняли со всеми признаками благочестия Бога, ради которого они взялись за оружие.^[125]

Наконец наступил день; это был праздник святых Петра и Павла. Ворота Антиохии распахнулись, и вся христианская армия вышла двенадцатью дивизиями, символизирующими двенадцать апостолов. Гуго Великий, хотя и ослабленный продолжительной болезнью, появился в первых рядах и нес знамя Церкви. Все принцы, рыцари и бароны были во главе своих латников. Единственным из всех военачальников, не появившимся в строю, был граф де Тулузе; задержанный в Антиохии из-за последствий ранения, он был обязан наблюдать за гарнизоном цитадели, в то время как его товарищи отправились сражаться с сарацинской армией.

Раймон д'Агилес,^[126] один из историков крестового похода, носивший святое копье, привлек к нему внимание солдат. Адемар шел рядом с Раймондом, возвещая крестоносцам о помощи небесных легионов, которую обещал им Бог. Часть духовенства двинулась процессией во главе армии, распевая боевой псалом *“Да восстанет Господь, и да будут рассеяны враги Его”*. Епископы и священники, оставшиеся в Антиохии, окруженные женщинами и детьми, с вершины крепостного вала благословляли оружие крестоносцев, моля Господа сохранить свой народ и посрамить гордыню его врагов. Берега Оронта и соседние горы, казалось, откликнулись на эти призывы и огласились боевым кличем крестоносцев: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”*

Под этот концерт приветствий и молитв христианская армия выступила на равнину. Если судить только по тому нищенскому состоянию, в которое они были доведены, они имели скорее вид побежденной армии, чем армии людей, марширующих к победе. Большое количество крестоносцев были без одежды. Большая часть рыцарей и баронов шла пешком. Некоторые были верхом на ослах и верблюдах, и, что не является безразличным обстоятельством в этот день, Годфри де Буйон был вынужден одолжить лошадь у графа де Тулуза. В рядах были больные и истощенные солдаты, ослабленные голодом и шедшие с трудом, которых поддерживала только надежда победить или умереть за дело Иисуса Христа.

Вся местность вокруг Антиохии была покрыта мусульманскими батальонами. Сарацины разделили свою армию на пятнадцать отрядов, расположенных *вэшело*нах. Посреди всего этого, как говорит армянский историк, Кербогская область казалась *неприступной горой*.

Сарацинский полководец, не ожидавший сражения, сначала поверил, что христиане пришли умолять его о помиловании. Черный флаг, развевающийся над цитаделью Антиохии, который был согласованным сигналом для объявления решения крестоносцев, вскоре сообщил ему, что он не должен иметь дела с просителями. Две тысячи человек из его армии, охранявших проход по антиохийскому мосту, были изрублены на куски графом де Вермандуа. Беглецы наводили ужас на палатку своего генерала, который играл в шахматы. Очнувшись от своей ложной безопасности, султан Моссуи приказал отрубить голову дезертиру, который объявил ему о скорой капитуляции христиан, а затем всерьез взялся за борьбу с врагом, сторонниками которого были фанатизм и отчаяние.

Выйдя из Антиохии^[127] Христиане продвигались на запад, к месту, где горы приближаются к Оронту. Выстроившись в боевом порядке на обширном пространстве, где горы образовывали вокруг них полукруг и защищали их от внезапности, они растянулись по равнине в лиге от города. Гуго, два Робертса, граф де Белесм и граф Эно встали во главе левого крыла; Годфри был справа, его поддерживали Юстас, Болдуин дю Бург, Танкред, Ринальдо де Туль и Эрард де Пюисе. Адемар был в центре вместе с Гастоном де Беарном, графом де Ди, Рембо Оранским, Вильгельмом Монпелье и Аманье д'Альбре. Бозмунд командовал резервным отрядом, готовым действовать по всем пунктам, где христианам могла потребоваться помощь. Кербоба, видевший расположение крестоносцев, приказал султанам Ниццы, Дамаска и Алеппо совершить обход горы, а затем вновь подняться на Оронт, чтобы оказаться между христианской армией и городом. В то же время он выстроил свою армию в боевой порядок, чтобы встретить христиан и отразить их атаку. Он разместил свои войска частично на высотах, а частично на равнине. Его правым крылом командовал эмир Иерусалима, а левым - один из сыновей Асьена. Сам он остался на высоком холме, чтобы отдавать приказы и наблюдать за передвижениями двух армий.

В момент начала битвы Кербобу охватил страх, и он послал предложить христианским князьям, чтобы они, во избежание кровопролития, выбрали нескольких своих рыцарей для сражения с равным числом сарацин. Это предложение, которое было отклонено накануне, не могло быть принято руководителями армии, полной энтузиазма и уверенной в победе. Христиане не сомневались, что Небеса высказались в их пользу, и это убеждение должно было сделать их непобедимыми. В своем энтузиазме они смотрели на самые естественные события как на чудеса, возвещающие им о триумфе их оружия. Огненный шар, который накануне вечером прошел над горизонтом и вспыхнул над лагерем сарацин, показался им знамением, предвещающим их победу. Когда они покидали Антиохию, небольшой дождик освежил обжигающий воздух местного климата и времени года и был в их глазах новым доказательством благосклонности Небес. Сильный ветер, который помогал полету их дротиков и препятствовал полету стрел турок, был для них ветром небесного гнева, поднятым, чтобы рассеять неверных. Воодушевленная этим убеждением, христианская армия проявила величайшее нетерпение начать битву. Они двинулись навстречу врагу в идеальном порядке. Глубокая тишина царила над равниной, на всех участках которой сверкало оружие христиан. В их рядах не было слышно ни звука, кроме голосов вождей, гимнов жрецов и увещаний Адемара.

Внезапно сарацины начали атаку, выпустив тучу стрел, а затем бросились на крестоносцев, издавая варварские крики. Несмотря на их стремительный удар, их правое крыло вскоре было отброшено и прорвано христианами. Годфри встретил большее сопротивление на их левом фланге; однако ему удалось сломить его и внести беспорядок в их ряды. В тот момент, когда

войска Кербоги начали отступать, султан Ниццы, который обошел горы и возвращался берегами Оронта, стремительно напал на тыл христианской армии и угрожал уничтожением резервному корпусу под командованием Боэмунда. Крестоносцы, сражавшиеся пешими, не смогли устоять перед первой атакой сарацинской кавалерии. Гуго Великий, предупрежденный об опасности, грозящей Боэмунду, прекратил преследование беглецов и поспешил на помощь резервному отряду. Затем битва возобновилась с удвоенной яростью. Килидж Арслан, которому пришлось отомстить за позор нескольких поражений, а также за потерю своих государств, сражался как лев во главе своих войск. Эскадрон из трех тысяч сарацинских всадников, закованных в сталь и вооруженных дубинками, внес беспорядок и ужас в ряды христиан. Знамя графа де Вермандуа было унесено и отбито обратно, обагренное кровью крестоносцев и неверных. Годфри и Танкред, поспешившие на помощь Гуго и Боэмунду, продемонстрировали свою силу и доблесть гибелью огромного количества мусульман. Султан Ниццы, которого не могло одолеть никакое сопротивление, стойко выдержал удар христиан. В разгар сражения он приказал бросить зажженный лен среди низких кустов и сухой травы, покрывавших равнину. Немедленно вспыхнуло пламя, окутавшее христиан клубами пламени и дыма. Их ряды на мгновение были разбиты; они больше не могли ни видеть, ни слышать своих лидеров. Султан Ниццы был близок к тому, чтобы пожать плоды своей военной хитрости, и победа была на грани того, чтобы ускользнуть из рук крестоносцев.

В этот момент, как утверждают историки, был замечен эскадрон, спускающийся с вершины гор, перед которым стояли три всадника, одетые в белое и покрытые сверкающими доспехами. “Узрите!” - воскликнул епископ Адемар,^[128] “небесную помощь, которая была обещана вам. Небеса выступают за христиан; святые мученики Георгий, Димитрий и Феодор приходят сражаться за вас”. Немедленно все взоры были обращены к небесному легиону. Новый пыл воодушевил христиан, которые были убеждены, что сам Бог приходит к ним на помощь, и боевой клич “*Такова воля Божья!*” был слышен, как в начале битвы. Женщины и дети, оставшиеся в Антиохии и собравшиеся на стенах, воодушевляли крестоносцев своими криками и одобрительными возгласами, в то время как священники продолжали поднимать руки к небу и в ответ возносили хвалу Богу хвалебными песнями за помощь, которую он послал христианам. Из самих крестоносцев каждый человек стал героем, и ничто не могло устоять перед их стремительной атакой. В одно мгновение ряды сарацин были повсюду разбиты, и они сражались только в замешательстве и беспорядке. Они попытались собраться на другом берегу потока, на возвышенности, откуда доносились их звуки труб и клиросов; но граф де Вермандуа атаковал их на этом последнем посту и полностью разбил. Теперь у них не было иного спасения, кроме бегства, и берега Оронта, леса, равнины, горы были покрыты беглецами, которые побросали и свое оружие, и свой багаж.

Кербога, который был настолько уверен в победе, что объявил о поражении христиан багдадскому халифу и персидскому султану, бежал к Евфрату в сопровождении небольшого отряда своих самых верных солдат. Несколько эмиров обратились в бегство еще до окончания битвы. Танкред и некоторые другие, оседлав лошадей побежденного врага, преследовали до наступления ночи султанов Алеппо и Дамаска, эмира Иерусалима и рассеянные остатки сарацинской армии. Завоеватели подожгли укрепления, за которыми укрывалась вражеская пехота, и в огне погибло огромное количество мусульман.

По свидетельству нескольких современных историков, неверные оставили на поле боя сто тысяч убитых. Четыре тысячи крестоносцев отдали свои жизни в этот славный день и были причислены к лику мучеников.

Христиане нашли изобилие под шатрами своих врагов; в их руки попали пятнадцать тысяч верблюдов и огромное количество лошадей. Когда они провели ночь в лагере сарацин, у них было время полюбоваться роскошью жителей Востока, и они с величайшим удивлением осмотрели шатер короля Моссула,^[129] сверкающий золотом и драгоценными камнями, который, разделенный на длинные улицы, обрамленные высокими башнями, напоминал укрепленный город. Они потратили несколько дней на то, чтобы перевезти добычу в Антиохию. Добыча была огромной, и каждый крестоносец, по замечанию Альбера д'Экс, оказывался намного богаче, чем когда покидал Европу.

Вид лагеря сарацин после битвы ясно доказывал, что они проявили гораздо больше великолепия, чем истинной храбрости. Воины-ветераны, сподвижники Малек-Ши, почти все погибли в гражданских войнах, которые на протяжении стольких лет опустошали империю Сельджукидов. Армия, пришедшая на помощь Антиохии, состояла из необстрелянных войск, набранных в спешке, и имела под своими знаменами несколько соперничающих наций, всегда готовых взяться за оружие друг против друга.^[130] Долг историка признать, что двадцать восемь эмиров, сопровождавших Кербогу, почти все были в разногласиях друг с другом и едва ли признавали власть вождя. Напротив, в этот день среди христиан царило величайшее единение. Различные части их армии сражались в одном пункте и оказывали друг другу взаимную поддержку, тогда как Кербога разделил свои силы. В этой битве, но особенно в обстоятельствах, которые ей предшествовали, султан Моссула проявил больше самонадеянности, чем мастерства; из-за медлительности своего марша он упустил возможность оказать помощь Асьену или застать крестоносцев врасплох. Впоследствии, слишком уверенный в победе, он и не подозревал, к чему способны привести отчаяние и фанатизм. Эти два могущественных принципа значительно увеличили природную храбрость франков. Ужасные страдания, в которые они были доведены, только сделали их непобедимыми, и в этом мы увидим чудо наших дней.

Когда опасность миновала, священное копье, которое придавало крестоносцам столько уверенности во время битвы, больше не вызывало у них почитания и утратило все свое чудесное влияние. Поскольку оно оставалось в руках графа Тулузы и его провансальцев, которым оно принесло множество подношений, другие народы не пожелали оставить им единственное преимущество чуда, которое увеличило их уважение и богатство; и, как мы вскоре увидим, вскоре возникли сомнения в подлинности копья, сотворившего такие чудеса, и дух соперничества сделал то, что мог бы сделать разум в более просвещенный век.

Победа Антиохии показалась сарацинам настолько экстраординарным событием, что многие из них отказались от религии своего пророка. Те, кто защищал цитадель, были настолько поражены ужасом и неожиданностью, что сдались Раймонду в самый день битвы. Триста из них приняли веру святого Евангелия, и многие ходили по городам Сирии, заявляя, что Бог христиан должен быть истинным Богом.

После этого памятного дня турки почти не предпринимали попыток воспрепятствовать продвижению христиан. Этот последний триумф франков казался им решением небес, с которым люди не должны бороться. Большинство эмиров Сирии, которые делили добычу персидского султана, рассматривали вторжение христиан как мимолетное бедствие, не думая о последствиях, которые оно могло оставить после себя, и стремились лишь воспользоваться этим, чтобы обеспечить свое собственное господство и независимость. Династия Сельджукидов с каждым днем теряла свою силу и великолепие. Огромная империя Тогрула, Алп-Арслана и Малек-Ша рушилась со всех сторон в результате гражданских и иностранных войн. Эта империя, созданная к середине XI века, внезапный рост которой встревожил Константинополь и вселил ужас даже в народы Запада, вскоре была обречена увидеть, как на ее руинах возвышаются другие государства; ибо, согласно замечанию одного историка, можно сказать, что Богу было угодно показать, насколько ничтожна земля в его глазах, тем самым заставив переходить из рук в руки, подобно детской игрушке, силу, столь чудовищную, что она угрожает вселенной.

Первой заботой крестоносцев после их победы было передать, если можно так выразиться, Иисусу Христу во владение только что завоеванные ими страны путем восстановления поклонения ему в Антиохии. Столица Сирии внезапно обрела новую религию и была населена новым народом. Значительная часть добычи сарацин была потрачена на ремонт и украшение церквей, которые были превращены в мечети. Греки и латиняне смешали свои обеты и гимны и вместе молились Богу христиан, чтобы он привел их в Иерусалим. Затем командиры армии присоединились к обращению с письмом к князьям и народам Запада, в котором они рассказали о своих трудах и подвигах. Чтобы не омрачать радость, которую должны вызывать известия об их победах, они позаботились о том, чтобы скрыть понесенные потери;^[131] но они, должно быть, сделали их очевидными, призвав на помощь новых воинов. Молитвами и даже угрозами они требовали немедленного отъезда всех, кто принял крест и все же оставался на Западе.

В то же время крестоносцы отправили в Константинополь посольство в составе Гуго, графа Вермандуа, и Балдуина, графа Эно. Целью этого посольства было напомнить императору Алексею о данном им обещании сопровождать христиан с армией в Иерусалим. Граф Эно погиб со всей своей свитой в Малой Азии. Граф Вермандуа, избравший другой путь, благополучно прибыл в Константинополь, но ничего не смог добиться от Алексея. После этого, то ли ему было стыдно за то, что он не выполнил свою миссию, то ли он боялся воссоединиться с армией, в которой он не мог поддерживать величие своего ранга, он решил вернуться в Европу, где из-за его дезертирства его сравнили с вороном ковчега.^[132]

Через несколько дней после битвы при Антиохии большая часть паломников умоляла вождей проводить их к Святому Городу, главной цели их похода. Когда был собран совет принцев и баронов, мнения сначала разделились. Некоторые из вождей считали, что им следует воспользоваться ужасом, который вызвала у сарацин победа при Антиохии. “И Восток, и Запад, - говорили они, - обращают на нас свои взоры; Христос призывает нас к освобождению его гробницы; христиане, которые все еще стонут в цепях неверных, умоляют о помощи нашего оружия; мы видели, как эмир Иерусалима и солдаты, которые должны защищать подходы к Гробу Господню, бегут перед нами; все пути открыты для нас; давайте поспешим тогда уступить

нетерпению крестоносцев, нетерпению, которое всегда было таким фатальным для наших врагов; давайте отойдем от Иерусалима”. обитель, удовольствия которой несколько раз развращали воинов Христа; давайте не будем ждать, пока раздоры нарушат наш покой и лишат нас плодов наших трудов“.

Этот совет, казалось, был продиктован мудростью и благоразумием, но большинство вождей были полны слепой уверенности; они не могли решиться по-прежнему бояться врагов, которых они так часто побеждали, и надежды расширить свои завоевания в Сирии заставили их забыть Иерусалим. Благовидные причины не позволяли противостоять услышанным мнениям. Христианской армии не хватало лошадей; она была измотана усталостью, долгими страданиями и даже собственными победами. Поскольку сейчас был разгар лета, хотя у крестоносцев, возможно, и не было врагов, во время долгого похода им приходилось опасаться нехватки воды и жары, характерной как для времени года, так и для климата. Было хорошо известно, что в Азии ожидалось новые воины с Запада, и благоразумие повелевало им дожидаться их. К началу зимы все было бы подготовлено для завоевания Иерусалима, и тогда объединенные крестоносцы беспрепятственно двинулись бы в сторону Палестины. Это мнение получило большинство голосов избирателей.

Крестоносцам вскоре пришлось раскаяться в своей решимости. Эпидемическая болезнь нанесла ужасающий урон их армии. В Антиохии, говорится в древней хронике, нельзя было увидеть ничего, кроме погребений, и смерть там царила ни больше, ни меньше, как в какой-нибудь великой битве или поражении. Большинство женщин и бедняков, последовавших за армией, стали первыми жертвами этого бедствия. Огромное количество крестоносцев, прибывших из Германии и других частей Европы, встретили смерть сразу же по прибытии в Антиохию. В течение одного месяца от этой эпидемии погибло более пятидесяти тысяч паломников.[133] Христианам пришлось пожалеть о своих лидерах Анри д'Аске, Рено д'Амербахе и нескольких других рыцарях, прославившихся своими подвигами. Посреди всеобщего траура епископ Пюи, утешавший крестоносцев в их страданиях, сам сдался от усталости и умер,[134] подобно вождю евреев, так и не увидев землю обетованную. Его останки были похоронены в церкви святого Петра Антиохийского, на том самом месте, где было обнаружено чудесное копье. Все паломники, духовным отцом которых он был, почтили его похороны своим присутствием и своими слезами. Лидеры, которые искренне сожалели о нем, написали папе римскому, чтобы сообщить ему о смерти его апостольского легата. В то же время они просили Урбана прийти и встать во главе их, освятить знамена крестового похода и способствовать объединению и миру в армии Иисуса Христа.

Но ни уважение, которое они питали к памяти Адемара, ни зрелище бедствия, пожирившего христианскую армию, не могли закрыть их сердца от честолюбия и раздора. Граф Тулузский, который все еще настаивал на своих притязаниях на владение Антиохией, отказался сдать Бозмунду цитадель, хозяином которой он стал в тот день, когда христиане разгромили армию Кербоги. Эти два надменных соперника несколько раз были готовы подраться, Раймунд обвинял нового князя Антиохии в узурпации того, что принадлежало его товарищам, в то время как Бозмунд угрожал омыть свой меч, обагренный кровью неверных, в крови, которую, по его словам, он слишком долго щадил. Однажды, когда князья и вожди собрались в базилике церкви Святого Петра, занятые урегулированием дел крестового похода, их совещаниям помешали самые ожесточенные ссоры. Несмотря на святость этого места, Раймонд посреди совета дал волю своей страсти и негодованию. Даже у подножия алтаря Христа Бозмунд, не

колеблясь, дал ложные обещания, чтобы привлечь на свою сторону других вождей, и несколько раз повторил клятву, которую он никогда не собирался выполнять, - следовать за ними в Иерусалим.

С каждым днем в христианской армии нарастали волнения и беспорядки, одни думали только о расширении государств, которые дала им победа, в то время как другие бродили по Сирии в поисках городов, над которыми они могли бы развернуть свои знамена. Были замечены банды, рассеянные по всем частям, где был шанс на богатую добычу, сражающиеся между собой за свои завоевания, когда они одерживали победу, и становящиеся жертвами всевозможных ужасов и невзгод, когда они встречали непредвиденное сопротивление. Зависть, царившая среди вождей, распространялась и на солдат; последние ссорились из-за добычи, полученной от врага, точно так же, как князья и бароны соперничали за обладание городами и провинциями. Те, к кому не благоволила фортуна, жаловались на своих товарищей, пока какой-нибудь счастливый случай не позволил им, в свою очередь, воспользоваться всеми преимуществами победы. Крестоносцы со всех сторон взаимно обвиняли друг друга в том, что они обогатились за счет несправедливости и насилия, хотя все завидовали наиболее виновным.

И все же, несмотря на свои конфликты или несчастья, христиане продолжали проявлять величайшую героическую храбрость и смирение; они безропотно переносили голод, жажду и усталость, и ни пустыни, ни реки, ни пропасти, ни жаркий климат, ни какие-либо другие препятствия не могли остановить их в их вторжениях. В любой опасности они искали любую возможность доказать свою силу и мастерство или продемонстрировать свою доблесть. Иногда в лесах или горах они встречали диких животных. Французский рыцарь по имени Гишер прославил себя в армии, победив льва. Другой рыцарь, Жоффруа де ла Тур, получил большую известность благодаря поступку, который, несомненно, покажется невероятным. Однажды он увидел в лесу льва, которого змей держал в своих чудовищных складках и который оглашал воздух своим ревом. Джеффри бросился на помощь животному, которое, казалось, умоляло его о пощаде, и одним ударом меча убил змею, которая была нацелена на свою жертву. Если мы можем верить старой хронике, освобожденный таким образом лев привязался к своему освободителю как к хозяину; он сопровождал его во время войны, и когда после взятия Иерусалима крестоносцы сели на корабль, чтобы вернуться в Европу, он утонул в море, следуя за судном, на котором находился Джеффри.^[135]

Несколько крестоносцев, ожидая сигнала к отправлению в Иерусалим, отправились навестить своих братьев, обосновавшихся в завоеванных городах. Многие из них отправились к Болдуину и присоединились к нему в борьбе против сарацин Месопотамии. Рыцарь по имени Фульк, отправившийся с несколькими своими спутниками в поисках приключений на берега Евфрата, был застигнут врасплох турками и убит. Его жена, которую он взял с собой, предстала перед эмиром Хазарта, или Хезаса. Обладая редкой красотой, один из главных офицеров эмира влюбился в нее,^[136] и попросил ее руки у своего господина, который уступил ее ему и позволил ему жениться на ней. Этот офицер, глубоко влюбленный в христианку, избегал любых столкновений с крестоносцами и все же, ревностно служа своему господину эмиру, совершал набеги на территории султана Алеппо. Редован, желая отомстить за себя, выступил с армией в сорок тысяч человек, чтобы напасть на город Хезас. Тогда офицер, женившийся на вдове Фульке, посоветовал эмиру обратиться за помощью к христианам.

Эмир предложил союз Годфри де Бульону. Годфри сначала колебался, но мусульманин вернулся к делу и, чтобы рассеять все подозрения христианских князей, послал к ним своего сына Магомета в качестве заложника. Затем был подписан мирный договор, и, как говорит латинский историк, два голубя, которым было поручено доставить письмо, принесли эту весть эмиру, одновременно сообщив ему о скором прибытии христиан.^[137] Армия султана Алеппо была разбита в нескольких столкновениях Годфри и вынуждена покинуть территорию Хезаса, которую она начала грабить. Вскоре после этой экспедиции сын эмира умер в Антиохии от эпидемии, столь губительной для паломников Запада. Годфри, по обычаю мусульман, приказал завернуть тело юного принца в богатую пурпурную материю и отослал его своему отцу. Депутатам, сопровождавшим этот похоронный кортеж, было приказано передать эмиру сожаления Годфри и сказать ему, что их предводитель был так же сильно огорчен смертью молодого принца Магомета, как мог бы быть огорчен смертью своего брата Болдуина. Эмир Хезаса оплакивал смерть своего сына и никогда не переставал быть верным союзником христиан.

Предводители крестовых походов по-прежнему не думали больше о том, чтобы отправиться в поход на Иерусалим, и осень продолжалась без их участия в какой-либо важной экспедиции. Посреди праздности лагерей взорам крестоносцев предстало небесное явление, которое произвело живое впечатление на умы толпы. Солдаты, охранявшие крепостные стены Антиохии, увидели ночью светящуюся массу, которая, казалось, была зафиксирована в какой-то возвышенной точке неба. Казалось, что все звезды, по выражению Альбера д'Экс, были объединены в пространстве, едва ли более обширном, чем сад в три акра. “Эти звезды, - говорит тот же историк, - излучали самый яркий свет,^[138] и сияли, как угли в печи”. Долгое время они казались как бы подвешенными над городом Антиохией; но круг, который, казалось, удерживал их, был разорван, и они рассеялись в воздухе. При виде этого чуда стражники и часовые издали громкие крики и побежали будить жителей Антиохии. Все паломники вышли из своих домов и увидели в этом явном явлении знак воли Небес. Некоторые верили, что видят в соединенных звездах образ сарацин, которые собрались в Иерусалиме и которые будут рассеяны при приближении христиан; другие, столь же полные надежды, видели в них христианских воинов, объединяющих свои победоносные силы, а затем распространяющихся по земле, чтобы завоевать города, отторгнутые от империи Христа; но многие из паломников не предавались этим утешительным иллюзиям. В городе, где людям пришлось много страдать и они в течение многих месяцев жили среди смерти и ее похоронных обрядов, будущее, естественно, представляло в самых печальных и обескураживающих красках. Все, кто страдал и потерял надежду когда-либо увидеть Иерусалим, не видели в явлении, представшем их глазам, ничего, кроме тревожного символа множества паломников, которое с каждым днем уменьшалось и обещало вскоре полностью рассеяться, подобно светящимся облакам, которые они видели на небесах. “Однако, - говорит Альбер д'Экс, - все обернулось гораздо лучше, чем ожидалось, ибо вскоре после этого князя, вернувшись в Антиохию, выступили в поход и подчинили своему владычеству несколько городов Верхней Сирии”.

Самой важной из их экспедиций была осада и захват Маараха, расположенного между Хаматом и Алеппо. Раймонд был первым, кто сел перед этим городом, где к нему вскоре присоединились герцог Нормандии и граф Фландрии со своими войсками. Христиане в течение нескольких дней встречали самое упорное сопротивление осажденных. Неверные тучами осыпали их стрелами и камнями, а также потоками легковоспламеняющегося вещества, которое некоторые историки принимают за греческий огонь. Вильгельм Тирский говорит, что они швыряли с вершин башен в

нападавших негашеную известь и улыи, наполненные пчелами.[139] Вскоре стала ощущаться нехватка провизии, и крестоносцы, наконец, испытали такое бедствие, что многие из них питались трупами своих врагов.[140] История должна, однако, с сомнением относиться к крайностям, до которых, как говорят, довел их голод, и подвергать большому сомнению факт публичной продажи человеческого мяса в лагере христиан.[141]

Крестоносцы терпеливо переносили все свои невзгоды, но они не могли поддержать бесчинства, совершенные жителями Маары по отношению к религии Иисуса Христа. Неверные воздвигли кресты на крепостных валах, покрыли их навозом и осыпали их всевозможными оскорблениями. Это зрелище так разозлило христиан, что они решили удвоить свои усилия, чтобы овладеть городом. Они сконструировали машины, которые сотрясали стены, в то время как солдаты поднимались на штурм; и им удалось, после продолжительного сопротивления, стать хозяевами башен и крепостных валов. Когда их настигла ночь в разгар их победы, они не осмелились проникнуть в это место; и когда с рассветом они рассредоточились по улицам, не было слышно ни звука — все части города были пустыни. Армия разграбила нежилые дома, но вскоре, к своему великому удивлению, обнаружила, что все население Маары укрылось в подземных помещениях. Большое количество соломы, подожженной у входа в пещеры, в которых скрывались неверные, вскоре вынудило их выйти из своих убежищ, и такова была враждебность победителей, что сбитая с толку и дрожащая толпа напрасно молила их о пощаде. Все жители Маараха были либо преданы мечу, либо уведены в рабство; город был полностью стерт с лица земли, “что так напугало соседние города, - говорит историк, - что по собственной воле и без применения силы они сдались крестоносцам”.

Это завоевание стало предметом новых разногласий. Боэмунд, приступивший к осаде, желал сохранить часть города, в то время как Раймонд претендовал на то, чтобы править Маарой как ее суверен. Спор становился все жарче; лагерь христиан наполнился смятением и раздорами, и крестоносцы были очень близки к тому, чтобы пролить собственную кровь, чтобы выяснить, кто должен стать хозяином города, который они только что полностью лишили жителей и отдали на разграбление. “Но Бог, который был руководителем этого великого предприятия, ” говорит отец Мамбур, - восстановил усердием слабых и смиренных то, что разрушили страсти великих и мудрых этого мира”. В конце концов солдаты пришли в негодование при мысли о пролитии из-за жалких ссор крови, которую они поклялись посвятить святому делу. Пока они громче всех жаловались и роптали, до них дошел слух, что Иерусалим попал в руки египтян: они воспользовались поражением турок и досадной задержкой христианской армии при вторжении в Палестину. Это известие удвоило недовольство крестоносцев, и они громко обвинили Раймонда и других своих лидеров в предательстве дела Божьего. Они объявили о своем намерении выбрать новых лидеров, у которых не должно быть никаких других амбиций, кроме как выполнить свои обеты, и которые поведут христианскую армию в Святую Землю.

Граф Сен-Жиль и принц Антиохийский, последний из которых, возможно, был не чужд общего движения, прошли по рядам и обратились к солдатам: один - к необходимости повиновения, другой - к славе, которая ожидает их в Иерусалиме. Вскоре беспорядки стали еще более ожесточенными. Духовенство пригрозило Раймонду гневом Небес, в то время как его солдаты пригрозили отказаться от его штандарта. В конце концов, сами провансальцы отказались подчиняться непреклонному графу Тулузскому, и армия всерьез взялась за разрушение крепостных валов Маараха, владение которыми было предметом спора.

Пока это продолжалось, Танкред либо силой, либо хитростью овладел цитаделью Антиохии и водрузил знамя Боэмунда вместо знамени графа Сен-Жиля. Раймонд, оставшийся таким образом в одиночестве и без всякой надежды реализовать свои притязания, был вынужден уступить желаниям армии и, казалось, прислушался к голосу Божьему. После того как он поджег город Маарах, он вышел из него при свете пламени, босиком и проливая слезы раскаяния. Сопровождаемый духовенством, которое пело псалмы покаяния, он отказался от своего честолюбия и возобновил клятву, которую он так часто давал и так часто забывал, освободить гробницу Иисуса Христа.

КНИГА IV.

1099-1103 гг. н. э.

Со времени взятия Антиохии прошло более шести месяцев, а некоторые из лидеров крестового похода все еще не думали о том, чтобы начать свой поход на Иерусалим. Как только Раймонд подал сигнал к отправлению, его солдаты и сопровождавшие его рыцари разразились громкими криками радости и возродившегося энтузиазма. За графом Тулузским последовали Танкред и герцог Нормандии, которым обоим не терпелось выполнить свой обет и завоевать Палестину. Ведомая этими тремя вождями, большая часть христианской армии пересекла территории Кесарии в Сирии, Хамата и Эдессы. Со всех концов света как христиане, так и мусульмане с нетерпением приходили им навстречу: первые просили их о помощи, вторые - умолять о помиловании. Многие эмиры пришли, чтобы умолять Раймонда водрузить его знамя на стенах их городов, чтобы защитить их от грабежей и обезопасить от замыслов других крестоносцев. Пилигримы повсюду по пути получали провизию и богатую дань без труда и риска сражаться за нее. В ходе их триумфального марша самым сладким плодом их трудов и ужаса, который внушало их оружие, было возвращение огромного числа христианских пленников, смерть которых они оплакивали и которые были присланы им мусульманскими вождями из соседних городов.

Они приблизились к морскому побережью и продвинулись почти без препятствий до окрестностей Архаса. Этот город был расположен у подножия Ливана, в двух лье от моря, на территории, покрытой оливковыми деревьями и богатой кукурузой. Граф Тулузский, то ли из желания завоевать столь богатую страну, то ли будучи спровоцированным оскорблениями и угрозами неверных, решил осадить Архас.^[142] Чтобы воспламенить мужество своих солдат и объединить их с собой в своем проекте, он пообещал им в награду за их труды разграбление города и освобождение двухсот христианских пленников, заключенных в цитадели.

Между тем Годфри, Юстас и Роберт, граф Фландрии, еще не выехали из Антиохии. Они начали свой поход не раньше первых дней весны. Боэмунд сопровождал их до Лаодикии,^[143] а затем

вернулся в свою столицу, пообещав своим спутникам присоединиться к ним перед Иерусалимом. В Лаодикии крестоносцы освободили фламандских пиратов, захвативших крест в Тарсе и более года находившихся в плену у греков, хозяев этого города. Там же христианская армия получила подкрепление в виде новых крестоносцев из портов Голландии и Фландрии, а также с британских островов. Среди этих новых защитников креста был Эдгар Ательинг, который после смерти Гарольда оспаривал корону Англии у Вильгельма Завоевателя. Он приехал сюда, чтобы попытаться забыть о несчастьях своей страны под знаменами священной войны и в то же время найти убежище от тирании завоевателя. Англичане и новые крестоносцы из других стран были с большой радостью приняты в ряды христианской армии, которая, однако, продвигалась в Палестину очень медленно.

Большая часть вождей была огорчена тем, что им пришлось пересекать такие богатые провинции, не установив в них своего господства. На их пути не было ни одного города, на стенах которого один из них не испытывал бы сильного тайного желания водрузить свой штандарт. Эти претензии породили соперничество, которое ослабило армию и помешало ей совершать полезные завоевания. Раймонд по-прежнему упрямо вел осаду Архаса, которая оказала ему самое упорное сопротивление. Годфри отправился осаждать Гибель,^[144] приморский город, расположенный в нескольких лигах от Лаодикии. Военачальники армии так и не согласились объединить свои усилия против сарацин, но по очереди продавали эмирам свое бездействие и нейтралитет.

Единственной экспедицией, в которой успех увенчал их храбрость, была атака Тортосы.^[145] Раймонд, виконт де Тюренн, виконт де Кастеллан, сеньор д'Альбре и некоторые другие главные вожди гасконцев и провансальцев с сотней всадников и двумя сотнями пеших предстали перед этим городом. Жители закрыли свои ворота, укрепились на крепостных валах и вынудили христиан отступить. Руководитель этой экспедиции Раймон де Тюренн, у которого не было достаточного количества войск, чтобы предпринять осаду или заставить город сдаться, прибегнул к хитрости, которая увенчалась успехом. Ночью он велел разжечь в соседнем лесу такое количество костров, что жители Тортосы были убеждены, что вся христианская армия пришла напасть на них, и еще до рассвета все они бежали в горы, прихватив с собой самое ценное имущество. На следующий день христиане приблизились к городу, валы которого они нашли опустевшими, и вошли в него без сопротивления. Разграбив дома и предав огню город, который они не смогли удержать, они вернулись в лагерь, нагруженные добычей.

Мусульмане, запертые в Архасе, все еще сопротивлялись христианам. Хотя армия стояла лагерем в плодородной стране, вскоре они начали испытывать нехватку провизии. Беднейшие из паломников были вынуждены, как и в Антиохии, питаться кореньями и оспаривать у животных листья деревьев и траву полей. Многочисленное духовенство, следовавшее за армией, впало в глубочайшее отчаяние. Те, кто умел сражаться, отправлялись опустошать окружающую страну и жили грабежом; но те, кому возраст, пол или немощи не позволяли носить оружие, не могли надеяться ни на что, кроме милосердия христианских солдат. Армия добровольно оказала им помощь и отдала им десятую часть добычи, полученной от неверных.

Огромное количество крестоносцев сдалось под натиском осады и погибло от страданий и болезней, в то время как многие пали от рук врага, который защищался с упрямой доблестью. Среди тех, о чьей потере больше всего сожалели, история сохранила имя Понса де Баласу; он был высоко оценен в армии за свой ум и до самой смерти писал историю крестового похода

совместно с Раймоном д'Агилесом. Крестоносцы также пролили слезы в память об Ансельме де Рибемоне, графе де Бушен, чье благочестие и мужество высоко воспеты в хрониках того времени. Современные авторы описывают его смерть как сопровождавшуюся такими замечательными обстоятельствами, которые заслуживают того, чтобы их сохранили, поскольку они дают четкое представление о духе, воодушевлявшем крестоносцев.

Однажды мы следим за отношением Раймона д'Эгилеса) Ансельм увидел, как в его палатку вошел молодой Анхельрам, сын графа де Сен-Поля, убитого при осаде Маары.^[146] “Как это так, - сказал он, - что я вижу тебя все еще живым, которого я видел мертвым на поле битвы?” “Знай, - ответил Анхельрам, - что те, кто сражается за Иисуса Христа, не умирают”. “Но откуда исходит то странное величие, которым я вижу тебя окруженным?” Тогда Анхельрам указал ему на небесный дворец из хрусталя и бриллиантов. “Именно оттуда, ” добавил он, - я черпаю красоту, которая удивляет вас; это моя обитель, и для вас готовится гораздо более прекрасная, в которой вы скоро поселитесь. Прощайте, мы снова встретимся завтра”. При этих словах, добавляет историк, Анхельрам вернулся на небеса. Ансельм, пораженный этим видением, на следующее утро послал за несколькими священнослужителями и принял причастия; и, хотя был в полном здравии, попрощался со своими друзьями, сказав им, что собирается покинуть мир, в котором они его знали. Несколько часов спустя, когда враги предприняли вылазку, Ансельм вылетел с мечом в руке им навстречу и был поражен в лоб камнем, который, как говорят историки, отправил его в прекрасный дворец на небесах, уготованный для него. Этот чудесный рассказ, которому приписывали заслуги крестоносцы, не единственный в своем роде, сохранившийся в истории. Бесполезно напоминать нашим читателям, что крайняя нищета всегда делала крестоносцев более суеверными и легковверными. Хотя осада Архаса не имела религиозной цели и даже отвратила паломников от главной цели священной войны, от этого, по словам Раймона д'Агилеса, она не стала менее изобильной чудесами и чудесными явлениями всех видов. Веру народа часто поддерживали самые просвещенные из вождей, которые считали необходимым разжигать воображение солдат, чтобы сохранить свой авторитет. Каждый день в христианской армии формировались новые отряды, и самыми могущественными всегда были те, кто распространял веру в наибольшее количество чудес. Именно во время осады Архаса у паломников возникли сомнения по поводу обнаружения копья, которое оказало такое влияние на мужество крестоносцев в битве при Антиохии, и лагерь осаждающих внезапно разделился на две большие группировки, решительно настроенные друг против друга. Арнольд де Рохес, по словам Вильгельма Тирского, человека с распутными манерами, но хорошо разбиравшегося в истории и литературоведении, был первым, кто осмелился открыто отрицать правду о вундеркинде. Этот священнослужитель, который был капелланом герцога Нормандии, привлек на свою сторону всех норманнов и крестоносцев с севера Франции; в то время как южане встали на сторону Бартелеми, который был приверженцем графа де Сен-Жиля. Марсельский священник, простой человек, который сам верил в то, во что хотел, чтобы верили другие, получил новое откровение и рассказал в лагере, что видел Иисуса Христа, распятого на кресте, проклинающего неверующих и предающего смерти и наказанию Иуды нечестивых скептиков, осмелившихся исследовать неисповедимые пути Божьи. Это явление и угрозы Христа сильно возбудили воображение провансальцев, которые, по словам Раймона д'Агилеса, верили в рассказы Бартелеми не меньше, чем в свидетельства святых и апостолов. Но Арнольд был поражен тем, что Бог открыл себя только простому священнику, в то время как в армии служило так много добродетельных прелатов; и, не отрицая вмешательства божественной силы, он не

желал признавать никаких других чудес, кроме тех, которые были совершены доблестью и героизмом христианских солдат.

Поскольку продукты от пожертвований, сделанных хранителям святого копья, были розданы бедным, последние, которых было огромное количество в армии, не скупилась на ропот против капеллана герцога Нормандии и приписывали его недоверию и недоверию его сторонников все те беды, от которых крестоносцы пострадали во время осады Архаса. Арнольд и его партия, которая увеличивалась с каждым днем, напротив, приписывали несчастья христиан их разделению и мятежному духу группы проводцев. В ходе этих дебатов крестоносцы из северных провинций упрекали южан в недостатке храбрости в бою, в том, что они меньше стремятся к славе, чем к грабежу, *и тратят время на украшение своих лошадей и мулов.* [147] Последние, со своей стороны, не переставали упрекать сторонников Арнольда в их неверии и кощунственных насмешках и, не переставая, противопоставляли новые видения доводам недоверчивых. Один видел святого Марка-евангелиста, другой - святую Деву, и оба подтвердили правдивость марсельского священника. Епископ Адемар явился третьему и сообщил ему, что его несколько дней продержали в аду за то, что он усомнился в истинности святого копья.

Эти выступления только еще больше распаляли умы армии, и насилие часто поддерживалось обманом и доверчивостью. В конце концов Бартелеми, соблазненный важностью роли, которую ему суждено было сыграть, и, возможно, также чудесными рассказами своих сторонников, которые могли укрепить его собственные иллюзии, решил прекратить все споры, подвергнувшись испытанию огнем. Это решение восстановило спокойствие в христианской армии, и все паломники были созваны, чтобы стать свидетелями Божьего суда. В назначенный день (это была Страстная пятница) посреди обширной равнины была воздвигнута погребальная могила, сделанная из оливковых ветвей. Большинство крестоносцев были в сборе, и все было подготовлено к ужасному испытанию. Пламя уже поднялось на высоту двадцати локтей, когда увидели приближающегося Бартелеми в сопровождении священников, которые шли молча, босиком и в своих священнических одеждах. Марсельский священник, одетый в простую тунику, нес святое копье, окруженное развевающимися серпантинами. Когда он подошел на расстояние нескольких шагов к куче, один из главных представителей духовенства громким голосом произнес следующие слова: “Если этот человек видел Иисуса Христа лицом к лицу, и если апостол Андрей действительно показал ему божественное копье, пусть он пройдет целым и невредимым сквозь пламя; но если, напротив, он виновен во лжи, пусть он будет сожжен вместе с копьем, которое он держит в своих руках”. При этих словах все зрители поклонились и в один голос ответили: “Да свершится воля Божья”. Бартелеми бросился на колени, призвал Небеса в свидетели истинности всего, что он сказал, и, поручив себя молитвам епископов и священников, бросился через погребальную кучу к той части, где для его прохода было проделано отверстие шириной в два фута.

Многочисленные зрители на мгновение потеряли его из виду, и многие паломники, по словам Раймона д'Агилеса, начали оплакивать его, когда увидели, что он появился со стороны, противоположной той, через которую вошел. Он был немедленно окружен бесчисленной толпой, которая кричала “чудо” и жаждала прикоснуться к его облачению. Но Бартелеми был покрыт смертельными ранами. Умиравшего его отнесли в палатку графа Тулузского, где он скончался через несколько дней, все еще заявляя о своей невиновности и правдивости. Он был похоронен под тем местом, где была воздвигнута могила. Раймонд Сен-Жилльский и

провансальцы упорно считали его апостолом и мучеником. Большое число паломников позволили себе удовлетвориться *судом Божиим*,^[148] и чудотворное копье с того времени перестало творить чудеса.^[149] Напрасно крестоносцы из южных провинций пытались заменить его кольцом и крестом Адемара; они не привлекли ни преданности, ни подношений паломников.

Пока крестоносцы были задержаны перед крепостью Архас, к ним прибыло посольство от Алексия. Греческий император хотел навязаться латинянам, пообещав последовать за ними в Палестину с армией, если они дадут ему время сделать необходимые приготовления. Алексей в своих письмах жаловался на невыполнение договоров, по которым он должен был стать хозяином городов Сирии и Малой Азии, перешедших в руки христиан; но он жаловался без горечи и проявлял столько осмотрительности в своих упреках, что доказывал, что ему тоже приходилось исправлять некоторые обиды. Это посольство было плохо принято христианской армией. Вожди обвинили греков в смерти графа Эно и упрекнули императора в его позорном бегстве во время осады Антиохии. Они презирали его жалобы и не верили в его так часто нарушаемые обещания.

Латиняне ненавидели Алексия еще со времен осады Никеи. Ненависть руководила ими в этом случае лучше, чем могла бы сделать самая дальновидная политика; ибо в конце концов, если верить их историкам, они узнали, что император Константинополя поддерживал тайное соглашение с халифом Египта и что его замысел состоял в том, чтобы задержать марш и продвижение христианской армии.

Халиф Каира, проводивший ту же политику, что и Алексей, поддерживал отношения с крестоносцами, которые обстоятельства делали более или менее искренними и которые были подчинены страху, внушаемому их оружием. Хотя он вел переговоры одновременно с христианами и турками, он ненавидел первых за то, что они были врагами пророка, а вторых за то, что они лишили его Сирии. Его целью было лишь извлечь выгоду из войны, чтобы вернуть свои владения и расширить пределы своей империи. В течение нескольких месяцев он был хозяином Иерусалима, и, трепеща перед своим новым завоеванием, отправил послов к христианской армии. Это посольство прибыло в лагерь вскоре после отъезда наместников Алексия.

Его сопровождали депутаты, которых христиане послали в Египет во время осады Антиохии. По прибытии в Каир халиф сначала хорошо принял их; но как только он узнал, что христианская армия находится в отчаянном положении, они были брошены в темницы и своим освобождением были обязаны только триумфальному маршу христианской армии, наполнившему Восток славой своих побед. Их неожиданное возвращение доставило величайшую радость их братьям и товарищам. Они с волнением выслушали рассказ о своем пленении, и по всей армии поднялись громкие крики негодования против каирского халифа.

Египетские послы сделали все, что было в их силах, чтобы оправдать своего повелителя и умиловить гнев христиан. Они привезли с собой великолепные подарки, предназначенные халифом для главных военачальников армии. Они должны были подарить Готфриду Бульонскому сорок тысяч золотых монет, тридцать мантий и несколько золотых и серебряных ваз; Боэмунду они должны были предложить шестьдесят тысяч золотых монет, пятьдесят пурпурных мантий, несколько драгоценных ваз, богатые ковры и арабского коня, сбруя которого была покрыта золотыми пластинами. Каждый предводитель должен был получить подарок,

соответствующий его военной репутации и представлению о его значимости в христианской армии. Когда послы распределили подарки халифа в соответствии с его указаниями, они потребовали разрешения выступить на совете вождей. Они объявили, что их учитель освободил Иерусалим от владычества турок и что он страстно желает сохранить мир с христианами. Заявив о благожелательном и дружественном расположении халифа и повторив, что его намерением было защищать паломничество и отправление христианской религии, они закончили заявлением, что ворота Иерусалима должны быть открыты только для *невооруженных христиан*. Услышав это предложение, которое они уже отвергли среди невзгод осады Антиохии, предводители христианской армии не могли сдержать своего негодования. В качестве единственного ответа они пришли к решению ускорить свой поход в Святую Землю и пригрозили послам Египта, что те донесут свое оружие даже до берегов Нила.

Крестоносцы собирали свои войска, которые так долго были рассеяны, чтобы вместе двинуться на Иерусалим, когда на них напал эмир Триполи. Быстрое и кровавое поражение было наградой за безрассудство мусульманского принца. Потеряв большое количество своих солдат, он был вынужден купить мир и безопасность своей столицы выплатой значительной дани крестоносцам. Он в изобилии снабдил их провизией, отправил обратно в лагерь триста пленных христиан и, чтобы не оставлять предлога для будущих военных действий, обязался сдать принадлежащие ему места, когда их знамена будут развеиваться над стенами Иерусалима.

Крестоносцы, удовлетворенные этим обещанием, полученным из страха, больше не имели врагов, с которыми нужно было сражаться, и теперь думали только об одном завоевании, которое должно было обеспечить им все остальные. Один Раймонд не разделял нового рвения христианской армии; он был тверд в своей решимости остаться под Архасом и снял осаду только тогда, когда его солдаты во второй раз пригрозили оставить его знамена.

Крестоносцы начали свой поход в Палестину в конце мая.^[150] Жители Финикии закончили собирать урожай. Христиане повсюду находили провизию и по пути восхищались богатыми продуктами Азии, на которые они уже смотрели как на награду за свои труды. Слева от них возвышались горы Либан, столь часто воспеваемые пророками; поля, по которым они шли, между горами и морем были покрыты оливковыми деревьями, достигавшими высоты вязов и дубов; на равнинах и холмах росли апельсины, гранаты и многие другие виды деревьев, неизвестные на Западе. Среди этих новых продуктов одно растение, сок которого был слаще меда, больше всего привлекло внимание паломников: это был сахарный тростник. Его выращивали в нескольких провинциях Сирии, и особенно на территории Триполи, где нашли способ извлекать из него вещество, которое жители называли *зукра*.^[151] По словам Альбера д'Экс, это растение оказало большую помощь христианам, когда их постиг голод при осадах Маараха и Архаса. Это растение, ныне приобретшее такое значение в торговле, до этого времени было неизвестно на Западе. Паломники сделали его известным в Европе, и к концу крестовых походов он был перевезен в Италию и Сицилию, в то время как сарадины завезли его в королевство Гренада, откуда испанцы впоследствии доставили его на Мадейру и в американские колонии.^[152]

Когда все паломники объединились, чтобы продолжить свой поход в Палестину, они, несомненно, были поражены ужасом при мысли о понесенных потерях. Более двухсот тысяч крестоносцев были отрезаны от мира сражениями, голодом, невзгодами и болезнями. Многие из них, не выдержав тягот священного паломничества и потеряв всякую надежду увидеть

Палестину, вернулись на Запад. Многие поселились в Антиохии, Эдессе и других городах, из которых они изгнали жителей и которые они были вынуждены защищать от неверных. С учетом всех этих вычетов армия, которая должна была добиться завоевания Святой Земли, едва насчитывала пятьдесят тысяч бойцов под знаменами.

Однако лидеры, не колеблясь, продолжили свое предприятие. Те, кто остался в строю, выдержали все испытания; они не тащили за собой бесполезную, вызывающую смущение толпу; и было гораздо легче снабдить их провизией и установить среди них порядок и дисциплину. В какой-то мере усиленные своими потерями, они были, возможно, более грозными, чем при осаде Ниццы. Воспоминание об их подвигах укрепило их уверенность и мужество, а ужас, который внушало их оружие, вполне мог заставить сарацин поверить, что их армия все еще неисчислима.

Большинство принцев, разоренных войной, находились на жалованье у графа Тулуза. Этот вид унижения, несомненно, был болезненным для их гордости; но по мере приближения к святому городу можно было бы сказать, что они отчасти утратили свое неукротимое высокомерие и забыли как о своих притязаниях, так и о своих ссорах. Теперь среди крестоносцев царил самый совершенный союз. В своем нетерпении увидеть Иерусалим ни горы, ни ущелья, ни реки, ни какие-либо другие препятствия не охладили их пыла; солдаты даже не соглашались передохнуть и часто, вопреки желанию своих командиров, маршировали ночью.

Христианская армия следовала вдоль морского побережья, где они могли получить провизию от пизанского, генуэзского и фламандского флотов. Толпа христиан и благочестивых отшельников, населявших соседние горы, поспешила навстречу своим братьям с Запада, принесла им свежей провизии и проводила их в путь. После мучительного марша по скалам и по склонам пропастей они спустились на равнину Берит и пересекли территорию Сидона и Тира.

Пока они оставались три дня на берегах реки Элевктера, на них напали змеи, называемые *тарента*, укусы которых привел к смерти, сопровождавшейся сильной болью и неутолимой жаждой. Вид этих рептилий, которых они пытались отпугнуть, ударяя камнями друг о друга или стуча щитами, наполнил паломников страхом и удивлением; но то, что, должно быть, поразило их гораздо больше, было странное средство от их укусов, на которое им указали местные жители и которое, без сомнения, должно было показаться им скорее предметом скандала, чем средством лечения.^[153]

Христиане, все еще продолжая продвигаться вдоль побережья, подошли к стенам Аккона, древней Птолемаиды, на территории современного Сен-Жан-д'Акра. Эмир, командовавший в этом городе от имени халифа Египта, прислал им провизию и пообещал сдаться, как только они станут хозяевами Иерусалима. Крестоносцы, у которых и в мыслях не было нападать на Птолемаиду, с радостью приняли покорность и обещания египетского эмира; но случай вскоре дал им понять, что у него не было иного намерения, кроме как изгнать их со своих территорий и поднять против них врагов в странах, через которые они собирались пройти. Христианская армия, покинув страну Птолемаид, продвинулась между морем и горой Кармил и расположилась лагерем близ порта Кесария, когда голубь, вырвавшийся из когтей хищной птицы, упал бездыханным среди солдат. Епископ Апта, случайно поднявший эту птицу, обнаружил под ее крылом письмо, написанное эмиром Птолемаиды эмиру Кесарии. "Проклятый род христиан, " писал эмир, - только что прошел через мои территории и скоро пересечет ваши; пусть вожди всех мусульманских городов будут предупреждены об их походе, и

пусть они примут меры, чтобы сокрушить наших врагов”. Это письмо было зачитано в совете князей и перед всем войском. Крестоносцы, согласно рассказу очевидца Раймона д'Агилеса, разразились громкими выражениями удивления и радости, больше не сомневаясь в том, что Бог защитил их предприятие, поскольку он послал птиц небесных раскрыть им тайны неверных. Преисполненные нового энтузиазма, они продолжили свой путь, удаляясь от моря и оставляя Антипатриду и Яффу справа от себя. Они приветствовали на востоке высоты Эфраима и овладели Лиддой (древним Диосполем), прославленной мученической смертью святого Георгия, и Рамлой, знаменитой рождением и могилой Самуила.

Когда христиане прибыли в этот последний по названию город, им оставалось пройти всего шестнадцать миль до Иерусалима. Лидеры провели совет, на котором некоторые из них предложили пойти и напасть на неверных в Египте, вместо того чтобы предпринимать осаду священного города.^[154] ”Когда, - сказали они, - мы завоюем султана Египта, города Александрия и Каир, Палестина и большинство королевств Востока попадут под нашу власть. Если мы отправимся прямо в Иерусалим, нам понадобятся и вода, и провизия, и мы будем вынуждены снять осаду, не имея возможности предпринять что-либо еще”. Те из вождей, кто не соглашался с этим мнением, отвечали, “Что христианская армия насчитывает не более пятидесяти тысяч бойцов и что было бы безумием начинать поход в далекие и для них неизвестные регионы, где они не могли бы искать помощи. Со всех сторон их должны были ожидать опасности и препятствия; нигде они не должны были быть свободны от страха нехватки провизии; но путь в Иерусалим был гораздо легче, чем в Александрию или Каир. Крестоносцы не могли придумать более мудрого плана, чем продолжить свой поход и продолжить начатое предприятие, предоставив Провидению удовлетворять их нужды и защищать от жажды и голода”.

Это последнее мнение было принято, и армия получила сигнал к отправлению. Все города, лежавшие на пути крестоносцев, были покинуты неверными. Большая часть паломников старалась опередить друг друга, чтобы первыми завладеть местами и замками, которые, таким образом, остались без жителей. Крестоносцы, говорит Раймон д'Агилес, договорились между собой, что, когда один из вождей водружал свое знамя над городом или ставил какой-либо знак на двери дома, он становился его законным владельцем. Это опрометчивое соглашение породило честолюбие и алчность как у солдат, так и у баронов. Многие, в надежде приобрести богатые владения, оставили свои знамена, скитались по стране и распространились даже до берегов Иордана. Тем временем те, для кого, по выражению историков, *не было ничего дороже заповедей Божьих*, шли босиком под знаменем креста, сокрушаясь об ошибке своих братьев. Когда они прибыли в Эммаус, значительный город во времена Маккавеев, который тогда был не более чем большой деревней, известной под названием Никополь, некоторые христиане Вифлеема пришли умолять их о помощи. Тронутый их молитвами, Танкред выступил посреди ночи с отрядом из трехсот человек и водрузил знамя крестоносцев на стенах города в тот самый час, когда родился Христос и о нем было объявлено пастухам Иудеи.

В ту же ночь на небе произошло явление, которое сильно потрясло воображение паломников. Лунное затмение сразу же вызвало самую глубокую тьму, и когда она, наконец, появилась снова, то была покрыта кроваво-красной вуалью. Многих крестоносцев охватил ужас при виде этого зрелища; но те, кто был знаком с маршем и движением звезд, по словам Альбера д'Экс, успокоили своих товарищей, сказав им, что вид такого явления возвещает о триумфе христиан и уничтожении неверных.

На рассвете 10 июня 1099 года крестоносцы взойшли на высоты Эммауса. Внезапно их взорам предстал священный город.^[155] Первые, кто заметил это, дружно воскликнули: “Иерусалим! Иерусалим!” Задние ряды бросились вперед, чтобы увидеть город, который был объектом всех их желаний, и слова: “Такова воля Божья! Такова воля Божья!” - выкрикнула вся армия и разнеслась над горой Сион и Елеонской горой, которые предстали перед жадными взорами крестоносцев. Всадники спешили со своих лошадей и двинулись босиком. Некоторые бросались на колени при виде святых мест, в то время как другие с уважением целовали землю, почтенную присутствием Спасителя. В своем транспорте они по очереди переходили от радости к печали и от печали к радости. В какой-то момент они поздравили себя с окончанием своих трудов, а затем оплакали свои грехи, смерть Христа и его оскверненную могилу; но все они повторили клятву, которую они так часто давали, освободить святой город от святотатственного ига мусульман.

История дает очень мало положительных представлений об основании и происхождении Иерусалима. Общепринятое мнение таково, что Мелхиседек, который в Священном Писании назван царем Салима, устроил там свою резиденцию. Впоследствии он стал столицей Иевусеев, что дало ему название города Иевус. Вероятно, что от имени Иевуса и имени Салима, которое означает *видение* или *обитель мира*, было образовано название Иерусалима,^[156] которое он носил при царях Иудеи.

С самой глубокой древности Иерусалим не уступал по великолепию ни одному из городов Азии. Иеремия называет его *восхитительным городом* из-за его красоты; а Давид называет его *самым славным и прославленным городом Востока*. Из-за характера своего исключительно религиозного законодательства она всегда демонстрировала непоколебимую приверженность своим законам; но она часто становилась жертвой фанатизма своих врагов, а также фанатизма своих собственных граждан. Его основатели, говорит Тацит, предвидя, что противопоставление их нравов нравам других народов станет причиной войны, обратили свое внимание на его укрепления, и в ранние времена Римской империи это было одно из самых сильных мест в Азии. Претерпев великое множество переворотов, он, наконец, был полностью разрушен Титом и, в соответствии с обличениями пророков, представлял собой не более чем ужасную груды камней. Впоследствии император Адриан разрушил даже его руины и повелел построить другой город, дав ему название Элия, чтобы ничего не осталось от древнего Иерусалима. Христиане, но в особенности евреи, были изгнаны оттуда. Язычество там превозносило своих идолов, а у Юпитера и Венеры были алтари на могиле Иисуса Христа. Среди стольких профанаций и превратностей судьбы народы Востока и Запада едва сохранили память о городе Давида, когда Константин вернул ему прежнее название, призвал верующих и сделал его христианским городом. Завоеванный впоследствии персами и вновь захваченный греками, он стал кровавой добычей в руках мусульман, которые оспаривали его обладание и поочередно подвергали его двойным бедствиям - преследованиям и войне.^[157]

Во времена крестовых походов Иерусалим, как и в настоящее время, представлял собой квадрат скорее в длину, чем в ширину, около лиги в окружности. Он простирается на четырех холмах; на востоке - *Мория*, на котором была построена мечеть Омара на месте храма Соломона; на юге и западе - *Акра*, занимавшая всю ширину города; на севере - *Безета*, или новый город; и на северо-западе - *Голгофа*, или *Голгофа*, которую греки считали центром мира и на которой

была построена церковь Воскресения. В том состоянии, в котором тогда находился Иерусалим, он во многом утратил свою силу и протяженность. Гора Сион больше не возвышалась внутри его ограды и не возвышалась над его стенами между югом и западом. Три долины, окружавшие крепостные валы, были во многих местах засыпаны Адрианом, и доступ к этому месту был гораздо менее затруднен, особенно с северной стороны. Тем не менее, поскольку Иерусалиму под властью сарацин пришлось выдержать несколько осад и поскольку он все время подвергался новым атакам, его укреплениями не пренебрегали. Египтяне, владевшие им в течение нескольких месяцев, воспользовались опозданием христианской армии, чтобы привести его в состояние обороны.

В то время как крестоносцы медленно продвигались к городу, наместник халифа Ифтихар-Эддаула опустошил соседние равнины, сжег деревни, наполнил или отравил водоемы и окружил себя пустыней, в которой христиане должны были стать жертвами всевозможных страданий. Он приказал доставить туда провизию для длительной осады; он призвал всех мусульман выступить на защиту Иерусалима и нанял большое количество рабочих, днем и ночью, для постройки боевых машин, возведения стен и ремонта башен. Гарнизон города насчитывал сорок тысяч человек, и двадцать тысяч жителей взялись за оружие.

При приближении христиан несколько отрядов неверных выступили из Иерусалима, чтобы понаблюдать за маршем и действиями врага, но были отброшены Балдуином дю Бургом и Танкредом. Последний поспешил из Вифлеема, которым он завладел. Преследуя беглецов до ворот святого города, он оставил своих спутников и отправился один на Елеонскую гору, откуда на досуге осмотрел город, обещанный оружием и преданности паломников.^[158] Его благочестивые размышления были прерваны пятью мусульманами, пришедшими из города, и, обнаружив его одного, напали на него.^[159] Танкред не предпринял никаких попыток уклониться от боя; трое сарацин пали под его рукой, в то время как двое других обратились в бегство. Не ускорив и не замедляя хода, Танкред присоединился к армии, которая в своем энтузиазме наступала без порядка, и спустился с высот Эммауса,^[160] распевая эти слова из Исайи: *“Иерусалим, подними очи твои и узри освободителя, который приходит разбить твои цепи”*.

На следующий день после своего прибытия крестоносцы занялись регулярной осадой этого места. Герцог Нормандии, граф Фландрии и Танкред расположились лагерем к северу, от ворот Ирода до ворот Кедрового или Святого Стефана. Рядом с фламандцами, норманнами и итальянцами были размещены англичане под командованием Эдгара Ательинга и бретонцы под предводительством их герцога Алена Фержана, сира де Шатожирона и виконта де Динана. Годфри, Юстас и Болдуин дю Бург обосновались между западом и севером, вокруг ограды Голгофы, от ворот Дамаска до ворот Яффы. Граф Тулузский расположил свой лагерь справа от Готфрида, между югом и западом; рядом с ним были Рембо Оранский, Вильгельм Монпелье и Гастон Беарнский. Сначала его войска растянулись до склона Сиона, а через несколько дней после этого он разбил свои палатки на самой вершине горы, в том месте, где Христос праздновал Пасху. Благодаря такому расположению войск крестоносцы оставили свободными те стороны города, которые были защищены на юге долиной Гихон или Силая, а на востоке долиной Иосафат.^[161]

Каждый шаг, который паломники делали по Иерусалиму, вызывал в их памяти какие-то воспоминания, дорогие их религии. На этой территории, столь почитаемой христианами, не

было ни долины, ни скалы, которые не имели бы названия в священной истории. Все, что они видели, пробуждало или подогревало их энтузиазм. Они не могли отвести глаз от святого города или перестать сокрушаться о том состоянии упадка, в которое он впал. Этот город, некогда такой великолепный, выглядел так, словно был погребен под своими собственными руинами, и тогда они могли бы, пользуясь выражением Иосифа Флавия, спросить в самом Иерусалиме, где был Иерусалим? С его квадратными домами без окон, увенчанными плоскими террасами, он казался крестоносцам огромной грудой камней, нагроможденных между скалами. Они могли различить лишь кое-где в его недрах несколько кипарисов и несколько зарослей алоэ и теребинти, среди которых возвышались шпили в квартале христиан и мечети в квартале неверных. В долинах и полях, прилегающих к городу, которые древние предания описывают как покрытые садами и рощами, пробивались в рост несколько разбросанных олив и колючих кустарников. Вид этих бесплодных равнин и гор, выжженных палящим солнцем, не вызывал у паломников ничего, кроме скорби, и смешивал меланхолическую грусть с их религиозными чувствами. Казалось, они слышали голоса пророков, возвещавших о рабстве и несчастьях града Божьего, и в избытке своей набожности считали себя призванными восстановить его древнее величие.

Что еще больше разожгло рвение крестоносцев к освобождению святого города, так это прибытие к ним большого числа христиан, которые вышли из Иерусалима и, будучи лишены своего имущества и изгнаны из своих домов, искали помощи и убежища у своих братьев с Запада. Эти христиане описывали страдания, которые мусульмане причинили всем поклоняющимся Христу. Женщины, дети, и старики были взяты под стражу в качестве заложников, в то время как те, кто был в том возрасте, чтобы носить оружие, были обречены на работы, превосходившие их силы. Глава главного госпиталя для паломников вместе со многими другими христианами был брошен в тюрьму, а церкви были разграблены, чтобы обеспечить поддержку мусульманских солдат. Патриарх Симеон отправился на остров Кипр, чтобы умолять о милосердии верующих и спасти свою паству, которой угрожало уничтожение, если он не заплатит огромную дань, наложенную угнетателями святого города. Каждый день на христиан Иерусалима обрушивались новые бесчинства, и несколько раз неверные замыслили предать огню и полностью разрушить как Гроб Господень, так и церковь Воскресения.

Беглецы-христиане, обращаясь с этими печальными речами к паломникам, призывали их ускорить наступление на Иерусалим. В самые первые дни осады один одиночка, устроивший свое убежище на Елеонской горе, пришел, чтобы присоединиться к молитвам христиан, изгнанных из Иерусалима, и заклинал крестоносцев именем Христа, переводчиком которого он себя объявил, немедленно перейти к общему штурму. Хотя у крестоносцев не было ни лестниц, ни боевых машин, они прислушались к советам благочестивого отшельника, полагая, что их мужества и мечей будет достаточно, чтобы разрушить крепостные валы сарацин. Вожди, видевшие столько чудес, совершенных доблестью и энтузиазмом христианских солдат, и которые не забыли затянувшихся страданий осады Антиохии, без труда уступили нетерпению армии; кроме того, вид Иерусалима возвысил умы крестоносцев и заставил даже наименее легковверных надеяться, что сам Бог подкрепит их храбрость чудесами.

По первому сигналу христианская армия в хорошем порядке двинулась к крепостным валам. Никогда, говорят историки, солдаты креста не проявляли такого рвения; некоторые, объединившись в тесные батальоны, прикрывались своими щитами, которые образовывали непроницаемый свод над их головами, и пытались пиками и молотами разрушить стену; в то

время как другие, выстроившись длинными рядами, оставались на некотором расстоянии и использовали свои пращи и арбалеты, чтобы прогнать врага с крепостных валов. Масло, кипящая смола, большие камни и огромные балки обрушивались на передние ряды христиан, нисколько не мешая их трудам. Внешняя стена начала рушиться под их ударами, но внутренняя стена представляла собой непреодолимое препятствие, и им ничего не оставалось, кроме *escalade*. Был опробован этот смелый метод, хотя удалось найти только одну лестницу, достаточно длинную, чтобы дотянуться до верха стен. Самые храбрые вскочили на коней и сразились врукопашную с сарацинами, которые были сбиты с толку такой опрометчивой храбростью. Вполне вероятно, что крестоносцы вошли бы в Иерусалим в тот же день, если бы у них были необходимые инструменты и машины; но так мало из них смогли взобраться на вершину стен, что они не смогли там удержаться. Храбрость была бесполезна; Небеса не сотворили чудес, обещанных отшельником, и сарацины в конце концов вынудили нападавших отступить.

Христиане вернулись в свой лагерь, сожалея о своей неосторожности и доверчивости. Этот первый провал научил их тому, что они не всегда должны ожидать чудес, и что, прежде чем двигаться дальше, они должны сконструировать боевые машины. Но раздобыть необходимую древесину в стране бесплодных песков и безводных скал было очень трудно. На поиски материалов было отправлено несколько отрядов, и случайно один из них обнаружил несколько больших балок, которые Танкред велел перевезти в лагерь. Они разрушили дома и даже церкви в окрестностях города, которые не были охвачены пламенем, и каждый доступный кусочек дерева, уцелевший от опустошительных действий сарацин, был использован для изготовления машин.

Несмотря на их открытия и усилия, ход осады не отвечал нетерпению крестоносцев, и, похоже, они не были в состоянии предотвратить угрожавшее им зло. Самая сильная летняя жара наступила в то самое время, когда паломники прибыли в Иерусалим. Палящее солнце и южные ветры, несущие с собой пески пустыни, разожгли горизонт. Растения и животные погибли; поток Кедрона пересох, и все водоемы были заполнены или отравлены.^[162] Под палящим солнцем, среди палящих и засушливых равнин христианская армия вскоре стала жертвой всех ужасов жажды.

Источника Силая, который бил лишь через определенные промежутки времени, не могло хватить для такого множества людей. Полный мех зловонной воды, принесенный с расстояния в три лиги, стоил целых три серебряных денье. Изнемогая от жажды и жары, солдаты взрыхляли землю своими мечами и, зарывшись в свежевырытую землю, жадно подносили к губам каждый влажный ком, который попадался под руку. Днем они с тревогой ожидали наступления ночи, а ночью с нетерпением ждали рассвета в постоянно обманутой надежде, что возвращение либо того, либо другого принесет немного свежести или несколько капель дождя. Каждое утро было видно, как они приклеивали свои пересохшие губы к мраморным плитам, покрытым росой. В разгар дневной жары самые крепкие томились под своими палатками, казалось, у них не осталось сил даже на то, чтобы молить о помощи Небеса.

Рыцари и бароны вовсе не были освобождены от бедствия, поразившего армию, и многие из них обменивали на воду, в которой они ежедневно нуждались, сокровища, отвоеванные у неверных. “Жалость из-за этой крайней жажды, - говорит старый переводчик Вильгельма Тирского, - была вызвана не столько пехотой, сколько всадниками; пехотинцы могли

довольствоваться немногим, но всадники могли напоить своих лошадей только за большие деньги. Что касается зверей буртена, - добавляет тот же историк, - то о них заботилось не больше, чем об уже умерших существах; им было позволено бродить по полям, где они умирали от недостатка воды”.

В этой всеобщей нищете женщины и дети тащили свои измученные тела по полям и равнинам, ища иногда источник, а иногда тень, ни того, ни другого не существовало. Многие, кто отбилсЯ от армии, попали в сарацинские засады и потеряли либо свою жизнь, либо свободу. Когда некоторые удачливые паломники обнаруживали источник или цистерну в отдаленном или малоизвестном месте, они скрывали это от своих спутников и не давали им приблизиться к нему. Ссоры яростного характера вспыхивали из-за этого ежедневно; и нередко крестоносцы обнажали мечи из-за небольшого количества мутной воды; короче говоря, нехватка воды была настолько невыносимым злом, что они едва замечали нехватку пищи. Сильная жажда и жаркий климат заставили их забыть об ужасах голода, который, казалось, преследовал христиан повсюду.

Если бы осажденные в этот период предприняли *вылазку*, они легко одержали бы победу над крестоносцами, но последних защищала память об их подвигах; и в бедственном положении, в которое они теперь попали, одно только их имя все еще внушало сарацинам ужас. Мусульмане также могли верить, что их враги не смогут долго противостоять совместным бедствиям голода и жажды. Древние историки используют здесь самые патетические выражения, чтобы описать ужасающие страдания паломников. Аббат Гибер даже заходит так далеко, что утверждает, что люди никогда не претерпевали столько зол ради получения благ, которые были не от мира сего. Среди таких бедствий, говорит Раймон д'Агилес, который сам участвовал в осаде Иерусалима, многие забыли своего Бога и больше не думали ни о взятии города, ни о снискании божественной милости. Воспоминание о собственной стране усилило их страдания; и так велико было их уныние, что некоторые совсем отказались от знамен крестового похода и бежали в порты Палестины и Сирии, чтобы дожидаться возможности вернуться в Европу.

Вожди ясно видели, что нет другого средства от бедствий, выпавших на долю армии, кроме взятия Иерусалима; и все же работы по осаде тянулись очень медленно, поскольку у них не было ни древесины, достаточной для постройки машин, ни рабочих с необходимыми инструментами. Кроме того, недавно поступило сообщение о том, что огромная армия покинула Египет с целью освобождения города. Самые мудрые и храбрые в такой критической ситуации начинали отчаиваться в успехе предприятия, когда им была оказана помощь неожиданного рода.

Они узнали, что в порт Яффо вошел генуэзский флот, груженный всевозможными припасами и боеприпасами. Это известие вызвало величайшую радость в христианской армии, и отряд из трехсот человек под командованием Раймона Пеле выступил из лагеря навстречу конвою, который, казалось, Небеса послали крестоносцам в их несчастье. Этот отряд, разбив и рассеяв сарацин, которых они встретили на своем пути, вошел в город Яффо, который, будучи покинут своими жителями, был занят генуэзцами. По прибытии крестоносцы узнали, что христианский флот был застигнут врасплох флотом неверных и сожжен, но у них было время вывезти провизию и большое количество инструментов для строительства военных машин. Все, что им удалось спасти, было перевезено в лагерь христиан. Этот конвой прибыл под стены

Иерусалима, сопровождаемый большим количеством генуэзских инженеров и плотников, чье присутствие значительно оживило соперничество и мужество армии.

Поскольку у них все еще не хватало древесины для постройки машин, сириец проводил герцога Нормандского и графа Фландрского на гору, расположенную на расстоянии тридцати миль от Иерусалима, между долиной Самарии и долиной Сечема. Там христиане нашли лес, о котором говорит Тассо в “Освобожденном Иерусалиме”.^[163] Деревья этого леса не были защищены от топора крестоносцев ни чарами исмена, ни оружием сарацин. Подкованные железом волы с триумфом доставили их к Иерусалиму.

Ни у кого из руководителей, за исключением Раймонда Тулузского, не было достаточных денег, чтобы оплатить порученные им работы, но усердие и милосердие паломников пришли им на помощь. Многие приносили в жертву остатки добычи, отнятой у врага; рыцари и бароны сами превратились в кропотливых рабочих; и каждое оружие было задействовано, и все находилось в движении по всей армии. Женщины, дети, даже больные разделяли труды солдат. В то время как более крепкие были заняты сооружением таранов, катапульт и крытых галерей, другие носили воду в бурдюках из источника Эльпира по дороге в Дамаск или из ручья, который протекал за Вифлеемом, по направлению к пустыне Святого Иоанна. Некоторые готовили шкуры, которые должны были быть натянуты на машины, чтобы сделать их огнестойкими, в то время как другие пересекали равнины и соседние горы, чтобы собрать ветви оливы, инжира,^[164] и некоторых других деревьев страны, чтобы сделать изгороди и хворост.

Хотя христианам все еще приходилось сильно страдать от жажды и жары, надежда на скорое окончание своих бед придавала им сил для поддержки. Приготовления к нападению велись с невероятной активностью; каждый день появлялись грозные машины, угрожавшие крепостным валам сарацин. Строительством их руководил Гастон Беарнский, мастерством и храбростью которого историки очень гордятся.^[165] Среди этих машин были три огромные башни новой конструкции, каждая из которых имела три ступени, первая для рабочих, которые руководили ее движением, а вторая и третья для воинов, которые должны были совершить штурм. Эти три подвижные крепости были выше стен осажденного города.^[166] Наверху было устроено нечто вроде подъемного моста, который можно было опустить на крепостной вал и проложить дорогу, по которой можно было проникнуть в это место.

Но эти мощные средства нападения были не единственными, которые должны были поддержать усилия крестоносцев. Религиозный энтузиазм, который уже совершил так много чудес, должен был снова усилить их пыл и уверенность в победе. Духовенство распространилось по всем частям армии, призывая паломников к покаянию и согласию. Нищета, которая почти всегда порождает жалобы и ропот, омрачила их сердца и вызвала раскол среди вождей и солдат, которые в другое время спорили за города и сокровища, но для которых тогда самые обычные вещи стали объектами зависти и ссор. Отшельник с Елеонской горы присоединил свои увещания к увещаниям духовенства и обратился к князьям и народу: “Вы, пришедшие, - сказал он, - из областей Запада, чтобы поклоняться Богу воинств, любить друг друга как братьев и освятить себя покаянием и добрыми делами. Если вы будете повиноваться законам Бога, он сделает вас хозяевами святого города; если вы будете сопротивляться ему, весь его гнев падет на вас”. Отшельник посоветовал крестоносцам обойти Иерусалим, взывая к милосердию и защите Небес.

Пилигримы, убежденные, что городские ворота могут быть открыты не столько набожностью, сколько храбростью, с покорностью выслушали увещевания отшельника и все стремились последовать его совету, который они считали языком самого Бога. После строгого трехдневного поста они вышли из своих жилищ вооруженными и промаршировали босиком и с непокрытыми головами вокруг стен святого города. Им предшествовали их священники, одетые в белое, несущие изображения святых и поющие псалмы и священные песни. Были выставлены знамена, и вдалеке зазвучали кимвалы и трубы. Именно так евреи некогда маршировали вокруг Иерихона, стены которого рушились от звука их инструментов.

Крестоносцы выступили из долины Рефраим, которая обращена к Голгофе; они двинулись на север и, войдя в долину Иосафата, приветствовали могилы Марии, святого Стефана *и первых избранных Божьих*. Продолжая свой путь к Елеонской горе, они с большим уважением созерцали грот, в котором Христос истекал кровью, и место, где Спаситель плакал над Иерусалимом. Когда они добрались до вершины горы, их глазам предстало самое впечатляющее зрелище. К востоку простиралась равнина Иерихона, берега Мертвого моря и Иордана; а к западу они увидели у своих ног святой город и его территорию, покрытую священными руинами. Собравшись на том самом месте, откуда Христос вознесся на небеса, и где они все еще искали следы Его шагов, они слушали увещевания священников и епископов.

Арнольд де Рохес, капеллан герцога Нормандского, обратился к ним с патетической речью, призывая их удвоить свое рвение и настойчивость. Заканчивая свою речь, он обратился к Иерусалиму: “Вы видите, ” сказал он им, - наследие Христа, попранное нечестивцами; вот, наконец, достойная награда за все ваши труды; вот места, в которых Бог простит все ваши грехи и благословит все ваши победы”. Услышав голос оратора, который указал им на церковь Воскресения Христова и Голгофские скалы, готовые принять их, защитники креста смирились перед Богом и устремили свои взоры на Иерусалим.

Пока Арнольд призывал их во имя Христа забыть все обиды и любить друг друга, Танкред и Раймонд, у которых были долгие и серьезные споры, обнялись в присутствии всей христианской армии. Солдаты и вожди последовали их примеру. Самые богатые пообещали утешить бедных своей милостыней и поддержать сирот крестоносцев. Все забыли о своих роковых разногласиях и поклялись оставаться верными заповедям евангельского милосердия.

В то время как крестоносцы предавались таким образом проявлениям преданности и благочестия, сарацины собрались на крепостных валах Иерусалима, высоко подняли кресты в воздух и подвергали их всевозможным оскорблениям, в то же время оскорбляя христианские обряды своими жестами и криками.^[167] “Вы слышите их, - сказал Петр Отшельник, - вы слышите угрозы и богохульства против истинного Бога; поклянитесь защищать Иисуса Христа, узника и распятого неверными во второй раз. Вы видите того, кто заново умирает на Голгофе для искупления ваших грехов”.^[168] При этих словах кенобит был прерван стоном и криками негодования, которые поднялись со всех сторон против неверных. “Да, я клянусь вашим благочестием, - продолжал оратор, - я клянусь вашим оружием, что царствование нечестивцев подходит к концу. Стоит только появиться армии Господа, и вся эта тщеславная масса мусульман рассеется, как тень. Сегодня они полны гордыни и дерзости, завтра они застынут от страха и неподвижно упадут перед вами, подобно стражам гробницы, которые почувствовали, как оружие вырывается у них из рук, и упали замертво от страха, когда землетрясение возвестило о присутствии Бога на той Голгофе, на которую вы собираетесь взобраться через

пролом. Еще несколько мгновений, и эти башни, последний оплот неверных, станут убежищем христиан; эти мечети, стоящие на христианских руинах, будут служить храмами истинного Бога, и отныне Иерусалим будет слышать хвалу Господу”.

При этих последних словах Петра среди христиан разразился самый оживленный восторг; они обнялись, проливая слезы и увещевая друг друга поддержать зло и тяготы, за которые они так скоро получают славную награду. Наконец христиане спустились с Елеонской горы, чтобы вернуться в свой лагерь, и, направившись на юг, они приветствовали находившуюся справа от них гробницу Давида и прошли недалеко от Силойского пруда, где Христос вернул зрение человеку, слепорожденному. Дальше они увидели руины дворцов Иудеи и двинулись по склону горы Сион, где перед ними возникли другие воспоминания, усилившие их энтузиазм. Ближе к вечеру христианская армия вернулась в свои покои, повторяя эти слова пророка: *Народы Запада убоятся Господа, и народы Востока увидят славу Его*. Вернувшись в свой лагерь, большая часть паломников провела ночь в молитве; вожди и солдаты исповедовались в своих грехах у ног своих священников и приняли своего Бога, обещания которого наполнили их уверенностью и надеждой.

Пока эти события происходили в христианском лагере, на стенах Иерусалима царила глубочайшая тишина; не было слышно ничего, кроме голосов людей, которые час за часом с крыш мечетей города призывали мусульман к молитве. Неверные толпами приходили в свои храмы, чтобы молить о защите своего пророка, и клялись таинственным камнем Иакова защищать город, который они называли *Домом Божиим*. Осажденные и осаждающие были движимы равным рвением сражаться и проливать свою кровь, первые - защищать, а вторые - завоевывать город, который оба считали священным. Ненависть, одушевлявшая их, была настолько сильной, что в течение всей осады ни один мусульманский депутат не пришел в лагерь христиан, и христиане не соизволили призвать гарнизон к сдаче. Столкновение между такими врагами обязательно должно быть ужасным, а победа неумолимой.

Когда предводители христианской армии собрались, чтобы решить, в какой день атаковать город, было решено воспользоваться энтузиазмом паломников, который был на пике, и продолжить штурм, подготовка к которому шла быстрыми темпами. Поскольку сарацины разместили большое количество машин на сторонах города, которым христиане больше всего угрожали, было решено, что они должны изменить расположение осадных войск и что основная атака должна быть направлена на пункты, где враг меньше всего подготовился к обороне.

Ночью Годфри переместил свои апартаменты на восток, недалеко от Кедровых ворот и недалеко от долины, в которой Тит стоял лагерем, когда его солдаты проникли в галереи храма.

Катающаяся башня и другие боевые машины, которые герцог Лотарингии приказал построить, были с невероятными трудностями доставлены к стенам, которые он намеревался атаковать. Танкред и двое Робертсов приготовили свои машины между воротами Дамаска и угловой башней, которую впоследствии называли *башней Танкреда*.^[169]

Когда сарацины на рассвете увидели эти новые порядки, их охватили изумление и ужас. Крестоносцы могли бы с выгодой воспользоваться тревогой, которую эта перемена вызвала у врага, но на крутом склоне было трудно подвести башни вплотную к стенам. В частности, Раймонд, которому было поручено нападение на юг, оказался отделенным от вала оврагом, который необходимо было засыпать. Он немедленно дал понять через глашатая, что заплатит по денье каждому, кто бросит в него три камня. Толпа людей мгновенно бросилась поддержать

усилия его солдат; и дротики и стрелы, которые градом сыпались с крепостных стен, нисколько не могли умерить пыл и рвение нападавших. Наконец, к концу третьего дня, все было закончено, и командиры дали сигнал к общей атаке.

В четверг, 14 июля 1099 года, как только забрезжил рассвет, в лагере христиан зазвучали кларнеты; все крестоносцы бросились к оружию; все машины пришли в движение одновременно; камнерезы и мангонели извергали град кремней, в то время как под прикрытием черепаш и галерей тараны были подведены вплотную к стенам. Лучники и арбалетчики вели непрерывный огонь по валу, в то время как самые храбрые устанавливали свои лестницы в местах, где стена, казалось, оказывала наименьшее сопротивление. На севере, востоке и юге города три башни приближались к крепостным валам, окруженные шумом и криками солдат и рабочих. Годфри появился на самой высокой платформе своей деревянной крепости в сопровождении своего брата Юстаса и Болдуина дю Бурга. Своим примером он воодушевлял свой народ, и каждое брошенное им копье, как говорят историки того времени, несло смерть сарацинскому войску. Раймонд, Танкред, герцог Нормандский и граф Фландрский сражались среди своих солдат, в то время как рыцари и латники, воодушевленные тем же рвением, что и их главные начальники, перебегали с места на место, куда их призывала опасность.

Ничто не могло сравниться со стремительностью первого удара христиан; но они повсюду встречали упорное сопротивление. Стрелы, дротики, кипящее масло, греческий огонь - четырнадцать машин, которые осажденные успели противопоставить машинам своих врагов, отражали атаки и усилия нападавших со всех сторон. Неверные, вырвавшиеся через брешь, проделанную в их валу, попытались сжечь машины осаждающих и посеяли беспорядок в рядах христиан. К концу дня башни Годфри и Танкреда уже нельзя было сдвинуть с места, в то время как башня Раймонда развалилась на куски. Сражение длилось двенадцать часов, но победа так и не склонилась на сторону крестоносцев, когда наступила ночь, чтобы временно положить конец усилиям обеих сторон. Христиане вернулись в свой лагерь, дрожа от ярости и горя; вожди, но особенно двое Робертсов, сокрушались о том, *что Бог еще не считал их достойными войти в Его святой город, и поклонялись могиле Его Сына.*^[170]

Ночь обе стороны провели в тревоге, каждая сожалела о своих потерях и трепетала при мысли о других, которых им, вероятно, предстояло вынести. Сарацины опасались неожиданности; христиане боялись, что сарацины сожгут машины, которые они оставили под стенами. Осажденные были без перерыва заняты ремонтом брешей, проделанных в стенах; в то время как осаждающие были столь же активны в приведении своих машин в боевое состояние на случай новой атаки. Следующий день принес возобновление тех же опасностей и тех же боев, свидетелями которых были предыдущий. Вожди старались своими речами поднять мужество крестоносцев, в то время как священники и епископы неустанно посещали палатки солдат, обещая им помощь Небес. Христианская армия, преисполненная новой уверенности в победе, появилась с оружием в руках и в глубоком молчании двинулась к местам атаки, в то время как духовенство шествовало процессией по городу.

Первый удар был стремительным и ужасным. Христиане были возмущены сопротивлением, с которым они столкнулись накануне, и сражались с яростью. Осажденные, узнавшие о приближении египетской армии, были воодушевлены надеждой на победу, и их крепостные валы были защищены машинами устрашающего вида. Со всех сторон засвистели выпущенные друг в друга дротики, в то время как камни и балки, пущенные как христианами, так и

неверными, со страшным шумом сталкивались друг с другом в воздухе и падали на нападавших. С высоты башен мусульмане безостановочно швыряли зажженные факелы и горшки для костра. Деревянные крепости христиан приближались к стенам среди пожара, который разрастался во всех частях вокруг них. Неверные направили свои атаки, в частности, против башни Годфри, на вершине которой сиял золотой крест, вид которого привел их в крайнюю ярость. Герцог Лотарингский видел, как один из его оруженосцев и многие из его солдат пали рядом с ним; но, хотя сам он был мишенью для всех вражеских стрел, он продолжал сражаться среди мертвых и раненых и не переставал призывать своих товарищей удвоить свое мужество и пыл. Граф Тулузский, атаковавший город с южной стороны, направил все свои машины против мусульман: ему пришлось сражаться с эмиром Иерусалима, который воодушевлял свой народ своими словами и появился на стенах, окруженный *элитой* египетской армии. На севере Танкред и оба Роберта неподвижно стояли во главе своих батальонов на своей подвижной крепости, им не терпелось пустить в ход копье и меч. Их тараны уже в нескольких местах сотрясли стены, за которыми сарацины сомкнутыми рядами представляли собой последний оплот против атак христиан.

В разгар конфликта на крепостных стенах города появились две женщины-волшебницы, взывающие, как говорят историки, к стихиям и адским силам. Однако сами они не смогли избежать смерти, которую призывали на христиан, и пали замертво под градом стрел и камней.^[171] Два египетских эмиссара, отправленные из Аскалона, чтобы призвать осажденных упорствовать в своей обороне, были застигнуты крестоносцами врасплох, когда они пытались войти в город. Один из них упал, покрытый ранами, а другой, раскрыв секрет своей миссии, был с помощью машины сброшен на крепостной вал, где сражались сарацины. Но теперь сражение длилось уже полдня, не давая крестоносцам никакой надежды овладеть этим местом. Все их машины были в огне, и им нужна была вода, но особенно уксус,^[172] который один потушит виды огня, используемые осажденными. Напрасно самые храбрые подвергали себя величайшим опасностям, чтобы предотвратить разрушение деревянных башен и таранов; они пали, погребенные под развалинами, и пламя поглотило даже их щиты и облачение. Многие из самых отважных воинов встретили смерть у подножия крепостных валов; большое количество тех, кто находился на башнях, были искалечены; в то время как остальные, покрытые потом и пылью, измученные тяжестью своего оружия и жарой, начали терять мужество. Сарацины, увидев это, издали громкие крики радости. Среди своих богохульств они упрекали христиан в том, что они поклоняются Богу, который не в состоянии защитить их. Нападавшие сожалели о своей участи и, считая себя покинутыми Иисусом Христом, оставались неподвижными на поле боя.

Но бою было суждено вскоре изменить свой облик. Внезапно крестоносцы увидели, как на Елеонской горе появился рыцарь, размахивающий своим щитом и подающий христианской армии сигнал к вступлению в город.^[173] Годфри и Раймонд, которые заметили его первыми и одновременно, громко закричали, что Святой Георгий пришел на помощь христианам! Суматоха боя не позволяла ни поразмыслить, ни осмотреться, вид небесного всадника воспламенил осаждающих с новым рвением, и они возобновили атаку. Женщины, даже дети и больные смешались в *зале*, принося воду, еду и оружие, и объединили свои усилия с усилиями солдат, чтобы подвинуть катящиеся башни, наводящие ужас на врага, поближе к крепостным валам.^[174] Отряд Годфри, несмотря на ужасный град камней, стрел и греческого огня, продвинулся достаточно близко, чтобы опустить подъемный мост на стены. В то же время огненные стрелы дождем полетели в машины осажденных, в мешки с соломой и сеном, а также

в мешки с шерстью, которые защищали последние стены города. Ветер помогал огню и обрушил пламя на сарацин, которые, окутанные клубами пламени и дыма, отступили перед копьями и мечами крестоносцев. Годфри, которому предшествовали два брата Летальд и Энгельберт Турнейские, а за ними Болдуин дю Бург, Юстас, Рембо Кретон,^[175] Гюнер, Бернар де Сен-Валье и Аменжу д'Альбре бросаются на врага, преследуют его и по следам их шагов входят в Иерусалим. Все храбрецы, которые сражались вместе с ним на платформе башни, последовали за своим бесстрашным вождем, вышли вместе с ним на улицы и убивали всех, кого встречали на своем пути. В то же время в христианской армии распространился слух, что святой понтифик Адемар и несколько крестоносцев, павших во время осады, появились во главе нападавших и развернули знамя с Крестом на башнях Иерусалима. Танкред и оба Роберта, воодушевленные этим рассказом, предприняли новые усилия и, наконец, прибыли на место в сопровождении Хью де Сен-Поля, Жерара де Руссильона, Луи де Мусона, Конона и Ламбера де Монтегю и Грастона де Беарна. Толпа героев следовала за ними по пятам; некоторые входили через полуоткрытый пролом; другие взбирались на стены по лестницам; и многие прыгали с верхушек деревянных башен. Мусульмане разбежались во все стороны, и Иерусалим огласился победным криком крестоносцев: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”*^[176]

Товарищи Годфри и Танкреда разбили топорами ворота Святого Стефана, и город сразу же распахнулся перед толпой крестоносцев, которые устремились вперед и боролись за честь нанести последний удар побежденным неверным.

Только Раймонд все еще испытывал некоторое сопротивление. Предупрежденный об успехе христиан бряцанием оружия и шумом, который он слышал в городе, он еще больше постарался воодушевить своих солдат. Последние, которым не терпелось присоединиться к своим товарищам, бросили свою башню и машины, которые они больше не могли передвигать. Они установили лестницы и мечи, с помощью которых взобрались на крепостной вал, куда им предшествовали граф Тулузский, Раймон Пеле, епископ Бирский, граф де Ди и Вильгельм де Сабран. Теперь ничто не могло остановить их продвижение; они разогнали сарацин, которые вместе со своим эмиром укрылись в крепости Давида,^[177] и вскоре все крестоносцы, объединившиеся в Иерусалиме, обнялись, плакали от радости и сосредоточили все свое внимание на завершении своей победы.

Отчаяние, однако, на мгновение заставило самых храбрых сарацин собраться с силами, и они стремительно атаковали христиан, которые, уверенные в победе, приступили к грабежу.^[178] Последние даже начали отступать перед врагом, которого они так недавно победили, когда Эверард де Пюисай, храбрость которого прославлял Рауль де Кан, возродил мужество своих товарищей, встал во главе их и снова посеял ужас среди неверных. С этого момента у крестоносцев больше не было врагов, с которыми можно было бороться. История отмечает, что христиане вошли в Иерусалим в пятницу, в три часа пополудни; точно в тот же день и час, когда Христос скончался ради спасения рода человеческого. Можно было бы ожидать, что эта достопамятная эпоха пробудит в их сердцах чувство милосердия; но, раздраженные угрозами и продолжительными оскорблениями сарацин, разгневанные страданиями, которым они подверглись во время осады, и сопротивлением, которое они встретили даже в городе, они залили кровью и оплакивали Иерусалим, который они пришли освободить и который они считали своей будущей страной. Резня вскоре стала всеобщей, ибо все, кто спасся от мечей

Годфри и Танкреда, попали в руки провансальцев, одинаково жаждавших крови. Сарацины были вырезаны на улицах и в домах; в Иерусалиме не было убежища для побежденных. Некоторые пытались спастись от смерти, бросаясь с крепостных валов; другие толпами устремлялись во дворцы, на башни, но особенно в мечети, — но нигде они не могли укрыться от преследования христиан.

Когда крестоносцы овладели мечетью Омара, в которой сарацины некоторое время оборонялись, последовало ужасное повторение сцен резни, которые сопровождали завоевание Тита. Конные и пешие вошли в мечеть *один на один* с побежденными. Посреди самой ужасной суматохи не было слышно ничего, кроме стонов, воплей и предсмертных воплей; победители топтали груды тел, преследуя всех, кто пытался спастись бегством. Раймон д'Агилес, очевидец событий, говорит, что под портиком и на паперти мечети кровь доходила до колен и уздечек лошадей.^[179] Чтобы описать ужасное зрелище, которое было представлено в два периода в одном и том же месте, будет достаточно сказать, заимствуя слова историка Иосифа Флавия, что количество убитых намного превзошло количество солдат, принесших их в жертву своей мести, и что горы у Иордана стонами повторяли ужасные звуки, доносившиеся из храма.

Воображение с отвращением отворачивается от этих ужасных картин и едва ли может среди кровавой бойни созерцать трогательный образ иерусалимских христиан, чьи цепи разорвали крестоносцы. Они стекались со всех концов, чтобы встретить завоевателей; они делились с ними всеми припасами, которые им удавалось украсть у сарацин, и вместе с ними возносили благодарность Богу за то, что он даровал такую победу оружию христиан. Петр Отшельник, который пять лет назад пообещал вооружить Запад для освобождения иерусалимских христиан, должно быть, глубоко наслаждался зрелищем их благодарности и ликования. Среди всех крестоносцев они, казалось, видели только его; они вспоминали его слова и его обещания; именно ему они адресовали свои хвалебные песни; именно его они провозгласили своим освободителем. Они рассказали ему о бедствиях, которые им пришлось пережить во время его отсутствия; они едва могли поверить в то, что происходило перед ними; и в своем энтузиазме они выражали удивление, что Бог таким образом нанял всего лишь одного человека, чтобы взбудоражить столько народов и совершить такие чудеса.

Вид братьев, которых они освободили, без сомнения, напомнил паломникам, что они пришли поклониться гробнице Христа; и благочестивый Годфри, который воздержался от резни после победы, оставил своих товарищей и, сопровождаемый тремя слугами, без оружия и босиком направился к храму Гроба Господня.^[180] Весть об этом акте благочестия вскоре распространилась по христианской армии, и немедленно всякой мести и ярости пришел конец; крестоносцы, сбросив свои окровавленные одежды, огласили город своими стонами и рыданиями и, ведомые духовенством, все вместе, с босыми ногами и непокрытыми головами, направились к церкви Воскресения.

Когда христианская армия была, таким образом, собрана на Голгофе, начала опускаться ночь; тишина воцарилась в общественных местах и вокруг крепостных валов;^[181] в святом городе не было слышно ничего, кроме покаянных гимнов и этих слов Исая: *“Вы, любящие Иерусалим, радуйтесь с ним”*. Крестоносцы проявляли такую живую и нежную преданность, что можно было бы сказать, согласно замечанию современного историка,^[182] что эти люди, которые только что взяли город штурмом и учинили ужасную резню, вышли из долгого уединения и

глубоких размышлений о наших тайнах. Эти необъяснимые контрасты часто можно наблюдать в истории крестовых походов. Некоторые авторы полагали, что они нашли в них повод обвинить саму христианскую религию, в то время как другие, не менее слепые или страстные, пытались смягчить прискорбные проявления фанатизма; беспристрастный историк довольствуется их описанием и молча оплакивает слабости человеческой природы.

Благочестивый пыл христиан лишь приостановил сцены резни. Политика некоторых вождей могла заставить их поверить, что необходимо внушить сарацинам как можно больше страха; возможно, они также думали, что если они освободят людей, защищавших Иерусалим, им снова придется сражаться с ними, и что с их стороны было неразумно в далекой стране, окруженной врагами, брать на себя заботу о пленниках, число которых намного превосходило число их собственных солдат. Также было объявлено о приближении египетской армии, и страх перед новой опасностью закрыл их сердца от жалости. На их совете был вынесен смертный приговор всем мусульманам, которые остались в городе.^[183]

Фанатизм, но слишком хорошо поддерживал эту варварскую политику. Все враги, которых человечество или усталость от резни поначалу пощадили, и даже те, кого спасли в надежде на богатый выкуп, были убиты. Они заставляли сарацин бросаться с крыш башен и домов; они заставляли их погибать в огне; они вытаскивали их из их подземных убежищ в общественные места и там приносили в жертву на грудах трупов. Ни слезы женщин, ни крики младенцев, ни даже вид того самого места, где Христос простил своих палачей, не могли смягчить сердца разгневанных победителей. Резня была настолько масштабной, что, согласно отчету Альбера д'Экс, тела были свалены в кучи не только во дворцах, храмах и на улицах, но даже в самых уединенных местах. Жажда мести и фанатизм были таковы, что эти сцены, по-видимому, не вызывали отвращения у тех, кто их наблюдал. Современные историки описывают их, не думая о том, чтобы оправдать, и среди перечисления самых отвратительных подробностей никогда не допускают, чтобы от них ускользнуло ни единое выражение ужаса или жалости.^[184]

Те немногие крестоносцы, которые сохранили хоть какие-то человеческие чувства, были не в силах сдержать ярость армии, которая думала, что мстит за поруганную религию. Триста сарацин, укрывшихся на платформе мечети Омара, были принесены в жертву на следующий день после завоевания, несмотря на молитвы Танкреда, который прислал им свое знамя для защиты и был возмущен, обнаружив, что так мало уважения уделяется законам чести и рыцарства.^[185] Сарацины, отступившие в крепость Давида, были почти единственными людьми, избежавшими смерти. Раймонд принял их капитуляцию и имел счастье и славу привести ее в исполнение; но этот гуманный поступок показался большей части крестоносцев настолько странным, что они выразили не столько восхищение щедростью графа де Сен-Жиля, сколько презрение к его скупости.^[186]

Резня не прекращалась до конца недели. Те сарацины, которые смогли ускользнуть от преследования в течение этого периода, были оставлены для службы в армии. Восточные и латинские историки сходятся в том, что число мусульман, убитых в Иерусалиме, составляло более семидесяти тысяч. Евреи встретили не больше милосердия, чем сарацины. Солдаты подожгли синагогу, в которой они укрывались, и все погибли в огне.

Но начали опасаться, что тела, скопившиеся в общественных местах, и кровь, залившая мечети и улицы, могут вызвать эпидемии, и лидеры отдали приказ очистить улицы и убрать с их глаз зрелище, которое теперь, когда ярость и фанатизм были удовлетворены, должно было быть для них отвратительным. Некоторым мусульманским пленникам, которые избежали меча завоевателей только для того, чтобы попасть в ужасное рабство, было приказано похоронить изуродованные тела своих друзей и братьев. “Они плакали”, - говорит Роберт Монах,^[187] “и вынесли трупы из Иерусалима”. В этом печальном деле им помогали солдаты Раймонда, которые, войдя в город последними, не получили большой доли добычи и стремились увеличить ее, тщательно обыскивая тела сарацин.

Вскоре город Иерусалим представил новое зрелище. Всего за несколько дней в нем сменились жители, законы и религия. Перед последним штурмом было решено, согласно обычаю крестоносцев во время их завоевательных походов, что каждый воин должен оставаться хозяином дома или сооружения, в котором он должен появиться первым. Крест, щит или любой другой знак, прикрепленный к двери, был для каждого из завоевателей хорошим титулом владения. Это право собственности уважалось каждым солдатом, каким бы жадным до грабежей он ни был, и вскоре в городе, еще недавно пережившем все ужасы войны, воцарился величайший порядок. Победа обогатила большую часть крестоносцев. Победители поделились провизией и богатствами, которые они нашли, и у тех, кому не повезло в разграблении, не было причин жаловаться на своих товарищей. Часть сокровищ была потрачена на помощь бедным, на содержание сирот и на украшение алтарей, которые они освободили от мусульман.

Танкред получил в качестве своей доли все богатства, найденные в мечети Омара. Среди этих богатств были двадцать золотых канделябров, сто двадцать серебряных, большая лампа,^[188] и множество других украшений из тех же металлов. Эта добыча была настолько значительной, что ее хватило бы, как утверждают историки, на погрузку шести колесниц, и Танкреду потребовалось два дня, чтобы вывезти ее из мечети. Итальянский герой отдал часть этого своим солдатам, а другую - Годфри, к службе которому он присоединился. Он раздавал обильную милостыню и передал пятьдесят золотых марок в руки латинского духовенства на восстановление и украшение церквей.

Но крестоносцы вскоре отвели глаза от сокровищ, дарованных им победой, и стали восхищаться завоеванием, гораздо более ценным по их мнению; это был истинный крест, который был унесен из Иерусалима Косроэсом и возвращен Ираклием. Христиане, запертые в городе, спрятали его от сарацин во время осады. Вид этого сооружения вызвал у паломников самые живые эмоции. “От этой вещи, - говорится в старой хронике, - христиане пришли в такой восторг, как если бы увидели тело Христа, повешенное на ней”. Его с триумфом пронесли по улицам Иерусалима, а затем вернули на место в церкви Воскресения Христова.

Через десять дней после своей победы крестоносцы занялись восстановлением трона Давида и Соломона и посадкой на него лидера, который мог бы сохранить завоевание, достигнутое христианами ценой стольких кровопролитий. Когда был собран совет князей, один из исторических лидеров - граф Фландрский) встал посреди них и заговорил в следующих выражениях:^[189] “Братья и товарищи; мы собрались, чтобы обсудить дело величайшей важности; никогда еще мы так не нуждались в мудрых советах и вдохновении небес. В обычные времена желательно, чтобы власть находилась в руках наиболее способных; с тем большим основанием тогда мы должны искать человека, наиболее достойного управлять этим

королевством, все еще в значительной степени находящимся во власти варваров. Нам уже сообщили, что египтяне угрожают этому городу, для которого мы собираемся выбрать хозяина. Большой части христианских воинов не терпится вернуться в свою страну и переложить на других заботу о защите своих завоеваний. Тогда у новых людей, которые будут населять эту землю, не будет по соседству других христианских народов, которые могли бы помочь им в их нужде или утешить их в их позоре. Их враги рядом с ними, их союзники за морями. Король, которого мы им дадим, будет их единственной поддержкой среди опасностей, которые будут их окружать. Тот, кто призван управлять этой страной, должен обладать всеми качествами, необходимыми для поддержания своего положения со славой; он должен сочетать в себе храбрость, присущую франкам, умеренность, добросовестность и человечность; ибо вы знаете, что такими добродетелями великие княжества приобретаются и удерживаются так же хорошо, как оружием. Давайте не будем забывать, братья и сподвижники, что наша сегодняшняя цель - не столько избрать короля для Иерусалима, сколько даровать ему верного хранителя. Тот, кого мы выберем в качестве лидера, должен быть как отец для всех тех, кто покинул свою страну и свои семьи ради служения Иисусу Христу и защиты святых мест. Он должен сделать так, чтобы добродетель процветала на этой земле, где сам Бог дал ей образец; он должен привлечь неверных к христианской религии, приучить их к нашим манерам и научить их благословлять наши законы. Если вы выберете того, кто недостойн, вы разрушите свою собственную работу и нанесете ущерб христианскому имени в этой стране. Мне нет необходимости напоминать вам о подвигах или трудах, которые привели нас во владение этой территорией; я не буду напоминать вам о самых заветных желаниях наших братьев, оставшихся на Западе. Каково было бы их горе, каково было бы наше, если бы по возвращении в Европу мы услышали, что общественным благом пренебрегли и его предали, или что религия упразднена в этих местах, где мы восстановили ее алтари? Многие тогда не преминули бы приписать удаче, а не добродетели, те великие дела, которые мы совершили, в то время как зло, которому подвергнется это королевство, сошло бы в глазах людей за плод нашей неосторожности.

Не верьте, однако, братья и товарищи, что я говорю так потому, что честолюбиво стремлюсь к царственности и добиваюсь вашей благосклонности или избирательных прав. Нет, у меня недостаточно самонадеянности, чтобы претендовать на такую честь; я призываю Небо и людей в свидетели, что, даже если бы вы предложили мне корону, я бы не принял ее, решив вернуться в свою страну. То, что я сказал вам, предназначено только для всеобщего блага и славы. Что касается остального, я умоляю вас принять этот совет так, как я даю его вам, с любовью, откровенностью и лояльностью, и избрать королем того, кто благодаря своей добродетели будет наиболее способен сохранить и расширить это королевство, с которым связаны как честь вашего оружия, так и дело Иисуса Христа ”.

Едва граф Фландрский замолчал, как все остальные военачальники осыпали его самыми горячими похвалами за его благоразумие и добрые чувства. Большинство из них даже подумывали предложить ему честь, от которой он отказался, ибо тот, кто в таких обстоятельствах отказывается от короны, всегда оказывается наиболее достойным ее; но Роберт выражался откровенно и добросовестно; он страстно желал вернуться в Европу и был удовлетворен честью носить титул “Сына Святого Георгия”, который достался ему за подвиги в священной войне.

Среди лидеров, которые могли бы быть призваны править Иерусалимом, мы должны поставить в первый ряд Готфрида, Раймонда, герцога Нормандии, и Танкреда. Единственной целью Танкреда была ратная слава, и он ставил титул рыцаря намного выше титула короля. Герцог Нормандии также проявил больше храбрости, чем честолюбия; после того как он презрел английское королевство, он, вероятно, не стремился завоевать Иерусалим. Если мы можем верить английскому историку, [190] он мог бы получить голоса своих товарищей; но он отказался от трона Давида из-за лени, которая так раздражила Бога против него, говорит тот же автор, что впоследствии у него ничего не получалось в течение оставшейся части его жизни. Граф Тулузский дал клятву никогда не возвращаться в Европу, но его соратники опасались его упрямого и амбициозного характера; и хотя некоторые авторы утверждают, что он отказался взойти на трон из-за своего преклонного возраста, все заставляет нас полагать, что христиане боялись видеть его королем.

Мнения руководителей и армии были различными и неопределенными. Духовенство настаивало на том, чтобы патриарх был назначен до избрания короля; принцы вовсе не были согласны между собой, и из числа крестоносцев некоторые хотели бы выбрать того, за кем они следовали во время священной войны, в то время как другие, подобно провансальцам, которые не испытывали привязанности к графу Сен-Жилью и не желали оставаться в Азии, приложили все свои усилия, чтобы удержать корону Иерусалима у принца, под знаменами которого они служили.

Чтобы прекратить дебаты, было решено, что выбор должен сделать специальный совет из десяти самых уважаемых военнослужащих. Были предписаны молитвы, посты и милостыня, чтобы умиловить Небеса и направить их в том направлении, которое они собирались совершить. Те, кто был призван избрать короля, поклялись в присутствии всей христианской армии не считаться ни с какими интересами или частными привязанностями, но отдать корону мудрости и добродетели. Эти выборщики, имена которых история не сохранила, уделяли самое пристальное внимание выяснению мнения армии о достоинствах каждого из руководителей. Вильгельм Тирский рассказывает, что они зашли так далеко, что даже допросили знакомых партнеров и слуг всех, кто имел какие-либо претензии на корону, и что они заставили их дать клятву раскрыть все, что им было известно о манерах, характерах и тайных склонностях их хозяев. Слуги Годфри Бульонского явили самые поразительные доказательства его мягкости и человечности, но прежде всего его образцовой преданности.

В дополнение к этому почетному свидетельству были подробно описаны подвиги герцога Лотарингского во время священной войны. Они помнили, что при осаде Ниццы он убил самого грозного из сарацин; что он разрубил гиганта от плеча до бедра на мосту в Антиохии и что в Малой Азии он рисковал своей жизнью, спасая солдата, которого одолел медведь. О нем рассказывали о многих других храбрых подвигах, которые в сознании крестоносцев ставили его выше всех остальных соперников. [191]

Годфри был лидером, решительно обладавшим избирательными правами большинства армии и народа; и чтобы он ничего не хотел от выражения их пожеланий своего успеха, были объявлены откровения, которые сам Бог высказал в его пользу. “За много лет до крестового похода, - говорит Альбер д'Экс, - солдат по имени Хезелон де Кинцвейлер, заснул в лесу и, будучи перенесен во сне на вершину Синая, увидел Годфри, покрытого славой, в сопровождении двух небесных посланников, которые объявили ему, что Бог избрал его, как он избрал Моисея, быть

проводником и вождем своего народа”. Писарь Гизельберт ’каноник церкви Святой Марии в Экс-ла-Шапель) рассказал о не менее чудесном видении. Герцог Лотарингский явился ему восседающим на троне самого солнца. Птицы небесные из всех стран и со всех точек горизонта летали вокруг него бесчисленными полчищами. Рассказ об этом явлении сопровождался многими другими обстоятельствами, которые у нас нет места повторять; но крестоносцы, которые были сильно поражены им, не преминули увидеть в троне солнца точное изображение трона Иерусалима, а в птицах небесных - множество паломников, которые придут со всех стран, чтобы воздать честь славному правлению Годфри.[192]

Эти видения, которые презираются в просвещенный век, имели огромную власть над христианской армией и не в меньшей степени, чем личная заслуга принца Бульонского, привлекли к нему всеобщее внимание. При таком настроении общего мнения крестоносцы с нетерпением ожидали решения собора, которое должно было дать Иерусалиму короля.

Наконец выборщики после долгих размышлений и настойчивого запроса всей необходимой информации провозгласили имя Годфри. Это назначение вызвало самую живую радость во всей христианской армии и считалось вдохновением небес. Благодаря данной ему власти Годфри стал хранителем самых дорогих интересов крестоносцев. Каждый из них в какой-то мере доверил ему свою собственную славу, поручив ему присматривать за их завоеваниями и направлять их. Они с триумфом проводили его в церковь Гроба Господня, где он принес клятву уважать законы чести и справедливости. Он отказался от диадемы и знаков отличия королевской власти, заявив, что никогда не примет золотую корону в городе, в котором Спаситель мира был увенчан терновником. Он удовлетворился скромным титулом защитника и барона Гроба Господня. Утверждалось, что в этом он действовал только в соответствии с инсинуациями духовенства, которое боялось увидеть гордыню восседающей на троне, над которым должен царствовать дух Христа. Как бы то ни было, Годфри своими добродетелями вполне заслужил титул короля, который даровала ему история, и который был ему гораздо более обязан, чем название королевства слабым государствам, которыми ему приходилось управлять.

Поскольку целью войны было торжество религии, духовенство занялось назначением епископов, освящением церквей и отправкой пасторов во все города, подчинившиеся власти христиан. Благочестие и бескорыстие должны были руководить выбором служителей Христа; но после смерти добродетельного Адемара большая часть латинских священнослужителей, не сдерживаемая более его примером, забыла смирение и простоту своего исповедания. Если верить Вильгельму Тирскому, его обращение и интриги открыто завоевали голоса избирателей, и дух религии, который только что дал Иерусалиму хорошего короля, не смог обеспечить ему прелатов, уважаемых ни за их мудрость, ни за их добродетели. Духовенство, осмелившееся своими интригами помешать выборам короля, возвысило свои притязания до уровня верховной власти в городе и с высокомерием претендовало на большую часть добычи, отвоеванной у неверных.[193] Греческие священники, несмотря на свои права, были принесены в жертву честолюбию римского духовенства, как это было в городе Антиохии. Капеллан герцога Нормандского добился того, чтобы его выдвинули на пост патриарха Иерусалимского вместо Симеона, который призвал воинов с Запада. Симеон все еще находился на острове Кипр, откуда он постоянно отправлял провизию крестоносцам во время осады. Он умер в тот момент, когда латинские священнослужители ссорились из-за его добычи, и его смерть пришлась очень кстати, чтобы оправдать их несправедливость и неблагодарность. Арнольд, чья нравственность

вызывала более чем подозрения и чье поведение заслуживало порицания самых серьезных историков, был назначен пастором Иерусалимской церкви.

Тем временем слава о завоевании святого города разнеслась по всем соседним странам. Во всех церквях, основанных крестоносцами во время их перехода, возносилась благодарность Богу за победу, которая обязательно должна была привести к торжеству богослужения и законов Христа на Востоке. Христиане Антиохии, Эдессы и Тарса, а также те, кто населял Киликию, Каппадокию, Сирию и Месопотамию, толпами приходили в Иерусалим, одни с целью обосноваться там, другие - посетить святые места.

В то время как верующие радовались своей победе, мусульмане предались отчаянию. Те немногие, кто спасся от мечей крестоносцев, сеяли ужас повсюду, куда бы они ни пошли. Историк Абул-Махакам, Эльмаджин и Абул-Феда описали запустение, царившее в Багдаде. Зеймеддин, кади из Дамаска, вырвал себе бороду в присутствии халифа. Весь диван плакал, слушая рассказ о несчастьях Иерусалима. Были предписаны посты и молитвы, чтобы смягчить гнев небес. Иманы и поэты в патетических стихах и проповедях оплакивали судьбу мусульман, ставших рабами христиан. “Какая кровь, - говорили они, - еще не пролилась? Какие бедствия[194] не постигли истинно верующих? Женщины были вынуждены спасаться бегством, пряча свои лица; дети пали от мечей завоевателей; и для наших братьев, еще недавно владевших Сирией, не осталось другого убежища, кроме спин их верблюдов или внутренностей стервятников”.

Багдадскому халифу, лишенному своей власти, нечего было предложить, кроме своих молитв и слез за дело мусульман. Победы христиан нанесли смертельный удар династии Сельджукидов. Персидский султан, удалившийся на окраину Корасана, был занят умиротворением гражданских войн и почти не думал об эмирах Сирии, которые свергли его власть и разделили между собой его добычу. Большая часть эмиров ссорилась между собой из-за городов и провинций, которым угрожали воины Запада. Раздоры, сопровождающие падение империй, повсюду сеяли смуту и раскол среди неверных; но таково было их горе, когда они узнали о завоевании Иерусалима христианами, что они объединились, оплакивая надругательства, совершенные над религией Магомета. Сирийские турки и жители Дамаска и Багдада возложили свою последнюю надежду на каирского халифа, которого они так долго считали врагом пророка, и толпами пришли присоединиться к египетской армии, наступавшей на Аскалон.

В Иерусалиме вскоре узнали, что эта армия достигла Газы, древней страны филистимлян. Годфри немедленно известил об этом своего брата Юстаса и Танкреда, которые покинули город, чтобы отправиться во владение Наплузом. Он настаивал на том, чтобы другие лидеры крестового похода объединились с ним и выступили навстречу сарацинам. Герцог Нормандии сначала отказался последовать за ним, утверждая, что его обет выполнен; а граф Тулузский, который был вынужден уступить королю крепость Давида, которая, как он утверждал, принадлежала ему по праву завоевания, с высокомерием отверг мольбы Готфрида и воспринял известие о приближении сарацин как басню.

Отказ герцога Нормандии и Раймонда не помешал Годфри начать свой поход, за ним последовали Танкред, граф Фландрии, и несколько других военачальников. По пути они узнали, что армией неверных командует эмир Афдал, тот самый, что отнял Иерусалим у турок. Под

знаменами этого полководца было почти бесчисленное множество мусульман с берегов Тигра и Нила, с берегов Красного моря и с оконечностей Эфиопии. Из портов Александрии и Дамьетты вышел флот, груженный всевозможными припасами и машинами, необходимыми для осады Иерусалима.

Афдал дал торжественную клятву перед халифом навсегда уничтожить власть крестоносцев в Азии и полностью разрушить Голгофу, гробницу Христа и все памятники, почитаемые христианами.

Марш и намерения Афдала вскоре вселили ужас в Иерусалим. Раймонда и герцога Нормандии снова заставили присоединиться к христианской армии. Женщины, старики и священники со слезами умоляли двух принцев сжалиться над священным городом, который они освободили. Они представляли им роковые последствия их бездействия, которые сделали бесполезными все труды крестоносцев и навсегда закрыли двери Востока для паломников. Они сказали им, что голоса всех народов Запада поднимутся против них, и кровь христиан будет на их головах. Наконец Роберт и Раймонд позволили уговорить себя и двинулись со своими войсками на соединение с Годфри. Новый патриарх пожелал последовать за ними, неся с собой древо истинного креста, вид которого, как и святого копья, удвоил энтузиазм и храбрость крестоносцев.

Все христиане, способные носить оружие, покинули Иерусалим, чтобы идти сражаться с мусульманами. В святом городе остались только женщины, больные и часть духовенства, которые во главе с Петром Отшельником днем и ночью возносили молитвы к Небу, чтобы добиться триумфа защитников святых мест и последнего поражения врагов Христа.

Христианская армия, которая сначала собралась в Рамле, продвинулась по песчаной местности и расположилась лагерем на берегах потока Сорекс, на равнине Сафья, или Серфенд, расположенной между Яффой и Аскалоном. На следующий день после того, как христиане прибыли на эту равнину, они увидели вдалеке, около семи часов вечера, огромное множество людей, которые они приняли за армию врага. Двести всадников, отправленных на разведку, вскоре вернулись, однако, с приятной вестью, что множество людей, которых они приняли за египетскую армию, было не чем иным, как стадом волов и верблюдов. Столь богатая добыча поначалу пробудила алчность солдат, но благоразумный Годфри, не видевший в этом обстоятельстве ничего, кроме хитрости врага, направленной на то, чтобы привести христианскую армию в беспорядок, запретил своим солдатам покидать свои ряды. Другие вожди, по его примеру, попытались обуздать людей, находившихся под их командованием, и все остались непоколебимы под их знаменами.

Крестоносцы узнали от некоторых взятых ими в плен, что враг расположился лагерем в трех лигах от них и что они готовятся прийти и напасть на христианскую армию. Получив этот совет, вожди приняли решение принять неверных. Армия была разделена на девять дивизий и образовала нечто вроде квадратного батальона, чтобы при необходимости иметь возможность противостоять врагу в любой точке. Крестоносцы провели ночь с оружием в руках. На следующее утро (это был канун Успения) герольды возвестили звуком трубы, что они собираются дать бой неверным. На рассвете крестоносцы получили благословение иерусалимского патриарха. Древо истинного креста пронесли по рядам и показали солдатам как верный залог победы. Затем военачальники подали сигнал, все знамена были развернуты, и армия двинулась навстречу сарацинам.

Чем ближе христиане приближались к египетской армии, тем больше они преисполнялись уверенности и надежды. Барабаны, цимбалы, гимны и военные песни воодушевляли их на битву. По словам Альбера д'Экс, они шли навстречу врагу, как на веселый пир. Эмир Палестины, следовавший за армией в качестве вспомогательного войска, не мог в достаточной степени восхититься, если можно верить историкам, этой радостью воинов креста при приближении опасности. Он пришел выразить свое удивление королю Иерусалима и поклялся перед ним принять религию, которая могла дать столько силы и храбрости ее защитникам.

Вскоре христиане прибыли на равнину Аскалон. Эта огромная равнина ограничена горами с востока и юга и простирается на западе до моря. На побережье был расположен город Аскалон, над которым развевались мусульманские штандарты. На краю равнины была выстроена египетская армия, за которой виднелись море и горы. Крестоносцы наступали двумя линиями; граф Тулузский командовал правым крылом, два Роберта и Танкред были поставлены слева. Годфри командовал резервным корпусом, который должен был одновременно сдерживать гарнизон Аскалона и сражаться с армией Египта.

Пока христианская армия таким образом маршировала в боевом порядке, стадо волов и верблюдов, которых они встретили на своем пути, зашло им в тыл и следило за всеми их передвижениями. Беспорядочный рев этих животных, смешанный со звуком барабанов и труб, а также облака пыли, поднимавшиеся под их шагами, заставляли принимать их за конные эскадроны, и мусульмане были убеждены, что христианская армия многочисленнее их собственной. Они были выстроены в две шеренги, как крестоносцы. Турки из Сирии и Багдада были справа; мавры и египтяне - слева; эмир Афдал занимал центр с основными силами египетских войск. Эта армия занимала огромное пространство и, по словам Фульше де Шартр, подобно оленю, выставляющему свои ветвистые рога, расправила крылья, чтобы охватить христиан; но внезапный ужас заставил ее застыть на месте.

Тщетно эмир пытался пробудить мужество в своих солдатах. Они воображали, что миллионы крестоносцев прибыли с Запада; они забыли и свои клятвы, и свои угрозы и помнили только о судьбе мусульман, принесенных в жертву после завоевания Иерусалима.

Прежде чем вступить в бой, все крестоносцы, полностью вооруженные, упали на колени, моля о защите Небес; и, поднявшись, полные рвения и надежды, выступили против сарацин. Если верить самым правдивым историкам, у них было не более пятнадцати тысяч пеших и пяти тысяч всадников. Когда они приблизились на расстояние выстрела из лука, пехотинцы произвели несколько выстрелов дротиками, в то же время кавалерия, увеличив скорость, ринулась на ряды противника. При этой первой атаке герцог Нормандский, граф Фландрский и Танкред прорвались через центр египтян. Герцог Роберт, сопровождаемый своими самыми храбрыми рыцарями, проник к месту, где сражался Афдал, и завладел большим знаменем неверных. Пешие воины последовали за конницей в схватку и отбросили свои луки и дротики, чтобы пустить в ход меч и пику - оружие, гораздо более страшное для мусульман.

Со всех сторон сарацины пришли в беспорядок. Ближе к концу битвы Годфри пришлось сразиться с отрядом эфиопов, которые преклонили одно колено до земли, чтобы пустить в ход свои дротики, а затем, вскочив, бросились на крестоносцев с длинными цепями, вооруженными железными шарами. Этот грозный батальон не мог в одиночку противостоять

копьям христиан и вскоре был рассеян. Непреодолимый ужас, казалось, парализовал руки мусульман. В то время как король Иерусалима преследовал эфиопов и мавров, которые бежали к горам в окрестностях поля битвы, сирийцы и арабы, сражавшиеся на левом фланге, были разбиты графом Тулузским. Под горячим натиском победителей многие из них бросились в море и погибли в волнах; другие искали убежища в городе Аскалоне, и таково было их рвение, и так многочисленны они были, что две тысячи были раздавлены насмерть на подъемном мосту. Среди всеобщего бегства Афдал был на грани того, чтобы попасть в руки победителей; и, оставив свой меч на поле битвы, с большим трудом овладел Аскалоном. Историки добавляют, что когда со стен этого города он созерцал гибель своей армии, он пролил поток слез. В своем отчаянии он проклял Иерусалим, причину всех своих зол, и проклял Магомета, которого обвинил в том, что он бросил своих слуг и учеников.

Это был день ужаса и смерти для мусульман. С самого начала битвы у неверных, которые ранее горели жаждой мести, казалось, не было другой цели, кроме как спастись бегством от врага, который не щадил побежденных. В смертельном страхе они опустили оружие и позволили убить себя, не оказав ни малейшего сопротивления. Их перепуганная толпа неподвижно стояла на поле битвы, и меч, по выражению современника,^[195] косил их, как полевую траву. Некоторые бросились на землю и спрятались среди куч убитых, в то время как другие нырнули в пещеры или вскарабкались на скалы или деревья, где их сбивали стрелами, как птиц.^[196] Афдал, который не верил, что находится в безопасности в Аскалоне, поднялся на борт флота, прибывшего из Египта. Ближе к середине состязания все египетские суда, находившиеся у берега, распустили паруса и вышли в открытое море. С этого момента у рассеянной армии этих неверных, которые, как они говорили, должны были освободить Восток, не осталось никакой надежды на спасение и число которых было так велико, что, по выражению древних историков, только Богу было известно их число.^[197]

Такова была эта битва, чудеса которой поэзия с удовольствием воспевают, но которая на самом деле была не чем иным, как легкой победой христиан, в которой фанатизм не имел даже малейшей доли. В этот день присутствие небесных легионов не воодушевило батальоны крестоносцев, и мученикам Святому Георгию и святому Димитрию, которых, как они всегда считали, они видели в большой опасности, не довелось присутствовать в этой битве. Христиане, должно быть, усвоили из этого *столкновения*, что их новых противников следует опасаться гораздо меньше, чем турок. Египетская армия состояла из множества различных народов, которые были разделены между собой; большая часть мусульманских войск была набрана в спешке и сражалась впервые. Армия крестоносцев, напротив, была доказана многими победами, и их предводители были столь же искусны, сколь и храбры. Смелое решение, которое принял Годфри, отправившись навстречу врагу, подняло уверенность солдат и помогло посеять страх и беспорядок среди египтян.^[198]

Если верить Вильгельму Тирскому и Роберту Монаху, христиане не потеряли ни одного всадника. Они могли бы стать хозяевами Аскалона, но отсутствие единства среди лидеров помешало им должным образом воспользоваться своей победой.^[199]

После разгрома врага Раймонд послал туда гонца, чтобы призвать гарнизон сдаться.^[200] Он хотел водрузить свой штандарт на стенах города и сохранить завоевание за собой. С другой стороны, Годфри заявил о своих правах на владение им и утверждал, что Аскалон должен стать частью Иерусалимского королевства. Дебаты стали очень жаркими. Граф Тулузский,

обнаруживший, что все предводители христианской армии настроены против него, не прислушивался ни к чему, кроме диктата своего слепого гнева; он посоветовал гарнизону защищаться и выступил со своими войсками, чтобы вернуться в Иерусалим. Годфри, после дезертирства Раймонда, тщетно пытался осадить город. Большая часть крестоносцев, которым не терпелось вернуться в свою страну, покинула его знамена; и, заставив жителей и гарнизон Антиохии заплатить ему значительную сумму, он был вынужден последовать за ними в Иерусалим.

Ссора, начавшаяся между Раймундом и Годфри перед Аскалоном, возобновилась через несколько дней перед городом Арсуф, расположенным у моря, в двенадцати милях к северу от Рамлы. Граф Сен-Жиль, выступивший первым со своими войсками, предпринял осаду этого места, но, встретив упорное сопротивление, снял осаду и продолжил свой марш, предварительно предупредив гарнизон, что им нечего бояться короля Иерусалима. Вскоре после этого Годфри, осадив город, обнаружил, что сарадины полны решимости защищаться, и когда он узнал, что их сопротивление было плодом советов Раймонда, он не смог сдержать своего гнева и решил отомстить за это оскорбление кровью своего соперника. Он выступил с выставленными напоказ знаменами против графа де Сен-Жиля, который, со своей стороны, был готов встретиться с ним и приготовился к конфликту. Христиане были готовы дойти до крайности, когда оба Роберта и Танкред бросились между Раймундом и Годфри и употребили все свои усилия, чтобы умиротворить их. После долгих препирательств два соперника, побежденные молитвами других вождей, обнялись в присутствии своих солдат, которые принимали участие в их вражде.

Примирение было искренним с обеих сторон. Благочестивый Годфри, говорит Альбер д'Экс, заклинал своих товарищей забыть о раздоре, вспыхнувшем среди христианских воинов, и со слезами на глазах умолял их вспомнить, что они вместе освободили святую гробницу, что все они братья во Христе и что согласие все еще необходимо для защиты Иерусалима. Когда жители Арсуфа узнали, что предводители христианской армии примирились, они раскаялись в своем сопротивлении и обязались заплатить дань Годфри.[\[201\]](#)

Получив заложников в качестве гарантии соблюдения договора, Годфри, за которым последовали все остальные вожди, покинул территорию Арсуфа, чтобы вернуться в Иерусалим. Христианская армия была нагружена огромной добычей. Он выступил в поход, сопровождаемый стадами скота, которых встретил на берегах Сорека, и привез все богатства, найденные в лагере неверных. Когда они приблизились к Иерусалиму, затрубили все трубы и были развернуты их победоносные знамена. Толпа паломников, вышедших им навстречу, наполнила воздух радостными песнями; эти живые выражения радости смешивались с гимнами священников; эхо, по словам Роберта Монаха, повторяло звуки боевых инструментов и возгласы христиан и, казалось, подтверждало слова Исайи: *“Горы и возвышенности будут петь перед вами хвалу Господу”*. Крестоносцы с триумфом вошли в святой город. Большое знамя и меч султана были подвешены на колоннах храма Гроба Господня. Все паломники, собравшиеся в тех самых местах, которые эмир Афдал поклялся полностью уничтожить, возблагодарили Небеса за победу, увенчавшую все их труды.

Победа при Аскалоне была последней в этом крестовом походе. Наконец, освобожденные от своих обетов, после четырех лет трудов и опасностей, князья крестового похода покинули Иерусалим, единственным средством защиты которого теперь были триста рыцарей, мудрость

Готфрида и меч Танкреда, решившего закончить свои дни в Азии. Некоторые отправились в Средиземное море, в то время как другие прошли маршем через Сирию и Малую Азию. Они прибыли на Запад с пальмовыми ветвями в руках и по пути распевали победные гимны. Их возвращение рассматривалось как чудо, своего рода воскрешение, и на их присутствие повсюду смотрели как на предмет назидания и энтузиазма. Большинство из них было разорено священной войной, но они привезли с Востока драгоценные реликвии, которые были в глазах верующих настоящим сокровищем.[\[202\]](#) Их слушатели никогда не уставали слушать рассказ об их трудах и подвигах. Слезы, несомненно, смешивались с восторгом и радостью, когда они говорили о своих многочисленных товарищах, которых смерть унесла в Азию. Не было семьи, которая не оплакивала бы защитника креста или не прославила бы себя тем, что обрела мученика на небесах. Древние хроники воспевали героическую преданность Иды, графини Эно, которая совершила путешествие на Восток и преодолела все опасности в поисках своего мужа. Посланный крестоносцами к Алексею, граф Эно со всей своей свитой исчез, и никто не смог сказать, какова была их судьба. Одни говорили, что они все еще были пленниками у турок, другие - что они были убиты. Ида искала их во многих странах Азии, но вернулась во Францию, не получив никаких известий о своем муже.[\[203\]](#)

Граф Тулузский, поклявшийся никогда не возвращаться на Запад, отправился в Константинополь, где император принял его с почестями и подарил ему город Лаодикию. Раймонд Оранский решил разделить судьбу графа Тулузского и закончить свои дни на Востоке. Среди рыцарей, сподвижников Раймона де Сен-Жиля, вернувшихся в свою страну, мы не должны забывать Стефана и Питера де Сальвьак де Вьель Кастель, которых их эпоха считает образцами братской любви. Стивен и Питер де Сальвьак были близнецами, и самая нежная привязанность объединяла их с младенчества. Петр принял крест на соборе в Клермоне, а Стефан, хотя и был женат и отцом нескольких детей, решил последовать за своим братом в Азию и разделить с ним опасности столь долгого путешествия. Во всех битвах их видели сражающимися бок о бок, и они вместе присутствовали при осадах Ниццы, Антиохии, и Иерусалима. Вскоре после их возвращения в Ле-Керси они оба умерли на одной неделе и были похоронены в одной могиле. На их могиле до сих пор можно прочесть эпитафию, которая передала нам память об их подвигах и их трогательной привязанности. Гастон де Беарн вернулся с ними в Европу; но несколько лет спустя, вернувшись в свои владения, он снова поднял оружие против неверных и погиб в Испании, сражаясь с маврами.

Петр Отшельник, вернувшись в свою страну, скрылся от нетерпеливого любопытства верующих и заперся в монастыре, который он основал в Хае.[\[204\]](#) Он жил там в смирении и покаянии и был похоронен среди кенобитов, которых он назидал своими добродетелями. Юстас, брат Годфри и Болдуина, вернулся, чтобы вступить во владение скромным наследством семьи, и больше не доставлял хлопот славе своими подвигами. Ален Ферджент, герцог Бретани, и Роберт, граф Фландрии, вернулись в свои государства, исправили зло, причиненное их отсутствием, и умерли, опечаленные своими подданными.[\[205\]](#)

Герцогу Нормандскому повезло меньше, чем его спутникам. Вид святых мест или долгая череда трудов и зол, которые он претерпел во имя религии, никак не повлияли на его ленивый, нерешительный характер. Возвращаясь из Святой Земли, он проехал через Италию, где влюбился в Сибиллу, дочь графа Конверсаны, и позволил своей страсти задержать его в своем герцогстве более чем на год. Из-за этой задержки он упустил возможность взойти на английский трон, на который после смерти его брата Уильяма Руфуса, его рождения и великой

славы, которую он приобрел в крестовом походе, давал ему несомненное право. Когда, наконец, он вернулся в Нормандию, его встретили с восторгом и радостью; но, вновь взяв бразды правления в свои руки, он не проявил ничего, кроме слабости; он всецело предался разврату и окружил себя никем иным, как распущенными, жадными придворными, которые навлекли на него ненависть его подданных. Его брат Генрих I, сменивший Вильгельма Руфуса, воспользовался униженным положением Роберта и презрением, в которое он впал, чтобы завладеть Нормандией. В конце битвы этот несчастный принц был взят в плен своим братом, который с триумфом привел его в Англию и заточил в замке Кардифф, в провинции Гламорган. Воспоминание о его подвигах в Святой Земле несколько не смягчило его несчастий. После двадцати восьми лет плена он умер, забытый своими подданными, союзниками и древними спутниками его славы.

Возвращение крестоносцев и рассказ об их завоеваниях вызвали большой энтузиазм и возобновили стремление к крестовым походам и паломничествам среди народов Запада. Теперь они были охвачены не страстью к освобождению святых мест, а желанием посещать их и защищать. Европа во второй раз продемонстрировала сцены, последовавшие за Клермонским собором; были услышаны новые речи и рассказаны о новых чудесах. Города, земли и замки снова были выставлены на продажу. Тот, кто предпочел покой и свою страну славе святого паломничества, считался очень теплым христианином; в то время как все, кто покинул знамя крестового похода, были объектами презрения в глазах верующих, и им угрожали громы Церкви.

Был поднят всеобщий крик против брата короля Франции, которого нельзя было простить за то, что он трусливо бросил христианскую армию и вернулся в Европу, так и не увидев Иерусалима. Стефану, графу Шартра и Блуа, не позволили оставаться в мире в своих государствах и семье; его народ был поражен его позорным дезертирством, а его жена Адела упрекнула его в том, что он уклоняется от религиозных и рыцарских обязанностей. Эти несчастные принцы и все, кто покинул знамена священной войны, были вынуждены покинуть Францию и снова отправиться в Азию.

Многие принцы и бароны, не разделявшие энтузиазма первых крестоносцев, обвинили себя в преступном безразличии и были втянуты в общее движение. Среди этих последних был Вильгельм IX, граф Пуатье, родственник императора Германии и самый могущественный вассал короля Франции. Дружелюбный и умный принц, совсем не воинственного характера, он покинул "посох пилигрима", сладострастный и галантный двор, который он часто услаждал своими песнями. Он принял на себя крест в Лиможе и отправился на Восток в сопровождении множества своих вассалов, среди которых было огромное количество женщин и молодых девушек.^[206] Его примеру последовали Вильгельм, граф Неверский, Орпен, граф Буржский, и Эуд, герцог Бургундский. На этого последнего принца, возможно, повлияло не столько желание посетить Иерусалим, сколько его стремление вернуть останки своей дочери Флорины, которая была убита вместе со Свено в Малой Азии.

В Италии Альберт, граф Бландрасский, и Ансельм, архиепископ Миланский, встали во главе бесчисленного множества паломников. Германия стала свидетелем отъезда Конрада, маршала императора Генриха, Вольфа IX, герцога Баварского, принцессы Иды, маркграфини Австрии, и множества лордов и рыцарей.

В этой новой экспедиции, как и в первой, многими крестоносцами руководило желание искать приключений и посещать чужие страны. Блестящий успех Балдуина, Бозмунда и Годфри пробудил честолюбие баронов, оставшихся в Европе. Гумберт II, граф Савойи, отправившийся в Святую Землю вместе с Гуго Великим, сделал пожертвование монахам Бурже, чтобы по их молитвам получить счастливое учреждение (*консульство*) в своем заграничном путешествии.^[207] Многие лорды и рыцари делали аналогичные пожертвования, в то время как другие основывали монастыри и церкви, отправляясь в путь с надеждой, что Бог благословит их оружие и позволит им приобрести богатые княжества на Востоке.

Крестоносцы собрались в несколько отрядов и, пересекши территории венгров и болгар, объединились под стенами Константинополя в количестве двухсот тысяч человек. Эти новые паломники повторили сцены насилия, которые так серьезно встревожили Алексия во время первой экспедиции. Греческий император, верный своей политике, противостоял силе хитростью; он льстил тщеславию или алчности людей, которых не мог покорить, и очень дорого заплатил за неискреннее почтение руководителей крестового похода. Он призвал к себе на помощь Раймонда, который в то время находился в своем правительстве в Лаодикии. Присутствие и убедительные речи графа Тулузского на несколько дней успокоили встревоженный дух крестоносцев; и когда они двинулись в поход на Палестину, ему было поручено провести их через Малую Азию.

Среди этой сбитой с толку массы паломников^[208] была толпа монахов, стариков, женщин и молодых девушек. У них не было дисциплины, и они маршировали без всяких предосторожностей или порядка; но у них была такая совершенная уверенность в своем оружии, что, покидая Константинополь, они хвастались, что пойдут на Багдад и вырвут Азию из рук неверных. Их отряд был разделен на три отряда. Во главе первого были герцог Бургундский, граф Шартрский, архиепископ Миланский, граф де Бландрас и Раймон де Сен-Жиль. “Архиепископ Милана, ” говорит Альбер д'Экс, - привез в Азию руку святого Амвросия, которой он благословил крестоносцев. Раймонд носил с собой копье, найденное в Антиохии, к которому он обращался в поисках новых чудес”.

Этот первый отряд, продвигавшийся к Пафлагонии, штурмом взял город Анкира и осадил крепость Ганграс. Гарнизон оказал сильное сопротивление и вынудил христиан отступить. Они испытывали нехватку провизии и питали лишь слабые надежды добыть ее во вражеской стране; и, впадая в уныние, они совершенно неожиданно столкнулись с турецкой армией.

Килидж Арслан, который после взятия Ниццы удалился в Иконию, ставшую столицей его государства, собрал остатки своей армии и набрался сил. Султан Моссула, тот самый Кербога, который тремя годами ранее проиграл битву при Антиохии, присоединился к сыну Солимана и горел желанием снова встретиться с христианами.

Хотя у них обоих было значительное количество войск, поначалу они довольствовались тем, что беспокоили крестоносцев во время их похода. Иногда неверные опережали христиан, опустошали страну и засыпали колодцы и цистерны; в то время как в других случаях они устраивали для них засады и убивали всех, кто отходил от основных сил. Христианская армия сильно пострадала при переходе через ущелья Пафлагонии, а усталость, голод и жажда сильно ослабили силы паломников, когда султаны Моссула и Иконии решили дать им сражение на берегах Галиса.

Раймонд перед сражением пронес чудесное копье по рядам христиан; в то время как архиепископ Миланский, сопровождаемый своим духовенством, продемонстрировал руку святого Амвросия и вознес молитвы о победе; но ни молитвы духовенства, ни вид святого копья, ни даже чудеса доблести, проявленные крестоносцами, не могли обеспечить им триумфа. После кровопролитного конфликта они в большом беспорядке удалились в свой лагерь. Турки, встретившие решительное сопротивление, поначалу не осмелились развить свою победу и удовлетворились тем, что остались хозяевами поля боя и разграбили мертвых. Ночью крестоносцы осознали масштабы своих потерь. Раймонд и другие перепуганные лидеры искали спасения в бегстве. Как только было обнаружено их отсутствие, ужас и отчаяние охватили лагерь христиан; каждый пытался бежать, бросая поклажу, больных и раненых. Вскоре дороги были запружены солдатами, женщинами и детьми, которые смущали друг друга в своем замешательстве и не знали, где они могут встретиться с врагом или где им следует искать христианскую армию. Турки, узнав о своей победе по крикам и стонам, доносившимся с соседних гор, поспешили в лагерь крестоносцев, убивая или беря в плен всех, кого встречали. Затем они яростно преследовали беглецов, безжалостно убивая их. Ночная тьма усугубляла ужасы этой сцены резни. Пилигримы растерялись и, казалось, искали мечи, которых хотели избежать; другие останавливались, измученные усталостью, и ждали смерти как конца своим бедствиям.

Когда наступил день, страна была покрыта окровавленными, разграбленными телами христиан. Раймон де Сен-Жиль, герцог Бургундский, граф Шартрский, граф Бландрас и некоторые другие вожди, бежавшие разными путями, встретились в Синопе, где они едва смогли собрать вокруг себя несколько тысяч человек, остатки армии, которая насчитывала под своими знаменами более ста тысяч паломников.

Вторая армия крестоносцев под предводительством графов де Невер и де Бурж продвинулась до Анкиры и направилась к Гераклею.^[209] Эта армия искала следы того, что ей предшествовало; но вместо того, чтобы найти христиан, они вскоре встретились с победоносной армией турок, которая вышла им навстречу, атаковала их и обратила в бегство. Граф де Невер с большим трудом нашел убежище в Германикополисе. Взяв в проводники нескольких греческих солдат, он был разграблен и брошен ими в пустыне. В течение нескольких дней он подвергался величайшим опасностям и, измученный усталостью, одетый в лохмотья, наконец прибыл в Антиохию, куда его опередила весть о поражении.

Третий отряд, состоявший, согласно авторам того времени, из более чем ста пятидесяти тысяч паломников, выступил из Константинополя по приказу графа Пуатье, герцога Баварского, и Гуго де Вермандуа. Они овладели Филомелией и Самалией и двинулись маршем через опустошенные провинции к городу Станкон, где рассчитывали соединиться с армией графа де Невера. Именно перед этим городом паломники слышали о бедствиях и поражении христианских армий, которые им предшествовали. Они двинулись к Гераклею и вскоре встретились с армией Килиджа Арслана, которая поджидала их на выгодной позиции. Поскольку им больше не на что было надеяться, кроме как на свою храбрость, они не пытались избежать встречи с врагом. Ручей, отделявший христиан от неверных, был сигналом и театром сражения. Крестоносцы, измученные жаждой, толпами устремились к нему. Турки немедленно обрушили на них ливень дротиков и стрел. Две армии вскоре полностью сцепились; но христиане, сражавшиеся в ограниченном и болотистом месте, не могли ни подтянуть свои силы, ни воспользоваться копьем или мечом. Их храбрость и усилия были бесполезны против

искусных маневров Кербоги и Килиджа Арслана. Турки повсюду проникали в христианскую армию; резня была ужасной; едва ли тысяче крестоносцев удалось спастись либо от смерти, либо от рабства. Маркграфиня Австрийская исчезла в суматохе сражения. Некоторые говорят, что она была раздавлена копытами лошадей; в то время как другие утверждают, что она попала в руки врага и отправилась жить и умереть в гареме султана Моссула. Большую часть женщин и молодых девушек, последовавших за христианской армией, постигла та же участь. Граф Вермандуа, пронзенный двумя стрелами, бежал через Ликаонию и прибыл со слабым эскортом в город Тарс, где скончался от полученных ран.

Герцог Баварский и граф Пуатье, после долгого блуждания по пустыням и лесам, почти нагими прибыли в Антиохию, в городе которой были собраны все крестоносцы, спасшиеся после своего поражения. Вожди, собрав воедино остатки своих войск, смогли сформировать армию из десяти тысяч человек, с которой они двинулись на Иерусалим. Пересекая Сирийское море, они взяли город Тортоса, который отдали Раймонду, хотя всего несколько дней назад обвинили его в том, что он был причиной всех их бедствий. По прибытии в Палестину они нашли новых врагов, с которыми им пришлось бороться. Герцог Бургундии[210] и граф Блуа были убиты в битве близ Рамлы. Арпин, граф де Берри,[211] попал живым в руки сарацин и умер в рабстве. Граф де Бландрас, граф Савойский, Вильгельм, граф Пуатье, граф де Невер и герцог Баварский увели лишь небольшое количество своих солдат обратно в Европу.[212]

Таковы основные события первого крестового похода, начало и конец которого были отмечены величайшими бедствиями и который лишил Европу более миллиона человек. Когда мы размышляем о проявленной энергии и силах, задействованных Западом в этой экспедиции, мы сначала удивляемся, что она не увенчалась успехом.

Говоря об этой священной войне, в ходе которой Восток увидел выступившую против него шестисоттысячную армию, часто повторялось, что “Александр завоевал Азию с тридцатью тысячами человек”. Более чем вероятно, что греки, написавшие “Жизнь Александра”, уменьшили численность его войск, чтобы усилить блеск его побед;[213] но, как бы то ни было, следует признать, что экспедиция македонского завоевателя не представляла тех опасностей или тех препятствий, с которыми пришлось столкнуться крестоносцам. Армии, отправившиеся из Греции в Азию, меньше пострадали от перемены климата или от продолжительности и трудностей путешествия, чем те, кто прибыл с окраин Запада. Македонянам во время их вторжения на Восток почти не с кем было бороться, кроме персов, женоподобного народа, ранее несколько раз побеждавшегося греками; в то время как крестоносцам пришлось пройти через толпу неизвестных варварских орд, и когда они прибыли в Азию, то обнаружили в качестве врагов несколько народов-завоевателей.

Греки, участвовавшие в экспедиции Александра, отправились в Азию не для того, чтобы вводить новые законы или изменять нравы и религию народа; они даже переняли кое-что из одежды и обычаев персов, что очень облегчило их завоевания.[214] В крестовых походах, напротив, мы видим две религии, вооруженные одна против другой, что удвоило ненависть сражающихся и запретило всякое сближение. Как только знамя Магомета развевалось над городом, христиане бежали из него; в то время как христианский крест производил такое же действие на мусульман. Поскольку большая часть мусульманских городов, попавших в руки христиан, была покинута, последние были вынуждены заселять завоеванные ими провинции и

истощать свои армии, чтобы основать в некотором роде колонии везде, где их оружие одерживало победу. Если допустить, что нет войн более кровопролитных, чем религиозные, то, безусловно, нет таких, в которых завоевателю было бы труднее расширить или сохранить свои завоевания. Это очень важное наблюдение, если мы хотим оценить результаты этого крестового похода.

Во всех случаях, когда требовалась только храбрость, ничто не может сравниться с подвигами крестоносцев. Сведенные к небольшому числу сражающихся, они одержали победу над своими врагами не меньшую, чем когда состояли из огромных армий. Сорок тысяч христиан овладели Иерусалимом, защищаемым шестидесятитысячным гарнизоном сарацин. Под их знаменами оставалось едва ли двадцать тысяч человек, когда им пришлось сражаться со всеми силами Востока на равнинах Аскалона. Если Александр совершил более великие деяния, и особенно если он покорил большее количество народов, то это было потому, что он командовал дисциплинированной армией, абсолютным лидером которой он был. Всеми его военными и политическими операциями руководил один и тот же разум и одна и та же воля. Этого не было в армии крестоносцев, которая состояла из многих народов и носила в себе роковые зародыши распушенности. Феодалная анархия, охватившая тогда Европу, последовала за защитниками креста в Азию, и тот мятежный дух рыцарей, который постоянно побуждал их прибегать к оружию, был именно тем, что сдерживало и ограничивало их завоевания.

Когда мы думаем об их постоянно возрождающихся разногласиях, о бедствиях, которые были их последствиями, о том избытке храбрости, который заставлял их совершать так много ошибок, о том недостатке предусмотрительности, который они почти всегда проявляли накануне больших опасностей, нас удивляет только одно, а именно то, что они не совсем провалили свое предприятие.

Философия может, с некоторой долей справедливости, противопоставить свои рассуждения чудесам этой войны; но она найдет в ней обильный источник глубоких и новых наблюдений. В нем она увидит человека с его необъяснимыми контрастами; в нем она встретится со страстями, со всем, что их характеризует, со всем, чем они обладают, что наиболее ярко проявляет человеческое сердце и разум. Разум, без сомнения, должен сожалеть о беспорядках, эксцессах и безумии крестоносцев; но такова человеческая слабость, что мы всегда интересуемся великими событиями, в которых человек полностью развит.

Воображение самых равнодушных должно быть поражено примерами героизма, которыми изобилует история крестовых походов. Если многие сцены этой великой эпохи вызывают наше негодование или жалость, то сколько событий наполняют нас восхищением и удивлением! Сколько имен, прославленных этой войной, до сих пор являются предметом гордости семей и наций! Что, пожалуй, является самым положительным в результатах первого крестового похода, так это слава наших отцов, — та слава, которая также является реальным благом для страны; ибо великие воспоминания определяют существование наций, а также семей, и являются самыми благородными источниками патриотизма.

В глубочайшей древности одна из тех страстей, которые иногда действуют на целый народ, унесла Грецию в Азию. Эта война, знаменитая и богатая подвигами, воспламенила воображение греков и долгое время прославлялась в их храмах и на их сценах. Если великие национальные воспоминания вдохновляют нас с таким же энтузиазмом, если мы питаем такое же сильное уважение, как древние к памяти наших предков, завоевание Святой Земли должно

быть для нас такой же славной и запоминающейся эпохой, какой была Троянская война для народа Греции. Эти две войны, какими бы разными ни были их мотивы, представляют для просвещенного наблюдателя почти одинаковые результаты; обе преподносят великие уроки политике и являются выдающимися образцами доблести; обе основали новые государства, новые колонии и наладили отношения между отдаленными нациями. Оба оказали заметное влияние на цивилизацию последующих за ними эпох: короче говоря, оба развили в себе сильные страсти и прекрасные характеры и, таким образом, стали счастливейшими сюжетами для эпической музыки, которой доставляет удовольствие только прославление чудес.

Сравнивая эти две достопамятные войны и поэтические шедевры, прославившие их, мы не можем не думать, что тема “Освобождения Иерусалима” более удивительна, чем тема “Илиады”. Далее мы можем сказать, что герои Тассо более интересны, чем герои Гомера, и их подвиги менее сказочны. Дело, вооружившее греков, было гораздо менее важным, чем то, которое двигало христианами. Последние, в некотором роде, взялись за оружие, чтобы помочь несчастью и подавленной слабости. Они отправились защищать религию, способную заставить их осознать беды, которые были перенесены вдали от них, и заставить их найти братьев в неизвестных им регионах. Такого характера общительности нет ни в одной из религий древних.

Крестоносцы продемонстрировали еще одно зрелище, незнакомое античности, — соединение религиозного смирения с любовью к славе. История постоянно показывает нам этих надменных героев, ужас Азии и мусульман, склоняющих свои победоносные чела ниц и марширующих от завоевания к завоеванию, покрытых мешком раскаяния. Священники, которые увещевали их в битве, только укрепляли их мужество, упрекая их в грехах. Когда они терпели неудачу, среди них раздавались тысячи голосов, обвинявших их собственные проступки; и когда они одерживали победу, только Бог даровал им победу, и религия запрещала им претендовать на славу за это.^[215]

Историку может быть позволено подумать, что это различие между героями “Илиады” и героями священной войны недостаточно отмечено в поэме “Освобожденный Иерусалим”.^[216] Другой упрек можно также адресовать барду Ринальдо и Годфри; идеи магии и галантности, которые он слишком щедро расточил в своей поэме, не соответствуют исторической правде. Магия, которая является не чем иным, как разновидностью выродившегося суеверия и имеет дело только с мелочами, была крестоносцам мало известна. Их суеверия, какими бы грубыми они ни были, имели в себе нечто благородное и величественное, что в достаточной степени соответствовало духу эпопеи, и поэту не приходилось ничего менять; их характер и манеры были серьезными и аскетичными и чрезвычайно хорошо соответствовали достоинству религиозного эпоса. Вскоре после первого крестового похода магия стала частью суеверий франков или их воинственные манеры отказались от ярко выраженного эпического характера, который их отличал, и приняли романтический характер, который они сохранили во всех рыцарских книгах. Нам кажется, что у Тассо мы обнаруживаем гораздо больше нравов того времени, в которое он жил, чем нравов конца XI века, периода событий, составляющих тему его поэмы.

Но дальнейшее проведение таких наблюдений не входит в план или цель этой работы.^[217] После рассказа о героических подвигах и обо всем замечательном, что было в первом крестовом походе, я обращаю свое внимание на непосредственные последствия, которые он

произвел на Европу и Азию. Мы достаточно хорошо знакомы со злом, которое за этим последовало; великие катастрофы - привычные сюжеты истории, но медленный и почти незаметный прогресс добра, который может быть результатом великой революции, воспринимается гораздо труднее.

Первым результатом этого крестового похода было посеять ужас среди мусульманских народов и лишить их возможности предпринимать на какое-то время какие-либо военные предприятия против Запада. Благодаря победам крестоносцев греческая империя расширила свои пределы, и Константинополь, который был дорогой сарацин на Запад, оказался в безопасности от их нападений. В этом далеком походе Европа потеряла цвет своего населения, но она не была, в отличие от Азии, театром кровавой и разрушительной войны; войны, в которой ничто не уважалось, в которой провинции и города поочередно разорялись победителями и покоренными. В то время как воины Европы проливали свою кровь на равнинах Востока, Запад пребывал в глубоком мире. Среди христианских народов тогда считалось преступлением брать в руки оружие за любое другое дело, кроме дела Иисуса Христа. Это мнение в значительной степени способствовало сдерживанию ужасающего разбоя, который преобладал, и усилению уважения к *Божьему перемирию*, которое в средние века было зародышем или сигналом лучших институтов. Какими бы ни были неудачи крестовых походов, они были менее прискорбными, чем гражданские войны и бедствия феодальной анархии, которые так долго опустошали все страны Запада.

Этот первый крестовый поход принес Европе и другие преимущества.^[218] Восток в результате священной войны был в некотором роде открыт для Запада, который до этого был мало знаком с ним; Средиземноморье стало более посещаемым европейскими судами, мореплавание достигло определенного прогресса, а торговля, особенно пизанская и генуэзская, должно быть, расширилась и обогатилась с основанием Иерусалимского королевства. Большая часть, это правда, золота и серебра Европы была вывезена крестоносцами в Азию; но эти сокровища, нагроможденные и спрятанные алчностью и страхом, были давно изъяты из обращения; золото, которое не было унесено крестоносцами, обращалось более свободно, и Европа, располагавшая меньшим количеством денег, сразу оказалась более богатой, чем когда-либо.

Мы не можем понять, что бы там ни утверждали, что во время первого крестового похода Европа получила какое-либо большое количество знаний с Востока. В течение одиннадцатого века Азия была театром самых кровавых революций. В этот период сарацины, но особенно турки, не занимались ни искусствами, ни науками. У крестоносцев не было с ними никаких других отношений, кроме войны на уничтожение. С другой стороны, франки относились к грекам, среди которых, кроме того, приходили в упадок искусства и науки, с слишком большим презрением, чтобы заимствовать у них какие-либо наставления; тем не менее, поскольку события крестового похода сильно повлияли на воображение народов, этого великого и впечатляющего зрелища было достаточно, чтобы дать толчок человеческому разуму на Западе. Несколько авторов взялись проследить историю этого памятного периода. Раймон д'Эгилес, Робер, монах из Сен-Реми, Тюдебод, Фульше де Шартр, аббат Гибер, Бодри, епископ Доль, и Альбер д'Экс были современными историками, и большинство из них были непосредственными свидетелями описанных ими завоеваний и подвигов. Истории, которые они оставили нам, не лишены достоинств, и некоторые из них даже лучше, чем те, что были написаны в том же роде греками или арабами. Эти писатели были воодушевлены в своих трудах тем же духом благочестия, который руководил героями креста. Этот дух благочестия побудил их взяться за

перо и убедил их в том, что они пишут для дела Божьего. Они считали бы себя не выполнившими свой христианский долг, если бы не использовали свои способности для передачи событий священной войны потомкам. Каким бы образом мы ни судили об их мотивах, мы не можем не быть убеждены в том, что они оказали великие услуги истории и что без них героические времена нашей истории остались бы без памятников.

Чудесная сторона характера этого первого крестового похода также пробудила музу эпоса. Рауль де Кан,^[219] который в своей истории иногда трубит в эпическую трубу, чтобы достойно отпраздновать "поступки" Танкреда, не лишен ни теплоты, ни фантазии. Завоевание Иерусалима было в двенадцатом веке темой нескольких стихотворных произведений. Рыцарь из Лимузена, Жоффруа де ла Тур, которого называли приором или аббатом Вижуа, очень сносно описал события этих войн в большом томе, написанном на его родном языке и в вульгарных рифмах, чтобы люди могли лучше это понять. Это стихотворение, написанное в стихах и ставшее плодом двенадцатилетнего труда, утрачено. Многие другие подобные работы, несомненно, постигла та же участь; но того, что осталось, достаточно, чтобы доказать, что человеческий интеллект начал расширяться в начале двенадцатого века.

До этого периода законодательная наука, которая является первой и наиболее важной из всех, продвинулась вперед очень незначительно. Одни только некоторые города Италии и провинции близ Пиренеев, где готы поощряли римские законы, демонстрировали проблески цивилизации. Среди правил и постановлений, которые Гастон де Беарн установил перед своим отъездом в Святую Землю, можно найти много моментов и подробностей, которые заслуживают того, чтобы их сохранила история, поскольку они демонстрируют слабые зачатки законодательства, которое время и удачные обстоятельства усовершенствовали. *Мир, говорит этот законодатель одиннадцатого века, должен соблюдаться во все времена по отношению к клеркам, монахам, путешественникам, дамам и их свите.—Если кто-либо находит убежище в доме женщины, он должен пользоваться личной безопасностью, возместив все убытки или последующий ущерб. Пусть крестьянин живет в мире; пусть его скот и сельскохозяйственные орудия не подлежат конфискации.*^[220] Эти доброжелательные настроения были вдохновлены духом рыцарства, которое добилось определенного прогресса в войнах против сарацин в Испании; в частности, это были работы советов^[221] который обязался положить конец частным войнам и разгулу феодальной анархии. Священные войны за морями завершили то, что было начато рыцарством, они довели до совершенства само рыцарство. Клермонский собор и последовавший за ним крестовый поход лишь развили и консолидировали все предыдущие соборы, все, что мудрейшие лорды и принцы сделали для дела человечества.

Многие князья крестовых походов, такие как герцог Бретани и Роберт, граф Фландрии, ознаменовали свое возвращение установлением мудрых правил. Несколько благотворных институтов начали вытеснять жестокие злоупотребления феодализма, и можно было видеть, по крайней мере в некоторых провинциях, что режим, основанный мечом, может демонстрировать умеренный характер своего законодательства.

Именно во Франции эти изменения были наиболее очевидны, потому что Франция принимала наибольшее участие в крестовом походе. Многие дворяне освободили своих крепостных, последовав за ними в эту экспедицию. Жиро и Жиро Адемар де Монтиэль, последовавшие за своим братом, епископом Пюи, на священную войну, чтобы поощрить некоторых из своих

вассалов, которые их сопровождали, пожаловали им несколько феодальных владений актом, составленным в тот же год, что и взятие Иерусалима. Мы могли бы привести множество подобных актов, совершенных во время крестового похода и в первый год, последовавший за ним. Свобода ждала на Западе небольшое число людей, вернувшихся со священной войны, которые, казалось, не признавали никакого другого учителя, кроме Иисуса Христа.

В этом крестовом походе знать утратила некоторую часть власти, которой злоупотребляла, но у них было больше великолепия и они пользовались большим почетом. Король Франции, хотя и долгое время вызывал осуждение Церкви и хотя он не отличался какими-либо выдающимися личными качествами, правил более спокойно и процветающе, чем его предшественники; он начал сбрасывать иго великих вассалов короны, из которых некоторые были разорены или погибли в священной войне. Мы часто повторяли, что крестовый поход передал огромные богатства в руки духовенства; но мы также должны добавить, что духовенство составляло самую просвещенную часть нации, и что такое увеличение благосостояния было в природе вещей. После первого крестового похода было замечено то, что всегда можно наблюдать у всех народов, прогрессирующих в цивилизации. Власть имела тенденцию к централизации в руках того, кто защищал свободу. Слава стала наградой для всех, кто был призван защищать свою страну; уважение и богатство были направлены в сторону того класса, от которого следовало ожидать интеллекта.

Несомненно, что знания возникли в Европе среди духовенства, и что только они смогли каким-то образом освятить многие благотворные результаты крестовых походов. Пока духовенство мощно помогало прогрессу цивилизации, они сохраняли свое богатство; как только они вышли за пределы цивилизации, они потеряли его. Таков ход вещей на земле. Пока институты благоприятны для общества, общество почитает их; [222] когда в некоторых отношениях они считаются менее полезными, они теряют свою важность. Без всякой необходимости декламировать, мы должны предоставить неблагодарности, естественной для наций, идти своим чередом, как и их непостоянству и времени, которые слишком сильны в разрушении инструментов, которые общество использовало с определенной выгодой.

Многие города Италии достигли определенной степени цивилизации еще до первого крестового похода; но эта цивилизация, зародившаяся в разгар варварской эпохи и распространившаяся среди некоторых изолированных, разделенных между собой народов, была неспособна достичь зрелости. Чтобы цивилизация производила благотворные эффекты, на которые она способна, все должно в одно и то же время стремиться к одинаковому совершенству. Знания, законы, мораль, власть - все должно развиваться вместе. Вот что произошло во Франции; [223] поэтому Франция однажды должна стать образцом и центром цивилизации в Европе. Священные войны внесли большой вклад в эту счастливую революцию, которую можно увидеть даже в первом крестовом походе.

КНИГА V.

1099-1148 гг. н. э.

Я рассказал о бедствиях, трудах и завоеваниях первых крестоносцев; теперь я обращаю свое внимание на королевство, основанное их победами, опасности которого несколько раз призывали народы Запада к оружию. Если рассказ о войне, полной приключений и чудес, возбудил любопытство и удивление моих читателей, я надеюсь, они не откажутся проследить вместе со мной за продвижением этого далекого королевства, которое было плодом стольких подвигов и столькой славы, стоило стольких крови и стольких слез. После того как мы увидели бесчисленные толпы паломников, направляющихся за освобождением Святой Земли, кто не удивится, увидев, что двух или трех сотен храбрых рыцарей, славных остатков христианских армий, достаточно для защиты провинций и городов, завоеванных соединенными державами Запада? Какое зрелище может вызвать более глубокое размышление в умах мыслящих и просвещенных людей, чем зрелище нового народа, выброшенного, так сказать, бурей, на чужой берег, посреди страны, из которой оружие, религия и обычаи многочисленных народов непрерывно используются для их изгнания?

Страна, в которой только что обосновались крестоносцы и которая благодаря памятникам религии и истории стала так дорога народам Запада, представляла собой царства Иудеи и Израиля древности. Когда римляне принесли свое оружие в эту страну, ее новые хозяева добавили к названию, которое дали ей евреи, название Палестина, или страна палестинцев. С юга и востока он был ограничен пустынями Аравии и Идумеи, с запада - Средиземным морем, а с севера - горами Либан.

В период крестовых походов, как и в настоящее время, значительная часть территории Палестины, на которой возвышаются бесплодные горы Сион, Хеврон, Хевал и Гелбойи, представляла собой землю, на которую пало проклятие Небес. Эта земля, некогда обещанная избранному народу Божьему, несколько раз меняла обитателей. Все секты, все мусульманские династии с мечом в руке оспаривали владение им, а революции и войны оставили многочисленные памятные руины в его столице и в большей части его провинций. Казалось, только религиозные идеи мусульман и христиан придавали значение завоеванию Иудеи; история должна, однако, предостеречь от преувеличения, с которым некоторые путешественники говорили о бесплодии этой несчастной страны.^[224] Среди бедствий, которые на протяжении многих веков опустошали провинции Палестины, еще можно различить некоторые следы ее древнего великолепия. Берега Галилейского озера и Иордана, некоторые долины, орошаемые реками Бесор, Арну и Иавок, и равнины, прилегающие к морю, которые не были опустошены войной, все еще напоминали своим плодородием обетования Священного Писания. Палестина все же могла похвастаться несколькими богатыми городами, а несколько ее портов предоставляли удобное убежище судам Азии и Европы.

В тогдашнем состоянии Палестины, если бы территория была полностью подчинена Годфри, новый король мог бы сравняться по могуществу с большей частью мусульманских князей Азии; но молодое Иерусалимское королевство состояло всего лишь из столицы и примерно двадцати городов или поселков по соседству. Несколько из этих городов были разделены местами, все еще занятыми неверными. Крепость, находившаяся в руках христиан, находилась рядом с

крепостью, над которой развевался штандарт Магомета. В окрестностях жили турки, арабы и египтяне, которые все объединились, чтобы начать войну с подданными Годфри. Последние не были свободны от тревоги даже в своих городах, почти все из которых имели плохие гарнизоны, и постоянно подвергались ужасам и злу войны. Земли оставались невозделанными, и все коммуникации были прерваны. Среди стольких опасностей некоторые из латинян отказались от владений, дарованных им победой; и чтобы завоеванная страна не осталась без жителей, был призван интерес собственности, или собственничества, укрепить поколебавшуюся любовь к новому месту жительства. Каждый человек, проживший год и один день в доме или на обработанной земле, признавался ее законным владельцем. Все права владения были аннулированы из-за отсутствия на тот же срок.

Первой заботой Годфри было отразить военные действия сарацин и расширить границы королевства, вверенного его защите. По его приказу Танкред вступил в Галилею, овладел Тивериадой и несколькими другими городами, расположенными по соседству с Генесаретским озером. В награду за свои труды он получил во владение завоеванную им страну, которая в конце концов стала княжеством.

Танкред, хозяин богатой провинции, продвинулся на территорию Дамаска, в то время как Годфри в ходе удачного похода обложил данью эмиров Кесарии, Птолемаиды и Аскалона и привел к покорности арабов, живших на левом берегу Иордана. Он возвращался с победой в Иерусалим, когда город Асур, сдавшийся после битвы при Аскалоне, отказался платить дань и сбросил иго христиан. Годфри решил осадить этот мятежный город;^[225] он собрал свои войска, повел их маршем к Асуру и продолжил атаковать город. Катящиеся башни уже приблизились к крепостным валам, тараны сотрясли стены до основания, и город вот-вот должен был быть взят, когда осажденные применили способ обороны, достойный только варваров. Жерар Авеннский, которого Годфри оставил с ними в качестве заложника, был привязан к верхушке очень высокой мачты, которая была прикреплена к той самой стене, на которую в основном были направлены усилия осаждающих. При виде неизбежной и бесславной смерти несчастный рыцарь-христианин издал громкие и мучительные крики и заклинал своего друга Годфри спасти ему жизнь добровольным отступлением. Это жестокое зрелище пронзило сердце Годфри, но не поколебало ни его твердости, ни мужества. Поскольку он был достаточно близок к Жерару Авенскому, чтобы быть услышанным им, он призвал его заслужить венец мученичества своей отставкой. “Не в моей власти спасти тебя, - сказал он. - Если бы мой брат Юстас был на твоём месте, я не смог бы избавить его от смерти. Умри же, прославленный и храбрый рыцарь, с мужеством христианского героя; умри за безопасность своих братьев и во славу Иисуса Христа”. Эти слова Годфри придали Жерару Авенскому мужества умереть. Он умолял своих старых товарищей принести в жертву у гроба Господня своего коня и оружие, чтобы можно было вознести молитвы за здоровье его души.^[226] Вскоре после того, как он умер под градом дротиков и стрел, выпущенных руками христиан.

Солдаты Годфри, став свидетелями смерти Джерарда, воспылали яростью, желая отомстить за него, и удвоили свои усилия, чтобы стать хозяевами города. Со своей стороны, осажденные упрекали христиан в их варварстве и энергично защищались. Греческий огонь поглотил башни и машины осаждающих; Годфри потерял большое количество своих солдат и отчаялся взять город, который получал помощь с моря. Приближалась зима, и он решил, наконец, снять осаду и вернуться в Иерусалим, глубоко потрясенный тем, что стал причиной смерти Жерара Авеннского без какой-либо пользы для дела христиан.

Во время осады Асура несколько эмиров с гор Самарии пришли навестить Годфри. Они были поражены величайшим удивлением, когда обнаружили короля христиан без охраны, без великолепия, спящим на соломенном тюфяке, как самый жалкий из его солдат. Они были не менее удивлены, когда по их просьбе он продемонстрировал перед ними свою необычайную силу, отрубив голову верблюду одним ударом своего меча. Эмиры, преподнеся подарки Годфри, вернулись в свою страну и рассказали о чудесах, которые они видели. Их сольные концерты, которыми не побрезговала история, во многом способствовали росту славы короля Иерусалима.

Когда Годфри добрался до своей столицы, он узнал о приближении огромного количества паломников, большую часть которых составляли пизанцы и генуэзцы, во главе с епископом Арианы и Даймбером, архиепископом Пизы. К христианам, прибывшим с Запада, добавились Боэмунд, принц Антиохии, Балдуин, граф Эдессы, и Раймонд, граф Тулузы. Эти последние прибыли, чтобы посетить святыне места и отпраздновать эпоху рождения Христа в Иерусалиме.

Годфри вместе со своими рыцарями и духовенством отправился встречать паломников до самого Вифлеема. “После того, как они прибыли в святой город, - говорится в старой хронике, - король принял их и устроил великолепный пир; и задержал их в Иудее на зиму, будучи очень доволен присутствием своего брата Балдуина”. Даймбер, архиепископ Пизы, прибыл в Палестину в качестве легата от Святого Престола. С помощью подарков и обещаний он добился того, что его называли патриархом Иерусалима вместо Арнуля де Роэса. Этот прелат, воспитанный в школе Григория VII, с теплотой поддерживал притязания Святого Престола, и вскоре его честолюбие посеяло смуту среди христиан. Даже в тех местах, где Христос говорил, что его царство не от мира сего, тот, кто называл себя его наместником, желал править вместе с Годфри и требовал суверенитета над частью Яффы и четвертью Иерусалима, в которой была построена церковь Воскресения. После некоторых дебатов благочестивый Годфри уступил властным требованиям Даймбера; и таково было тогда господство Церкви и духовенства, что новый король был вынужден согласиться на договор, по которому королевство должно было принадлежать патриарху, если Годфри умрет бездетным. Таким образом, Годфри признал себя вассалом суверенного понтифика и получил от папы и его легата разрешение править страной, завоеванной его оружием. Боэмунд и Балдуин одновременно согласились получить от папы инвеституру своих княжеств. Князь Антиохии отказался засвидетельствовать почтение королю Иерусалима, но он без колебаний признал себя вассалом державы, которая даровала империи и смогла послать свежие армии на Восток.

Тем временем мудрый Годфри, освободив свою территорию от набегов мусульман и перенеся ужас своего оружия за Иордан, размышлял о том, что победа - это еще не все, что требуется для основания государства. Его столица была опустошена мечом крестоносцев; несколько других городов, таких как Яффо, потеряли большую часть своих жителей; и этот новый король причислял к своим подданным армян, греков, евреев, арабов, отступников от всех религий и авантюристов из всех стран. Государство, вверенное его попечению, было подобно перевалочному пункту, и у него не было других сторонников или защитников, кроме путешественников и незнакомцев. Это было место встречи и прибежища отъявленных грешников, которые приходили туда, чтобы смягчить гнев Божий, и преступников, которые таким образом ускользали от правосудия людей. И то, и другое было одинаково опасно, когда обстоятельства пробуждали их страсти или когда страх и раскаяние уступали место новым искушениям. Годфри, следуя духу феодальных обычаев и законам войны, разделил

завоеванные земли между участниками своих побед. Новые правители Яффы, Тверии, Рамлы и Наплуза едва ли признавали власть короля. Духовенство, поощряемое патриархом, приняло тон господ, а епископы пользовались светской властью, равной власти баронов. Одни приписывали завоевание королевства своей доблести, другие - своим молитвам; каждый требовал награды либо за свое благочестие, либо за свои труды; и в то время как большая часть стремилась к господству, все настаивало на независимости.

Годфри взялся управлять столькими противоречивыми притязаниями и привести буйное правление в некую правильную форму. Чтобы исполнение его замысла имело большую торжественность, он выбрал обстоятельства, которые привели латинских князей в Иерусалим. Проводив их до Иерихона, чтобы отпраздновать с ними праздник Богоявления, он вернулся в свою столицу, где собрал просвещенных и благочестивых жителей города, из которых образовал штаты, или присяжные заседатели, своего королевства. На этом торжественном собрании первой заботой было урегулировать и определить обязанности баронов, лордов и простых подданных по отношению к королю, а также обязанности короля по отношению к лордам и подданным. Король должен был взять на себя обязательство соблюдать законы, защищать Церковь, защищать вдов и сирот, следить за безопасностью как народа, так и лордов, а также руководить войной. Сеньор, который был заместителем принца по отношению к своим вассалам, должен был защищать их от оскорблений и их собственность, их честь и их права. Первым долгом графов и баронов по отношению к королю было служить ему в совете и сражаться. Первой обязанностью подданного или вассала по отношению к своему князю или своему господину было защищать его или мстить за него в каждом случае оскорбления и защищать честь своей жены, своей дочери или своей сестры; следовать за ним во всех опасностях и сдаться ему в качестве заложника, если он попадет в руки своих врагов.^[227]

Король и его подданные, крупные и мелкие вассалы, взаимно заверяли друг друга в своей верности. В феодальной иерархии каждый класс имел свои привилегии, поддерживаемые честью. Честь, этот великий принцип среди рыцарей, повелевала всем отражать оскорбление, нанесенное одному-единственному, и таким образом, будучи ограниченной в справедливых пределах, стала гарантией общественной свободы.

Война была великим делом в королевстве, основанном рыцарями и баронами; каждый, способный носить оружие, считался чем-то значимым в государстве и был защищен новым законодательством; все остальные, за исключением духовенства, чье существование и привилегии обеспечивались божественным правом, считались ничем и едва ли заслуживали какого-либо внимания со стороны законодателей. Иерусалимские присяжные действительно соизволили обратить внимание на злодеев, рабов, крестьян, земледельцев или пленников, взятых на войне; но они рассматривались только в свете собственности, которой они хотели обеспечить пользование ее законным владельцам. Те, кто их потерял, могли вернуть их себе, как сокола или гончую; ценность сокола и раба была одинаковой; боевой конь оценивался более чем в два раза дороже крестьянина или пленника. Законы не снисходили до того, чтобы замечать эти несчастные классы, и предоставляли одной религии защищать их.

Для наблюдения за исполнением конституционных законов государства и разрешения всех споров были учреждены два суда; один, возглавляемый королем и состоящий из знати, должен был выносить решения по разногласиям между крупными вассалами; другой, возглавляемый виконтом Иерусалимским и сформированный из основных жителей каждого города, должен

был регулировать интересы и права граждан и простого люда. Был учрежден третий суд, предназначенный для восточных христиан; судьи в нем родились в Сирии, говорили на ее языке и принимали решения в соответствии с законами и обычаями страны. Таким образом, все граждане королевства были судимы равными себе и пользовались преимуществами института, которым не пренебрегали в гораздо более просвещенные века.

Франки, с их воинственным характером, несомненно, демонстрировали презрение к медленным и часто ненадежным формам правосудия; в своем законодательстве, разработанном для Востока, они переняли испытание железом или огнем, которое зародилось у народов Севера. Судебные споры допускались также по уголовным делам, а иногда даже по гражданским. Среди воинственного народа все должно представлять образ войны; каждое действие, начатое против барона или рыцаря, было в его глазах оскорблением, которое он должен был отразить с мечом в руке; христианские рыцари также были убеждены, что Бог не допустит, чтобы невинность пала в неравном бою, и победа сразу представлялась им торжеством человеческих законов и божественной справедливости.

Такие постановления все еще свидетельствуют о варварстве самых отдаленных эпох; но огромное количество других законов свидетельствует о мудрости законодателей Святой Земли: их кодекс содержал все институты, которые были разумны в феодальной системе. Палестина была тогда благословлена возрождением мудрых законов, созданных для Европы, но о которых Европа забыла среди анархии гражданских войн; многие улучшения, внесенные в феодальное законодательство в некоторых государствах Запада, особенно в городах Италии, были освящены в новых законах Иерусалима.

Следует полагать, что в этих обстоятельствах религия иногда смешивала свои полезные идеи с идеями человеческой мудрости; справедливость и гуманность приобретали более священный характер в присутствии святого гроба. Поскольку все подданные Годфри были призваны защищать дело Божье, качества воина Иисуса Христа могли бы способствовать уважению достоинства человека. Если верно, что создание палаты общин, или второго суда, было делом рук крестоносцев, мы не можем с уверенностью утверждать, что эти войны ничего не внесли в прогресс цивилизации. Законы, которые они установили и в которых можно ясно увидеть первые проблески регулируемой свободы, были новым зрелищем для Азии; они, должно быть, также были предметом удивления и средством обучения для самой Европы, где паломники по возвращении рассказывали об обычаях, установленных франками в Святой Земле. Этот свод законов, лучший или, вернее, наименее несовершенный из существовавших до того времени и который был расширен или изменен при других правлениях, был с большой pompой передан на хранение в церковь Воскресения и получил название Иерусалимских присяжных, или Писем Гроба Господня.

После этой церемонии, которая была совершена в присутствии всех паломников, латинские князья, находившиеся в то время в Иерусалиме, вернулись в свои собственные государства: Балдуин - в Эдессу, Боэмунд - в свое княжество Антиохия, а Раймонд - в Лаодикию, хозяином которой он объявил себя и которой управлял от имени императора Константинополя. Едва Танкред вернулся в свое княжество, как на него напали все силы султана Дамаска. Годфри в сопровождении своих верных рыцарей и множества паломников, жаждущих сражаться под его командованием, немедленно отправился в Галилею, разбил сарацин и преследовал их до гор Ливана.

Когда он возвращался из этого похода, эмир Кесарии вышел ему навстречу и преподнес в дар несколько плодов Палестины. Годфри съел только одно кедровое яблоко и почти сразу заболел. Эта болезнь, которую они без колебаний приписали яду, вызвала самую серьезную тревогу среди его последователей. Годфри с большим трудом добрался до Яффы, откуда его перевезли в его столицу, где он умер, возложив на соратников своих побед заботу о славе религии и Иерусалимского королевства. Его бранные останки были захоронены в ограде Голгофы, рядом с гробницей Христа, которую он спас своей доблестью. Его смерть была оплакана христианами, для которых он был отцом и опорой, и мусульманами, которые часто испытывали на себе его справедливость и милосердие. История может сказать о нем то, что священное Писание говорит об Иуде Маккавее: “Это был он, который умножил славу своего народа, когда, подобно великану, обнажил свое оружие в битве, и его меч был защитой всего лагеря”. Годфри Бульонский превзошел всех военачальников своего времени в своем военном мастерстве; и если бы он прожил еще немного, то заслужил бы имя среди великих королей. В основанном им королевстве его постоянно считали образцом как для принцев, так и для воинов. Его имя до сих пор напоминает о добродетелях героических времен и будет почитаться среди людей так же долго, как память о крестовых походах.

После смерти Годфри возникли большие споры по поводу выбора его преемника. Патриарх Даймбер попытался воспользоваться правами, предоставленными обещаниями Готфрида, и предъявил права на иерусалимский трон; но бароны не желали подчиняться ни одному вождю, кроме одного из своих товарищей по оружию. Гарнье, граф де Грей, вступил во владение Башней Давида и другими крепостями Иерусалима от имени Балдуина, графа Эдесского. Патриарх призвал авторитет Церкви на помощь своему делу; и поскольку граф Гарнье скоропостижно скончался, иерусалимское духовенство приписало его смерть божественному правосудию, которое было нарушено нечестивыми замыслами баронов и рыцарей. Даймбер написал Боэмунду, князю Антиохии, и умолял его приехать и защитить то, что он называл правами Церкви и делом Божьим. Иерусалим был полон волнения и беспокойства; но пока они бурно совещались, прибыли депутаты из Антиохии, чтобы объявить, что их принц был застигнут врасплох во время похода против турок и находится в плену у неверных. Это известие посеяло ужас и скорбь среди христиан и заставило их более остро осознать необходимость призвать на трон Балдуина, с доблестью которого они были так хорошо знакомы.

Болдуин, [228], к которому были отправлены депутаты, прослезился, узнав о смерти Годфри, но вскоре утешил себя надеждой получить корону. Графство Эдесса стало богаче и обширнее, чем жалкое Иерусалимское королевство, несколько городов которого все еще принадлежали сарацинам; но таков был деятельный и предприимчивый дух Балдуина, что перспектива завоевания королевства казалась ему предпочтительнее страны, которой он мирно владел. Передав графство Эдесса своему двоюродному брату Балдуину дю Бургу, он начал свой поход с четырьмя сотнями всадников и тысячей пеших. Эмиры Эмессы и Дамаска, извещенные о его предполагаемом походе, поджидали его на узких и труднопроходимых дорогах близ побережья Финикийского моря. Балдуин притворился, что бежит перед армией неверных, и, вынудив их выйти на открытую местность, разбил их, взяв в плен великое множество пленных, которых он доставил в Иерусалим. [229] Рыцари, бароны и часть духовенства вышли встречать завоевателя. Болдуин совершил свой триумфальный въезд в город под одобрительные возгласы всего христианского населения, которое с нетерпением ожидало увидеть брата Годфри. Но пока жители таким образом выражали свою радость, патриарх с некоторыми из своих сторонников протестовал против избрания нового царя и, притворившись, что он находится в безопасности

только вблизи гробницы Христа, в молчании удалился на гору Сион, как бы ища там убежища. Балдуин не считал нужным мешать отступлению патриарха и, удовлетворившись тем, что получил голоса баронов и рыцарей, пожелал обеспечить себе новые титулы на корону, одержав еще больше побед над сарацинами. Он выступил из Иерусалима в сопровождении своих самых храбрых рыцарей и предстал перед Аскалоном.

Поскольку время года было уже слишком далеко для регулярной осады города, он опустошил страну противника, проник в горы Энгадди, застал Сегора врасплох и захватил отряд разбойников в пещере, которую они выбрали местом отступления. В этом походе, который был немногим больше паломничества, солдаты Болдуина прошли вдоль берегов Мертвого моря, вид которого вызывал воспоминания о наказании Содомы; они посетили долину, известную как место захоронения предков Израиля и ту, в которой, как полагают, Моисей вызвал поток живой воды, бьющий из склона бесплодной скалы. Солдаты-христиане никогда не уставали восхищаться этими местами, ставшими священными благодаря воспоминаниям о Священных Писаниях. Историк Фульше де Шартр, сопровождавший Болдуина, проявляет в своем рассказе величайший энтузиазм и с живой радостью сообщает нам, что он поил своих лошадей у чудесного источника иудейского законодателя.^[230]

Маленькая армия христиан вернулась в Иерусалим, нагруженная добычей. После возвращения Болдуина патриарх не осмелился больше ничего сказать о его притязаниях и согласился короновать преемника Годфри собственными руками. Церемония была проведена с большой торжественностью в Вифлееме в присутствии баронов, епископов и знатных людей королевства.

Танкред не присутствовал на коронации нового короля, поскольку двое спутников Годфри не забыли свою давнюю ссору. Танкред протестовал против избрания Болдуина и отказался засвидетельствовать ему свое почтение. Болдуин, со своей стороны, оспаривал права Танкреда на Галилейское княжество и вызвал его предстать перед ним как непокорного вассала. Ответ Танкреда был лаконичен, и полон гордого презрения к своему сопернику. “Я не знаю,” сказал он, обращаясь к посланцам Болдуина, “является ли ваш господин королем Иерусалима”. Он не соизволил ответить на повторный вызов. Наконец их общие друзья прибегли к молитвам и уговорам, на которые Танкред неохотно уступил. Два принца договорились о встрече между Иерусалимом и Яффой, в ходе которой Танкред согласился забыть прошлые обиды, но не отказался бы от княжества, которое он унаследовал от Годфри. Споры между князем Галилеи и королем Иерусалима еще не закончились, когда из Антиохии прибыли гонцы, умолявшие Танкреда немедленно отправиться в их город, чтобы управлять государством, которое со времен пленения Боэмунда оставалось без главы. Танкред уступил их мольбам и немедленно отправился в Антиохию, оставив Гуго де Сент-Омеру город Тверию и Галилейское княжество.

Эти разногласия с Танкредом не препятствовали войнам Болдуина против неверных или его попыткам расширить свое молодое королевство. В то время как Персия, Египет, Сирия и Месопотамия могли выставить против христиан бесчисленные армии, Болдуин мог собрать под своими знаменами лишь небольшой отряд воинов, к которому добавилось несколько паломников с Запада, большей частью без лошадей и очень плохо вооруженных. Его храбрость и активность преодолевали все препятствия и вели его через все опасности. С самого начала его правления мы с удивлением наблюдаем, как Иерусалимское королевство, в зародыше

потревоженное раздорами и защищаемое лишь несколькими рыцарями, восстает среди грозных врагов и сеет ужас среди соседей, гораздо более могущественных, чем оно само.

Король Иерусалима воспользовался прибытием гинузского флота, чтобы наказать восставших жителей Арсура и осадить их город как с моря, так и с суши. На третий день город перешел в руки христиан. Вскоре после этого Балдуин осадил Кесарию, город, построенный Иродом в честь Цезаря. Осада продолжалась энергично; на пятнадцатый день все было готово к генеральному штурму, и как только труба подала первый сигнал, все солдаты исповедались и получили отпущение своих грехов. Патриарх, облаченный в белое облачение, с распятием в руке, повел их к подножию крепостной стены; город вскоре был взят, а жители преданы мечу. Христиане, особенно гинузцы, охваченные жадой грабежа, а еще больше жадой мести и яростью битвы, запятали свою победу ужасными жестокостями.^[231] Мусульмане, спасшиеся от резни в Кесарии, наводили ужас на города Птолемаис и Аскалон, а также на все страны, все еще находящиеся под властью египтян.

Халиф Египта, чтобы отомстить за смерть своих воинов, собрал армию, которая продвинулась до окрестностей Рамлы. Болдуин в спешке собрал отряд из трехсот рыцарей и тысячи пехотинцев и выступил ему навстречу. Когда он увидел знамена египетской армии, в десять раз более многочисленной, чем у христиан, он объяснил своим солдатам, что они собираются сражаться во славу христианства; “если бы они пали, небеса были бы открыты для них; если бы они восторжествовали, слава об их победе распространилась бы по всему христианскому миру. В бегстве не могло быть безопасности; их дом был за морями; на Востоке не было убежища для побежденных”. Воодушевив таким образом своих солдат, Болдуин разделил свои войска на шесть батальонов. Двое первых, бросившись в атаку на врага, были подавлены численностью; две другие, последовавшие за ними, разделили ту же участь. Два епископа, бывшие с Болдуином, тогда посоветовали ему молить о милости Небеса; и, по их желанию, король Иерусалимский сошел с коня, упал на колени, исповедался и получил отпущение грехов. Вскочив на ноги, он снова взялся за оружие и бросился на врага во главе двух своих оставшихся батальонов. Христианские воины сражались как львы, воодушевленные своим боевым кличем *“Победа или смерть!”*. Болдуин прикрепил белый платок к острию своего копья и таким образом указал путь к кровавой бойне. Победа долгое время была неопределенной; но в конце концов, говорит историк, воля Божья была провозглашена в пользу воинов Христа. Египетская армия потеряла своего предводителя и была полностью разбита; пять тысяч неверных остались на поле боя.

Враги бежали в таком полном беспорядке, что побросали свои палатки и поклажу. Когда Болдуин преследовал их, до его слуха донесся жалобный женский крик. Он остановил своего боевого коня и увидел мусульманку в родовых муках. Он бросил ей свой плащ, чтобы прикрыть ее, и приказал положить ее на ковры, расстеленные на земле. По его приказу к этому ложу страданий были принесены фрукты и бурдюк с водой, а верблюдица дала молока для вскармливания новорожденного ребенка. Мать была поручена заботам рабыни с приказом отвести ее к мужу. Последний, занимавший выдающееся положение среди мусульман, пролил слезы радости при виде жены, о смерти которой он оплакивал, и поклялся никогда не забывать великодушный поступок Болдуина.

Победитель сарацин, король Иерусалима отослал назад свои войска и отдыхал в Яффе после тяжелых испытаний войны, когда узнал, что мусульманская армия собралась и полным ходом

идет в атаку на христиан. Болдуин, которого победа сделала опрометчивым, не собрав всех своих войск, немедленно выступил навстречу врагу во главе двухсот рыцарей и нескольких паломников, недавно прибывших с Запада. Нисколько не смущенный численностью сарацин, он дал сражение; но при первой же атаке христиане были окружены и искали только славной смерти, сражаясь бок о бок со своим предводителем. Король Иерусалима, вынужденный спасаться бегством, спрятался среди высокой сухой травы и кустарников, покрывавших равнину. Когда сарадины подожгли их, Балдуин с трудом избежал сожжения заживо; и после многих опасностей был рад укрыться в Рамле.

Ночью его враги прекратили преследование, но на следующий день месту, которое служило ему убежищем, угрожала немедленная осада, и у него не было средств защиты. Болдуин был охвачен сильнейшей тревогой, когда незнакомец, каким-то образом проникший в город, потребовал немедленно переговорить с королем Иерусалима. “Это благодарность, - сказал он ему, - которая привела меня сюда. Ты был великодушен по отношению к жене, которая мне дороже всего на свете — ты вернул ее мне и ее семье после того, как спас ей жизнь. Я подвергаюсь тысяче опасностей, чтобы исполнить столь священный долг. Сарацины окружают город, в котором ты отступаешь, со всех сторон; завтра он будет взят, и ни один из его жителей не избежит смерти. Я пришел предложить тебе средства к спасению. Я знаком с путем, который не охраняется;[232] тогда поторопитесь, ибо время поджигает. Тебе нужно только следовать за мной; еще до рассвета ты будешь среди своего народа”.

Болдуин колебался — он проливал слезы при мысли о том, какова должна быть судьба его товарищей по несчастью; но, в конце концов, он уступил великодушию мусульманского эмира, и в сопровождении слабого эскорта они оба покинули город посреди бурной ночи. Отъехав на несколько лиг от Рамлы, они расстались со слезами на глазах; эмир присоединился к мусульманской армии, и Балдуину удалось добраться до города Арсур.

На рассвете сарадины двинулись к крепостным валам Рамлы. Они быстро овладели городом, и все, кого они встретили в этом месте, были перебиты. Несколько солдат, спасшихся от сарацинских мечей, разнесли печальную весть по соседним городам. Это было первое поражение, которое потерпели христиане с момента своего прибытия в Палестину. Поскольку было уверенно заявлено, что Балдуин был убит при взятии Рамлы, эта потеря значительно усилила всеобщий ужас. Большой иерусалимский колокол возвестил о приближении сарацин и их вторжении. Священники, монахи, паломники, одетые во вретище и босые, шли процессией по улицам святого города; женщины и дети заполняли церкви и со слезами на глазах и воздетыми руками молили Небеса о милости. Самые храбрые начинали отчаиваться в безопасности королевства, когда Болдуин внезапно появился среди своего народа, как утренняя звезда, говорит Вильгельм Тирский, и своим присутствием возродил их надежды.

Король Иерусалимский собрал в Яффе остатки своей армии, а христианские города прислали ему всех своих жителей, способных носить оружие. Несколько принцев и рыцарей, прибывших с Запада, также присоединились к нему. Христиане смело двинулись навстречу мусульманам, патриарх Иерусалимский пронес через ряды древо святого креста. Боевым кличем христианских солдат было: *“Христос жив, Христос царствует, Христос повелевает”*. [233] Вскоре две армии оказались в поле зрения друг друга на равнинах Яффы, и тотчас же зазвучали трубы, подав сигнал к битве. Обе стороны сражались с яростью; неверные окружили христиан и

теснили их так тесно, что у них едва хватало места для размаха оружия, и победа была близка к тому, чтобы решиться в пользу мусульман, когда Балдуин, вырвав белый флаг из рук своего оруженосца, и сопровождаемый ста шестьюдесятью рыцарями, ворвался в самые густые ряды врага. Этот акт храбрости решил судьбу битвы, и христиане вновь обрели мужество. Битва продолжалась весь день, но ближе к ночи мусульмане в беспорядке бежали, оставив на поле боя убитыми эмира Аскалона и четыре тысячи своих самых храбрых солдат.

Балдуин, которого за несколько дней до этого считали погибшим, с триумфом вернулся в Иерусалим. Большую часть добычи он отдал госпитальерам Святого Иоанна, в обязанности которых входило развлекать бедняков и всех паломников; и, пользуясь выражением старой хроники, таким образом, он разделил с Богом добычу сарацин.

Христиане, собравшиеся в церквях, возносили благодарность Богу за освобождение королевства; но эта последняя победа не могла осушить всех слез, пролитых первым поражением, и погребальные гимны смешивались с песнями радости. В этой кампании погибло много принцев и рыцарей, покинувших Европу после первого крестового похода. Стефан, граф Шартра и Блуа, и Стефан, герцог Бургундский, прибывшие в Палестину с остатками армии, рассеянной турками в Малой Азии, были убиты под стенами Рамлы. Когда греков обвинили в том, что они подготовили гибель армий, посланных на помощь латинянам, во всех христианских колониях поднялся ропот против императора Алексея. Этот правитель, постоянно опасавшийся западных держав, послал поздравить короля Иерусалима с его победами и приложил все усилия, чтобы обеспечить свободу христианам, попавшим в руки египтян и турок. Освободив или выкупив нескольких христианских рыцарей, он принял их в Константинополе, нагрузил подарками и отправил обратно в их собственную страну.

Но, разбивая таким образом цепи нескольких пленников, он снаряжал флот и собирал армии для нападения на Антиохию и овладения городами на побережье Сирии, принадлежавшими латинам. Он предложил заплатить выкуп за Боэмунда, все еще находившегося в плену у турок, не для того, чтобы освободить его, а для того, чтобы доставить в Константинополь, где он надеялся добиться от него отречения от своего княжества. Боэмунд, раскусивший замыслы Алексея, заручился благосклонностью эмира, который держал его в плену, пообещал ему свой союз и поддержку и убедил его принять в качестве выкупа половину суммы, предложенной императором греков. После четырехлетнего плена он вернулся в Антиохию, где занялся отражением агрессии Алексиса. Флотилии пизанцев и генуэзцев пришли ему на помощь, и несколько сражений, как на море, так и на суше, были разыграны с различным успехом; латиняне и греки, по очереди, получали преимущество.

Пока шла эта война между Алексеем и Боэмундом, франки не упускали ни одной возможности вступить в столкновение с неверными. Боэмунд, Балдуин дю Бург, граф Эдессы, и его двоюродный брат Жосселин де Куртенэ,[\[234\]](#) хозяева нескольких городов на берегах Евфрата объединили свои силы, чтобы напасть на Чаран, процветающий город Месопотамии. Христиане после многодневной осады были уже готовы войти в это место, когда граф Эдесский и князь Антиохийский поспорили о владении им. Пока дебаты удерживали лучших вождей в христианских палатках, сарацины из Мосула и Алеппо пришли на помощь городу и дали бой осаждающим. В этом сражении было убито великое множество христиан, и многие попали в руки неверных, которые в упоении победой оскорбляли как побежденных, так и религию Христа. История повествует, что насмешки мусульман вселили ярость и отчаяние в армию христиан, и

что к концу битвы один рыцарь в одиночку сразился с победоносными неверными и ворвался в ряды врага, крича: *“Пусть все, кто желает поужинать со мной в Раю, следуют за мной.”* Этот храбрый рыцарь сначала поразил сарацин своей отвагой, но вскоре пал, пронзенный множеством ран. Архиепископ Эдессы Жосселин де Куртенэ и Болдуин дю Бург были закованы в кандалы и доставлены в тюрьмы Моссула. Принц Антиохии и Танкред были единственными, кто смог спастись от преследования мусульман с небольшим количеством своих солдат. Это поражение посеяло ужас среди всех христиан Востока. Боэмунд, возвращаясь в свою столицу, подвергся угрозе одновременно со стороны греков и сарацин; и, поскольку у него теперь не было ни союзников, ни вспомогательных сил, и он был лишен как людей, так и денег, он решил вернуться в Европу и призвать народы Запада на помощь.

Распространив за границей весть о его смерти, он сел на корабль в Антиохии и, спрятанный в гробу,^[235] прошел через флот греков, которые радовались его смерти и осыпали проклятиями его память. Прибыв в Италию, Боэмунд бросился к ногам верховного понтифика, описывая несчастья, которые он претерпел, защищая святую религию, и призывая месть Небес на Алексея, которого он представлял как величайшее бедствие христиан. Папа приветствовал его как героя и мученика; он восхвалял его подвиги, выслушивал его жалобы, доверил ему знамя Святого Петра и разрешил ему от имени Церкви собрать в Европе армию, чтобы исправить свои неудачи и отомстить за дело Божье.

Затем Боэмунд отправился во Францию, где его приключения и подвиги сделали его имя известным всем слоям общества. Он явился ко двору Филиппа I, который принял его с величайшими почестями и выдал за него замуж свою дочь Констанцию. Среди придворных празднеств он поочередно становился самым блестящим из рыцарей и самым пылким из миссионеров; он вызывал всеобщее восхищение своим мастерством на турнирах и проповедовал войну против врагов христиан. Он легко зажигал сердца, и без того пылавшие любовью к воинской славе; и множество рыцарей боролись за честь сопровождать его на Восток. Он пересек Пиренеи и собрал солдат в Испании; он вернулся в Италию и повсюду встречал тех, кто с таким же рвением следовал за ним. Завершив все приготовления, он сел на корабль в Бари и отплыл во владения греческого императора, где его угрозы и слава о его экспедиции уже сеяли ужас.

Князь Антиохии не переставал своими речами разжигать пыл своих многочисленных спутников: некоторым он представлял греков союзниками мусульман и врагами Христа; другим он говорил о богатствах Алексея и обещал затем добычу империи. Он был близок к осуществлению своих блестящих надежд, когда фортуна, которая до сих пор творила такие чудеса в его пользу, внезапно покинула его.

Город Дураццо, осаду которого он предпринял, долгое время сопротивлялся всем его усилиям; болезни тем временем разоряли его армию. Воины, последовавшие за ним в надежде пограбить или из желания посетить Святую Землю, покинули его знамя; он был вынужден заключить позорный мир с императором, которого пытался свергнуть с престола, и вернулся, чтобы умереть в отчаянии в маленьком княжестве Тарент, которое он оставил ради завоевания Востока.

Неудачный исход этого крестового похода, который был полностью направлен против греков, стал фатальным для христиан, обосновавшихся в Сирии, и лишил их помощи, которую они имели основания ожидать от Запада. Танкред, который все еще правил Антиохией в отсутствие

Бозмунда и после его смерти, несколько раз подвергался нападениям сарацин из Алеппо и сопротивлялся им, проявляя чудеса доблести. Джосселин и Болдуин дю Бург вернулись в свои штаты только после пяти лет плена. Когда Балдуин вернулся в Эдессу, он был настолько беден, что не мог платить своим простым слугам; и армянский принц, на дочери которого он женился, был вынужден выкупить бороду[236] своего зятя, которую тот заложил для оплаты своих солдат. Ресурсы правительства Антиохии были истощены не меньше, чем ресурсы графства Эдесса. Доведенные до крайности своим несчастьем, Танкред и Балдуин дю Бург несколько раз спорили; каждый по очереди призывал сарацин на защиту своего дела, и на берегах Евфрата и Оронта воцарилось смятение.

Не был свободен от раздоров и Иерусалим. Болдуин не мог платить своим солдатам и требовал денег у патриарха, который был хранителем милостыни верующих. Даймбер сначала отказался помогать королю, который решил применить силу, чтобы принудить его: “Да, - сказал он патриарху в порыве гнева, - я заберу сокровища церкви и гроба Господня; я хочу спасти Иерусалим и христианский народ; когда я осуществлю этот благородный замысел, я верну богатства всемогущего Бога”. Даймбер, запуганный угрозами Балдуина, согласился уступить часть своих сокровищ; но как только король Иерусалима почувствовал новые нужды, он выдвинул новые требования, на которые понтифик ответил оскорбительным отказом. Он обвинил короля в осквернении и разграблении святилища, в то время как король, со своей стороны, обвинил Даймбера в предательстве дела христиан и в растрате сокровищ Иисуса Христа на удовольствия и празднества. Ссоры Болдуина и патриарха возобновлялись каждый год; в конце концов, оба часто обращались со своими жалобами к Святому Престолу, который не вынес никакого решения, способного примирить разгневанные стороны. Только смерть Даймбера могла положить конец этим дискуссиям, которые вызвали скандал в церкви Христа и, ослабив власть короля, могли привести к гибели королевства.

В то время как патриарх неустанно жаловался на Балдуина, король редко отвечал чем-либо иным, кроме новых побед над неверными; ничто не могло отвлечь его от его цели каждодневного увеличения своих владений. Процветание и безопасность Иерусалима, по-видимому, были тесно связаны с завоеванием приморских городов Сирии и Палестины; только благодаря им он мог получить помощь или установить быстрое и легкое сообщение с Западом. Морские державы Европы были заинтересованы в поддержке, в данном случае, предприятий короля Иерусалимского. Плавание по Средиземному морю и перевозка паломников в Святую Землю были для них неисчерпаемым источником богатства; порты Сирии предлагали им удобное убежище для их судов и безопасные перевалочные пункты для их торговли.

Со времен первых крестовых походов пизанцы и генуэзцы постоянно посылали суда в восточные моря; и их флоты помогли христианам в нескольких экспедициях против мусульман. Генуэзский флот только что прибыл в сирийские моря, когда Балдуин предпринял осаду Птолемаиды. Генуэзцев пригласили помочь в этом завоевании; но поскольку религия не была принципом, побуждавшим их к действию, они потребовали, в обмен на свою помощь и свой труд, чтобы им досталась треть добычи; они также обязались иметь отдельную церковь для себя, а также национальную фабрику и судилище в завоеванном городе. Птолемаида была осаждена с суши и моря, и после двадцатидневного кровавого сопротивления жители и гарнизон предложили сдаться и умоляли победителей о милосердии. Город открыл свои ворота христианам, и жители приготовились уходить, забрав с собой все, что они считали наиболее ценным; но генуэзцы при виде такой богатой добычи не обратили никакого внимания на

капитуляцию и безжалостно убивали безоружных людей. Это варварское поведение, которое Болдуин не мог ни пресечь, ни наказать, больше, чем когда-либо, возбудило мусульман против христиан.

При каждом новом завоевании Балдуина с берегов Нила приходила новая армия, чтобы помешать его победам; но египтяне уже давно привыкли убегать от франков, и мусульмане Сирии никогда не поддерживали их в их походах, которые ревниво относились к их появлению на своих территориях. Небольшого числа христианских воинов, которых никогда нельзя было бы принять за армию, если бы они не совершали чудес, было достаточно, чтобы обратить в бегство множество солдат, совершивших вылазку со стен Аскалона. Вследствие этой победы несколько мест, которые египтяне еще удерживали на берегах Сирии, перешли в руки христиан.

Бертран, сын Раймона де Сен-Жиля, прибыл из Европы с целью нападения на город Триполи. Этот город, взятый сначала египтянами перед первым крестовым походом и снова попавший под власть турецкого военачальника, должен был, чтобы защититься от христиан, еще раз признать власть халифа Египта. Но этот халиф больше думал о наказании за восстание в Триполи, чем о том, чтобы обеспечить его оборону. Он заковал главных жителей в кандалы, взимал тяжелую дань, и когда люди умоляли его о помощи в борьбе с врагами исламизма, халиф послал судно за красивой рабыней, которая находилась в городе и которую он предназначил для своего серала. Раздраженные люди, вместо того чтобы отдать раба, которого он требовал, прислали ему кусок дерева, сказав: *“Чтобы он мог сделать из этого что-нибудь для развлечения”*.^[237] Жители Триполи, потерявшие тогда надежду, сдались христианам.

Раймонд, граф де Сен-Жиль и Тулуза, один из спутников Годфри, после долгих скитаний по Азии скончался еще до того, как это место, которое он начал осаду, было захвачено. В память о его подвигах в первом крестовом походе богатая территория Триполи была преобразована в графство и стала наследством его семьи.

Эта территория славилась своими постановками. Прозрачные ручьи, стремглав несущиеся между скалами Либана, стекали по многочисленным каналам, орошая многочисленные сады Триполи. На равнинах и на холмах, прилегающих к морю, в изобилии росли пшеница, виноградная лоза, маслина и белая шелковица, листья которых питали шелкопряда, завезенного Юстинианом в богатейшие провинции его империи. В городе Триполи проживало более четырех тысяч рабочих, искусных в производстве шерстяных тканей, шелка и льна. Значительная часть этих преимуществ была, без сомнения, утрачена завоевателями, которые во время осады опустошали местность вокруг, а при взятии города предали его огню и мечу.

В Триполи были и другие богатства, к которым франки относились с не меньшим презрением, чем к продуктам промышленности. Библиотека, основанная в этом городе и прославленная по всему Востоку, содержала памятники^[238] древней литературы персов, арабов, египтян и греков. Сотня переписчиков постоянно занималась переписыванием рукописей. Кади посылал во все страны людей, уполномоченных приобретать редкие и ценные книги. После взятия города священник, прикрепленный к графу Бернару де Сен-Жилю,^[239] вошел в комнату, в которой было собрано огромное количество экземпляров Корана, и, поскольку он заявил, что библиотека Триполи содержала только нечестивые книги Магомета, она была предана огню. Некоторые восточные авторы горько сожалели об этой невосполнимой потере; но ни одна из современных нам хроник не упоминает об этом, и их молчание ясно показывает глубокое

безразличие, с которым франкские солдаты были свидетелями пожара, уничтожившего сто тысяч томов.

Библс, расположенный на улыбающихся и плодородных берегах Финикии; Сарепта, где святой Иероним еще в свое время видел башню Исайи; и Берит, знаменитый в ранние века Церкви своей школой красноречия, разделили судьбу Триполи и стали баронствами, пожалованными христианским рыцарям. После этих завоеваний пизанцы, генуэзцы и несколько воинов, сопровождавших Балдуина в его экспедициях, вернулись в Европу; и король Иерусалимский, покинутый этими полезными союзниками, был вынужден использовать оставшиеся силы для отражения вторжений сарацин, которые проникли в Палестину и даже выставили свои знамена на горе Сион. Он отказался от идеи подчинения приморских городов, которые все еще принадлежали египтянам, когда Сигур, сын Магнуса, короля Норвегии, прибыл в порт Яффо. Сигура сопровождали десять тысяч норвежцев, которые три года назад покинули север Европы с целью посетить Святую Землю. Болдуин отправился навстречу принцу Норвегии и заклинал его присоединиться к нему в борьбе за безопасность и приумножение царства Иисуса Христа. Сигур с радостью откликнулся на молитву короля и не потребовал в награду за свой труд ничего, кроме куска дерева от истинного креста.

Патриарх Иерусалимский, чтобы придать дополнительную ценность тому, чего требовал принц, сначала колебался, давать ли это согласие, и заключил с ним договор, по крайней мере, столь же торжественный, как если бы речь шла о владении королевством. Когда они оба принесли клятву выполнять условия договора, Сигур в сопровождении своих воинов с триумфом вступил в Иерусалим. Жители Иерусалима с удивлением, смешанным с радостью, смотрели на огромные боевые топоры, светлые волосы и высокий рост пилигримов из Норвегии; присутствие этих грозных воинов было верным предзнаменованием победы. На совете было решено осадить город Сидон; Балдуин и Бертран, граф Триполийский, атаковали крепостные стены этого места, в то время как флот Сигура блокировал порт и направил свои действия против прибрежной стороны. После шестинедельной осады город сдался христианам; рыцари Болдуина и солдаты Сигура проявили во время осады чудеса доблести, а после победы проявили человечность, которая всегда сопутствует истинной храбрости. После этого завоевания Сигур покинул Палестину, сопровождаемый благословениями христианского народа. Он сел на корабль, чтобы вернуться в Норвегию, унося с собой частицу истинного креста, драгоценный памятник своего паломничества, который по его приказу поместили в церкви Дронтхайма, где он долгое время был объектом почитания верующих.

Балдуин, вернувшись в свою столицу, с горечью узнал, что Жерве, граф Тивериадский, был застигнут турками врасплох и уведен пленным вместе со своими самыми верными рыцарями в город Дамаск. Мусульманские депутаты пришли предложить королю Иерусалима свободу Жерве в обмен на Птолемаис, Яффу и некоторые другие города, захваченные христианами; за отказом, добавили они, последует смерть графа Жерве. Болдуин предложил заплатить значительную сумму за свободу Жерве, которого он нежно любил: “Что касается городов, которые вы требуете, - сказал он им, - я бы не отдал их вам ни ради моего собственного брата, ни ради всех христианских князей вместе взятых”. По возвращении послов Жерве и его рыцари были выволены на открытое место в Дамаске и насмерть забиты сарацинами стрелами.

Христиане проливали слезы по поводу смерти графа Жерве, но вскоре им пришлось оплакивать гораздо более болезненную потерю. Танкред, правивший княжеством Антиохийским, погиб во время похода против неверных. Он высоко поднял на Востоке мнение о героических добродетелях французского рыцаря; никогда слабость или несчастье не вызвали к его помощи напрасно. Он одержал множество побед над сарацинами, но никогда не сражался ради честолюбивых целей. Ничто не могло поколебать его верность, ничто не казалось невозможным для его доблести. Он ответил послам Алексея, которые требовали от него восстановить Антиохию: “Я бы не отдал город, который мне доверен, даже если бы воины, явившиеся завоевывать его, имели тела и огнестрельное оружие”. Пока он был жив, Антиохии нечего было опасаться вторжения неверных или раздоров между жителями. Его смерть повергла колонию в беспорядок и смятение, она распространила траур по всем христианским государствам Востока и стала для них сигналом величайших бедствий.

Иерусалимскому королевству до сих пор приходилось сражаться только с армиями, набранными из Египта; сирийские турки, гораздо более грозные в войне, чем египтяне, никогда не объединяли свои силы для нападения на христиан Иерусалима.[\[240\]](#)

Султаны Дамаска и Мосула с несколькими эмирами Месопотамии собрали армию из тридцати тысяч воинов и проникли через горы Ливана в Галилею. В течение более чем трех месяцев берега Иордана и Генесаретского озера были опустошены ужасами войны. Король Иерусалима встал во главе своих рыцарей, чтобы сразиться с этим грозным врагом, и потерпел поражение от сарацин на равнинах близ горы Фавор. Рожер Сицилийский, который был губернатором Антиохии после смерти Танкреда, и графы Триполи и Эдессы пришли со своими войсками на помощь Балдуину. Христианская армия, хотя и собрала тогда под своими знаменами одиннадцать тысяч бойцов, расположилась лагерем в горах и не осмелилась рискнуть вступить в сражение. Христиане, укрепившиеся на высотах, видели, как их поля были разорены, а города сожжены. Все берега Иордана, казалось, были объаты пламенем, ибо огромное количество сарацин из Аскалона, Тира и других мусульманских городов воспользовалось поражениями христиан, чтобы опустошить многие провинции Палестины. Страна Сечем была захвачена, а город Напруз предан разграблению. Иерусалим, оставшийся без защитников, закрыл свои ворота и на мгновение испугался, что снова попадет во власть неверных.

Однако турки, опасаясь прибытия новых паломников с Запада, покинули Галилею и вернулись в Дамаск и Мосул. Но вскоре за войной последовали другие бедствия. Тучи саранчи из Аравии довершили опустошение полей Палестины. Ужасный голод царил в графстве Эдесса, княжестве Антиохия и во всех христианских государствах. Землетрясение ощущалось от горы Тавр до пустынь Идумеи, в результате которого несколько городов Киликии были превращены в груды руин. В Самосате армянский принц был поглощен своим собственным дворцом; тринадцать башен стен Эдессы и цитадель Алеппо рухнули со страшным грохотом; башни самых высоких крепостей покрыли землю своими обломками, а военачальники, будь то мусульмане или христиане, бежали со своими солдатами в поисках безопасности в пустынях и лесах. Антиохия пострадала от землетрясения больше, чем любой другой город. Башня северных ворот, многие общественные здания и несколько церквей были полностью разрушены.

Великие беды всегда внушали христианам чувство раскаяния. Толпа мужчин и женщин бросилась к церкви святого Петра Антиохийского, исповедалась в своих грехах патриарху и заклинала его умиловить гнев Небес. Потрясения, тем не менее, возобновились в течение

пяти месяцев; христиане покинули города и, охваченные ужасом, бродили среди гор, которые теперь были населены более густо, чем самые большие города. Те немногие, кто оставался в городах, постоянно устраивали религиозные процессии, надевали траурные одежды и полностью отказывались от любых удовольствий. На улицах и в церквях не было слышно ничего, кроме причитаний и молитв; люди клялись простить все обиды и не скупились на благотворительность. Наконец Небо, казалось, успокоилось; землетрясение прекратило свои разрушительные действия, и собравшиеся христиане отпраздновали милость Божью торжественным празднеством.

Едва христиане избавились от этих тревог, как новая буря угрожала Сирии и Палестине.^[241] Модуд, принц или губернатор Моссула, был убит двумя исмаэльцами, когда выходил из мечети. Поскольку принц Моссула считался самой твердой опорой исламизма и самым грозным врагом христиан, халиф и султан Багдада причислили его к лику мучеников и решили отомстить за его смерть. Они обвинили франков и султана Дамаска в убийстве мусульманского принца. Многочисленная армия выступила с берегов Тигра и двинулась в Сирию, чтобы наказать одновременно и неверных христиан, и мусульман. Воины Багдада, объединившись с воинами Моссула, проникли до земель Алеппо и несли разрушение и смерть повсюду, куда бы ни пошли. Перед лицом этой острой опасности сарацины Дамаска и Месопотамии без колебаний заключили союз с христианскими князьями. Король Иерусалима, принц Антиохии и граф Триполитский объединили свои войска с мусульманскими. Христиане были полны рвения и горячности и рвались в бой, но их новые союзники не желали давать им преимущество в победе, поскольку они не доверяли воинам Христа и прилагали все усилия, чтобы избежать решающего сражения, в котором они боялись триумфа своих вспомогательных сил не меньше, чем триумфа своих врагов. Разорив территорию Алеппо, берега Евфрата и Оронта, воины Багдада вернулись в свою страну, так и не померившись силами со своими грозными противниками. Христиане в этой кампании не продемонстрировали своего оружия какими-либо особенно блестящими подвигами, но они поддерживали раскол среди сарацин, и разногласия их врагов были им более полезны, чем великая победа.

Король Иерусалима, больше не имея возможности бороться с турками Багдада или турками, обосновавшимися в Сирии, обратил свое внимание на Египет, армии которого он так часто рассеивал.^[242] Он собрал своих отборных воинов, пересек пустыню, перенес ужас своего оружия на берега Нила, напал врасплох и разграбил город Фарамия, расположенный в трех днях пути от Каира. Успех этой экспедиции дал ему повод надеяться, что однажды он станет хозяином великого королевства, и он возвращался с триумфом, нагруженный добычей, в Иерусалим, когда заболел в Эль-Аррихе, на границе пустыни, отделяющей Египет от Палестины. Вскоре он пришел в отчаяние, и товарищи по его победам, собравшиеся вокруг него, не могли скрыть своей глубокой печали. Болдуин попытался утешить их своими речами: “Мои дорогие товарищи, - сказал он им, - вы, претерпевшие столько бед и выдержавшие столько опасностей, почему вы позволяете горю овладеть вами? Помните, что вы все еще находитесь на территории сарацин и что вам понадобится вся ваша обычная храбрость. Подумайте, что вы теряете во мне только одного человека и что среди вас есть несколько воинов, превосходящих меня в мастерстве. Не думайте ни о чем, кроме возвращения с победой в Иерусалим и защиты наследия Христа. Если я долгое время сражался с вами и мои многочисленные труды дают мне право обратиться к вам с молитвой, я заклинаю вас не оставлять мои кости в чужой стране, но похоронить их рядом с могилой моего брата Годфри”.

Затем король Иерусалима приказал собрать своих слуг и отдал им приказ о его погребении. Назначив Балдуина дю Бурга своим преемником, он скончался в окружении своих товарищей, которые, хотя и были глубоко опечалены, старались скрыть свои слезы, чтобы сарацины не узнали о великой потере, которую понесли христиане.

Болдуин жил и умер посреди лагерей. Во время его правления, длившегося восемнадцать лет, жителей Иерусалима ежегодно предупреждали о приближении сарацин звоном большого колокола; и они почти никогда не видели дерева истинного креста в святилище, ибо эта священная реликвия всегда сопровождала армии в битвах, и ее присутствия нередко было достаточно, чтобы принести победу христианам.

В то время, когда он занимал иерусалимский трон, единственным средством, которым Болдуин располагал для содержания своей необходимой армии, были десятые доли продукции обрабатываемых земель, некоторые налоги на торговлю, добыча, полученная от врагов, и выкуп пленников. Когда мир длился несколько месяцев или война заканчивалась неудачей, доходы государства сокращались до половины их обычного размера и не могли покрывать самые необходимые расходы. Сил королевства едва хватало, чтобы защитить его в час опасности. Болдуин никогда не мог предпринять никакого великого предприятия, за исключением случаев, когда с Запада прибывало подкрепление; а когда пилигримы с оружием в руках возвращались в свою страну, он часто был вынужден отказаться от начатой экспедиции, а иногда оказывался без средств сопротивления, подвергаясь атакам врага, всегда стремившегося отомстить за свои поражения.

Брат и преемник Годфри часто был на грани потери своего королевства и сохранял его только благодаря чудодейственной доблести. Из-за своей опрометчивости он проиграл несколько сражений, но его удивительная активность всегда спасала его от любых опасностей, в которые ему случалось попадать.

Историки того времени с теплотой отзываются о блестящих качествах Болдуина. Во время первого крестового похода он вызвал сильную ненависть за свой честолюбивый и надменный характер; но как только он получил желаемое и взошел на трон, им, по крайней мере, в равной степени восхищались за его великодушие и милосердие. Став королем Иерусалима, он последовал примеру Годфри и, в свою очередь, заслужил, чтобы его ставили в пример его преемникам.

Его крайняя любовь к женщинам иногда навлекала на него суровые порицания духовенства. Чтобы искупить свои проступки, в соответствии с мнениями того времени, он щедро одарил церкви, особенно Вифлеемскую; и многие другие религиозные учреждения обязаны ему своим основанием. Среди лагерной суматохи он добавил несколько статей к кодексу своего предшественника; но то, что больше всего делало честь его правлению, было его постоянное стремление вновь заселить Иерусалим. Он предложил почетное убежище всем христианам, рассеянным по Аравии, Сирии и Египту. Христиане, преследуемые мусульманами, приходили к нему толпами со своими женами, детьми и богатством. Болдуин распределил между ними земли и нежилые дома, и Иерусалим начал процветать.

Последняя воля Балдуина была исполнена. Христианская армия, сопровождаемая останками своего предводителя, вернулась в Иерусалим. Болдуин дю Бург, приехавший в святой город, чтобы отпраздновать праздник Пасхи и навестить брата Годфри, прибыл в Вербное воскресенье

в тот час, в который духовенство и народ, по древнему обычаю, отправляются процессией в долину Иосафата. Когда он въезжал в ворота Ефрема, траурный кортеж Болдуина в сопровождении его воинов в трауре въехал в ворота Дамаска. При этом зрелище печальные крики смешались с христианскими гимнами. Латиняне были глубоко огорчены, сирийцы плакали, а сарацины, по словам Фульше де Шартра, которые были свидетелями этого скорбного зрелища, не могли сдерживать слез. Посреди скорбящих людей граф Эдесский сопровождал похоронную процессию к подножию Голгофы, где Болдуин был похоронен рядом с Годфри.

Хотя покойный король указал на Балдуина дю Бурга в качестве своего преемника, бароны и прелаты встретились, чтобы избрать нового принца. Некоторые предлагали предложить корону Юстасу де Булони, брату Годфри. Жосселен де Куртенэ, один из первых графов королевства, заявил о своей поддержке Болдуина дю Бурга. Прибыв в Азию, Джосселин был радушно принят графом Эдессы, который подарил ему несколько городов на Евфрате. Впоследствии с позором изгнанный своим благодетелем, обвинившим его в неблагодарности, он нашел убежище в Иерусалимском королевстве, в котором получил Тивериадское княжество. Желал ли он загладить старые обиды или надеялся получить новые выгоды, он заявил собравшимся баронам, "что Балдуин дю Бург принадлежал к семье последнего короля; что его благочестие, мудрость и мужество были известны всему Востоку; и что ни одна страна по ту сторону или за морем не могла предложить государя, более достойного доверия и любви христиан". Благословения жителей Эдессы указали ему на выбор баронов и рыцарей, и Провидение своевременно послало его в Иерусалим, чтобы утешить христианский народ в утрате Годфри и Болдуина". Это выступление объединило всех избирателей в пользу Балдуина дю Бурга, который был коронован несколько дней спустя и передал графство Эдесса Жосселину де Куртенэ.

Едва Балдуин дю Бург воссел на иерусалимский трон, как ему пришлось бежать на помощь в Антиохию, подвергшуюся нападению сарацин из Дамаска и туркмен с берегов Евфрата. Рожер Сицилийский, сын Ричарда, который после смерти Танкреда правил Антиохией во время несовершеннолетия сына Бозмунда, был убит в кровопролитной битве. Балдуин в сопровождении графа Триполийского поспешил к берегам Оронта, напал на победоносных мусульман и рассеял их армию.^[243]

После этой победы он вернулся в Иерусалим, когда узнал, что Жосселен де Куртенэ попал в плен к туркам. Балдуин бросился на защиту графства Эдесса, которому угрожало вторжение, и сам попал в руки мусульман.

Старые хроники прославляют бесстрашное рвение пятидесяти армян, которые поклялись освободить двух принцев, столь любимых своими подданными, и чей плен привел к опустошению христиан Востока. Их усилия разорвали цепи Джосселина, но после того, как они преодолели тысячу опасностей, не сумев освободить Болдуина дю Бурга, они сами были захвачены неверными. Все они умерли в мучениях и получили только от Небес, добавляют те же хроники, награду за свою великодушную преданность.

Джосселин, сбегав из своей тюрьмы, отправился в Иерусалим, где сдал на хранение в церковь Гроба Господня цепи, которые он носил среди турок, и умолял о скорейшей помощи в освобождении Балдуина. Скорбящему королевству угрожали египетские сарацины, которые, стремясь воспользоваться пленением Балдуина, собрались на равнинах Аскалона с целью изгнать франков из Палестины. Перед лицом этой острой опасности иерусалимские христиане

не могли думать ни о чем, кроме защиты королевства. По примеру жителей Ниневии они сначала попытались смягчить гнев Небес покаянием и молитвой. Был предписан строгий пост, во время которого женщины воздерживались от грудного молока у своих детей в колыбели, а стада даже были отогнаны на некоторое расстояние от своих пастбищ и лишены обычной пищи. Война была объявлена звоном большого иерусалимского колокола. Христианской армией, насчитывавшей немногим более трех тысяч бойцов, командовал Эсташ Гренье, граф Сидонский, назначенный регентом королевства в отсутствие Балдуина. Патриарх святого града нес истинный крест во главе войска; за ним, по словам Роберта Нагорного, следовал Понтий, аббат Ключи, неся копье, которым был пронзен бок Спасителя, и епископ Вифлеема, державший в руках сосуд, в котором христианские священники хвастались, что сохранили молоко Девственной матери Божьей![\[244\]](#)

Христиане встретились с армией сарацин на равнинах Аскалона. Битва началась немедленно, и франки были немедленно окружены мусульманами, которые насчитали под своими знаменами сорок тысяч человек. Поражение христиан казалось неизбежным, когда внезапно, говорит историк, которого мы только что процитировали, свет, подобный удару молнии, пронесся по воздуху и обрушился на армию мусульман. Этот свет, который христиане сочли чудом с Небес, стал сигналом к разгрому сарацин. Воины-мусульмане, еще более суеверные, чем христиане, были охвачены внезапным ужасом, и у них больше не было ни мужества, ни сил защищаться. Семь тысяч из них пали на поле битвы, а пять тысяч погибли, поглощенные морскими волнами. Победоносные христиане вернулись в Иерусалим, воспевая хвалу Богу воинств.

С тех пор христианские рыцари плакали с меньшей горечью о пленении короля, без которого они были в состоянии победить армию сарацин; но армия франков, занятая защитой городов и границ, которым постоянно угрожал враг, не могла покинуть королевство для новых завоеваний; и воины, которые были задержаны в христианских городах после столь великой победы, были глубоко огорчены своим бездействием и, казалось, возлагали все свои надежды на помощь с Запада. Как раз в это время венецианский флот прибыл к берегам Сирии.

Венецианцы, которые в течение нескольких столетий наслаждались торговлей с Востоком и боялись разорвать свои выгодные отношения с мусульманами Азии, проявляли очень мало интереса к первому крестовому походу или к событиям, которые последовали за ним. Они ждали исхода этого великого предприятия, чтобы принять участие и без опасности присоединиться к победам христиан; но в конце концов, завидуя преимуществам, которые генуэзцы и пизанцы получили в Сирии, они пожелали также иметь долю в добыче мусульман и подготовили грозный поход против неверных. Их флот, пересекая Средиземное море, столкнулся с флотом генуэзцев, возвращавшимся с Востока; они яростно атаковали его и обратили в бегство в большом беспорядке. Обагив море кровью христиан, венецианцы продолжили свой путь к берегам Палестины, где встретили сарацинский флот, только что вышедший из портов Египта. Последовал жестокий конфликт, в ходе которого все египетские суда были рассеяны или уничтожены, а их обломки были покрыты волнами.

Пока венецианцы таким образом уничтожали флот мусульман, армия, посланная каирским халифом, была разбита христианами под стенами Яффы. Венецианский дож, командовавший

венецианским флотом, вошел в порт Птолемаис и был с триумфом препровожден в Иерусалим. Празднуя двойную победу, они решили извлечь из нее выгоду, предприняв вслед за ней важную экспедицию. На совете, проходившем в присутствии регента королевства и дожа Венеции, было предложено осадить либо город Тир, либо город Аскалон. Поскольку мнения разделились, было решено обратиться к Богу с вопросом и следовать его воле. Две полоски пергамента, на которых были написаны названия Аскалона и Тира, были положены на алтарь Гроба Господня. На глазах у многочисленной толпы зрителей юный сирота подошел к алтарю, взял одну из полосок, и случай выпал на долю города Тир.

Венецианцы, более преданные интересам своей торговли и своей нации, чем интересам христианского королевства, потребовали, прежде чем начать осаду Тира, чтобы в каждом городе Палестины у них были церковь, улица, общая печь и национальный трибунал. Кроме того, они требовали других привилегий и владения третьей частью завоеванного города. Завоевание Тира оказалось настолько важным, что регент, канцлер королевства и великие вассалы короны без колебаний приняли условия венецианцев: в акте, который сохранила история,^[245] они обязались не признавать Балдуина дю Бурга или любого другого принца, который отказался бы подписаться под ним.

Когда они, таким образом, по договору поделили город, который собирались завоевать, они начали подготовку к осаде. Ближе к началу весны христианская армия выступила из Иерусалима, а венецианский флот отплыл из порта Птолемаида. Историк Иерусалимского королевства, который долгое время был архиепископом Тирским, останавливается здесь, чтобы описать древние чудеса своей столицы. В своем повествовании, одновременно религиозном и светском, он поочередно ссылается на свидетельства Исайи и Вергилия; рассказав о царе Хираме и могиле Оригена, он не брезгует почтить память Кадма и страну Дидоны. Добрый архиепископ гордится прежде всего промышленностью и торговлей Тира; плодородием его территории, его красками, столь прославленными в древности, песком, из которого делают прозрачные вазы, и сахарным тростником, который с тех пор искали во всех уголках вселенной. Тир во времена Балдуина уже не был тем роскошным городом, чьи богатые купцы, согласно Исае, были князьями; но он все еще считался самым густонаселенным и коммерческим из всех городов Сирии. Он был построен на восхитительном пляже, который горы укрывали от северных порывов; у него были два больших мола, которые, подобно двум рукам, уходили в волны, образуя гавань, куда не могла добраться никакая буря. Тир, который семь с половиной месяцев удерживал победоносного Александра у своих стен, был защищен с одной стороны бурным морем и крутыми скалами, а с другой - тройной стеной, увенчанной высокими башнями.

Венецианский дож со своим флотом вошел в порт и закрыл все выпуски со стороны моря. Патриарх Иерусалимский, регент королевства, и Понтий, граф Триполийский, командовали сухопутной армией. В первые дни осады христиане и мусульмане сражались с упорным рвением и с равным успехом; но вскоре раздоры среди неверных усилили усилия франков. Халиф Египта уступил половину этого места султану Дамаска, чтобы побудить его защищать его от христиан. Турки и египтяне были разделены между собой и не хотели сражаться вместе. Франки извлекали выгоду из этих разделений и с каждым днем получали большие преимущества. После нескольких месяцев осады стены рухнули под натиском христианских машин; в городе стало не хватать провизии, и неверные были готовы капитулировать, когда возникли разногласия, которые, в свою очередь, разобщили христиан и были близки к тому, чтобы сделать бесполезными чудеса доблести и труды долгой осады.

Сухопутная армия громко жаловалась на то, что вынуждена в одиночку поддерживать как боевые действия, так и усталость; рыцари и их солдаты угрожали оставаться такими же неподвижными в своих палатках, как венецианцы на своих кораблях. Чтобы предотвратить действие их жалоб, венецианский дож пришел в лагерь христиан со своими матросами, вооруженными веслами, и объявил, что готов пробить брешь. С этого времени щедрое соперничество в равной степени воодушевляло рвение и мужество сухопутных и морских сил. Мусульмане, не имея надежды на помощь, после пяти с половиной месяцев осады были вынуждены сдаться. Знамена короля Иерусалима и дожа Венеции развевались над стенами Тира; христиане триумфально вступили в город, в то время как жители, согласно условиям капитуляции, вышли со своими женами и детьми.[246]

День, в который в Иерусалиме получили известие о завоевании Тира, был праздником для населения святого города. Под звон колоколов, преклонив колени, пели *Te Deum*; на башнях и крепостных валах города были подняты флаги; на улицах и в общественных местах были развешаны оливковые ветви и гирлянды цветов, а снаружи домов и на дверях церквей были развешаны богатые ткани. Старики напоминали своим соседям о великолепии Иудейского царства, а юные девы хором повторяли псалмы, в которых пророки прославляли город Тир.

Дож Венеции по возвращении в святой город был встречен одобрительными возгласами народа и духовенства. Бароны и основные жители делали все, что было в их силах, чтобы задержать его в Палестине; они даже зашли так далеко, что предложили ему корону Балдуина; одни считали, что этот принц погиб среди неверных, другие признавали короля только тогда, когда он стоял во главе армии или на поле битвы. Дож отказался от предложенной ему короны и, удовлетворившись титулом принца Иерусалимского, отплыл со своим победоносным флотом обратно в Италию.

В то время как они предлагали иерусалимский трон иностранному принцу, плен Балдуина дю Бурга подходил к концу. Эмир Балак,[247], державший его в плену, после того как победил в битве десять тысяч христиан под командованием Джосселина, осадил цитадель мусульманского города в Сирии и готовился прийти на помощь городу Тиру, когда был ранен дротиком и умер, о чем сожалели самые пылкие последователи Магомета. Затем Балдуину удалось выкупить свою свободу, и после восемнадцатимесячного плена он снова появился среди христиан. Король Иерусалима пообещал сарацинам значительную сумму в качестве выкупа, но ему было гораздо легче сражаться и победить своих врагов, чем выполнить такое обещание. Мусульмане, кроме того, жестоко обращались с заложниками, которых он оставил с ними,[248] предоставили ему предлог напасть на них. Когда неверные потребовали от него оговоренной цены за его свободу, он ответил только победой над ними. Христианские рыцари, которые, казалось, забыли о нем, теперь, когда они снова увидели его при оружии, возблагодарили Небеса за его освобождение и пришли войсками, чтобы встать под его знамена, и с радостью признали власть принца, который, казалось, только что вышел из своей тюрьмы, чтобы повести их на новые сражения.

Христианские государства того периода считали врагами халифов Багдада и Дамаска, эмиров Мосула и Алеппо, а также потомков Ортока, которые были хозяевами нескольких мест на Евфрате.[249] Египтяне были ослаблены многочисленными поражениями, и из всех их древних завоеваний на побережье Сирии сохранился только город Аскалон. Но гарнизон этого места, сформированный из остатков нескольких побежденных армий, все еще угрожал территориям

христиан. Хотя египтяне потеряли города Тир, Триполи и Птолемаиду, они все еще оставались хозяевами на море, и их флоты беспрепятственно курсировали вдоль берегов Сирии, когда морские державы Европы случайно не послали помощь франкам, обосновавшимся в Палестине.

Турки, привыкшие к военной и пастушеской жизни, не стремились к морской империи, но они никогда не оставляли христиан в покое. Они внушали страх не столькими своими огромными армиями, которые часто представляли собой не что иное, как растерянные и недисциплинированные толпы, сколько своими постоянными, изматывающими вторжениями. Послушные и терпеливые, они переносили голод, жажду и усталость лучше, чем встретились бы лицом к лицу с врагом. Их знание страны, привычка к климату и осведомленность, с которой они общались с местными жителями, давали им во всех их военных походах решительное преимущество перед христианами. Их воины превосходили франков в искусстве стрельбы из лука или метания дротика, а также в искусстве верховой езды; а их предводители были опытны и преуспели во всех военных хитростях. Их тактика заключалась в том, чтобы изматывать врагов, готовить для них засады или загонять их в трудные положения, где они могли одержать победу без боя. Бесконечные раздоры, царившие среди мусульманских князей Сирии, и революции, ежедневно угрожавшие их власти, не позволяли им в течение какого-либо времени придерживаться того же плана обороны или нападения; но когда они наслаждались временным спокойствием, иногда возбуждаемые жадной грабежа, а иногда воодушевляемые молитвами и советами халифа Багдада, они разражались подобно внезапной буре над территориями Антиохии, Эдессы, Триполи или Иерусалимского королевства. Если мусульмане терпели поражение, они отступали в надежде найти более благоприятную возможность; если они были завоевателями, они разоряли города и равнины и возвращались в свою страну, нагруженные добычей, распевая эти слова: *“Коран ликует, а Евангелие плачет”*.

Надежды на добычу каждый год привлекали новые орды и племена, которые стекались с гор Кавказ, Тавр, Корачан и берегов Тигра. Эти племена, по большей части дикие и варварские, смешались с мусульманами Сирии и Месопотамии и заменили в армиях и городах войска, сметенные войной. Среди племен, которые таким образом утвердились в Сирии, история не должна забывать о *ассасинах*, или *исмаэлянах*, секта которых возникла в начале XI века в горах Персии. Незадолго до первого крестового похода они овладели частью Ливана и основали колонию между Триполи и Тортозой, которой управлял вождь, которого франки называли *Старик, или Владыка Горы*. Вождь исмаилитов правил всего лишь примерно двадцатью замками или городами и едва ли более чем шестьюдесятью тысячами подданных; но он превратил деспотизм в разновидность культа, и его власть была безгранична. Его подданные считали, что он один является хранителем законов Магомета и что все, кто противится его воле, заслуживают смерти. Согласно верованиям исмаилитов, Горный Старец мог по своему усмотрению раздавать райские наслаждения своим слугам; тот, кто умер, повинувшись своему начальнику, вознесся на небеса, где его приветствовал пророк из Мекки, в то время как тот, кто умер в своей постели, прошел долгие испытательные испытания в загробном мире.

Исмаилиты были разделены на три класса: народ, солдаты *истража*. Люди жили обработкой земель и торговлей; они были послушны, трудолюбивы, трезвы и терпеливы: ничто не могло превзойти мастерство, силу и мужество солдат, качества которых особенно ценились при обороне или осаде городов. Большая часть мусульманских князей очень желала иметь их у себя на жалованье.

Самым выдающимся классом были *гвардейцы или федаи*. В их образовании не было пренебрежения ни к чему. С младенчества их тела укреплялись постоянными и изнурительными упражнениями, а их умы совершенствовались изучением искусств. Их обучали языкам Азии и Европы, чтобы они могли быть отправлены в эти страны для выполнения приказов своего хозяина. Использовались всевозможные средства, чтобы воспламенить их воображение и повысить их мужество; во время сна, вызванного опьяняющими напитками, они переносились в восхитительные сады и просыпались, окруженные соблазнами сладострастия. Именно там Горный Старец, показав им образ Райских радостей, внушил им слепое послушание. Посреди иллюзий, которые завораживали их, их учитель мог приказать им броситься с высоты башни, броситься в пламя или нанести себе смертельные раны. Когда Старик с Гор указывал им на кого-нибудь, кого он хотел наказать, они безразлично отправлялись, вооруженные кинжалом, искать его во дворцах или лагерях, и им не мешали ни препятствия, ни опасности.

Князья часто возлагали ответственность за свою месть на вождя исмаилитов и ожидали от него смерти своих соперников или врагов. Могущественные монархи были его данниками. Страхи, которые он внушал, и убийства, совершенные по его приказу, увеличили его сокровища. Окруженный своими бесстрашными воинами, он посылал смерть в отдаленные регионы; ужас от его имени распространялся повсюду, в то время как ему самому нечего было бояться своих врагов.

Исмаилиты, как непримиримые сектанты, питали глубокое отвращение к сирийским туркам. Многие из них состояли на жалованье у эмиров и султанов этой страны; но они продавали свои услуги по очень высокой цене и часто принимали активное участие в кровавых революциях, которые низвергали с тронов мусульманские династии Востока. У них было меньше ненависти к христианам, потому что последние сражались против турок; более того, иногда они становились полезными помощниками франков. Когда Балдуин дю Бург был освобожден, они намеревались сдать ему Дамаск, поскольку в этом городе находилось большое количество их воинов; но когда заговор был раскрыт, они потерпели неудачу в своем предприятии, и мусульмане перебили шесть тысяч исмаэлей.[\[250\]](#)

Старец Гор приказал убить эмира Моссула, который защищал город Дамаск от христиан. Убийство мусульманского эмира повергло Сирию в состояние возбуждения и беспокойства; но из недр этого беспорядка возникла новая и грозная сила. Зенгуи, сын Аксанкара, один из самых искусных военачальников своего времени, получил княжество Моссул, овладел Эмессой и Алеппо, а также несколькими другими городами Сирии и основал династию Атабеков, или наместников принца, которой было суждено господствовать на Востоке и представлять угрозу для христиан.[\[251\]](#)

В то время как эта новая власть поднималась в Сирии, христианские государства Востока находились на высшей точке своего процветания. Графство Эдесса, включавшее в себя большую часть богатых провинций Месопотамии, имело всех армянских князей в качестве своих союзников и вспомогательных сил. Несколько городов Кезирии, Киликии и Нижней Армении составляли Антиохийское княжество, самую обширную и процветающую из христианских провинций.

Графство Триполи состояло из нескольких мест, расположенных на Финикийском море, от Маргата до реки Адонис. Эта река, прославленная как в священной, так и в мирской истории, ограничивала на севере Иерусалимское королевство, которое на юге простиралось по морскому побережью до ворот Аскалона, а на востоке - до Аравийских пустынь.

Эти четыре штата образовали грозную конфедерацию. Европа с гордостью взирала на эти христианские колонии, которые стоили ей столькой крови; она была огорчена их неудачами и радовалась их прогрессу. Безопасность христианства, по-видимому, отождествлялась с их сохранением. Храбрейшие из христиан всегда были готовы посвятить себя наследию Христа; религия не предлагала вознаграждения, равного тому, которое было обещано их доблести, и само милосердие стало воинственным.

Из недр госпиталя, предназначенного для обслуживания паломников и бедных, вышли герои, вооруженные против неверных, — человечность и храбрость рыцарей Святого Иоанна^[252] были столь же заметны. В то время как одни состарились в сфере гостеприимства, другие отправились сражаться с врагами своей веры. По примеру этих благочестивых рыцарей несколько человек благородного происхождения встретились недалеко от того места, где когда-то стоял храм Соломона, и поклялись защищать паломников, направлявшихся в Иерусалим. Их союз дал начало ордену тамплиеров, который с момента своего возникновения был одобрен советом и своим уставом обязан святому Бернару.

Эти два ордена руководствовались тем же принципом, который дал начало крестовому походу, - союзом военного духа с религиозным. Удалившись от мира, они не имели другой страны, кроме Иерусалима, и другой семьи, кроме семьи Иисуса Христа. Богатство, зло и опасности были у них общими; одна воля, один дух руководили всеми их поступками и всеми их мыслями; все были объединены в одном доме, в котором, казалось, жил только один человек. Они жили в великой аскезе, и чем суровее становилась их дисциплина, тем крепче оказывались узы, которыми она сковывала их сердца и волю. Оружие было их единственным украшением; драгоценных украшений никогда не видели в их домах или церквях; но копий, щитов, мечей и штандартов, отобранных у неверных, было предостаточно. Под боевой клич, говорит святой Бернард,^[253] они вооружились верой внутри и сталью снаружи; они не боялись ни числа, ни ярости варваров, они гордились победой, были счастливы умереть за Иисуса Христа и верили, что каждая победа исходит от Бога.

Религия освятила опасности и насилие войны. Каждый монастырь Палестины был крепостью, в которой звон оружия смешивался с голосом молитвы. Смиранные кенобиты искали славы в битвах; каноники, учрежденные Годфри для молитвы у гроба господня по примеру госпитальеров и тамплиеров, облачились в каски и кирасы и под именем рыцарей Гроба Господня отличились среди воинов Христа.

Слава этих военных орденов вскоре распространилась по всему христианскому миру. Их слава проникла даже на острова и в самые отдаленные страны Запада. Все, кому нужно было искупить грехи, поспешили в святой город, чтобы разделить труды христианских воинов. Толпы людей, опустошивших свою собственную страну, пришли защищать Иерусалимское королевство и принимать участие в опасностях, подстерегавших самых стойких защитников веры.

В Европе не было ни одной прославленной семьи, которая не отправила бы хотя бы одного рыцаря в военные ордена Палестины. Принцы даже записывались в это священное ополчение

и отказывались от знаков своего достоинства, чтобы надеть красный герб госпитальеров или белую мантию рыцарей Храма. Во всех странах Запада им были дарованы замки и города, которые предоставляли убежище и помощь паломникам и стали вспомогательными средствами Иерусалимского королевства. Как монахи, как воины Христа, они упоминались в каждом завещании и нередко становились наследниками монархов и принцев.

Рыцари ордена Святого Иоанна и Храма долгое время заслуживали величайших похвал; они были бы более счастливы и достойны благословений потомства, если бы, в конце концов, не позволили развратить себя своим успехом и богатством; и если бы они не нарушали часто благосостояние государства, опорой которого была их храбрость! Эти два ордена были подобны крестовому походу, который постоянно возобновлялся и сохранял дух соперничества в христианских армиях.

Военные обычаи и манеры франков, действовавших тогда в Палестине, представляют собой объект, достойный пристального внимания историка и философа, и могут служить объяснением быстрого возвышения и последующего упадка Иерусалимского королевства. Дух чести, который воодушевлял воинов и позволял им не бежать даже в неравном бою, был наиболее активным принципом их храбрости и у них занял место дисциплины. Бросить товарища в опасности или отступить перед врагом было позорным поступком в глазах Бога или человека. В битве их сомкнутые ряды, их высокий рост, их боевые кони, как и они сами, закованные в сталь, опрокидывали, рассеивали или теснили многочисленные батальоны сарацин. Несмотря на тяжесть их доспехов, ничто не могло сравниться с быстротой, с которой они добирались до самых отдаленных мест. Их можно было видеть сражающимися почти в одно и то же время в Египте, на Евфрате и Оронте; и они покидали эти свои обычные театры военных действий только для того, чтобы угрожать Дамасскому княжеству или какому-нибудь городу Аравии. В разгар своих подвигов они не признавали иного закона, кроме победы, с удовольствием бросали знамена, которые вели их на врага, и возвращались к ним, не требуя от своего вождя ничего, кроме примера храбрости.

Поскольку их ополчение имело под своими знаменами воинов разных народов, противоположность характеров, различие манер и языков поддерживали среди них великодушное соперничество; но иногда точно так же порождали раздоры. Очень часто случай или какое-то неожиданное обстоятельство решали предприятие или судьбу кампании. Когда христианские рыцари считали себя в состоянии сразиться с врагом, они отправлялись на его поиски, не предпринимая ни малейших усилий, чтобы скрыть свой поход; уверенность в своей силе, в своем оружии и, прежде всего, в покровительстве Небес заставляла их пренебрегать военными хитростями и даже мерами предосторожности, наиболее необходимыми для безопасности армии. Благоразумие их вождей часто казалось им свидетельством робости или слабости, и многие из их князей заплатили своей жизнью или свободой за тщеславную славу противостоять бесполезным опасностям во имя христианского дела.

Франки Палестины почти не видели никаких опасностей или врагов, кроме тех, которые встречались им на поле битвы. Несколько важных предприятий, которыми, казалось, руководила только фортуна, были необходимы для обеспечения безопасности и процветания христианских государств в Азии. Первое из этих предприятий состояло в том, чтобы ослабить власть египетских халифов; второе - завоевать и сохранить приморские города Сирии, чтобы получать флот и помощь с Запада; третье - защитить границы и воздвигнуть со всех сторон

преграду против турок и сарацин. Каждый из этих великих интересов, или, скорее, все эти интересы вместе взятые, постоянно занимали франков, обосновавшихся в Азии, не ведая никакой другой политики, кроме политики обстоятельств, и не прибегая для достижения успеха ни к каким другим средствам, кроме своих мечей. Именно с этой точки зрения мы должны восхищаться их усилиями и находить замечательной храбрость, которая всему придала место.

Среди прославленных паломников, которые в то время направлялись в Палестину и принимали участие в подвигах христианских рыцарей, история не должна забывать Фулька, графа Анжуйского. Он был сыном Фулька ле Решена и Бертрады де Монфор, которая стала женой Филиппа I. и ради которой король Франции бросил вызов всем громам Церкви. Фульк Анжуйский не мог утешиться смертью своей жены Эремберже, дочери Эли, графа Мэна. Горе привело его в Палестину, где в течение года он содержал сотню латников, которых водил в бой. Он сочетал благочестие с доблестью и вызывал восхищение, проявляя все качества хорошего правителя. Болдуин, у которого не было потомства мужского пола, предложил ему в жены свою дочь Мелисенду и пообещал назначить его своим преемником. Фульк с радостью принял это предложение и стал зятем короля Иерусалимского.

С этого времени оба принца уделяли все свое внимание процветанию королевства и защите его от сарацин. Их союз послужил образцом для христианских монархов и продолжался до смерти Балдуина, который, видя приближение своего последнего часа, приказал отнести себя к месту, где Христос воскрес, и умер на руках своей дочери и зятя, которым своим последним вздохом он возвестил славу христиан Востока.

Болдуин обладал здравым умом, возвышенным духом и неизменной мягкостью. Религия руководила его малейшими поступками и вдохновляла все его мысли; но, возможно, в нем было больше набожности, чем подобало принцу или воину. Его постоянно видели распростертым на земле, и, если мы можем верить Вильгельму Тирскому, его руки и колени были закалены практикой благочестия. Он провел восемнадцать лет на троне Эдессы и двенадцать - на троне Иерусалима; он дважды попадал в плен и семь лет оставался в цепях неверных. У него не было ни недостатков, ни высоких качеств своего предшественника. Его правление прославилось завоеваниями, в которых он не принимал участия; но христиане не меньше сожалели о нем, любя видеть в нем последнего из сподвижников Готфрида.

При нем общественные нравы начали приходить в упадок: по его указанию в Наплузе был собран совет для пресечения распущенности и наказания нарушителей порядка и морали. Но постановления этого собора,^[254] хранящиеся в церквях, служили лишь доказательством существования беспорядков среди христиан и никоим образом не остановили распространение коррупции, которая быстро усилилась при последующих правлениях. Болдуин был более доволен мерами, которые он предпринял для увеличения числа своих подданных и обогащения своей столицы. Эдиктом были отменены все пошлины на зерно и овощи, ввозимые в святой город сирийцами. Таким образом, Балдуин улучшил торговлю и численность населения Иерусалима, а также возродил сельское хозяйство в соседних провинциях.

Фульк, граф Анжуйский, был коронован королем Иерусалима после смерти Балдуина. При его восшествии на престол раздоры потревожили христианские государства и даже угрожали скорым разорением Антиохийскому княжеству. Сын Боэмунда, недавно принявший бразды правления, был убит в битве с турками в Малой Азии, и дочь, которую он имел от Алисы, сестры

Мелисенды, была призвана унаследовать трон своего отца; но слабый пол и возраст не позволили ей предъявить свои права. Элис, ее мать, желала завладеть королевским престолом и для осуществления своих планов не постеснялась прибегнуть к помощи сарацин. Другим кандидатом стал Рожер, король Сицилии, который, как член семьи Боэмунда и Танкреда, имел претензии на Антиохийское княжество. Народ, духовенство и знать были разделены на несколько фракций.

Король Иерусалима, как защитник конфедерации франков в Азии, решил восстановить порядок и отправился в Антиохию со своими баронами и рыцарями Храма и Святого Иоанна. Граф Триполитский, примкнувший к партии Алисы, взялся остановить короля Иерусалимского при его проезде. Силы этих двух князей встретились; последовала битва, и равнины Финикии были обогреты кровью христиан, пролитой в противоестественной борьбе. Фульк Анжуйский, разгромив войска графа Триполи, занял берега Оронта, заставил замолчать противоборствующие группировки и восстановил мир. Чтобы усовершенствовать свою работу, он решил подарить дочери Боэмунда мужа, способного защитить ее права, который заслужил бы доверие христианских воинов. Сирия не представила ему ни принца, ни рыцаря, достойного его выбора, он обратил свой взор к принцам Европы и назначил Раймона Пуатье губернатором Антиохии в качестве Балдуина II. он сам избрал его губернатором Иерусалима. Таким образом, Европа, нашедшая защитников для христианских государств Азии, снабдила их также принцами и королями. Раймонд де Пуатье, брат Вильгельма, герцога Аквитанского, покинул Францию с сумкой и посохом паломника и прибыл в Сирию, чтобы жениться на дочери Балдуина и править вместе с ней на берегах Оронта.

Смуты в Антиохии возродили притязания константинопольских императоров. Иоанн Комнин, сын и преемник Алексея, встал во главе армии, овладел некоторыми местами в Киликии и расположился лагерем перед стенами Антиохии. После нескольких конфликтов, в которых победа оставалась неопределенной, были начаты переговоры, которые закончились принесением Раймоном Пуатье присяги на верность императору. Два принца, объединенные договором, решили обратить свое оружие против сарацин. Их войска, которыми они лично командовали, безуспешно атаковали Алеппо и несколько других городов Сирии; отсутствие взаимопонимания, которое всегда сопровождало греков и латинян, несомненно, привело к краху их предприятий. Император с досадой вернулся в Антиохию, которой он пытался овладеть, но был вынужден из-за мятежа поспешно покинуть город. Затем он разработал план посещения Иерусалима во главе своей армии с намерением, если верить латинянам, овладеть Палестиной. Фульк отправил послов сообщить ему, что он может быть принят в святом городе только как простой паломник; после чего Иоанн, который не осмеливался жаловаться, отправил подарки Фульку Анжуйскому и без особых мучений отказался от своей идеи паломничества в Иерусалим. После кампании, для которой он привлек все силы империи, он вернулся в свою столицу, не добившись ничего своим предприятием, кроме тщетного и пустого почтения князя Антиохии.

Фульк Анжуйский, восстановив мир между своими соседями, по возвращении обнаружил, что раздор не только царит в его государствах, но даже проник в его собственный дом. Уолтер, граф Кесарии, обвинил Гуго, графа Яффы, в преступлении государственной измены по отношению к своему королю. Этот последний дворянин навлек на себя ненависть короля и знатных людей

королевства, как говорят одни, своей гордыней и непослушанием, а другие - своей преступной связью с королевой Мелисендой. Когда бароны выслушали Уолтера Кесарийского, они решили, что между обвиняемым и обвинителем должен состояться бой *en champ clos*; и поскольку граф Яффский не появился в списках в назначенный день, он был признан виновным.

Гуго происходил от знаменитого сеньора де Пюисе, который поднял знамя восстания против короля Франции и который, в конце концов, был побежден Луи ле Гро,^[255] лишенный своих владений и изгнанный из своей страны, нашел убежище в Палестине, где его подвиги обеспечили ему графство Яффо, которое он передал своему отцу. сын. Хью обладал бурным и порывистым характером своего отца и, подобно ему, не мог ни простить обиду, ни подчиниться чьему-либо приказу. Узнав, что его осудили, не будучи выслушанным, он не нашел границ своему гневу и немедленно поспешил в Аскалон, чтобы умолять неверных о помощи против христиан. Мусульмане, весьма довольные разделением, возникшим среди их врагов, немедленно выступили в поход и опустошили страну вплоть до города Асур. Гуго, заключив преступный союз с сарацинами, заперся в Яффе, где вскоре был осажден королем Иерусалима.

Жажда мести воодушевляла обе стороны; Фульк Анжуйский поклялся покарать измену своего вассала, и Гуго был в равной степени полон решимости добиться успеха или похоронить себя под развалинами Яффы. Прежде чем королевские войска начали атаку, патриарх Иерусалимский выступил посредником и напомнил воинам-христианам заповеди евангельского милосердия. Гуго сначала с негодованием отвергал всякое упоминание о мире; но, будучи покинут своими сторонниками, он, наконец, невольно прислушался к мирным призывам патриарха и согласился сложить оружие. Король Иерусалима отправил домой свою армию, а граф Яффский согласился покинуть королевство, в которое он должен был вернуться только после трех лет изгнания. Он ожидал в Иерусалиме благоприятного момента для своего отъезда, когда неожиданное обстоятельство было готово возобновить подавленные ссоры. “Случилось так”, - говорит Вильгельм Тирский,^[256] “когда граф играл в кости на улице Скорняков, перед лавкой торговца по имени Альфам, солдат, бретонец по национальности, обнажив шпагу, внезапно напал на упомянутого графа, который, будучи внимательным к своей игре, ожидал не чего иного, как такого нападения, и с первым же ударом кат без малейшего предупреждения нанес ему такой удар упомянутым мечом по лицу, что тот повалился на землю”. При виде такой трагической сцены люди собрались вокруг толпами, с тревогой спрашивая о причине этого. Весь город был полон всевозможных слухов; все оплакивали судьбу графа Яффского и больше не думали о его мятеже. Они даже не стеснялись шепотом жаловаться на короля, которого обвиняли в том, что он сам руководил кинжалом убийцы. Король, однако, приказал немедленно арестовать убийцу, и его судили по всей строгости законов. Ему было приказано переломать конечности; и король, подтверждая приговор, лишь добавил, что убийце графа Яффского не следует, как это было обычно, отрезать язык, чтобы он мог назвать своих сообщников. Несчастный скончался, заявив, что никто не побуждал его совершить этот поступок, но что он считает, что этим должен послужить религии и своему королю. Таким образом, каждый был волен строить догадки в соответствии с чувством, которое им двигало, или с партией, которую он принял. Граф Яффский недолго оправлялся от своей раны; по прошествии нескольких месяцев он покинул Палестину и отправился на Сицилию, где умер до истечения срока, установленного для окончания его изгнания.

Королева Мелисенда была глубоко возмущена всем, что произошло; этим она доказала, что не была чужда истокам этих роковых разногласий. “С того дня, как граф покинул королевство, ”

говорит Вильгельм Тирский, - все, кто выступал против него, были осведомителями короля и навлекли на него немилость, вызвали такое негодование королевы, что они не были в полной безопасности, и даже король, казалось, чувствовал себя не совсем в своей тарелке среди родственников и фаворитов королевы". Гнев королевы, однако, прошел со временем и не пережил графа Яффского. Сам Фульк, то ли из-за того, что возраст притупил его чувства, то ли из-за того, что ему казалось более благоразумным стереть последние следы неудачного романа, раскаялся в том, что скомпрометировал честь королевы, и не пренебрегал ничем, что могло бы заставить ее забыть об избытке его ревности и суровости, к которой он прибегал.

Среди этих неприятных событий у короля Иерусалима были основания поздравить себя с тем, что ему не пришлось отражать вторжение мусульман. Принц Моссула Зенгуи атаковал несколько христианских крепостей, но вскоре он был отвлечен от своих предприятий против франков проектом объединения Дамасского княжества со своими государствами. Мусульманский принц, правивший в Дамаске, не мог найти другого средства противостоять Зенгуи, кроме как призвать христиан к себе на помощь. Король Иерусалима, получив заложников и значительные суммы денег, выступил в поход во главе своей армии для защиты мусульманского города; но Зенгуи, боявшийся померяться силами с франками, не рискнул атаковать Дамаск. Согласно условиям союза с христианами, город Паней, или Кесария Филиппийская, который недавно перешел в руки сарацин, должен был быть передан им. Воины Дамаска и Иерусалима выступили в поход вместе, чтобы осадить этот город, расположенный у подножия Ливана и недалеко от истоков Иордана. Во второй раз знамена Христа и Магомета были замечены реющими над одной армией и одним лагерем. Кесария Филиппийская капитулировала после нескольких дней осады и была передана королю Иерусалимскому.

Это завоевание стало самым важным событием, ознаменовавшим последние годы правления Фулька Анжуйского. Король Иерусалима, охотясь на равнине Птолемаида, упал с лошади и умер от падения, не оставив никого, кто мог бы стать его преемником, кроме двух детей нежного возраста. О нем сожалели не столько из-за его личных качеств, сколько из-за того печального состояния, в котором его смерть оставила королевство. Вильгельм Тирский, восхваляющий добродетели Фулька Анжуйского, замечает с *наивностью*, достойной тех далеких времен, что у этого принца были рыжие волосы, и все же его нельзя было упрекнуть ни в одном из недостатков, обычно приписываемых людям с таким цветом кожи. Ему было более шестидесяти лет, когда он взошел на иерусалимский престол; в последние годы своей жизни его память была настолько ослаблена, что он не знал своих собственных слуг и не обладал достаточной силой и активностью, чтобы быть главой королевства, окруженного врагами. Он больше занимался строительством крепостей, чем сбором армий, и защитой своих границ, чем новыми завоеваниями. При его правлении военный пыл христиан, казалось, ослабел и был вытеснен духом раздора, который принес бедствия гораздо большие, чем войны. В период коронации Фулька Анжуйского христианские государства находились на высшей степени своего процветания; к концу его правления они проявили тенденцию к упадку.

Тринадцатилетний Балдуин III наследовал своему отцу, и королева Мелисенда стала регентшей королевства. Таким образом, бразды правления перешли из слабых и бессильных рук старика в руки женщины и ребенка. Вскоре вокруг трона возникли партии; духовенство, рыцари, бароны и даже народ принимали опасное участие в государственных делах, и власть принца, которая до сих пор была всего лишь властью генерала армии, потеряла при регентстве королевы Мелисенды то уважение и величие, которые она приобрела благодаря победе.

Правительство незаметно приняло бурную форму республики, и в политических отношениях, которые христиане поддерживали в этот период с сарацинами, [257] последние считали, что во главе Иерусалимского королевства стояли несколько вождей.

Болдуин не стал дожидаться совершеннолетия, чтобы короноваться, ему едва исполнилось четырнадцать лет, когда в присутствии баронов и духовенства он получил меч [258], с помощью которого он должен был защищать религию и справедливость; кольцо, символ веры; скипетр и корону, знаки достоинства и власти; и яблоко или земной шар, как образ земли и царства, которым он был призван править. Молодой Болдуин уже проявил мужество, превосходящее его возраст; в самые первые дни своего правления он совершил славную экспедицию за Иордан, в ходе которой овладел Долиной Моисея; но у него не было достаточного опыта, чтобы знать, на каких врагов ему следует нападать или каких союзников защищать. По возвращении из Иорданского похода он развязал несправедливую и неудачную войну, предвещавшую печальное будущее Иерусалимского королевства.

Армянин, управлявший городом Босра от имени султана Дамаска, прибыл в Иерусалим, чтобы предложить передать христианам место, которым он командовал, и бароны и знатные люди были созваны, чтобы выслушать его предложения. Более мудрая часть собрания сослалась на союз, заключенный с сарацинами Дамаска; обещания неизвестного солдата, по их мнению, не имели никакой надежности и не внушали доверия; они сказали, что Иерусалимское королевство не желает сражаться с врагами или пытаться их завоевать; их долг - атаковать самых грозных и защищать остальных в качестве полезных вспомогательных сил. Этот совет, который был наиболее разумным, получил наименьшее число голосов избирателей. О стране, которую они собирались завоевать, рассказывали чудеса; Босра была столицей Верхней Аравии, все богатства этой страны, казалось, уже принадлежали христианам, и все, кто выступал против столь блестящего и легкого завоевания, обвинялись в государственной измене. Они совещались посреди суматохи, [259] и крики введенной в заблуждение толпы заглушили голос разума и благоразумия. Совет баронов и знатных людей решил, что экспедиция, на которую возлагалось столько надежд, должна быть предпринята.

Вскоре христианская армия была в пути и пересекла горы Ливана. Когда она прибыла на территорию Дамаска, ее первым конфликтом был конфликт с сарацинами, собравшимися вместе, чтобы воспротивиться ее переходу. Выдержав несколько жестоких столкновений, христианам удалось овладеть страной под названием Траконит, где они не нашли ничего, кроме равнин, выжженных палящими лучами солнца. Дороги были труднопроходимы, а саранча, попавшая в колодцы и цистерны, отравила всю воду. Жители, укрывшись в подземных пещерах, устраивали засады для христианской армии во всех направлениях; в то время как мусульманские лучники, расставленные на всех холмах и склонах, не давали воинам Иерусалима ни минуты покоя. Несчастья армии (это говорит Вильгельм Тирский) увеличивались с каждым днем, *и на христиан обрушивалось такое количество, и как бы непрерывно, всевозможных стрел, что они, казалось, обрушивались на них подобно граду или проливному дождю на дома, крытые шифером и черепицей, люди и животные были сплошь облеплены ими.* Тем не менее надежда отвоевать богатый город поддерживала мужество христианских солдат и позволяла им противостоять всем этим опасностям. Но когда они приблизились к Босре, им было объявлено, что жена армянского коменданта призвала гарнизон к оружию и что она готова защищать город, который ее муж обещал передать королю Иерусалима. Это неожиданное известие сразу же вызвало ужас и уныние в христианской армии. Рыцари и

бароны, пораженные несчастьями, угрожавшими христианским солдатам, настаивали на том, чтобы король оставил свою армию и спас свою личность и крест Христов. Молодой Болдуин отверг совет своих верных баронов и настоял на том, чтобы разделить с ними все опасности.

Как только был отдан приказ к отступлению, мусульмане с громкими криками бросились в погоню за христианами. Иерусалимские солдаты сомкнули свои ряды и молча маршировали с мечами в руках, унося своих раненых и мертвых. Сарацины, которые не могли поколебать или прорваться сквозь своего врага и которые в ходе своего преследования не обнаружили никаких следов резни, верили, что на самом деле сражаются против железных людей. Местность, по которой шли христиане, была покрыта вереском, чертополохом и другими растениями, высушенными летней жарой. Сарацины подожгли их; ветер понес пламя и дым в сторону христианской армии, и франки двинулись маршем по горящей равнине, над ними и вокруг них плавали облака дыма, пепла и пыли. Вильгельм Тирский в своей "истории" сравнивает их с кузнецами, до такой степени почернели их одежда и лица от огня, пожиравшего равнину. Рыцари, солдаты и люди, следовавшие за армией, собрались толпой вокруг епископа Назаретского, который нес древо истинного креста, и со слезами заклинали его своими молитвами положить конец бедствиям, которые они больше не могли выносить.

Епископ Назаретский, тронутый их отчаянием, поднял крест, моля Небеса о милосердии, — и в этот момент направление ветра изменилось. Пламя и дым, которые опустошили христиан, немедленно обрушились на мусульман. Франки продолжали свой поход, убежденные, что Бог сотворил чудо, чтобы спасти их. Рыцарь, которого они никогда прежде не видели, верхом на белом коне и с красным знаменем в руках шел впереди христианской армии и выводил ее из опасности. Люди и солдаты приняли его за ангела с небес, и его чудесное присутствие возродило их силу и мужество. Наконец, армия Болдуина, претерпев всевозможные страдания, вернулась в Иерусалим, где жители радовались ее прибытию, распевая эти слова из Священного Писания: *“Давайте предадимся радости, ибо тот народ, который был мертв, воскрес; он был потерян, и вот, он снова найден.”*

Но в то время как жители Иерусалима радовались возвращению своих воинов, христианские государства потеряли одно из своих самых важных мест и пережили непоправимое несчастье. Зенгуи, которого багдадский халиф и все истинные мусульмане считали защитником и опорой исламизма, расширил свою империю от Мосула до границ Дамаска и продолжал без перерыва череду своих побед и завоеваний. Христиане не предпринимали никаких усилий, чтобы остановить продвижение столь грозной державы. Зенгуи, объединивший с храбростью все ресурсы искусной политики, оставил их в обманчивой безопасности и решил пробудить их от долгого сна только тогда, когда в его власти будет нанести смертельный удар их империи. Он знал по опыту, что нет ничего более пагубного для христиан, чем слишком длительный покой; франки, которые всем были обязаны своему оружию, почти всегда были ослаблены миром, а когда не сражались с сарацинами, обычно ссорились между собой.

Иерусалимское королевство имело две непреодолимые преграды - княжество Антиохия и графство Эдесса. Раймунд де Пуатье защищал Оронт от нашествия сарацин, а старый Жослен де Куртенэ долгое время наводил ужас на неверных на берегах Евфрата; но он недавно умер. Он сражался до последнего вздоха и даже на смертном одре заставил уважать свое оружие и свою храбрость.

Джосселин осаждал замок недалеко от Алеппо, когда рядом с ним рухнула башня и засыпала его своими руинами. Умирающего его перевезли в Эдессу, и когда он лежал, изнывая, на своей постели, не ожидая ничего, кроме смерти, ему было объявлено, что султан Иконии осадил одно из его укрепленных мест; после чего он послал за своим сыном и приказал ему немедленно отправиться в атаку на врага. Юный Джосселин колебался и заявил своему отцу, что у него недостаточно войск, чтобы противостоять туркам. Старый воин, который никогда не признавал существования препятствий, был полон решимости перед смертью оставить пример своему сыну и приказал нести себя на носилках во главе своих солдат. Когда они приблизились к осажденному городу, ему сообщили, что турки отступили, после чего он приказал своим носилкам остановиться, поднял глаза к небу, как бы благодаря сарацин за бегство, и скончался в окружении своих верных воинов.

Его бранные останки были перевезены в Эдессу, жители которой вышли навстречу похоронной процессии, представлявшей собой самое трогательное зрелище. Здесь можно было увидеть скорбящих солдат, несущих гроб своего вождя; и там весь народ оплакивал потерю своей поддержки и защитника и праздновал последнюю победу христианского героя.

Старый Джосселин умер, оплакивая судьбу Эдессы, которой вот-вот должен был править слабый и малодушный правитель, ибо с детства сын Куртенэ был пристрастен к пьянству и разврату. В эпоху и в стране, где эти пороки были достаточно распространены, бесчинства молодого Джосселина часто вызывали возмущение христианских воинов. Как только он стал хозяином, он покинул город Эдессу, чтобы поселиться в Турбесселе, восхитительном убежище на берегах Евфрата. Там, полностью отдавшись своим порочным наклонностям, он пренебрег жалованьем своим войскам и укреплениями своих фортов, в равной степени не обращая внимания на заботы правительства и угрозы сарацин.

Зенгуи долгое время выжидал благоприятной возможности напасть врасплох на город Эдессу, поскольку это завоевание не только польстило бы его гордости и честолюбию, но и сделало бы его еще более дорогим для всех учеников Магомета. Чтобы сохранить Джосселина в его воображаемой безопасности, принц Моссула притворился, что ведет войну против сарацин; но в тот момент, когда предполагалось, что он наиболее активно занят нападением на несколько мусульманских замков на востоке Месопотамии, он появился во главе грозной армии перед стенами Эдессы.^[260] Огромное количество курдов и туркмен, кочующих и варварских племен, присоединились к его штандарту, привлеченные надеждой на богатую добычу. По первому сигналу, поданному Зенгуи, город был окружен со всех сторон; семь огромных деревянных башен были возведены выше крепостного вала; множество грозных машин непрестанно колотили по стенам или швыряли в город камни, дротики и легковоспламеняющиеся вещества; в то время как неверные подрывали фундаменты башен укреплений. Стены, которые поддерживались только небольшими, плохо закрепленными столбами, разваливались на куски и, покрывая землю своими обломками, казалось, были готовы обеспечить легкий проход мусульманским солдатам.

Когда они были готовы подать сигнал к разрушению, свирепые мусульмане остановились и призвали город сдаться. Вид грозившей им смерти нисколько не ослабил мужества жителей, и они ответили, что все они скорее погибнут, чем отдадут христианский город неверным. Они увещевали друг друга заслужить венец мученичества: “Не будем бояться, - говорили они, - этих камней, брошенных в наши башни и наши дома; тот, кто сотворил небесный свод и сотворил

легионы ангелов, защищает нас от своих врагов или готовит нам обитель на небесах”.

Воодушевленные такими речами, жители Эдессы приложили все усилия, чтобы разрушить башни и укрепления осаждающих, и надежда на помощь удвоила их рвение и мужество. Они ожидали, говорит армянский автор, *помощи от народа, который они называли доблестным*, и каждый день ожидали увидеть с высоты своих стен знамена победоносных франков.

Напрасно ожидалась помощь, на которую надеялись. Когда Жосселин узнал об опасности, грозящей его столице, он очнулся от своей лени и послал известие об этом Раймону Пуатье и королеве-регентше Иерусалима. Но князь Антиохии, которому не нравился Иосселин, отказался помочь Эдессе, и иерусалимские войска, хотя и выступили в поход, не смогли прибыть вовремя. Джосселину следовало бы посвятить себя устранению последствий своих ошибок, но у него не хватило мужества искать смерти под стенами города, который он не мог спасти и обороной которого пренебрег.

На двадцать восьмой день осады со страшным грохотом рухнуло несколько башен, и Зенгуи немедленно приказал своей армии войти в город. Чтобы описать ужасные сцены этого последнего нападения, я должен позаимствовать слова современного автора: “Момент, когда солнце начало сиять над горизонтом, казался ночью, освещенной пожарами бури. Как только пали крепостные валы и башни, весь город наполнился ужасом. Тем не менее защитники Эдессы ни на мгновение не подумали о бегстве, но все присоединились к крику храбрецов: *побеждай или умри*. Некоторые занялись подпоркой стен, в то время как другие смело бросились навстречу врагу; духовенство, облаченное в шлемы и кирасы, маршировало во главе их. Епископы, каждый с крестом в руках, благословляли народ и воодушевляли его на борьбу”.

Враг продвигался вперед, издавая устрашающие крики; даже среди шума общего штурма были слышны голоса сарацинских глашатаев, подбадривавших солдат и обещавших победителям разграбление города. Затем, по выражению армянского поэта, малодушные были замечены проливающими потоки слез, в то время как храбрые, не обращая внимания на удары сабли, врывались в ряды мусульман.

Ни чудеса доблести, ни последние усилия отчаяния не смогли спасти город и его жителей. Большая часть мусульманской армии уже была там, и все, кто переступал порог завоевателей, падали от меча. Большинство из тех, кто искал безопасности в цитадели, нашли смерть под ее крепостными валами, были растоптаны и задушены толпой. Город Эдесса повсюду представлял собой самые прискорбные картины; некоторые падали во время бегства и умирали, раздавленные копытами лошадей; в то время как другие, поспешившие на помощь своим друзьям и соседям, сами были перебиты варварами. Ни слабость робкого пола, ни старость на пороге могилы, ни крики младенцев, ни вопли юных девушек, искавших спасения в объятиях или под одеждой своих родителей, не могли утихомирить ярость сарацин. Те, кого меч еще не коснулся, не ждали ничего, кроме смерти; некоторые пробирались к церквям, чтобы дожидаться ее, и умирали, обнимая алтари Христа; в то время как другие, поддавшись отчаянию, оставались неподвижными в своих домах, где их убивали вместе с семьями.

Цитадель вскоре сдалась; солдаты, защищавшие ее, рисковали только своими жизнями; но, несмотря на капитуляцию, многие были преданы мечу. Большая часть священников, переживших резню, были приговорены к рабству; с армянского патриарха сняли облачение,

протащили по улицам и избили розгами. Матфей Эдесский, один из самых знаменитых историков Армении, пал от меча мусульман. Гуго, латинский архиепископ, попытавшийся бежать, был вместе со всем своим духовенством перебит неверными. Его сокровища, которые он вез с собой и которые могли бы быть с пользой использованы для обороны города, стали добычей врага. Благочестивые историки приписывают падение Эдессы алчности этого прелата и, по-видимому, полагают, что в ином мире он был наказан за то, что предпочел свое золото безопасности своих сограждан.[261]

Когда мусульмане овладели цитаделью, их священники взошли на колокольни церквей, чтобы провозгласить такие слова: “О Магомет! пророк небес, мы одержали великую победу во имя твое; мы уничтожили людей, которые поклонялись *камню*, и были пролиты потоки крови, чтобы твой закон восторжествовал”. После этого заявления сарацины удвоили свои бесчинства. Гази, или завоеватели, насытились кровью; мертвые тела были изуродованы, а их головы отправлены в Багдад и даже в Хорасан. Со всеми, кто остался в живых в городе Эдессе, обращались как со стадом животных и продавали в общественных местах. Христиане, закованные в цепи, потерявшие свою собственность, свою страну и свою свободу, испытывали еще большее горе, видя, что их религия, которая была всем, что у них оставалось, чтобы утешать их в их несчастьях, стала предметом насмешек неверных. С церковью были сорваны все украшения, и святилище стало ареной самых возмутительных бесчинств. Многие из верующих, которых пощадили ужасы войны, не смогли вынести вида такой профанации и умерли в отчаянии.[262]

Таким образом, город, чья цитадель, крепостные валы и положение на двух горах делали его одним из самых сильных мест в Азии, попал во власть мусульман. Религиозные и исторические традиции восходят к глубокой древности. Нарсес в патетической элегии сожалеет о падении этого знаменитого города и заставляет себя говорить о его древнем великолепии.[263] “Я была, - говорит она, - как королева посреди своего двора; шестьдесят городов, окружавших меня, составляли мою свиту; мои многочисленные дети проводили свои дни в удовольствиях; плодородием моих полей, свежестью моих прозрачных вод и красотой моих дворцов восхищались; мои алтари, нагруженные сокровищами, излучали свое великолепие издали и казались вершиной моей жизни”. обитель ангелов. Я превзошел великолепием гордейшие города Азии и был подобен небесному зданию, построенному на лоне земли”.

Завоевание Эдессы вознесло гордыню сарацин. Халиф Багдада приказал, чтобы имя варварского истребителя христиан упоминалось в публичных молитвах по пятницам и чтобы весь мусульманский народ возносил благодарность Небесам за его победы. Зенгуи оставил часть войск в завоеванном городе и продолжил путь своих триумфов; но фортуна не позволила ему завершить то, что он начал. Он осаждал замок Шабар в Месопотамии, когда был убит несколькими рабами, которых раздражало жестокое обращение. Известие о его смерти утешило христиан в их поражениях, и они выразили такую безмерную радость, как если бы увидели, что вся мощь мусульман пала разом. Но эта радость была очень недолгой, потому что вскоре появилось множество новых врагов и новых несчастий, которые сокрушили их.

Джосселин, который воспользовался смутами, последовавшими за смертью принца Моссула, чтобы отвоевать город Эдессу, плохо охраняемый мусульманами, неожиданно оказался в осаде Нуреддина, второго сына Зенгуи. Нуреддин получил в качестве своей доли наследия своего отца княжество Алеппо и стремился продемонстрировать свое рвение в борьбе с христианами. Джосселину и его спутникам, которые напали на город Эдессу врасплох среди ночной тьмы, не

хватало боевых машин, чтобы осадить цитадель и овладеть ею. Когда принц Алеппо осадил город, христианские воины, оказавшиеся между гарнизоном крепости и мусульманской армией, сразу поняли опасность своего положения. Как и в отчаянных обстоятельствах, по очереди вырабатываются и отвергаются тысячи резолюций; пока они обсуждались, враг давил на них и угрожал. Вскоре для них не осталось безопасности в городе, в который они вошли как завоеватели; и, бросив вызов смерти, чтобы овладеть им, они решили подвергнуться таким же опасностям, чтобы выбраться из него. Солдатам Джосселина, состоявшим из христиан, собравшихся в городе, и из небольшого числа жителей, уцелевших после резни своих братьев, теперь не оставалось ничего, кроме попыток спастись от мусульманского варварства. Они молча готовились к бегству; ворота были открыты посреди ночи, и каждый уносил то, что считал самым ценным, плачущая толпа теснилась по улицам. Уже большое количество этих несчастных беглецов миновало городские ворота во главе с воинами под командованием Джосселина и вышло на равнину, где стояли лагерем сарацины, когда гарнизон цитадели, предупрежденный суматохой, совершил *вылазки*, объединившись с солдатами Нуреддина, которые поспешили к городу, овладел воротами, через которые выходили христиане. Здесь продолжалось много жестоких столкновений, ужасы которых усугубляла темнота. Христианам удалось открыть себе проход и рассеяться по окрестным полям. Те, кто носил оружие, объединялись в батальоны и пытались пройти через лагерь врага; в то время как другие, отделившись от отряда воинов, шли на риск, бродили по равнинам и повсюду находили смерть, следовавшую по их стопам. Рассказывая о событиях этой ужасной ночи, Вильгельм Тирский не может сдержать слез. “О ужасная ночь!” восклицает историк Абулфарадж. - Рассвет ада, день без жалости, день несчастий, обрушившихся на детей города, некогда достойного зависти!” В Эдессе, за пределами Эдессы, не было слышно ничего, кроме криков о смерти. Воинов, которые сформировали батальоны после того, как они прорвались сквозь армию неверных, преследовали до берегов Евфрата, и дороги были усеяны их останками, их оружием и их багажом. Только тысяче из них удалось овладеть городом Самосата, который принял их в своих стенах и оплакивал их несчастья, не имея возможности отомстить за них.

История гласит, что более тридцати тысяч христиан были убиты солдатами Зенгуи и Нуреддина. Шестнадцать тысяч были взяты в плен и владели свою жизнь в нищете и рабстве. Нуреддин в своей мести не пощадил ни крепостных валов, ни зданий мятежного города; он сравнял с землей башни, цитадель и церкви Эдессы. Он изгнал оттуда всех христиан и не оставил ничего, кроме нескольких нищенствующих среди руин их страны.

Зенгуи считался святым, воином, любимым Магометом за то, что он завоевал город Эдессу; кровавый поход Нуреддина сделал его дорогим мусульманам, во многом способствовал распространению его славы и могущества, и уже иманы и поэты обещали его оружием гораздо более славное завоевание Иерусалима.

Жители Иерусалима и других христианских городов пролили слезы отчаяния, узнав о падении и разрушении Эдессы, зловещие предзнаменования во многом усилили ужас, который внушили им вести с берегов Евфрата. Гром обрушился на церкви Гроба Господня и гору Сион; в небесах была замечена комета со сверкающими волосами, которая посеяла всеобщий ужас; появилось несколько других знамений, говорит Вильгельм Тирский, *вопреки обычаю и вне времени, указывающих на грядущие события*. В довершение несчастья Родольф, канцлер Иерусалима, был силой взят в осаду Тира, и в святилище разразился скандал. Все верующие Востока были

убеждены, что Небеса восстали против них и что ужасные бедствия вот-вот обрушатся на христианский народ.

КНИГА VI.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1142-1148 гг. н. э.

Христианские колонии, которым угрожали мусульмане, обратились за помощью к князьям Европы. Епископ Габаллы в Сирии в сопровождении большого числа священников и рыцарей отправился в Витербо, где в то время проживал верховный понтифик. Рассказы христианского посольства не только вызвали слезы из глаз главы верующих; несчастья в Эдессе и надвигающиеся опасности в Иерусалиме вызвали всеобщее сочувствие и ужас. Крики тревоги раздались по всей Европе. Сорок пять лет прошло с момента освобождения Гроба Господня, но умы людей нисколько не изменились, и они с энтузиазмом, как во время первого крестового похода, взялись за оружие. В данном случае главным образом голос Святого Бернарда побудил народы и королей христианского мира встать под знамена креста. Рожденный в благородной бургундской семье, святой Бернар, будучи еще на заре возмужания, вместе с тридцатью родственниками и товарищами, на которых повлияли его беседы и его пример[264], уединился в монастыре Читто. Два года спустя его отправили в Клерво, неизвестное тогда убежище, которое он оживил своим присутствием и превратил в один из самых знаменитых монастырей христианского мира. Многие из самых образованных врачей обращались к мудрости аббата Клерво, и несколько советов склонились перед его решениями. Только силой своего красноречия он смирил антипапу Льва и посадил Иннокентия II. на кафедру святого Петра. Папа Иннокентий III. и аббат Сугер были его учениками. Прелаты, принцы и монархи прославляли себя, следуя его советам, веря, что Бог говорит его устами.

Когда послы с Востока прибыли в Европу, Людовик VII. только что вззошел на трон Франции. Правление этого молодого монарха началось при самых счастливых обстоятельствах. Большинство крупных вассалов, восставших против королевской власти, сложили оружие и отказались от своих притязаний. Женившись на дочери Вильгельма IX, Людовик присоединил герцогство Аквитанское к своему королевству. Франции, в ее возросшем положении, нечего было опасаться соседних государств, и, пока гражданские войны опустошали Англию и Германию, она жила в мире под управлением Сугера.

Мир ни на минуту не был нарушен, кроме как несправедливыми притязаниями папы римского и интригами Тибо, графа Шампанского, который воспользовался своим влиянием на духовенство, чтобы направить гром Церкви против своего суверена. Людовик твердо сопротивлялся попыткам Святого Престола и был полон решимости наказать непокорного и опасного вассала.

Движимый духом слепой мести, он пронес огонь и меч по штатам Тибо; он осадил Витри; сам был первым в штурме и предавал мечу каждого жителя, которого встречал в городе. Огромное количество людей всех возрастов нашли убежище в церкви, надеясь найти в алтаре надежное убежище от гнева христианского монарха; но Людовик поджег церковь, и в огне погибло тысяча триста человек. Столь варварский поступок посеял ужас среди народа, который Людовик был призван осчастливить; когда он вернулся из этой экспедиции в свою столицу, народ встретил его в печальном молчании; его министры позволили ему прочесть их сожаление по унылым лицам; и святой Бернар, подобно другому Амброзию, смело заставил его выслушать жалобы религии и оскорбленного человечества.

В красноречивом письме он представил монарху опустошенную страну и указал на Церковь, презираемую и попираемую ногами. “Я буду сражаться за нее, — сказал он, — до смерти; но вместо щитов и шпэг я воспользуюсь оружием, которое мне подобает, — *моими слезами и моими молитвами к Богу*”. Услышав голос святого аббата, Людовик осознал свою ошибку; и страх перед гневом Небес произвел на него такое живое впечатление, что он впал в глубокую и тревожную депрессию. Он верил, что видит руку Божью, готовую поразить его; он отказался от всех удовольствий и даже от заботы своей власти, чтобы посвятить себя горю и слезам. Аббат Клерво, пробудивший в нем раскаяние, был вынужден успокоить его дух и воспрянуть духом, представив ему великую милость Божью. Король Франции оправился от своего безжалостного уныния; но поскольку, по мнению его эпохи, великие преступления можно было искупить только путешествием в Святую Землю, его искреннее желание искупить трагическую гибель жителей Витри заставило его принять решение отправиться сражаться против неверных.

Людовик VII. созвал собрание в Бурже, на котором ознакомил со своим проектом основную знать и духовенство. Годфруа, епископ Лангрский, приветствовал его рвение и в патетической речи выразил сожаление по поводу плена в Эдессе, а также опасностей и бедствий, постигших восточных христиан. Его красноречие тронуло слушателей, но оракул собрания, тот, кто держал в своих руках сердца всех, еще не заговорил. То ли потому, что он все еще не был убежден в полезности крестового похода, то ли потому, что хотел придать ему большей торжественности, святой Бернар посоветовал королю Франции проконсультироваться со Святым Престолом, прежде чем что-либо предпринимать. Этот совет был в целом одобрен. Людовик отправил послов в Рим и решил созвать новое собрание, как только получит ответ верховного понтифика.

Евгений III, который тогда занимал кафедру святого Петра, уже в нескольких своих письмах обращался за помощью к верующим против сарацин. У Святого Престола никогда не было более сильных мотивов для проповеди крестового похода. Дух мятежа и ереси начал проникать в народ и даже в среду западного духовенства, одновременно угрожая власти пап и доктринам Церкви. Евгению приходилось бороться с беспорядками, вызванными Арнольдом Брессийским; и в столице христианского мира ни о чем не говорили, кроме как о восстановлении Капитолия и замене папской власти властью консулов и трибунов древнего Рима. При таком положении вещей великое событие, подобное крестовому походу, вероятно, отвратило бы умы людей от опасных новшеств и заставило бы их сплотиться вокруг святилища. Суверенный понтифик не мог не видеть в священной войне двойного преимущества - защиты Иерусалима от происков сарацин, а Церкви и самого себя - от нападков еретиков и новаторов. Евгений поздравил короля Франции с его благочестивой решимостью и в своих письмах снова призвал всех христиан принять крест и взяться за оружие, обещая им те же привилегии и те же награды, что и Урбан II. был дарован воинам первого крестового похода. Задержанный в Италии, где он был занят

улаживанием проблем Рима, он сожалел, что не смог, как это сделал Урбан, пересечь Альпы и своим присутствием и проповедями возродить рвение верующих; но он доверил святому Бернарду почетную миссию проповеди крестового похода во Франции и Германии.

Получив одобрение Святого Престола, Людовик созвал новое собрание в Везеле, маленьком бургундском городке; и репутация святого Бернарда и письма, адресованные папой всему христианскому миру, привлекли на это собрание огромное количество дворян, рыцарей, прелатов и людей всех сословий. В Вербное воскресенье, после призывания Святого Духа, все, кто пришел послушать аббата Клерво, отправились на склон холма сразу за городскими воротами. Была воздвигнута большая трибуна, на которой король в своих королевских одеждах и святой Бернард в скромном одеянии кенобита были встречены одобрительными возгласами огромной толпы. Оратор крестового похода сначала зачитал письма суверенного понтифика, а затем рассказал своим слушателям о взятии сарацинами Эдессы и опустошении святых мест. Он показал им вселенную, повергнутую в ужас, узнав, что Бог начал покидать свою любимую землю;[265] он представил им город Сион, умоляющий их о помощи, Христа, готового принести себя в жертву во второй раз за них, и небесный Иерусалим, открывающий все свои врата, чтобы принять славных мучеников веры. “Вы не можете не знать, - сказал он им, - мы живем в период наказания и разорения; враг человечества распространил дыхание разложения по всем регионам; мы не видим ничего, кроме безнаказанного зла. Законы людей или законы религии больше не имеют достаточной силы, чтобы сдерживать порочность нравов и торжество нечестивых. Демон ереси овладел престолом истины, и Бог наслал свое проклятие на его святилище. О, вы, кто слушает меня! поспешите же умиливать гнев Небес, но не вызывайте больше к его благодати тщетными жалобами; не облачайтесь во вретище, но прикрывайтесь своими непробиваемыми щитами; звон оружия, опасности, труды, тяготы войны - вот епитимьи, которые Бог налагает на вас сейчас. Поспешите же искупить свои грехи победами над неверными, и пусть освобождение святых мест будет наградой за ваше покаяние”.

Эти слова оратора вызвали величайший энтузиазм в собрании верующих, и, подобно Урбану на соборе в Клермоне, святой Бернард был прерван повторяющимися криками: “*Такова воля Божья! Такова воля Божья!*” Затем, возвысив голос, словно он был толкователем воли Небес, он пообещал им во имя Бога успех их священного похода и так продолжил свою речь:

“Если бы вам объявили, что враг вторгся в ваши города, ваши замки и ваши земли, изнасиловал ваших жен и дочерей и осквернил ваши храмы, кто из вас не взялся бы за оружие? Что ж, тогда все эти бедствия и бедствия еще большие обрушились на ваших братьев, на семью Иисуса Христа, которая является вашей. Почему вы не решаетесь исправить так много зла - отомстить за так много оскорблений? Вы позволите неверным спокойно созерцать опустошения, которые они совершили по отношению к христианскому народу? Помните, что их триумф будет предметом скорби для всех веков и вечным позором для поколения, которое его пережило. Да, живой Бог поручил мне объявить вам, что он накажет тех, кто не защитил его от его врагов. Тогда беритесь за оружие; пусть священный гнев воодушевляет вас в битве; и пусть христианский мир огласят эти слова пророка: “*Проклят тот, кто не обагрит свой меч кровью!*” Если Господь призывает вас к защите его наследия, не думайте, что его рука утратила свою силу.[266] Разве он не мог послать двенадцать легионов ангелов или произнести одно слово, и все его враги рассыпались бы в прах? Но Бог призрел на сынов человеческих, чтобы открыть им дорогу к своей милости. Его благодать озаряет для вас день безопасности, призывая вас отомстить за его славу и его имя. Воины-христиане, тот, кто отдал свою жизнь за вас, сегодня требует вашей

жизни взамен. Это сражения, достойные вас, сражения, в которых славно побеждать и выгодно умереть. Прославленные рыцари, великодушные защитники креста, помните пример ваших отцов, которые завоевали Иерусалим и чьи имена начертаны на небесах; тогда откажитесь от того, что погибает, чтобы собирать вечные пальмы и завоевывать царство, которому нет конца”.

Все бароны и рыцари рукоплескали красноречию святого Бернарда и были убеждены, что он всего лишь выразил волю Божию. Людовик VII, глубоко тронутый услышанными словами, в присутствии всего народа бросился к ногам святого Бернара и потребовал Креста. Облаченный в этот почитаемый знак, он сам обратился к собранию верующих, чтобы призвать их последовать его примеру. В своей речи он показал им нечестивого филистимлянина, порочащего дом Давидов, и напомнил им о святой решимости, которую сам Бог внушил ему. От имени христиан Востока он призвал на помощь ту великодушную нацию, главой которой он был; ту нацию, которая не потерпела бы позора, когда его направляли против нее самой или ее союзников, и которая всегда наводила ужас на врагов ее культа или ее славы. При этой речи вся аудитория залилась слезами. Трогательное благочестие монарха убедило всех, кого не убедило красноречие святого Бернара. Холм, на котором собралось это огромное множество людей, долгое время оглашался криками: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”* и *“Крест! крест!”* Элеонора Гиенская, сопровождавшая Людовика, получила, как его жена, крестное знамение из рук аббата Клерво. Альфонсо, граф Сен-Жиль де Тулуз, Генрих, сын Тибо, граф Шампани, Тьерри, граф Фландрии, Вильгельм Неверский, Рено, граф де Тенньер, Ив, граф де Суассон, Вильгельм, граф де Пантьен, Вильгельм, граф де Варенн, Аршанбо де Бурбон, Энгерад де Куси, Гуго де Лузиньян, граф де Дре, брат короля, его дядя граф де Морин и толпа баронов и рыцарей последовали примеру Людовика и Элеонора. Несколько епископов, среди которых история отмечает Симона, епископа Нуайонского, Годфруа, епископа Лангрского, Алена, епископа Аррасского, и Арнольда, епископа Лизье, бросились к ногам святого Бернара, принося клятву сражаться с неверными. Крестов, привезенных аббатом Клерво, было недостаточно для огромного числа тех, кто претендовал на них. Он разорвал свое облачение, чтобы сшить еще, и несколько из тех, кто окружал его, в свою очередь, разорвали свою одежду на полосы, чтобы удовлетворить нетерпение всех верующих, которых он воспламенил желанием священной войны.

Чтобы сохранить память об этом дне, Понс, аббат Везелаи, основал на холме, где собрались рыцари и бароны, церковь, которую он посвятил святому кресту.^[267] Трибуна, с вершины которой святой Бернар проповедовал крестовый поход, долгое время оставалась там объектом почитания верующих.

После ассамблеи Везелаи аббат Клерво продолжил проповедовать крестовый поход в городах и соседних странах. Вскоре во Франции разнеслась слава о чудесах, посредством которых Бог, казалось, санкционировал и в какой-то мере освятил свою миссию. Его повсюду считали посланником Небес, еще одним Моисеем, который должен был вести народ Божий. Все христиане были убеждены, что успех предприятия зависит от святого Бернара, и на собрании, состоявшемся в Шартре, на котором присутствовали несколько баронов и принцев, прославленных своими подвигами, было единодушно решено поручить ему командование священной войной. Крестоносцы, говорили они, никогда не могли не одержать победу по законам вождя, которому Бог, по-видимому, доверил свое всемогущество. Аббат Клерво, помнивший пример Петра отшельника, отказался от опасного занятия, которым его хотели удостоить; он был даже настолько напуган настойчивыми просьбами баронов и рыцарей, что

обратился к папе и умолял верховного понтифика не оставлять его на растерзание человеческим фантазиям.

Папа ответил святому Бернарду, что ему нужно только вооружиться мечом слова Божьего и довольствоваться звуком евангельской трубы, чтобы объявить войну. С тех пор аббат Клерво не занимался ничем, кроме своей миссии; и он проявил себя с таким рвением, а его проповеди произвели такой необычайный и, осмелюсь добавить, столь печальный эффект, что они обезлюдели города и страны. Он писал папе Евгению: *“Деревни и замки опустели; и не осталось никого, кроме вдов и сирот, чьи мужья и родители все еще живы”*.

В то время как святой Бернард таким образом проповедовал крестовый поход по провинциям Франции, немецкий монах по имени Родольф призывал жителей Рейна истреблять евреев, которых он представлял в своих яростных проповедях как союзников сарацин и самых опасных врагов христианской религии. Аббат Клерво, опасаясь эффекта этих проповедей, поспешил в Германию, чтобы заставить замолчать этого мятежного апостола священной войны. Подобно тому, как немецкий монах льстил страстям толпы, святому Бернарду потребовалось все влияние своей добродетели и своей славы, чтобы бороться с его доктринами. Он осмелился возвысить свой голос среди раздраженных людей и внушить им, что христиане должны не преследовать евреев, а молиться Небесам об их обращении; что христианское благочестие обязано прощать слабых и вести войну против возвышенных и гордых. Проповедник крестового похода, наконец, заставил замолчать буйного оратора и отправил его обратно в свой монастырь, напомнив ему, что долг монахов - не проповедовать, а плакать; что они должны рассматривать *города как тюрьмы, а уединение - как свой рай*.

Этот поступок Сенбернара,^[268] который едва ли наблюдался в его собственную варварскую эпоху и который был превращен в посмешище в нашу, делает честь его характеру и может оправдать экстравагантное рвение, которое он проявил в ходе разрушительной войны. Когда он прибыл в Германию, Германская империя только начинала восстанавливаться после долгих смут, последовавших за избранием Лотэра. Конрад III, облаченный в пурпур, только что созвал всеобщий сейм в Спайрсе. Аббат Клерво отправился туда с намерением проповедовать войну против мусульман и мир между христианскими князьями. Святой Бернард несколько раз убеждал императора Конрада принять крест; сначала он увещевал его на частных собраниях, а затем возобновлял свои увещевания в публичных проповедях. Конрад не мог решиться принести клятву отправиться сражаться против неверных в Азии, ссылаясь на недавние смуты германской империи. Святой Бернард ответил, что Святой Престол возвел его на императорский трон и что папа и Церковь поддержат их работу. *“Пока вы будете защищать его наследие, сам Бог позаботится о защите вашего; он будет управлять вашим народом, и ваше правление будет предметом его любви”*. Чем больше колебался император, тем горячее становились рвение и красноречие святого Бернара, пытавшегося убедить его. Однажды, когда оратор крестового похода служил мессу перед принцами и лордами, собравшимися в Шпилях, он внезапно прервал службу, чтобы проповедовать войну против неверных. Ближе к концу своей речи он перенес воображение своих слушателей в судный день и заставил их услышать звуки труб, которые должны были призвать все народы земли предстать перед судом Божиим. Иисус Христос, вооруженный своим крестом и окруженный своими ангелами, обращаясь к императору Германии, напомнил ему обо всех благах, которыми он его наделил, и упрекнул его в

неблагодарности. Конрад был так тронут этим яростным обращением, что перебил говорившего и со слезами на глазах воскликнул: *“Я знаю, чем я обязан Иисусу Христу, и я клянусь идти туда, куда он позовет меня.”* Тогда знать и народ, которые верили, что были свидетелями чуда, упали на колени и возблагодарили Бога за его благословения. Конрад получил из рук аббата Клерво эмблему крестоносцев вместе со знаменем, которое было возложено на алтарь и которое благословили сами Небеса. Множество баронов и рыцарей приняли крест в подражание Конраду, а сейм, который был собран для обсуждения интересов империи, был полностью занят безопасностью христианских колоний в Азии.

В Баварии был созван новый сейм, где послания святого Бернарда побудили множество епископов и немецкую знать принять крест. Ладислас, герцог Богемии, Одоакр, маркиз Сирии, Бернард, граф Каринтии, Амадей, герцог Турина и маркиз де Монферрат дали клятву отправиться на Восток сражаться с сарацинами. Среди прелатов, вставших под знамена Креста, история называет епископа Пассау, епископа Ратисбона и мудрого Оттона Фризингенского, брата императора, которому потомство обязано рассказом о главных событиях этой войны.

Самые дорогие интересы, самые нежные привязанности не могли удержать рыцарей и принцев в их странах и домах. Фридрих, племянник императора, принявший крест, позволил себе не тронуться слезами своего престарелого отца, герцога Швабии, который умер с горя, несмотря на утешения святого Бернарда. Боевой клич раздался от Рейна до Дуная; Германия, хотя и так долго была взбудоражена собственными бедами, повсюду находила воинов для священного похода. Люди любого положения повиновались голосу проповедника священной войны и следовали примеру королей и принцев: “что вызывает удивление, - говорит Отон из Фризингена, - были замечены вора и разбойнички, совершавшие покаяние и клявшиеся пролить свою кровь за Иисуса Христа”. “Каждый разумный человек, - добавляет тот же историк, - будучи свидетелем происшедших в них изменений, ясно осознавал промысел Божий и был не менее изумлен им”.

Немцев было так легко убедить, что они пришли послушать аббата Клерво, который проповедовал им на языке, которого они не понимали, и вернулись убежденными в истинности и святости проповеди. Вид проповедника, которого так почитали, казалось, придавал удивительный смысл каждому его слову. Чудеса, которые приписывались ему и которые совершались иногда наедине, иногда публично, как говорит Отон из Фризингена, были подобны божественному языку, который согревал самых равнодушных и убеждал самых недоверчивых. Пастухи и работники покидали поля, чтобы следовать за ним в города; когда он прибывал в город, все работы приостанавливались. Война против неверных и чудеса, посредством которых Бог обещал свою защиту воинам креста, стали единственным занятием людей всех классов. Иногда аббат Клерво собирал духовенство и проповедовал реформу их нравов; иногда он обращался к народу и воодушевлял его против сарацин.

Святой Бернард посетил все города Рейна, от Констанца до Местрихта; в каждом городе, говорят древние хроники, он возвращал зрение слепым, слух глухим и исцелял хромым и больных; они сообщают о тридцати шести чудесах, совершенных за один день, при каждом чуде толпа восклицала, [\[269\]](#) “Иисус Христос, помилуй меня”. мы! все святые, помогите нам!” Ученики, последовавшие за аббатом Клерво, не могли не сожалеть о том, что суматоха, постоянно поднимавшаяся при его уходе, помешала им увидеть некоторые из его чудес. [\[270\]](#) С

каждым днем вокруг него собиралась все большая толпа. История повествует, что однажды он был на грани того, чтобы быть задушенным толпой, которая следовала за ним по пятам, и только императору Германии был обязан своей безопасностью, который взял его на руки и отогнал людей, которым не терпелось увидеть и прикоснуться к тому, кого они считали толкователем и посланником Бога.

Воспламенив Германию своей проповедью и возродив рвение в странах Италии своими патетическими письмами, святой Бернар вернулся во Францию, чтобы объявить об успехе своей миссии. Его отсутствие приостановило все, и у той толпы крестоносцев, на которых его красноречие действовало так мощно, казалось, не было ни руководителя, ни направления, ни объединяющей точки, пока его не было среди них. Король Франции и знать королевства, собравшиеся в Этампе, не пришли к какому-либо решению; но возвращение святого Бернара оживило советы принцев и баронов и заставило их с новым рвением взяться за дело священной войны.

Когда он выступил перед лордами и прелатами с рассказом о своем путешествии и о чудесах, совершенных Богом его рукой; когда он говорил о решении, которое он побудил сформировать императора Германии, о решении, которое он назвал чудом из чудес, все сердца наполнились энтузиазмом и надеждой и радостью.

В то же самое время несколько послов явились в Этампское собрание, чтобы объявить, что их князья решили встать под знамена креста; были зачитаны письма из дальних стран, в которых большое число иностранных лордов и баронов обещали присоединиться к французам в их предполагаемом походе против сарацин. С того времени уже никто не сомневался в счастливых результатах крестового похода, и рвение, проявленное всеми народами Европы, рассматривалось как явное выражение воли Небес.

Среди послов, присутствовавших на ассамблее в Этампе, были некоторые от Рожера, короля Апулии и Сицилии, который предложил крестоносцам корабли и провизию и пообещал отправить своего сына с ними в Святую Землю, если они решат отправиться морем. Сицилийские депутаты напомнили королю Франции и его баронам о вероломстве греков по отношению к франкам во время первого крестового похода. “Вы можете, - говорили они, - противостоять силам самых могущественных наций, но ничто не может защитить вас от ухищрений и махинаций лживого и вероломного народа”. Собрание обсудило предложения короля Сицилии и маршрут, который было бы наиболее целесообразно избрать; большую часть баронов, полностью уверенных в своем оружии и защите Бога, нельзя было заставить усомниться в вере греков. Морской путь, казалось, предлагал меньше чудес для их любопытства и меньше опасностей для проявления их храбрости; кроме того, судов, которые мог предоставить Роджер, было явно недостаточно для перевозки всех, кого религиозное рвение побудило бы присоединиться к священным отрядам. Поэтому было решено, что предпочтение следует отдать сухопутному маршруту. Историк Одо де Дейль с глубоким сожалением говорит об этом решении, которое оказалось столь фатальным для крестоносцев и по поводу которого они пренебрегли советом со Святым Духом. Сицилийские депутаты не могли скрыть своей печали и вернулись в свою страну, предсказывая все грядущие несчастья.

Ассамблея Этампа, по-видимому, действовала под гораздо большим влиянием, когда возникла необходимость выбрать лиц, которым следует доверить управление королевством во время паломничества Людовика VII. Когда бароны и прелаты обсудили этот важный выбор, святой

Бернар, который был их переводчиком, обратился к королю и, указывая на аббата Сугера и графа де Невер, сказал: “*Сир, есть два вида оружия, и их достаточно.*” Было необходимо, чтобы этот выбор собрания получил одобрение короля и голоса народа. Аббат Сен-Дени благословил Францию долгим миром и был автором славы двух царствований. Он был противником крестового похода; и что является совершенством его панегирика, он сохранил свою популярность, не разделяя господствующих мнений. Шугер посоветовал королю не бросать своих подданных и объяснил ему, что его ошибки гораздо лучше будут исправлены мудрым управлением царством, которым Бог поставил его во главе, чем завоеваниями на Востоке. Тот, кто мог осмелиться дать подобный совет, был более, чем кто-либо другой, достоин представлять своего государя; но Шугер сначала отказался от занятия, в котором он ясно видел бремя и опасность. Собрание не сделало другого выбора, и сам король прибегнул к молитвам и слезам, чтобы убедить своего министра занять его место в правительстве королевства. Папа, прибывший вскоре после этого во Францию, приказал Шугеру уступить воле монарха, знати и нации. Суверенный понтифик, чтобы облегчить почетную задачу, которую он возложил на аббата Сен-Дени, заранее обрушил церковные громы на всех, кто предпримет какие-либо попытки посягнуть на королевскую власть во время отсутствия короля.

Граф де Невер, на которого также указало собрание баронов и епископов, отклонил, как это сделал аббат Сен-Дени, опасное обвинение, которое они ему предложили. Когда его горячо уговаривали принять управление королевством, он заявил, что дал обет вступить в орден святого Бруно. Таков был дух эпохи, что это намерение уважалось как воля Божья; и пока собрание поздравляло себя с тем, что побудило монаха покинуть свой монастырь и управлять королевством, они без удивления увидели, как принц навеки распрощался с миром и похоронил себя в монастыре.

С этого времени активно начались приготовления к отъезду, и все провинции Франции и Германии пришли в движение. Те же мотивы, которые вооружали спутников Годфри в первом походе, воспламенили мужество новых крестоносцев. Восточная война сулила их честолюбию те же надежды и те же преимущества. Большая часть народа была воодушевлена никогда не забываемым воспоминанием о завоевании Иерусалима. Отношения, которые это завоевание установило между Сирией и Европой, еще больше усилили рвение воинов креста; едва ли на Западе была семья, которая не была бы защитником святых мест, жителем городов Палестины. Христианские колонии на Востоке были для франков новой страной; воины, принявшие крест, казалось, вооружались только для защиты другой Франции, которая была дорога всем христианам и которую можно было бы назвать Францией Востока.

Пример двух монархов также неизбежно оказывал влияние на многих воинов, встававших под знамена крестового похода. Многим из этих мятежных дворян, которых тогда называли *prædones*, должно быть, пришлось, как и Людовику VII, искупить многочисленные преступления. Дух рыцарства, который с каждым днем делал новые успехи, был не менее могущественным принципом, поскольку дворянство было чисто и всецело воинственным. Множество женщин, привлеченных примером Элеоноры Гиенской, взяли крест и вооружились мечом и копьем. Толпа рыцарей нетерпеливо следовала за ними; и действительно, казалось, что-то вроде стыда охватывало всех, кто не отправлялся сражаться с неверными. История гласит, что прялки и веретена были посланы тем, кто не хотел брать в руки оружие, в качестве уместного упрека за их трусость. Трубадуры и труверы, чьи песни так любили и которые занимались воспеванием побед рыцарей над сарацинами, решили последовать в Азию за

героями и дамами, которых они воспевали в своих стихах. Королева Элеонора и Людовик Молодой взяли с собой на Восток нескольких трубадуров и менестрелей, чтобы скрасить утомительное долгое путешествие.

И все же энтузиазм крестоносцев носил не совсем тот характер, что во время первого крестового похода. В их глазах мир не был наполнен теми чудесами, которые провозглашают особую волю Небес; великие явления природы не действовали так живо на воображение паломников. Казалось, Бог делегировал всю свою власть одному человеку, который вел людей по своей воле своим красноречием и чудесами. Никого не было видно, никого не было слышно, кроме святого Бернарда; тогда как во времена Петра повсюду изобиловали ораторы-отшельники, и природа, казалось, была уполномочена самим Богом содействовать крестовому походу.

Единственным экстраординарным событием того времени был мир, воцарившийся по всей Европе.^[271] С приближением первого крестового похода войны между отдельными лицами, гражданские беспорядки и общественное возмущение прекратились в одночасье. Отъезд крестоносцев сопровождался меньшим беспорядком, чем при отправлении первого похода; они не проявили ни прежней опрометчивости в выборе своих лидеров, ни прежнего нетерпения выступить в поход. Франция и Германия не должны были страдать от грабежей недисциплинированной толпы. Первый крестовый поход, одними армиями которого командовали принцы и рыцари, а другими - авантюристы и монахи, продемонстрировал всю распущенность и бурные страсти, с которыми можно столкнуться в неспокойных республиках. Во второй священной войне, которую вели два могущественных принца, сохранились более правильные формы монархии. Более мелкие вассалы собирались вокруг своих сеньоров, и последние повиновались приказам короля Франции или императора Германии. Такой хороший порядок в начале священного предприятия, казалось, сулил верную победу и не мог заставить задуматься о бедствиях, которые ожидали христианские армии.

Город Мец был местом встречи французских крестоносцев, а Ратисбон - немцев. Дороги, ведущие в эти города, были покрыты паломниками, шедшими под знаменами своих лордов. Большое количество воинов также отправилось в порты Фландрии, Англии и Италии, где были подготовлены флоты для перевозки провизии и оружия с крестоносцами, которым не терпелось поскорее прибыть в Азию.

Поскольку теперь были известны маршруты на Восток, паломники меньше обманывались относительно стран, через которые им предстояло пройти. Верховный понтифик посоветовал баронам и рыцарям не брать с собой ни собак, ни птиц для забавы; они отказались от роскоши своих замков и довольствовались своим оружием.^[272] Они даже позаботились о том, чтобы взять с собой вещи, которые могли потребоваться в далеком путешествии; крестоносцы, но особенно немцы, носили всевозможные инструменты для наведения мостов, вырубки лесов и расчистки дорог.

Самой большой трудностью было найти деньги для покрытия расходов на священную войну. Все, кого немощи или особые обстоятельства задержали в Европе, стремились помочь своими пожертвованиями предприятию крестового похода. Согласно верованиям того времени, большая часть богачей, умерших, так и не увидев Иерусалима, оставили по своему завещанию определенную сумму для поощрения паломничества на Восток. Все эти благочестивые дары, без сомнения, были значительными, но их не могло хватить для содержания большой армии.

Чтобы раздобыть необходимые деньги, Людовик VII. прибегал к займам и взимал пошлины, которые регулировались и одобрялись суверенным понтификом. Святой Бернар и Петр Достопочтенный проявили большое мужество в борьбе с преследованиями евреев; но аббат Ключни считал, что они должны быть наказаны за то, что им было дороже всего, за *их богатство, нажитое ростовщицеством и даже святотатством*. Он посоветовал королю Франции взять у евреев деньги, необходимые для войны с сарацинами. Вполне вероятно, что советом Петра Достопочтенного не пренебрегли и что евреи покрыли значительную часть расходов на крестовый поход. Духовенство, так сильно обогатившееся благодаря первому крестовому походу, также было вынуждено выделить значительные суммы на эту экспедицию. Один только монастырь Флери заплатил триста марок серебром и крупную сумму золотом. Во многих других аббатствах вазы и церковные украшения продавались для покупки оружия и оплаты военных расходов, предпринятых во славу Христа.

Лорды и бароны последовали примеру короля Франции. Некоторые заложили или продали свои земли, но большая часть заставила своих вассалов предоставить средства для своего паломничества. Тяжелые налоги, возложенные на народ, и особенно разграбление церквей, вызвали многожалоб и начали охлаждать пыл к крестовому походу. “Не было”, [273] говорит древний историк, “ни состояния, ни возраста, ни пола, которые не были бы вынуждены вносить свой вклад в снаряжение короля и принцев, отправляющихся с ним; отсюда последовали всеобщее недовольство и бесчисленные проклятия, направленные как против короля, так и против войск”.

Тем не менее Людовик VII. подготовился к своему начинанию, совершив акты благочестия; он посетил госпитали и приказал вознести молитвы во всех церквях об успехе крестового похода. Когда приближался его отъезд, он отправился в Сен-Дени, чтобы взять знаменитую Орифламму, которую несли перед королями Франции в битве. Церковь Сен-Дени в то время была украшена с большим великолепием; среди исторических памятников, которые были там собраны, портреты Годфри де Бульона, Танкреда, Раймона де Сен-Жиля и битвы при Дорилее, Антиохии и Аскалоне, [274], нарисованные на окнах хора, должно быть, привлекли внимание Людовика. и его товарищи по оружию. Король, распростертый на могиле святого апостола Франции, молил о защите его и своих благочестивых предков, прах которых покоился там же. Папа, прибывший в Сен-Дени, заново поставил королевство Франция под защиту религии и подарил Людовику VII. свою сумку и посох как эмблемы его паломничества. После этой церемонии Людовик отправился в путь в сопровождении королевы Элеоноры и большей части своего двора. Он плакал, обнимая аббата Сугера, который сам не мог сдержать слез. Люди, говорит современный историк, которые заполнили его проход, после того как они провожали его на большом расстоянии самыми громкими аплодисментами, вернулись в меланхолическом молчании по своим домам, как только он скрылся из виду. Он покинул Мец во главе ста тысяч крестоносцев, пересек Германию и направил свой марш к Константинополю, где у него была назначена встреча с императором Запада.

Император Конрад, добившись коронации своего сына Генриха, покинул Ратисбон в начале весны. За ним следовала армия, настолько многочисленная, что, согласно отчету Ото из Фризингена, волн было недостаточно, чтобы переправить ее, а полей - недостаточно просторными, чтобы вместить все ее батальоны. Он отправил послов объявить о своем приезде

в Константинополь и потребовать разрешения пересечь территорию греческой империи. Мануил Комнин ответил ему самым дружелюбным и лестным ответом; но когда германцы прибыли в Болгарию и Фракию, они вскоре поняли, что не должны считаться с данными им обещаниями.

Во времена первого крестового похода Константинополь испытывал большой страх перед турками, что было на руку франкам; но с того периода столица греков не испытывала тревог и больше не боялась нападений мусульман. Подобным же образом по всем провинциям империи распространилось мнение, что воины Запада вынашивали план овладения Константинополем. Это сообщение, вероятное само по себе и подкрепленное угрозами крестоносцев, было очень мало рассчитано на восстановление мира и гармонии между людьми, которые взаимно презирали друг друга и, возможно, с равными основаниями обменивались обвинениями в нарушении веры международных договоров.

Мануил Комнин, которого Одо де Дейль даже не называет по имени, потому что, по его словам, его имя не записано в книге жизни, был внуком Алексея I., правившего во времена первого крестового похода. Верный политике своего предка, более способный, а главное, более хитрый илищемерный, чем он сам, он не пренебрегал никакими средствами, чтобы досадить и погубить немецкую армию. На его советах воины Запада рассматривались как люди из железа, чьи глаза металы пламя и которые проливали потоки крови с таким же безразличием, с каким они вылили бы такое же количество воды. В то же самое время, когда Мануил отправил к ним послов и снабдил их провизией, он заключил союз с турками и укрепил свою столицу. Германцам во время своего похода часто приходилось отражать вероломные атаки греков, и последние не раз имели повод жаловаться на жестокость крестоносцев. Родственник Конрада, который оставался больным в монастыре в Адрианополе, был убит солдатами Мануила; Фридрих, герцог Швабии, предал монастырь, в котором было совершено это преступление, огню; и потоки крови лились, чтобы отомстить за убийство.

Приблизившись к Константинополю, немцы разбили свои палатки в богатой долине, орошаемой рекой Мелас. Внезапно над соседними горами разразилась сильная буря; река, разлившаяся бурными потоками, затопила равнину, где христианская армия праздновала праздник Успения,^[275] и, как будто она вступила в сговор с греками, говорит французский историк, и, как будто она подражала их вероломству и измене, она унесла лошадей и поклажу, которые были захвачены греками. и принес опустошение в лагерь крестоносцев. Греки оказали некоторую помощь германским солдатам, но они с радостью увидели в событии, о котором они притворно сожалели, предвестие поражений, угрожавших армиям латинян.

Константинополь по прибытии Конрада представлял собой новое зрелище двух императоров, унаследовавших обломки империи Августа, и каждый из которых называл себя преемником Цезаря и Константина. Их притязания породили некоторые разногласия; у императора Запада была доблестная армия, поддерживающая его права; император Востока не осмеливался слишком открыто настаивать на своих. Он призвал к себе на помощь вероломство, и уязвленное тщеславие отомстило ему столь же трусливо, сколь и жестоко.

Как только немцы перешли Босфор, они оказались подвержены всевозможным предательствам. Все, кто отставал от армии, были убиты солдатами Комнина; ворота всех городов на их пути были закрыты; когда они просили провизии, им приходилось класть деньги в корзины, которые спускали со стен, и, в конце концов, они часто не получали ничего, кроме

оскорблений и насмешек. Греки смешивали известь с мукой, которую продавали им; и когда у крестоносцев было что-нибудь на продажу, они платили фальшивой монетой, от которой отказывались, когда они становились покупателями. Засады поджидали их на всем пути следования; враг знал о направлении их движения и, будучи верхом вероломства, снабдил их в Константинополе неверными проводниками, которые ввели армию в заблуждение в ущельях горы Тавр и предали ее, измученную усталостью, голоду и отчаянию или мечам мусульман. Немцы, подвергшиеся жестокому обращению со стороны греков, не стремились отомстить, хотя сделать это было бы легко и, согласно представлениям того времени, могло бы показаться славным. Вот почему Монтескье говорит, *что немцы были лучшими людьми в мире*. Французы, пришедшие после них, проявили меньше терпения и пользовались большим уважением. Император послал главных вельмож своего двора к королю Франции, перед которым они пали ниц и разговаривали с ним только на коленях. Французское высокомерие было скорее удивлено, чем обрадовано таким почтением, и на лезть Востока ответило только презрительным молчанием. У двух монархов состоялась беседа, в ходе которой они отвечали взаимностью на самые нежные ласки и стремились превзойти друг друга в великолепии. Если Мануэль в этом случае превзошел своего соперника в демонстрации своего богатства, он проявил меньше искренности, чем Людовик, в проявлениях своей дружбы, поскольку в разгар банкетов, которые он давал крестоносцам, последние узнали, что он сохранил тесный союз с султаном Иконии и что турки были полностью осведомлены о планах французского короля.

Это предательство вызвало раздражение французских лордов, и когда император потребовал, чтобы они оказали ему почтение, как это сделали лидеры первого крестового похода, на соборе было предложено, чтобы единственным ответом было овладение Константинополем. “Вы слышали, - сказал епископ Лангрский, - что греки предлагают вам признать их империю и подчиниться их законам: таким образом, слабость должна командовать силой, а трусость - храбростью!” Что сделала эта нация? Что сделали их предки, чем они так гордятся? Я не буду говорить вам о ловушках и засадах, которые они повсюду расставили на вашем пути; мы видели, как византийские священники, смешивая насмешку с возмущением, очищали огнем алтари, на которых приносили жертвы наши священники. Они требуют от нас новых клятв, от которых отказывается честь. Не пора ли отомстить за измену и отразить оскорбления? До сих пор крестоносцы больше страдали от своих вероломных друзей, чем от открытых врагов. Константинополь долгое время был серьезной преградой между нами и нашими братьями на Востоке. Наш долг, наконец, открыть свободную дорогу в Азию. Вы знаете, греки допустили, чтобы гробница Христа и все христианские города Востока попали в руки неверных. Константинополь, без сомнения, скоро станет добычей турок и варваров, и своей трусливой слабостью он однажды раздвинет барьеры Запада. Императоры Византии не знают, как защитить свои собственные провинции, и не допустят, чтобы другие делали это за них. Они всегда препятствовали великодушным усилиям воинов креста; даже в последнее время этот император, который заявляет, что поддерживает вас, пытался оспорить их завоевания у латинян и отнять у них Антиохийское княжество. Теперь его цель - сдать христианские армии сарацинам. Давайте же поспешим предотвратить нашу собственную гибель, уничтожив этих предателей; давайте не оставим позади себя ревнивый и наглый город, который ищет только средства уничтожить нас; давайте обрушим на него зло, которое он готовит для нас. Если греки осуществят свои вероломные замыслы, именно у вас Запад однажды потребует назад свои армии. Поскольку война, которую мы ведем, священна, разве не справедливо, что мы должны использовать все средства для достижения успеха? Необходимость, страна, религия - все

приказывает вам сделать то, что я предлагаю вам. Акведуки, снабжающие город водой, находятся в нашей власти и предлагают простое средство сокращения численности населения. Солдаты Мануила не могут выстоять против наших батальонов; часть стен и башен Византии рухнула на наших глазах, как некое чудо. Похоже, что сам Бог призывает нас в город Константин, и он открывает вам его ворота, как он открыл ворота Эдессы, Антиохии и Иерусалима вашим отцам”.[276]

Когда епископ Лангрский замолчал, несколько рыцарей и баронов возвысили голоса в ответ. Христиане, по их словам, пришли в Азию, чтобы искупить свои собственные грехи, а не наказывать греков за преступления. Они взялись за оружие, чтобы защитить Иерусалим, а не разрушить Константинополь. Это правда, что они должны были считать греков еретиками, но для них было не более справедливо убивать их, чем евреев; когда христианские воины приняли крест, Бог не вложил в их руки меч правосудия. Одним словом, бароны находили в том, что они слышали, гораздо больше политики, чем религии, и не могли понять, что было правильным предпринимать предприятие, противоречащее принципам чести. Они также не верили в несчастья, которые им угрожали, и полагались на Провидение и свою собственную доблесть, которые позволяют им преодолеть все препятствия. Самые пылкие из паломников боялись любой задержки в походе крестоносцев, и этот страх усиливал их щепетильность; в конце концов преданность рыцарей, общее благочестивое нетерпение увидеть святыне места, а возможно, также подарки и обольщения Мануила обеспечили победу партии, выступающей за умеренность.

Император, тем не менее, был встревожен, увидев отряд воинов, полных уверенности и мужества, которые так близко от него намеревались захватить его столицу. Почтение, которое оказывали ему бароны и рыцари, несколько не убедило его в их намерениях. Чтобы ускорить их уход, он распространил слух о том, что германцы одержали великие победы над турками и что они стали хозяевами Иконии. Успех превзошел все надежды Мануэля.

Когда крестоносцы, которым не терпелось преследовать турок, покидали Константинополь, они были застигнуты врасплох солнечным затмением. Суеверная толпа увидела в этом явлении не что иное, как роковое предзнаменование и решила, что это либо предупреждение о каком-то великом бедствии, либо о каком-то новом предательстве со стороны Мануила; и опасения паломников не заставили себя долго ждать. Едва они вступили в Вифинию, как их научили ценить ложные сообщения и вероломство греков. Людовик, стоявший лагерем на берегу озера Асканиус, в окрестностях Ниццы, получил известие о полном поражении немцев. Султан Иконии при приближении христиан Запада собрал все свои силы и в то же время обратился за помощью к другим мусульманским державам для защиты проходов в Малую Азию. Конрад, которого Вильгельм Тирский называет *виру симплексом*, которого отец Мамбур сравнивает с увенчанной цветами жертвой, которую ведут на заклание, по вере каких-то неизвестных проводников продвинулся в горы Каппадокии. Ему не терпелось предстать перед французами, которых он должен был ждать, и он двинулся дальше, совершенно не разбираясь в дорогах и не имея провизии, чтобы накормить толпу, следовавшую за ним. В то время, когда он не подозревал об их близости, он был застигнут врасплох турками, которые укрылись на вершинах гор и бросились вниз на измученных и голодных христиан. [277] Мусульмане были легко вооружены и совершали свои эволюции с величайшей быстротой. Немцы едва могли двигаться под тяжестью своих щитов, корсетов и стальных нагрудников; каждый день происходили стычки, в которых христиане оказывались в невыгодном положении. Те, что были более легко

вооружены и носили щиты из овечьей кожи, иногда бросались на врага и обращали его в бегство; но турки вскоре собирались на высотах и снова бросались вниз, подобно хищным птицам, на перепуганных христиан. Толпа паломников, чье оружие состояло только из сумы и посоха, вызвала величайшую тревогу и замешательство в христианской армии. Мусульмане воспользовались их беспорядком и не давали своим врагам ни минуты покоя. Отчаяние и ужас положили конец всякой дисциплине среди крестоносцев; они больше не подчинялись приказам своих вождей, но каждый стремился обеспечить свою собственную безопасность бегством. Наконец разгром стал всеобщим; страна была покрыта беглецами, которые скитались наугад и не находили убежища от завоевателей. Одни погибли от нужды, другие пали от мечей мусульман; женщин и детей увезли вместе с обозом и они составили часть добычи врага. Конрад, едва спасший десятую часть своей армии, сам был ранен двумя стрелами и только чудом избежал преследования сарацин.

Известие об этом бедствии повергло французов в величайший ужас. Людовик в сопровождении своих самых храбрых воинов поспешил на помощь Конраду. Два монарха обнялись в слезах. Конрад рассказал подробности своего поражения и тем более горько пожаловался на вероломство Мануэля, что чувствовал необходимость оправдать свою собственную неосторожность. Два принца возобновили свою клятву вместе отправиться в Палестину, но император Германии не сдержал своего слова. То ли ему было стыдно за то, что он остался без армии, то ли он не мог вынести надменности французов, то ли он боялся их слишком справедливых упреков, но он отослал назад те немногие войска, которые у него остались, и вернулся в Константинополь, где его очень хорошо приняли, потому что его больше никто не боялся.

Тем временем французская армия продолжала свой марш и, оставив гору Олимп слева от себя, а гору Иду справа, прошла через древнюю Фригию. Французы, проходя мимо, миновали Пергам, Эфес и несколько других знаменитых городов, которым греки позволили превратиться в руины. Приближалась зима, и обильные дожди и растаявший снег раздули реки до такой степени, что они разлились по всей стране и сделали дороги непроходимыми. Обитатели гор, дикий, одичавший народ, разбежались при приближении христиан, забрав с собой свои стада и все, что у них было. Жители городов закрыли свои ворота перед крестоносцами и отказывали в провизии всем, кто не мог дать взамен полную стоимость. Пока французская армия пересекала Фригию, Мануил отправил послов к королю Франции, чтобы сообщить ему, что турки собираются во всех частях света с целью воспрепятствовать его походу. Он предложил крестоносцам убежище в городах империи; но это предложение, сопровождавшееся угрозами, оказалось всего лишь ловушкой, и Людовик предпочел бросить вызов вражде турок, чем довериться обещаниям греков. Христианская армия, продолжавшая свой марш к границам Фригии, прибыла, наконец, на берега Меандра, к устью Лика. Турки, уничтожившие армию немцев, готовились оспорить переправу через реку у французов. Одни стояли лагерем в горах, другие на берегах; из-за дождей Меандр раздулся, и переход был трудным и опасным.

Воодушевленных речами и примером своего короля, французов не могло остановить никакое препятствие. Напрасно турки осыпали их стрелами или выстроились в боевой порядок на берегах; французская армия переправилась через реку, прорвалась сквозь ряды варваров, перебила огромное количество из них и преследовала их до подножия гор. Два берега Меандра были покрыты телами турок: историк Никита,^[278] который несколько лет спустя увидел их груду

костей, не мог удержаться от того, чтобы не сказать, восхваляя мужество франков, “что если такие люди не взяли Константинополь, то их умеренность и терпение достойны восхищения”.

После битвы с сарацинами некоторые паломники утверждали, что видели рыцаря, одетого в белое, который шел во главе армии и подавал сигнал к победе. Одо из Дейла, очевидец, говорит об этом явлении, не придавая ему веры, и удовлетворяется утверждением, что христиане не одержали бы победы над турками без защиты и воли Божьей.

Эта победа придавала крестоносцам большую уверенность и заставила их врагов быть более осторожными. Турки, которых невозможно было преследовать далеко в незнакомой стране, снова сплотились после битвы при Меандре. Менее уверенные в своей силе и не осмеливающиеся атаковать победившую их армию, они выжидали момента, когда можно было бы безопасно застать их врасплох. Неосторожность вождя, командовавшего французским авангардом, вскоре предоставила им такую возможность. Покинув Лаодикию, город, расположенный на реке Лик, крестоносцы направились к горам, отделяющим Фригию от Писидии. В этих горах не было ничего, кроме узких проходов, по которым они постоянно пробирались между скалами и пропастями. Французская армия была разделена на два отряда, которыми каждый день командовали новые лидеры, получавшие приказы от короля.

Каждый вечер они обсуждали на совете маршрут, которым им предстояло следовать на следующий день, и назначали место, где армия должна была разбить лагерь. Однажды, когда им предстояло пересечь одну из самых высоких гор, авангарду был отдан приказ разбить лагерь на высотах и дожидаться остальной армии, чтобы на следующий день они могли спуститься на равнину в боевом порядке. Жоффруа де Рансон, лорд Тайллебурга, в этот день командовал первым отрядом французской армии и нес орифламму, или королевский штандарт. Рано утром он прибыл к месту, где должен был провести ночь, где его солдатам не было другого убежища, кроме лесов, оврагов и голых скал. У подножия горы они увидели обширную и удобную долину; день был погожий, и войска были в состоянии маршировать без усталости еще несколько часов. Граф де Морьен, брат короля, королева Элеонора и все дамы из ее свиты, сопровождавшие авангард, настаивали на том, чтобы Жоффруа де Рансон спустился на равнину. У него хватило слабости подчиниться их желанию; но едва он достиг долины, как турки овладели высотами, которые он миновал, и выстроились в боевом порядке.

В это время арьергард армии, в которой находился король, продвигался вперед, полный уверенности и безопасности; увидев войска в лесах и на скалах, они приняли их за французов и приветствовали их радостными криками. Они шли без порядка, вьючные животные и колесницы смешались с батальонами, и большая часть солдат оставила свое оружие вместе с поклажей. Турки, совершенно неподвижные, молча ждали, пока христианская армия будет окружена в ущельях, и когда они почувствовали уверенность в победе, они двинулись вперед, издавая устрашающие крики, и с мечами в руках напали на безоружных христиан, у которых не было времени собраться с силами. Беспорядок и растерянность французской армии не поддаются описанию. “Над нами, ” говорит очевидец, “ крутые скалы вздымались к облакам; под нами пропасти, изрытые потоком, спускались в адские области”. Крестоносцы находились на узкой тропинке, по которой люди и лошади не могли ни наступать, ни отступать; они тащили друг друга вниз, в пропасти; в то время как камни, оторвавшиеся от вершин гор, катились вниз с ужасным шумом, сокрушая все на своем пути.

Крики раненых и умирающих смешивались с беспорядочным ревом потоков, свистом стрел и ржанием перепуганных лошадей. В этой страшной суматохе вожди не отдавали приказов, и солдаты не могли ни сражаться, ни бежать. Самые храбрые сплотились вокруг короля и двинулись к вершине горы. Тридцать главных дворян, сопровождавших Людовика, погибли рядом с ним, дорого продав свои жизни. Король остался почти один на поле битвы и укрылся на скале, откуда смело отражал нападение преследовавших его неверных. Прислонившись спиной к дереву, он в одиночку сопротивлялся попыткам нескольких сарацин, которые, приняв его за простого солдата, в конце концов оставили его, чтобы получить свою долю добычи. Хотя уже наступила ночь, король ожидал, что на него снова нападут, когда голоса нескольких французов, избежавших резни, сообщили ему приятную информацию о том, что турки отступили. Он сел на отбившуюся лошадь и, преодолев тысячу опасностей, присоединился к своему авангарду, где все оплакивали его смерть.

После этого поражения, в результате которого король подвергся таким опасностям, весть о его смерти распространилась не только по всему Востоку, но и достигла Европы, где наполнила христиан, особенно французов, горем и ужасом. Вильгельм Тирский, рассказывая о катастрофическом поражении крестоносцев, выражает удивление по поводу того, что Бог, всегда исполненный милосердия, позволил столь многим прославленным воинам, вооруженным для его дела, погибнуть столь жалкой смертью. Крестоносцы, составлявшие авангард армии, оплакивая смерть своих братьев, подняли свой голос против Жоффруа де Рансона и потребовали, чтобы он понес наказание за потерю такого большого количества крови. У короля, однако, не хватило твердости наказать непоправимую провинность, и он уступил желаниям баронов и солдат лишь настолько, чтобы назначить им предводителем старого воина по имени Жильберт, чьим мастерством и храбростью могла похвастаться вся армия. Жильберт разделил командование с Эвраром де Барром, великим магистром тамплиеров, который прибыл с большим количеством своих рыцарей навстречу христианской армии. Под командованием этих двух вождей, которым повиновался сам король, крестоносцы продолжили свой поход и несколько раз мстили мусульманам за свое поражение.

По прибытии в Писидию французам почти повсюду приходилось защищаться от вероломства греков и нападений турок; но зима была для христианской армии еще более опасным врагом, чем эти. Каждый день лил проливной дождь; холод и влажность ослабляли силы солдат; и большая часть лошадей, лишенных фуража, погибла и служила только для прокормления армии, у которой не было провианта. Одежда солдат висела на них лохмотьями; крестоносцы продали или бросили свое оружие; палатки и багаж были разбросаны по дорогам, а армия тащила за собой толпу больных и множество бедных паломников, которые оглашали воздух своими криками и причитаниями. Король Франции утешал их своими речами и приносил облегчение своими благотворительными дарами, ибо посреди стольких невзгод, казалось, только Бог поддерживал его мужество. “Никогда, - говорит Одо из Дейла, - он не проводил ни одного дня без того, чтобы не отслужить мессу и не воззвать к Богу христиан”.

Наконец христиане подошли к стенам Атталии, расположенной на побережье Памфилии, в устье реки Цестий. Этот город, населенный греками, управлялся от имени константинопольского императора. Поскольку жители с недоверием относились к намерениям христианской армии, они отказались открыть им свои ворота, и крестоносцы были вынуждены разбить лагерь на соседних равнинах, подвергаясь всем суровым условиям сезона.

Они не могли ни найти провизии для себя, ни фуража для своих лошадей в бесплодной неводеланной стране, постоянно опустошаемой турками. Греки отказались помочь им в их бедственном положении и продавали им все на вес золота. Голод и бедствия, от которых до сих пор страдали христиане, стали для них еще более невыносимыми, когда они потеряли всякую надежду. Людовик VII, созвав совет, военачальники армии объяснили ему, что крестоносцы были без лошадей и без оружия, они были не в состоянии дать врагу сражение и не могли выдержать усталости от долгого марша. По их словам, у христиан не оставалось другого выхода, кроме как бросить себя на произвол морских опасностей.^[279] Король не согласился с их мнением и пожелал, чтобы они погрузили только множество паломников, которые мешали маршу армии. “Что касается нас,” сказал он, “то мы удвоим наше мужество и пойдем тем путем, которым шли наши отцы, завоевавшие Антиохию и Иерусалим. Пока у меня что-нибудь остается, я буду делиться этим со своими товарищами; а когда у меня ничего не останется, кто из вас не испытает вместе со мной бедности и невзгод?” Бароны, тронутые этой речью, поклялись умереть вместе со своим королем, но не желали умирать без славы. Воодушевленные примером Людовика, они могли одержать победу над турками, над их несчастьями и суровостью зимы; но у них не было защиты от голода и вероломства греков. Они упрекали Людовика VII. за то, что не последовал советам епископа Лангрского и простил врагов более жестоких, чем мусульмане, более опасных, чем бури или океанские скалы.

Поскольку в конце этого совета в христианской армии поднялся сильный ропот против греков, губернатор Атталии испугался последствий отчаяния и пришел предложить Людовику суда, на которые можно было бы посадить всех крестоносцев. Это предложение было принято, но им пришлось ждать обещанных судов более пяти недель. За столь долгую задержку крестоносцы израсходовали все ресурсы, которые у них оставались, и многие умерли от голода и нищеты; суда, которые наконец прибыли в порты Атталии, не были ни достаточно большими, ни малочисленными, чтобы погрузить на борт всю христианскую армию. Тогда крестоносцы осознали бездну зла, в которую они вот-вот упадут; но их покорность или, скорее, плачевное состояние армии было таково, что они не совершили никакого насилия по отношению к грекам и даже не угрожали ни одному городу, который отказался им помочь.

Толпа бедных паломников, среди которых были бароны и рыцари, предстала перед королем и обратилась к нему в таких выражениях: “У нас нет средств, чтобы оплатить наш проезд, и мы не можем последовать за вами в Сирию; мы остаемся здесь жертвами нищеты и болезней; когда вы покинете нас, мы подвергнемся большей опасности; и нападение турок - наименьшее из несчастий, которого мы должны бояться. Помните, что мы франки, что мы христиане; дайте нам вождей, которые могли бы утешить нас в ваше отсутствие и помочь нам перенести усталость, голод и смерть, которые нас ожидают”. Людовик, чтобы успокоить их, говорил с ними в самых прочувствованных выражениях и распределил между ними значительные суммы. По словам Одо де Дейля, он был так щедр в своей помощи, как будто ничего не терял и ничего не хотел для себя. Он послал за губернатором Атталии и дал ему пятьдесят марок серебром, чтобы обеспечить больных, оставшихся в городе, и провести сухопутную армию до берегов Киликии.

Людовик VII назначил предводителями всех, кто не мог сесть на корабль, Тьерри графа Фландрского и Аршамбо де Бурбона; затем он поднялся на борт подготовленного для него флота в сопровождении королевы Элеоноры, главных лордов своего двора и всей оставшейся кавалерии. Глядя на крестоносцев, которых он оставил в Атталии, король Франции не мог удержаться от слез; множество паломников, собравшихся на берегу, провожали глазами судно,

на которое он сел, давая обеты отправиться в путь; и когда они потеряли его из виду, они не думали ни о чем, кроме своих собственных опасностей, и впали в глубочайшее уныние.

На следующий день после отъезда Людовика VII паломники, ожидавшие обещанного им сопровождения и проводников, увидели, как к ним приближаются турки, жаждущие убийств и грабежей. Арчамбо и Тьерри на мгновение оживили мужество крестоносцев и несколько раз дали отпор неверным. Но турки продолжали атаку, не переставая; каждый день христиане выдерживали новые столкновения, не будучи в состоянии заставить своего врага отступить. Греки не согласились принять их в город, и у крестоносцев не оставалось никаких средств для обеспечения безопасности. Отчаяние заглушило в их груди даже человеческие чувства; каждый из этих несчастных стал нечувствителен к судьбе своих товарищей и не чувствовал ничего, кроме своих собственных бед, не видел ничего, кроме собственных опасностей. Солдаты не пытались сплотиться или прийти на помощь друг другу; они больше не признавали лидеров и не следовали за ними; сами лидеры больше не руководствовались духом религии или любовью к славе. Посреди всеобщего опустошения Аршамбо и Тьерри, желая только избежать смерти, бросились на борт судна, которое должно было присоединиться к флоту Людовика VII. Ужасный беспорядок, царивший тогда среди жалких остатков христианской армии и больных в городе Атталия, совершенно не поддается описанию.

Два отряда паломников, один из трех тысяч, а другой из четырех тысяч, решили преодолеть все опасности и двинуться в Киликию. У них не было лодок, чтобы переправляться через разлившиеся реки; у них не было оружия, чтобы противостоять туркам, и почти все они погибли. Другие, последовавшие за ними, разделили ту же участь, в то время как больные в городе Атталия были безжалостно убиты. Историкам было нелегко зафиксировать хотя бы несколько подробностей этих ужасных бедствий; и именно в этом месте мы находим столь уместными слова старых хроник: “Один Бог знает число мучеников, чья кровь пролилась под клинком турок и даже под мечом греков”.

Многие христиане, сбитые с толку отчаянием, верили, что Бог, который таким образом оставил их жертвами стольких бед, не мог быть истинным Богом;[280] три тысячи из них приняли веру Магомета и присоединились к мусульманам, которые сжалились над их несчастьем. Греки вскоре были наказаны за свою вероломную жестокость; эпидемия, объединившая свои опустошения с опустошениями войны, оставила город Атталию почти без жителей всего через несколько недель после отъезда Людовика VII.

Когда Людовик прибыл в княжество Антиохия,[281] он потерял три четверти своей армии; но Раймонд Пуатье приветствовал его не менее тепло. Сопровождавшие его французы вскоре забыли среди удовольствий как об опасностях своего путешествия, так и о прискорбной смерти своих товарищей.

Тогда Антиохия могла похвастаться тем, что в ее стенах жили графиня Тулуза, графиня Блуа, Сибилла Фландрская, Морилла графиня де Руси, Талкери герцогиня де Буйон и несколько других дам, прославившихся своим происхождением или красотой. Празднества, которые устраивал им Раймонд, приобретали дополнительную пышность благодаря присутствию Элеоноры Гиенской. Эта юная принцесса, дочь Вильгельма IX и племянница принца Антиохийского, сочетала в себе самые соблазнительные дары ума с изяществом своей особы. Ею восхищались в Константинополе, и она не нашла соперницы при дворе Мануила. Ее обвиняли, и не без оснований, в том, что она больше стремилась к восхищению, чем подобает

христианской королеве. Ни искреннее благочестие, ни склонность к покаянию не побудили ее совершить паломничество в Константинополь. Тяготы и опасности путешествия, невзгоды крестоносцев, воспоминания о святых местах, всегда занимающие умы истинных паломников, ни в малейшей степени не уменьшили ее слишком живого вкуса к удовольствиям или сильной склонности к галантности.

Раймонд де Пуатье среди праздников, устроенных в честь королевы Элеоноры, не забывал об интересах своего княжества; он стремился ослабить власть Нуреддина, самого грозного врага христианских колоний, и горячо желал, чтобы крестоносцы помогли ему в этом предприятии. Ласки, молитвы, подарки - ничего не жалели, чтобы привлечь их и продлить их пребывание в его штатах. Князь Антиохии обратился сначала к королю Франции и предложил ему на совете баронов осадить города Алеппо и Кесарию в Сирии. Это предприятие, благоприятствовавшее его честолюбию, давало реальные преимущества всемхристианским государствам Востока, которым угрожала постоянно растущая власть Нуреддина; но Людовик VII, которого привел в Азию только дух преданности, ответил Раймонду, что он не может ввязываться в войну, пока не посетит святые места.

Князь Антиохии не позволил этому отказу обескуражить себя; он использовал все средства, чтобы тронуть сердце царицы, и решил подчинить любовь своим замыслам. Вильгельм Тирский, оставивший нам портрет Раймонда, сообщает нам, что он был *“мягким и приветливым в речи”*,^[282] *в его лице и манерах сквозила, я не знаю, какая исключительная грация и поведение превосходного и великодушного принца*. Он взялся убедить королеву Элеонору продлить ее пребывание в Антиохийском княжестве. Тогда было начало весны; улыбающиеся берега Оронта, рощи Дафны и прекрасное небо Сирии, несомненно, придавали свое очарование вкрадчивым речам Раймона. Королева, соблазненная молитвами этого принца, увлеченная почитанием сладострастного и блистательного двора и, если верить историкам, слишком склонная к удовольствиям и поблажкам, недостойным ее, горячо просила короля отложить его отъезд в святой город. Король, помимо суровой набожности, обладал ревнивым и подозрительным нравом; таким образом, мотивы, побудившие королеву пожелать остаться в Антиохии, укрепили его решимость отправиться в Иерусалим. Примеры Элеоноры наполнили его разум подозрениями и сделали его еще более неумолимым; на что Раймонд, обманувшись в своих надеждах, громко жаловался и решил отомстить. Этот принц, говорит Вильгельм Тирский, *“обладал порывистой волей и таким холерическим нравом, что, когда он был взволнован, не слушал ни рифм, ни доводов разума”*. Он легко донес свое возмущение до сознания Элеоноры, и эта принцесса сразу же смело составила план отделения от Людовика VII и расторжения их брака под предлогом родства. Раймонд, со своей стороны, поклялся применить силу, чтобы задержать свою племянницу в своих владениях. Наконец король Франции, оскорбленный и как муж, и как суверен, решил ускорить свой отъезд и был вынужден похитить свою жену и ночью отнести ее в свой лагерь.

Поведение королевы, должно быть, шокировало как неверных, так и христиан Востока; и ее пример, вероятно, имел роковые последствия для армии, в которой было большое количество женщин. Среди толпы рыцарей и даже мусульман, которые во время ее пребывания в Антиохии по очереди пользовались ее пристрастием,^[283] особо упоминается молодой турок, который получал от нее дорогие подарки и ради которого она хотела отказаться от короля Франции. В

таких делах, остроумно замечает Мезераи, *“часто говорится больше, чем есть на самом деле; но иногда и говорится больше, чем говорится”*. Как бы то ни было, Людовик VII. не мог забыть своего бесчестия и несколько лет спустя почувствовал себя обязанным отречься от Элеоноры, которая вышла замуж за Генриха II и даровала Англии герцогство Гиеннское, что стало для Франции одним из самых прискорбных последствий этого второго крестового похода.

Король и бароны Иерусалима, которые боялись пребывания здесь Людовика VII. в Антиохию послали депутатов, чтобы заклинали его именем Иисуса Христа ускорить его поход к святому городу. Король Франции уступил их желаниям и пересек Сирию и Финикию, не останавливаясь при дворе графа Триполийского, который вынашивал те же планы, что и Раймунд Пуатье. Его прибытие в Святую Землю вызвало величайший энтузиазм и возродило надежды христиан. Народ, князья и прелаты Иерусалима вышли ему навстречу, неся в руках оливковые ветви и распевая те же слова, которыми приветствовали Спасителя мира: *“Благословен грядущий во имя Господне”*. Император Германии, покинувший Европу во главе мощной армии, только что прибыл в Иерусалим в образе простого паломника. Два монарха обнялись, поплакали над своими несчастьями и, отправившись вместе в церковь Воскресения Христова, преклонились перед непостижимыми указами Провидения.

Балдуин III, который тогда правил в Иерусалиме, был молодым принцем, подававшим большие надежды; и, стремясь как к расширению собственной славы, так и к расширению своего королевства, он не пренебрегал никакими средствами, чтобы завоевать доверие крестоносцев и начать войну против сарацин. В Птолемаиде было созвано собрание для обсуждения действий этого крестового похода. Император Конрад, король Франции, и молодой король Иерусалима отправились туда в сопровождении своих баронов и рыцарей. Предводители христианских армий и главы Церкви вместе обсуждали тему священной войны в присутствии королевы Мелисинды, маркизы Австрийской и нескольких других немецких и французских дам, последовавших за крестоносцами в Азию. На этом блестящем собрании христиане были поражены, не увидев королевы Элеоноры Гиенской, и поэтому с сожалением вспомнили о пребывании в Антиохии. Отсутствие Раймонда Антиохийского и графов Эдессы и Триполи, которые не были приглашены на встречу, неизбежно должно было вызвать печальные размышления и породить предчувствия о последствиях раздора среди христиан Востока.

Имя несчастного Джосселина почти не упоминалось на совете князей и баронов; ничего не говорилось ни об Эдессе, потеря которой подняла весь Запад с оружием в руках, ни о завоевании Алеппо, которое предлагал Раймунд Антиохийский. С начала правления Балдуина принцы и лорды Палестины вынашивали план расширения своих завоеваний за пределы Ливана и овладения Дамаском. Когда христиане, войдя в мусульманскую провинцию или город, делили между собой земли и дома побежденных, люди, жившие на бесплодных горах Иудеи, большая часть воинов Иерусалима и даже духовенство, все, казалось, устремляли свои желания на территорию Дамаска, который предлагал своим захватчикам богатую добычу в виде приятных жилищ и полей, покрытых золотыми урожаями. Надежда изгнать мусульман из плодородной провинции и обогатиться за счет их добычи заставила их даже забыть о грозной власти Нуреддина и аттабеков. На собрании в Птолемаиде было решено начать войну осадой Дамаска.

Все войска собрались в Галилее в начале весны и двинулись к истокам Иордана под командованием короля Франции, императора Германии и короля Иерусалима, которым предшествовал патриарх святого города, несущий истинный крест. Христианская армия, к которой были присоединены рыцари Храма и Святого Иоанна, в первых числах июня выступила из Мелхисапара, небольшого городка, памятного чудесным обращением святого Павла, и, перейдя ливанские оковы, расположилась лагерем близ города Дари, откуда был виден город Дамаск.

Дамаск расположен у подножия Антилибануса, в сорока пяти лье от Иерусалима; по соседству с городом возвышаются холмы, покрытые деревьями и зеленью, и на его территории было несколько городов, сохранивших свое название в истории. Река, которая стремительно низвергается с гор, катится по золотистому песку и, разделяясь на несколько рукавов, орошает город и несет свежесть и плодородие в долину Абеннефсаге, или долину фиалок, засаженную всевозможными фруктовыми деревьями. Город Дамаск был знаменит в глубокой древности, он был свидетелем как расцвета, так и падения Пальмиры, руины которой до сих пор являются объектами любопытства в окрестностях. Иезекииль может похвастаться своими восхитительными винами, многочисленными мастерскими и шерстью восхитительных оттенков; а несколько отрывков из Священного Писания представляют Дамаск как обитель сладострастия и наслаждения. Красота его садов и великолепие общественных зданий, многие из которых были построены из мрамора разных цветов, вызвали всеобщее восхищение.

Дамаск, после того как его по очереди завоевали евреи, ассирийские цари и преемники Александра, попал в руки римлян. Со времен Августа проповедь святого Павла наполнила его христианами; но в начале Хиджры он подвергся нападению и был взят приспешниками Магомета, и большая часть жителей, которые после капитуляции пытались найти убежище в Константинополе, была преследуема и перебита жестокими завоевателями на территории Триполи.

С этого времени Дамаск, образовавший правительство или княжество, оставался во власти мусульман. В период второго крестового похода это княжество, подвергшееся поочередным нападениям франков, ортокидов и аттабеков и почти превратившееся в ничто, кроме своей столицы, принадлежало мусульманскому принцу, у которого было не меньше возможностей защищаться от честолюбия эмиров, чем от вторжения внешних врагов. Нуреддин, хозяин Алеппо и нескольких других городов Сирии, уже предпринял несколько попыток овладеть Дамаском и ни в коем случае не оставлял надежд присоединить его к другим своим завоеваниям, когда христиане приняли решение осадить его.

Город был защищен высокими стенами с востока и юга; в то время как с запада и севера у него не было другой защиты, кроме многочисленных садов, засаженных деревьями, во всех частях которых были возведены частоколы, земляные валы и небольшие башни, в которых можно было разместить лучников. Крестоносцы, когда были готовы начать осаду, решили на совете сначала завладеть садами, надеясь найти там воду и изобилие фруктов. Но это предприятие было не без больших трудностей, ибо фруктовые сады, простиравшиеся до подножия Антилибануса, были похожи на обширный лес, пересеченный узкими тропинками, по которым два человека едва могли идти рядом. Неверные повсюду воздвигли укрепления, где они могли без опасности для себя противостоять атакам крестоносцев. Однако ничто не могло умерить храбрости и пыла христианской армии, которая с нескольких сторон проникла в сады. С высот маленьких башен,

изнутри стен и из крон густых деревьев на них обрушились тучи стрел и дротиков. Каждый шаг, сделанный христианами в этих укрытых местах, был отмечен боем, в котором они едва могли видеть своего врага. Неверные, однако, атаковали без перерыва и в конце концов были вынуждены оставить позиции, которые они заняли и укрепили. Король Иерусалима выступил первым во главе своей армии и рыцарей ордена Святого Иоанна и Храма; после христиан Востока двинулись французские крестоносцы под командованием Людовика VII.; в то время как император Германии, собравший жалкие остатки своей армии, сформировал резервный корпус, чтобы защитить осаждающих от неожиданностей противника.

Король Иерусалима яростно преследовал мусульман; его солдаты бросились вместе с ним в гущу вражеских рядов, сравнивая их предводителя с Давидом, который, согласно Иосифу Флавию, победил царя Дамаска. Сарацины после упорного сопротивления объединились на берегах реки, протекающей под его стенами, чтобы стрелами и камнями отогнать толпу христиан, привлеченных туда усталостью и жарой. Воины под командованием Болдуина несколько раз пытались прорваться сквозь армию мусульман, но всегда наталкивались на непобедимое сопротивление. Именно тогда император Германии проявил свою храбрость ратным подвигом, достойным героев первого крестового похода. Сопровождаемый небольшим количеством своих людей, он прошел сквозь французскую армию, которой трудности ситуации почти не позволили сражаться, и занял свое место в авангарде крестоносцев. Ничто не могло устоять перед стремительностью его атаки, все, кто противостоял ему, падали под его рукой; когда сарацин гигантского роста, полностью облаченный в доспехи, выступил ему навстречу и вызвал его на поединок. Император немедленно принял вызов и полетел навстречу мусульманскому воину. При виде этого необычного сражения обе армии замерли в страхе, ожидая, пока один из чемпионов победит другого, чтобы возобновить битву. Воин-сарацин был вскоре сброшен с лошади, а Конрад одним ударом меча по плечу мусульманина рассек его тело на две части.^[284] Это чудо доблести и силы удвоило пыл христиан и посеяло ужас среди неверных. С этого момента мусульмане начали искать безопасности в стенах города и оставили крестоносцев хозяевами берегов реки.

Восточные авторы говорят об испуге жителей Дамаска после победы христиан. Мусульмане в течение нескольких дней падали ниц^[285] на пепелище; они выставили посреди большой мечети Коран, составленный Омаром; женщины и дети собрались вокруг священной книги, чтобы призвать на помощь Магомета против своих врагов. Осажденные уже подумывали покинуть город; они установили на улицах, у входа в сады, большие столбы, цепи и груды камней, чтобы задержать продвижение осаждающих и таким образом дать им время бежать со своими богатствами и семьями через северные и южные ворота.

Христиане были настолько убеждены, что вскоре станут хозяевами Дамаска, что среди лидеров возник вопрос, кому следует передать власть над городом. Большая часть баронов и лордов, служивших в христианской армии, заискивали перед королем Франции и императором Германии и все сразу забыли об осаде города в своих искренних попытках добиться управления им. Тьерри Эльзасский, граф Фландрии, дважды побывавший в Палестине до крестового похода и уступивший своей семье все свои владения в Европе, добивался расположения княжества более горячо, чем другие, и одержал верх над своими противниками. Это предпочтение породило зависть и вселило уныние в армию; пока город, который они собирались завоевать, оставался приманкой для их честолюбия, вожди проявляли себя полными рвения и отваги, но когда у них не оставалось надежды, одни бездействовали, в то время как другие, больше не

считая христианскую славу своим личным делом, искали все средства, чтобы обеспечить провал предприятия, из которого они не извлекли бы никакой личной выгоды.

Предводители осажденных воспользовались этими чувствами, чтобы начать переговоры с крестоносцами. Их угрозы, их обещания и подарки преуспели в уничтожении того, что осталось от рвения и энтузиазма христиан. Они обращались, в частности, к сирийским баронам и призывали их быть настороже против воинов, пришедших, как они говорили, с Запада, чтобы завладеть христианскими городами Азии. Они угрожали передать Дамаск новому повелителю Востока Нуреддину, которому ничто не могло противостоять и который вскоре завладеет Иерусалимским королевством. Бароны Сирии, то ли обманутые этими речами, то ли из-за того, что в глубине души они опасались успехов франков, пришедших им на помощь, занялись лишь замедлением осадных операций, которые они сами с энтузиазмом вели; и, злоупотребив доверием крестоносцев, они предложили план, который, будучи принят слишком легкомысленно, довершил крушение всех надежд, возлагавшихся на этот крестовый поход.

На совете бароны Сирии предложили вождям изменить способ нападения; близость садов и реки, по их словам, препятствовала выгодному размещению военных машин; а христианская армия на занимаемой ею позиции могла быть застигнута врасплох и подвергалась риску быть окруженной врагом, не имея возможности защищаться. Поэтому им казалось гораздо более надежным и безопасным атаковать город с южной и восточной сторон.

Большинство вождей обладали скорее доблестью, чем благоразумием, и уверенность, которую внушала им победа, заставляла их считать возможным все; кроме того, как они могли не доверять христианам Востока, ради которых они взяли за оружие и которые были их братьями? В дополнение к этому, страх затянуть осаду на долгое время заставил их последовать совету сирийских баронов. Сменив направление атаки, христианская армия, вместо того чтобы найти легкий доступ к этому месту, не увидела перед собой ничего, кроме башен и неприступных валов. Едва христиане расположились в своем новом лагере, как город Дамаск принял под своими стенами двадцатитысячный отряд курдов и туркмен, преисполненных решимости защищать его. Осажденные, чье мужество было поднято прибытием этих вспомогательных войск, надели, как говорит арабский историк, щит победы и совершили несколько вылазок, в которых они получили преимущество над христианами. Крестоносцы, со своей стороны, предприняли несколько нападений на город, и всегда были отбиты.

Расположившись лагерем на засушливой равнине, они были лишены воды; вся прилегающая страна была опустошена неверными, а зерно, избежавшее опустошительных действий войны, было спрятано в пещерах и подземных укрытиях, которые они не могли обнаружить.

Христианская армия нуждалась в провизии; тогда среди них возродился раздор; в лагере не говорили ни о чем, кроме вероломства и измены; христиане Сирии больше не объединялись с христианами Европы в своих нападениях на город; вскоре им сообщили, что султаны Алеппо и Моссула идут с многочисленным войском; тогда они отчаялись взять город и сняли осаду. Таким образом, христиане, не проявив своего постоянства и не испытав своего мужества, через несколько дней отказались от предприятия, приготовления к которому стоили так дорого Европе и возбудили такие надежды в Азии. Одно из обстоятельств этой осады, наиболее достойное упоминания, состоит в том, что Айуб, глава династии Айубитов, командовал войсками Дамаска и что с ним был его сын, юный Саладин, которому суждено было однажды стать грозным для христиан и стать хозяином Иерусалима. Старший сын Аюба был убит во время вылазки, и жители Дамаска воздвигли в его память мраморную гробницу, которую можно

было увидеть под крепостными валами города много столетий спустя. Старый мусульманский священник, прошедший более сорока лет в соседней пещере, был вынужден покинуть свое убежище и пришел в город, который осаждали христиане. Он сожалел о своем одиночестве, нарушенном шумом войны, и возымел честолюбивое намерение получить пальму первенства в мученичестве. Несмотря на заверения своих учеников, он выступил безоружным перед крестоносцами, нашел на поле битвы смерть, которой желал, и был почитаем жителями Дамаска как святой.

Если мы можем верить арабским историкам, христианские священнослужители, следовавшие за армией, не пренебрегали никакими средствами, чтобы разжечь энтузиазм воинов креста. Во время сражения под стенами города седовласый христианский священник верхом на муле и с крестом в руках продвигался между двумя армиями, призывая крестоносцев удвоить свою храбрость и пыл и обещая им, во имя Иисуса Христа, завоевание Дамаска. Мусульмане направили на него все свои стрелы; христиане окружили его, чтобы защитить; битва стала ожесточенной и кровопролитной; наконец священник упал, пронзенный множеством ран, на груду убитых, и крестоносцы покинули поле битвы.

Большая часть как арабских, так и латинских авторов[286] описывают осаду Дамаска противоречиво, но все согласны с тем, что отступление христиан объясняется предательством. Мусульманский историк утверждает, что король Иерусалима получал значительные суммы от жителей Дамаска и что он был обманут осажденными, которые дали ему кусочки свинца, покрытые тонким слоем золота.[287] Некоторые латинские авторы приписывают позорное снятие осады алчности тамплиеров; другие - Раймонду Антиохийскому, который горел желанием отомстить королю Франции. Вильгельм Тирский, чье мнение должно иметь большой вес, обвиняет баронов Сирии;[288] но, конечно, все должны винить невежество и неспособность других вождей крестового похода, которые последовали совету, не изучив его, и оказались неспособными исправить зло, которого они не предвидели.

После столь неудачной попытки было естественно отчаяться в успехе этой войны. На совете вождей была предложена осада Аскалона, но умы людей были омрачены, а их мужество подавлено. Король Франции и император Германии думали о возвращении в Европу, не принося с собой никакой другой славы, кроме той, что один защитил свою собственную жизнь от нескольких солдат на скале в Памфилии, а другой - что разрубил великана надвое под стенами Дамаска. “С того дня,” говорит Вильгельм Тирский, “положение восточных латинян стало постоянно ухудшаться”. Мусульмане перестали бояться воинов и принцев Запада. Полные уверенности в своем оружии, они, думавшие только о самозащите, составили план нападения на франков и воодушевились своим предприятием надеждой разделить добычу врага, вторгшегося в несколько их провинций. В то время как неверные, таким образом, вновь обрели свою отвагу и гордыню и объединились против своих врагов, христианами овладело уныние, и разделение, которое так фатально преобладало среди них, с каждым днем ослабляло их дух и их силу. “Франки, вернувшиеся в Европу” (мы оставляем говорить Вильгельма Тирского) “не могли забыть вероломства восточных князей и не только проявили себя более беспечными и запоздалыми в отношении дел Иерусалимского королевства, но и в равной степени обескуражили всех тех, кто не был с ними в путешествии, так что те, кто слышал разговоры об этом крестовом походе, никогда с тех пор не вступали на путь этого странствия с такой доброй волей или с таким рвением”.

Этот крестовый поход был гораздо более неудачным, чем первый; никакая слава не смягчала и не смягчала неудач христиан. Вожди совершили те же ошибки, что и Годфри и его спутники: они пренебрегли основанием колонии в Малой Азии и овладели городами, которые могли бы защитить путь паломников в Сирию. Мы восхищаемся терпением, с которым они переносили бесчинства и вероломство греков; но эта умеренность, скорее религиозная, чем политическая, привела их только к гибели. Мы должны добавить, что они были слишком низкого мнения о турках и не уделяли достаточного внимания средствам, необходимым для борьбы с ними. Немцы, в частности, были настолько полны уверенности, что, согласно отчету Никиты, они скорее подумали бы о том, чтобы взять с собой лопаты и кирки, чем мечи или копья, полагая, что им ничего не остается, как прорубить себе дорогу через Малую Азию. Еще одна странность заключалась в том, что крестоносцы в этой войне не использовали арбалет, который латеранский собор осудил как слишком смертоносный и использование которого было запрещено воинам Запада. Пехота осталась почти без оружия, а когда крестоносцы потеряли свою кавалерию, у них не было защиты от врага.

Христианские армии, как и во время первого крестового похода, тащили за собой огромное количество детей, женщин и стариков, которые ничего не могли сделать для победы, и все же всегда сильно усиливали беспорядок и отчаяние, возникающие в результате поражения. При таком множестве людей никакая дисциплина не могла быть установлена; и не очевидно, что лидеры предпринимали какие-либо попытки предотвратить последствия вседозволенности. Жоффруа де Рансон, чья неосторожность привела к уничтожению половины французской армии и подвергла короля Франции величайшей опасности, не понес иного наказания, кроме раскаяния, и думал, что искупил свое пренебрежение долгом, пав ниц у гробницы Христа. Что еще более пагубно сказывалось на дисциплине, так это развращенность нравов в христианской армии, которую следует главным образом приписать большому количеству женщин, взявших в руки оружие и пополнивших ряды солдат. В этом крестовом походе участвовал отряд амазонок под командованием генерала, чьей одеждой восхищались гораздо больше, чем ее храбростью, и чьи позолоченные сапоги принесли ей имя *“леди с золотыми ногами”*.

Другой причиной распушенности нравов была чрезвычайная легкость, с которой самые порочные люди, даже признанные преступниками, были приняты в ряды крестоносцев. Святой Бернард, который считал крестовый поход дорогой на небеса, призвал величайших грешников принять в нем участие и радовался, видя, как они таким образом вступают на путь вечной жизни. На Реймском соборе, оракулом которого был аббат Клерво, было постановлено, что поджигатели должны быть наказаны служением Богу в течение одного года либо в Иерусалиме, либо в Испании. Пламенный проповедник священной войны не подумал о том, что великие грешники, вступившие под знамена креста, будут подвержены новым искушениям и что во время долгого путешествия им будет гораздо легче развратить своих товарищей, чем исправить свое собственное поведение. Лидеры, к несчастью, терпели беспорядки, которые верили, что Небеса всегда были снисходительны к крестоносцам, и не хотели быть более суровыми, чем они есть.

И все же христианская армия при самом ужасном состоянии нравов являла собой примеры сурового благочестия. Окруженный опасностями войны и измученный долгим паломничеством, король Франции никогда не пренебрегал самыми мелкими религиозными обрядами. Большая часть вождей брала его за образец и, находясь в лагере, уделяла больше внимания религиозным процессиям, чем военным упражнениям; так что многие воины действительно

большепологались на свои молитвы, чем на оружие. В целом, на протяжении всего этого крестового похода не было достаточной зависимости от человеческих средств и человеческого благоразумия — все было предоставлено Провидению, которое редко защищает тех, кто сбивается с пути разума и мудрости.

У первого крестового похода было два отличительных признака — благочестие и героизм; у второго едва ли был какой-либо другой принцип, кроме благочестия, которое больше походило на набожность монастыря, чем на великодушный энтузиазм. Влияние монахов, которые проповедовали это и которые затем очень активно вмешивались в мирские дела, было слишком очевидно на протяжении всего этого крестового похода. Король Франции в своих несчастьях не проявил ничего, кроме смирения мученика, а на поле боя отличался только пылкостью и мужеством солдата. Император Германии не проявил больших способностей; он потерял все из-за своей безумной самонадеянности и из-за того, что считал себя способным победить турок без помощи французов. Оба были ограничены в своих взглядах и испытывали острую нехватку той энергии, которая приводит к великим поступкам. В экспедиции, которой они руководили, не было ничего возвышенного, все, казалось, соответствовало уровню их характера. Одним словом, эта война не развила ни героических страстей, ни рыцарских качеств. У Кэмпса не было великих военачальников, которыми можно было бы восхищаться или подражать; и описанный нами период может похвастаться только двумя выдающимися гениями: тем, кто своим красноречием взбудоражил западный мир, и мудрым министром Людовика, которому пришлось исправлять во Франции все невзгоды крестового похода.

Вся энергия этого крестового похода не была направлена против Азии. Несколько проповедников, уполномоченных Святым Престолом, призывали жителей Саксонии и Дании взяться за оружие против некоторых народов Прибалтики, все еще погруженных во тьму язычества. Этот крестовый поход возглавляли Генрих Саксонский, несколько других принцев и большое количество епископов и архиепископов. Армия, состоящая из ста пятидесяти тысяч крестоносцев, напала на варварский и дикий народ склавов, который непрестанно опустошал морские побережья и вел войну с христианами. Воины-христиане носили на груди красный крест, под которым была круглая фигура, представляющая и символизирующая землю, которая должна быть послушна законам Христа. Проповедники Евангелия сопровождали их шествие и призывали их своими подвигами расширить пределы христианской Европы. Крестоносцы предали огню несколько храмов идолопоклонства и разрушили город Малехон, в котором привыкли собираться языческие жрецы. В этой священной войне саксы обошлись с языческим народом точно так же, как Карл Великий обошелся со своими собственными предками; но они не смогли подчинить склавов. После трехлетней войны саксонские и датские крестоносцы устали преследовать врага, защищенного морем, и еще больше от своего отчаяния. Они предложили мир; склавы, со своей стороны, обещали обратиться в христианство и уважать христиан.^[289] Они дали эти обещания только для того, чтобы умиротворить своих врагов; и когда последние сложили оружие, они вернулись к своим идолам и возобновили свое пиратство.

Другие крестоносцы, на которых христианский мир обращал очень мало внимания, вели более успешную войну на берегах Тежу. Прошло несколько столетий с тех пор, как в Испанию вторглись мавры, и до сих пор две соперничающие нации оспаривали империю и боролись за

территорию во имя Магомета и Иисуса Христа.[290] Мавры, часто завоевываемые Сидом и его спутниками, были изгнаны из нескольких провинций, и когда второй крестовый поход отправился на Восток, испанцы осаждали город Лиссабон. Небольшая по численности христианская армия ежедневно ожидала подкрепления, когда флот, перевозивший на Восток большое количество французских крестоносцев, вошел в устье Тежу. Альфонсо, принц Бургундского дома и внук короля Роберта, командовал осаждающей армией. Он посетил христианских воинов, которых, казалось, Небеса послали ему на помощь, и пообещал в награду за их сотрудничество завоевание процветающего королевства. Он призывал их присоединиться к нему в борьбе с теми самыми сарацинами, которых они собирались искать в Азии, несмотря на все морские опасности. “Бог, пославший их, благословил бы их армию; щедрое жалованье и богатое имущество были бы мерой их доблести”. Больше ничего не требовалось, чтобы убедить воинов, которые дали клятву сражаться с неверными и жаждали приключений. Они бросили свои корабли и присоединились к осаждающим. Мавры противостояли им с решительным упорством, но по прошествии четырех месяцев Лиссабон был взят, а гарнизон предан мечу. Впоследствии они осадили несколько других городов, которые были отвоеваны у сарацин; Португалия подчинилась власти Альфонсо, и он принял титул короля. Среди этих завоеваний крестоносцы забыли о Востоке и, не подвергаясь особой опасности, основали процветающее и великолепное королевство, которое просуществовало гораздо дольше, чем Иерусалимское.

Мы можем судить по этим крестовым походам, предпринятым в одно и то же время против народов севера и других стран юга, что принцип священных войн начал приобретать новый характер; крестоносцы сражались не только за обладание гробницей, но и брались за оружие, чтобы защищать свою религию везде, где на нее могли напасть, и сделать ее торжествующей среди всех народов, которые отвергали ее законы и ее блага. Разнообразие интересов, побудивших крестоносцев к действию, неизбежно разделяло их силы, ослабляло их энтузиазм и, несомненно, наносило ущерб успеху священной войны.

Франция, которая тогда обратила тревожные взоры к Палестине, требовала от Бога больше не освобождения святых мест, а возвращения короля, о несчастьях которого они оплакивали. В течение долгого времени Сугер, который был не в состоянии поддерживать королевскую власть, пытался напомнить о своем хозяине письмами, полными нежности и преданности. Их свидание, ставшее для французов захватывающим зрелищем, встревожило придворных, которые желали возбудить подозрения в верности министра. Мирное королевство и процветающий народ - таков был ответ Шугера. Король похвалил его рвение и даровал ему титул *Отца своей Страны*. Шугер пользовался большим преимуществом, поскольку он был единственным сколько-нибудь значимым человеком в Европе, который выступил против крестового похода. Его мудрая предусмотрительность повсюду была предметом похвал, в то время как все жалобы были направлены против святого Бернарда. В королевстве не было семьи, которая не была бы в трауре; и такое же запустение царило по всей Германии. Так много вдов и сирот никто никогда не видел, и слава мученичества, обещанная всем, о чьей потере сожалели, не могла осушить их слез. Аббата Клерво обвинили в том, что он посылал христиан умирать на Восток, как будто в Европе не было гробниц; а сторонники святого Бернара, видевшие, что его миссия подтверждается чудесами, не зная, что ответить, были поражены. “Бог в эти последние дни, - говорили они между собой, - не пощадил ни свой народ, ни свое имя; дети Церкви были преданы смерти в пустыне, или убиты мечом, или пожраны голодом; презрение Господа пало даже на князей; Бог оставил их странствовать неведомыми путями, и

всевозможные страдания были посыпаны на их пути”. Так много зла, ставшего результатом священной войны, войны, предпринятой во имя Бога, привело в замешательство христиан, которые больше всех приветствовали крестовый поход, и сам святой Бернард был поражен тем, что Бог пожелал судить вселенную раньше времени, не вспомнив о своем милосердии. “Какой это позор для нас, - сказал он в извинении, адресованном папе, - для нас, которые повсюду провозглашали мир и счастье! Неужели мы вели себя опрометчиво? Были ли наши действия заимствованы из фантазии? Разве мы не следовали указаниям главы Церкви и Господа? Почему Бог не обращает внимания на наши посты? Почему он, казалось, ничего не знал о наших унижениях? С каким терпением он сейчас прислушивается к кощунственным голосам народов Аравии, которые обвиняют его в том, что он увел свой народ в пустыню, чтобы они могли погибнуть! Весь мир знает, ” добавил он, “ что суды Господни справедливы; но это такая глубокая пропасть, что счастливым может называться тот, кто не опозорен ими”. Святой Бернард был настолько убежден, что неудачный исход крестового похода даст нечестивым повод для оскорбления Божества, что он поздравил себя с тем, что на него обрушилось так много человеческих проклятий, сделав его защитником живого Бога. В своей апологии он объясняет отсутствие успеха в священной войне беспорядками и преступлениями христиан; он сравнивает крестоносцев с евреями, которым Моисей обещал во имя Небес благословенную землю, и которые все погибли на своем пути, потому что совершили тысячу поступков против Бога.

Святому Бернару можно было бы ответить, что он должен был предвидеть эксцессы и беспорядки недисциплинированной толпы и что разбойники, призванные принять крест, не были народом Божьим. В настоящее время нам кажется, что сторонники аббата Клерво могли бы найти более веские причины для оправдания священной войны. Второй крестовый поход, хотя и неудачный, принес Европе несколько преимуществ. Мир, воцарившийся на Западе, способствовал процветанию государств и в некотором роде исправил бедствия далекой войны. Считалось позорным носить оружие в Европе, в то время как крестоносцы сражались с сарацинами на Востоке. Сама религия присматривала за Германией, которая так долго была охвачена гражданскими войнами. Конрад, слабый монарх без характера, потерявший свою армию в Азии, по возвращении из Палестины был более могущественным, чем до того, как покинул свои владения. Король Франции также обнаружил, что его авторитет возрос благодаря тому, что во время его отсутствия его защищали церковные раскаты и красноречие святого Бернара.^[291] Крестовый поход дал ему повод обложить налогами свой народ и поставил его во главе многочисленной армии, где он приучил великих вассалов считать его своим верховным главой.

Тем не менее, если верно, что развод Элеоноры Гиенской был одним из последствий крестового похода, следует признать, что зло, ставшее результатом этой войны, было гораздо большим для французской монархии, чем любое благо, которое она извлекла из нее. Королевство, которое затем потеряло провинцию Аквитанию, попавшую в руки англичан, было обречено стать добычей детей, родившихся у Элеоноры от второго брака. В следующую эпоху потомки этих детей были коронованы королями Франции и Англии в церкви Нотр-Дам в Париже и стали преемниками Людовика VII. оказались практически вынужденными искать убежища в чужих землях.

Флэттери взялся утешить Людовика Молодого в неудачах, которые он пережил в Азии, и представил его на нескольких медалях,^[292] как завоевателя Востока. Он покинул Палестину с

намерением вернуться туда; и в своем путешествии в Рим он пообещал папе встать во главе нового крестового похода.

И никогда еще христианские колонии так не нуждались в помощи. С того времени, как французы покинули Палестину, не проходило и дня, чтобы христиан, обосновавшихся в Сирии, не постигло какое-нибудь новое несчастье. Вскоре после осады Дамаска Раймонд де Пуатье погиб в битве с сарацинами, и его голова была отправлена багдадскому халифу. Джосселин, потеряв город Эдессу, сам попал в руки неверных и умер в нищете и отчаянии в тюрьмах Алеппо. Два эmissара Горного Старца убили Раймонда II, графа Триполи, под стенами его столицы, которая была погружена в смуту и запустение. Два молодых мусульманских принца из семьи Орток, воодушевленные своей матерью, поверили, что настал момент отвоевать Иерусалим у христиан. Собранная ими армия пришла и разбила свой лагерь на Елеонской горе, и святой город был обязан своей безопасностью только мужеству нескольких рыцарей, которые побудили народ взяться за оружие. Нуреддин овладел всеми христианскими городами Месопотамии, и несколько мест в Антиохийском княжестве открыли ему свои ворота. Прибыв на берега моря, которого он никогда прежде не видел, он искупался в его волнах, словно желая завладеть ими; и, все еще одерживая победы, он основал резиденцию своей империи в Дамаске, откуда угрожал городу Иерусалиму.

Печальные известия об этих событиях вызвали великую скорбь среди христиан Запада, и верховный понтифик еще раз призвал верующих взять крест и оружие; но ни опасность, грозившая христианам за морем, ни увещевания папы римского не могли изменить мнения, сложившегося у французов относительно далеких войн. Людовик VII. был вынужден отказаться от своего намерения вернуться в Святую Землю. В этот период произошло обстоятельство, которому очень трудно отдать должное. Аббат Сугер, который так решительно возражал против первого похода, принял решение прийти на помощь Иерусалиму и на собрании, состоявшемся в Шартре, призвал принцев, баронов и епископов встать под знамена священной войны. Поскольку ответом ему было только молчание, выражавшее скорбь и изумление, он составил план предпринять предприятие в одиночку, в котором потерпели неудачу два монарха. Шугер в возрасте семидесяти лет решил собрать армию, содержать ее за свой счет и сам повести ее в Палестину. В соответствии с благочестием того времени он отправился в Тур, чтобы посетить могилу святого Мартина, чтобы заручиться покровительством Небес, и уже десять тысяч паломников взялись за оружие и готовились последовать за ним в Азию, когда смерть помешала осуществлению его замыслов.

В свои последние минуты Сугер взывал к помощи и молитвам святого Бернара, который поддерживал его мужество и увещевал его не отворачиваться от небесного Иерусалима, в котором они оба надеялись вскоре встретиться; но, несмотря на увещевания своего друга, аббат Сен-Дени, умирая, сожалел, что не смог помочь святому городу. Святой Бернар вскоре последовал за Шугером к могиле, неся с собой глубокое сожаление по поводу того, что проповедовал неудачную войну.

Франция потеряла в одном и том же году двух людей, которые послужили ей прекрасным примером: одного своими талантами и качествами, полезными для его страны, другого своим красноречием и добродетелями, дорогими всем христианам. В то время, когда всеобщее внимание уделялось защите привилегий Церкви, Сугер защищал интересы королевской власти и народа; в то время как красноречивые проповедники разжигали общественное рвение к

священным войнам, которые всегда сопровождались катастрофами, искусный министр Людовика VII. готовил Францию в будущем к тому, чтобы пожать благотворные плоды этих великих событий. Его обвиняли в том, что он слишком глубоко погрузился в мирские дела своего времени, но политика никогда не вытесняла из его сознания евангельские заповеди. По мнению его современников, он жил при дворе как мудрый царедворец, а в своем монастыре - как благочестивый монах.^[293] "Если и есть во французской церкви, - писал святой Бернар папе Евгению, - какая-нибудь ценная ваза, которая украсила бы дворец Короля королей, то это, несомненно, достопочтенный аббат Сугер". Как аббат Сен-Дени, он, возможно, обладал большим богатством, чем подобает любому монаху, поскольку, как мы видим, он намеревался содержать армию, но он всегда использовал свои сокровища на службе своей стране и Церкви, и никогда государство не было таким богатым, как при его правлении. Вся его жизнь была длинной чередой процветания и поступков, достойных того, чтобы их помнили. Он реформировал монахов своего ордена, не навлекая на себя их ненависти; он создавал счастье людей, не доказывая их неблагодарности; и служил королям, и все же заручился их дружбой. Удача сопутствовала всем его начинаниям, и, чтобы в его жизни не было ничего неудачного и чтобы его нельзя было ни в чем упрекнуть, он умер, когда собирался вести армию на Восток.

Сугеру и Сенбернару, объединенным религией и дружбой, выпала совершенно разная судьба; первый, родившийся в низком положении, отдал себя в распоряжение фортуны, которая вознесла его до высших санов; второй, родившийся в более высоком звании, поспешил сойти с него и стал никем иным, как своим гением. Святой Бернар оказал мало услуг государству, но он защищал религию с неутомимым рвением; и поскольку церковь тогда превалировала над страной, в глазах своих современников он был выше аббата Сугера. Пока он был жив, взоры всей Европы были прикованы к аббату Клерво; он был как светоч, помещенный посреди христианского мира, каждое слово, которое он проповедовал, имело священный авторитет религии, которой он учил. Он подавил все расколы, заставил замолчать всех самозванцев и своими трудами заслужил в свое время титул *последнего отца Церкви* так же, как великий Боссюэ заслужил его в свое время.

Святого Бернара можно упрекнуть в том, что он слишком часто выходил из своего убежища и не всегда был, как он сам выражается, последователем дубов и буковниц. Он приложил руку к большинству политических событий своего времени и вмешивался во все дела Святого Престола. Христиане часто спрашивали, кто глава Церкви; папы и князья иногда роптали против его власти; но никогда не следует забывать, что он неустанно проповедовал умеренность королям, гуманность народу и бедность духовенству.

КНИГА VII.

ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1148-1188 гг. н. э.

Читая эту историю, мы не можем не убедиться, что религия Магомета, какой бы воинственной она ни была в принципе, не наделяет своих последователей той упрямой храбростью, той безграничной преданностью, которым крестоносцы представили так много примеров. Фанатизм мусульман требовал победы, чтобы сохранить свою власть или свое насилие. Воспитанные в убеждении слепого фатализма, они привыкли рассматривать успехи или неудачи как простые веления Небес; одержав победу, они были полны энтузиазма и уверенности; побежденные, они впадали в уныние и без стыда сдавались врагу, которого считали орудием судьбы. Стремление к славе редко возбуждало их мужество, и даже в разгар их воинственного пыла страх перед наказаниями заставлял их смотреть врагу в лицо чаще, чем любая щедрая любовь к славе. Вождь, которого они сами боялись, был единственным военачальником, который мог привести их к победе; и таким образом деспотизм стал необходимым условием их доблести.

После завоевания христиан династии сарацин и турок были рассеяны и почти уничтожены; сами сельджукиды отступили на самые окраины Персии, и народ Сирии едва ли знал имена тех князей, чьи предки правили Азией. На Востоке было уничтожено все, даже деспотизм. Честолюбивые эмиры воспользовались всеобщим беспорядком: рабы делили добычу своих хозяев; провинции и города превратились в многочисленные княжества, ненадежное и преходящее владение которыми было постоянным предметом споров. Необходимость защищать мусульманскую религию, которой угрожали христиане, единственная сохранила авторитет багдадских халифов. Они все еще были вождями исламизма; их одобрение казалось необходимым для сохранения власти узурпаторов или завоевателей; но их авторитет, который был не чем иным, как священным призраком, не требовал ничего, кроме молитв и тщетных церемоний, и не внушал ни малейшего страха. В этом состоянии деградации их единственным занятием, казалось, было освящение плодов предательства и насилия. Недостаточно было даровать города и должности, от которых они не могли отказаться; все, кому благоприятствовали победа и вседозволенность, приходили, чтобы пасть ниц перед заместителями пророка; и толпы эмиров, визирей и султанов, по восточному выражению, казалось, восстали из праха у их ног.

Христиане не были достаточно осведомлены о состоянии Азии, которую они могли бы завоевать, и так плохо соглашались между собой, что никогда не могли воспользоваться разногласиями, царившими среди их врагов. Ни в нападении, ни в обороне у них редко был хорошо продуманный план, и их безудержную храбрость, направляемую обычно случаем или страстью, можно было сравнить только с бурей, ярость которой бушует или стихает по воле ветров, господствующих над горизонтом. Удача, предоставившая им такую блестящую возможность расширить свою империю, стала, наконец, против них, и из недр хаоса, в который был погружен Восток, возникла грозная сила, которой было суждено завоевать и уничтожить их.

Нуреддин, сын Зенгуи, получивший во владение Эдессу перед вторым крестовым походом, унаследовал завоевания своего отца и пополнил их своей доблестью. Он вырос среди воинов, поклявшихся пролить свою кровь за дело Пророка, и, взойдя на трон, возродил суровую простоту первых халифов. Нуреддин, говорит арабский поэт, соединял в себе самый благородный героизм с глубочайшим смирением. Когда он молился в храме, его подданные верили, что видят святилище в другом святилище. Он поощрял науки, развивал литературу и,

прежде всего, приложил все усилия к поддержанию справедливости во всех своих государствах. Его народ восхищался его милосердием и умеренностью, а христиане даже были вынуждены восхвалять его мужество и нечестивый героизм. По примеру своего отца Зенгуи, он сделал себя кумиром своих солдат своей щедростью; взяв на себя заботу об их семьях, он предотвратил их стремление к обладанию землями и таким образом приучил их считать лагерь своим домом и своей страной. Находясь среди армий, которые он сам сформировал и которые уважали в нем мстителя за Пророка, он обуздал честолюбие эмиров и направил их усилия и рвение к одной-единственной цели - торжеству исламизма. Его победы, его удача, его религиозные и политические добродетели привлекли к нему внимание всего Востока и заставили мусульман поверить, что наступил период их освобождения.

Балдуин III, который предпринял попытку остановить карьеру Нуреддина, проявил большую доблесть в нескольких битвах. Самой важной и удачной из его экспедиций было взятие Аскалона, в котором мусульмане всегда держали грозный гарнизон. Этому городу, расположенному на плодородной равнине и который мусульмане называют *Супругой Сирии*, помог египетский флот, и он долгое время сопротивлялся всем усилиям христиан. Реки крови текли перед его стенами в течение нескольких месяцев; и мусульмане, и христиане сражались с яростью, не давая и не получая пощады. Во время осады рыцари Храма особенно отличились своей доблестью; жажда добычи, гораздо большая, чем любовь к славе, заставляла их отваживаться на величайшие опасности. Гарнизон и жители, измученные усталостью и измученные голодом, наконец открыли ворота города. Болдуин даровал им капитуляцию, позволил им удалиться в Египет со своими семьями и распорядился, чтобы в большой мечети, которую он посвятил святому Павлу, пропели "*Те Деум*".

После этой победы король Иерусалима выступил навстречу Нуреддину и вынудил его снять осаду Панея и Сидона. Болдуин был занят оказанием помощи антиохийскому княжеству, которому всегда мешали группировки, которому всегда угрожали мусульмане, когда он был отравлен сирийским врачом. Как только он почувствовал опасность, он отправился в Иерусалим и умер в городе Беруте. Его останки были перевезены в святой город, духовенство вышло встречать похоронный кортеж. Люди спустились с гор, чтобы присоединиться к процессии, и по всей стране и в городах не было слышно ничего, кроме причитаний. Сам Нуреддин, если верить христианскому историку, [294] был тронут горем франков. Некоторые из его эмиров советовали ему воспользоваться этим печальным случаем и въехать в Палестину: "Боже упаси, - ответил он, - чтобы я потревожил настоящую скорбь народа, оплакивающего потерю столь доброго царя, или воспользовался такой возможностью, чтобы напасть на королевство, которого у меня нет причин опасаться". Замечательные слова, которые сразу обозначают двух великих людей и которые еще больше показывают, какую серьезную потерю понесли христиане.

Как только завершились похоронные церемонии Балдуина III. По поводу выбора преемника разгорелись жаркие дебаты. Большая часть баронов и рыцарей, приверженных памяти Балдуина, предложила призвать на трон его брата Амора, графа Яффо и Аскалона. Эта партия была наиболее разумной и наиболее соответствовала законам и интересам королевства; но брат Балдуина своим надменным поведением нажил себе много врагов среди народа, духовенства и армии. Его упрекали в честолюбии и алчности, губительных для интересов христиан; и его обвиняли в том, что он не был ограничен честью, справедливостью или даже предписаниями религии, [295] в осуществлении своих проектов. Его партизаны превозносили

его активный и предприимчивый характер, его храбрость, столь часто проявляемую, и его большое военное мастерство. Среди знати королевства, выступавшей против его наследования и приписывавшей ему честолюбивые взгляды, которых следовало опасаться, было несколько человек, которые сами лелеяли честолюбивые замыслы и позволили соблазнить себя надеждой взойти на трон. Конфликтующие стороны были готовы взяться за оружие, чтобы поддержать свои притязания или надежды, когда великий магистр госпитальеров призвал баронов и рыцарей сохранить мир и законы королевства, короновав юного Амора. “Корона, ” сказал он им, - которую вы отказываетесь возложить на голову христианского принца, скоро будет на голове Нуреддина или халифа Египта. Если это несчастье случится, вы станете рабами неверных, и мир обвинит вас в том, что вы открыли ворота святого города сарацинам, подобно тому как предатель Иуда предал Спасителя мира в руки его врагов”. Эта речь и вид войск, которые Амор уже собрал для защиты своих прав, обезоружили группировки, которые беспокоили королевство. Брат Балдуина был коронован у Гроба Господня и получил клятвы верности даже от тех, кто открыто заявлял о своем несогласии с его притязаниями.

Как только Амор взойшел на трон, он направил всю свою энергию на Египет, теперь ослабленный победами христиан. Калиф Каира отказался платить дань, причитающуюся завоевателям Аскалона, новый король Иерусалима встал во главе своей армии, пересек пустыню, навел ужас своим оружием на берега Нила и вернулся в свое королевство только после того, как вынудил египтян купить мир. Состояние, в котором тогда находился Египет, должно было, вероятно, вскоре призвать туда христиан; и они были бы счастливы, если бы знали, как воспользоваться своими преимуществами, и если бы их бесплодные попытки не способствовали прогрессу соперничающей державы.

Египет был в то время театром гражданской войны, вызванной амбициями двух лидеров, которые оспаривали его власть. Долгое время каирские халифы, как и багдадские, запертые в своем серале, не имели никакого сходства с воином, от которого они произошли, который сказал, указывая на своих солдат и свой меч: *“Это моя семья и моя раса”*. Ослабев от изнеженности и удовольствий, они передали управление страной своим рабам, которые преклоняли перед ними колени и навязывали им законы. Они больше не пользовались никакой реальной властью, кроме как в мечетях, и сохранили только позорную привилегию подтверждать узурпированную власть визирей, которые развращали армии, тревожили провинции и на полях сражений ссорились друг с другом за право править как народом, так и принцем.

Каждый из визирей, чтобы обеспечить триумф своего дела, по очереди призывал на помощь оружие соседних держав. С прибытием этих опасных вспомогательных сил на берегах Нила воцарилось смятение. Кровь лилась во всех провинциях, иногда проливаемая палачами, иногда солдатами; Египет был разом опустошен своими врагами, союзниками и жителями.

Шавер, который среди этих революций поднялся из скромного положения раба до поста визиря, был побежден и смещен Дарганом, одним из главных офицеров египетского ополчения. Вынужденный бежать и покинуть Египет, где правил его соперник, он отправился искать убежища в Дамаск, умоляя о помощи Нуреддина и обещая значительную дань, если этот принц предоставит ему войска для защиты его возвращения в Египет. Султан Дамаска уступил молитвам Чавера. Для командования армией, которую он решил послать в Египет, он выбрал Чирку, самого искусного из своих эмиров, который, всегда проявлявший себя жестоким и

неумолимым в своих военных экспедициях, вероятно, не испытывал жалости к побежденным и использовал все невзгоды гражданской войны на благо своего господина. Визирь Дарган не заставил себя долго ждать, когда его предупредили о планах Шавера и приготовлениях Нуреддина. Чтобы противостоять надвигающейся на него буре, он обратился за помощью к христианам Палестины и пообещал отдать им свои сокровища, если им удастся сохранить его власть.

Пока король Иерусалима, соблазненный этим обещанием, собирал армию, Хавер в сопровождении войск Нуреддина пересек пустыню и приблизился к берегам Нила. Дарган, вышедший ему навстречу с египетской армией, был побежден сирийцами и погиб в битве. Вскоре город Каир открыл свои ворота завоевателю. Шавер,^[296] которого победа избавила от врага, пролил потоки крови в столице, чтобы обеспечить свой триумф, среди всеобщего смятения принял поздравления халифа и вновь взял бразды правления.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем возникли разногласия между генералом Нуреддина, который с каждым днем назначал все более завышенную цену за свои услуги, и визирем, которого Чирку обвинил в вероломстве и неблагодарности. Шавер тщетно пытался отослать мусульман обратно в Сирию; они отвечали ему только угрозами, и он был на грани того, чтобы быть осажденным в Каире его собственными освободителями. Все египтяне, особенно жители столицы, были охвачены тревогой и оцепенением.

Посреди столь острой опасности визирь Шавер возлагал свою единственную надежду на христианских воинов, приближения которых он еще недавно так сильно боялся. Он дал королю Иерусалима те же обещания, что и Нуреддину; и Амор, который хотел только войти в Египет, какой бы ни была партия, которая там преобладала, отправился в поход, чтобы защитить Хавер с той же самой армией, которую он собрал для борьбы с ним. Прибыв на берега Нила, он объединил свои войска с войсками визиря, и они расположились перед городом Бильбейс, в который удалился Чирку. Генерал Нуреддина в течение трех месяцев отражал все нападения христиан и египтян; и когда король Иерусалима предложил ему мир, он потребовал оплаты военных расходов. После некоторых переговоров, в ходе которых он проявил большое высокомерие, он выступил из Бильбейса, все еще угрожая христианам, и повел свою армию обратно в Дамаск, нагруженную добычей своих врагов.

Чирку увидел богатства Египта и убедился в слабости его правительства; поэтому первым советом, который он дал Нуреддину после его прибытия, было попытаться объединить эту богатую страну в свою собственную империю. Султан Сирии отправил послов к багдадскому халифу не для того, чтобы просить у него помощи, а для того, чтобы придать религиозную окраску своему предприятию. В течение нескольких столетий халифы Багдада и Каира были разделены непримиримой ненавистью; каждый из них хвастался тем, что является наместником Пророка, и считал своего соперника врагом Бога. В мечетях Багдада они проклинали халифов Египта и их сектантов; в мечетях Каира они поклонялись адским силам, абассидам и их сторонникам.

Багдадский халиф без колебаний подчинился пожеланиям Нуреддина. В то время как султан Сирии был занят исключительно своими усилиями по расширению своей империи, наместник Пророка стремился лишь единолично управлять мусульманской религией. Он повелел иманам проповедовать войну против фатимитов и пообещал райские наслаждения всем, кто возьмет в руки оружие в священном походе. По призыву халифа множество верных мусульман стеклось

под знамена Нуреддина, и Чирку, по приказу султана, приготовился вернуться в Египет во главе мощной армии.

Слава об этих приготовлениях распространилась по всему Востоку, особенно в Египте, где это вызвало самую серьезную тревогу. Амор, вернувшийся в свои владения, принял послов от Чавера, просивших его о помощи и союзе против предприятия Нуреддина. Государства Иерусалимского королевства собрались в Наплузе, и тамошний король рассказал им о преимуществах еще одного похода в Египет. Был нанят самозванец для ведения войны, на которую возлагались самые большие надежды, и вскоре христианская армия выступила из Газы, чтобы сразиться с войсками Нуреддина на берегах Нила.

Тем временем Чирков пересекал пустыню, где столкнулся с самыми большими опасностями. Сильная буря застала его врасплох во время похода; внезапно небеса потемнели, и земля, усеянная поверженными сирийцами, стала подобна бурному морю. Огромные волны песка поднимались ветрами и, поднимаясь в вихри или образуя движущиеся горы, рассеивались, уносились прочь или поглощали людей и лошадей. В этой буре сирийская армия бросила свой багаж, потеряла провизию и оружие, и когда Чирку прибыл на берега Нила, у него не осталось никаких средств защиты, кроме воспоминаний о своих прежних победах. Он очень старался скрыть понесенные им потери, и крушения армии, рассеянной страшной бурей, оказалось достаточно, чтобы повергнуть в ужас все города Египта.

Визирь Шавер, испуганный приближением сирийцев, отправил послов к христианам, чтобы пообещать им огромные богатства и заставить их ускорить свой поход. Со своей стороны, король Иерусалима обратился к халифу Египта Гуго Кесарийскому и Фоулчеру, рыцарю Храма, с просьбой ратифицировать союзный договор с египтянами. Помощники Амора были введены во дворец, в который никогда прежде не допускался ни один христианин. Миновав несколько коридоров, заполненных мавританскими стражниками, и огромное количество покоев и дворов, в которых сверкало все великолепие Востока, они прибыли в зал, или, скорее, в святилище, где их ожидал халиф, восседавший на троне, сверкающем золотом и драгоценными камнями. Шавер, который руководил ими, пал ниц к ногам своего господина и умолял его принять союзный договор с королем Иерусалима. Молитва визиря была повелительным приказом, и предводитель правоверных, всегда послушный воле самого низкого из своих рабов, сделал знак одобрения и протянул свою непокрытую руку к депутатам-христианам в присутствии придворных, которых столь странное зрелище повергло в скорбь и удивление.

Армия франков была близка к Каиру; но поскольку политика Амора заключалась в затягивании войны, чтобы продлить свое пребывание в Египте, он пренебрег возможностью атаковать сирийцев с преимуществом и дал им время набрать силы. После того, как он оставил их на долгое время в покое, он дал им сражение на острове Маалле и прорвал их укрепления, но не довел свою победу до конца. Чирку, отступая, попытался возродить подавленное мужество солдат Нуреддина, которые еще не забыли о бедствиях, с которыми они столкнулись при переходе через пустыню. Это бедствие, еще недавнее, вместе с первой победой христиан разрушило их уверенность в своем оружии и защите Пророка. Один из лейтенантов Чирку, став свидетелем их мрачной ярости, закричал посреди мусульманской армии: “Вы, кто боится смерти или рабства, возвращайтесь в Сирию; идите и скажите Нуреддину, что, чтобы отплатить ему за те блага, которыми он вас наградил, вы оставляете Египет неверным, чтобы запереться в своих сералях с женщинами и детьми”.

Эти слова возродили рвение и фанатизм сирийских воинов. Франки и египтяне, преследовавшие армию Чирку, были побеждены в битве и вынуждены в беспорядке покинуть холмы Бабен,[\[297\]](#) где они разбили свои палатки. Полководец Нуреддина воспользовался всеми возможными преимуществами своей победы; он прошел как завоеватель по плодородным берегам Нила; проник, не встретив препятствий, в нижний Египет; разместил гарнизон в Александрии; и вернулся, чтобы осадить город Куц, столицу фив. Умение, с которым Чирку дисциплинировал свою армию и спланировал последнюю битву, которую он вел со своими врагами; его походы и контрмарши по равнинам и долинам Египта, от тропиков до моря, возвещали о прогрессе мусульман в военной тактике и заранее предупреждали христиан о враге, которому суждено было положить конец их победам и завоеваниям.

Турки в течение нескольких месяцев оборонялись в Александрии от мятежей жителей и многочисленных нападений христиан. В конце концов они добились почетной капитуляции, и поскольку их армия с каждым днем слабела от голода и усталости, они вторично отступили в Дамаск, потребовав очень дорогой платы за временное спокойствие, в котором они оставили народ Египта.

После отступления сирийцев визирь Хавер поспешил отослать обратно христиан, присутствие которых доставляло ему большое беспокойство. Он обязался выплачивать королю Иерусалима ежегодную дань в размере ста тысяч крон золотом и согласился разместить гарнизон в Каире. Он осыпал баронов и рыцарей богатыми подарками, и солдаты даже имели долю в его щедротах, пропорциональную страху, который внушали ему франки. Христианские воины вернулись в Иерусалим, неся с собой богатства, которые ослепляли как простых людей, так и знать и вдохновляли их на другие мысли, кроме защиты наследия Христа.

Когда Амор вернулся в свою столицу, вид его гористых и бесплодных провинций, бедность его подданных и узкие границы его королевства заставили его глубоко пожалеть об упущенной возможности завоевать великую империю. Вскоре после своего возвращения он женился на племяннице императора Мануила; но в то время, как народ и его двор предавались радости и произносили клятвы о процветании его семьи и его королевства, одна-единственная мысль занимала его день и ночь и преследовала его даже среди самых роскошных и блистательных празднеств. Богатство калифа Каирского, многолюдность и плодородие Египта, его многочисленный флот и удобство его портов постоянно всплывали в памяти Амора. Его первой попыткой было подчинить брак, который он только что заключил, своим планам, и он отправил послов в Константинополь с инструкциями убедить Мануила помочь ему в завоевании Египта. Мануил одобрил планы короля Иерусалима и пообещал прислать ему флот и разделить с ним славу и опасности завоевания, которое должно было так глубоко заинтересовать христианский мир. Тогда Амор, больше не колеблясь, объявил о своих планах и созвал баронов и главных людей своего королевства. На этом собрании, на котором было предложено вторгнуться в Египет, самым мудрым среди которых был великий магистр тамплиеров, громко и решительно заявили, что это предприятие несправедливо. “Христиане,” говорили они, “не должны подавать мусульманам пример нарушения международных договоров. Возможно, было бы нетрудно завладеть Египтом, но удержать его было бы не так легко, как завоевать. Нуреддин был самым грозным врагом христиан; именно против него они должны были пустить в ход все объединенные силы королевства. Египет должен принадлежать державе, которая останется правителем Сирии, и было неразумно пытаться предвосхитить благосклонность фортуны и посылать армии в страну, ворота которой они должны были открыть только сыну Зенгуи, как они

это сделали в случае с Дамаском. Они пожертвовали бы христианскими городами, самим Иерусалимом, в надежде завоевать королевство. Нуреддин уже воспользовался тем, что король Иерусалима был занят на берегах Нила, чтобы завладеть несколькими местами, принадлежавшими христианам. Боэмунд, принц Антиохийский, и Раймонд, граф Триполийский, были взяты в плен и стонали в цепях мусульман, как жертвы честолюбия, которое соблазнило короля Иерусалимского вдали от его королевства и христианских колоний, опорой и защитником которых он должен был быть”.

Рыцари и бароны, высказывавшиеся подобным образом, добавляли, что один только вид Египта непременно развратил бы христианских воинов, лишил мужества и подавил патриотизм жителей и защитников Палестины. Эти мнения, какими бы благоразумными и справедливыми они ни были, не оказали никакого влияния на короля Иерусалима и сторонников войны, среди которых выделялся великий магистр госпитальеров, истощивший богатства своего ордена непомерными расходами и набравший войска, на жалованье которым он присвоил сокровища Египта. Большая часть лордов и рыцарей, которых фортуна, казалось, поджидала на берегах Нила, чтобы даровать им свои благосклонности, легко поддавалась на уговоры вступить в войну и сочла очень удобным рассматривать в качестве врага суверена страны, которая предлагала им столь богатую добычу.

В то время как приготовления к завоеванию Египта были в разгаре в Иерусалиме, те же проекты занимали эмиров и совет Нуреддина. Вернувшись с берегов Нила, Чирку объявил султану Дамаска, “что правительству Каира нужны как офицеры, так и солдаты; и что революции, алчность франков и присутствие сирийцев ослабили и разрушили империю фатимитов. Египетский народ, ” добавил он, “ привыкший менять хозяев, не был привязан ни к халифу, которого они не знали, ни к визирю, который навлек на них всевозможные бедствия. Они были готовы подчиниться господству принца, который должен был быть достаточно могущественен, чтобы защитить их как от врагов, так и от бедствий гражданских войн. Христиане также сознавали, насколько слабой была эта империя, и следовало опасаться, что они будут первыми. Нельзя пренебрегать такой благоприятной возможностью или пренебрегать завоеванием, которое, казалось, фортуна преподнесла первой державе, появившейся в Египте”.

Таким образом, король Иерусалима и султан Дамаска придерживались одних и тех же взглядов, и оба готовились к одному и тому же завоеванию. В церквях христиан, как и в мечетях мусульман, возносились молитвы за успех войны, которая вот-вот должна была начаться на берегах Нила. Поскольку каждая из двух сторон стремилась придать наилучшую окраску своим проектам и действиям, в Дамаске утверждалось, что халиф Египта заключил нечестивый союз с учениками Христа, в то время как в Иерусалиме утверждалось, что визирь Шавер, вопреки договорам, вел вероломную переписку с Нуреддином.

Христиане были первыми, кто нарушил свои договоры. Амор выступил во главе многочисленной армии и предстал в образе врага перед Бельбейсом, каковое место он обещал рыцарям Святого Иоанна в награду за пыл и рвение, которые они проявили при его походе. Этот город, расположенный на правом берегу Нила, был осажден, взят штурмом и после разграбления предан огню.

Несчастья Бельбейса посеяли ужас по всему Египту, и народ, раздраженный рассказом о жестокостях франков, взялся за оружие и изгнал христианский гарнизон из Каира. Шавер собрал войска в провинциях, укрепил столицу и поджег древний город Фостат, который горел

более шести недель. Халиф Каира снова обратился за помощью к Нуреддину и, чтобы возбудить его жалость и доказать свое горе, прислал ему в письме волосы женщин из своего сераля. Султан Дамаска с радостью откликнулся на молитвы халифа Египта, и когда армия была готова выступить, он приказал Чирку пересечь пустыню и поспешить к берегам Нила.

В то время как сирийцы шли на помощь Египту, которому угрожали христиане, Хавер использовал все средства, которые были в его власти, чтобы остановить короля Иерусалима в его походе и приостановить в его руках удар молнии, готовый обрушиться на Египет. Были отправлены послы, чтобы умолять Амора сжалиться над ними, и, чтобы придать какой-то вес их молитвам, предложили ему два миллиона золотых крон. Предложение столь огромной суммы, которую Египет, столь долгое время опустошенный, никак не мог получить, соблазнило царя христиан, находившегося под влиянием любви к золоту в такой же степени, как и стремления к завоеваниям. Таким образом, он позволил мусульманам обмануть себя, которым он сам недоверял; и пока он ждал обещанных им сокровищ, египтяне восстановили укрепления своих городов и повсюду собирались с оружием в руках. Христиане тщетно ожидали обещанного Мануилом флота, и вскоре, вместо того чтобы приветствовать вспомогательные силы, они узнали, что Чирку в третий раз прибыл в Египет во главе грозной армии. Затем Амор открыл глаза и приступил к исправлению своей ошибки. Он вылетел навстречу сирийцам и предложил им сражение; но их полководец уклонился от столкновения и объединил свои силы с силами египтян. Зло было непоправимым; король Иерусалима не смог противостоять двум объединенным армиям и, пристыженный тем, что был обманут теми, кого он сам пытался обмануть, вернулся в свое королевство, и войска Нуреддина преследовали его до границы пустыни.

До начала этого предприятия надежды на успех ослепляли умы всех; но когда оно потерпело неудачу, они, как правило, осознали несправедливость этого. Все христиане осознали зло, угрожавшее Иерусалиму, и упрекали Амора в неспособности сохранить мир или в том, что он не знал, как развязать войну. Тем временем генерал Нуреддина с триумфом вступил в столицу Египта.

Чирку водрузил свой штандарт на башнях Каира, и Египет, который думал, что принял в свое лоно освободителя, вскоре обнаружил, что он был хозяином. Шавер заплатил своей жизнью за зло, которое он причинил своей стране; он был убит в лагере Чиркоу, и его авторитет стал наградой победителя. Халиф, который, чтобы спасти себя, потребовал голову своего первого министра, назначил генерала Нуреддина своим преемником, называя его в своих письмах *принцем-победителем*. Именно таким образом низложенный монарх Египта подшутил над своими благосклонностями, польстив человеку, которого он не знал и смерти которого, скорее всего, желал; образ слепой фортуны, которая бросает на произвол судьбы добро и зло и смотрит на своих фаворитов и жертвы с одинаковым безразличием.

Некоторое время спустя калиф Каира, всегда невидимый в своем дворце, был свергнут по приказу Нуреддина и мирно скончался, так и не узнав, что потерял свою империю. Его сокровища успокоили ропот народа и солдат; черный флаг аббасидов вытеснил зеленый штандарт детей Али, и имя багдадского халифа было слышно только в мечетях. Династия Фатимитов, правившая более двух столетий и за которую было пролито столько крови, была уничтожена в один день и не нашла даже одного защитника. С того времени у мусульман была

только одна религия и одно дело для защиты; Египет и Сирия подчинялись одному и тому же вождю, и богатейшие провинции Востока объединились под могущественной рукой Нуреддина.

Султан Алеппо и Дамаска навел ужас своими руками от берегов Евфрата и Тигра до истоков Нила; у него повсюду были губернаторы и армии, а голубиные почты, которые он учредил, одновременно разносили его приказы в главные города Египта, Сирии и Месопотамии. Справедливость его законов и победы над христианами создали ему такую репутацию святоши среди мусульман, что проливной дождь, выпавший во время засухи, рассматривался ими как чудо, дарованное по его молитвам. Во время египетской войны он взял несколько крепостей, принадлежавших франкам, и разрушение христианских колоний по-прежнему было целью всех его трудов и подвигов. Полный уверенности в покровительстве Магомета, набожный Нуреддин тратил свой досуг на сооружение собственными руками кафедры, которую он намеревался установить в главной мечети Иерусалима.

Султан Дамаска готовился начать то, что мусульмане называли священной войной, и за успех которой были вознесены общественные молитвы, но эта слава предназначалась молодому воину, воспитанному в армиях, имя которого еще не было известно на Востоке.

Саладин,^[298] этот молодой воин происходил из народа, населяющего горы, расположенные за Тигром. Его отец Аюб и его дядя Чирку, следуя примеру воинов своего народа, которые сражаются за плату под властью мусульман, покинули Курдистан, чтобы служить в войсках багдадского султана. Они оба достигли высоких военных должностей; но Чирку, человек вспыльчивый и жестокий, пронзил своим мечом тело судебного исполнителя, и оба брата были вынуждены обратиться в бегство и пришли предложить свои услуги сирийским аттабекам, которым они помогали в их войнах против христиан. Молодой Саладин, хотя и воспитывался при дамаском дворе под присмотром честолюбивого отца, поначалу, казалось, не стремился ни к богатству, ни к славе. В юности он любил разгул и удовольствия и долгое время оставался чуждым политических забот или опасностей и трудов войны. Последовав за своим дядей Чирку в его первых экспедициях в Египет, он отличился при защите Александрии; но он так много страдал, что, когда Нуреддин приказал ему вернуться на берега Нила, он искал предлоги, чтобы уклониться от повиновения. Когда султан повторил свой приказ, Саладин отправился в путь, как он сам сказал впоследствии, с отчаянием человека, которого ведут на смерть. “Таким образом, - говорит историк Хамад Эддин, который долгое время был его секретарем, - люди не знают, от чего они отказываются или чего желают; но Бог, который знает все, потакает их планам, которые всегда заканчиваются в соответствии с замыслами Провидения”.

После смерти Чирку халиф Египта, трепетавший за свою власть, назначил Саладина визирем, потому что считал его наименее способным из-за своих талантов или репутации узурпировать верховную власть. Сын Айюба обманул и короля, и армию, которые не видели в нем ничего, кроме молодого распущенного солдата, лишённого честолюбия. Но он изменил свое поведение и изменил манеры; до сих пор он казался пригодным только для праздности и безвестности серала; но внезапно он стал новым человеком, как человек, рожденный для империи. Его серьезность внушала уважение эмирам; его щедрость обеспечивала ему избирательные права в армии; а суровость его набожности делала его дорогим для всех истинно верующих. Религиозная революция, которую он совершил без проблем и пролития крови, показала его благоразумие и человечность и показала, что судьба предназначила ему необыкновенные

свершения. Халиф Багдада публично поздравил его с уничтожением секты фатимитов и преподнес ему в подарок почетное облачение. Его имя прославляли поэты, и в публичных молитвах оно смешивалось с именами Магомета и Нуреддина.

Саладин, повелитель Египта, послал за своим отцом Айубом и пожелал присоединить его к себе в правительстве. Когда Аюб прибыл в Каир со всей своей семьей, его сравнивали с Иаковом, а Саладина - с патриархом Иосифом, чье имя он носил. С помощью советов своего отца Саладин подавил все заговоры, замышлявшие против него, и обуздал честолюбие и зависть эмиров.

На совете, на котором его сын слишком открыто высказался о своих планах, Айюб, воспитанный среди интриг азиатских дворов, яростно выступил против всех предателей и поклялся, что отрубит голову даже самому Саладину, если получит приказ от султана Дамаска сделать это. Оставшись наедине с сыном, он упрекнул его в неосмотрительности. “Я выступал против вас, - добавил он, - перед вашими соперниками и врагами; но знайте, что, если бы Нуреддин пришел напасть на вас, я был бы первым, кто взялся бы за оружие; если бы он потребовал от нас только дань в виде сахарного тростника, он не получил бы ее от меня”. По совету Айюба, Саладин говорил только о своем полном подчинении приказам своего господина и почитал себя самым низким из рабов Нуреддина, которому он посылал заместителей и подарки; но он не мог развеять все его подозрения. Нуреддин решил сам отправиться в Египет, когда смерть застала его врасплох и избавила Саладина от беспокойства, которое, естественно, внушал ревнивый и мстительный повелитель.

После смерти Нуреддина империя, основанная аттабеками, пришла в упадок. Султан аттабеков оставил после себя только ребенка, эмиры уже начали ссориться из-за раздела его власти, и Сирия была близка к возвращению к хаосу, в который ее ввергло падение сельджукидов. Мусульманские народы, напуганные подстерегающим их злом, страстно стремились сбросить иго Саладина и с радостью признали своим повелителем воина, который был единственным человеком, способным защитить их религию или их владения. Саладин унаследовал не только власть Нуреддина, но и стремился продолжить проекты своего предшественника, и ничто так не радовало его честолюбие, как идея продолжения войны против христиан.

Амор, вместо того чтобы воспользоваться смутами в Сирии, пожелал возобновить свои планы против Египта; и, обратившись за помощью к константинопольскому императору, последний прислал ему флот и некоторое количество войск. Христиане осадили Дамиекту, но вечные разногласия между греками и латинянами помешали успеху этого предприятия. Амор, все еще лелея надежду на успех своих замыслов, отправил послов в Европу, полагая, что перспектива завоевания Египта вооружит рыцарей Запада. Поскольку наместники Амора вернулись, не получив помощи, он сам отправился в Константинополь за новой помощью. Его приняли великолепно, и ему были даны великие обещания, но он умер, так и не увидев, как они осуществились. Таким образом, у короля Амора за все время его правления была только одна-единственная мысль, ради которой он исчерпал все ресурсы своего королевства. Упорство, которое он проявил в осуществлении неудачного проекта, ускорило прогресс мусульман и, должно быть, напомнило христианам Запада слова, которые пророки повторяли евреям: *“Сыны Израилевы, не обращайтесь ни взоров ваших, ни шагов ваших в сторону Египта”*.

Амор после своей смерти оставил бедствующее королевство и в качестве правителя его государств сына тринадцати лет от роду, больного и покрытого проказой. Раймонд, граф Триполи, и Мило де Пленси, лорд Карака и Монтрояля, оспаривали регентство во время

несовершеннолетия юного Болдуина. Милон своими интригами добился избирательных прав баронов, но вскоре был найден пронзенным несколькими ранами, нанесенными мечом, на одной из улиц Птолемаиды: Раймунд сменил своего соперника, в смерти которого обвиняла его вся Палестина.

Отец графа Триполийского был убит исмаэльцами, а сам он восемь лет оставался в цепях у неверных. Четвертый по происхождению от знаменитого графа де Сен-Жиля, он обладал храбростью, активностью и честолюбием героя, от которого он происходил; но вместе с ними и тем упрямством характера, которое в трудные времена разжигает страсти и провоцирует непримиримую ненависть. Более нетерпеливый править христианами, чем покорять неверных, Раймонд рассматривал право командовать людьми как единственную награду за перенесенное зло; он надменно требовал вознаграждения за свои услуги и долгие труды и полагал, что справедливость восторжествует и безопасность королевства будет сохранена исключительно его возвышением.

Если бы среди беспорядков, которые постоянно волновали христианские государства, новый регент обладал достаточной властью, чтобы направлять политику франков и заключать мир или войну по своей воле, история могла бы справедливо обвинить его в том, что он благоприятствовал власти Саладина и подготовил падение Иерусалимского королевства. После смерти Нуреддина сыну Аюба пришлось бороться с семьей своего старого господина, эмирами, верными династии Аттабеков, и всеми, кто хотел воспользоваться бедами Сирии и воздвигнуть для себя независимые государства. Благоразумие повелевало христианам разжигать раздор, царивший среди сарацин, и вступать в союз со всеми партиями, выступавшими против Саладина. Вместо того чтобы следовать этой полезной политике и разжигать войну в Сирии, они решили возобновить неудачные попытки Амора напасть на Египет. Сицилийский флот прибыл в Палестину с помощью сицилийцев, и христиане осадили Александрию, где всевозможные бедствия объединились, чтобы уничтожить их армию. Часто повторяющиеся неудачи не давали франкам никаких указаний относительно того, как следует вести войну с Саладином. Когда они возвращались из своей опрометчивой и неудачной экспедиции, мусульманский губернатор города Эмесса, в то время осажденного новым султаном Дамаска, обратился к ним за союзом и поддержкой. Христианские воины, назначив за свои услуги цену, которую губернатор не мог заплатить, начали кампанию без цели, угрожая тем, кого они якобы защищали, и одновременно опустошая территории своих союзников и своих врагов. Тем не менее, их присутствие в Сирии и их временный союз с мусульманскими принцами встревожили Саладина, который вел войну против сына Нуреддина, запертого в городе Алеппо. Султан, решив держать их на расстоянии от театра своих завоеваний, дал их вождям блестящие обещания и богатые подарки, и вскоре ему удалось добиться перемирия, которым он воспользовался, чтобы укрепить свою власть и расширить пределы своей империи.

Франки вернулись в Иерусалим, довольные тем, что вынудили Саладина просить мира. Неосмотрительно согласившись на перемирие, они совершили вторую ошибку, которая заключалась в нарушении только что подписанного ими договора и в том, что не предприняли важного предприятия, а совершили вторжение на территорию Дамаска. Они опустошили страну и разграбили города и деревни, которые нашли беззащитными, в то время как Саладин продолжал совершать полезные завоевания в Сирии и стал достаточно могущественным, чтобы наказать их за нарушение взятых на себя обязательств.

Султан Каира и Дамаска вскоре собрал грозную армию и двинулся в сторону Палестины. Вся страна, через которую проходили сарацины, была объята пламенем; при их приближении христиане покидали города и поселки, чтобы укрыться в горах и пещерах. Балдуин IV, недавно принявший бразды правления, встал во главе франков; но, боясь сравняться с Саладином, он заперся в Аскалоне, откуда с ужасом взирал на свои опустошенные провинции.

Все, казалось, предвещало приближающееся падение королевства, и Саладин уже распределял его города между своими эмирами, когда Провидение, наконец сжалившееся над положением христиан, предоставило им возможность исправить их несчастья. Угрозы Саладина и вид опустошений, которые он творил, привели христианских солдат в ярость. Болдуин вывел свою армию из Аскалона и застал мусульман врасплох на тех самых равнинах, где Годфри и лидеры первого крестового похода одержали свою знаменитую победу над египтянами. Саладин не смог устоять перед стремительностью их атаки и проиграл битву после того, как доблестно защищался среди своих мамлюков, новой военной силы, которую он сам сформировал и которая всегда окружала его во время опасности. Саладин видел, как вся его армия погибла в этой катастрофической битве, которая никогда не изгладилась из его памяти и которая, как он сказал в письме, “заставила померкнуть звезду семьи Айюб”. Верхом на верблюде, сопровождаемый несколькими офицерами, Саладин подвергся величайшим опасностям во время своего бегства через пустыню и почти в одиночку вернулся в Египет, откуда он так недавно выступил во главе грозной армии.

И все же христиане не извлекли большой выгоды из своей победы; они напрасно осадили города Хемессу и Гарем, в то время как Саладин вскоре собрал свежие войска в Египте и вернулся, чтобы угрожать Иерусалимскому королевству. Победа при Аскалоне воодушевила христиан и сделала их опрометчивыми; Саладин, напротив, стал более осторожным после поражения, пользовался каждым неверным шагом своих врагов, планировал засады, применял все военные хитрости и несколько раз застигал их врасплох и разбивал на берегах Иордана и в окрестностях Панея. Балдуин, который был очень близок к тому, чтобы попасть в руки сарацин, собрал все силы, которые оставались в его владениях; но он не мог добиться преимущества над Саладином и был вынужден просить мира, который состояние его королевства и его собственные немощи делали с каждым днем все более необходимым.

Проказа, которой он был поражен, угрожающе прогрессировала; он потерял зрение и больше не мог брать на себя государственные заботы. Поскольку он не доверял большинству баронов и первых лиц своего королевства, он предложил правительство Филиппу, графу Фландрии, который прибыл в Азию для борьбы с неверными; но Филипп предпочел войну с мусульманами управлению христианами Палестины.

Мнение как народа, так и знати указывало на графа Триполийского как на единственного человека, способного управлять страной; но голосование народа только усилило подозрения Балдуина, который давно опасался честолюбия Раймонда. Вынужденный отказаться от трона, слабый монарх трепетал при мысли посадить на него человека, который мог вскоре заставить его забыть; и он предпочел рыцаря без имени и славы, чей единственный титул произошел от того, что он женился на Сибилле, дочери короля Амора и вдове маркиза Монферратского по прозвищу Длинный Меч. Ги де Лузиньян не оправдывал выбор Балдуина своим поведением и вызывал у всех отвращение избытком своей гордыни. При таком положении вещей интересы

христианских колоний требовали строгого соблюдения перемирия, заключенного с мусульманами; но такова была тогда судьба Иерусалимского королевства, что ни у кого не было достаточной власти для поддержания мира, в то время как самый ничтожный из баронов или рыцарей мог по своему желанию спровоцировать войну. Опрометчивость и неблагоразумие одного человека снова обрушили на Палестину все силы Саладина.

Старые хроники повествуют о романтических приключениях и необычайной удаче Рено де Шатийона. Родившийся в Шатийон-сюр-Индре от неизвестных родителей, он последовал за армией Людовика Молодого в Азию и записался в войска Раймона де Пуатье, принца Антиохийского. После того как Раймонд погиб в бою, его вдове Констанции было предложено выбрать нового мужа, который мог бы быть связан с ней в правительстве. Эта принцесса прошла мимо самых знатных вельмож и рыцарей, ибо она отметила красоту и рыцарскую отвагу Рено де Шатийона и не приняла бы никакого другого мужа. Этим браком, который, по словам Вильгельма Тирского, поверг в изумление христианских баронов, она в одночасье возвела на трон Антиохии молодого безвестного человека.

Хотя Рено де Шатийон завоевал любовь Констанции, он не смог завоевать доверия и уважения своих новых подданных. Против него была сформирована грозная партия, во главе которой стоял патриарх Амор. Рено, полный досады и гнева, бросил в тюрьму всех, кто выступал против него. По его приказу патриарха отвели на вершину одной из башен цитадели и, натерев его непокрытую голову медом, оставили на целый день в летнюю жару на растерзание мухам.^[299] Рено де Шатийон, наполнив город Аскалон ужасом и скорбью, желал ознаменовать свое правление каким-нибудь военным предприятием. Став предводителем армии, в которой он был солдатом, он начал с войны против константинопольского императора и вооружил несколько судов, с помощью которых разорил остров Кипр. Греческий император поспешил отомстить за оскорбление и вскоре был со своей армией разбит лагерем в пределах видимости Аскалона. Рено, не располагавший достаточными силами для самозащиты, прибегнул к низости, чтобы обезоружить гнев своего врага, и пришел с веревкой на шее и в разорванном облачении, чтобы положить свой меч к ногам императора, который даровал ему мир. Когда греки возобновили свой путь в Константинополь, Рено обратил свое оружие против сарацин. Он сразу обратил в бегство армию Нуреддина, которая продвигалась к территории Антиохии; но, увлекаемый жадной добычи, он попал в засаду, был взят в плен и препровожден в Алеппо, где мусульмане удерживали его много лет. Наконец некоторым из его старых товарищей удалось разорвать его цепи, и, что не лишено смысла, ценой его свободы стала добыча, добытая во время вторжения на территорию Дамаска.

Когда Рено де Шатийон освободился из плена, его жены Констанции уже не было в живых, и сын Раймона, достигший зрелого возраста, правил княжеством Антиохия. Рено отправился в Иерусалим, где память о его подвигах и несчастьях, понесенных во имя христиан, обеспечила ему радушный прием со стороны короля и баронов. Вторым браком женившись на вдове Омфри де Туру, он стал лордом Карака и нескольких замков, расположенных на границах Аравии и Палестины. Рено привел в эти города и крепости огромное количество тамплиеров, которых он связывал со своей судьбой. Он только что обосновался там и уже начал опустошать границы Аравии, когда с Саладином было заключено перемирие. Ничто не могло заставить Рено де Шатийона сложить оружие; каждый день он совершал новые набеги в окрестности Карака и грабил караваны мусульманских паломников, направлявшихся в Мекку. Пренебрегая правами наций и человечества, он заключал в тюрьмы женщин и детей и убивал безоружных мужчин.

Саладин пожаловался Балдуину на эти нарушения международных договоров, но не во власти короля Иерусалимского было дать ему удовлетворение, которого он требовал. Султан, раздраженный поведением франков, схватил полторы тысячи паломников, выброшенных бурей на берега Египта, и пригрозил задержать их, если мусульманские пленники не будут немедленно освобождены. Ни требования Саладина, ни молитвы Балдуина, ни даже судьба христианских пленников не оказали ни малейшего влияния на Рено де Шатийона и тамплиеров, так долго привыкших соблюдать все договоры, заключенные с мусульманами.

После этого Саладин снова решился на войну и в третий раз выступил с берегов Нила, чтобы войти в Палестину во главе армии. При приближении опасности христиане объединили свои усилия, чтобы остановить продвижение сарацин. Собрание, состоявшее из представителей всех классов граждан, распорядилось о взимании общей контрибуции, средства от которой были использованы для ремонта укреплений замков и городов, в то время как все бароны и рыцари взялись за оружие. Но еще не пришло время, когда Саладин должен был вторгнуться в Иерусалимское королевство. В каждой из своих экспедиций он, казалось, испытывал силу христиан, а когда встречал сильное сопротивление, терпеливо ждал более благоприятного момента. После того, как его помощники разорили Галилею и начали осаду Берута, он внезапно отвел свои войска, чтобы пойти войной на аттабеков, которые были хозяевами Моссула и нескольких городов Месопотамии.

Христиане не воспользовались его отсутствием иначе, как возобновили свои вторжения на территорию Дамаска. Рено де Шатийон совершил несколько экспедиций к берегам Красного моря и даже задумал дерзкий проект похода на города Мекку и Медину и разграбления Каабы и гробницы Пророка. Отряд бесстрашных воинов по его приказу выступил в поход; они застали врасплох египетских купцов, которые возвращались из Индии через Красное море, и, подгоняемые ужасом, с триумфом вторглись в страну, которая никогда прежде не видела христиан. Рено и его спутники уже достигли долины Рабид, расположенной в десяти лье от Медины, когда они были застигнуты врасплох и атакованы мусульманской армией, спешно переброшенной из Сирии. После упорного и кровопролитного боя победа была на стороне сарацин. Рено словно чудом избежал преследования завоевателей и вернулся с небольшим количеством своих войск в замок Карак. Некоторых пленников отвели в Египет, где по приговору кади они были приговорены к смерти, как самые низкие преступники. Других перевезли в Мекку, где их кровь была пролита вместе с кровью жертв, принесенных в жертву на церемонии великого Байрама.[300]

Эти ужасные казни не утолили жажду мести Саладина. Когда он услышал о походе христиан, который он считал ужасным святотатством, его гневу не было предела, и он поклялся на Коране отомстить за оскорбление, нанесенное мусульманской религии. Султан, которого христиане уже называли *бичом Божиим*, вернулся в Галилею с мечом и пламенем и двинулся к замку Карак, постоянно повторяя данную им клятву убить Рено собственной рукой. Мусульмане стали бы хозяевами замка, если бы не храбрость одного рыцаря, который один поддерживал подъемный мост и славной смертью лишил Саладина этого завоевания. Вскоре христианская армия выступила в поход, чтобы отразить это нападение сарацин. Саладин, отчаявшись пока отомстить Рено, опустошил земли на берегах Иордана прямо перед лицом христианской армии, которая не осмеливалась напасть на него. После того, как он несколько раз возобновлял свои попытки взять крепость Карак и предал огню Наплузу, Себосто и несколько других городов, он, наконец, согласился на перемирие и повел свою армию обратно в Месопотамию.

Саладин воспользовался миром, заключенным с христианами, чтобы рассеять смуту, возникшую в его государствах, и продолжить свои завоевания в Сирии. При каждой перемирии он получал во владение город или провинцию; он расширял свои владения и таким образом отдавал под свой контроль страны, которые становились еще большими врагами для христиан. Напротив, франки, когда война была приостановлена, безумно предались своим внутренним раздорам; мир с ними породил тысячу новых фракций, и тогда королевство обнаружило в своих недрах врагов гораздо более опасных, чем те, против кого оно воевало.

Рыцари и бароны, вернувшись в Иерусалим, обвинили Ги де Лузиньяна в том, что он пренебрег возможностью победить Саладина, и упрекнули его в том, что он допустил опустошительные действия мусульман в богатейших провинциях Палестины. Болдуин, с большим сожалением отказавшийся от королевской власти, прислушался к жалобам баронов и поспешил вновь взойти на пошатнувшийся трон. Он обязался расторгнуть брак с Сибиллой и сослался на Ги де Лузиньяна перед патриархом Иерусалимским и знатью королевства, чтобы лишить его графств Аскалон и Яффо. Поскольку Гай не появился в назначенный день, Болдуин, хотя и был немощен и слеп, отправился в Антиохию и, обнаружив, что ворота заперты, несколько раз ударил по ним рукой, не заставив их открыться.^[301] Этот несчастный принц призвал Небеса в свидетели этого оскорбления и вернулся в Иерусалим, поклявшись отомстить Ги де Лузиньяну. Со своей стороны, Гай больше не соблюдал никаких мер, но взялся за оружие, чтобы поддержать свое восстание. В этой чрезвычайной ситуации Болдуин не мог найти лучшего средства наказать Гая, чем противопоставить ему регента и нового короля. По его приказу Балдуин V., которому было пять лет и который родился от первого брака Сибиллы с сыном маркиза де Монферрат, был коронован в церкви Гроба Господня в присутствии знати и духовенства. Раймонд, граф Триполитский, менее ненавистный Болдуину, чем Гай, получил регентство и взял бразды правления в свои руки.

Иерусалимское королевство, которое со времен правления Балдуина III быстро приходило в упадок, стало теперь объектом, достойным жалости. Бурные страсти, почти всегда неотделимые от феодального правления, уже давно ослабили все пружины власти. Королевская власть, за останки которой они ссорились, была не чем иным, как пустым именем; среди фракций, которыми он был окружен, король Иерусалима не мог отомстить ни за свои собственные обиды, ни за обиды Церкви или Христа. Недостаток мужества был единственным преступлением, за которое он мог наказать, не вызвав ропота баронов, потому что у них трусы не находили защитников. Амор с позором повесил двенадцать тамплиеров, обвиненных в пренебрежении обороной крепости; но у него не было власти принять посла, отправленного *Горным старцем*, в котором надежда освободиться от дани, выплачиваемой великому магистру тамплиеров, пробудила желание стать христианином. Когда посол был убит в Иерусалиме тамплиером, у Амора не было полномочий предать убийцу суду; прискорбная слабость короля, который не обладает первой прерогативой королевской власти - поддерживать справедливость и добиваться уважения прав наций!

Королевство было покрыто крепкими замками, коменданты которых едва признавали власть короля. На вершине каждой горы, на которой возвышались грозные башни, даже в пещерах, превращенных в крепости, бароны командовали как хозяева и заключали мир или войну по

своему усмотрению. Военные ордена, единственная опора государства, были разделены между собой и иногда проливали свою кровь в ссорах, роковых для дела христиан.

Между духовенством и рыцарями Храма и Святого Иоанна царили раздоры; военные ордена не подчинялись юрисдикции духовенства, а духовенство, привыкшее диктовать законы князьям, не могло выносить надменной независимости горстки воинов. Ведомые духом раздора, госпитальеры возводили здания перед церковью Воскресения и часто заглушали голоса священников, возносивших хвалу Богу у подножия его алтарей. Некоторые из них даже зашли так далеко, что преследовали священников, стреляя из лука в саму церковь Гроба Господня. В качестве единственной мести священники собрали в пучки стрелы, которые были выпущены в них, и поместили их на возвышенности на Елеонской горе, чтобы каждый мог ознакомиться со святотатством.

Эти ссоры, которые возобновлялись каждый день, были переданы на рассмотрение трибунала Святого Престола, решения которого часто только еще больше распаляли умы спорщиков. Римская церковь, весьма далекая от восстановления мира среди христиан Востока, часто подбрасывала между ними новые угли раздора. Расколы, волновавшие Запад, не раз разжигали войну в святых местах, даже у гробницы Христа.

Согласие редко сохранялось надолго между жителями Палестины и европейскими воинами, которые приходили в Азию сражаться с неверными. Сирийские бароны использовали силы своих вспомогательных войск для осуществления своих собственных честолюбивых планов; и последние, из-за своей гордыни и презрения, назначили высокую цену за свои услуги. Почти всегда при прибытии новых паломников нарушался договор или перемирие, чтобы совершить набеги на территории сарацин; и нередко крестоносцы, даже не увидев врага, бросали Палестину на произвол войны, которую они сами же и спровоцировали.

В городах, особенно приморских, несколько народов жили вместе и с мечом в руке оспаривали первенство и суверенитет. Все, кто приехал утвердиться в Святой Земле, принесли с собой и сохранили воспоминания и предрассудки своей родной страны. В городах Аскалоне, Тире или Птолемаиде жители были гораздо больше заинтересованы в славе и процветании Пизы, Генуи и Венеции, чем в безопасности Иерусалимского королевства.

Большая часть баронов и рыцарей не проявила ни малейшего героического смирения, свойственного ранним воинам креста, когда они переносили тяжелую работу или преодолевали трудности. С тех пор как замышлялось завоевание Египта, война рассматривалась только как средство приобретения богатства; а жажда добычи уничтожила принцип чести, любовь к славе и даже всякую тревогу за дело Христа. Вопрос заключался уже не в том, на какого врага следует напасть, какого союзника защищать, а в том, какой город или провинцию следует отдать на разграбление. Дисциплина в лагере пришла в упадок; воины-христиане все еще проявляли свою природную храбрость, но они не умели ни подчиняться, ни командовать, и анархия царила в армии так же безраздельно, как и во всем королевстве. Многие лидеры отказались от своих цветов в самых опасных обстоятельствах и продали свое бездействие или нейтралитет. Некоторые, подобно тамплиеру Мелье и его товарищам, забыв о своих клятвах, разоряли христианские провинции; в то время как другие, побуждаемые честолюбием или жаждой мести, вступали в союз с сарацинами и получали на службе у неверных награду за свое позорное отступничество.

Религия, которая должна была быть связующим звеном между христианами, обосновавшимися в Святой Земле, и которая единственная могла сохранить среди них чувства патриотизма, — религия потеряла всякую власть над их умами. Война все еще велась от ее имени, но ее законы были непрактичными и непризнанными. Обращение либанских маронитов, которые присоединились к Римской церкви в правление Балдуина IV, праздновалось в Иерусалиме как победа, одержанная над ересью, но это не привело к возвращению христиан к духу Священного Писания. Благочестивые люди, жившие в развращенный век, стонали от порочности нравов, которые с каждым днем делали такой ужасающий прогресс.^[302] Уважаемый архиепископ Тирский с трепетом рассказывает историю этого несчастливой периода и опасается, как бы правдивость не придавала его рассказам оттенок сатиры. “В городе Иерусалиме, — говорит он, — едва ли можно найти хоть одну целомудренную женщину”. Руководители христианских колоний, наравне с главами Церкви, сами подавали пример распущенности. Христиане видели, как королева Иерусалима, вдова Балдуина III, поддерживала преступные сношения с Андроником и искала пристанища среди сарацин вместе со своим развратником.^[303] Бозмунд, принц Антиохии, отрекся от своей жены Эрины, чтобы жениться на куртизанке. Патриарх, возмущенный таким скандалом, отлучил юного Бозмунда от церкви и наложил интердикт на его государства; и таким образом, преступные похождения христианского монарха вызвали беспокойство и опустошение во всей стране. Даже вид гробницы Христа не мог внушить более святых мыслей. Патриарх Ираклий, который своим возвышением был обязан только мирским и нечестивым качествам, расточал сокровища, причитающиеся паломникам и бедным, на печально известных проституток, и христиане часто удивлялись, видя печально известную картину Ривери, выставленную даже в святилище украшениями, купленными на подаяния верующих.

Выродившийся таким образом народ никак не мог сохранить царство Христа. Взоры всех были обращены на Запад, и Ираклий в сопровождении двух великих магистров Храма и святого Иоанна был отправлен в Европу просить немедленной помощи королей и их воинов. Король Франции Филипп Август принял христианских депутатов с большими почестями; но поскольку он лишь недавно вззошел на трон, интересы его королевства не позволяли ему лично отправиться на защиту Иерусалима. Генрих II, король Англии, казался последней надеждой христиан; он пообещал папе совершить паломничество в Святую Землю во искупление убийства архиепископа Кентерберийского, и Ираклий отправился к его двору, вручил ему ключи и знамя от Гроба Господня и настаивал, чтобы он выполнил свое обещание. Дурная репутация патриарха предшествовала его появлению в Европе и очень ослабила эффект его слов; он также не проявлял ни кротости, ни милосердия Священного Писания и только раздражал тех, кого пытался убедить. Поскольку английский монарх колебался выполнить свои обещания, ссылаясь на свой преклонный возраст и благополучие своих владений, Ираклий осыпал его самыми возмутительными упреками, угрожая гневом Небес. Престарелый Генрих, казалось, был раздражен этими словами, и патриарх удвоил свою наглость и гордыню. “Вы можете, — сказал он, закончив свою речь, — обращаться со мной так, как вы обращались с моим братом Томасом, ибо мне совершенно безразлично, умру ли я в Сирии от рук неверных или погибну здесь по приказу вас, которые более безнравственны, чем сарацины”. Генрих старался скрыть свой гнев и не осмеливался наказать посланника христиан; он даже обращался с ним с большим великолепием, но все же не покинул Англию. Он удовлетворился тем, что послал христианам Иерусалима крупную сумму денег и призвал своих подданных вооружиться для защиты Святой Земли.

В это время рвение к крестовым походам начало ослабевать, и несколько послов вернулись в Иерусалим, так и не сумев пробудить энтузиазм западных христиан. Народы, чтобы вспылать активным рвением к священным войнам, нуждались в примере принцев или королей. Воины Европы обращали мало внимания на увещевания папы римского и Ираклия. Депутаты вернулись в Палестину, не получив помощи, которой они требовали, и их появление вызвало уныние и отчаяние среди всех христиан Востока.

Несчастный король Балдуин полностью утратил способности как ума, так и тела; и, измученный своими страданиями, он с каждым днем приближался к могиле, представляя собой слишком верный образ слабости и упадка своего королевства. В то время как приближение смерти наполняло его дворец скорбью, партии боролись за трон, который шатался, готовясь упасть, и за корону, которую самые мудрые сравнивали с терновым венцом Христа. Когда он закрывал глаза, зло увеличивалось, и дискорд не поддавался никаким ограничениям. Граф Триполийский желал сохранить бразды правления в качестве регента, в то время как Сибилла желала передать скипетр своему мужу. В разгар этих раздоров Болдуин V, слабая и хрупкая надежда королевства, внезапно скончался. Все, кто стремился к его власти, были обвинены в его смерти: несчастливый период, когда подобные обвинения могли быть вполне обоснованными и когда целый народ мог подумать о том, чтобы обвинить королеву в убийстве ее собственного сына!

Едва умер Болдуин, как его мать возжелала править вместо него; и чтобы удовлетворить честолюбие свое и Ги де Лузиньяна, она не брезговала никакими уловками и не жалела вероломных обещаний. Пока граф Триполийский собирал в Наплузе баронов и главных людей королевства, дочь Амора, по совету патриарха и великого магистра тамплиеров, объявила о своем намерении расстаться со своим мужем и выбрать воина, способного защитить королевство. Когда это известие распространилось по Иерусалиму, Сибилла приказала закрыть городские ворота и перенести их в храм Гроба Господня. В присутствии гробницы Христа Ираклий принес ей клятву верности от имени духовенства и народа, громким голосом объявил о ее разводе и приказал ей во имя Неба вручить свою руку и скипетр тому, кого она сочтет наиболее достойным из них. При этих словах Сибилла возложила корону на голову своего мужа, который стоял перед ней на коленях, сказав, что не во власти человека разлучить тех, кого соединил Бог.

В то время как часть народа и некоторые бароны, соблазненные напрасными обещаниями, приветствовали выбор Сибиллы, сторонники Раймонда были крайне возмущены тем, что их обманула женщина. Коронация Ги де Лузиньяна, естественно, встревожила всех, кто считал, что Иерусалим нуждается не столько в короле, сколько в защитнике. Балдуин Рамлийский, один из самых искусных военачальников своего времени, отчаялся в безопасности королевства и удалился в Антиохийское княжество, повторяя угрозы пророков в адрес Иерусалима. Жоффруа де Лузиньян, услышав о возвышении своего брата, не смог удержаться от восклицания: *“Что ж, если из него сделали короля, то из меня они сделали бы бога, если бы знали меня”*.

Когда о происшедшем в Иерусалиме было объявлено баронам, собравшимся в Наплузе, большинство из них решили покинуть Палестину; но граф Триполийский задержал их, посоветовав назначить нового короля и даровать корону Хомфри де Тору, который недавно женился на Изабелле, второй дочери Амора. Он даже пообещал заручиться поддержкой Саладина на этих выборах, и ему удалось убедить ассамблею. Пока они совещались, юный Гомфри, испуганный бременем, которое они хотели возложить на него, тайно сбежал ночью и

поспешил в столицу просить прощения у королевы Сибиллы, заявив, что предпочитает легкость и жизнь иерусалимскому трону. Этот полет привел в замешательство все меры и изменил все проекты. Несколько баронов, не зная, к какой партии лучше примкнуть, отправились и принесли присягу Ги де Лузиньяну; в то время как другие, вернувшись в свои замки, ожидали предстоящих событий. Раймонд удалился в свое графство Тверия, суверенитет над которым он получил.

Отступление и ропот врагов Гая только усилили его гордыню. Чем больше он нуждался в мягкости и умеренности, тем больше высокомерия и суровости он проявлял. Его пренебрежительные манеры отталкивали от него баронов, которые оставались ему верны. Побуждаемый великим магистром тамплиеров, который был объявленным врагом графа Триполийского, он приготовился к осаде города Тверии; в то время как Раймонд, который был полон решимости защищаться, охваченный избытком своего гнева, умолял Саладина о помощи против короля Иерусалима.

При приближении бедствий, которые вот-вот обрушатся на королевство, не было слышно ничего, кроме жалоб и мятежных криков; но ни опасности, исходящие от христианских колоний, ни вид находящихся под угрозой святых мест не могли заставить замолчать честолюбие или сдержать восстание. Историк Иерусалимского королевства чувствует, что перо выпадает у него из рук, и останавливается, в ужасе от событий, которые ему предстоит описать.

Среди всеобщего беспорядка и волнения суеверные умы христиан не видели в будущем ничего, кроме великих бедствий, и все, казалось, представляло их глазам зловещие предзнаменования. “Знамена, явленные на небесах, - говорится в хронике того времени, - позволили ясно увидеть, что Бог считал мерзостью происходящее. Порывистые ветры, бури и штормы поднимались со всех сторон; свет солнца был затемнен на несколько дней, и с неба падали градины величиной с гусиные яйца. Земля, в равной степени сотрясаемая частыми и ужасными землетрясениями, предупредила о грядущем разорении, о катастрофах и поражениях в войне, которые вскоре должны были обрушиться на королевство. Море также не могло замкнуться в своих пределах, но своими ужасными наводнениями или необычайно стремительными волнами возвещало нам о гнев Божьем, готовом обрушиться на нас. Было видно, как в воздухе полыхает огонь, подобный объятому пламенем дому; вы могли бы поклясться, что все стихии и архитектура Бога разгневались и возненавидели излишества, злобу, распущенность и оскорбления человеческой расы”.

Таковы были предзнаменования, поразившие большее число христиан; но мыслящие люди могли усмотреть гораздо более определенные признаки приближающегося падения Иерусалимского королевства. Моссул, Алеппо и все мусульманские города Сирии и Месопотамии подчинились власти Саладина. Сын Аюба одержал победу над эмирами и разрозненной семьей Нуреддина. Все сокровища Египта, все силы Азии были в его руках; ему оставалось совершить только одно завоевание, и фортуна, уничтожившая перед ним все препятствия, вскоре предоставила ему предлог и возможность нанести последний удар могуществу христиан.

Перемирие, заключенное с королем Иерусалима, было нарушено одновременно как христианами, так и мусульманами. Рено де Шатийон продолжал свои вторжения на территории

неверных и отвечал на жалобы Саладина только новыми нарушениями международных договоров. Мусульманская армия, которую султан Дамаска послал на помощь графу Триполийскому, вторглась в Галилейскую страну, куда поспешили пятьсот рыцарей Храма и Святого Иоанна, чтобы защитить христианскую территорию и дать бой сарацинам. Они были быстро подавлены численностью, и почти все погибли на поле боя. Старые хроники, прославляя храбрость христианских рыцарей, повествуют о чудесах, в которые нам сейчас очень трудно поверить. Эти неукротимые герои, израсходовав свои стрелы, вырывали из своих тел те, которые пронзили их, и бросали их обратно во врага; измученные усталостью и жарой, они пили собственную кровь и восстанавливали свои силы теми самыми средствами, которые должны были ослабить их; наконец, сломав свои копья и мечи, они бросились на своих врагов, сражались тело к телу, катаясь в пыли вместе с мусульманскими воинами, и умерли, угрожая своим победителям. Помимо всего прочего, ничто не могло сравниться с героической доблестью Жака де Майе, рыцаря Храма. Верхом на белом коне он остался один на поле битвы и продолжал сражаться, окруженный горами убитых. Хотя его окружали со всех сторон, он отказался сдаваться. Лошадь, на которой он ехал, измученная усталостью и ранами, провалилась под ним и потащила его за собой; но бесстрашный рыцарь поднялся с копьем в руке, покрытый кровью и пылью и оцетинившийся стрелами, и бросился на ряды мусульман, пораженный его дерзостью; наконец он упал, покрытый ранами, но сражавшийся до последнего. Сарацины приняли его за святого Георгия, которого, как верили христиане, они видели спустившимся с небес, чтобы присоединиться к их батальонам. После его смерти турецкие солдаты, которых историк называет *детьми Вавилона и Содомы*, приблизились со знаками уважения к его телу, покрытому тысячами ран; они вытирали кровь, они делились лохмотьями его одежды и фрагментами его рук и, в своем зверском возбуждении, выражали свое восхищение действиями, которые заставляют скромность краснеть при упоминании о них.^[304]

Великий магистр тамплиеров с двумя своими рыцарями были единственными, кто избежал резни. Эта битва произошла 1 мая 1187 года. В то время, говорится в древней хронике, когда на полях собирают цветы и розочки, христиане Назарета не нашли ничего, кроме следов резни и искалеченных тел своих братьев. Они похоронили их в церкви Святой Марии, повторяя эти пророческие слова: *“Дочери Галилеи, наденьте свои траурные одежды; и вы, дочери Сиона, плачьте о бедствиях, которые угрожают царям Иудеи”*. Ужас, вызванный этим кровавым поражением, на мгновение утихомирил разногласия христиан. Король согласился помириться с графом Триполийским, в то время как Раймонд, со своей стороны, решил забыть о своих личных обидах и приложить все усилия, чтобы исправить несчастья, которые он навлек на королевство. Он отправился в Иерусалим, где Ги де Лузиньян, вышедший ему навстречу, принял его со знаками искренней привязанности. Два князя обнялись перед народом и поклялись вместе сражаться за наследие Христа.

После разрыва перемирия Саладин занялся сбором грозной армии. Турки, арабы, курды и египтяне стекались под его знамена; он обещал добычу христиан мусульманским семьям, которые были изгнаны из Палестины; он заранее раздавал города и провинции своим верным эмирам и внушал всем своим солдатам уверенность в разграблении или славной мученической смерти. Халиф Багдада и все имауны Египта, Сирии и Месопотамии возносили молитвы о победе его оружия и освобождении Иерусалима. Он перешел Иордан и двинулся в Галилею во главе восьмидесяти тысяч всадников.

На совете, состоявшемся в Иерусалиме, Ги де Лузиньян, граф Триполитский, и бароны обсуждали наиболее подходящие меры, которые следует принять для спасения королевства. Рыцари трех военных орденов, войска короля и знати, гарнизоны городов, а также все христиане, способные носить оружие, получили приказ собраться на равнине Сефури. Было решено использовать для ведения войны сокровища, присланные Генрихом II, которые хранились в доме Темпля; и чтобы привлечь английского монарха к славе этого священного похода, герб Англии был изображен на штандартах христианской армии. Древо истинного креста, которое так часто воодушевляло крестоносцев в битвах, было выставлено народу как последнее средство спасения и с триумфом доставлено к месту, где собрались защитники Иерусалима.

Армия из пятидесяти тысяч бойцов была собрана на равнине Сефури, когда вожди узнали, что Саладин взял приступом город Тверию и угрожал цитадели, в которой были заперты женщины и дети графа Триполитского. Христиане, спасшиеся от меча сарацин, в крайнем ужасе укрылись в лагере Сефури, умоляя короля и вождей положить конец опустошительным действиям неверных. Бароны собрались в палатке Ги и все разом воскликнули, что необходимо немедленно выступить против врага. Затем Раймонд встал и потребовал разрешения выступить. “Я собираюсь, - сказал он, - дать вам совет, который удивит вас; но я предлагаю его с тем большей уверенностью, что он противоречит моим личным интересам. Моя опустошенная страна, мои города, превращенные в пепел, мои подданные, готовые подчиниться смерти или рабству, моя жена, подвергшаяся оскорблениям мусульман, - все они умоляют о немедленной помощи от меня и от вас; но мой долг думать о безопасности христианских городов, оставшихся сейчас без гарнизонов. В этой армии, собранной на равнине Сефури, существует единственная надежда, которая осталась у христиан Востока. Вы видите здесь всех воинов Христа, всех защитников Иерусалима; если они погибнут, неверным больше нечего будет опасаться. Поэтому остерегайтесь вести это множество людей и лошадей в засушливую местность, где сезон жажды и голода вскоре должен оставить их без защиты в руках врага. Даже количество христианских солдат внушает мне больше тревоги, чем уверенности. Они представляют собой не что иное, как растерянный отряд людей, собранных в спешке и совершенно неспособных переносить усталость. Мусульманские лучники более искусны в метании дротиков, чем наши солдаты, и могут преследовать нас на марше, когда мы не сможем защититься; кавалерия Саладина более многочисленна и лучше обучена, чем наша, и может с преимуществом атаковать нас на равнинах, через которые мы должны пройти. Тогда, умоляю вас, отдайте Тверию мусульманам и позвольте нам спасти армию, которая еще может возместить наши потери.

“Я клянусь перед Богом и перед людьми, что я охотно оставил бы графство Триполи со всеми землями, которыми я владею, чтобы обеспечить безопасность города Христа. Нашей единственной целью должно быть уничтожение власти Саладина и в то же время сохранение нескольких защитников Иерусалимского королевства. Если мы пойдем навстречу врагу и будем побеждены, сам Бог не сможет спасти христиан, но позволит нам быть преданными неверным. Если, напротив, враг придет, чтобы предложить себя нашему оружию, все наши потери будут возмещены, и зло, которое обрушится на меня, станет для меня источником удовлетворения, поскольку я пострадаю за дело Христа и безопасность его народа”.

Чем больше великодушия было в этом совете, тем менее искренним он считался. Великий магистр тамплиеров, ослепленный своей ненавистью к Раймонду, несколько раз перебивал его;

он напомнил собранию о союзе графа Триполийского с Саладином и громко воскликнул, что он ясно видит *волчью шкуру под овечьей шерстью*. Когда Раймонд призвал имя Христа, великий магистр с горечью повторил, что имя *Магомета* больше подходит к устам предателя. Граф Триполийский никак не отреагировал на оскорбительные слова великого магистра, но закончил свою речь следующими словами, произнесенными с совершенной убежденностью: *“Я подвергнусь смертной казни, если все произойдет не так, как я сказал”*.

Совет рыцарей и баронов принял мнение Раймонда; но когда Ги остался один в своей палатке, к нему пришел великий магистр и заронил в его разум самые черные подозрения относительно поведения и тайных замыслов графа Триполийского. Слабый Лузиньян, который уже отдал несколько противоречивых приказов, отдал команду выступить навстречу врагу. Впервые королю Иерусалима подчинились, и это было сделано для уничтожения христиан.

Неопределенное поведение, проявленное Лузиньяном, стало известно другим военачальникам, и это отсутствие определенной цели посеяло тревогу и замешательство по всей армии. Обескураженные солдаты неохотно покидали лагерь Сефури и не видели вокруг ничего, кроме предзнаменований приближающегося поражения. Христианская армия продвигалась к Тверии и в молчании маршировала по равнине, которую современные путешественники называют равниной Батуфа, когда они увидели знамена Саладина.

Мусульманская армия расположилась лагерем на высотах Луби, с Тивериадским озером в тылу; она прикрывала вершины холмов и господствовала над всеми ущельями, через которые приходилось проходить христианам. Тогда бароны и рыцари вспомнили совет Раймонда, но они упустили возможность последовать ему, и только мужество христианских солдат могло исправить ошибки их вождей. Было принято смелое и отчаянное решение прорубить себе путь сквозь армию врага, чтобы достичь берегов Иордана. 4 июля, на рассвете, христиане выступили в поход. С того момента, как они пришли в движение, мусульманские лучники беспрестанно обрушивали на них ливень стрел. Армия франков храбро выдерживала на своем марше атаки сарацинских лучников, когда Саладин спустился на равнину во главе своей кавалерии. Тогда христиане были вынуждены остановиться и сразиться с врагом, который препятствовал их переходу.^[305] Первый удар был стремительным и ужасным; но поскольку франки в течение многих дней испытывали недостаток как в провизии, так и в воде и были измучены жарой и жаждой, у них было меньше силы, чем мужества, и они пали скорее от усталости, чем вследствие своих ран. Епископы прошли по рядам и попытались оживить пыл солдат образами религии.

Истинный крест, установленный на возвышенном месте, на мгновение оживил их и собрал вокруг себя самых пылких и бесстрашных. Сам Саладин сказал в письме, что христианские солдаты сражались вокруг креста с величайшей храбростью и что они, похоже, считали его самой прочной нитью, которая связывала их вместе, и своим непробиваемым щитом.^[306] Но вид почитаемого знака и вызванный им мимолетный пыл только усилили беспорядок в битве. Все мусульманские силы объединились в одно целое, чтобы напасть на христиан. Кавалерия Саладина несколько раз обрушивалась на них с непреодолимой стремительностью и прорывалась сквозь их ряды; победа, очевидно, вот-вот должна была склониться на сторону сарацин, когда ночь положила конец сражению. И франки, и сарацины оставались на равнине, где сражались весь день, и готовились возобновить битву на следующее утро.

Сарацины были уверены в победе. Саладин прошел по рядам своей армии, воспламеняя мужество мусульманских солдат своим присутствием и речами. “Завтра, - сказал он, - праздник для истинно верующих, ибо именно в пятницу мусульмане возносят свои молитвы, и Магомет выслушивает обеты, данные ему”. Мусульмане ответили своему предводителю самыми громкими возгласами одобрения. Затем Саладин разместил лучников на высотах, приказал раздать четыреста зарядов стрел и расположил свои войска таким образом, чтобы христианская армия была окружена с самого начала сражения. Христианские солдаты воспользовались темнотой, чтобы сплотиться в своих рядах, но их силы были исчерпаны. Иногда они призывали друг друга не бояться смерти, а иногда, воздевая руки к небу, умоляли Всемогущего спасти их. Затем они стали угрожать сарацинам, которые были достаточно близко, чтобы слышать их; но печальные и зловещие предчувствия, казалось, лишили их всякой надежды на победу. Чтобы скрыть свою тревогу, они заставили свой лагерь всю ночь оглашаться звуком барабанов и труб.

Наконец забрезжил рассвет, что послужило сигналом к полному разгрому христианской армии. Как только франки увидели все силы Саладина и обнаружили, что окружены со всех сторон, их охватили удивление и ужас. Две армии довольно долго оставались на виду друг у друга, Саладин ждал, пока солнце полностью не осветит горизонт, чтобы дать сигнал к атаке. С рассвета поднялся сильный ветер, который дул прямо в лица христианам и покрывал их облаками пыли. Когда Саладин произнес роковое слово, сарацины бросились на своих врагов со всех сторон, издавая самые ужасающие крики. Пользуясь выражениями восточных авторов, *“Именно тогда сыны Рая и дети огня разругались в своей ужасной ссоре; стрелы свистели в воздухе, как шумный полет птиц; вода мечей (так в оригинале), кровь от стрел хлынула из груди сражающихся и покрыла землю, как дождевые воды”*.^[307] Христиане сначала доблестно защищались, но Саладин поджег сухую траву, покрывавшую равнину, пламя окружило их армию и опалило ноги как людей, так и лошадей.

В их рядах воцарился беспорядок, но они по-прежнему храбро сражались. Сквозь пламя блеснули мечи, и христианские рыцари, вырвавшись из клубов дыма и огня, с копьями в руках ринулись на своих врагов. В отчаянии они пытались прорваться сквозь батальоны сарацин, но повсюду встречали непобедимое сопротивление. Снова и снова они возвращались в атаку, и так же часто их отбрасывали. Терзаемые голодом и всепоглощающей жаждой, они не видели вокруг себя ничего, кроме горящих камней и сверкающих мечей своих врагов. Слева от них возвышалась гора Эттин, и на ней они попытались найти убежище; но, яростно преследуемые сарацинами, они были сброшены - одни в пропасти, другие в узкие ущелья, где их храбрость оказалась бесполезной.

Рыцари Храма и Святой Иоанн проявили чудеса доблести и сражались до конца дня, сплотившись вокруг леса истинного креста. Это священное знамя нес епископ Птолемаиды, который был убит в пылу сражения. Епископ Лидды, который поднял его и попытался бежать, был остановлен и взят в плен. Крик отчаяния вырвался из среды франков, когда они увидели знак своей безопасности в руках завоевателя; даже самые храбрые побросали оружие и, не пытаясь бежать, бросились на мечи неверных. Поле битвы превратилось не что иное, как сцену опустошения; и христианские воины, которые не смогли спасти крест Христов, больше не боялись ни смерти, ни рабства. Король Иерусалима был взят в плен вместе со своим братом Жоффруа, великим магистром тамплиеров Рено де Шатийоном и всеми самыми прославленными рыцарями Палестины. Раймонд, командовавший авангардом христианской

армии, после доблестного сражения открыл для себя проход через сарацин и бежал в Триполи,^[308] где вскоре после этого он умер от отчаяния, обвиненный мусульманами в нарушении международных договоров, а христианами - в предательстве как своей религии, так и своей страны. Боэмунд, принц Антиохии, Рено Сидонский, молодой граф Тверии и небольшое количество солдат сопровождали Раймона в его бегстве и были единственными людьми, которым удалось спастись после этого рокового для Иерусалимского королевства дня.

Восточные историки, описывая победу сарацин, отмечали храбрость и стойкость франкских рыцарей, покрытых кирасами, сделанными из стальных колец. Эти храбрые воины поначалу представляли собой непроницаемую стену для ударов сарацин; но когда их лошади пали, измученные усталостью, или были ранены пиками или дротиками, Саладин встретил еще очень небольшое сопротивление, и битва превратилась в ужасную резню. Арабский писатель, секретарь и сподвижник Саладина, присутствовавший при этом ужасном конфликте, не смог удержаться от сочувствия к бедствиям побежденных. “Я видел,” говорит он, “холмы, равнины, долины, покрытые их мертвыми телами; я видел, как их тела были сброшены и запачканы кровью и пылью; я видел, как им отрубали головы, разбрасывали члены и сваливали трупы, как камни”. После битвы веревок от палаток оказалось недостаточно, чтобы связать пленников; сарацинские солдаты гнали их толпами, как мерзкие стада крупного рогатого скота. Завоеватели разделили пленников между собой, и число их было так велико, что, по словам историка, пару обуви обменяли на христианского рыцаря.

Саладин приказал разбить в своем лагере палатку, в которой он принял Ги де Лузиньяна и главных военачальников христианской армии, которых победа отдала в его руки. Он по-доброму обошелся с королем франков и приказал подать ему напиток, охлажденный в снегу. Когда король, выпив, подал кубок Рено де Шатийону, который был рядом с ним, султан остановил его и сказал: “Этот предатель не должен пить в моем присутствии, потому что я не окажу ему никакой милости”. Затем, обратившись к Рено, он сделал ему самые суровые упреки в нарушении международных договоров и пригрозил смертью, если он не примет религию оскорбленного им пророка. Рено де Шатийон ответил с благородной твердостью и не обратил внимания на угрозы Саладина, который ударил его саблей. Несколько мусульманских солдат по сигналу своего повелителя бросились на безоружного пленника, и голова крестного мученика упала к ногам короля Иерусалима.

На следующий день султан приказал привести к нему рыцарей Храма и Святого Иоанна, которые были среди пленников, и, когда их вели мимо его трона, сказал: “Я избавлю землю от этих двух нечистых рас”. Великий магистр тамплиеров снискал благосклонность у него, несомненно, потому, что его неосторожные советы отдали христианскую армию под мечи сарацин. Великое множество эмиров и знатоков закона окружали трон Саладина, и султан разрешил каждому из них убить христианского рыцаря. Некоторые из них отказались проливать кровь и отвели глаза от столь отвратительного зрелища; но другие, вооружившись мечами, безжалостно убивали рыцарей, закованных в кандалы, в то время как Саладин сидел на своем троне, аплодируя ужасной казни. Рыцари с радостью приняли пальму первенства мученичества; большинство пленников жаждали смерти; и многие из них, хотя и не принадлежали к военным орденам, громко кричали, что они госпитальеры или тамплиеры, и,

словно опасаясь, что им понадобятся палачи, теснились друг перед другом, чтобы получить смертельный удар от рук неверных.

Этим варварством Саладин опозорил свою победу; страх, который христиане внушали ему даже после поражения, сделал его жестоким. Он стал более гуманным и великодушным, когда почувствовал большую уверенность в своей победе и в своей силе. Мусульмане посвятили два дня тому, чтобы возблагодарить Небо за победу, которой оно благословило их оружие; а затем Саладин обратил свое внимание на все выгоды, которые можно было бы извлечь из этого. Как только он стал хозяином Тивериадской цитадели, он отправил жену Раймонда в Триполи и очень скоро оказался со своей армией под крепостными валами Птолемаиды. Этот город, полный торговцев и который в более поздний период в течение трех лет выдерживал атаки самых могущественных армий Запада, не выстоял и двух дней против Саладина. Жители получили свободу удалиться со своим самым ценным имуществом, а церкви были превращены в мечети, в которых возносились благодарности Магомету за победы, одержанные над христианскими солдатами.

Ужас, охвативший его армию, открыл Саладину ворота Наплуза, Иерихона, Рамлы и множества других городов, которые остались почти без жителей. Города Кесария, Арсуф, Яффа и Берут разделили судьбу Птолемаиды; желтые знамена Саладина развевались над их стенами. На морском побережье города Тир, Триполи и Аскалон все еще оставались в руках христиан. Саладин безуспешно атаковал Тир и решил дождаться более благоприятной возможности возобновить осаду. Аскалон представлялся ему завоеванием гораздо большей важности, поскольку это обеспечило бы ему связь с Египтом. Этот город был осажден мусульманами, но поначалу он сопротивлялся с большей стойкостью, чем ожидал Саладин. Когда произошел разрыв, султан предложил мир; но жители, у которых отчаяние заменило мужество, отослали обратно его гонцов, не удостоив их даже выслушать. Король Иерусалима, которого Саладин торжествующе повел за собой, затем умолял защитников Аскалона не ставить под угрозу безопасность своих семей и христиан города бесполезной обороной. После этого обращения главный из них пришел в шатер султана: “Мы пришли просить пощады не ради себя, - сказали они, - а ради наших жен и детей. Какое значение имеет для нас брменная жизнь? Мы ищем более прочного благословения, и только смерть может дать нам его. Только Бог, хозяин всех событий, позволил вам одержать победы над несчастными христианами; но вы не войдете в Аскалон, пока не сжалитесь над нашими семьями и не пообещаете вернуть королю Иерусалима свободу”.

Саладин, тронутый героизмом жителей Аскалона, принял предложенные условия. Такая преданность заслуживала искупления со стороны принца с более благородным характером и более достойного любви своих подданных, чем Ги де Лузиньян. Саладин согласился освободить плененного монарха по истечении года.

Теперь настал момент, когда Иерусалиму было снова суждено попасть во власть неверных; и все мусульмане горячо молили Магомета об этом увенчавшем руки Саладина триумфе. Взяв Газу и несколько крепостей по соседству, султан собрал свою армию и двинулся маршем к священному городу. Королева в слезах, дети воинов, погибших в битве при Тивериаде, несколько беглых солдат и несколько паломников, недавно прибывших с Запада, были единственными стражами Гроба Господня. Огромное количество христианских семей, покинувших опустошенные провинции Палестины, заполнили столицу и, будучи весьма далеки

от того, чтобы принести ей какую-либо помощь, только усилили всеобщее беспокойство и смятение.

Когда Саладин приблизился к святому городу, он приказал послать за главными жителями и сказал им: “Я признаю, как и вы, что Иерусалим - дом Божий; я не хочу осквернять его святость пролитием крови: покиньте его стены, и я отдам вам часть моих сокровищ; я дам вам столько земли, сколько вы сможете обрабатывать”. “Мы не можем, - ответили они, - уступить город, в котором умер наш Бог; еще меньше мы можем отдать его вам”. Саладин, разгневанный их отказом, поклялся на Коране свергнуть башни и крепостные валы Иерусалима и отомстить за смерть мусульман, убитых сподвижниками и солдатами Готфрида Бульонского.

В тот момент, когда Саладин разговаривал с депутатами, произошло солнечное затмение, которое внезапно погрузило небеса в кромешную тьму и, по-видимому, стало роковым предзнаменованием для христиан. Тем не менее, жители, воодушевленные духовенством, приготовились защищать город и выбрали своим командиром Бало д'Ибелина, который присутствовал в битве при Тверии. Этот старый воин, чей опыт и добродетели внушали доверие и уважение, немедленно приступил к ремонту укреплений и обучению новых защитников Иерусалима. Поскольку ему не хватало офицеров, он создал пятьдесят рыцарей из числа горожан, и все христиане, способные носить оружие, отдали себя под его командование и поклялись пролить свою кровь за дело Христа. У них не было денег, чтобы покрыть военные расходы, но все средства их получения казались законными в условиях опасности, угрожавшей граду Божьему. Они разоряли церкви, и люди, напуганные приближением Саладина, без скандала наблюдали, как драгоценный металл, покрывавший часовню Гроба Господня, обращался в монеты.[\[309\]](#)

Вскоре над высотами Эмауса были замечены знамена Саладина, и мусульманская армия расположилась лагерем на тех же местах, где Годфри, Танкред и два Роберта разбили свои палатки, когда осаждали святой город. Осажденные сначала сопротивлялись смело и совершали частые вылазки, во время которых они держали в одной руке копье или меч, а в другой лопату, наполненную пылью, которой они бросали в сарацин. Великое множество христиан приняли пальму первенства мученичества и вознеслись, как утверждают историки, в небесный Иерусалим; многие мусульмане пали от мечей своих врагов *и поселились на берегах реки, омывающей Рай*.

Саладин, простояв несколько дней лагерем в западной части города, направил свои действия на север и подорвал крепостные валы, простиравшиеся от ворот Иосафата до ворот Святого Стефана. Самые храбрые из горожан предприняли вылазку и попытались разрушить машины и сооружения осаждающих, подбадривая друг друга повторением следующих слов Священного Писания: “*Один из нас обратит в бегство десять неверных, а десять из нас обратят в бегство десять тысяч*”. Они проявили чудеса доблести, но не смогли прервать ход осады. Отброшенные сарацинами, они были вынуждены вернуться в город, где их появление вызвало ужас и уныние. Башни и крепостные валы, казалось, были готовы пасть по первому сигналу к общему штурму. Тогда отчаяние полностью овладело жителями, которые не видели в своих силах никаких средств защиты, кроме слез и молитв. Солдаты столпились в церквях вместо того, чтобы братья за оружие, и даже обещание ста золотых монет не смогло удержать их на шатких крепостных валах ни на одну ночь. Духовенство совершало процессии по улицам, взывая к покровительству Небес. Некоторые били себя в грудь камнями, в то время как другие

терзали свои тела власяницами, громко взывая *опощаде!* В Иерусалиме не было слышно ничего, кроме рыданий и стонов; *“но наш Иисус Христос, - говорится в старинной хронике, - не хотел их слышать, ибо роскошь и нечистоплотность, царившие в городе, не позволяли ни молитвам возноситься к нему.”* Отчаяние жителей одновременно вдохновляло их на самые противоречивые планы; в один момент они приняли решение всем скопом покинуть город и искать славной смерти в рядах неверных; в следующий же момент они возложили свою последнюю надежду на спасение. милосердие Саладина.

Среди всеобщего смятения греческие и сирийские христиане вместе с христианами-мелакитами очень неохотно терпели власть латинян и обвиняли их во всех несчастьях войны. Был раскрыт заговор с целью сдачи города мусульманам, что удвоило всеобщую тревогу и заставило основных жителей решительно потребовать капитуляции Саладина. Сопровождаемые Бало д'Ибеленом, они отправились к султану и предложили ему уступить это место на условиях, которые он сам предложил перед осадой. Но Саладин вспомнил, что поклялся взять город штурмом и предать жителей мечу; и он отослал депутатов обратно, не дав им ни малейшей надежды. Бало д'Ибелен возвращался несколько раз, возобновляя свои мольбы, но всегда находил Саладина неумолимым. Однажды, когда христианские депутаты усердно умоляли его принять их капитуляцию, он повернулся к площади и, указывая на его знамена, развевавшиеся над стенами, сказал: “Как вы можете просить меня, - сказал он, - предоставить условия городу, который уже взят?”

Тем не менее сарацины были отброшены; и Бало, воодушевленный успехом, которого добились христиане, ответил султану: “Вы видите, что Иерусалим не лишен защитников; если мы не сможем добиться от вас пощады, мы примем ужасное решение, и плоды нашего отчаяния наполнят вас ужасом. Эти храмы и дворцы, которые вы так стремитесь завоевать, будут полностью разрушены; все богатства, которые возбуждают честолюбие и алчность сарацин, станут добычей пламени. Мы разрушим мечеть Омара, а таинственный камень Иакова, который является объектом вашего поклонения, будет разбит и растерт в пыль. В Иерусалиме содержится пять тысяч мусульманских пленников; все они погибнут от меча. Мы собственными руками уьем наших жен и детей и таким образом избавим их от позора стать вашими рабами. Когда святой город превратится в груды руин — в одну огромную гробницу, — мы выйдем из него, сопровождаемые гневными гривами наших друзей и сородичей; мы выйдем, вооруженные мечом и огнем; и никто из нас не попадет в Рай, не отправив десять мусульман в ад. Таким образом, мы обретем славную смерть и умрем, призывая на вашу голову проклятия Бога Иерусалима”.

Эта пылкая речь встревожила Саладина, и он пригласил депутатов прийти снова на следующий день. Он посоветовался с докторами права, которые решили, что он может принять капитуляцию, предложенную осажденными, не нарушая своей клятвы. Условия были подписаны на следующий день в шатре султана, и таким образом Иерусалим снова попал во власть неверных, после того как восемьдесят восемь лет находился под господством христиан. Латинские историки отмечали, что крестоносцы вошли в город в пятницу, и в тот же час, когда Христос принял смерть, чтобы искупить преступления рода человеческого. Сарацины отвоевали город в пятницу, в годовщину того дня, когда, согласно их вероучению, Магомет отправился из Иерусалима, чтобы вознестись на небеса. Это обстоятельство, которое могло повлиять на согласие Саладина подписать капитуляцию, не преминуло придать новый блеск его победе над мусульманами и сделало его любимцем Пророка.

Все воины, находившиеся в Иерусалиме на момент подписания капитуляции, получили разрешение удалиться в Тир или Триполи. Победитель даровал жизнь жителям и позволил им выкупить свою свободу. Все христиане, за исключением греков и сирийцев, получили приказ покинуть Иерусалим по истечении четырех дней. Размер выкупа был установлен в размере десятизолотых для мужчин, пяти для женщин и двух для детей. Те, кто не мог выкупить свою свободу, оставались в рабстве.

Эти условия сначала были восприняты христианами с радостью; но когда они увидели приближение дня, в который им предстояло покинуть Иерусалим, они не испытали ничего, кроме самой горькой скорби оттого, что покидают святые места. Они орошали могилу Христа своими слезами и сожалели, что не умерли, защищая ее; они посетили Голгофу и церкви, которые им больше никогда не суждено было увидеть, среди стонов и вздохов; они обнимали друг друга на улицах, рыдая и сокрушаясь о своих роковых разногласиях. Те, кто был не в состоянии заплатить выкуп и хотел покинуть Иерусалим только для того, чтобы стать рабами сарацин, предавались всем крайностям отчаяния. Но в эти прискорбные моменты их привязанность к религии, заповедям которой они не всегда следовали, была так велика, что оскорбления, нанесенные священным предметам их поклонения, огорчали их больше, чем их собственные несчастья.

Наконец настал роковой день[310], в который христиане должны были покинуть Иерусалим. Все ворота были закрыты, кроме ворот Давида, через которые люди должны были выходить. Саладин, восседавший на возвышенном троне, видел, как все христиане проходили перед ним. Патриарх, сопровождаемый духовенством, появился первым, неся священные вазы, украшения храма Гроба Господня и сокровища, ценность которых, как говорит один арабский автор, знал только Бог. Следующей была королева Иерусалима, сопровождаемая[311] баронами и рыцарями. Саладин с уважением отнесся к ее горю и обратился к ней с несколькими добрыми словами. За королевой последовало множество женщин, которые несли своих детей на руках и издавали самые пронзительные крики. Многие из них приблизились к трону Саладина и сказали ему: “Ты видишь у своих ног жен, матерей, дочерей воинов, которых ты держишь в плену; мы навсегда покидаем нашу страну, которую они с честью защищали; они помогали поддерживать наши жизни; потеряв их, мы потеряли нашу последнюю надежду; если ты согласишься вернуть их нам, они уменьшат страдания нашего изгнания, и мы больше не будем без помощи на земле”. Саладин был тронут их молитвами и пообещал смягчить страдания стольких осиротевших семей. Он вернул детей их матерям, а мужей - их женам, которые были среди неискупленных пленников. Несколько христиан отказались от своего самого ценного имущества и несли на своих плечах: одни - своих ослабевших от возраста родителей, другие - своих немощных или больных друзей. Саладин был тронут этим зрелищем и вознаградил дарами добродетель и благочестие своих врагов; он сжалился над всеми бедствующими и позволил госпитальерам остаться в городе, чтобы ухаживать за паломниками и помогать тем, кому тяжелая болезнь помешала покинуть Иерусалим.

Когда сарацины начали осаду, в святом городе находилось более ста тысяч христиан. Большая часть из них смогла самостоятельно выкупить свою свободу, и Бало д'Ибелен, который был хранителем сокровищ, предназначенных для обороны города, использовал их для обеспечения свободы части жителей. Малек Адель, брат султана, заплатил выкуп за две тысячи пленников. Саладин последовал его примеру, разорвав цепи огромного числа бедняков и сирот. В рабстве оставалось всего около четырнадцати тысяч христиан, среди которых было четыре или пять

тысяч детей нежного возраста, которые были нечувствительны к своим несчастьям, но о судьбе которых христиане сожалели еще больше из-за уверенности, что эти невинные жертвы войны будут воспитаны в идолопоклонстве Магомету.

Многие современные авторы сравнивают великодушное поведение Саладина с отвратительными сценами, сопровождавшими вступление первых крестоносцев в Иерусалим; но мы не должны забывать, что христиане предложили капитулировать, в то время как мусульмане выдерживали длительную осаду с фанатичным упорством; и что спутники Годфри, находившиеся в незнакомой стране, среди враждебных народов, взяли город штурмом, выдержав бесчисленные опасности и претерпев всевозможные невзгоды. Но мы просим заметить, что мы делаем это замечание не для того, чтобы оправдать христиан или ослабить похвалы, которыми история обязана Саладину и которые он получил даже от покоренных им народов.

После того, как Саладин оказал честь несчастью и утешил человечество, он сосредоточил внимание на своем триумфе. Он вошел в Иерусалим под своими победоносными знаменами. В его свите было множество имаунов, докторов права и послов многих мусульманских князей. По его приказу все церкви, за исключением храма Гроба Господня, были превращены в мечети. Султан приказал вымыть стены и вестибюль мечети Омара розовой водой, привезенной из Дамаска, и собственноручно установил в ней кафедру, построенную Нуреддином. В первую пятницу после его вступления в Иерусалим народ и армия собрались в главной мечети, и глава имаунов, взойдя на кафедру Пророка, возблагодарил Бога за победы Саладина. “Слава Богу, ” сказал он, “ который привел исламизм к триумфу и который сокрушил власть неверных. Хвалите со мной Господа, который восстановил нам Иерусалим, жилище Бога, обитель святых и пророков; именно из недр этого священного жилища Бог отправил своего слугу путешествовать во тьме ночи; именно для того, чтобы облегчить завоевание Иерусалима Иисусом Навином, Бог ранее остановил ход солнца; и именно в этом городе в конце времен соберутся все пророки земли.” Перечислив чудеса Иерусалима, проповедник исламизма обратился к солдатам Саладина и поздравил их с тем, что они выдержали столько опасностей и пролили свою кровь во исполнение воли Магомета. “Воины пророка, ” добавил он, - сподвижники Омара и Абубекера, назначили вам места в своих священных отрядах и ожидают, что вы будете среди избранных исламизма. Свидетели вашего последнего триумфа, ангелы по правую руку Вечного, возрадовались; сердца посланников Божьих затрепетали от радости. Итак, хвалите вместе со мной Господа; но не поддавайтесь слабостям гордыни и, прежде всего, не верьте, что это ваши стальные мечи и ваши быстрые, как ветер, кони одержали победу над неверными. Бог есть Бог; только Бог силен; только Бог даровал вам победу; он приказывает вам не останавливаться на славном поприще, в котором он сам ведет вас за руку. *Священная война! священная война!* Это самое чистое из твоих обожаний, самая благородная из твоих обязанностей. Срубите все ветви нечестия; сделайте так, чтобы исламизм восторжествовал повсюду; избавьте землю от народов, на которые разгневан Бог”.

Затем глава имаунов помолился за халифа Багдада и завершил свою молитву, назвав Саладина. “О Боже! ” воскликнул он, “ храни дни твоего верного слуги, который является твоим острым мечом, твоей блистательной звездой, защитником твоего культа, освободителем твоего священного жилища. О Боже! пусть твои ангелы окружают его империю и продлят его дни во славу твоего имени!”

Таким образом, Иерусалим изменил свое богослужение, сменив своих хозяев. В то время как святые места оглашались кощунственными восхвалениями пророка, христиане печально уходили, погруженные в глубокую скорбь и ненавидя жизнь, которую пощадили сарацины. Отвергнутые своими братьями с Востока, которые обвинили их в том, что они отдали гробницу своего Бога неверным, они скитались по Сирии без помощи и убежища; многие умерли от горя и голода; город Триполи закрыл перед ними свои ворота. Среди этой обезумевшей толпы одна женщина, охваченная отчаянием, бросила своего младенца в море, проклиная христиан, отказавших им в помощи. Те, кто направили свой курс на Египет, были менее неудачливы и тронули сердца мусульман; многие отправились в Европу, куда они прибыли, чтобы с плачем объявить, что Иерусалим в руках Саладина.

Потерю священного города обычно приписывали преступлениям его жителей. Такова была политика тех времен, что она все объясняла развращенностью или святостью христиан; как будто у преступления не было моментов удачи, а у добродетели - дней бедствий. Нет сомнения, что испорченность нравов ослабила пружины правления и лишила мужества людей; но нескончаемые раздоры христиан способствовали бедствиям Иерусалима не в меньшей степени, чем их распущенность и забвение библейской морали. Точно так же, когда мы размышляем о том, что это слабое королевство, окруженное врагами, смогло прокормить себя и отсрочить свое крушение на восемьдесят восемь лет, мы гораздо меньше удивляемся его падению, чем продолжительности его существования. Иерусалимское королевство было обязано своим сохранением и великолепием разделением турок и сарацин и многочисленным припасам, которые оно получало из Европы; оно пало, как только оказалось предоставленным самому себе, и его враги объединились, чтобы напасть на него.

Однако, поскольку в то время считалось, что благополучие христианства и даже слава Бога связаны с сохранением Иерусалима, потеря святого города вызвала во всей Европе не только ужас, но и удивление. Весть об этом бедствии впервые была принесена в Италию, и папа Урбан III, находившийся тогда в Ферраре, умер от горя. Христиане забыли обо всех бедах своей собственной страны, чтобы оплакать Иерусалим; это даже вытеснило все другие невзгоды в частных семьях. Священники носили из города в город изображения, [\[312\]](#) представляющие гроб Господень, растоптанный копытами лошадей, и Христа, поверженного Магометом на землю. Печальные песни оплакивали пленение короля Иерусалимского и его рыцарей, судьбу девственников Господних, брошенных на поругание неверным, и несчастья христианских детей, воспитанных в рабстве и поклонении лжепророкам.

Суеверие, соединенное с отчаянием, породило веру в самые зловещие чудеса. В тот день, когда Саладин вступил в святой город, говорит Ригорд, монахи Аржантея видели, как луна спустилась с небес на землю, а затем снова взошла на небеса. Во многих церквях распятия и изображения святых проливают кровавые слезы в присутствии верующих. Христианскому рыцарю приснился сон, в котором он увидел орла, летящего над армией, держащего в когтях семь дротиков и произносящего внятным голосом: *Да будет зло Иерусалиму.* [\[313\]](#)

Каждый обвинял себя в том, что своими проступками навлек на себя месть Небес; и все верующие стремились покаянием умиловить Бога, который, по их мнению, был разгневан. "Господь," говорили они между собой, "излил потоки своего гнева, и стрелы его гнева омыты кровью его слуг. Пусть вся наша жизнь пройдет в скорби, с тех пор как мы услышали голос,

жалующийся на горе Сион, и дети Господни рассеялись”. Священные ораторы обращались к самому Богу и оглашали церкви своими призывами и молитвами. “О могущественный Бог! - восклицали они. - Твоя рука вооружилась для торжества твоего правосудия. Полные слез, мы приходим умолять твою благодать, чтобы ты вспомнил о своем народе и чтобы твоя милость превзошла наши страдания; не предавай позору свое наследие; и позволь ангелам мира пожать плоды покаяния для Иерусалима”.

Христианский мир на мгновение изменился. Оплакивая потерю гробницы Христа, люди вспомнили заповеди священного Писания и сразу же стали лучше. Роскошь была изгнана из городов, обиды забыты, а милостыня раздавалась в изобилии. Христиане спали на пепле, одевались в власяницы и искупали свою беспорядочную жизнь постом и умерщвлением плоти. Духовенство подало пример; нравы монастырей были реформированы, и кардиналы, обрекая себя на нищету, пообещали вернуться в Святую Землю, между прочим, опираясь на благотворительность.

Эти благочестивые преобразования длились недолго; но умы людей от этого не стали менее подготовленными к новому крестовому походу, и вскоре вся Европа была разбужена голосом Григория VIII, который призывал верующих принять крест и взяться за оружие. Первой заботой суверенного понтифика было восстановить мир между христианскими народами; и с этой целью он отправился в Пизу, чтобы попытаться положить конец ожесточенным спорам, возникшим между пизанцами и генуэзцами. Григорий умер, не завершив начатую им работу, и оставил руководство крестовым походом своему преемнику Клименту III., который сразу после своего восшествия на папский престол приказал молиться за мир на Западе и освобождение страны паломников.

Уильям, [314] архиепископ Тирский покинул Восток, чтобы прибыть в Европу за помощью к христианским князьям, и папа поручил ему проповедовать священную войну. Уильям был более способным и красноречивым, чем Ираклий, который предшествовал ему в этой миссии, и, кроме того, более достоин по своим добродетелям быть толкователем христиан и говорить от имени Христа. Пробудив рвение народов Италии, он отправился во Францию и присутствовал на ассамблее, созванной близ Жизора Генрихом II. король Англии и Филипп Август король Франции. По прибытии Вильгельма эти два короля, воевавшие за страну Вексен, сложили оружие. Храбрейшие воины Франции и Англии, объединенные опасностями, подстерегавшими их восточных братьев, прибыли на собрание, целью которого было освобождение святых мест. Вильгельм был принят с энтузиазмом и громким голосом прочитал принцам и рыцарям отчет о взятии Иерусалима Саладином. После этого чтения, вызвавшего слезы у всего собрания, Уильям призвал верующих принять крест. “Гора Сион, - сказал он, - все еще звучит словами Иезекииля: *О дети человеческие, помните тот день, когда царь Вавилона одержал победу над Иерусалимом!* В один день все зло, о котором возвещали пророки, обрушилось на город Давида и Соломона. Этот город, населенный всеми христианскими народами, теперь остался один, или, скорее, в нем живут только кощунственные люди. Королева народов, столица стольких провинций, заплатила дань, наложенную на рабов. Все ее ворота были сломаны, а ее стражи выставлены со скотом на рынки городов неверных. Христианские государства Востока, которые привели к процветанию религии креста в Азии и сформировали оплот Запада против нашествий сарацин, сведены к городам Тир, Антиохия и Триполи. Мы видели, по выражению Исайи, как Господь простирал свою руку и ее последствия от Евфрата до египетского потока. Жители сорока городов были изгнаны из своих домов, лишены своего богатства и теперь

скитаются со своими плачущими семьями среди народов Азии, *не находя камня, на котором можно было бы преклонить голову.*”

Описав таким образом несчастья христиан Востока, Вильгельм упрекнул слушавших его воинов в том, что они не пришли на помощь своим братьям и позволили отнять у них наследие Христа. Он был поражен, что они могли думать иначе, что они могли стремиться к какой-либо иной славе, кроме освобождения святых мест; и, обращаясь к принцам и рыцарям: “Чтобы встретиться с вами здесь, “ сказал он, - я прошел поля резни; более того, даже на виду у этого собрания я видел приготовления к войне: какую кровь вы пролили, какую кровь собираетесь пролить снова? Почему вы вооружены этими мечами? Вы сражаетесь здесь за берега реки, за границы провинции или за преходящую славу, в то время как неверные топчут берега Силая, в то время как они вторгаются в царство Божье, и в то время как крест Христов позорно волокут по улицам Багдада. Вы проливаете потоки крови за напрасные договоры, в то время как само Евангелие, этот торжественный договор между Богом и людьми, подвергается поруганию. Забыли ли вы деяния ваших отцов? Христианское королевство было основано ими среди мусульманских народов. Толпа героев, толпа принцев, родившихся в вашей стране, отправилась защищать ее и управлять ею. Если вы допустили, чтобы их работа погибла, придите, по крайней мере, и освободите их могилы, которые находятся во власти сарацин. Неужели ваша Европа больше не производит таких воинов, как Годфри, Танкред и их спутники? Пророки и святые, похороненные в Иерусалиме, церкви, превращенные в мечети, сами камни гробниц - все взывает к вам, чтобы вы отомстили за славу Божью и смерть ваших братьев. Что? почему кровь Навуфея, кровь Авеля, вознесшаяся к небесам, нашла мстителей, и неужели кровь Христа восстанет напрасно против его врагов и его палачей?

“Восток видел низменных христиан, которых алчность и страх сделали союзниками Саладина; я не подозреваю, что они найдут подражателей среди вас; но помните, что сказал Христос: *‘Кто не за меня, тот против меня.’* Если вы не защищаете дело Божье, какое дело вы осмелитесь защищать? Если царь неба и земли не найдет вас под своим знаменем, где силы, стандартам которых вы будете следовать? Почему же тогда враги Бога больше не враги всех христиан? Какова будет радость сарацин среди их нечестивых триумфов, когда им скажут, что на Западе больше нет воинов, верных Христу, и что принцы и короли Европы с безразличием узнали о бедствиях и пленении Иерусалима?”

Эти упреки, высказанные во имя религии, глубоко тронули сердца принцев и рыцарей. Генрих II и Филипп Август, до того времени непримиримые враги, обнялись в слезах и первыми выступили вперед, чтобы принять крест. Ричард, герцог Гиенский, сын Генриха, Филипп, граф Фландрии, Гуго, герцог Бургундии, Генрих, граф Шампани, Тибо, граф Блуа, Ретру, граф Перш, графы Невер, де Бар, Вандом, Суассон, два брата Жосселин и Мэтью де Монморанси, с толпой баронов и рыцарей, вместе с несколькими епископами Франции и Англии, все принесли клятву освободить Святую Землю. Все собрание выкрикивало слова *“Крест! Крест!”*, и этот боевой клич вскоре разнесся по всем провинциям. Место, на котором встретились верующие, впоследствии было названо *священным полем*, и на нем была построена церковь, чтобы сохранить память о благочестивой преданности христианских рыцарей. Поскольку для осуществления святого предприятия не хватало денег, на совете князей и епископов было решено, что все, кто не принял креста, должны выплачивать десятую часть своих доходов и стоимости своего имущества всех видов. Ужас, который внушало оружие Саладина, привел к тому, что этому налогу было присвоено название *саладинской десятины*. Были опубликованы

отлучения от Церкви против всех, кто отказывался платить столь священный долг. Напрасно духовенство, защиту которого взял на себя Петр Блуа, заявляло о свободе и независимости Церкви и делало вид, что их нельзя призвать на помощь крестоносцам иначе, как своими молитвами; священнослужителям говорили, что они должны подавать пример, что духовенство - это не Церковь и что богатство Церкви принадлежит Христу. Ордена Шартре, Сито и Фонтевро, а также больница для прокаженных - вот и все, что было освобождено от уплаты дани, взимаемой на дело, которое, как считалось, является делом всех христиан.[315]

Во время двух первых крестовых походов большая часть крестьян, принявших крест, сделала это, чтобы освободиться от рабства. Естественно, это привело к некоторым беспорядкам; страна опустела, земли остались необработанными; в этом крестовом походе были приняты меры, чтобы ограничить чрезмерное рвение работников: все крепостные, которые записывались на священную войну без разрешения своих лордов, были обречены платить десятину Саладину, как если бы они не принимали креста.[316]

Несмотря на все эти волнения, мир, которому поклялись короли Франции и Англии, недолго считался священным. Ричард, герцог Гиенский, поссорился с графом Тулузским, и Генрих взялся за оружие, чтобы помочь своему сыну. Филипп бросился на защиту своего вассала, и вскоре Нормандия, Берри и Овернь были объаты пламенем. Два монарха, побуждаемые просьбами знати и епископов, встретились на мгновение на священном поле, на котором они сложили оружие, но они не смогли договориться об условиях мира; и вяз, под которым они проводили свое совещание, был срублен по приказу Филиппа. Переговоры возобновлялись несколько раз, но не привели к прекращению войны. Король Франции требовал, чтобы Ричард был коронован королем Англии при жизни своего отца и чтобы он женился на Алисе, французской принцессе, которую Генрих держал в тюрьме. Король Англии, ревниво относившийся к своей власти, не мог согласиться принять эти условия и не хотел отказываться ни от своей короны, ни от сестры Филиппа, в которую он был влюблен. Ричард, раздраженный отказом своего отца, примкнул к партии Филиппа Августа и открыто выступил против Генриха; со всех сторон взялись за оружие, и доходы от десятины Саладина были использованы для ведения кощунственной войны, которая возмущала как мораль, так и природу.

Эта война не была хорошим предзнаменованием для того, что должно было начаться в Азии: папский легат отлучил Ричарда от церкви и пригрозил Филиппу наложением интердикта на его королевство. Филипп пренебрег угрозами легата и сказал ему, что Святой Престол не имеет права вмешиваться в распри принцев; Ричард, еще более вспыльчивый, обнажил меч и был готов зарубить легата. Мир, казалось, с каждым днем становился все более отдаленным; напрасно раздавались крики негодования в народе; напрасно великие вассалы отказывались принимать участие в ссоре, которая не касалась ни религии, ни страны. Генри, согласившийся на интервью, по-прежнему высокомерно отвергал предложенные ему условия. Он долго сопротивлялся как молитвам своих подданных, так и советам епископов; и только ужас, который внушал ему гром Небесный, обрушившийся рядом с ним во время конференции, мог преодолеть его упрямство. В конце концов он принял условия Филиппа, но вскоре раскаялся в своем молчаливом согласии; и вскоре после этого умер от горя, оставив свои проклятия Ричарду, который начал открытую войну против него, и своему младшему сыну, который участвовал в заговоре против него.

Ричард обвинил себя в смерти своего отца и, движимый раскаянием, вспомнил обет, данный им на священном поле. Теперь, став королем Англии, он серьезно приступил к подготовке к священному походу. Он отправился в свое королевство и созвал близ Нортгемптона ассамблею баронов и прелатов, на которой Болдуин, архиепископ Кентерберийский, проповедовал крестовый поход. Затем проповедник священной войны отправился по провинциям Англии, чтобы поднять рвение и соперничество верующих.^[317] Чудесные приключения засвидетельствовали святость его миссии и привели под знамена креста диких и доверчивых жителей Уэльса и нескольких других стран, где никогда не слышали о несчастьях Иерусалима.

Энтузиазм англичан по поводу этого крестового похода сначала проявился в жестоком преследовании евреев, большое количество которых было убито в городах Лондоне и Йорке. Огромное количество этих несчастных людей не нашли иного способа спастись от своих преследователей, кроме как покончить с собой. Эти ужасные сцены возобновлялись каждый крестовый поход. Когда потребовались деньги для священной экспедиции, было воспринято, что евреи были хранителями общего богатства; и знание о сокровищах, накопленных в их руках, казалось, заставило людей вспомнить, что именно они распяли своего Бога.

Ричард не прилагал особых усилий, чтобы подавить введенную в заблуждение толпу, но воспользовался преследованиями евреев, чтобы приумножить свои собственные сокровища. Но ни добыча евреев, ни десятина Саладина, за неуплату которой англичанам грозило тюремное заключение, нисколько не удовлетворили короля Англии. Ричард отчуждал владения короны и выставял на продажу все великие ценности королевства; он сказал, что продал бы Лондонский сити, если бы смог найти покупателя. После этого он отправился в Нормандию, где “Поместья” позволили ему истощить ресурсы этой богатой провинции и предоставили ему все средства для ведения войны, в которой весь народ проявлял такой большой интерес.

Огромное количество воинов приняли крест во Франции и Англии, и подготовка к крестовому походу была завершена на фоне всеобщего брожения. Однако многие бароны и лорды не объявляли о сроках своего отъезда и под различными предлогами откладывали паломничество, на которое они поклялись отправиться. Знаменитый Петр из Блуа обратился к ним с трогательным увещанием, в котором сравнил их со жнецами, которые откладывают начало своей работы до окончания сбора урожая. Оратор священной войны объяснил им, что сильные и отважные люди повсюду находят родину и что истинные пилигримы должны быть подобны птицам небесным.^[318] Он напомнил их амбициям пример Авраама, который оставил свой дом, чтобы возвыситься среди народов, который перешел Иордан только с посохом и вернулся в сопровождении двух отрядов воинов. Это увещевание возродило пыл к крестовому походу, который, очевидно, начал остывать. Монархи Франции и Англии встретились в Нонанкуре, где согласились отправиться в Палестину морем. В то же время они издали несколько постановлений для обеспечения порядка и дисциплины в армиях, которые они собирались повести в Азию. Законы религии и наказания, которые они налагают, в данном случае показались им недостаточными. На правосудие этих варварских эпох была возложена тяжелая задача подавления страстей и пороков крестоносцев: тот, кто наносил удар, должен был быть трижды погружен в море; тому, кто наносил удар мечом, отсекали руку; тот, кто оскорблял другого, давал тому, кого он оскорбил, столько унций серебра, сколько он произносил бранных слов; когда человека обвиняли в воровстве, на его бритую голову выливали кипящую смолу, затем ее покрывали перьями, и его бросали на ближайшем берегу; убийца, привязанный к

стене, получал травму. труп его жертвы должен был быть выброшен в море или похоронен заживо.

Поскольку присутствие женщин вызвало много беспорядков во время первого крестового похода, им было запрещено посещать Святую Землю. Азартные игры в кости или другие азартные игры, а также нецензурная брань или богохульство были строго запрещены среди крестоносцев; а роскошь стола или одежды пресекалась законом. Ассамблея Нонанкура установила много других постановлений и не пренебрегла ничем, что могло бы вернуть воинов Христа к простоте и добродетелям Евангелия.

Всякий раз, когда принцы, дворяне или рыцари отправлялись на священную войну, они составляли свои завещания, как будто были уверены, что никогда не вернутся в Европу. Когда Филипп вернулся в свою столицу, он объявил свою последнюю волю и на время своего отсутствия руководил управлением своим королевством, которое он доверил королеве Аделе, своей матери, и своему дяде, кардиналу де Шампань. Исполнив обязанности короля, он отложил скипетр, чтобы взять в Сен-Дени посох и сумку паломника и отправился в Везле, где ему предстояло еще раз побеседовать с Ричардом. Два короля снова поклялись в вечной дружбе, и оба призвали громы Церкви на голову того, кто нарушит свои клятвы. Они расстались, преисполненные дружеского расположения друг к другу; Ричард поспешил сесть на корабль в Марселе, а Филипп - в Генуе. Английский историк отмечает, что они были единственными королями Франции и Англии, которые когда-либо сражались вместе за одно и то же дело; но эта гармония, ставшая результатом чрезвычайных обстоятельств, вряд ли могла долго существовать между двумя принцами, движимыми таким количеством мотивов соперничества. Оба молоды, пылки, храбры и великолепны; Филипп великий король, Ричард великий военачальник; оба движимы одним и тем же честолюбием и одной и той же страстью к славе. Жажда славы гораздо больше, чем благочестие, влекла их в Святую Землю: и надменные, и стремящиеся отомстить за нанесенный ущерб, они, несмотря на свои различные разногласия, не признавали иного арбитра, кроме меча: религия не имела достаточной власти над их умами, чтобы смирить их гордыню, и каждый считал бы себя униженным, если бы потребовал мира или принял его. Чтобы с первого взгляда убедиться, насколько мало надежды могло быть основано на союзе этих двух принцев, необходимо только заметить, что Филипп, взойдя на трон, показал себя самым заклятым врагом Англии и что Ричард был сыном той самой Элеоноры Гиенской, первой жены Людовика VII, которая после второго крестового похода оставила своего мужа, угрожая Франции местью.

После Жизорской конференции архиепископ Тирский отправился в Германию, чтобы уговорить Фридриха Барбароссу принять крест. Этот царевич проявил свою доблесть в сорока битвах; долгое и удачное правление прославило его имя; но его эпоха не признавала истинной никакой славы, кроме той, что была завоевана в Азии. Он хотел заслужить похвалы своих благочестивых современников и взялся за оружие для освобождения Святой Земли; точно так же на него, несомненно, повлияли угрызения совести, которые оставили на его совести ссоры с папой, и его желание завершить свое примирение со Святым Престолом.

В Майнце был созван общий сейм. Знать и прелаты не позволили бы Германии оставаться равнодушной к делу, которое воспламенило рвение других народов Европы. Фридрих, преданность которого они поощряли, сошел со своего трона под всеобщие одобрительные возгласы и получил знак крестоносцев из рук архиепископа Тирского. Его примеру последовали

его сын, Фридрих, герцог Швабии; Леопольд, герцог Австрии, и Бертольд, герцог Моравии; Герман, маркиз Баденский, граф Нассау, епископы Безансона, Мюнстера, Оснабурга и Пассау, с толпой баронов и рыцарей, также поклялись освободить гробницу Христа.

Война против неверных проповедовалась во всех церквях. Счастливы, говорили священные ораторы, те, кто предпринимает это священное путешествие; еще более счастливы те, кто никогда не возвращается из него. Среди чудес, явившихся, чтобы возвестить волю Небес, особо упоминается чудесное видение девы из Левенштейна. Она узнала о завоевании Иерусалима в тот самый день, когда сарацины вошли в святой город, и радовалась этому прискорбному событию, говоря, что оно послужит средством спасения для воинов Запада.^[319]

Число тех, кто пришел принять крест, было так велико, что пришлось прибегнуть к средствам, чтобы умерить их пыл. Фридрих, последовавший за своим дядей Конрадом во втором крестовом походе, отдавал себе отчет в беспорядках и несчастьях, которые могли возникнуть из-за слишком большого числа последователей. Он отказывался принимать под свои знамена любого, кто не мог взять с собой трех марок серебра; и отвергал всех таких бродяг и искателей приключений, которые в других экспедициях совершили так много бесчинств и обесчестили дело христиан своим разбоем.

Фридрих перед своим отъездом отправил послов к императору Константинополя и султану Иконии с требованием свободы проезда через их государства; и написал Саладину, чтобы объявить войну, если он не вернет франкам Иерусалим и другие христианские города, которые сдались его оружию.^[320] Посольство, адресованное Саладину, демонстрирует рыцарский дух, с которым Фридрих вступил в этот крестовый поход. То, что, без сомнения, побудило его обратиться к султану Иконии, было распространенным тогда по Европе мнением, что мусульманский принц проявил желание принять христианскую религию.^[321] Фредерик покинул Ратисбон во главе армии из ста тысяч бойцов и пересек Венгрию и Болгарию, как это сделали первые крестоносцы. Он прибыл в провинции греческой империи еще до того, как Ричард и Филипп отправились в Палестину.

Исаак Ангелус тогда восседал на троне Константинополя; этот принц проявил храбрость всего в один-единственный день, и его храбрость принесла ему империю. Андроник, греческий Нерон, будучи предупрежден прорицателями о том, что он будет свергнут с престола одним из своих подданных, носившим имя Исаак, пожелал избавиться от Исаака Ангела и послал одного из своих офицеров отвести его в тюрьму. Исаак, охваченный отчаянием, вместо того чтобы повиноваться, бросился на слугу Андроника, повалил его на землю и, выбежав на людные улицы, закричал: «Я убил дьявола! Я убил дьявола! Когда весть об этом событии распространилась по городу, люди собрались толпами и провозгласили Исаака императором. Напрасно Андроник пытался утихомирить бурю; он был схвачен своими собственными солдатами и закован в цепи. Разъяренная толпа волокла его по улицам, и за один день он претерпел больше мучений, чем причинил своим врагам за все время своего правления, и Константинополь увидел население в сто раз более варварское, чем все его тираны.

Именно среди этих кровавых и отвратительных сцен Исаак был облачен в императорский пурпур. Он не обладал диким характером Андроника, но был совершенно неспособен защитить империю от ее врагов. Вместо того чтобы собирать армии, он собрал в своем дворце отряд монахов, которые своими молитвами поддерживали в нем чувство безопасности и отвлекали его внимание от государственных забот своими видениями и пророчествами. Взаимная

ненависть греков и латинян усилилась во время его правления и правления Андроника. Латиняне, населявшие Константинополь, были изгнаны из города, их дома были преданы огню, и многие из них были преданы смерти. Те, кто избежал резни, укрылись на кораблях и галерах и устроили кровавые расправы на островах и берегах Геллеспонта. Монахи, окружавшие Исаака, разделяли слепую ненависть народа к христианам Запада и страшились их мести. Они посоветовали преемнику Андроника не доверять императору Германии и предать его, если он не сможет победить его.

Верный их советам, Исаак пообещал принять немцев в своих государствах и в то же время заключил союз с Саладином. Он отдал приказ своим губернаторам преследовать крестоносцев и даже напасть на них открытой силой. Эти опрометчивые военные действия обнажили слабость греков и были полезны германцам, ибо Фридрих, обратив в бегство войска Исаака, воспользовался всеми преимуществами своей победы. Исаак, постоянно опьяненный благовонениями своих придворных и соблазненный обещаниями монахов, отвечал на победы Фридриха только письмами, полными высокомерия и угроз; он отказывался признавать его императором и не мог видеть ничего, кроме вассала в принце, который с триумфом направлялся к своей столице. В то время как его подданные со всех концов бежали от немцев, он присваивал себе в своих письмах титулы *самого возвышенного, самого могущественного императора, ангела всей земли*; и приказал заключить послов Фридриха в тюрьму. Константинопольский патриарх по своему приказу проповедовал в церкви Святой Софии об убийстве латинян.

Тем не менее, в конце концов ужас овладел сердцем Исаака, и с этого момента этот принц изменил тон своих речей и стал самым смиренным из просителей. Фридрих был теперь для него *самым добродетельным императором германцев*, и он добровольно даровал ему гораздо больше, чем тот прежде отказывал ему. Потребовав заложников, он сам предоставил их и в течение нескольких месяцев кормил армию, которую поклялся уничтожить. Он безропотно переносил насилия, которые совершали крестоносцы во время своего перехода, и обращался с армией, опустошавшей его провинции, так, как если бы они спасли его империю. Император Германии получил великолепные подарки, и все суда греческого военно-морского флота были задействованы для перевозки крестоносцев в Азию.

Немцы высадились в Галлиполи и переправились через Геллеспонт. Вид берегов Азии и легкие победы, одержанные ими над греками, заставили их забыть о препятствиях и опасностях долгого и мучительного похода. В регионах, которые им предстояло пересечь, они не видели ничего, кроме лавров, которые нужно было собирать, и королевств, которые можно было разрушить или основать; но прошло совсем немного времени, прежде чем эта блестящая перспектива исчезла. Пока они оставались на территориях Исаака, им приходилось страдать от вероломства греков; а когда они прибыли к туркам, у них появились новые враги, с которыми им пришлось бороться. Султан Иконии, который был столь же скуп на обещания, как и император Константинополя, оказался ничуть не более верен своему слову. Когда германцы прибыли на берега Меандра, близ Лаодикии, они обнаружили турок, выстроившихся в боевом порядке на высотах и готовых напасть на них врасплох в ущельях; последние, однако, были наказаны за предательство своего господина и изрублены на куски; их тела покрывали проходы, которые им было поручено защищать.

Крестоносцы, всегда убежденные, что Небеса защищают их оружие, приписывали эту победу чудесам. Несколько рыцарей заявили под присягой, что они видели святого Георгия и святого

Виктора,[322] одетые в белое и вооруженные копьями, они сражались во главе христиан; но небесные силы, которые таким образом позволили германцам одержать победу над оружием своих врагов, не уничтожили препятствий, которые препятствовали маршу их победоносной армии. Крестоносцы вскоре почувствовали нехватку провизии в стране, опустошенной одновременно завоевателями и покоренными. Снег, дождь и суровые зимние условия сделали их марш чрезвычайно болезненным по гористой местности, пересеченной вышедшими из берегов бурными потоками. Голод и болезни унесли жизни большого числа солдат. Чтобы устранить зло, грозившее его армии полным разорением, Фридрих был вынужден атаковать Иконию, ту самую столицу, в которой он рассчитывал найти мир и все необходимое продовольствие.

По первому сигналу на крепостные стены взобрались; Икония была взята приступом и отдана на разграбление. Затем побежденный султан выполнил свои обещания, и эта последняя победа восстановила численный состав христианской армии.

С этого времени немцы сеют ужас во всех странах вокруг себя. Армяне просили их о союзе, и независимые туркменские племена несколько раз испытывали на себе действие их мужества. Во время своего триумфального шествия они вызвали восхищение туземцев своей дисциплиной, и эмиры, которым было поручено сообщить Саладину об их прибытии, восхваляли их неукротимую доблесть в бою и героическое терпение в трудах и изнурении войны.

Предводитель этой грозной армии покорил несколько наций и продиктовал законы двум империям, еще ничего не предприняв для достижения цели своего предприятия. Перейдя гору Тавр близ Лауренды, он возобновил свой поход в Сирию в начале весны и двигался вдоль берегов реки Селеф.[323] Привлеченный свежестью и прозрачностью воды, он захотел искупаться; но, внезапно охваченный смертельным холодом, его вытащили бесчувственным, и вскоре после этого он умер, смиренно склонившись перед волей Бога, который не позволил ему увидеть землю, которую он собирался защищать. Его смерть была более роковой для его армии, чем поражение в великой битве; все германцы оплакивали вождя, который так часто приводил их к победе и одно имя которого наводило ужас на сарацин. Кости этого несчастного монарха были сохранены для того, чтобы быть похороненными в том Иерусалиме, который он поклялся освободить, но в котором он не смог даже обзавестись могилой. Вильгельм, который должен был проповедовать крестовый поход в Европе, похоронил останки Фридриха в городе Тире и произнес надгробную речь о самом могущественном монархе христиан.

После смерти Фридриха горе ослабило мужество его солдат; некоторые покинули знамена крестового похода, в то время как другие вяло и печально продолжали свой поход по приказу Фридриха, герцога Швабии, который напомнил им о добродетелях своего отца, но не смог привести их к победе. Сражения, которые им все еще приходилось вести с сарацинами, вкупе с голодом, усталостью и болезнями сократили армию германцев до шестисот или семисот всадников и примерно пяти тысяч пехотинцев. Эти жалкие остатки грозной армии пересекли Сирию; и поскольку известия об их бедствиях предшествовали им, их прибытие, должно быть, вызвало больше ужаса, чем доверия среди христиан, которые в то время продолжали осаду Птолемаиды.

КНИГА VIII.

1188-1192 гг. н. э.

В то время как в Европе проповедовался крестовый поход, Саладин следил за ходом своих побед. Битва при Тивериаде и взятие Иерусалима вызвали такой всеобщий ужас, что жители Святой Земли убедились в бесполезности попыток противостоять сарацинской армии. Посреди этого смятения один-единственный город бросил вызов всем объединенным силам нового завоевателя Востока и остановил их. Саладин чрезвычайно стремился к завоеванию Тира и дважды собирал свой флот и армии, чтобы атаковать его. Но жители поклялись скорее умереть, чем сдаться мусульманам; это благородное решение было делом рук Конрада, который недавно прибыл в город и, казалось, был послан Небом, чтобы спасти его.

Конрад, сын маркиза Монферратского, носил имя, известное на всем Западе, и слава о его подвигах докатилась до Азии раньше него. В ранней юности он отличился в войне Святого Престола против императора Германии. Страсть к славе и любовь к приключениям привели его затем в Константинополь, где он подавил мятеж, угрожавший императорскому трону, и убил предводителя повстанцев на поле боя. Сестра Исаака Ангела и титул кесаря были наградой за его мужество и заслуги; но его беспокойный характер не позволил ему долго наслаждаться своей удачей. Окруженный мирным величием, он был воодушевлен славой священной войны и, не обращая внимания ни на нежность невесты, ни на благодарность императора, поспешил в Палестину. Конрад достиг побережья Финикии через несколько дней после битвы при Тивериаде. В момент его прибытия город Тир созвал депутатов, чтобы потребовать капитуляции Саладина; но его присутствие возродило мужество осажденных и изменило облик всего. Он назначил себя командующим, расширил рвы и отремонтировал укрепления; и жители Тира, подвергавшиеся нападениям с моря и суши, под его командованием сразу стали непобедимыми воинами и могли противостоять флотам и армиям сарацин.

Старый маркиз Монферратский, отец Конрада, покинувший свои мирные владения, чтобы посетить Святую Землю, присутствовал при битве при Тиверии. Взятый в плен мусульманами, он томился в тюрьмах Дамаска до тех пор, пока его дети не смогли освободить его или выкупить свободу.

Саладин послал за ним в свою армию и пообещал храброму Конраду вернуть его отцу власть и даровать ему богатые владения в Сирии, если он откроет ему ворота Тира. В то же время он пригрозил поставить старого маркиза перед передними рядами сарацин и подставить его под все стрелы осажденных. Конрад надменно ответил, что презирает дары неверных и что жизнь его отца ему менее дорога, чем дело христиан. Он добавил, что ничто не должно остановить его усилия, и что если сарацины были настолько варвары, чтобы принести в жертву старика,

сдавшегося по слову Саладина, то он должен прославиться тем, что происходит от мученика. После этого ответа сарацины возобновили свои атаки, а тирийцы продолжали храбро защищаться. Госпитальеры, тамплиеры и храбрейшие из воинов, которые все еще находились в Палестине, отправились в Тир, чтобы принять участие в этой славной обороне. Среди франков, отличившихся своей доблестью, не было никого более замечательного, чем испанский дворянин, известный в истории под именем *Зеленого рыцаря*. В одиночку, говорят старые хроники, он отразил и рассеял целые батальоны врага; несколько раз он сражался один на один, всегда побеждая самых бесстрашных мусульман и вызывая у Саладина сильнейшее восхищение его мужеством и воинскими подвигами.

В городе не было ни одного жителя, который не был бы активным участником боевых действий; даже дети были солдатами, а женщины воодушевляли воинов своим присутствием и своими аплодисментами. На борту кораблей, под крепостными стенами, постоянно происходили сражения, и сарацины во всех случаях снова встречались с христианскими героями, которые так часто внушали им страх.

Саладин, отчаявшись взять Тир, решил снять осаду и атаковать Триполи; но это новое предприятие не увенчалось большим успехом. Вильгельм, король Сицилии, получив известие о бедствиях в Палестине, направил помощь христианам. Адмирал Маргарит, чьи таланты и победы принесли ему прозвище *Морского царя* и *Нового Нептуна*, прибыл к берегам Сирии с пятьюдесятью галерами, тремя сотнями рыцарей и пятьюстами пехотинцами. Сицилийские воины поспешили на защиту Триполи и под командованием *Зеленого рыцаря*, который так блестяще отличился при осаде Тира, вынудили Саладина отказаться от своего предприятия.

Город и страна Триполи после смерти Раймонда принадлежали Боэмунду, принцу Антиохийскому. Саладин, выведенный из себя двойным разочарованием, опустошил берега Оронта и вынудил Боэмунда заключить перемирие сроком на восемь месяцев. Затем мусульмане овладели Тортозой и несколькими замками, построенными на высотах Либана. Крепость Карак, из которой началась война, столь роковая для христиан, целый год оборонялась от мусульманской армии. Осажденные, лишённые всякой помощи и ставшие жертвой всякого рода зла и лишений, проявляли смирение и храбрость, доходившие до совершенного героизма. “Прежде чем сдаться,” говорит продолжатель Вильгельма Тирского, “они продали сарацинам своих жен и детей, и в замке не осталось ни одного животного, из которого они могли бы приготовить пищу”. В конце концов, однако, они были вынуждены уступить Саладину; султан даровал им жизнь и свободу и вернул им их жен и детей, которых варварский героизм обрек на рабство.

На протяжении всех своих завоеваний Саладин по-прежнему держал Ги де Лузиньяна в цепях; но когда он стал хозяином Карака и большей части Палестины, он, наконец, освободил несчастного короля Иерусалима, заставив его поклясться на Евангелии навсегда отречься от своего королевства и вернуться в Европу. Это обещание, вырванное силой, не могло рассматриваться как обязательное к исполнению в войне, в которой фанатизм сводил на нет силу клятвы, ни с одной, ни с другой стороны. Сам Саладин никогда не допускал мысли, что Гай сдержит свое слово; и если он согласился освободить его, то, несомненно, из страха, что на его место будет выбран более способный принц, и из надежды, что его присутствие внесет раздор среди христиан.

Едва Гай был освобожден из плена, как заставил своих епископов аннулировать принесенную им клятву и усердно искал возможности восстановить трон, на который его на мгновение посадила судьба. Напрасно он предстал перед Тиром; этот город сдался Конраду и не признал королем принца, который не смог защитить свои собственные государства. Король Иерусалима долго бродил по своему королевству в сопровождении нескольких верных слуг и, наконец, решил предпринять некое предприятие, которое привлекло бы внимание и объединило под своими знаменами воинов, стекавшихся со всех концов Европы на помощь Святой Земле.

Гай осадил Птолемаис, который сдался Саладину через несколько дней после битвы при Тивериаде. Этот город, который историки поочередно называют *Акка*, *Аккони* *Акко*, был построен на западной оконечности обширной равнины. Средиземное море омывало его стены; он привлекал удобством своего порта мореплавателей Европы и Азии и заслуживал того, чтобы господствовать на морях благодаря городу Тиру, который находился недалеко от него. Со стороны суши стены окружали глубокие рвы, а на равном расстоянии были построены грозные башни, среди которых бросалась в глаза *Проклятая башня*, господствовавшая над городом и равниной. Построенная из камня дамба закрывала южную часть города и заканчивалась крепостью, возведенной на изолированной скале посреди волн.

Равнина Птолемаиды ограничена на севере горой Сарон, которую латиняне называли *Scala Tyrorum*, — лестницами тирийцев; на востоке горами Галилеи; а на юге горой Кармил, которая вдаётся в море. Равнину пересекают по направлению к городу два холма — *Турон*, или Гора Поклоняющегося, и Махамерия, или Холм Пророка. Несколько рек или стремительных потоков спускаются с горы Сарон или с гор Галилеи и стремительным потоком впадают в море недалеко от Птолемаиды. Самым значительным из этих потоков является Бел, который впадает к югу от города. В сезон дождей он выходит из берегов и образует вокруг себя болота, поросшие камышом. Другие потоки, русла которых летом представляют собой не что иное, как засушливый песок, зимой разливаются, как Бел. В течение нескольких месяцев в году большая часть равнины Птолемаис находится под водой; и когда наступает лето, чтобы высушить давно затопленные поля, испарения загрязняют воздух и разносят повсюду микробы эпидемических заболеваний.

Тем не менее равнины Птолемаиды были плодородны и улыбчивы: рощи и сады покрывали местность недалеко от города; несколько деревень возникло на склонах гор, а увеселительные дома усеивали холмы. Религиозные и светские традиции дали названия нескольким местам по соседству. Небольшой холм напоминал путешественникам о гробнице Мемнона, а на горе Кармил было указано убежище Элая и Пифагора. Таковы были места, которым вскоре предстояло стать театром кровавой войны и увидеть, как собираются и сражаются армии Европы и Азии.

У Ги де Лузиньяна было всего девять тысяч человек, когда он осадил Птолемаиду; но весь Запад готовился выступить на защиту Святой Земли. Вскоре армия христиан стала достаточно многочисленной, чтобы вызвать серьезную тревогу среди сарацин. Французские, английские и фламандские воины предшествовали Филиппу и Ричарду под командованием Жака д'Авенна, одного из величайших военачальников своего времени и епископа Бове, брата графа Дре. Генуэзцы, венецианцы и пизанцы вместе с большей частью крестоносцев из провинций Италии прибыли в Палестину по приказу архиепископов Пизы и Равенны. Тревожные крики христиан Востока раздавались даже на севере Европы, где молодые воины взяли за оружие, чтобы

сразиться с неверными. Все народы Запада предоставили Иерусалиму защитников, и восемьдесят тысяч крестоносцев атаковали крепостные стены Птолемаиды, в то время как могущественные монархи, вставшие во главе крестового похода, все еще были заняты подготовкой к своему отъезду.

Саладин, который поначалу презирал христиан, теперь счел благоразумным собрать все свои силы воедино, чтобы противостоять им. Собрал свою армию в Дамаске, он пересек Антиливан и горы Галилеи и расположился лагерем недалеко от Птолемаиды. Он разбил свои палатки и шатры на краю равнины, в горах Казан, откуда мог обозревать все морское побережье. С одной стороны, его армия простиралась от реки Бел, а с другой - до *Махумери*, или холма *Мечети*. Султан занял все возвышенности и все проходы, по которым христиане могли уйти с того места, на котором они стояли лагерем. Таким образом, осаждающие были осаждены, и армия, стоявшая перед стенами города, увидела развевающиеся вокруг него знамена мусульман.

Христиане укрепили свои укрепления, вырыли широкие рвы, [324] и возвели башни на должном расстоянии вокруг своего лагеря, чтобы отразить атаки Саладина или гарнизона Птолемаиды. Едва мусульманская армия разбила свои палатки, как она предстала в боевом порядке перед окопами крестоносцев и провела с ними несколько сражений, в которых победа была сомнительной. В одном из таких столкновений султан проник в город и, убедившись с вершины башен в расположении крестоносцев, присоединился к гарнизону в вылазке, застал врасплох и загнал их в лагерь. Войдя в Птолемаис, Саладин возродил мужество жителей и войск; он предпринял меры, необходимые для обеспечения припасами, он оставил им нескольких своих избранных воинов и дал им в предводители самого бесстрашного из своих эмиров, Мелхоу, верного спутника его побед, и Каракуша, [325] чей потенциал и во время завоевания Египта храбрость часто испытывалась. Затем султан вернулся в свой лагерь, готовый вновь сразиться с армией крестоносцев.

Дороги Галилеи были запружены мусульманскими солдатами, идущими из Дамаска; и поскольку Саладин ежедневно ожидал прибытия флота из Египта, который сделал бы его владыкой на море, он надеялся вскоре одержать победу над христианами и освободить Птолемаис. Через несколько дней после одержанной им победы на море появилось множество судов, направлявшихся своим курсом к суше. Обе армии были полны надежды и радости, мусульмане считали их флотом из портов Дамьетта и Александрия, в то время как крестоносцы уверенно надеялись, что это христианское вооружение, пришедшее им на помощь. Вскоре на мачтах кораблей было замечено знамя с крестом, которое, хотя и вызвало живейшую радость у христиан, в равной степени угнетало мусульман. Два флота из западных портов вышли на Дорогу Птолемаиды. В первом были немецкие крестоносцы, которыми командовали герцог Гелдрес и ландграф Тюрингии, а во втором - воины Фрисландии и Дании, которые, сразившись с сарацинами в Испании, пришли защищать Иерусалимское королевство. Конрад, маркиз Тирский, не мог бездействовать, пока шла эта война; он вооружил суда, собрал войска и объединил свои силы с силами христианской армии.

Прибытие нового подкрепления восстановило пыл крестоносцев. Христианские рыцари, по словам арабского историка, [326], покрытые своими длинными стальными кирасами, издали выглядели змеями, расprostертыми на равнине; когда они хватались за оружие, они напоминали хищных птиц, а в схватке они были подобны неукротимым львам. На совете

несколько эмиров предложили Саладину отступить перед врагом, многочисленным, по их словам, как морской песок, более жестоким, чем бури, и более стремительным, чем потоки.

Христиане, ободренные подкреплениями, которые продолжали прибывать ежедневно, решили напасть на Саладина и изгнать его за горы. Они выступили из своих укреплений и построились в боевой порядок. Их армия простиралась от устья Белуса до холма Турон. Крестоносцами, полными рвения, командовали многие прославленные военачальники, среди которых выделялись великий магистр тамплиеров маркиз Тирский, графы Блуа, Бара и Клермона, а также де Бриуд, Ги и Гош де Шатийон. Духовенство даже появилось с оружием в руках; архиепископы Равенны, Пизы, Кентерберийский, Безансонский, Назаретский и Монреальский; епископы Бове, Солсбери, Камбре, Птолемаиды и Вифлеема надели шлем и кирасу и повели воинов в бой. Христианская армия представляла собой такой грозный вид и казалась такой уверенной в себе, что христианский рыцарь воскликнул в пику своему энтузиазму: *“Пусть Бог останется нейтральным, и победа за нами!”*

Король Иерусалимский, который велел нести перед собой книгу Евангелистов, завернутую в шелковое покрывало, и поддерживаемый четырьмя рыцарями, командовал правым флангом; под его командованием были французы и госпитальеры; его линии простирались до Бела. Венецианцы, лангобарды и сирийцы образовали левое крыло, окруженное морем, и выступили под знаменами Конрада. Центр армии был занят немцами, пизанцами и англичанами во главе с ландграфом Тюрингии. Великий магистр тамплиеров со своими рыцарями и герцог Гелдресский со своими солдатами сформировали резервный корпус, готовый поспешить туда, куда их могла призвать опасность или случайности дня. Опека над лагерем была возложена на Жерара д'Авенна и Жоффруа де Лузиньяна.

Когда христианская армия была выстроена на равнине, сарацины вышли из своих укреплений и приготовились отразить натиск крестоносцев. Саладин встал со своими мамелюками в центре; его племянник Теки-эддин Омар, один из его самых искусных помощников, командовал правым крылом, которое простиралось до моря к северо-востоку от Птолемаиса; принцы Моссула и Санджара командовали левым крылом, ориентированным на реку Бел. Таким образом, Саладин окружил христиан между рекой Белус и морем и не оставил им никаких путей к отступлению, если удача будет благосклонна к его войскам.

Конфликт начали лучники и кавалерия христиан. С первой же атаки они разбили правое крыло мусульман, которым командовал племянник Саладина. Кавалерия и пехота маркиза Тирского выдвинулись на поле боя, сарацины расступались перед ними по мере их продвижения. Преследуя врага, который в беспорядке бежал, христиане поднялись на холм Мечети и водрузили свои знамена в лагере неверных. Граф Барский даже проник в палатку султана, которая была отдана на разграбление. Арабский историк,[\[327\]](#), следовавший за армией, говорит о себе, что, увидев разгром мусульман, он обратился в бегство и не останавливался, пока не пришел в Тверию. Ужас был так велик, что несколько сарацин бежали до самого Дамаска. Саладин остался почти один на поле битвы и несколько раз подвергался большой опасности.[\[328\]](#)

Сопровождаемый несколькими своими верными мамелюками, он попытался собрать свои разрозненные силы, и в конце концов ему удалось возродить их мужество. Как только у него появились средства поддержки, он вернулся к битве со свойственной ему энергией, бросившись на христиан, которых застал врасплох во всем беспорядке победы. Мусульманская

кавалерия теперь, в свою очередь, атаковала и рассеяла кавалерию франков. Различные части христианской армии вскоре оказались отделенными друг от друга и тщетно пытались сплотиться в своем бегстве. Затем великий магистр тамплиеров двинулся вперед с резервом, чтобы поддержать бежавшие войска, но он встретил мусульманскую кавалерию в полном боевом порядке, которая сокрушала все на своем пути. Резерв был сломлен при первом натиске; они несколько раз возвращались в атаку, но не были в состоянии противостоять стремительности сарацинских всадников. Со всех сторон победа ускользала из рук крестоносцев, ужас охватил всю христианскую армию, повсюду царили беспорядок и неразбериха. В то время как левое крыло было обращено в бегство, а резервная часть предпринимала тщетные попытки сдержать мусульман, правое крыло и центр подверглись нападению не только принцев Алеппо, Моссула и Санджара во главе с Теки-эддином Омаром, но и гарнизона Птолемаиса, который выступил из города в боевом порядке.

Сарацины устроили самую ужасную резню; каждая часть христианской армии была разбита и обращена в бегство, и им грозило полное уничтожение, если их лагерь попадет в руки врага. Завоеватели сразу же перешли к атаке укреплений, но высота стен, глубина рвов и храбрость Жоффруа де Лузиньяна и Жака д'Авенна,[\[329\]](#) остановили мусульманскую кавалерию и сохранили последнее убежище христианской армии.

Во время сражения Саладин, по-видимому, был везде одновременно: восстановив порядок сражения на своем правом фланге, он вернулся в центр, а оттуда перешел на левый. Десять раз он пересекал ряды христиан и сам руководил каждой атакой своей кавалерии. Битва продолжалась в течение всего дня; вечером вокруг лагеря христиан продолжалось еще много боев, и только ночь принесла отдых двум армиям. Поскольку мусульмане и христиане по очереди оказывались победителями, потери были равны с обеих сторон. Крестоносцам пришлось оплакивать смерть нескольких своих вождей; великий магистр тамплиеров, покрытый ранами, был взят в плен на поле битвы и уведен в лагерь неверных. Эмиры упрекали его в том, что он поднял оружие против Саладина, который великодушно разорвал свои цепи после битвы при Тивериаде. Он ответил с надменной твердостью и получил пальму первенства мученичества. Андре де Бриенн был сброшен с лошади, когда пытался сплотить крестоносцев. Напрасно он молил о помощи своих товарищей, которых страх сделал глухими к жалости, и Эрард де Бриенн, ускорив бегство, растоптал копытами своего коня брата, скончавшегося на поле битвы.

Латинские историки объясняют поражение крестоносцев неожиданной случайностью,[\[330\]](#), которая привела сражающихся в беспорядок.[\[331\]](#) Арабский конь, который был взят у врага, убежал в пылу сражения, за ним гнались несколько солдат, и считалось, что они бежали перед сарацинами. Внезапно распространился слух, что христианская армия разбита и рассеяна, и это известие удвоило суматоху и породило всеобщий ужас. Целые батальоны, охваченные паникой, бросали свои победоносные знамена и искали спасения в стремительном бегстве.

Мы сообщаем об этом исключительном обстоятельстве только для того, чтобы показать дух современных хроник. Судьбу битвы можно было бы гораздо лучше объяснить, сказав, что христианские солдаты отказались от сражения ради добычи; и что большая часть военачальников, скорее не храбрых, а менее искусных, не знала, как предотвратить или исправить неудачи, которым подвергалась недисциплинированная армия.

На равнине Птолемаиды, по которой шагали двести тысяч воинов, на следующее утро можно было увидеть только хищных птиц и волков, привлеченных запахом резни и смерти. Христиане не осмеливались покинуть свои укрепления, и сама победа не могла успокоить Саладина, который видел, как вся его армия была обращена в бегство. Самый страшный беспорядок царил в лагере сарацин; рабы разграбили его в начале битвы и бежали, унося добычу, ускользнувшую из рук крестоносцев. И эмиры, и солдаты потеряли свой багаж; одни преследовали беглых рабов, в то время как другие обращались со своими жалобами к Саладину. Среди такой неразберихи и суматохи султан не мог воспользоваться полученным преимуществом, и поскольку приближалась зима, а у мусульман не хватало провизии, он покинул равнину и удалился на гору Каруба.

Христиане, которые теперь оставались хозяевами равнины, растянули свои ряды по всей цепи холмов, окружавших город Птолемаис; маркиз Монферратский со своими войсками, венецианцы, пизанцы и крестоносцы под командованием архиепископа Равенны и епископа Пизы расположились лагерем к северу и заняли территорию от моря до дороги на Дамаск. Недалеко от лагеря Конрада госпитальеры разбили свои палатки в долине, которая принадлежала им до взятия сарацинами Птолемаиды. Генуэзцы заняли холм, который современные историки называют горой Мусард. Французы и англичане, находившиеся перед Проклятой башней, были размещены в центре по приказу графов Дре, Блуа и Клермона, а также архиепископов Безансонского и Кентерберийского. Недалеко от лагеря французов развевались знамена фламандцев, которыми командовали епископ Камбре и Раймонд II, виконт де Тюрэнн.

Ги де Лузиньян разбил лагерь со своими солдатами и рыцарями на холме Турон, часть лагеря которого служила цитаделью и штаб-квартирой для всей армии. С королем Иерусалима были королева Сибилла, два его брата Джеффри и Эймар, Хамфри де Терон, муж второй дочери Амора, патриарх Ираклий и духовенство святого города. Виконт де Шательро, происходивший из той же страны, что и Ги де Лузиньян, встал под знамена короля Иерусалимского. Рыцари Храма и отряд Жака д'Авенна расположились между холмом Турон и рекой Бел и охраняли дорогу, которая вела из Птолемаиды в Иерусалим. К югу от Бела стояли палатки германцев, датчан и фризков: эти северные воины под командованием ландграфа Тюрингии и герцога Гелдресского были размещены вдоль берега Дороги в Птолемаис и охраняли высадку христиан, прибывших морем из Европы.

Таково было расположение христианской армии перед Птолемаидой, и этот порядок сохранялся в течение всей осады. Христиане вырыли рвы на склонах холмов, высоты которых они занимали; они возвели высокие стены вокруг своих жилищ, и их лагерь был так огорожен, как говорит арабский историк, что птицы едва могли найти проход. Все потоки, низвергавшиеся с соседних гор, вышли из берегов и покрыли равнину своими водами; и крестоносцам, которым нечего было опасаться внезапного нападения армии Саладина, продолжали осаду без перерыва. Их машины обстреливали стены днем и ночью, и с каждым утром их атаки возобновлялись. Гарнизон, который противостоял им с непоколебимой храбростью, не мог больше защищаться без помощи мусульманской армии. Каждый день посылались голуби с письмами под крыльями и ныряльщики, которые бросались в море, чтобы предупредить Саладина о надвигающейся опасности в Птолемаиде.

С приближением весны несколько мусульманских князей Месопотамии и Сирии пришли, чтобы выстроить себя и свои войска под знаменами султана. Затем Саладин покинул гору Каруба, и его армия спустилась к равнине Птолемаис, оскверненной на глазах у христиан, с распущенными знаменами и звучащими барабанами и трубами. Вскоре крестоносцам предстояли новые сражения. Вырытые ими рвы, по выражению мусульманского историка, стали их собственными могилами и часто были заполнены их мертвыми телами. Надежды, которые они наивно лелеяли на овладение городом, исчезли при виде таких грозных врагов. За зиму они построили три вращающиеся башни, подобные тем, которые Годфри Бульонский воздвиг при взятии Иерусалима. Эти три башни возвышались над стенами Птолемаиды и угрожали городу разрушением. Пока крестоносцы отражали атаки Саладина, в их машины, которые остались незащищенными у подножия крепостных валов, были брошены горящие стрелы и горшки, наполненные горячей нефтью. Внезапно христиане увидели, как в воздух поднялось пламя, и их деревянные башни, охваченные неугасимым огнем, сгорели и превратились в пепел на их глазах, как будто в них ударила молния с небес. Этот пожар вызвал такой ужас среди крестоносцев, что ландграф Тюрингии снял осаду и вернулся в Европу, полагая, что Бог больше не защищает христиан.

Саладин продолжал свои атаки так беспрестанно, что не давал своему врагу покоя. Каждый раз, когда предпринималась попытка штурма города, с крепостных стен раздавались звуки барабанов и труб, предупреждая мусульманские войска, которые затем хватались за оружие и атаковали лагерь христиан.

Дорога Птолемаиды часто была покрыта судами из Европы и мусульманскими судами из портов Египта и Сирии. Последние доставляли припасы в город, а первые - христианской армии. Вдалеке виднелись мачты, увенчанные штандартами с крестом, и другие, несущие знамена Магомета, которые, казалось, сливались и плыли вместе. Несколько раз франки и сарацины были свидетелями столкновений между их флотами, груженными оружием и провизией, которые происходили недалеко от берега. При виде морского сражения воины креста и Магомета ударили в свои щиты и возвестили криками о своих надеждах и опасениях. Иногда даже две армии были настолько возбуждены, что нападали друг на друга на равнине, чтобы обеспечить победу или отомстить за поражение тех, кто сражался на волнах.

В битвах, которые происходили иногда на берегах Белуса, а иногда под стенами или у подножия холмов, сарацины часто готовили засады и не брезговали прибегать ко всем военным хитростям. Христиане, напротив, не полагались ни на что, кроме своей доблести и собственных добрых мечей. Машина, на которой была установлена башня, увенчанная крестом и белым флагом, служила им точкой сбора и была их путеводной звездой в бою. Когда враг отступал, жажда добычи вскоре заставляла всех покидать ряды; их вожди, почти всегда лишенные авторитета в суматохе битвы, становились не более чем простыми солдатами *всхватке*, которым нечего было противопоставить врагу, кроме своего меча и копья. Саладин, более уважаемый своими войсками, командовал дисциплинированной армией и часто пользовался беспорядком и замешательством христиан, чтобы сразиться с ними с преимуществом и вырвать победу. Каждое сражение начиналось на рассвете, и христиане, как правило, были победителями до середины дня; но когда даже они вторгались в лагерь мусульман и частично разграбляли его, а вечером возвращались домой, нагруженные добычей, они почти наверняка обнаруживали, что в их собственный лагерь ворвались войска Саладина или гарнизон.

После спуска султана с горы Каруба египетский флот вошел в порт Птолемаис. В то же время Саладин приветствовал в своем лагере своего брата Малек-Аделя, который привел с собой войска, собранные в Египте. Это двойное подкрепление возродило мужество мусульман, но они недолго пользовались этими преимуществами, и надежда победить христиан начала уступать место самым серьезным тревогам. По всему Востоку распространился слух, что император Германии покинул Европу во главе многочисленной армии и продвигается к Сирии. Саладин послал войска навстречу такому грозному врагу, и несколько мусульманских принцев покинули армию султана, чтобы защищать свои собственные государства, которым угрожали крестоносцы, пришедшие с Запада. Были отправлены послы к халифу Багдада, князьям Африки и Азии, а также к мусульманским державам Испании, чтобы убедить их объединить свои усилия против врагов исламизма. В то время как сарацинами овладел ужас, крестоносцы возродили новые надежды и удвоили свои усилия, чтобы овладеть Птолемаидой до прихода немцев. После нескольких сражений они решили предпринять последнюю попытку загнать мусульманскую армию за горы. Выйдя из своего лагеря, они предстали в боевом порядке перед сарацинами. Мусульманские историки сравнивают их множество с тем, что соберется в последний день в долине Иосафата.

По первому сигналу две армии приблизились, смешались и вскоре превратились в одну ужасную борющуюся массу. Стрелы со свистом рассекали воздух, копья скрещивались, быстрые удары сабель и мечей отражались от щитов и стальных шлемов. Христианские рыцари, казалось, были охвачены непобедимым рвением. Тамплиеры и госпитальеры несли смерть, куда бы они ни направлялись; сирийцы и франки, пехотинцы и всадники боролись за награду в виде доблести и вместе устремлялись навстречу опасности и находили победу или смерть. Мусульманская армия не смогла противостоять их стремительности и при первой же атаке в беспорядке отступила. Равнины и холмы были покрыты сарацинскими воинами, которые бежали, побросав оружие. Победа осталась за христианами; но вскоре жажда добычи заставила их покинуть свои ряды, и исход битвы изменился. Мусульмане успели собраться с силами и вернулись, чтобы застать врасплох завоевателей, которые грабили палатку и лагерь султана. Внезапно христиане были окружены со всех сторон; и, сложив оружие в своем стремлении к добыче, они не могли защищаться, но были охвачены ужасом, подобным тому, который они внушали своим врагам. Мусульмане, раздраженные своим поражением, приносили в жертву своей мести каждого христианина, который попадался им на пути. Те из крестоносцев, кто был наиболее жаден до грабежей, лишились своих жизней вместе с добычей, которой они были нагружены, и были перебиты без защиты в тех самых палатках, в которые они вторглись. “Враги Бога, ” говорит Бохахеддин, “ осмелились войти в лагерь львов исламизма; но они испытали на себе ужасные последствия божественного гнева. Они пали под мечом мусульман, как опадают листья осенью под порывами бури. Земля была покрыта их телами, нагроможденными друг на друга, подобно срубленным веткам, которыми усеяны долины и холмы в вырубленном лесу”. Другой арабский историк так отзывается об этой кровавой битве: “Христиане пали под мечами победителей, как нечестивые попадут в обитель огня в последний день. Девять рядов мертвых покрывали землю между холмом и морем, и в каждом ряду было по тысяче воинов”.

В то время как христиане были побеждены и рассеяны, гарнизон Птолемаиды совершил вылазку и, проникнув в их лагерь, увел большое количество женщин и детей, которые остались без защиты. Крестоносцы, которых ночь спасла от гибели, вернулись в свой лагерь, сожалея о своем двойном поражении. Вид их разграбленных палаток и понесенные ими потери

совершенно подавили их мужество; а смерть Фридриха Барбароссы и бедствия германской армии, о которых им вскоре сообщили, казалось, переполнили чашу их горя. Отчаяние вождей было так велико, что они решили вернуться в Европу и, чтобы обезопасить свой отъезд, пытались добиться позорного мира с Саладином, когда на Дороге Птолемаиды появился флот и высадил большое количество французов, англичан и итальянцев под командованием Генриха, графа Шампанского.

К крестоносцам снова вернулась надежда; христиане снова были хозяевами моря и могли, в свою очередь, заставить трепетать Саладина, который верил, что ему больше нечего бояться с их стороны. Они энергично возобновили свои атаки на город. Граф Шампанский, восстановивший изобилие в лагере, распорядился построить за большие деньги тараны огромных размеров с двумя огромными башнями, сделанными из дерева, стали, железа и меди. Говорят, что эти машины стоили полторы тысячи золотых монет. Пока эти грозные вспомогательные силы угрожали крепостным валам, христиане несколько раз поднимались на штурм и не раз были готовы водрузить знамя с крестом на стенах неверных.

Но осажденные продолжали давать им отпор, и мусульмане, запертые в городе, с героической стойкостью переносили ужасы длительной осады. Эмиры Каракуш и Мелхуб были неустанны в своих усилиях поддержать мужество своих солдат. Бдительные, присутствующие повсюду, иногда применяя силу и столь же часто хитрость, они не упускали ни малейшей возможности застать христиан врасплох, чтобы те сбежали, или сделать их атаки безуспешными. Мусульмане сожгли все машины осаждающих и совершили несколько вылазок, в ходе которых они оттеснили христиан в безопасное место их лагеря.

Гарнизон ежедневно получал подкрепления и провизию по морю; иногда барки крались вдоль берега и под покровом ночи проникали в Птолемаис; в других случаях суда из Берита, укомплектованные христианами-отступниками, поднимали белый флаг с красным крестом и таким образом обманывали бдительность осаждающих. Крестоносцы, чтобы воспрепятствовать любому сообщению по морю, решили завладеть Башней Шпионов, которая возвышалась над портом Птолемаиды и господствовала над ним. Судно, на котором была установлена деревянная башня, двинулось к форту, который они хотели атаковать, в то время как барка, наполненная горючими веществами, к которой был подожжен огонь, была спущена в порт среди мусульманского флота. Казалось, все сулило успех этой попытке, как вдруг ветер переменился и направил пылающий брандер прямо на деревянную башню, которую быстро охватило пламя. Герцог Австрийский, командовавший этой опасной экспедицией, сопровождаемый несколькими храбрейшими из своих воинов, взобрался на башню неверных с мечом в руке; но при виде пожара, пожиравшего судно, на котором он прибыл, он бросился в море, обгаженный собственной кровью и кровью сарацин, и добрался до берега почти в одиночку.

В то время как герцог австрийский атаковал тауэр, армия покинула свой лагерь, чтобы начать штурм города. Осаждающие проявили чудеса доблести, но безуспешно, и были вынуждены поспешно вернуться, чтобы защитить свои собственные палатки, подвергаясь обстрелу и разграблению со стороны армии Саладина.

Именно в разгар этого двойного поражения Фридрих, герцог Швабии, прибыл под стены Птолемаиды с пятью тысячами человек - жалкими остатками многочисленной армии. Когда христиане в Сирии слышали о приготовлениях германцев, об их непобедимой силе говорили

все, и крестоносцы перед Птолемаисом были воодушевлены самыми оптимистичными ожиданиями; но когда они прибыли и рассказали о постигших их бедствиях, их присутствие посеяло траур и уныние по всей армии.

Фридрих хотел обозначить свое прибытие нападением на сарацин. “Христиане, ” говорят арабские писатели, - вышли из своего лагеря, подобно муравьям, устремившимся к своей добыче, и покрыли долины и холмы”. Они атаковали передовой пост мусульманской армии, стоявший лагерем на высотах Айадиат, недалеко от Галилейских гор. Саладин, которому тяжелая болезнь не позволила сесть верхом, приказал перенести себя на гору Каруба, откуда он мог наблюдать за всем происходящим и отдавать свои приказы. Христиане несколько раз возобновляли свои атаки, не производя никакого эффекта на своих врагов; и после того, как они сражались целый день, они отказались от надежды на победу и вернулись в свой лагерь, где голод, который начинал сильно ощущаться, не позволял им ничем пополнить свои истощенные силы.

Каждый предводитель этого множества крестоносцев был обязан кормить войска, которыми он командовал, и у них никогда не было больше провизии, чем на одну неделю. Когда прибыл христианский флот, они наслаждались изобилием; но когда какое-то время не появлялось никаких судов, они были лишены самых элементарных жизненных потребностей. С приближением зимы и усилением шторма на море потребность в воде неизбежно пропорционально возрастала.

Когда крестоносцы совершали набеги на соседние земли за провизией, они сражались среди сарацинских засад. Воодушевленные отчаянием, они несколько раз атаковали врага в его укреплениях, но всегда были отбиты. Наконец голод начал производить ужасные опустошения в христианской армии; мера муки весом в двести пятьдесят фунтов была продана за девяносто шесть крон - сумму настолько непомерную, что даже принцыне могли ее заплатить. Вожди настояли на установлении цен на все продукты, доставляемые в лагерь; затем торговцы зарыли их в землю, и дефицит увеличился из-за тех самых мер, которые были приняты для его уменьшения.^[332] Крестоносцы были вынуждены питаться своими лошадьми; затем они пожирали кожу, сбрую и старые шкуры, которые продавались на вес золота. Многие христиане, изгнанные из своего лагеря голодом, нашли убежище в лагере Саладина; некоторые приняли исламизм, чтобы облегчить свои страдания; в то время как другие, поднявшись на борт мусульманских судов и бросив вызов морским опасностям, отправились грабить остров Кипр и побережья Сирии.

В сезон дождей вода покрывала равнины, и крестоносцы по-прежнему толпились на холмах. Туши, оставленные на берегах рек или выброшенные в бурные потоки, издавали зловонный запах, и к ужасам голода очень скоро добавились заразные болезни. Лагерь был наполнен трауром и похоронными обрядами; ежедневно хоронили от двухсот до трехсот паломников. Несколько самых прославленных лидеров нашли в "заражении" смерть, которой они так часто хвалились на поле боя. Фридрих, герцог Швабии, умер в своей палатке, избежав всех опасностей войны. Его несчастные товарищи по оружию пролили слезы в память о нем и, отчаявшись в деле христиан, за которое они так много пострадали, вернулись на Запад.

В довершение их несчастья умерла Сибилла, жена Ги де Лузиньяна, вместе с двумя детьми, и ее смерть породила новые разногласия. Изабелла, вторая дочь Амора и сестра королевы Сибиллы, была наследницей иерусалимского престола; следовательно, Хамфри де Торон, муж этой

принцессы, немедленно заявил о своих правах. С другой стороны, Ги де Лузиньян не мог согласиться отказаться от своей короны и утверждал, что характер короля неизгладим; никто не имеет права лишать его короны, которую он когда-то носил. Посреди этих споров Конрада, уже владельца Тира, внезапно охватило честолюбие править Иерусалимом и Палестиной; ему удалось завоевать любовь Изабеллы, он убедил совет епископов расторгнуть брак Хамфри и, хотя сам был женат на сестре императора Исаака, женился на сестре и наследнице Балдуина, преисполненный решимости защищать мечом права, которые давал ему этот новый союз.

Христиане, хотя и были ввергнуты в такие ужасные страдания и в то же время постоянно подвергались угрозам со стороны Саладина, были всецело увлечены притязаниями двух соперничающих принцев. Хамфри, который очень слабо защищал свои права, очень боялся угроз Конрада и был достаточно мудр, чтобы не сожалеть ни о скипетре, который он должен был завоевать, ни о жене, которая бросила его. Он отказался от всех своих притязаний и был бы счастлив, если бы его покорность восстановила единодушие; но в захваченном или, скорее, номинальном королевстве все еще оставалось два короля, и две фракции разделили армию. Некоторые были тронуты несчастьями Гая и объявили себя его сторонниками; в то время как другие, восхищаясь храбростью Конрада, считали, что королевство должно достаться тому, кто наиболее способен его защитить. Гая упрекали в том, что он способствовал могуществу Саладина; маркиза Тирского, напротив, хвалили за то, что он сохранил единственные два города, которые оставались во власти франков: он один, добавляли они, мог снабдить христиан провизией и положить конец пожиравшему их голоду.

Ни один из крестоносцев не был в неведении об этой ссоре. Раздор перекинулся от вождей к солдатам; они осыпали друг друга оскорблениями и даже были готовы перерезать глотки своим товарищам, чтобы определить, кому достанется сломанный скипетр и тщеславный титул короля. Епископы, наконец, утихомирили ярость этих разногласий и убедили соперников передать дело на суд Ричарда и Филиппа.

Эти два принца, высадившиеся в Генуе и Марселе, встретились в Мессине. Сицилия в то время находилась в состоянии войны с Германией за престолонаследие Вильгельма II. Констанция, наследница Вильгельма, вышла замуж за императора Генриха VI и возложила на него обязанность заявить о своих правах и защитить свое наследство; но Танкред, побочный брат Констанции, снискавший любовь сицилийской знати, узурпировал трон своей сестры и удержался на нем силой оружия вопреки усилиям немцев.

Этот принц, еще не прочно утвердившийся на своем троне, был сильно встревожен приближением крестоносцев. Он боялся Филиппа, союзника императора Германии, и Ричарда, брата королевы Джейн, вдовы Вильгельма, с которой он жестоко обращался и до сих пор содержал в тюрьме. Будучи совершенно неспособным бороться с ними, он попытался умиротворить их своей покорностью и вниманием: сначала он преуспел в отношениях с Филиппом сверх своих ожиданий, но ему было гораздо труднее умиротворить Ричарда, который сразу после своего прибытия надменно потребовал свободы Джейн и завладел двумя фортами, господствовавшими над Мессиной. Вскоре англичане сцепились с подданными Танкреда, и над самой столицей развевались знамена Англии. Этим актом насилия и авторитета Ричард нанес сильную обиду Филиппу, чьим вассалом он был. Король отдал приказ убрать штандарты Ричарда, и пылкий львиный кер был вынужден подчиниться, хотя и дрожал от ярости. Это подчинение, хотя и сопровождалось угрозами, казалось, успокоило Филиппа и положило конец

ссоре; но с этого времени Ричард подружился с Танкредом, который, пытаясь вызвать подозрения в лояльности короля Франции и обеспечить себе мир, сеял раздор среди крестоносцев.

Два короля по очереди обвиняли друг друга в нарушении веры и вероломстве, а французы и англичане принимали участие в ненависти своих монархов. Среди этих разногласий Филипп настаивал на том, чтобы Ричард женился на принцессе Алисе, которая была обещана ему в жены; но обстоятельства изменились, и король Англии с презрением отказал сестре короля Франции, которую он сам искренне искал и ради которой развязал войну против собственного отца.

Элеонора Гиеннская, которая перестала быть королевой французов только для того, чтобы стать их непримиримым врагом, долгое время пыталась отговорить Ричарда от этого брака. Чтобы завершить свою работу и создать вечный раскол между двумя королями, она привезла с собой на Сицилию Беренгарию, дочь дон Санчо Наваррского, с целью выдать ее замуж за короля Англии. Известие о ее прибытии усилило подозрения Филиппа и стало новым источником жалоб с его стороны. Война была на грани того, чтобы вспыхнуть, но некоторым мудрым и благочестивым людям удалось успокоить этих разгневанных духов; два короля заключили новый союз, скрепленный новыми клятвами, и раздор был на мгновение подавлен. Но на дружбу, в которой требовалось так часто приносить клятвы, и на мир, который каждый день требовал заключения нового договора, очень мало можно было положиться.

Ричарда, который только что вел войну с христианами, внезапно охватило раскаяние; он собрал сопровождавших его епископов в часовне, предстал перед ними в одной рубашке, исповедался в своих грехах и выслушал их обличения с покорностью смиреннейшего из верующих. Спустя некоторое время после этой причудливой церемонии его разум^[333] будучи от природы склонным к суевериям, он захотел послушать аббата Иоахима, который жил на покое в горах Калабрии и слыл пророком.

Говорили, что во время путешествия в Иерусалим этот отшельник получил от Иисуса Христа способность объяснять Апокалипсис и читать в нем, как в достоверной истории, все, что должно было произойти на земле. По приглашению короля Англии он покинул свое убежище и отправился в Мессину, чему предшествовала слава о его видениях и чудесах. Строгость его морали, необычность его поведения, мистическая неясность его речей сразу же снискали ему доверие и почитание крестоносцев. Его спросили о войне, которую они собирались развязать в Палестине; и он предсказал, что Иерусалим будет освобожден через семь лет после его завоевания Саладином. “Тогда почему,” спросил Ричард, “мы пришли так скоро?” “Ваше прибытие, - ответил Иоахим, - очень необходимо; Бог дарует вам победу над своими врагами и прославит ваше имя превыше всех князей земли”.

Эта речь, которая несколько не льстила страстям или нетерпению крестоносцев, могла лишь потешить самолюбие Ричарда. На Филиппа очень мало повлияло предсказание, которое впоследствии также было опровергнуто событиями, и он лишь еще больше стремился встретиться с Саладином, грозным завоевателем, в котором Иоахим видел одну из семи глав Апокалипсиса. Как только весна сделала море судоходным, Филипп отплыл в Палестину. Он был принят там как ангел Господень, и его присутствие возродило доблесть и надежды христиан, которые в течение двух лет безуспешно осаждали Птолемаиду. Французы расположились на расстоянии выстрела из лука от противника и, как только они разбили свои палатки, перешли к

штурму. Они могли бы стать хозяевами города, но Филипп, вдохновленный рыцарским духом, а не мудрой политикой, пожелал, чтобы Ричард присутствовал при этом первом завоевании. Это щедрое вознаграждение оказалось роковым для предприятий христиан и дало сарацинам время получить подкрепление.

Саладин провел зиму на горе Каруба, и усталость, частые сражения, нужда и болезни сильно сократили его армию. Он сам также был ослаблен болезнью, которую врачи не могли вылечить и которая во многих случаях мешала ему сопровождать своих воинов на поле битвы. Когда он услышал о прибытии двух могущественных христианских монархов, он еще раз через своих послов обратился к мусульманским народам за помощью. Во всех мечетях возносились молитвы за победу его оружия и освобождение исламизма; и в каждом мусульманском городе имауны призывали истинно верующих спешить на войну.

“Бесчисленные легионы христиан, - говорили они, - пришли из стран, расположенных за пределами Константинополя, чтобы отобрать у нас завоевания, которые доставляли такую радость Корану, и оспорить у нас землю, на которой сподвижники Омара водрузили знамя Пророка. Не щадите ни своих жизней, ни своих сокровищ, чтобы противостоять им. Ваши походы против неверных, ваши опасности, ваши раны - все, вплоть до прохождения потока, записано в книге Божьей. Жажда, голод, усталость, сама смерть станут для вас сокровищами на небесах и откроют вам сады и восхитительные беседки Рая. В каком бы месте вы ни находились, смерть должна настигнуть вас; ни ваши особняки, ни ваши высокие башни не смогут защитить вас от ее стрел. Некоторые из вас говорили: давайте не будем искать сражений в летнюю жару или в суровость зимы; но ад будет более ужасным, чем суровость зимы или летняя жара. Тогда идите и смело сражайтесь со своими врагами в войне, затеянной во имя религии. Вас ждет Победа или Рай; бойтесь Бога больше, чем неверных; именно Саладин призывает вас под свои знамена; а Саладин - друг Пророка, как Пророк - друг Бога. Если вы не послушаетесь, ваши семьи будут изгнаны из Сирии, и Бог насадит на ваших местах другие народы, лучшие, чем вы. Иерусалим, сестра Медины и Мекки, снова попадет во власть идолопоклонников, которые отдают сына, спутника, равного Всевышнему и желают уничтожить знание о Боге. Вооружитесь же щитом победы; разгоните детей огня, сынов ада, которых море выбросило на ваши берега, и помните эти слова Корана: *“Тот, кто покинет свое жилище, чтобы защитить святую религию, встретит изобилие и множество сподвижников”*.”

Воодушевленные такими речами, мусульмане схватились за оружие и со всех концов устремились в лагерь Саладина, на которого они смотрели как на руку победы и любимого сына Пророка.

Пока это продолжалось, Ричард был задержан в своем походе интересами, совершенно чуждыми крестовому походу. В тот момент, когда его соперник ждал, что он отберет город у сарацин, и был готов разделить с ним даже славу, он сделал себя хозяином королевства и сохранил его за собой.

При выходе из порта Мессина английский флот был рассеян сильной бурей; три судна потерпели крушение у берегов Кипра, а несчастные экипажи, которым удалось спастись, подверглись жестокому обращению со стороны жителей и были брошены в тюрьму. Кораблю, на борту которого находились Беренгария Наваррская и Джейн, королева Сицилии, после того, как он предстал перед Лимиссо, было запрещено входить в порт. Вскоре после этого прибыл Ричард со своим флотом, который ему удалось снова собрать, и сам столкнулся с наглым

отказом. Исаак из рода Комнинов, который во время смуты в Константинополе завладел островом Кипр и правил им с показным титулом императора, осмелился угрожать королю Англии.

Его угрозы стали сигналом к войне, и обе стороны жаждали конфликта. Исаак не смог устоять перед первым натиском англичан; его войска были разбиты и рассеяны; его города открыли свои ворота победителю, а сам император Кипра попал в руки Ричарда, который, чтобы оскорбить его тщеславие и алчность, заковал его в серебряные цепи. Король Англии, после того как избавил жителей Кипра от господина, которого они называли тираном, заставил их отплатить за эту услугу половиной их имущества и вступил во владение островом, который был преобразован в королевство и оставался почти триста лет под властью латинян.

Именно на этом острове, в разгар победы, в окрестностях древнего Аматыса Ричард отпраздновал свою свадьбу с Беренгарией Наваррской. Затем он отправился в Палестину, таща за собой Исаака, закованного в цепи, и дочь того несчастного принца, в котором, как говорят, новая королева нашла опасного соперника.

Франки отпраздновали прибытие Ричарда *праздником радости*, зажженным по всему лагерю. Когда англичане объединили свои силы с силами христианской армии, Птолемида увидела под своими стенами всех, кем Европа могла похвастаться в качестве прославленных военачальников и доблестных воинов. Шатры франков покрывали обширную равнину, и их армия представляла собой самый величественный и ужасный вид. Сторонний наблюдатель, увидев на берегу моря башни Птолемида и лагерь христиан, в котором они построили дома и проложили улицы, по которым непрерывно ходила огромная толпа, мог бы подумать, что он видит два соперничающих города, враждующих друг с другом. У каждого народа был свой вождь и свой отдельный квартал, и крестоносцы говорили на стольких языках, что мусульмане не могли найти переводчиков, достаточных для того, чтобы понимать всех пленников. В этой смятенной толпе у каждого народа был свой характер, свои манеры и свое вооружение; но по сигналу к битве все были воодушевлены одинаковым рвением; присутствие двух монархов восстановило дисциплину, и Птолемида не смогла бы продолжать сопротивление, если бы дискорд, этот извечный враг христиан, не вступил в их лагерь вместе с Ричардом.

Дебаты относительно наследования иерусалимского престола возобновились с прибытием англичан. Филипп высказался за Конрада, и этого было вполне достаточно, чтобы Ричард отдал свой голос за Ги де Лузиньяна. Христианская армия была охвачена смутой и снова разделилась на две фракции: на одной стороне были французы, немцы, тамплиеры и генуэзцы; на другой - англичане, пизанцы и рыцари Госпиталя. Обе стороны, готовые вступить в открытую войну, больше не объединяли свои усилия или оружие против сарацин; всякий раз, когда король Франции во главе своих воинов переходил в наступление, король Англии оставался в своем шатре в состоянии угрюмого покоя.^[334] Осажденным никогда не приходилось сражаться более чем с одним монархом одновременно, и христианская армия, после того как она получила таких мощных вспомогательных сил, стала гораздо менее опасной для сарацин.

В разгар споров, разделивших крестоносцев, оба короля опасно заболели, и их ненависть и подозрительность были настолько велики, что каждый обвинил другого в покушении на его жизнь. Когда Саладин посылал им угощение и врачей, и когда они часто обращались к нему с

посланиями, каждая сторона упрекала монарха, который был против него, в поддержании нечестивого соглашения с сарацинами.

Однако опасности, подстерегавшие армию, наряду со славой религии и интересами крестового похода, на мгновение заглушили голоса фракций и побудили крестоносцев объединиться против общего врага. После долгих дебатов было решено, что Ги де Лузиньян должен сохранить титул короля при своей жизни, и что Конрад и его потомки должны унаследовать Иерусалимское королевство. В то же время было решено, что, когда один из двух монархов нападет на город, другой должен следить за безопасностью лагеря и держать армию Саладина в узде. Это соглашение восстановило гармонию, и христианские воины, которые были готовы взяться за оружие друг против друга, теперь сражались только ради славы победы над неверными.

Осада возобновилась с новым пылом, но мусульмане использовали время, потраченное христианами на напрасные споры, для укрепления города. Когда осаждающие появились перед стенами, они встретили совершенно неожиданное сопротивление, в то время как армия Саладина продолжала неутомимые и непрекращающиеся атаки. На рассвете барабаны и трубы постоянно подавали сигнал к битве, как со стен Птолемаиса, так и из лагеря султана. Саладин воодушевлял свои войска своим присутствием, в то время как его брат, Малек-Адель, подавал пример храбрости эмирам. У подножия холмов, на которых стояли лагерем христиане, произошло много крупных сражений, и дважды крестоносцы предприняли генеральную атаку; но в обоих случаях были вынуждены поспешно возвращаться в свои палатки, чтобы защитить их от Саладина.

Во время одной из таких атак христианский рыцарь в одиночку защищал одни из ворот лагеря от полчища сарацин. Арабские писатели сравнивают этого рыцаря с демоном, оживленным всеми огнями ада. Огромная кираса^[335] полностью покрывала его; стрелы, камни, удары копьем не производили на него никакого впечатления; все, кто приближался к нему, были убиты, и только ему, хотя он был весь утыкан дротиками и окружен врагами, казалось, нечего было бояться. Поскольку никакое оружие или сила не могли одержать верх, в конце концов был применен греческий огонь, который, будучи вылит на его голову, пожираемый пламенем, он погиб, как одна из огромных машин, которые осажденные сожгли под стенами города.

Каждый день крестоносцы удваивали свои усилия и по очереди давали отпор армии Саладина или предпринимали нападения на Птолемаиду. Во время одной из таких атак они засыпали часть городских рвов тушами своих мертвых лошадей и телами своих товарищей, павших от мечей врага или умерших от болезни. Сарацины подняли эти ужасные массы, скопившиеся под их стенами, и отбросили их по частям на берега рвов, где меч и копье вечно приносили в жертву новых жертв. Ни зрелище смерти, ни препятствия, ни усталость не повлияли на христиан. Когда их деревянные башни и тараны превратились в пепел, они зарылись в землю и подземными ходами продвинулись под фундаменты крепостных валов. Каждый день они применяли какие-нибудь новые средства или новую машину, чтобы подчинить себе это место. Арабский историк рассказывает, что они воздвигли рядом со своим лагерем земляной холм огромной высоты и что, постоянно разбрасывая землю перед собой, они приблизили эту гору к городу. Он продвинулся на расстояние половины выстрела из лука, когда мусульмане вышли из своих ворот и осадили себя перед этой огромной массой, которая становилась все ближе и ближе и уже угрожала их стенам. Вооруженные мечами, кирками и лопатами, они атаковали войска,

задействованные в его транспортировке, прилагая все усилия, чтобы отвести его обратно на равнину; но смогли остановить его продвижение, только вырыв на его пути обширные и глубокие рвы.

Среди всех христианских воинов французы сильно отличились и направили свои усилия главным образом против Проклятой башни, которая была возведена в восточной части города. Большая часть стен начала рушиться, и вскоре они должны были открыть проход для осаждающей армии. Война, голод и болезни ослабили гарнизон; в городе не осталось достаточно солдат, чтобы защищать крепостные валы и передвигать машины, использованные против машин христиан. Это место нуждалось не только в провизии, но и в военном снаряжении и греческом огне. Воины, прошедшие через столь многое, начали впадать в уныние, и народ громко роптал на Саладина и эмиров. В этой крайней ситуации явился командующий гарнизоном и предложил капитуляцию Филиппу Августу, который поклялся Богом христиан, что не пощадит ни одного жителя Птолемаиды, если мусульмане не восстановят все города, перешедшие в их власть после битвы при Тивериаде.

Глава эмиров, раздраженный отказом Филиппа, удалился, сказав, что он и его спутники скорее похоронят себя под развалинами города, чем выслушают такие условия, и что они будут защищать Птолемаиду, *как лев защищает свое залитое кровью логово*. Вернувшись на место, командир сарацин сообщил о своей храбрости, или, скорее, о своем отчаянии, каждому сердцу. Когда христиане возобновили свои атаки, они были отбиты с силой, которая удивила их самих. “Бурные волны франков, - говорит арабский автор, - накатывались на город со скоростью потока; они взбирались на полуразрушенные стены, как дикие козы взбираются на самые крутые скалы, в то время как сарацины обрушивались на осаждающих, как камни, оторвавшиеся от вершин гор”.

Во время одной общей атаки флорентийский рыцарь из рода Бонагизи, сопровождаемый несколькими своими людьми, пробился в одну из башен неверных и завладел мусульманским знаменем, которое развевалось на ней. Подавленный численностью и вынужденный отступить, он вернулся в лагерь, неся знамя, которое отобрал у сарацин. Во время того же штурма Альберик Клемент, первый маршал Франции, о котором упоминает история, взобрался на крепостной вал и с мечом в руке проник в город, где нашел славную смерть. Стефан, граф Блуа, и несколько рыцарей получили ожоги от греческого огня, кипящего масла, расплавленного свинца и раскаленного песка, которыми осажденные поливали всех, кто приближался к стенам.

Упрямый пыл мусульман поддерживался в течение нескольких дней; но так как они не получали помощи, то многие эмиры, в конце концов отчаявшись в безопасности Птолемаиды, бросились ночью на барку, чтобы искать убежища в лагере Саладина, предпочитая навлечь на себя гнев султана, а не погибнуть от меча христиан. Это дезертирство и вид их разрушенных башен наполнили мусульман ужасом. В то время как голуби и ныряльщики постоянно извещали Саладина об ужасных бедствиях осажденных, последний пришел к решению покинуть город ночью и, невзирая ни на какие опасности, присоединиться к сарацинской армии. Но когда христиане обнаружили их замысел, они перекрыли и охраняли все проходы, по которым враг мог бы сбежать. Эмиры, солдаты и жители тогда убедились, что им не на что надеяться, кроме как на милосердие Филиппа Августа, и пообещали, если он дарует им свободу и жизнь, выдать христианам тысячу шестьсот пленников и древо истинного креста. Капитуляцией они обязались выплатить двести тысяч золотых командирам христианской армии, а гарнизон со всем

населением Птолемаиды должен был оставаться во власти победителей до заключения договора.

Из города был послан солдат-мусульманин, чтобы объявить Саладину, что гарнизон вынужден капитулировать. Султан, который готовился предпринять последнее усилие, чтобы спасти это место, узнал эту новость с глубоким сожалением. Он собрал свой совет, чтобы узнать, одобряют ли они капитуляцию; но едва главные эмиры собрались в его палатке, как они увидели знамена крестоносцев, развевающиеся над стенами и башнями Птолемаиды.

Таково было завершение этой знаменитой осады, длившейся почти три года и в ходе которой крестоносцы пролили больше крови и проявили больше храбрости, чем должно было быть достаточно для покорения всей Азии. Перед стенами города произошло более сотни стычек и девять великих сражений; несколько процветающих армий пришли набирать войска, почти уничтоженные, и, в свою очередь, были заменены свежими армиями. Храбрейшая знать Европы погибла в этой осаде, унесенная мечом или болезнью. Среди прославленных жертв этой войны история указывает на Филиппа, графа Фландрского, Ги де Шатийона, Бернара де Сент-Валлери, Вотрие де Мори, Рауля де Фужера, Эда де Гонесса, Рено де Магуи, Жоффруа д'Омале, виконта де Шательро, Жосселина де Монморанси и Рауля де Марля; архиепископов Безансона и Кентерберийского; со многими другими священнослужителями и рыцарями, чье благочестие и подвиги были прославлены восхищением Европы.^[336]

В этой войне обе стороны были воодушевлены религией; каждая сторона хвасталась своими чудесами, своими святыми и пророками. Епископы и имауны в равной степени обещали солдатам отпущение их грехов и мученический венец. В то время как король Иерусалима приказывал нести перед ним книгу Евангелистов, Саладин часто останавливался на поле битвы, чтобы вознести молитву или прочитать главу из Корана.^[337] Франки и сарадины взаимно обвиняли друг друга в незнании истинного Бога и в оскорблении его своими церемониями. Христиане бросились на своих врагов, крича: *“Такова воля Божья! Такова воля Божья!”* и сарадины ответили своим боевым кличем: *“Ислам! Ислам!”*

Фанатизм часто усиливал ярость резни. Мусульмане с высоты своих башен оскорбляли религиозные обряды христиан.^[338] Они воздвигли кресты на своих крепостных валах, били по ним прутьями, покрывали пылью, грязью и отбросами и разбили их на тысячу кусков на глазах у осаждающих. При виде этого зрелища христиане поклялись отомстить за поруганное богослужение и пригрозили сарацинам разрушением всех магометанских кафедр. В пылу этой религиозной вражды мусульмане часто убивали безоружных пленников; и не в одном сражении они сжигали своих^[339] Христианские пленники на самом поле боя. Крестоносцы слишком близко подражали варварству своих врагов; погребальные костры, зажженные фанатичной яростью, часто гасли в реках крови.

Мусульмане и христианские воины провоцировали друг друга во время единоборств и были столь же щедры на оскорбления, как герои Гомера. Героини часто появлялись *всхватке* и оспаривали приз в силе и мужестве с храбрейшими сарацинами.^[340] Дети пришли из города, чтобы сражаться с детьми христиан в присутствии двух армий.

Но иногда ярость войны уступала место радостям мира, и франки и сарадины на мгновение забывали о ненависти, которая заставила их взяться за оружие. Во время осады на равнине Птолемаис было проведено несколько турниров, на которые были приглашены мусульмане.

Чемпионы двух партий обращались друг к другу с речью, прежде чем выйти на ристалище; победителя несли с триумфом, а побежденного выкупали, как военнопленного. На этих воинственных празднествах, объединявших два народа, франки часто танцевали под звуки арабских инструментов, а их менестрели впоследствии играли или пели под сарацинские танцы.

Большинство мусульманских эмиров, по примеру Саладина, придерживались суровой простоты в своих одеждах и манерах. Арабский автор сравнивает султана при его дворе, окруженного сыновьями и братьями, со звездой ночи, которая проливает мрачный свет среди других звезд. Главные руководители крестового похода не питали одинаковой любви к простоте, но стремились превзойти друг друга в великолепии. Как и во время первого крестового похода, принцев и баронов сопровождали в Азию их занятия охотой и рыбной ловлей, а также роскошь их дворцов и замков. Когда Филипп Август предстал перед Птолемаидой, все взгляды на мгновение обратились на соколов, которых он привез с собой. Один из них, вырвавшись из рук своего сторожа, взгромоздился на крепостные стены города, и вся христианская армия была взбудоражена попытками вернуть ускользнувшую птицу. Когда он был пойман мусульманами и доставлен Саладину, Филипп отправил посланца султану, чтобы вернуть его, предложив сумму золотом, которой было бы вполне достаточно для выкупа многих христианских воинов.

Нищета, которая так часто посещала крестоносцев, нисколько не мешала многим из них предаваться распущенности. Все пороки Европы и Азии сошлись в одном месте. Если верить арабскому автору, в тот самый момент, когда франки были жертвой голода и заразных болезней, в лагерь прибыл отряд из трехсот женщин с Кипра и соседних островов. Эти триста женщин, присутствие которых в христианской армии было позором в глазах сарацин, занимались проституцией среди воинов креста, и им не нужно было прибегать к чарам армиды Тассо, чтобы развратить их.

Тем не менее духовенство было неустанно призывало паломников вернуться к евангельской морали. В лагере были возведены церкви, увенчанные деревянными шпильями, в которые каждый день собирались верующие. Нередко сарацины пользовались моментом, когда солдаты оставляли свои укрепления без охраны, чтобы посетить мессу, и совершали стремительные, но досадные набеги. На фоне всеобщей коррупции осада Птолемаиды стала предметом для назидания. В лагере или на поле битвы милосердие постоянно окружало солдата-христианина, чтобы облегчить его страдания, присмотреть за его больным тюфяком или перевязать его раны. Во время осады воины с Севера оказались в величайшем затруднении и почти не могли получить помощи от других народов. Некоторые паломники из Любека и Бремена пришли им на помощь, соорудили палатки из парусов своих судов, чтобы приютить своих бедных соотечественников, помогали им в их нуждах и лечили их болезни. Сорок немецких дворян приняли участие в этом щедром предприятии, и их объединение положило начало гостеприимному военному ордену тевтонских рыцарей.

Когда крестоносцы вошли в Птолемаис, они разделили между собой власть над ним, каждая нация овладела одним из кварталов города, у которого вскоре стало столько же хозяев, сколько было врагов. Король Иерусалима был единственным лидером, который ничего не получил при разделе первого отвоеванного места в своем королевстве.

Капитуляция осталась неисполненной; Саладин под различными предлогами откладывал выполнение условий. Ричард, раздраженный задержкой, которая казалась ему нарушением доверия, отомстил пленникам, находившимся в его руках. Без жалости к безоружным врагам или к христианам, которых он подверг кровавой расправе, он вырезал пять тысяч мусульман перед городом, который они так доблестно защищали, и на глазах у Саладина, который разделил позор этого варварства, бросив своих самых храбрых и преданных воинов.

Этот поступок, вызвавший сожаление у всей христианской армии, в достаточной степени обнажил характер Ричарда и показал, чего следовало опасаться из-за его жестокости; варварский и неумолимый враг не мог стать великодушным соперником. В день сдачи Птолемаиды он нанес серьезное оскорбление Леопольду, герцогу Австрийскому, приказав сбросить в ров знамя этого князя, водруженное на одной из башен.

Леопольд скрыл свое негодование, но поклялся отомстить за это оскорбление при первой же возможности. Ричард, навсегда увлеченный своим жестоким и властным характером, желал командовать как повелитель и единолично диктовать законы для всей армии крестоносцев. Он пытался развратить войска Филиппа щедростью; он назначил цену за неверность и измену; и Филипп, опасаясь поставить под угрозу достоинство короля и интересы крестового похода наказанием за бесчинства и вероломство своего соперника, решил вернуться во Францию, где судьба предоставила ему не одну возможность с пользой отомстить королю Англии.

Филипп покинул Палестину, оставив в армии десять тысяч пеших и пятьсот всадников под командованием герцога Бургундского. По прибытии в Тир, из порта которого он отплыл, он принял торжественное посольство от Саладина, который прислал ему великолепные подарки и похвалил его как самого могущественного монарха Запада. Вскоре он прибыл в Италию, где святой понтифик высоко оценил его преданность и даровал ему пальму первенства в паломничестве. Встреченный по возвращении в свое королевство благословениями своего народа, он отнес священную орифламму в церковь Сен-Дени и поблагодарил апостолов Франции за то, что они защитили его жизнь и славу его оружия среди величайших опасностей.

Когда Филипп покинул Палестину, Ричард остался во главе стотысячной армии крестоносцев. Отремонтировав стены Птолемаиды и дав своим солдатам немного отдохнуть, он перешел Белус, пересек гору Кармил и двинулся в сторону Кесарии. Флот из Птолемаиды держался поближе к берегу и перевозил провизию, боевые машины и багаж христианской армии. Саладин, которого арабские писатели часто сравнивают со львицей, потерявшей своих детенышей, получив известие о походе крестоносцев, собрал свою армию и пустился в погоню за ними; иногда забегая вперед и атакуя их авангард, иногда обходя их с флангов и хватая каждого солдата, который осмеливался отклониться от основных сил. Хотя Кесария находилась всего в двенадцати лигах от Птолемаиды, крестоносцы не могли преодолеть это расстояние менее чем за шесть дней. Все христиане, которые не смогли угнаться за армией и попали во власть Саладина, были преданы смерти по его приказу, а их тела оставлены на берегу, как искупление резни гарнизона Птолемаиды.

Ричард, обнаруживший, что опасности и препятствия множатся на его пути, пожелал встретиться с Малек-Аделем и предложил заключить мир, если мусульмане вернут город Иерусалим христианам. Малек-Адель ответил, что последний из солдат Саладина скорее погибнет, чем откажется от завоеваний, совершенных во имя исламизма. Ричард,

раздраженный этим отказом, поклялся, что добьется победой того, чего не смог добиться от Саладина, и отдал приказ армии продолжать поход.^[341]

Крестоносцы продвигались к городу Арсур, двигаясь по длинной, но узкой равнине, пересеченной потоками, оврагами и болотами и покрытой во многих местах обломками скал, морскими растениями и тростником. Справа от них было море, а слева возвышались крутые горы Наплуз, защищаемые жителями страны и войсками Саладина. При каждом течении потока, на каждой дюне или песчаном холме, в каждой деревне приходилось выдерживать новое сражение, в то время как мусульманские лучники, размещенные на высотах, беспрестанно досаждали им своими стрелами. Армия Ричарда маршировала в боевом порядке; кавалерия была размещена в центре, в то время как пехота, сомкнув свои ряды, представляла собой непроницаемую стену для врага и отражала его постоянно возобновляющиеся атаки.

Армия султана опередила крестоносцев и опустошала все на их пути, истощая свои усилия и изобретательность, чтобы замедлить или полностью остановить их поход. Через равнину Арсур протекал поток, который впадал в море у крепостных стен города; и недалеко от этого потока дубовый лес, который историки называют лесом Сарун и который, как полагают, является лесом, прославленным Тассо, простирался вдоль склонов гор Наплуз: именно на этом месте Саладин ожидал крестоносцев, чтобы дать им решающее сражение.

Часть его армии заняла высоты, в то время как остальная часть расположилась лагерем на берегах реки Арсур. Христиане вскоре оказались лицом к лицу со своим врагом и выстроились в боевой порядок. Датчане, фламандцы и тосканцы под командованием Жака д'Авенна образовали авангард. Ричард шел в центре, во главе англичан, норманнов, гасконцев, сирийских войск и войск графа Шампанского; арьергард состоял из французов и немцев под командованием герцога Бургундского и Леопольда Австрийского. Пока лучники осыпали их стрелами на расстоянии, Саладин прошел через ряды и призвал к храбрости своих солдат, которые ответили ему криками *Аллах ак бар!*—Бог всемогущ.^[342] Глубокая тишина царила в христианской армии; черные кирасы крестоносцев, казалось, затемняли горизонт, в то время как шестьдесят тысяч мечей сверкали среди облаков пыли. Внезапно христианская пехота разомкнула свои ряды, и кавалерия бросилась вперед, навстречу врагу, расположившемуся на берегах реки Арсур. Жак д'Авен, командовавший ими, дважды проникал в тесно сомкнутые ряды сарацин и дважды был вынужден в беспорядке отступить. При третьей атаке его нога была отсечена ударом сабли, но он все еще преследовал неверных, когда рука, которой он сражался, была отрублена одним ударом. Христианский герой пал среди врагов, громко взывая к Ричарду и заклиная его отомстить за его смерть.

Король Англии двинулся вперед с основными силами, сметая толпу сарацин, которые препятствовали его переходу, и преследуя их до другого берега реки; но в то время как он поддался своему пылу и двинулся впереди христианской армии, отборные войска мусульман спустились с гор Наплуза и хлынули в тыл христианам. Ричард был вынужден вернуться по своим следам, чтобы поддержать французов и немцев, которые начали отступать. Равнина, на которой разыгрывалось сражение, едва могла вместить всех сражающихся. Христиане и мусульмане сомкнулись и атаковали друг друга один на один; пешие сражались наперегонки с конными, призывая друг друга не бояться смерти. Крики ярости, отчаяния и агонии смешивались со звоном мечей, копий и щитов. Две армии, смешанные воедино, представляли

собой не что иное, как одно ужасное зрелище. Если верить несколько неправдоподобному рассказу английского историка, [343] Ричард и Саладин встретились в схватке и бросились друг на друга с мечами в руках, и две армии мгновенно застыли, предоставив своим великим вождям честь решить судьбу битвы. Это странное обстоятельство, которому поэзия могла бы позавидовать истории, не упоминается арабскими писателями. [344] Сражение длилось почти целый день. К вечеру мусульмане были разбиты со всех сторон и в беспорядке отступили в Саронский лес, где страх перед засадой помешал христианам преследовать их и уничтожить остатки их армии.

Битва при Арсуре была одной из самых знаменитых в этой войне; в ней мусульмане потеряли множество своих храбрейших эмиров и особенно сожалели о предводителе мамлюков Саладина, чье героическое мужество высоко ценится их историками. Ни один сарацинский воин не был более проворен, чтобы встретить опасность, и он всегда первым бросался на помощь своим товарищам, хотя сам ни от кого не нуждался в помощи. Когда его конь был убит, этот храбрый эмир был обременен тяжестью своих железных доспехов и получил несколько смертельных ран. Многие солдаты-мусульмане поспешили к нему на помощь; *но он уже был среди небожителей!*

Христиане оплакивали смерть Жака д'Авенна, который так часто указывал им путь к победе. В этот славный день потери крестоносцев были намного меньше, чем у мусульман; их предводители и солдаты проявили такое мастерство, какого они никогда раньше не проявляли. Сарацинская кавалерия, превосходившая кавалерию крестоносцев, не имела места для выполнения своих обычных маневров с преимуществом на столь ограниченном поле боя. Они несколько раз с большой яростью нападали на христиан, но крестоносцы противостояли им с непоколебимой твердостью и постоянно сплачивались вокруг своего огромного штандарта, который развевался на вершине вращающейся башни. Примечательным обстоятельством этой битвы является то, что она была выиграна в основном пехотой, силой, которая, хотя и вызывала презрение в первом крестовом походе, научилась быть грозной под стенами Птолемаиды.

Ричард, победивший сарацин, был недостаточно мудр, чтобы воспользоваться их поражением; вместо того чтобы преследовать врага или идти прямо на Иерусалим, он повел свою армию к Яффе, крепостные стены которой Саладин разрушил и которую мусульмане оставили. Он занялся ремонтом укреплений и послал за королевой Беренгарией, Джейн, вдовой короля Сицилии, и дочерью Исаака. Окруженный блестящим двором, он забыл в упоении удовольствиями и празднествами о завоевании Иерусалима, ради которого прибыл в Азию. Во время этого рокового отдыха он был на грани того, чтобы потерять вместе со своей жизнью и свободой плоды всех своих побед. Однажды, охотясь в лесу Сарон, измученный жарой или усталостью, он слез с лошади и заснул под деревом. Внезапно он был разбужен криками тех, кто сопровождал его, — отряд сарацин был совсем близко от них! Он вскочил на коня и приготовился защищаться, но едва не пал перед численным превосходством, когда рыцарь из его свиты по имени *Уильям Пурселез* кричал по-арабски: *“Я король; пощадите мою жизнь”*. [345] При этих словах этого великодушного воина окружили мусульмане, которые взяли его в плен и отвели к Саладину. Король Англии, спасенный таким образом героизмом французского рыцаря, избежал преследования врага и вернулся в Яффу, где его армия с ужасом узнала об опасности потерять своего предводителя.

Ричард разработал проект осады Аскалона, и Саладин, сомневаясь в своих силах защитить этот город, решил разрушить его. Напрасно жители приходили умолять его о пощаде; в течение нескольких дней самый сильный и цветущий город Сирии был охвачен огнем и от него не осталось ничего, кроме груды развалин.

Разрушение Аскалона вызвало великую скорбь среди мусульман; и король Англии, который лелеял надежду стать хозяином этого места, был так же сильно огорчен, как если бы он потерял одно из своих завоеваний. Этот город, стоивший христианам и мусульманам столькой крови, сразу же открыл крестоносцам ворота Палестины и Египта. Ричард взялся восстанавливать валы, разрушенные мусульманами, и повел свою армию на равнину, покрытую руинами Аскалона.

Любопытное зрелище представляли собой тридцать тысяч воинов с Запада, занятых восстановлением стен сирийского города. Крестоносцы, как нам описали евреев при возведении Иерусалимского храма, были вынуждены работать с мечом в одной руке и каменными инструментами в другой. Саладин мог бы помешать их трудам, но он предпочел дать своей армии небольшой отдых и пополнить ее численность; он был убежден, что разногласия, существовавшие среди его врагов, вскоре сыграют ему на руку. Христианская армия подчинилась Ричарду очень неохотно. Леопольд Австрийский, обвиненный королем Англии в бездействии со своими немцами, ограничился ответом, *что он не был ни плотником, ни каменщиком*. Большая часть рыцарей, которые таким образом были заняты перетаскиванием камней и рытьем рвов, были чрезвычайно возмущены и громко заявили, что они пришли в Азию не для того, чтобы восстанавливать Аскалон, а для того, чтобы завоевать Иерусалим.

Пока христианская армия находилась в таком неудовлетворенном состоянии, маркиз Тирский, с которым плохо обращался Ричард, заручился поддержкой султана и пообещал вернуть ему Птолемаис, если мусульмане согласятся защитить его от врагов. Король Англии, предупрежденный об этих вероломных переговорах, стремился лишь помешать планам Конрада и сам обратился с предложениями к Саладину. Он повторил обещание, данное им Малек-Аделю, вернуться в Европу, если Иерусалим и дерево истинного креста будут возвращены христианам. “Иерусалим,” ответил Саладин, “никогда не принадлежал вам; мы не можем без преступления оставить его вам, ибо в нем были совершены тайны нашей религии”. Что касается дерева истинного креста, то Саладин рассматривал его как объект скандала, как оскорбление божественности. Он отказался отдать его королю Грузии или императору Константинополя, которые оба предлагали ему за него значительные суммы. “Все преимущества, которые может принести мир, - сказал он, - не могут заставить меня вернуть христианам этот позорный памятник их идолопоклонства”.

Ричард, который действительно не придавал большого значения возвращению истинного креста, не повторил своего требования; но поскольку он желал мира, он выдвинул другие предложения, которыми ловко заинтересовал честолюбие Малек-Аделя, брата султана. Вдова Вильгельма Сицилийского, сестра Ричарда, была предложена в жены мусульманскому принцу; под покровительством Саладина и Ричарда они могли бы вместе править мусульманами и христианами и управлять Иерусалимским королевством. Малек-Адель поручил историку Омаду передать это предложение Саладину, который, казалось, принял его без отвращения.^[346] Проект этого необычного союза вызвал большое удивление среди монахов и докторов права; и

христианские епископы, когда им сообщили об этом, выразили сильнейшее возмущение и пригрозили Джейн и Ричарду громами Церкви.

Выполнение этого плана казалось невозможным в разгар религиозной войны: и все заставляет нас полагать, что Саладин только делал вид, что уделяет ему внимание, чтобы выиграть время для укрепления Иерусалима, чего христиане все еще требовали от него. По его приказу умелые рабочие из Алеппо были наняты для расширения рвов и ремонта стен. Средимусульманских рабочих было две тысячи заключенных-христиан, обреченных восстанавливать крепости, занятые неверными. Саладин поощрял труды своим присутствием и своим примером, воодушевляя рвение народа и солдат, часто напоминая им о победах мусульман и о резне их братьев, убитых при Птолемаиде.

Целью войны было завоевание святого города — великая награда, обещанная за труды крестоносцев; и в конце концов они серьезно стали настаивать на том, чтобы Ричард выступил в поход на Иерусалим. Он был вынужден уступить их нетерпению и повел их до Вифополя,^[347] расположенного между Аскалоном и столицей Палестины. При приближении франков Саладин приказал опустошить всю страну, через которую должна была пройти их армия. По приказу султана крепостные валы Рамлы и Лидды, а также крепость Нитро были разрушены. Все пути, ведущие в Иерусалим, охранялись мусульманской кавалерией, которая непрерывно преследовала христиан и препятствовала получению ими провизии из Птолемаиса или других приморских городов.

По мере приближения к Иерусалиму энтузиазм и рвение крестоносцев возрастали; но Ричард и большинство вождей несколько не разделяли нетерпения солдат. Христианская армия находилась всего в одном дневном переходе от морского побережья, и все же стала ощутимо ощущаться нехватка провизии. Если на равнинах Птолемаиды, где крестоносцы могли искать провизию в Средиземном море, они испытали все ужасы голода, то каких несчастий у них не было оснований ожидать под стенами Иерусалима? Мусульманские войска стояли лагерем на равнинах Иерихона и Хеврона, а также в стране Наплуз и имели возможность в любое время прислать помощь в Иерусалим, если бы этот город был осажден христианами. Кроме того, зима начала вызывать страх перед заразными болезнями; командиры армии были разделены между собой, и даже вид опасности едва ли мог заставить их действовать согласованно. Все эти обстоятельства породили сомнения и нерешительность в умах Ричарда и самых благоразумных из баронов и рыцарей.

Ричард лелеял надежду, что Саладин придет и предложит ему битву, и что победа сразу же откроет перед ним ворота Иерусалима; но султан, доказавший силу и храбрость христиан при Арсуре, не желал подвергать свои завоевания риску сражения. Ричард, со своей стороны, испугался опасностей и изнурительной длительной осады и внезапно отвел свою армию на равнины Аскалона.

Множество крестоносцев, которые не знали или не понимали мотивов короля Англии, лишь повиновались ему с ропотом, и большинство вождей, объявленных врагами Ричарда, смешивали свои жалобы с жалобами солдат. Несколько недовольных крестоносцев бросили знамена, которые больше не указывали им дорогу в Иерусалим.

В то время как армия уныло брела обратно на равнины Аскалона, генуэзцы и пизанцы, постоянно враждовавшие, развязали открытую войну у стен Птолемаиды. Конрад принял

участие в битве с генуэзцами, в то время как король Англии столь же рьяно защищал пизанцев и положил конец этой гражданской войне, вынудив Конрада и генуэзцев отступить в город Тир.

Посреди этих кровопролитных споров Конрад, у которого был посол при дворе Саладина, не в силах больше терпеть власть Ричарда, заключил союз с мусульманами. Саладин по договору уступил маркизу Тирскому все города, которые последний мог отнять у христиан, и пообещал помочь ему в его завоеваниях, оставив только добычу мусульманским солдатам. Этот договор, продиктованный ненавистью к Ричарду, послужил сигналом к смерти Конрада; вскоре после этого маркиз Тирский погиб от неизвестной руки.

Английские авторы утверждают, что Конрад поссорился с вождем исмаилитов и что он был убит по приказу этого грозного врага. Две юные рабыни покинули роскошные сады, в которых воспитал их их господин, чтобы осуществить свою месть. Они прибыли в Тир и, чтобы лучше скрыть свои намерения, приняли крещение. Они поступили на службу к Конраду и оставались около него шесть месяцев, очевидно, занятые только вознесением молитв Богу христиан. Однажды, когда маркиз возвращался с ужина с епископом Бове, двое исмаилитов напали на него и смертельно ранили. Пока народ шумно собирался, один из убийц скрылся в соседней церкви, куда также внесли окровавленного маркиза. Исмаэлиец, который прятался, внезапно бросился сквозь толпу и, снова набросившись на Конрада, несколько раз ударил его своим кинжалом, пока тот не умер. Двое убийц были схвачены, и оба умерли под пытками, не издав ни единого стоны и не назвав имени человека, который нанял их, чтобы лишить жизни маркиза Тирского.^[348]

Продолжатель Табари говорит, что Саладин предложил Старику гор десять тысяч золотых, если тот убьет маркиза Тирского и короля Англии; но принц гор, добавляет тот же историк, не считал нужным полностью избавить Саладина от войны с франками и выполнил только половину того, что от него требовалось. Христиане не приписывали смерть Конрада Саладину, но многие из них обвиняли в этом Ричарда. Вскоре после убийства было опубликовано письмо, в котором владыка горы признавал себя автором убийства; но это письмо не носило в себе никаких признаков подлинности. Дикий владыка горы не умел писать и не мог быть заинтересован в извинениях христианского князя.^[349] Сам король Англии усилил подозрения общественности, завладев Тиром и выдав вдову Конрада замуж за своего племянника, графа Шампани. Как бы то ни было, это обвинение, получившее распространение среди христиан, ясно выражало их представление о характере Ричарда. Известие о смерти Конрада вскоре дошло до Европы, и Филипп Август, опасаясь той же участи, больше не появлялся на публике без охраны. Французский двор обвинял Ричарда в самых черных замыслах; но вполне вероятно, что Филипп в этом случае выказал больше страха, чем испытывал на самом деле, чтобы сделать своего соперника еще более одиозным и возбудить против него ненависть папы и негодование всех князей христианского мира.

После смерти Конрада у Ричарда не было соперников, которых можно было бы подозревать, или врагов, с которыми можно было бы бороться среди христиан; даже то мнение, которое сложилось о его характере, только укрепило его авторитет, вызвав страх перед его ненавистью или местью. Он воспользовался моментом, когда Саладин распустил часть своей армии, чтобы завладеть замком Даркум, построенным на границе Палестины, по направлению к Египту. Он предпринял еще несколько предприятий, которые посеяли ужас и неожиданность среди сарацин; и, чтобы удовлетворить пожелания крестоносцев, внезапно двинулся к Иерусалиму, в

котором Саладин заперся со всеми войсками, которые смог собрать. При приближении христиан султан созвал своих эмиров и заставил их поклясться на камне Иакова, что они скорее будут похоронены под развалинами города, чем сдадут его солдатам Ричарда.

Христианская армия расположилась лагерем у подножия гор Иудеи, все перевалы которых охранялись войсками Саладина и сарацинскими крестьянами Наплуза и Хеврона. По мере приближения Ричарда к Иерусалиму его отвращение к идее позволить герцогу Австрийскому и герцогу Бургундскому участвовать в таком славном завоевании возрастало; в то время как они вовсе не желали помогать королю Англии в предприятии, которое так сильно увеличило бы его гордость и известность. Каждый раз, когда Ричард предлагал выступить против святого города, рвение военачальников, казалось, остывало; [350] и когда Ричард попытался отложить завоевание, большинство из них попытались пробудить энтузиазм крестоносцев и повторили данную ими клятву освободить гробницу Христа. Таким образом, близость к Иерусалиму, которая должна была бы еще крепче объединить христиан, только усилила их разногласия и посеяла смуту, беспорядок и уныние по всей армии.

Христиане находились всего в нескольких лье от Иерусалима, и совет собрался, чтобы определить, какие шаги следует предпринять. Многие из вождей считали, что им следует немедленно осадить город, и говорили о смятении мусульман. Солдаты Саладина, по их словам, не забыли злодеяний Птолемаиды и трепещут при мысли о том, чтобы снова запереться за городскими стенами. Беглецы из Иерусалима сообщили им, что даже присутствие Саладина не могло поддержать дух солдат и что все жители, охваченные ужасом, были готовы бежать в Дамаск.

Те, кто придерживался противоположного мнения, среди которых был Ричард, думали, что распространяемые слухи о расположении мусульман были всего лишь ловушкой Саладина, с помощью которой он надеялся заманить крестоносцев в места, где он мог бы уничтожить их без боя. “В данный момент, о котором мы говорим, - сказали они, - мусульманская кавалерия окружает равнину, на которой стоит лагерем наша армия. Продвигаться по горам Иудеи трудно и опасно. Дороги, окаймленные пропастями, во многих местах прорублены в сплошной скале и преобладают над крутыми высотами, с которых плохо вооруженных крестьян будет достаточно, чтобы сокрушить или, по крайней мере, остановить колонны христиан. Как нам перевезти через такие узкие проходы наш багаж, наши машины или наше военное снаряжение? Если наша храбрость преуспееет в преодолении всех этих трудностей, легко ли будет поддерживать наше сообщение с побережьем? Если нас победят, как мы будем отступать, преследуемые армией Саладина?”

Мнения по-прежнему разделялись: король Англии хотел отступить в Аскалон, в то время как герцоги Австрии и Бургундии горячо настаивали на том, что им следует двинуться на Иерусалим. Двадцать четыре рыцаря были отобраны для определения курса, который должен был быть избран, и христианская армия ожидала их решения с нетерпением, смешанным со страхом. Поразмыслив некоторое время, двадцать четыре рыцаря пришли к выводу, что армия не может продолжать свой поход без опасности и что самым благоразумным планом было бы отступить к морскому побережью. Ричард, отдав приказ к отступлению, то ли он был искренне огорчен, то ли хотел вернуть доверие и уважение крестоносцев, повернулся к Иерусалиму с глазами, полными слез, и, закрыв лицо щитом, объявил себя недостойным лицезреть город, который он не мог завоевать.

Крестоносцы снова повернулись спиной к Иерусалиму, который они так часто и торжественно клялись сдать, солдаты были совершенно неспособны понять политику или намерения своих лидеров. Ричарда, который повел христианскую армию к святому городу, можно было бы, по крайней мере, обвинить в отсутствии целеустремленности.^[351] Неопределенность его планов довершила разрушение уверенности, которую создали его мастерство и великие военные таланты; а отчаяние крестоносцев положило конец страху перед вождем, которого они больше не любили. Раздор вспыхнул с новой силой; те, кто оставался сторонником Ричарда, упрекали его врагов в том, что они вводят в заблуждение дух армии; но все партии взаимно обвиняли друг друга в том, что они поддерживают дело неверных. Как это обычно бывает в неудачных войнах, вероломство было наиболее актуальной темой среди крестоносцев.

Самые яростные жалобы были высказаны в адрес Ричарда, который отвечал своим врагам с напускной храбростью, достойной Амадиса или Роланда. Во главе слабого отряда он взял конвой из семи тысяч верблюдов по пути в Иерусалим; в другой раз, поднявшись на борт судна с несколькими рыцарями, он высадился в Яффе, где знамена Саладина развевались над башнями и крепостными валами; он преследовал завоевателей с мечом в руке и заставил их отказаться от своего временного завоевания. Несколько дней спустя король Англии с отрядом своих отборных рыцарей атаковал семитысячный отряд мусульманской конницы; он ворвался в их ряды и ударом сабли сразил насмерть предводителя сарацин, которые все казались оцепеневшими и неподвижными от удивления и страха.

Но все эти опасности и вся эта слава были потеряны ради дела христиан. Ричард с каждым днем становился все более ненавистным своим соратникам; герцог Бургундский с недовольными французами удалился в Птолемаис; немцы под командованием герцога Австрийского покинули Палестину, и Ричард остался один на один с англичанами.^[352] До сих пор король Англии, как он сам сказал послам Саладина, проявлял мало интереса к освобождению святых мест и совершал такие чудеса доблести только для увеличения своей славы в христианском мире. Желание очернить славу Филиппа, гораздо большее, чем религиозное рвение, руководило им в его сражениях с сарацинами; он перенес труды священной войны в надежде, что его подвиги в Палестине помогут ему одержать победу над его соперниками и врагами за морями; но поскольку он начал опасаться остаться без армии и опасался предприятий Филиппа и заговоров своего брата Иоанна против его европейских государств, он решил возобновить переговоры с Саладином. Различные мысли, терзавшие его разум, стыд за то, что он не завоевал Иерусалим, страх потерять свое собственное королевство, заставляли его принимать и отвергать решения самого противоположного характера. Одно время он решил вернуться в Европу, вообще не заключая мира — сначала он умолял, затем угрожал Саладину и пытался напугать его, распространив сообщение о том, что папа вот-вот прибудет в Палестину с армией из двухсот тысяч крестоносцев.

Зима еще не закончилась, и переход по Средиземному морю был небезопасен. “Море штормит, ” написал он однажды Саладину, “ но я выдержу его бури и вернусь в Европу, если вы настроены заключить мир. Но если ты все еще желаешь войны, я преодолею все ее опасности и возьму Иерусалим в осаду”. Саладин расположился лагерем в окрестностях Рамлы и созвал своих эмиров, чтобы обсудить предложения Ричарда. “До сих пор, ” сказал он, “ мы сражались со славой, и дело исламизма одерживало победу нашим оружием. Я боюсь, что смерть может застать меня врасплох во время мира и помешать мне завершить начатое нами доброе дело. Поскольку Бог дарует нам победу, он повелевает нам продолжать войну, и мы должны

повиноваться его воле”. Большинство эмиров приветствовали мужество и стойкость Саладина, но они объяснили ему, “что города были беззащитны, а провинции опустошены; военные тяготы ослабили мусульманскую армию; лошадям требовался фураж, а провизия для солдат была дороже золота”. “Если мы доведем франков до отчаяния, - добавляли они, - они все еще могут одолеть нас и вырвать из наших рук все наши победы. Разумно соблюдать максимуму Корана, который предписывает нам даровать мир нашим врагам, когда они просят об этом. Мир даст нам время укрепить наши города, набрать наши силы и возобновить войну с преимуществом; когда франки, всегда нарушавшие договоры, предложат нам новые предлоги для нападения на них”.

Саладин ясно понял из этой речи своих эмиров, что большая часть сарацинских воинов начала терять пыл и рвение, которые они проявляли к делу исламизма. Султана покинули несколько его союзников, и он опасался возникновения раскола в своей собственной империи. Армии стояли близко друг к другу, и пыль, поднявшаяся над обоими лагерями, говорит арабский автор, смешалась в воздухе и образовала одно облако. Ни христиане, ни мусульмане не проявляли ни малейшего нетерпения выйти за пределы своих крепостных валов и рвов, и оба они в равной степени устали от войны, и в интересах обоих лидеров было заключить мир. Настроение воюющих сторон и невозможность продолжать какие-либо военные действия в конце концов привели к заключению перемирия на три года и восемь месяцев.[\[353\]](#)

Было решено, что Иерусалим должен быть открыт для благочестивых христиан и что они должны удерживать все морское побережье от Яффы до Тира. И сарацины, и христиане претендовали на Аскалон, который считался ключом к Египту и который арабы называли *супругой Сирии*. Чтобы прекратить эти споры, было решено, что этот город должен быть снова снесен. Стоит отметить, что ни слова не было сказано об истинном кресте, который был предметом первых переговоров и за которым Ричард отправил нескольких послов к Саладину. Главные военачальники двух армий поклялись, с одной стороны, на Коране, а с другой - на Евангелии соблюдать условия договора. Королевское величие предполагало нечто более внушительное и величественное, чем даже святость клятвы, ибо султан и король Англии удовлетволялись тем, что дали свое слово и коснулись рук послов.

Все мусульманские и христианские принцы Сирии были приглашены подписать договор, заключенный между Ричардом и Саладином. Среди тех, кто был призван стать гарантом мира, не были забыты ни князь Антиохии, принимавший незначительное участие в войне, ни вождь исмаилитов, враг как христиан, так и мусульман. Один только Ги де Лузиньян не был упомянут в договоре. Этот принц пользовался сиюминутной важностью из-за раздоров, которые он породил, и канул в лету, как только среди крестоносцев возникли новые поводы для раздора. Лишенный своего королевства, он получил Кипр, гораздо более реальное владение, но за которое он был вынужден заплатить тамплиерам, которым Ричард продал его. Палестина была передана Генриху, графу Шампани, новому мужу той Изабеллы, которая, по-видимому, была обещана всем претендентам на иерусалимскую корону и которая по странной судьбе вышла замуж за трех королей, не имея возможности взойти на трон.[\[354\]](#)

Заключение мира было отмечено турнирами и празднествами, на которых мусульмане и христиане отбросили фанатизм и ненависть, которые заставили их пролить так много крови. Большинство воинов Запада по приглашению Саладина посетили святыне места, которые они не

смогли освободить, а затем отправились в Европу. В момент отхода французы потеряли герцога Бургундского, который заболел и умер в городе Тир, когда готовился покинуть Палестину.

Так завершился этот третий крестовый поход, в котором все вооруженные западные державы не получили больших преимуществ, чем взятие Птолемаиды и разрушение Аскалона; в нем Германия потеряла без славы одного из величайших своих императоров и лучшую из своих армий. Если верить арабским авторам, шестьсот тысяч крестоносцев предстали перед Птолемаидой, и едва ли сто тысяч из этих воинов снова увидели свою родину. У Европы было больше оснований сожалеть о потерях в этой войне из-за того факта, что ее армии были гораздо лучше укомплектованы, чем в предыдущих экспедициях; преступники, авантюристы и бродяги были строго исключены из рядов. Все, чем мог похвастаться Запад, самые благородные и прославленные из его воинов взялись за оружие.

Крестоносцы, сражавшиеся с Саладином, были лучше вооружены и дисциплинированнее, чем те, что были до них в Палестине; пехотинцы пользовались арбалетами, которыми пренебрегали или которые были запрещены во время второго крестового похода. Их кирасы и щиты, обтянутые толстой кожей, не поддавались стрелам сарацин; и на поле боя часто видели солдат, оцетинившихся стрелами и дротиками, которых арабы сравнивали с дикобразами, все еще держащими свои ряды и храбро сражающимися. Сарацины также достигли некоторого прогресса в военном искусстве и начали возобновлять использование копья, которым они не пользовались, когда первые крестоносцы прибыли в Сирию. Мусульманские армии не были растерянными толпами; они дольше оставались под своими знаменами и сражались с меньшим беспорядком. Курды и турки превзошли франков в искусстве атаковать и защищать города и замки. Кроме того, мусульмане имели более чем одно преимущество перед крестоносцами; они вели войну на своих собственных территориях и в своем собственном климате; они находились под командованием одного-единственного лидера, который передавал всем один и тот же дух и представлял им только одно дело для защиты.

В этом крестовом походе франки казались более отточенными, чем были до того времени. Великие монархи, воюющие друг против друга, не переставая демонстрировать взаимное уважение и великодушные чувства, были новым зрелищем для мира. Подданные последовали примеру своих принцев и утратили под шатром большую часть своего варварства. Крестоносцев иногда допускали к столу Саладина, а эмиров принимали за столом Ричарда. Смешавшись таким образом, сарацины и христиане могли бы успешно обмениваться обычаями, манерами, знаниями и даже добродетелями.

Христиане, гораздо более просвещенные, чем во время первых крестовых походов, меньше нуждались в возбуждении от видений фанатизма. Страсть к славе была для них почти таким же могущественным принципом, как религиозный энтузиазм. Рыцарство также добилось больших успехов в этом крестовом походе; оно было в таком почете, а звание РЫЦАРЯ было настолько славным даже в глазах неверных, что Саладин не побрезговал им быть награжденным.

Чувство чести и неотделимая от него человечность часто осушали слезы, пролитые военными бедствиями; нежные и добродетельные страсти ассоциировались в умах героев со строгими принципами религии и кровавыми образами битвы. Среди развращения лагерей любовь, вдохновляя рыцарей и трубадуров, принявших крест с благородными и деликатными чувствами, уберегла их от соблазнов грубого разврата. Не один воин, воодушевленный воспоминанием о красоте, вызывал всеобщее восхищение своей храбростью, сражаясь против сарацин. Именно

в этом крестовом походе Шатлен де Куси пал, смертельно раненный, рядом с королем Ричардом. В песне, которая сохранилась до наших дней, он прощался с Францией, говоря, что отправился в Святую Землю, чтобы обрести три вещи, имеющие неоценимую ценность для рыцаря, —*рай, славу и любовь своей возлюбленной*.^[355] Средневековая хроника повествует, что после того, как он получил смертельную рану и был при последнем вздохе, верный Шатлен сначала признался в содеянном папскому легату, а затем поручил своему оруженосцу отнести его сердце леди де Файель. Последние приказания Куси и ужасный пир, который жестокий муж приказал подать жертве своей ревности, сразу показывают, что рыцарство могло вдохновлять на самые трогательные поступки, а нравы двенадцатого века - на самые варварские.^[356] Трубадуры воспевали в своих песнях рыцарскую любовь благородного Шатлена и отчаяние прекрасной Де Вержи, когда она узнала, что съела сердце своего верного рыцаря. Если верить старым хроникам, сеньор де Файель, преследуемый угрызениями совести и мнением своих современников, был вынужден отправиться в Святую Землю, чтобы искупить свое преступление и смерть своей несчастной жены.

В этом крестовом походе, в котором так много рыцарей проявили себя прославленными, два человека приобрели бессмертную славу: один - бесполезной храбростью и качествами скорее блестящими, чем основательными, другой - реальными успехами и добродетелями, которые могли бы послужить образцом для христиан. Имя Ричарда в течение столетия наводило ужас на Восток, и сарацины и турки прославляли его в своих пословицах еще долгое время после крестовых походов. Он занимался литературой и заслужил место среди трубадуров; но искусство несколько не смягчило его характера; именно его свирепость, а также мужество принесли ему фамилию Львиного кота. Увлекаемый непостоянством своих склонностей, он часто менял свои проекты, привязанности и принципы действия; иногда он бросал вызов религии и очень часто посвящал себя ее служению. Иногда недоверчивый, а часто и суеверный; безмерный в своей ненависти, как и в дружбе, он был экстравагантен во всем и только в своей любви к войне проявлял постоянство. Страсти, которые одушевляли его, едва ли когда-либо позволяли его честолюбию иметь цель или определенный объект. Его неосторожность, самонадеянность и шаткость его планов привели к тому, что он лишился плодов своих подвигов. Одним словом, герой этого крестового похода больше рассчитан на то, чтобы вызывать удивление, чем вызывать уважение, и, по-видимому, принадлежит не столько истории, сколько рыцарским романам.

Обладая меньшей опрометчивостью и храбростью, чем Ричард, Саладин обладал более твердым характером, гораздо лучше приспособленным для ведения религиозной войны. Он уделял больше внимания результатам своих предприятий; более владея собой, он был более пригоден для того, чтобы командовать другими. Взойдя на трон атабеков, Саладин повиновался скорее своей судьбе, чем своим склонностям; но когда он прочно занял свое место, им руководили только две страсти: стремление к царствованию и стремление обеспечить торжество Корана. Во всех других вопросах он был умеренным, и когда речь не шла о царстве или славе пророка, сыном Аюба восхищались как самым справедливым и мягким из мусульман. Мы можем добавить, что суровая преданность^[357] и ярый фанатизм, которые заставили его взяться за оружие против христиан, сделали его жестоким и варварским только в одном единственном случае. Он продемонстрировал добродетели мира среди ужасов войны. “Из недр лагерей, - говорит восточный поэт, - он накрыл народы крыльями своей справедливости и излил на свои города обильный дождь своей щедрости”. Мусульмане, всегда управляемые страхом,^[358] были поражены тем, что суверен смог внушить им столько любви, и с радостью

последовали за ним в битву. Его великодушие, милосердие и особенно его уважение к клятве часто вызывали восхищение у христиан, которых он так обесчестил своими победами и чью власть в Азии он завершил ниспровержением.[\[359\]](#)

Третий крестовый поход, который был столь славен для Саладина, не обошелся без преимуществ для Европы. Многие крестоносцы, направлявшиеся в Палестину, останавливались в Испании и своими победами над маврами подготовили освобождение королевств, расположенных за Пиренеями. Огромное количество немцев, как и во время второго крестового похода, привлеченных просьбами папы, вступили в войну с варварскими обитателями берегов Балтийского моря и таким образом, благодаря полезным подвигам, расширили пределы христианской республики на Западе. Поскольку в этой войне большая часть крестоносцев отправилась в Палестину морем, искусство мореплавания значительно продвинулось вперед; морские народы Европы достигли расцвета, их флоты стали более грозными, и они смогли со славой оспорить морскую империю у сарацин.

В нескольких государствах Европы торговля и дух священных войн способствовали предоставлению избирательных прав низшим классам. Многие крепостные, став свободными, взялись за оружие. Не менее интересным зрелищем этого крестового похода было видеть штандарты нескольких городов Франции и Германии, развевающиеся в рядах христианской армии среди знамен лордов и баронов.

Этот крестовый поход был особенно полезен Франции, из которой он изгнал как гражданские, так и иностранные войны. Продлевая отсутствие крупных вассалов и врагов королевства, это ослабляло их власть и давало Филиппу Августу право взимать налоги даже с духовенства. Это дало ему возможность окружить свой трон верной охраной, содержать регулярные армии и готовить, хотя и на расстоянии,[\[360\]](#) ту победу Крупного рогатого скота, которая оказалась столь фатальной для врагов Франции.

По возвращении в Европу Ричарда ожидал долгий плен. Судно, на которое он сел, потерпело кораблекрушение у берегов Италии, и, опасаясь проходить через Францию, он выбрал маршрут через Германию, скрывшись под одеждой простого паломника. Его щедрость предала монарха, и поскольку у него повсюду были враги, он был схвачен солдатами герцога Австрийского. Леопольд не обладал достаточным великодушием, чтобы забыть об оскорблениях, нанесенных Ричарду при осаде Птолемаиды, и держал его в плену. В Европе не знали, что стало с королем Ричардом, когда дворянин из Арраса по имени Блондель отправился на поиски своего господина и пересек Германию в одежде менестреля и с лирой. Прибыв к замку, в котором, как говорили, томился знаменитый пленник, Блондель начал петь первый куплет песни, которую он сочинил совместно с Ричардом. С вершины высокой башни ему ответил голос и спел второй куплет.[\[361\]](#) Затем верный трубадур вернулся в Англию, чтобы объявить, что он обнаружил тюрьму короля. Герцог Австрийский, испуганный этим открытием, не осмелился более удерживать своего грозного пленника в собственных руках и выдал его императору Германии. Генрих VI, который также жаждал мести за оскорбления, был рад заполучить Ричарда в свою власть и держал его в цепях, как будто сделал пленником на поле битвы. Герой крестового похода, наполнивший мир своей славой, был брошен в мрачную темницу и долгое время оставался жертвой мести своих врагов — а ими были христианские князья.

Он предстал перед немецким сеймом, собравшимся в Вормсе, где его обвинили во всех преступлениях, которые только могли изобрести ненависть и зависть. Но зрелище короля в цепях было настолько трогательным, что никто не осмелился осудить Ричарда, а когда он привел свое оправдание, епископы и знать расплакались и умоляли Генриха обращаться с ним менее несправедливо и сурово.

Королева Элеонора умоляла все державы Европы освободить ее сына. Жалобы и слезы матери тронули сердце Целестины, которая недавно возшла на кафедру Святого Петра. Папа несколько раз требовал свободы для короля Англии и даже отлучил от церкви герцога Австрийского и императора; но громы Церкви так часто обрушивались на троны Германии, что они больше не внушали страха. Генрих невзирая на анафемы Святого Престола; заточение Ричарда продлилось еще год, и он получил свободу только после того, как обязался заплатить значительный выкуп. Его королевство, которое он разрушил при своем отъезде в Святую Землю, истощило свои силы, чтобы ускорить его возвращение; и Англия отказалась даже от своих священных ваз, чтобы разорвать цепи своего монарха. Англичане приняли его с энтузиазмом; его приключения, вызвавшие слезы, стерли память о его жестокостях, и Европа помнила только его подвиги и его несчастья.

После перемирия, заключенного с Ричардом, Саладин удалился в Дамаск, где наслаждался своей славой всего один год. Жители Востока отмечают назидательный характер его смерти, раздавая его милостыню как мусульманам, так и христианам. Перед смертью он приказал одному из своих офицеров пронести его саван по улицам своей столицы и громко воскликнуть: *“Смотрите на все, что Саладин, покоровший Восток, уносит с собой из своих завоеваний.”*

Едва он испустил дух, как не осталось ничего, кроме пустых воспоминаний о его законах и его победах; его смерть сопровождалась тем, что так часто случается в восточных монархиях, где ничего не регулируется относительно престолонаследия; где победа представляется наиболее законным титулом и где слишком многочисленное потомство ожидает смерти государя в страхе, рабстве и незнании государственных дел.

Саладин оставил после себя только рабов, запуганных его славой и безграничным могуществом, которые разделили между собой его власть, но не смогли выдержать ее тяжести. Двенадцать его сыновей и родственников наследовали ему и оспаривали суверенитет. Малек-Адель, брат султана и товарищ в его подвигах, воспользовался неопытностью своих племянников и завладел Египтом и Месопотамией. Самые могущественные из эмиров последовали его примеру и разделили между собой города и провинции. Затем Азия увидела, как пришла в упадок эта империя, которая, будучи воздвигнута на погибель христианам, в своем росте и прогрессе дважды поднимала к оружию все народы Запада.

КОНЕЦ ТОМА 1.

СНОСКИ:

[1] Ле Корбо и ле Ренар.

[2] Анна Комнина, *История императора Алексея*.

[3] *История Священной войны*, написанная французами и другими христианами за освобождение Иудеи и Гроба Господня, составленная на греческом и французском языках троянцем Ивом Дюша. Эта история почти дословно переведена с Истории Акколти, озаглавленной *De Bello Sacro*.

[4] Смотрите письмо святого Григория Ниссенского, переведенное на латынь и прокомментированное Кейсобоном. Святой Августин и сам святой Иероним подняли свой голос против злоупотреблений паломничеством. Смотрите первое из Приложений, в котором приводится краткое описание паломничества святого Иеронима и святого Евсевия Кременского.)

[5] Смотрите в Приложении в конце тома библиографический, исторический и географический анализ “Маршрута из Бордо в Иерусалим” М. Валькнаера: это произведение проливает яркий свет на древнюю географию и географию средних веков.

[6] Этот праздник известен под названием Воздвижения Святого Креста и отмечается 14 сентября.

[7] Путешествие святого Антония встречается в трех очень древних рукописях, с которыми можно ознакомиться в Императорской библиотеке. Это было напечатано также небольшим томом в 4-м издании. (Смотрите Приложение.) Рассказ о паломничестве св. Аркульф, составленный Адаманом в 690 году, был опубликован Гретцером из Ингольдштадта в 1619 году в 4-м томе под названием “*De Locis Terræ Sanctæ*”. С тех пор она была опубликована издательством Mabillon.

[8] *Ясный разум, принимающий интерваллу*.—Вильгельм Тирский.

[9] Капитулярый Карла Великого 810 года составлен в следующих выражениях: “О миттендже элеемосины и иерусалимском соборе церкви ресторанов”. *Ob hoc maxime ’says Eginard) transmarinorum regum amicitias expetens, ut Christianis sub eorum dominatu degentibus refugium aliquod ac relevatio proveniret.*—Vita Caroli Magni, cap. 27, p. 101, edit. из Бредова, 12 месяцев назад. Helmstadt, 1806.

[10] *Claves sepulcri Domini, claves etiam civitatis et montis cum vexillo detulerunt.*— Вильгельм Тирский.

[11] Рассказ об этом мнимом путешествии можно найти в старых хрониках. Санути и Роберт Гагин упоминали об этом, без сомнения, исходя из традиций, существовавших в их время.

[12] В начале девятого века паломники стекались туда со всех концов Европы. Дикуил, писавший в Ирландии в 825 году, сообщает несколько подробностей: —*Брат Фиделис ... рассказал кораму обо мне ... quòd adorationis causâ in urbe Jerlm. ’Hierusalem) clerici et laici à Britannîâ usque ad Nilum velificaverunt.*—Dicuil, *De Mensurâ Orbis*, edit. Валькнаер, стр. 17.

[13] *Ibi habetur hospitale, in quo suscipiuntur omnes qui causâ devotionis illum adeunt locum, linguâ loquentes Romanâ, cui adjacet ecclesia in honore Sanctæ Maricæ; nobilissimam habent*

bibliothecam studio prædicti imperatoris Caroli Magni.—Этот отрывок взят из путешествия монаха Бернарда в Святую Землю. Этот монах был французом по происхождению; он отправился в Палестину в 870 году вместе с двумя другими монахами, один из которых был из монастыря Св. Иннокентий, из страны Беневенто, а другой - испанский монах. "Смотрите отчет об этом паломничестве в Приложении.)

[14] *Всегда причина переговоров — действия, всегда причина преданности и странствий.* -Ж. де Витри. *Quod Latini devotionis gratiâ aut negotiationis advenientes.*—Sanuti. *Non defuerunt de occidentalibus multi qui loca sancta, licet in hostium potestate redacta, aut devotionis, aut commerciorum, aut utriusque gratiâ, visitarent aliquoties.*— Вильгельм Тирский. *Diversarum gentium undique prope innumera multitudo, 15 die Septembris anniversario more, in Hierosolymam convenire solet ad commercia mutuis conditionibus et emptionibus peragenda.*—Voyage of St. Аркульфус.

[15] В 37-м томе есть превосходная диссертация М. де Гена о торговле французов в Леванте до крестовых походов. of the “Mémoires de l’Académie des Inscriptions.”

[16] Мохамед.

[17] Лебо в своей “Истории Нижней империи” рассказывает, вслед за современными историками, случай, который ясно показывает, каков был дух греков в то время. “В маленьком городке Силиция, захваченном сарацинами, местный кюре по имени Темаль в это время служил мессу. При звуке, который он слышит, он быстро спускается с алтаря, не снимая своего понтификата, вооружается молотком, который служил колоколом во многих восточных церквях, идет прямо навстречу врагу, ранит, сбивает с ног, сокрушает всех, кого встречает, и обращает остальных в бегство. Несмотря на то, что он спас свой город от нашествия сарацин, кюре Темаль был осужден и отстранен от должности своим епископом. С ним так жестоко обращались, что он нашел убежище у сарацин и принял религию Магомета”.

[18] Значительной частью этих подробностей мы обязаны древнеармянскому манускрипту, составленному в двенадцатом веке Матфеем Эдесским, несколько фрагментов которого были переведены на французский господами Дж. Мартин и Чахан де Сирбьер. Эти фрагменты были напечатаны под названием “Исторические подробности первой экспедиции христиан в Палестину при императоре Цимисхии”. В Приложении к этой истории приводится интересное письмо Цимисхия царю Армении.

[19] Второй мемуар аббата Гене о Палестине можно прочитать здесь. Этот уважаемый ученый говорит о различных династиях, которые в тот период по очереди завоевывали Иерусалим. Мы чувствовали, что все эти подробности, хотя и вполне уместны в мемуарах, лишь прервали бы ход нашего повествования, не снабдив читателя никакой полезной информацией.

[20] Читая письмо Цимисхия, в котором дается отчет об этих событиях, мы удивляемся, что он не проявляет большего рвения увидеть Иерусалим; но таков был характер греков, что они придавали большее значение приобретению реликвий, которые с триумфом были доставлены в Константинополь, чем освобождению святого города и гробницы Христа. Отсюда очевидно, что этой экспедицией руководил совсем не тот дух, что крестовыми походами.

[21] *И это за братство животных, за полное спокойствие, за оптимальную жизнь, за позитив благодарности.*—Вильгельм Тирский. Переводчик латинского историка Дю Пре так передает мысль оригинала: “Таким образом, отдав свою жизнь за своих братьев, он променял

страдания этого мира на счастливый вечный покой и получил высокую награду, уготованную всем любителям совершенного милосердия”.

[22] Делалось вид, что тысячелетие, о котором говорится в Священном Писании, вот-вот завершится и что приближается конец света. В акте пожертвования, совершенном Сен-Жеро, бароном д'Орильяком, есть такие слова: “*В соответствии с окончанием мира*”.

[23] Эти и следующие подробности взяты из отчетов о нескольких паломничествах в Мабилон, опубликованных в “Воспоминаниях болландистов” и “Хрониках времени”.

[24] Эти горы, называемые Мон-де-Жу (Montes Jovis), теперь носят имена Большого и Малого Сенбернартов. Когда святой Бернар основал эти две больницы, жители Альп все еще были идолопоклонниками, а сарацины проникли в Вале, где постоянно мешали шествию паломников.

[25] Вильгельм, герцог Нормандии ’917), Ричард I ’943) и Ричард II. отправил значительные суммы в Сирию. —См. Глабер, lib. i. cap. 4; Дюшен, том iv.

[26] *Не заданный мала, оставленный законным для достижения цели.*—Гиллебард. Отчет о паломничестве святого Гиллебарда (Vilibaldus), составленный монахиней из Хайденхайма у его родственницы, можно найти в “Acta Sanctorum Ord. Святилище. Бен.”Секули 3”, часть. 2.

[27] Отчет о паломничестве во Фротмонд, составленный анонимным монахом из Редона, включен в “Acta Sanctorum Ordin. Святилище. Бен.”Секули 4, часть. 2.

[28] Сводная история анналов и хроник Анжу, в которой описываются паломничества в Фульк, рассказывает об инциденте, который, по-видимому, заслуживает того, чтобы о нем узнали, для получения полной информации о котором мы ссылаемся на Приложение.

Латинская хроника, озаглавленная “Геста. Consulum Andegav. Spicilegium”, том x, стр. 465, описывает тот же факт, с большей краткостью и некоторыми косвенными отличиями: —

Dixerunt, nullo modo ad sepulcrum optatum pervenire posset nisi super illud et crucem Dominicam mingeret; quod vir prudens licet invitus annuit. Quæsitâ igitur arietis vesicâ, purgatâ atque mundatâ, et optimo vino repletâ, quæ etiam aptè inter ejus femora posita est, et comes discalciatus ad sepulcrum Domini accessit, vinumque super sepulcrum fudit, et sic ad libitum cum sociis omnibus intravit, et fuis multis lacrymis peroravit.

[29] О паломничестве Фредерика рассказывает Дом Кальмет, том i, стр. 1072, “Гражданской истории Лотарингии”. Это можно найти также в “Истории епископов Лотарингии”, том i, стр. 203-205.

[30] Смотрите “Жизнь Святой Елены” в седьмом томе “Месяца июль”, стр. 332, 333, “Болландистов”.

[31] Рауль Глабер воздает великую хвалу этому паломнику по имени Летал, “который, — говорит он, - не был одним из тех, кто отправляется в Иерусалим, чтобы заслужить восхищение, - ut solummodo mirabiles habeantur”.

[32] Это паломничество Литберта, или Либера, описано в его жизнеописании, написанном Раулем Радульфусом), его современником. См. том iv. месяц июнь, стр. 595-605, о болландистах.

[33] Ингульфус, нормандский монах, сопровождавший паломников, покинувших Нормандию, рассказал об этом паломничестве. Рассказ об Ингульфусе был почти дословно скопирован Баронием. Отчет о том же паломничестве также можно найти в хронике Мариана Скотта, стр. 429, 430.

[34] Мне было бы легко рассказать о множестве других паломничеств, предпринятых до Крестовых походов. Краткое описание наиболее интересных отчетов приведено в Приложении в конце этого тома.

[35] Картину излишеств и бесстыдного разврата, совершенных турками после завоевания Малой Азии, можно найти в письме Алексиса, цитируемом аббатом Гибером, lib. i., cap. 4: “Dicit eos quemdam abusione sodomiticâ intervenisse episcopum; matres correptæ in conspectu filiarum multipliciter repetitis diversorum coitibus vexabantur. Filiæ existentiae terminum præcinere saltando cgebantur,—mox eadem passio ad filias,” &c.

[36] Эта экспедиция, которая была настоящим крестовым походом, похоже, была забыта всеми историками крестовых походов.

[37] Аль-Махадия, главный из городов, завоеванных христианами, согласно восточным географам, был основан в 303 году Хиджры Обейдаллахом, или Абдаллахом. В пятнадцатом веке он все еще был значительным. Шоу, который видел его в 1730 году, называет его Эль-Медеа. Он расположен в тридцати морских лигах к югу от Туниса. Сибила, другой город, завоеванный в ходе этой экспедиции, который Шоу принимает за древний Туррис Аннибалис, находится на две лиги южнее, на том же побережье Средиземного моря.

[38] Анна Комнина называет Петра Отшельником *Кукупьетторе*, что, по-видимому, взято из пикардийского слова *kiokio*, маленький, и от слова Petrus, Питер, маленький Питер. Если верить Одерiku-Виталю, у отшельника было еще одно имя, и звали его Петр из Ахириса. В “Хронике графов Анжу” он назван так: “Херемита квидам *Петрус Ахириенсис*”. Вильгельм Тирский сообщает нам, что он был отшельником по имени и фактически: “*Heremita nomine et effectu*”. Адриан Барланд в своей книге “О поведении брабантийцев” выражается так: “Петр Еремита, Амбианенсис, вир благородный, примат военного дедита, тамси литтерис оптимум имбутус, деформированное тело и бревис статура” и др. Жизнь Петра Отшельника была написана Андре Теве в его “Истории самых выдающихся и образованных людей своего времени” и отцом Аутреманом, иезуитом. Несколько семей претендовали на то, что они произошли от Петра Отшельника. Наиболее рациональным и лучше всего подкрепленным утверждением является утверждение семьи Сулье, которая все еще существует в Лимузене.

[39] Это письмо Алексиса, цитируемое в отрывке аббатом Гибером, и полностью Робертом Монахом. М. Херен в своем ученом латинском комментарии к греческим историкам сомневается в его подлинности. Основная причина, которую он приводит в обоснование своего мнения, заключается в том, что это письмо слишком сильно отличается от известных характеров греческих императоров. Эта причина не кажется мне достаточной; мы очень хорошо знаем, что греческие императоры проявляли большую надменность в своей переписке, но мы знаем также, что они не жалели молитв, когда им грозила какая-либо опасность или они нуждались в помощи: ничто так не сочетается с тщеславием, как подобострастие. Некоторые критики не могут поверить, что Алексей мог говорить в своих письмах о прекрасных женщинах Греции; однако в это вполне можно поверить, если вспомнить, что турки, вторгшиеся в Византийскую

империю, с большим рвением добивались расположения гречанок. Монтескье отмечает это, говоря об упадке империи. В таком случае кажется вполне естественным, что Алексей говорит о прекрасных женщинах Византии, обращаясь к франкам, которых греки считали варварами и которые руководствовались теми же вкусами, что и турки.

[40] Смотрите “Историю завоевания Иерусалима” Уильяма Обера.

[41] В нашем распоряжении несколько историков, которые сообщают о речи Урбана; они согласны по основным пунктам, но расходятся в деталях. Преподобный Роберт, присутствовавший на соборе, говорит: *Hæc et id genus plurima ubi Papa Urbanus urbano sermone peroravit*. Бальдрик или Будри выражается так: *Его величество хужуссемоди алииси* т.д. Все заставляет нас полагать, что папа произнес свою речь на языке страны. Что делает это мнение более вероятным, так это то, что Урбан был французом, и что в противном случае было важно, чтобы его хорошо понимали бароны и рыцари, которые не были знакомы с латынью. Если бы он не произносил свою речь на вульгарном языке, он не вызвал бы того необычайного энтузиазма, о котором так много говорит современная история.

[42] *Dieu le veut* произносилось на языке того времени *Dieu li volt* или *Diex le volt*.

[43] Крест, который верующие носили в этом крестовом походе, был матерчатым, а иногда даже из шелка красного цвета. Впоследствии они носили кресты разных цветов. Слегка рельефный крест нашивался на правое плечо плаща или мантии или же крепился спереди к шлему после благословения папы римского или какого-либо епископа. Молитвы и церемонии, использованные по этому случаю, до сих пор можно найти в римском ритуале. Вернувшись из Святой Земли, они снимали этот знак с плеча и размещали его на спине или же носили на шее. (See Le Père Montfaucon, Ducange, Maily, and Le Père d’Outremant.)

[44] Роберт ле Фризен, второй сын графа Фландрии, не получив доли богатства своего дома, сказал своему отцу: “Дай мне людей и суда, и я пойду и завоюю государство сарацин в Испании”.

[45] Архиепископ Дола не смог удержаться от выражения своего удивления словами, весьма примечательными для того времени: *Чрезмерный медицинский режим, к тому же плюс дебют в споре о добровольном прекращении*.—Болдрик, архиеп. библиотека. i.

[46] Аббат Гибер приводит пример монаха, который сделал большой надрез на лбу в форме креста и сохранил его с помощью приготовленных соков. Он позаботился сообщить, что ангел сделал этот надрез, который обеспечил ему как во время путешествия, так и на войне любую помощь, какую он только мог пожелать. Он стал архиепископом Кесарии. Фульк из Шартра рассказывает, что судно с крестоносцами потерпело крушение у берегов Брундузия, и на всех телах потерпевших кораблекрушение появилось что-то вроде креста, отпечатанного на их теле, причем на той самой части одежды, на которой оно было надето, когда они были живы.

[47] *Erat eo tempore antequàm gentium fieret tanta profectio, maxima ad invicem hostilitatibus totius Francorum regni facta turbatio; crebra ubique latrocinia, viarum obsessio, passim audiebantur, immo fiebant incendia infinita.—Mox ergo et mirâ et incredibili, ob insperabilitatem, animorum immutatione commoti, signum pontificis præceptione indictum, cruces videlicet, ab episcopis et presbyteris sibi precantur imponi, et sicuti rapidissimi venti impetus solet non magnâ pluvix undâ restringi, ita illicò*

contigit ad invicem simultates universarum et bella sopiri, per inditam sibi aspirationem, haud dubium quin Christi.—Guibert, Abb. lib. i. ch. 7.

[48] *Tristitia remanentibus, gaudium autem euntibus erat.*—Фульк. Карно.

[49] *Videres mirum quiddam, ipsos infantulos, dum obviam habent quælibet castella vel urbes, si hæc esset Jerusalem, ad quam tenderent, rogitare.*—Guibert, Abb.

[50] Вильгельм Тирский сообщает нам, что Уолтер обменял свое состояние на имя, под которым он известен. Латинские историки называют его *sine habere, sine pecunia*; старые французские хроники называют его *senz avehor, senz-aveir*; английские писатели называют его *нищим*. Уолтер был бургундским дворянином. Некоторые историки утверждают, что дядя Уолтера без Гроша в кармане был впервые назначен лейтенантом Петра, и что последний получил командование только после смерти своего дяди, который умер как раз в тот момент, когда паломники вступили на территорию болгар.

[51] Святой Стефан был королем Венгрии до Коломана, который правил во времена первого крестового похода.

[52] Среди небольшого числа рыцарей в армии Петра были Рено де Брейс, Готье де Бретей, Фельшер Орлеанский и Годфри Бюрель д'Этамп.

[53] Вильгельм Тирский и другие латинские историки называют этот город *Malle Villa* во-первых, потому, что они не знали его собственного названия, а во-вторых, потому, что он был фатальным для крестоносцев. Все французские историки, которые говорили о крестовых походах, переводили *Малле Вилья Маллевиля*.—См. Марсигли, *Данубиус Паннонико, Мистикус*.

[54] Обратитесь к Вильгельму Тирскому или, что еще лучше, к Альберу д'Экс, который из всех историков крестовых походов больше всего рассказывает об этих первых экспедициях.

[55] Среди этой сбитой с толку толпы были Томас де Фей, Клермо де Водей, Гийом Шарпантье, граф Герман и другие.

[56] *Fuit et aliud scelus detestabile in hâc congregatione pedestris populi stulti, et vesanæ levitatis, anserem quemdam divino spiritu asserebant afflatum, et capellam non minus eodem repletam, et has sibi duces secundæ viæ fecerant in Jerusalem, quos et nimium venerabantur et bestiali more his intendebant ex totâ animi intentione.*—Alb. Aq. lib. i. cap. 31.

[57] Мерсбург крестоносцев теперь называется *Овар*; по-немецки *Унгариш-Альтенбург*; по-славянски *Старе-Гради*. Он расположен в болотах, которые Лейта образует при впадении в Дунай. Его положение таково, что невозможно попасть из Австрии в Венгрию с этой стороны, не пройдя мимо него. 'Посмотри на Бушинга, Геог.) Название Мерсбург, которое Альбер д'Экс дал этому месту, больше не употребляется; но пришедшее ему на смену название Альтенбург, означающее *старый город*, достаточно ясно указывает на более древнее название; и имя *Муассон*, которое другие историки крестовых походов дают тому же месту, все еще встречается в латинском и венгерском названии графства Визельбург, от которого зависит этот город; *Мезони ванмгье, Mesoniensis Comitatus*.

[58] В армии Петра Отшельника, по словам Анны Комнины, было десять тысяч норманнов, которые совершали ужасные бесчинства в окрестностях Никеи. Они рубили детей на куски,

насаживали других на вертела и совершали всевозможные жестокости по отношению к пожилым людям. - См. "Алексиаду", книга х.). Нам нет необходимости повторять наше предостережение против преувеличений Анны Комнины, которая всегда рада возможности обвинить крестоносцев.

[59] Этот Ринальдо, о котором больше ничего не известно, кроме того, что он был итальянцем, является единственным персонажем с таким именем, с именем которого связано какое-либо важное событие в первом крестовом походе. Тассо, взявший большинство своих персонажей из истории, позаимствовал личность и характер Ринальдо в "Освобожденном Иерусалиме" полностью из своего воображения.

[60] Вместо того, чтобы признать свою вину, говорит Анна Комнина, он возложил ее на тех, кто не подчинился его приказам и настаивал на том, чтобы поступать так, как им заблагорассудится, назвав их разбойниками, которых Бог счел недостойными видеть могилу Своего Сына и поклоняться Ей.—Alexiad, lib. x. гл. 8.

[61] Годфри Бульонский родился в Байси, деревне Валлон-Брабант, ныне в департаменте Ла-Дайль, в двух лье к юго-востоку от Невилля и недалеко от Флерюса. Обер ле Мир и барон Леруа в "Географии Брабанта" сообщают, что в их время можно было увидеть остатки замка, в котором вырос Годфри.

[62] Анонимный историк крестовых походов, говоря о Годфри, выражается так: *Tantum lenis, ut magis in se monachum quàm militem figuraret*. Guibert further says: *Cujus mira humilitas et monachis jam imitanda modestia*.—See Bongars, p. 548.

[63] Аббат Гиберт так отзывается об Уильяме, виконте де Мелен: *Cum Jerosolymitanum esset agressurus, iter direptis contiguum sibi peuperum substantiolis, profanum viaticum præparavit*.—Lib. iv. c. 7.

[64] Отец Мамбур.

[65] Нет ничего более распространенного, чем приписывать комбинации глубокой политики отдаленным эпохам. Если верить некоторым людям, люди одиннадцатого века были мудрецами, а мы - варварами. Я считаю необходимым привести мнение Монтескье по этому поводу: "Переносить все идеи эпохи, в которую мы живем, в отдаленные периоды - самый распространенный источник ошибок. Тем людям, которые хотят сделать все древние эпохи современными, я повторю то, что египетские жрецы сказали Солону: "О афиняне, вы всего лишь дети". — Дух Луи, лив. xxx. с. 18.

[66] *Eo tempore cum inter regni primates super hâc expeditione res fieret, et colloquium ab eis cum Hugone Magno, sub Philippi regis præsentiâ, Parisiis haberetur, mense Februario, tertio idus ejusdem, luna, eclipsim patiens, ante noctis medium, sanguineo paulatim cœpit colore velari, donec in cruentissimum tota horribiliter est conversa ruborem; et ubi aurora crepusculo naturæ rediit, circa ipsum lunarem circulum insolitus splendor emicuit. Quidam autem æstivi diei vespertinâ irruente horâ, tanta aquilonis plagæ efflagratio apparuit, ut plurimi è domibus suis sese proriperent, quærentes quinam hostes provincias suas adeò grave ambustione vastarent*. Гиберт, Abb. lib. i. гл. 17.

[67] Рауль де Кан написал, наполовину в прозе, наполовину в стихах, "Жесты танкреда". 'См. "Тезаурус новых историй" Д. Мартенна, том i., или "Воспоминания Муратори", том iii.)

[68] Обратитесь к истории Раймона д'Эгилеса, капеллана графа де Тулуза, для описания этого похода крестоносцев с юга по неизвестной до того времени стране.

[69] Армянский историк говорит о подготовке к этому крестовому походу: “Ворота латинян были открыты, и жители Запада увидели выходящие из их стран армии и солдат, многочисленных, как саранча или морской песок”.

[70] Ничто не может быть более рассеянным, чем историки о походе различных князей крестового похода; у каждой части христианской армии есть свой особый историк, что очень вредит проницательности: чрезвычайно трудно проследить за таким количеством различных связей.

[71] Крестоносцы, последовавшие за Раймондом, обозначаются историками *провансальцами*. Это происходит от древнего названия *Римской провинции*, или *Провенсии Нарбоннской*, которая включала Лангедок, Дофине и Прованс.

[72] Современные историки, которые говорили о крестовых походах и производили это перечисление, несомненно, имели в виду нумерацию, которая встречается в Священном Писании, в результате чего число солдат Израиля составляет шестьсот тридцать три тысячи пятьсот пятьдесят. Я полагаю, мне следует добавить несколько отрывков из историков: *Si omnes qui de domibus suis egressi votum jam iter ceperant, simul illuc adessent, procul dubio sexagies centum millia bellatorum adessent.*—Foulcher de Chartres. *Opinionem hominum vincebat numerus, quamvis æstimarentur sexagies centum millia itinerantium.*—Malmesbury, book iv.

[73] Таким мог быть характер стотысячной конницы; но пятьсот тысяч пеших никоим образом не заслуживали такого описания.—Пер.

[74] *Quis tot principes, tot duces, tot equites, tot pedites, sine rege, sine imperatore dimicante hactenùs audivit, neque siquidem in isto exercitu alter alteri præfuit, alius aliis imperavit.* Болдрик, глава 13.

Читатель может сосредоточить свое внимание на этом, как на источнике большинства их бедствий; и во всей истории крестоносцев нет большего чуда, чем то, что армия, сформированная таким образом, смогла чего-либо добиться.

[75] Армянская история Матфея Эдесского находится среди рукописей Императорской библиотеки “Древние фонды”, № 99. Мы цитируем его по переводу, который мсье де Сен-Мартен был так любезен предоставить нам, а также по переводу, который мсье Цербейд, профессор армянского языка Императорской библиотеки, сделал с целью прояснения некоторых рукописей.

[76] Пизанцы, генуэзцы и большая часть народов Италии после греков показали себя наиболее искусными в конструировании военных машин.

[77] Эти *железные руки* были не чем иным, как машиной, которую римляне называли *ворон*, которую они использовали в захватных судах: они также использовали ее при осадах.

[78] См. Вильгельм Тирский, библиотека iii.

[79] Эта долина, образованная на севере горой *ин-Энгнии* орошаемая рекой, которая течет с запада на восток и которая, возможно, является Батис древних, с деревнями Таочанлу и Гурмен на востоке и деревнями Йен-Эуглу на западе;^(a) это последний находится всего в трех морских лигах, или девяти милях, от Дорилеума. Альбер д'Экс называет эту долину Догорганхи, что, по-видимому, является восточным названием, из которого латинские историки сделали Горгони, что в некотором роде рисует ужасы этого рокового дня. Озеллис - это, по-видимому, название, которое дали ему греки. Этими подробностями мы обязаны ученым расспросам Валькенера.

^(a) Смотрите карту Константинополя и его окрестностей Эрроусмита.

[80] *Hâc crudelitate atrocissimæ mortis stupefactæ teneræ puellæ et nobilissimæ, vestibus ornari festinabant, se offerentes Turcis, ut saltem amore honestarum formarum accensi et placati, discant captivarum misereri.*—Alb. Aq. lib. iii. cap. 4.

[81] Я провел серьезные исследования, чтобы выяснить, какими средствами снабжалась христианская армия, и не смог узнать ничего, кроме того факта, что крестоносцы носили с собой ручные мельницы.

[82] *Tunc autem vere vel rideretis, vel forsitan pietate lachrymaremini, cum multis nostrum jumentis egentes, verveces, capras, sues, canes, de rebus suis orerabant. Equites etiam supra boves cum armis suis interdum scandebant.*—Ful. Карн. апуд Бугай, стр. 589.

[83] *Изаврийская трахея древних.*

[84] *Проблема, связанная с муляжами exsiccatis faucibus, области внутренних органов ... mediâ plateâ in omnium aspectu foetus suos enixæ relinquebant; aliæ miseræ juxta foetus suos in vid communi volutabantur, omnem pudorem et secreta sua oblitæ.*—Alb. Aquem. lib. iii. cap. 2.

[85] Это замечательное обстоятельство взято из "Жизни Годфри" Жана де Ланеля, экю-сеньора де Шантро и Дю Шобера.

[86] Проконсультируйтесь по поводу этой экспедиции с Пеллутье, *История кельтов*.

[87] Сейчас Конье, в Карамании.

[88] Древняя история представляет нам нечто чрезвычайно похожее на то, о чем здесь рассказывается. Во время гражданских войн, разделивших Римскую империю под властью триумvirата, Кассий и Долабелла оспаривали владение городом Тарс. Одни, говорит Аппиан, короновали Кассия, который первым прибыл в город; другие короновали Долабеллу, который пришел после него. Каждая из двух партий придавала своим действиям характер публичной власти; и, воздавая почести сначала одной, а затем другой, каждая из них вносила свой вклад в несчастья города, столь разностороннего в своих пристрастиях. Аппиан, *История о гражданских войнах*, IV в. до н. э. 8.

[89] Это Мессия Абульфеды. Смотрите статью об этом городе в Mannert, tom. vi. p. 2, стр. 101, которая очень изучена и очень хорошо сделана.

[90] Когда Болдуин покинул христианскую армию, она уже прибыла в Марраш.

[91] Ни один из латинских историков не назвал нам имени губернатора Эдессы. Имя Феодора встречается в Истории Матфея Эдесского, из которой мы взяли, согласно переводу М. Корбиеда, несколько любопытных подробностей, которые тщетно искали бы в другом месте.

[92] *Intra lineam interulam, quam nos vocamus comisiam, nudum intrare eum, faciens, sibi adstrinxit; et deinde omnia osculo libata firmavit, idem et mulier post modum fecit.*—Guib. Abb. lib. iii. ad finem.

[93] В первой книге "Освобожденный Иерусалим", когда Вечный обращает свой взор на крестоносцев, он видит в Эдессе амбициозного Болдуина, который стремится только к человеческому величию, которым он занят исключительно.

[94] В настоящее время называется Аасси "Мятежник"), или эль-Маклауб, наоборот, потому что она течет с юга на север, в направлении, противоположном направлению других рек той же страны.

[95] Древнюю Антиохию нельзя узнать в разрозненной деревне, которую турки называют Антакье; даже достаточно сложно установить ее древнюю протяженность. Мы можем обратиться к описанию этого явления, данному Пококом и Драммондом, и сравнить его с тем, что сказал Раймон д'Эгилес. Альбер д'Экс, Вильгельм Тирский и древние историки.

[96] Имя этого принца-сельджукида было искажено большей частью латинских историков. Тудебод и монах Роберт называют его Кассианом; Фуше де Шартр - Грацианом; Вильгельм Тирский - Аксианом; Альбер д'Экс-Дарсианом; М. де Гинь и большая часть востоковедов называют его в честь Абульфеды Байхистаном; но у других восточных историков он назван Акби Сираном ("черный брат"), что более соответствует искаженному названию об Аксьене, который он упоминает в нашей "Истории крестовых походов".

[97] *Plurimum quoque interest ad disciplinam militiæ, insuescere milites nostros, non solum partâ victoriâ frui, sed si etiam res sit lentior, pati tædium, et quamvis seræ spei exitum exspectare, nec sicut æstivas aves, instante hyeme, tecta ac recessum circumspicere.*—Accolti, de Bello contra Turcas, lib. ii.

[98] *Alearum ludo pariter recreari et occupari cum matronâ quâdam, quæ magnæ erat ingenuitatis et formositatis. Matronam vero vivam, et intactam armis, rapientes traxerunt in urbem, per totam noctem immoderatæ libidinis suæ incesto concubitu eam vexantes, nihilque humanitatis in eam exhibentes.*—Alb. Ag. lib. iii. p. 46.

[99] Мы взяли подробности осады Антиохии у следующих авторов: Вильгельма Тирского, Альбера д'Экс, Бодри, Робера, Тудебоды, Раймона д'Эгилеса, Гибера, Рауля де Кана, Фуше де Шартр, Одерика Виталья, Поля Эмиля, Бернара Тезауриуса, Акколти, Дюша, Майи, Де Гиня, Альбуфараджа и др.

[100] Историк Бургундии Урбен Планшер, не приводя никаких оснований и не ссылаясь ни на какие авторитетные источники, рассматривает это событие как басню, хотя оно засвидетельствовано Вильгельмом Тирским, Альбером д'Экс и несколькими другими историками, почти современными ему. Маллет ничего не говорит об этом в своей "Истории Дании"; тем не менее Лангбек в своем собрании датских историков говорит, что видел бронзовый барельеф, на котором свено, о котором говорится в этой истории, изображен с атрибутами крестоносца. Этот барельеф был выполнен по заказу Кристиана V. Внизу портрета

Свено находятся несколько латинских стихов, описывающих его славную и трагическую смерть. К “Scriptores Rerum Danicarum” можно обратиться по поводу диссертации, в которой Лангбек обсуждает отрывки древних историков и ясно демонстрирует правдивость их рассказов. Эта диссертация озаглавлена “Infelix Suenonis Danici adversus Turcas”.

[101] Согласно Вильгельму Тирскому, хлеб, которого хватало на ежедневное питание одного человека, стоил два су вместо денье; бык - две марки серебра вместо пяти су; козленок или ягненок - пять или шесть су вместо трех или четырех денье; расходы на лошадь за одну ночь достигали восьми су, в то время как на нее приходилось в начале осады было всего два или три отрицателя.

[102] Отложите случайную встречу, чтобы предотвратить преждевременные роды; отложите семейную травму для детей.—*Rob. Mon. lib. iv.*

[103] Этот великий постник, говорит Мейбур, который благодаря добровольному аскетизму, снискавшему ему такую высокую репутацию святоши, объявил, что не ест ни хлеба, ни мяса, не мог выдержать необходимого поста.

[104] Et quis esse poterat aditus voluptatis, ubi erat indesinens suspicio mortis!—*Guib. lib. vi. cap. 15.*

[105] Это обстоятельство взято из армянской рукописи Матфея Эдесского. Удивительно, что латинские историки ничего не упоминают об этом; но они никогда не говорят о каких-либо средствах обеспечения крестоносцев провизией.

[106] Хроника, напечатанная в Париже в 1517 году и озаглавленная “Grand Voyage d'Outre-Mer”, вкладывает в уста Годфри следующую речь: “Храбрые сеньоры, мои братья и соратники в Иисусе Христе; если новость, которую мы слышим, правдива, что за наши грехи эти жестокие собаки убили этих доблестных людей, и из большого уважения, я вижу только две вещи, что мы умрем вместе с ними как добрые и верные христиане, уверенные в получении нашего герда от нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа, ради служения которому мы пришли сюда и оставили нашу жизнь. родные земли и наши сородичи; или, если ему будет угодно, чтобы он позволил нам отомстить и одержать победу над этими мерзкими собаками, которые таким образом унизили и ослабили христианство в его доблестных людях”.

[107] Sed est quod stupeam, nec satis valeam stupere: cum homo tam pretiosus laudis emptor mox præsentis ora armigeri silentio concluderet adjurato.—*Gest. Танкъ. глава 52; Муратори, том iii.* Историк, которого мы только что процитировали, пытается объяснить факт, о котором он рассказывает. Он спрашивает себя, было ли это из скромности или религиозного духа, или же Танкред, возможно, боялся, что ему не поверят, ни его собственному слову, ни слову его оруженосца, что христианский герой желал, чтобы было сохранено молчание. Во всех этих случаях этот факт кажется ему вундеркиндом. Он добавляет, что оруженосец был верен своей клятве и что о подвигах Танкреда в тот день стало известно лишь много времени спустя. Нам остается только сравнить это с тем, что говорит старый Гораций о своих героях.

[108] Sic lubricus ensis super crus dextrum integer exigit, sicque caput integrum cum dextrâ parte corporis immersit gurgite, partemque quæ equo præsidebat remisit civitati.—*Rob. Mon. Cujus ense trajectus Turcus duo factus est Turci; ut inferior alter in urbem equitaret, alter arcitenens in flumine nataret.—Rad. Cad.*

[109] Feruntque in illâ die martyrisati ex nostris militibus seu peditibus plusquam mille, qui in cœlum lætantes ascendebant, atque candidati ferentes stolam recepti martyrii, glorificantes et magnificantes Dominum Deum nostrum trinum et unum, in quo feliciter triumphabant; et dicebant concordabili voce: *Quare non defendis sanguinem nostrum, qui hodie pro tuo nomine effusus est?*—*Gesta Francorum*, lib. xviii глава 18, стр. 13.

[110] Эти подробности приведены аббатом Гибертом, глава iv. У этого историка можно найти самые подробные сведения о *морали*.

[111] Et si Sarracenum noviter interfectum invenerunt, illius carnes, ac si essent pecudis, avidissimè devorabant.—*Gesta Francorum*.

[112] Матфей Эдесский не называет мусульманина, который отдал Антиохию христианам. Абульфарадж называет его Рузебах и говорит, что он был персом по происхождению. Анна Комнина утверждает, что он был армянином. Большинство историков называют его Пирром, или Фирусом. Вильгельм Тирский дает ему имя *эмир Фейр*, а Санути называет его Хермуферусом. Скорее всего, можно сказать, что он отрекся от христианства. Если авторы не пришли к единому мнению относительно его имени, можно предположить, что одни называли его собственным именем, а другие - именем, которое выражало его профессию. Вильгельм Тирский говорит, что он родился в семье, которая по-армянски называлась *Бени Зерра*, то есть *семья изготовителей кирас*.

[113] Apparuit enim ei Dominus Jesus Christus per visum, et ait; Vade et redde civitatem Christianis.—*Gesta Francorum*, lib. v. cap. 12.

[114] Комета появилась в ту самую ночь взятия Антиохии, 3 июня 1098 г. —См. *Роберт. Monach.* lib. v. ad finem; *Chronicon Fossæ Novæ*, in *Muratori*, tom. vii.; *Chronica Mailross.* ab anno 733 1270 г. н.э., согласно разнообразным аукционам, *английским шрифтом*. том i.; "Анналы Ваверлиенса", там же, том ii.; *Pingie, Cométographie*, том i, стр. 382.

[115] Анонимный автор хроники, озаглавленной *Пассажи Оутремер*, выражается так, стр. 46: "Но среди них не было ни одного, кто не отказался бы взойти на гору, за исключением Бозмонда, которого *Эмискрий* принял с великой радостью и показал ему своего брата, лежащего в постели, которого он только что убил, потому что тот не захотел присоединиться к предприятию. ... истинный гнойник, окончательно исчезнувший Богемонд, неуверенный в себе до восхождения, единственный Богемонд, который живет в полную силу, за время восхождения.—*Бернард Тезауриус*, глава 36; *Муратори*, том iii.

[116] Причина, по которой аквила провоцирует самоубийство по воле божьей и сверхъестественных людей.—*Рад. Cair.* том. iii. стр. 66.

[117] Все эти подробности осады и взятия Антиохии, которые, по-видимому, принадлежат эпосе, буквально взяты из древних историков крестовых походов. См. *Альбер д'Экс*, библиотека iii. и iv.; *Вильгельм Тирский*, lib. v.; *Роберт Монах*, lib. v. и vi.; и авторы *Коллекции болгаров*. Все эти историки сходятся во мнении в принципиальных обстоятельствах. Преподобный Роберт в своем рассказе об этом выражает свое удивление следующими словами: "Non est lingua carnis quæ satis valeat enarrare, quid Francorum manus valuit persundare". Фульше де Шартр, который, согласно общепринятому мнению, первым взобрался

по веревочной лестнице, никогда не упоминает о себе в своем повествовании, что вполне соответствует духу христианских рыцарей.

[118] Матфей Эдесский оценивает эту армию в сто тысяч всадников и триста тысяч пеших. Абульфарадж говорит о лошади "*mille mille*". Латинские историки не так уж сильно преувеличивают, но и не во всем сходятся в своих рассказах.

[119] Alii multi, quorum nomina non tenemus, quia delecta de libro vitæ, præsentī operi non sunt inserenda.—*Will. из Тура*, глава iv.

[120] Почти все эти речи и жалобы крестоносцев переведены современными историками. Мы считаем своим долгом привести их текст здесь.

O Deus verus, trinus et unus, quam ob rem hæc fieri permisisti? cur populum sequentem te in manibus inimicorum incidere permisisti? et viam tui itineris, tuique sancti sepulchri liberantem tarn citò mori concessisti? Profectò, si hoc verum est, quod nos ab istis nequissimis audivimus, nobis referentibus, nos et alii Christiani derelinquemus te, nec te amplius remorabimur, et unus ex nobis non audebit ulterius nomen tuum invocare. Et fuit is sermo mœstissimus valor in totâ militiâ; ita quòd nullus nostrorum audebat, neque archiepiscopus, neque episcopus, neque abbas, neque presbyter, neque clericus, neque quisque laicus Christi invocare nomen per plures dies. Nemo poterat consolari Guidonem.—*Иеросолимитано итинере, Коллекция Дюшена*, том iv. стр. 799.

Ниже приводится речь, которую Роберт Монах вкладывает в уста Ги, брата Бозмунда:

O Deus omnipotens, ubi est virtus tua? Si omnipotens es, cur hæc fieri consensisti? Nonne erant milites tui et peregrini? Quis unquam rex aut imperator aut potens dominus familiam suam ita permisit occidi, si ullo modo potuit adjuvare? Quis erit unquam miles tuus aut peregrinus? &c. &c.—*Robert. Monach. lib. v.*

[121] Мы сочли своим долгом сообщить обо всех этих чудесных видениях в том виде, в каком они встречаются у современных историков, потому что они оказали огромное влияние на умы христиан и что, став источником и причиной величайших событий, они сами по себе являются важными событиями для истории.

[122] Об открытии этого копья и чудесах, которые оно совершало, рассказывают все историки крестовых походов. Арабский историк Абул-Мабасен в принципе согласен с латинскими историками. Самым доверчивым из последних и тем, кто сообщает наибольшее количество подробностей, является Раймон д'Эгилес. Альбер д'Экс, Вильгельм Тирский, Гиберт и Роберт не вызывают ни малейшего сомнения в подлинности копья. Фуше де Шартр, менее легковёрный, говорит, рассказывая об открытии, "*Мошенничество и не мошенничество*". Позже, говоря о копье, он добавляет, что оно было спрятано в том месте, откуда было взято: *Изобретите копье, falliciter occultatam forsitan*. Историк Павел Эмилий, рассказывающий о том же факте, сопровождает его в высшей степени философскими размышлениями. Ив Дюша говорит, начиная рассказ: "Затем произошло удивительное событие, о котором некоторые оставили письменный отчет, который я бы не стал считать полностью правдивым, но и не стал бы опровергать как ложь". Анна Комнина ничего не говорит о копье, но говорит *огвоздях*, которыми пригвоздили Христа к кресту. Albufaradge совершает ту же ошибку. В общем, отчеты как греков, так и арабов об этой войне следует читать с большой осторожностью; они дают нам очень мало положительных идей.

[123] Об этой речи сообщает большинство латинских историков крестовых походов. Мы сохранили ее дух с самой скрупулезной точностью.

[124] Анна Комнина говорит о мнимом единоборстве между графом Фландрии и сарацинским генералом.

[125] Letanias supplices, ab ecclesiâ in ecclesiam, explicant; confessione peccatorum sincerâ se mundant, et episcopali vel sacerdotali consequenter absolutione promeritâ, corporis ac sanguinis Domini sacramento, plenâ fide communicant, &c.—*Guibert*, lib. vi.

Missæ per ecclesias celebratæ sunt; omnesque sanctâ dominici corporis communione communicati sunt.—*Роберт. Понедельник*. библиотека. vii.

[126] Посмотрите, что он говорит, и как доминика ланке иби феребам.—*Райм. д'Агилес*, стр. 155, апуд Бенг.

[127] Пьер Анжелли, автор латинской поэмы о первом крестовом походе, озаглавленной "*Сириадос Либри XII*", очень подробно описывает эту битву и сообщает об одной части чудесных обстоятельств, при которых она сопровождалась; но его рассказ слишком размыт, чтобы вызвать большой интерес. "Сириада" начинается с первого путешествия Петра Отшельника в Иерусалим и представляет собой не что иное, как копию в стихах историй Вильгельма Тирского, Альбера д'Экс и других. Описав поход и первые подвиги крестоносцев, латинский поэт ближе к концу последней песни переходит к осаде Иерусалима, которой он посвящает всего сто стихов.

[128] Удивительно, что Рауль де Кан, который описывает эту битву, а также в эпических стихах, не рассказал о каких-либо удивительных обстоятельствах. Раймон д'Агилес не упоминает о небесном легионе, но он говорит: "Умножьте в высшей степени адео Господина, упражняющегося без усталы, прежде чем бороться с недостатками, эрамус, как хозяин, во множестве победит". Одерик Витал так говорит о легионе, который, казалось, спустился с небес: "Ecce, Deo gratias, ab ipsis montanis visus est exire exercitus innumerabilis, albis equis insidentes и в манибысе Candida vexilla preferentes". Hoc multi viderunt Christianorum, et sicut putant, gentilium, et hæsitantes, mirabantur quidnam esset. Tandem utrique cognoverunt signum de cœlo factum, et duces illius agminis, sanctos martyres Georgium, Demetrium, et Theodorum sua signa ferentes præcedere cognoverunt. Sarracenis multus timor inhæsit, et Christianis spes melior crevit.—*Od. Жизненно важный*. библиотека. ix. Роберт Монах и Болдрик рассказывают об одном и том же обстоятельстве и одних и тех же деталях.

[129] Эта палатка могла вместить более двух тысяч человек. Боэмунд отправил его в Италию, где оно хранилось долгое время.

[130] Джемаледдин, который из всех восточных историков приводит наибольшее количество подробностей о взятии и битве при Антиохии, сообщает, что между турками и арабами вспыхнула ожесточенная ссора; он даже добавляет, что арабы отступили перед битвой, и что в ходе нее турки обратили оружие против своих союзников.

[131] Лидеры крестовых походов заявили, что осада и битва при Антиохии едва ли стоили им десяти тысяч человек.

[132] Corvini generis legatus, postea non rediit.—*Лысый*. библиотека. iv.

[133] Альбер д'Экс говорит, что сто тысяч.

[134] Тассо заставляет Адемара умереть при осаде Иерусалима и заставляет его умереть от рук женщины. Некоторые историки приписывают песнопение “*Salve Regina*” епископу Адемару. Епископы Пюи, его преемники, носят на своем гербе меч с одной стороны и пастырский посох с другой. Добавляется, что каноники одного и того же города носили каждый год, на Пасху, плащ в виде кирасы.

[135] Этот анекдот, который здесь цитируется без придания ему большего значения, чем оно того заслуживает, изложен в *Magnum Chronicon Belgicum*, который находится в собрании историков Германии Писториуса. The author says the lion followed Geoffrey *like a hare*:—Eum sequitur, sicut lepus; et quamdiù fuit in terrâ, nunquam recedens, multa ei commoda contulit tam in venationibus quam in bello; qui carnes venaticas abundanter dabat. Leo verò quæcunque domino suo adversari videbat, prosternabat, quem, ut dicunt, in navi positum cùm domum rediret, derelinquere noluit, sed nolentibus eum, ut crudele animal, in navem recipere nautis, secutus est dominum suum, natando per mare, usque quo labore deficit.

О том же самом факте рассказывает отец Мамбур, который добавляет к своему рассказу это странное размышление. “Странное наставление природы, которая позорит людей, давая им, как она делала не раз, львов в качестве хозяев”.

[136] Альбер д'Экс - единственный историк, который рассказывает об этом и следующих фактах.

[137] Некоторые ученые авторы не могут отследить сообщения голубей дальше, чем во времена правления Саладина. Это правда, что именно во времена правления Нурадина и Саладина в Египте были организованы регулярные почтовые отправления, обслуживаемые голубями; но это средство связи было очень древним на Востоке. Сольный концерт Альбера д'Экс не подлежит сомнению. Историк говорит о том удивлении, которое такого рода посланцы вызвали среди крестоносцев; и поскольку этот факт показался ему примечательным, он не пренебрег мельчайшими подробностями: —Legati sine mora' columbas duas, aves gratas et domitas, secum allatas eduxerunt et sinu suo, ac charta, ducis responsis promissisque fidelibus inscripta, caudis illarum filo innodata, et manibus suis has ad ferenda laeta nuncia emisserunt Jam cum chartis sibi commissis aves advolaverunt, in solium et mensam ducis Hasart fideliter reversæ.... Princeps autem ex more solito aves domesticas piè suscipiens, chartas intitulatas à caudis earum solvit, secreta ducis Godfredi perlegit. В четвертой книге этой истории мы увидим еще один пример такого средства общения, использовавшегося сарацинами.

[138] Огненные шары, или воспламененные шары, как их называют натуралисты, могли вызвать такое появление.

[139] Lapides, ignem, et plena apibus alvearia, calcem quoque vivam, quantâ poterant jaculabantur instantiâ, ut eos à muro propellerent.—*Will. Tyr. lib. vii. cap. 9.*

[140] Audivi namque, qui dicerent cibi se coactos inopiâ ad humanæ carnis edulium transiisse, adultos gentiliū cacabo immersisse, pueros infixisse verubus, et vorasse adustos; vorando æmulati sunt feras, torrendo homines, sed caninos. Hunc ipsum finem membrīs propriis minabantur, cū aliena deficerent; nisi aut captæ urbis, aut cereris advenæ intercessio esuriem lenisset.—*Rad. Кадом.*

шапка. 27. Мы не можем не добавить к этой цитате слова Альбера д'Экс, который поражен, видя, как христиане поедают тела мусульман, но еще больше - видя, как они пожирают собак. *Mirabile dictu et auribus horrendum, quod nefas est dicere, nefas facere. Nam Christiani non solum Turcos sed Sarracenos occisos, verum etiam canes arreptos et igni coctos comedere non abhorruerunt præ inopiâ, quam audistis.*—*Ab. Aq. lib. v. глава 29.*

[141] Об этом обстоятельстве сообщает Мэйли, но он не сообщает, на основании каких данных.

[142] Архас упоминается Страбоном, Птолемеем, Иосифом Флавием и Маршрутом Антонина, который помещает этот город в шестнадцать милях от Триполи. Пококке 'том. ii. стр. 299) и Мондрелл 'том. i. стр. 41) говорят о реке, которая до сих пор носит это название. Абульфеда упоминает о нем под именем Ааркат. В маршруте из Бордо в Иерусалим также упоминается Архас.

[143] Лаодикия все еще существует под названием Лакикие. Он издавна славился своей торговлей табаком.

[144] Гибель. В переводе с арабского это слово означает "гора". Гибель - габала Страбона и Плиния; Гавала таблицы Пейтингера. Он до сих пор существует под своим древним названием Джебиль, и там до сих пор можно увидеть остатки амфитеатра. Я полагаю, что это *библейский* Гиблим, откуда отправляли ливанский лес Соломону.

[145] Тортоза - Антарада Птолемея и Маршрут Бордо.

[146] Раймон д'Эгилес, прежде чем сообщить об этом и нескольких других подобных фактах, выражает свое мнение следующим образом: —Как быстро я получу кредит и студенческую визу для ссылки, как одиозный алисуос аппосуи, применяю ли я к себе адский плагас и избавляю ли меня от жизни. О том же факте сообщается у Рауля де Кана.

[147] Рауль де Кан, который не был приверженцем копья и который восклицает, говоря об этом мнимом открытии: "О деревенская судьба! О деревенские верующие!" нисколько не щадит провансальцев и передал нам упреки, высказанные им в адрес христианской армии.

[148] Виден как действительный факт, популярный, вызывающий вербальный соблазн и фатальную ошибку.—*Рад. Cad. глава 109.*

[149] Описания этого события можно прочитать у Вильгельма Тирского, Робера д'Экс и, прежде всего, у Раймона д'Эгилеса, который не упускает ни малейшего обстоятельства.

[150] Картину марша и нетерпения христиан можно найти у Тассо в тех же красках и почти при тех же обстоятельствах, что и у историков.

[151] Мы думаем, что здесь уместно привести отчет Альбера д'Экс: "Сладкие каламеллоны в кампоруме с обильным репертуаром, квази—вокал ЦУКРЫ, *suxit populus, illarum salubri succoidatus* и *vix ad saturitatem præ dulcedine expleri hoc*". восхитительный напиток. *Hoc enim genus herbæ summo labore agricolarum, per singulos excolitur annos. Deinde, tempore messis maturum mortariolis indigenæ contundunt, succum collatum in vasis suis reponentes quousquè coagulatum indurescat sub specie nivis vel salis albi. Quem rasum cum pane miscentes aut cum aquâ terentes, pro pulmento sumunt, et supra favum mellis gustantibus dulce ac salubre videtur....*

His ergo calamellis melliti saporis populus in obsidione Albariæ, Marræ et Archas, multum horrendâ fame vexatus, est refocillatus.—*Alb. Aq. lib. v. cap. 3.*

[152] Санути предложил сажать сахарный тростник на Сицилии и в Апулии. Эта идея была воплощена в жизнь только в конце четырнадцатого века. Сахарный тростник не переправлялся, как было сказано, из Сицилии в Америку; он был перевезен на Мадейру с побережья Испании, куда его завезли сарадины. Сахарный тростник до сих пор встречается в некоторых частях королевства Гренада.

[153] Сначала я подумал, что этими змеями могут быть только *дипсада*, или огненный змей. Я сообщил это мнение М. Валькенер, который не без оснований не видел ничего из рептилий, о которых говорит Альбер д'Экс, кроме обыкновенного *египетского* геккона *Лацерта* (*Lacerta gesco* Линнея), которого Белон и Хассельквитс нашли в большом количестве в Сирии, Иудее и Египте. Этот вид очень ядовит; он напоминает другие виды того же рода и рода *stellion*, которые кажутся безвредными и встречаются во Франции, Италии, Сардинии и на всех побережьях Средиземного моря, где его называют *tarente*, *tarenta*, *tarentola* и др. Мнение М. Валькенера представляется тем более обоснованным, что из двух видов змей и гадюк, которым натуралисты дали название *dipsada*, один, *Coluber dipsas* Линнея, который является, собственно говоря, *дипсдой*, встречается только в Америке; другая, черная гадюка, *Coluber præster* Линнея, по-видимому, характерна для Европы и более распространена на севере, чем на юге. Мы можем рискнуть процитировать отрывок Альбера д'Экс на латыни, в котором говорится о средстве, рекомендуемом жителями страны против укуса *тарента*: "Подобное и всякое наставление всем лекарствам, но перкуторное сине—морское кровотечение, а также освобождение матки от всех опухолей".—*Alb. Aq. lib. iv. cap. 40.* Тот же историк упоминает о другом средстве, которое заключалось в сильном надавливании на место укуса, чтобы предотвратить попадание яда в другие части организма.

[154] Только Раймон д'Эгилес говорит об этом странном решении лидеров; если бы этот историк не присутствовал, мы не смогли бы ему поверить.—Видишь *Райма. д'Агилес*, в *Коллекции Бонгаров*, стр. 173. Альбер д'Экс ограничился тем, что сказал, что лидеры, пройдя по территории Птолемаиды, обсуждали, не следует ли им отправиться в Дамаск.

[155] Тассо говорил об энтузиазме крестоносцев при виде Иерусалима. Историки крестовых походов, Альбер д'Экс, автор "*Французской книги*", Роберт Монах, Бальдрик или Бодри, и Вильгельм Тирский рисуют нам ту же картину, что и Тассо. Мы удовлетворимся цитированием здесь отрывка из "Истории Иерусалима и Хеврона", который доказывает, что вид этого города также пробуждает энтузиазм мусульман: "*Государственный переворот Иерусалима*", "говорится в этой истории, - очень красив, особенно если смотреть с Елеонской горы. Когда паломник прибывает туда и видит здания поближе, его сердце наполняется невыразимой радостью, и он легко забывает все тяготы своего путешествия". Хафиз, сын Хаджара, по прибытии в Иерусалим сымпровизировал четыре стиха, перевод которых следующий: "Когда мы приблизились к святому городу, Господь показал нам Иерусалим; мы много страдали во время нашего путешествия, но тогда мы поверили, что попадаем на небеса". Мы слышали, как несколько современных путешественников, придерживающихся разных нравов, религий и мнений, говорили, что все они испытали живое волнение, впервые увидев Иерусалим. Посмотрите прекрасное описание, которое дал г-н де Шатобриан в своем Маршруте.

[156] Название Солима было образовано от имени Иеросолима.

[157] Мусульмане называют Иерусалим *Эль-Кодс* 'святой), *Бейт-уль-Мокаддес* 'святой дом), а иногда *Эль-Шериф* 'благородный). Описание Иерусалима можно найти в выдержках из арабской истории Иерусалима и Хеврона, переведенных на французский язык и помещенных в немецком журнале под названием "Копи Востока".

[158] Здесь Тассо заставляет Танкреда спорить с Клориндой. Персонажи Клоринды и Эрминии - выдумка поэта.

[159] Этот факт, который Тассо смешал с некоторыми вымыслами, изложен Раулем де Каном, *Геста Танкреди*, глава 112. Тот же историк добавляет, что Танкред встретил на Елеонской горе отшельника, родившегося в Нормандии и бывшего врагом Роберта Жискара и его семьи. Этот отшельник с уважением приветствовал итальянского героя и показал ему места вокруг Иерусалима, наиболее почитаемые паломниками.

[160] Смотрите, об этом прибытии христиан, *Вильгельм Тирский*, lib. vii. глава. 25.

[161] Сравнивая описание осады Иерусалима крестоносцами с описанием осады, которую римляне вели при Веспасиане, мы обнаруживаем, что покои Годфри находились в том же месте, что и покои Тита, когда он направил свои первые атаки на город. Ознакомьтесь с *историей* Иосифа Флавия.

[162] У Тассо можно найти замечательную картину этой засухи, которая также описана Робертом Монахом, Бальдриком, Раймоном д'Эгилесом, Альбером д'Экс, Вильгельмом Тирским и Жилем ор Жилу в его латинской поэме "О первом крестовом походе".

[163] Майбур, похоже, не верит в существование этого леса и говорит, что это изобретение Тассо. He might have read in William of Tyre this sentence, which is not at all equivocal:—Casu affuit quidam fidelis indigena natione Syrus, qui in valles quasdam secretiores, sex aut septem ab urbe distantes milliaribus, quosdam de principibus direxit, ubi arbores, etsi non ad conceptum opus aptas penitus, tamen ad aliquem modum proceras invenerunt plures. Рауль де Кан гораздо более позитивен и эксплицитен, чем Вильгельм Тирский; именно так он выражает себя: —Лукус эрат в монтибусе и монтах Иерусалимского восстановления; моду Неаполя, олим Себастьяну, древний Сихар диктует истину, собственные принципы, соблюдение игнота нострати виа, нунк знаменитость и ферме перерождение уника.—*Рад. Cad.* глава 121.

[164] Достаточно примечательным обстоятельством является то, что кустарником, который наиболее свободно растет на территории Иерусалима и который, должно быть, использовали крестоносцы, был *рамнус*, колючий кустарник, из которого, если верить мнению Пьера Белона, был сформирован терновый венец Христа. Кристофер Хасселквойт, правда, не придерживается такого мнения и утверждает, что терновый венец был сделан из кустарника *накба*.

[165] Quemdam egregium et magnificum virum, dominum videlicet Gastonem de Bearn, operi prefecerunt.—*Уилл. Тайрен.* библиотека. viii. глава 10. Раймон д'Эгиль и аббат Гибер говорят также о Гастоне де Беарне.

[166] Шевалье ле Фелар в своем трактате о *Нападении на Места* в конце своего комментария к Полибию говорит о башне Годфри, которую он неправильно называет *башней Фридриха Первого Иерусалимского*. Он дает подробное и очень точное описание этой башни, которое также хорошо описано современными историками.

[167] Фиксатор Кручения, сверхквазивный, не вызывающий отвращения у глазного яблока.—*Ab. Aq.* библиотека. vi.

[168] Смотрите на эту процессию: *Балдрик*, епископ Дол., lib. iv.; *Акколте*, lib. iv.; *Альбер д'Экс*, lib. vi.; *Вильгельм Тирский*, lib. vii. Не подлежит сомнению, что вожди устроили это шествие вокруг Иерусалима для того, чтобы вид стольких мест вызвал энтузиазм крестоносцев. Мы должны сожалеть, что Тассо, рассказывающий об этой процессии, почти ничего не сказал о местах, которые посещали христиане; эти подробности могли бы придать поэтическую красоту, ни в чем не отступая от исторической точности.

[169] Раймонд д'Эгайлс говорит, что башня Годфри была перенесена ночью в миле от того места, где она была построена; это наводит нас на мысль, что основная атака была направлена возле Кедровых ворот, по направлению ко входу в долину Иосафат. В остальном мы должны сожалеть, что г-н де Шатобриан, написавший очень интересную диссертацию о военных позициях Тассо, не пролил свет на неясности историков, которые присутствуют в этой части их отчетов об осаде.

[170] This circumstance is thus related by Abbot Guibert:—Est etiam mihi non inferiori relatione compertum, Robertum Normandiæ comitem Robertumque alterum Flandriarum principem, junctis pariter convenisse mœroribus, et se cum fletibus uberrimis conclamasse miserrimos, quos suæ adoratione crucis, et visione, immo veneratione sepulchri, tantoperè Jesus Dominus judicaret indignos.—Lib. vii. cap. 6.

[171] Поскольку Тассо часто прибегает к магии, мы тщательно искали у современных историков все, что связано с этим видом чудесного. То, что мы только что процитировали у Вильгельма Тирского, является единственным примером, который нам удалось найти. Некоторые историки также утверждают, что мать Кербози была колдуньей и что она предсказала своему сыну поражение Антиохии. Тщетно искать подобные случаи в истории первого крестового похода. Мы должны добавить, что в двенадцатом веке магия была гораздо менее популярна, чем в том, в котором жил Тассо. Крестоносцы, без сомнения, были очень суеверны, но их суеверия не были привязаны к мелочам; они были поражены явлениями, которые они видели на небесах; они верили в явление святых и в откровения, данные самим Богом, но не в магов. Идеи магии пришли к нам много позже, в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Хронисты того периода, которые говорят о предшествующих фактах, наполняют свои рассказы причудливыми и нелепыми баснями, каких нет у более древних авторов. Мы не должны судить о средневековье по хроникам Роберта Гагена или по хроникам архиепископа Терпина, произведению монаха двенадцатого века, и тем более по романам того же периода.

[172] Мы сообщаем об этом обстоятельстве здесь, чтобы дать представление об огне, который был открыт против христиан. Альбер д'Экс выражается так: "Первое качество, неиссякаемая сила солирующего ацетилированного ликера, сохраняющего свою ценность".—*Alb. Aq.* lib. vi. cap. 18.

[173] Это повторяет Вильгельм Тирский и некоторые другие писатели. Раймонд д'Агилес очень наивно говорит: "Это действительно так, я знаю, что не могу".—*Райм. д'Аг.* стр. 171, Бонгарс.

[174] Матфей Эдесский говорит, что Годфри использовал при этом нападении меч Веспасиана, который, таким образом, в третий раз помог разрушить Иерусалим. Ни один латинский историк не упоминает об этом.

[175] Одерик приписывает Реимбо Кретону Камбрезийскому славу первого входа в Иерусалим. Другие историки называют его лишь среди тех, кто наиболее внимательно следовал по стопам братьев Летальда и Энгельберта Турнейских. Это текст Orderic Vital: "Восстановление Кретона как первоисточника в изгнании из Иерусалима, входящего в него, и проч." Потомки Реймбольта Кретона вплоть до шестнадцатого века безразлично носили имена Кретон и Эстурмель. Это семейство сохранило в качестве своего девиза следующие слова: "*Vaillant sur la crête*"; и Ла Морльер, историк Пикардии времен Людовика XIII, говорит о них в таких выражениях: "К блеску этого семейства немало прибавляет тот факт, что признано, что они обязаны происхождением своего оружия первому крестовому походу, который христиане предприняли для возвращения Святой Земли, дарованной рукой Готфрида Бульонского, короля Иерусалимского, который, отдавая дань уважения доблести сьера д'Арк. Эстурмель, который, как он видел, так доблестно вел себя при взятии этого города, преподнес ему в подарок серебряный крест с зубцами, в который была вставлена частица истинного креста". Этот драгоценный реликварий передавался из поколения в поколение старшим сыновьям этого дома. В правление Людовика XIII. маркиз д'Отсфор, женившийся на единственной дочери Антуана д'Эстурмеля, кордон Блю и первого конюшего герцогини Орлеанской, притворился, что эта частица истинного креста является частью наследства. Это обсуждение было передано на арбитраж президента Месмеса, который решил, что крест должен вернуться филиалу дома Эстурмель, которому он принадлежит по сей день.

[176] Подробности этого штурма повторяются всеми современными историками, некоторые подробно описывают его. Фульше де Шартр, который, без сомнения, отличился там, говорит меньше всех. Анна Комнина говорит, что христиане взяли Иерусалим за пятнадцать дней, но подробностей не приводит.

[177] Восточные авторы не сообщают подробностей осады Иерусалима. Рукописная "История Иерусалима и Хеврона", хранящаяся в Императорской библиотеке, и месье Журден был настолько любезен, что перевел для меня несколько фрагментов, не содержит ничего, кроме расплывчатых замечаний. Автор довольствуется сообщением, что осада длилась более сорока дней и что христиане убили большое количество мусульман. Здесь мы можем сделать общее замечание: когда мусульмане переживают неудачи, арабские авторы очень скупы на детали и довольствуются тем, что рассказывают обо всем туманно, добавляя: "*Так было угодно Богу, пусть Бог проклянет христиан*". Абул-Феда сообщает гораздо меньше подробностей, чем остальные. Он говорит, что резня мусульман продолжалась семь дней подряд и что в мечети Омара было убито семьдесят тысяч человек, что, очевидно, является преувеличением.

[178] Рауль де Кан, стр. 132 и 133.

[179] Мы удовлетворимся здесь повторением слов Раймона д'Эгилеса, Фульше де Шартр и Роберта Монаха: "В этом храме декольте миллионов лет; педитирует ноздря в ноздрю, а основания — непрекаемый тингебантур"; "некий министр некоего парвулиса". пеперкерунт.— *Полно. Кан. ап. Бонг.* стр. 398. *Tantum enim ibi humani sanguinis effusum est, ut cæсорum corpora, undâ sanguinis impellente, volverentur per pavementum, et brachia sive truncatæ manus super cruorem fluitabant.*—*Rob. Mon.* lib. 9. *In templo et porticu Solomonis equitabatur in sanguine usque ad genua et usque ad frænos equorum.*—*Райм. д'Агь. Бонг.* стр. 179. Эти слова Раймона д'Агилеса, очевидно, являются гиперболой и доказывают, что латинские историки преувеличили то, что им следовало бы смягчить или скрыть.... В письме, написанном папе римскому, епископам и

верующим Даймбером, архиепископом Пизы, Годфри Бульонским и Раймоном де Сен—Жилем, есть такой примечательный отрывок: “Если вы хотите знать, - говорят они, - что стало с врагами, которых мы обнаружили в Иерусалиме, знайте, что в портике Соломона и в храме наши солдаты по колено обагрились сарацинской кровью”. -Si scire desideratis quid de hostibus ibi repertis factum fuerit, посмотрите, что происходит в портике Саломониса, и в templo ноздри равны, в сангвиническом обществе Сарраценорум уске и равный род.—См. *Novus Thesaurus Anecdotorum*, том i, стр. 282.

[180] Альбер д'Экс называет этих троих слуг *Балдриком, Адельбордом и Стабулоном*.

[181] Некоторые историки утверждают, что христиане отправились к Гробу Господню только на следующий день после завоевания. Здесь мы присоединяемся к мнению Альбера д'Экса, которое представляется нам наиболее вероятным.

[182] Ле П. Мамбур, *История набережной Круазад*.

[183] Альбер д'Экс приводит предложение, вынесенное советом лидеров. Это предложение подтверждается мотивами, на которые мы указали.

[184] Мы уже цитировали некоторых из этих историков; другие рассказывают почти те же подробности и с тем же *хладнокровием*. We will quote no other but Raymond d'Agiles, who expresses himself thus:—Alii namque illorum, QUOD LEVIUS ERAT, obtruncabantur capitibus; alii autem sagittati, de turribus SALTARE cogebantur; alii vero diutissimè torti et ignious adusti flammeriebantur 'sic). Videbantur per vicos et plateas civitatis AGGERES capitem et manuum atque pedum.—*Райм. de Ag.* стр. 178.

[185] Танкредус майлз гладиозус супермен Сибири, получивший травму, яростный и последовательный результат.—*Alb. Aq. lib. vi. cap. 29*.

[186] Comes Raymundus, avaritiâ corruptus, Sarracenos milites quos in turrim David elapsos obsederat, acceptâ ingenti pecuniâ, illæsos abire permisit.—*Alb. Aq. lib. vi. cap. 28*

[187] Роберт Монах выражается так: “Flebant et extrahebant”.

[188] Собственно говоря, это был своего рода блеск, который арабы называют *tradour*. У мусульман они такого большого размера, что приходится расширять двери мечетей за счет пролома, чтобы впустить их.

[189] Смотрите, для этого обсуждения и этой речи, *историю* Аккольти, lib. iv., и Ива Дюша.

[190] Английский историк Бромптон выражается так, рассказывая о несчастьях, которые впоследствии выпали на долю Роберта: “Так восстановит господина вместо вице-герцога Роберто, превзойдет славу в деяниях Иерусалимитанта, превзойдет Господина дерета, правит Иерусалимитантум сиби облатум ренуит, маги права, спокойные и желанные в Нормании, заслуживают права царствовать в святой гражданской войне”. Damnavit igitur eum Deus desidiâ perenni et carcere sempiterno.—См. *Historiae Anglicæ Scriptores*, том i., стр. 1002.

[191] См. *Аббата Губерта*, lib. vii. cap. 12.

[192] Альбер д'Экс, подробно рассказывающий об этих двух видениях, заканчивает так: "Сомниорум знамени из ордена божьего, народ христианской благосклонности, Богородица в солио царствующего Иерусалима".

[193] У Рауля де Кана мы можем видеть дебаты, возникшие по этому поводу, и особенно обвинение, выдвинутое против Танкреда Арнольдом де Роэсом от имени латинского духовенства.

[194] Здесь мы приводим перевод некоторых отрывков элегии поэта Модхаффера Абиверди о взятии Иерусалима крестоносцами, вставленной Абул-Федой в его *Анналы*, том iii, стр. 319. Этот перевод выполнен М. Журденом.

“Наша кровь смешана с нашими слезами, и у нас не осталось ни одной части нашего существа, которая могла бы стать объектом ударов наших врагов.

“О несчастье! если слезы заменят настоящее оружие, когда разразится пламя войны!

“Как может глаз закрывать свои веки, когда катастрофы, подобные нашей, пробудили бы даже тех, кто спал в самом глубоком покое!

“У твоих братьев нет других мест упокоения в Сирии, кроме спин их верблюдов и внутренностей стервятников!

“Франки обращаются с ними как с мерзкими рабами, в то время как вы позволяете небрежно увлекать себя за подол изнеженного одеяния, как поступили бы люди в полной безопасности!

“Какая только кровь не пролилась! сколько женщин из-за скромности были вынуждены скрывать свою красоту с помощью браслетов!

“Неужели вожди арабов, герои персов, смирятся с такой деградацией?

“Ах! по крайней мере, если они не защищают себя от привязанности к своей религии, пусть они будут воодушевлены своей собственной честью и любовью ко всему, что им дорого!”

[195] Эос танкам сегетем в поперечно-гладком секаторе.—*Лысый*. lib. iv.

[196] Subito sagittâ transfigebant, et quasi aves volatili telo percussas, ab ipsis arborum ramis moribundos humi procumbere cogebant.—*Alb. Aq.* lib. v. cap. 49.

[197] Анна Комнина, рассказывающая о битве при Аскалоне, говорит, что сначала франки были завоевателями, а затем подверглись нападению и были разбиты близ Рамлы. Она упоминает Болдуина, которого тогда не было в Палестине, и он приехал туда только после смерти Годфри. Легко видеть, что она смешивает, как это часто с ней бывает, два разных периода, период битвы при Аскалоне и период битвы при Рамле, которая произошла три года спустя, в правление Балдуина I.

[198] Принято считать, что эта битва при Аскалоне послужила Тассо образцом для великой битвы, которая положила конец *освобождению Иерусалима*. Легко видеть, что поэт имел в виду также битву при Антиохии, которая разыгралась у ворот города, хозяевами которого были христиане. Раймонд не мог присутствовать, потому что он держал под контролем цитадель Антиохии, все еще находящуюся во власти врага. Эти и некоторые другие обстоятельства в

равной степени встречаются в битве при *освобожденном Иерусалиме* и у историков, описавших битву при Антиохии.

[199] В арабской "Истории Иерусалима и Хеврона" есть четверостишие, обращенное к графу Сен-Жилю после поражения Афдал-бен-Бедр-аль-Джемали, генерала египетской армии, при Аскалоне:

Tu as fait triompher par ton épée la religion du Messie,
Dieu nous preserve d'un homme tel que Saint Gilles!
Jamais les hommes n'avaient entendu rien de pareil à ce qu'il a fait;
Il a mis dans la plus honteuse fuite Afdhul.

Мы цитируем это четверостишие не столько для того, чтобы показать содержащуюся в нем идею, сколько для того, чтобы показать, что Раймонд пользовался большой известностью среди мусульман.

[200] Этого эмиссара Раймонд д'Эгилес называет Боэмондом. Считается, что именно Фирус отдал Антиохию христианам, принявшим имя Боэмунд.

[201] Об этой ссоре между Годфри и Рэймондом см. *Альбер д'Экс*, lib. vi. cap. 41, 42 и 43.

[202] В генеалогической истории нескольких домов Бретани есть следующий довольно любопытный отрывок: "Рион де Лохеак приобрел в этом путешествии прекрасную и богатую добычу у врагов христианства, сарацин; и прежде всего ему было любопытно искать и собирать груды священных и драгоценных реликвий, которые находились в тех регионах, в числе которых был большой город". часть истинного креста, на котором наш Спаситель Иисус Христос принял смерть за спасение рода человеческого, и камня гроба, в котором был похоронен упомянутый Спаситель. Эти реликвии он намеревался привезти в свою страну; но, поскольку ему помешала болезнь, от которой он умер в упомянутой стране Сирии, он отправил их своему брату Готье де Лохику через своего оруженосца по имени Симон де Лудрон, который сопровождал его в этом путешествии ". Мы могли бы привести множество других подобных фактов, доказывающих, что христиане Запада придавали наибольшее значение реликвиям, привезенным с Востока.

[203] This circumstance is related in the *Chronicle of Hainault* 'Gisleberti Chronica Hannoniæ:)— Tacendum non est, says this chronicle, quod uxor ejus Yda comitissa domini sui occasum ut audivit, sed incerta si occisus fuerit, vel captus teneretur, Deum et virum suum diligens, partes illas eum labore magno et gravibus expensis adire non dubitavit: unde ipsa prius de viro suo incerta, incertior rediit.—P. 37.

[204] Смотрите "*Жизнь Петра Отшельника*", Ле П. д'Ольтремона. Петр Отшельник возвращался из Святой Земли в 1102 году вместе с дворянином из страны Льеж по имени граф деМонтень, когда на него обрушилась сильная буря, во время которой он дал обет построить аббатство. Именно во исполнение этого обета он основал аббатство Нефмонтье в Юи, в Ле-Кондре, на правом берегу Мааса, в честь Гроба Господня в Иерусалиме. Александр, епископ Льежский, освятил его в 1130 году. Петр умер там в преклонном возрасте и из смирения пожелал быть похороненным вне церкви. Только через сто тридцать лет после его смерти аббат и капитул распорядились перенести его мощи в гроб, облицованный мрамором, перед алтарем двенадцати апостолов, в 1242 году, с достаточно длинной эпитафией, которую г-н Морар из

Академии наук прочитал, проезжая через Хай в 1761 году, о чем сообщается в 3-м томе. из рукописей Лионской библиотеки, М. Деландина, стр. 481.

[205] Роберт, граф Фландрии, погиб в результате падения с лошади.

[206] Вильгельм IX. является первым известным трубадуром. Он был доблестным и учтивым рыцарем, но *великим обманщиком дам*. В песне он попрощался с Лимузенем, с Пуату, с рыцарством, которое он так любил, и с мирской суетой, которую он описывает как яркие одежды и красивые чулки. По возвращении он воспел тяготы, опасности и невзгоды этой экспедиции в стихотворении, которое утрачено. По словам Одерика Виталья, его обычная веселость была пронизана им, несмотря на печаль темы.—Смотрите "*Историю трубадуров*" Миллета, Тома I.

[207] Гишенон в своей *Истории Савойского дома* выражает себя так: "Уильям Парадин рассказывает, что этот принц Гумберт (второй граф Савойи) отправился в Святую Землю в крестовом походе, который был определен на соборе в Клермоне под предводительством Годфри Бульонского", что вслед за ним подтвердила большая часть историков такие, как Пиньон, Вандерб, Доглиани, Кьеза, Бальдеран, Баттел и Хеннинг). Папирус Массон отверг это, потому что ни рукописная хроника, ни авторы "Крестовых походов", которые называют имена многих менее влиятельных лордов, не упоминали его. Ботеро ничего о нем не сказал. "Тем не менее мы не можем сомневаться в этом путешествии; ибо примерно в то же время этот принц подарил монахам Бурже в Савоие поместье под названием Гутен, за здоровье своей души, души графа Аме, своего отца, и своих предков. Это пожертвование, датированное д'Йенне в Савоие, "а не Йене в Тюрингии, как сказано в "*Искусстве проверки дат*"", указывает на то, что граф проявил такую щедрость, чтобы получить от Бога счастливое учреждение "*консульства*" в своем путешествии за море. Так вот, это слово *consulat* тогда означало княжество, правительство или суверенитет. Одерик Виталь дарует Рожеру, графу Сицилии, титул консула Сицилии". Гишенон приводит здесь множество других примеров того же рода. То, что вызвало сомнения в путешествии Гумберта, - это молчание историков о первом крестовом походе, а также все сохранившиеся деяния этого принца, доказывающие, что он был в Европе в 1100 году; но все эти сомнения рассеиваются, когда мы узнаем, что он участвовал во втором походе.

[208] Подробности этой последней экспедиции разрозненны в работах нескольких историков. Те, кто предоставляет больше всего информации, - Альбер д'Экс, Одерик Виталь, Фульше де Шартр, *Chronicon Uspergensis*, *Alberici Chronicon* и др.

[209] Информацию об этих различных позициях смотрите на Карте и в пояснительной записке.

[210] Тело герцога Бургундского было доставлено обратно во Францию и похоронено в Сито. Урбан Планшье говорит в своей истории, что они отмечали годовщину смерти этого принца в пятницу перед Страстным воскресеньем. После смерти своего мужа Махоль, жена Эуда и мать Флорины, удалилась в аббатство Фонтевро.

[211] Было сказано, что Арпен, отправляясь в крестовый поход, продал графство Берри Филиппу, королю Франции, за сумму в 60 000 крон. Вот как этот факт описан в *Истории Берри*: "Король Филипп выкупил у Арпина свой город Бурж, который его отец Генрих выкупил за 60 000 крон. Таким образом, Бурж вернулся к своему естественному правителю". —*История Берри*, автор Шомо, стр. 97.

[212] Древние историки содержат много других деталей, касающихся этой экспедиции, которые мы не сочли нужным замечать. Эта экспедиция не представляет ничего, кроме сцен резни и поражений, без славы и результатов. Мы будем вынуждены вернуться к ней позже.

[213] У Александра, по словам греческих историков, было тридцать тысяч пехотинцев и пять тысяч всадников. Один историк, Анаксимен, утверждает, что македонская армия насчитывала сорок восемь тысяч человек.

[214] Турки за тридцать лет до взятия Иерусалима христианами едва ли встретили какое-либо сопротивление своим вторжениям в некоторые из богатейших провинций Азии, потому что мусульманская религия, которую они недавно приняли, была религией стран, против которых они направили свое оружие. Если татары в разные эпохи вторгались в несколько стран земного шара и удерживались в них, то это было потому, что, выйдя из своих пустынь, они почти не имели религии и поэтому были склонны принять любую выгодную веру, с которой они могли встретиться на своем пути. Мне возразят, что арабы в первые века Хиджры вторглись в большую часть Азии и Африки, где они обнаружили другие религии, отличные от их собственной, давно установившейся; но на это можно ответить, что эти религии приходили в упадок. Когда мусульмане появились в Европе, где христианская религия была более распространена, чем на Востоке, эта религия стала непреодолимым препятствием для их прогресса.

[215] Даймбер, Годфри Бульонский и Раймон де Сен-Жиль в письме папе римскому и верующим Запада говорят, что победа при Дорилее наполнила паломников гордостью, и что Бог, чтобы наказать их, противопоставил им Антиохию, что задержало их на девять месяцев.

[216] Сам Тассо придерживался такого мнения, как можно видеть из интересного письма, адресованного нам м. Дюро Деламалем. Восхищение, которое я испытываю к поэту крестовых походов, заставляет меня чрезвычайно желать, чтобы меесь Баур Лормиан завершил начатое им дело, столь достойное его редкого таланта, - перевод стихотворений "*Освобожденный Иерусалим*".

[217] М. Генгене в своей *Литературной истории Италии* соизволил принять, с некоторыми изменениями, некоторые из этих наблюдений, что является наиболее достойной наградой за мои труды и исследования.

[218] В наших общих выводах нам часто придется цитировать работы М. Херена и М. Шуазеля д'Айекура о влиянии крестовых походов.

[219] Стихи этого писателя намного лучше его прозы, которая очень некорректна, а иногда и невразумительна.

[220] Мы почерпнули эти подробности из рукописной истории Беарна, которую любезно предоставил нам один из наших самых выдающихся магистратов, посвящающий свой досуг изучению литературы. Эта история, примечательная мудрой эрудицией и здравой критикой, вероятно, прольет яркий свет на те далекие времена, о которых мы говорим.

[221] Все постановления Гастона де Беарна содержатся в постановлениях синода или совета, состоявшегося в епархии Эльне, в Руссильоне, 16 мая 1027 года. Целью этих распоряжений было Божье перемирие. Совет постановил, что ни один невооруженный служащий или монах не должен подвергаться нападению, равно как и любой мужчина, идущий в церковь или

выходящий из нее, или гуляющий с женщинами. На соборе в Бурже в 1031 году и в ряде других эти правила были обновлены; рабочие, их скот и мельницы были поставлены под защиту религии.—Смотрите *Собрание советов*, составленное ле П. Лаббе. Небесполезно отметить, что эти правила были впервые приняты в Аквитании. Клермонский собор добился их принятия на большей части Европы.

[222] Я здесь говорю о духовенстве только в отношении его знаний. Мнение, которое я выражаю, применимо не только к Франции, но и ко всем государствам Европы.

[223] Каким комментарием к человеческому предположению является история Франции с тех пор, как это было написано!—Пер.

[224] С пользой можно ознакомиться с превосходной диссертацией аббата Гене о Святой Земле в *Мемуарах Академии надписей*.

[225] В истории Иерусалима мы руководствовались главным образом хроникой Фульше де Шартра, хроникой Альбера д'Экс, анонимного автора *Gesta Francorum expugnantium Hierusalem* и историей Вильгельма Тирского. На французском языке нет ничего об Иерусалимском королевстве. Не зная немецкого языка, мы сожалеем о нашей неспособности воспользоваться вторым томом *Истории крестовых походов* М. Уокена в той степени, в какой мы могли бы пожелать. Мы можем сказать то же самое об "Истории" М. Хакена и нескольких других немецких работах, посвященных утверждению христиан на Востоке.

Среди арабских историков, у которых ученый Д. Берт—Роуд сделал выдержки, мы консультировались - 1. *Мусульманские анналы Абульфеда*. 2. *История Табари*, или, скорее, продолжение того историка, которого называют Ливием арабов. 3. *"История Иерусалима"*, автор Муджиреддин. 4. *История Алеппо*, Кемаледдин. 5. *"История аттабеков"* Бен Латира. Эти историки и некоторые другие предоставили нам некоторые точки для сравнения и некоторые документы, часто неполные и, как правило, бесполезные. Восточные историки становятся богатым источником информации только в эпоху правления Нуреддина и Саладина.

[226] Полностью это описание найдено в Альбер д'Экс, книга vii. главы 8, 9 и др.

[227] Судебные акты Иерусалима, перевезенные в королевство Кипр, были собраны в тринадцатом веке Джоном д'Ибеленом, графом Яффо и Аскалона. Они были напечатаны Баумансиром и прокомментированы Томасом де ла Таумасьером. Следует сожалеть, что французские публицисты и сам Монтескье так поверхностно изучили этот памятник современного законодательства, который способен пролить яркий свет на историю, законы и нравы средневековья.

[228] Количественный анализ смерти брата и, кроме того, годен для подтверждения.—*Fulch. Carn. lib. x. cap. 22.*

[229] Христиане подвергались такой большой опасности в этой экспедиции, что Фульше де Шартр восклицает в своей истории: "Я бы предпочел быть в Шартре или Орлеане", "Я хотел бы, чтобы мы были в Карноти, вель Аурелианис, чтобы мы были там".—*Lib. x. cap. 22.*

[230] "Ubi ego ipse Fulcherius adaquavi meos." —В *Bongars*, стр. 405. Тот же историк говорит в той же главе о Мертвом море и о явлениях, которые он заметил. Фульше де Шартр редко упускает

возможность поговорить о себе; эти слова “Эго Фульхерия” очень часто встречаются в его повествовании.

[231] Вильгельм Тирский в своем отчете о взятии Кесарии говорит о драгоценной вазе, которая досталась на долю генуэзцев. “В это время, ” говорит он, “ была найдена ваза в форме блюда ярко-зеленого цвета, которую генуэзцы, полагая, что это изумруд, пожелали получить за крупную сумму денег для пожертвования своей церкви в качестве превосходного украшения и которую они привыкли демонстрировать знатым вельможам, проезжающим через их город”. Эта ваза, найденная в Кесарии и хранившаяся в Генуе до конца прошлого века, сейчас находится в Кабинете антиквариата Императорской библиотеки в Париже. [Qu. возвращен ли генуэзцам в 1815 году?— Пер.]

[232] Этот уникальный факт описан Вильгельмом Тирским со всеми подробностями. Глава х.

[233] Здесь мы следуем версии Фульше де Шартра, который использует слово *vivit* вместо *vincit*, которая, по-видимому, возобладала впоследствии. Девиз *Christus regnat, vincit, imperat* образует надпись на реверсе всех золотых монет, чеканившихся во Франции со времен Иоанна до Людовика XVI., под разными названиями *пестрых и шевалье, Аньелей, или золотых эю, или Луи*. У самых древних, у *франков*, глагол *vincit* стоит первым: XPC vincit; XPC regnat; XPC imperat; Христос побеждает, Христос царствует, и Христос управляет; что доказывает, что этот девиз или боевой клич может восходить ко временам крестовых походов.

[234] См. Гиббона в интересных мемуарах об этой благородной семье, имя которой так часто встречается в нашей собственной истории и, я полагаю, все еще сохранилось в Кортене, графах Девонских.—Пер.

[235] “Анна Комнина добавляет, что для завершения обмана его заперли мертвым петухом; и задается вопросом, как варвар мог вынести заключение и гниение”. —Примечания к Гиббону.—Пер.

[236] На первый взгляд это может показаться странным обещанием; но когда мы вспоминаем, с каким большим уважением относились и относятся к бородам на Востоке, мы примиряемся с фактом. Бекфорд заставляет Ватека отрубить бороду мудрецам, которые не могут расшифровать магические знаки на саблях, в качестве величайшего возможного наказания; и мало кто был лучше знаком с восточными манерами, чем хозяин аббатства Фонт-хилл.—Пер.

[237] Эти подробности взяты у арабского историка *Новайри*.

[238] Сэр Уильям д'Авенант элегантно называет книги “памятниками умерших умов”.—Пер.

[239] Абульфедда в своем отчете оправдывает генуэзцев за массовое убийство мусульман; город был взят штурмом, они не превысили обычных прав войны. Другой арабский историк, Эбн-Аби-Тай, говорит, что христиане проявили при взятии Триполи ту же разрушительную ярость, что и арабы, сожгшие Александрийскую библиотеку. Тот же историк говорит о невероятном количестве в три миллиона томов. Мы предпочли версию Новайри, который сокращает количество томов до ста тысяч. Этот автор утверждает, что библиотека Триполи была основана кади Абуталебом Хасеном, который сам написал несколько произведений.

[240] Правителя Моссула латиняне называют Маледоктус, Мандулт, а арабы Модут. Тогдекин был принцем Дамаска.

[241] Мы избегали слишком частого упоминания султанов и эмиров Сирии, чьи имена кажутся тем более варварскими, что они написаны правильно.

[242] Табари и Абуль-Феда.

[243] Смотрите отчет Кемаледдина и Табари об этой катастрофе.

[244] Отчет об этой битве и приготовлениях к ней взят из книги Роберта Нагорного (*"Роберта де Монте, Приложение к Sigebertum"*). Этот автор говорит о посте, который войскам было приказано соблюдать, как это было сделано в Ниневии: "Universo pecori pabula negabantur". Он также говорит о молоке святой Девы, которое несут в вазе: "Episcopus Bethleemides ferens in puxide lac sanctae Mariae virginis".

[245] Об этом акте полностью сообщает Уильям Тирский.

[246] Альбер д'Экс заканчивает свою историю в первый год правления Балдуина II., а Фульше де Шартр заканчивает свою после осады Тира. Мы можем обратиться к этому правлению со многими отрывками из Барония, Роберта с Горы, Санути и, в частности, Вильгельма Тирского и Бернарда Тезаурия. Мы располагаем второй частью *Истории Иерусалима*, анонимный автор которой рассказывает о правлении двух первых Балдуинов.

Возможно, скажут, что я позаимствовал у этих разных историков слишком много деталей; но я не мог устоять перед желанием поделиться с моими читателями вещами, которые до сих пор никогда не передавались на французском языке. Удивительно, что, несмотря на то, что Иерусалимом почти всегда управляли и защищали франки, ни один писатель нашей страны не упоминал о нем.

[247] Эмир Балак был принцем из семьи Орток, который владел многими местами на Евфрате, правил в Алеппо и Месопотамии и мог поставить на ноги бесчисленные армии туркмен.

[248] Эдма, дочь Болдуина, еще ребенком, подверглась насилию со стороны мусульман, которым отец отдал ее в заложницы.

[249] Смотрите также о вторжении турок и христиан, Кемаледдина, Табари и Абул-Феды.

[250] Наши ученые востоковеды снабдили нас несколькими очень полезными и глубокими работами об исмаэлянах; во главе их стоит М. де Саси, который познакомил нас с доктриной и многими обычаями этого необычного народа. М. Журден на эту тему снабдил нас очень интересными мемуарами.

[251] О происхождении и правлении Зенгуи читайте в *"Истории Атабеков"* Бена Латира.

[252] История рыцарей Святого Иоанна была написана на итальянском языке Бозио и переведена на французский Boissat. История, написанная с тех пор аббатом де Верто, привела к тому, что все, что ей предшествовало, было забыто. У тамплиеров после их трагического конца не было историка, описывающего их подвиги в Святой Земле; но в наши дни они нашли очень красноречивого историка в лице господина Рейнуара.

[253] См. Святой Бернард, *Наставление Военным темплям*.

[254] Мы полностью изложим постановления собора в Наплузе, которые составляют драгоценный памятник истории тех далеких времен; но большая часть преступлений и правонарушений, против которых отцы этого собора подняли свой голос, не позволяют нам привести эти постановления на французском или английском языках или представить наиболее любопытные их детали.

[255] Замок Пюисе, недалеко от Орлеана, трижды подвергался осаде всеми силами Луи ле Гро; в конце концов этот замок был взят и разрушен. Вейли и все французские историки, пренебрегшие чтением Вильгельма Тирского, заставляют сеньора де Пюизе умереть в Неаполитанском королевстве.

[256] Цитируя Вильгельма Тирского, я всегда пользуюсь старым переводом, *наивный* и простой стиль которого лучше всего соответствует духу и нравам двенадцатого века.

[257] У вильгельма Тирского можно увидеть письмо, которое визирь Дамаска адресовал христианским князьям Иерусалима.

[258] Иерусалимские присяжные заседатели так отзываются о коронации короля: — Я встретил анно на свадьбе, без синефии; и как всегда, без синефии правосудия, в защиту детей и святой эсглиз; и как всегда, в суде, без синефии достоинство; и как скипетр, как синефия, целомудрие и деффендорство; и как корона, как синефия на королевской земле. [Хотя я и предлагаю перевод, я не могу удержаться от того, чтобы не привести этот очень любопытный фрагмент старофранцузского.— Пер.]

Они надели ему на палец кольцо, символизирующее веру; затем они опоясали его мечом, что означает, что он должен защищать справедливость, веру и святую церковь; затем корону, обозначающую достоинство; после этого скипетр, которым он должен одновременно наказывать и защищать; и, наконец, яблоко или земной шар, означающий царство земное.

[259] Вильгельм Тирский приписывает решимость короля и баронов крикам населения Иерусалима; тот же историк подробно описывает эту экспедицию в своей шестнадцатой книге, гл. vii.-xiii.

[260] Кемаледдин, арабский историк, и Вильгельм Тирский согласны относительно основных обстоятельств этой осады.

[261] Перед нами в рукописи некоторые исторические и географические заметки о городе Эдесса, переданные нам М. Дж. Чаханом де Сербиедом, профессором-армянином. Эта работа становится еще более ценной из-за того, что "ее автор" М. Дж. Шахан де Сербиед родился в Эдессе, где он провел много лет. Эти заметки будут опубликованы в виде общей картины Армении, которая не преминет привлечь внимание ученых.

[262] Большая часть арабских историков утверждает, что Зенгуи стремился исправить зло, которое его армия причинила жителям Эдессы. Кемаледдин рассказывает следующий анекдот на эту тему, который в то же время знакомит нас с мусульманским духом истории и нравов. Мы перепишем латинский отрывок из Dom. Berthereau:—Norredinus ingressus est urbem, diripuit eam, incolas jugo captivitatis submisit; illis evacuata fuit urbs, pauci tantum remanserunt. Ex captivis unam misit ancillam Norredinus ad Zeineddinum Ali Koudgoucum, pro rege, patris sui in Mosulâ inter munera quæ ad eum misit; quam cum vidisset ille, statim illâ usus est; lavit se postea, dixitque suis:

Nostisne quid mihi hac die acciderit? Dixerunt, non. Dixit: Cum Roham cepimus, regnante Zengui, inter res raptas in manus meas incidit ancilla pulchra, ejusque pulchritudo mihi admodum placuit; ad eam declinavit cor meum, statimque jussu Zengui martyris fuit inclamatum: Redde servos opesque raptas. Metuendus porrò erat et reverendus; ancillam reddidi, ei vero semper adhæsit cor meum: novè verò misit mihi dona Norredinus, quæ inter, ancillas misit plures, quas inter eamdem ancillam. Coitu earn subegi, nè adhuc etiam tolletur.—*Kemaleddin, Hist. de Халеп.* стр. 62, перевод Дома. Бертеро.

[263] М. Цербиед перевел это произведение на французский, которое по нескольким причинам заслуживает того, чтобы о нем узнали. Это стихотворение в семи песнях было сочинено Нарсесом ле Бо, армянским патриархом города Эдессы, чтобы утешить своих сограждан в их несчастье и пробудить рвение защитников христианской религии от турок.

[264] Годфри, который был аббатом Клерво после святого Бернара, оставил нам жизнеописание этого святого, в котором он не говорит о крестовом походе; причина этого в том, что святого Бернара упрекали в крестовом походе, и поэтому его панегирист счел уместным обойти стороной эту замечательную эпоху. У нас есть несколько других жизнеописаний святого Бернара; лучшее и наиболее полное - то, что напечатано в *Литературной газете* "Франс".....

[265] Commota est quidem et contremuit terra, quia cœpit Deus cœli perdere terram suam.—*St. Bernard, epist. cccxxii.*

[266] Великий ангел и двенадцатиперстные legionеры, точно верующие и освободители земли?—*St. Bernard, послание. cccxxii.*

[267] Кафедра, с которой святой Бернард проповедовал крестовый поход, оставалась в церкви Везелаи до периода революции 1789 года.

[268] Аббат Велли, таким образом, рассказывает о том же факте: "Удовлетворенный характером проповедника и тауматурга ("совершающего чудеса"), святой Бернард отправился в Германию, где заставил замолчать другого монаха, который, не имея авторитета папы римского, осмелился призвать христианские народы взяться за оружие для помощи своим братьям в Азии".

[269] Эти восклицания были произнесены на древненемецком: "Христос с богом, умри, все в порядке".

[270] Филипп, архидьякон Льежский, впоследствии монах из Клерво, подробно описал чудеса святого Бернара, начиная с первого воскресенья Адвента, первого дня декабря 1146 года, и заканчивая четвергом, вторым днем следующего января. В своих отношениях он приводит десять очевидцев, имена которых он называет. Отец Мамбур в своей *Истории крестовых походов*, по-видимому, не верит в подлинность чудес святого Бернара; автор *Жизни Сугера*, 3 тома. в 12 ч. резко упрекает Маймбура за его недоверчивость. Мы не считаем совершенно необходимым углубляться в этот вопрос; мы считаем вполне достаточным знать, что современники святого Бернара верили в его чудеса и что эта вера заставляла их совершать поступки, которые простой разум мог бы назвать чудесными.

[271] A German historian speaks thus of this crusade:—*Si autem aliter non, hâc tamen ratione, exitum habuit expeditio frequens, purgaretur eo genere hominum qui rapinis consueverunt victitare; mœstum*

devotione qualicunque, omnes id genus homines, pro remedio peccatorum sacram amplexi militiam, in eam nomine dedêre volentes expeditionem.—*Krantz*, vi. sax. с. 13; *De Regibus Hierosolymorum*, auctore Christophano Besoldo, p. 214.

[272] Папа запретил роскошь среди крестоносцев; он выразил это в циркуляре следующим образом: "Необходимо в преддверии беременности, и вместе с тем может быть опасно, а также для показухи, потиуса и похоти, как необходимое средство для достойного использования, а не для скромного устройства и т. Д." завсегдатай, в качестве свидетеля потиус агерее, для того, чтобы произвести впечатление на видеозапись славы.

[273] Мы цитируем здесь слова Белль Форест, которые мы не должны были бы использовать, если бы они не были переводами из современных хроник. Мы повторим только один отрывок, взятый из хроники Рауля: "De dicette: По общему мнению Галлиама, это соответствует общему описанию; non sexus, non ordo, non dignitas quempiam excusavit, quin auxilium regi conferret; cujus iter multis imprecationibus persequabatur".

[274] Монфокон упоминает об этих изображениях в *"Памятниках французской монархии"*, том i.

[275] Очевидец Отто из Фризингена очень подробно описывает это несчастье.

[276] Одо де Деуиль рассказывает об этом обсуждении и передает речь епископа Лангрского, которому он воздает величайшую хвалу.

[277] Очевидец из Фризингена не приводит никаких подробностей разгрома немцев, оправдываясь тем, что ему нечего рассказать приятного. *Геста Людовик* и Вильгельм Тирский дополняют молчание Оттона Фризингенского.

[278] Никита в своем отчете путает армию французов с армией немцев, которые не сражались на берегах Меандра; все, что сделал Людовик, он приписывает Конраду. Немецкие историки последовали за ним и утверждают, что победа у Меандра была одержана сувереном их собственной нации.

[279] Крестоносцам предстоял сорокадневный марш, прежде чем они доберутся до Антиохии по суше. Они могли бы добраться туда морем за три дня.

[280] Одо де Дейль - единственный автор, который говорит об этих событиях; но его рассказ кажется нам полным неясностей в некоторых частях.

[281] 19 марта 1148 года.

[282] Смотрите перевод Вильгельма Тирского, книга xiii. глава 21.

[283] Некоторые романисты и даже некоторые историки утверждают, что Элеонора Гиенская была влюблена в Саладина, основавшего династию Айубитов. Саладин, сын Айюба, родился в тот же год, когда Элеонора вышла замуж за Людовика VII, и ему едва исполнилось десять лет во время второго крестового похода. Ее *второй* сын от Генриха II. король Англии стал великим соперником Саладина в воинской славе.—Пер.

[284] Percussit eum inter collum et sinistrum humerum ictu mirabili; ita quòd ensis secuit totum pectus cum humeris et descendit obliquando usque ad latus dextrum, taliter quòd pars dexterior

abscissa penitùs cum capite cecidit super terram, et tunc omnes Turci, qui ictum tam formidabilem viderant stupefacti, statim fugâ remedio nostrorum gladios evaserunt.—G. C. chap. ii.

[285] Все эти подробности и некоторые другие, которые не были известны западным авторам, взяты из арабской хроники *Ибуферата*.

[286] Абульфеда, Абульфараге и некоторые другие арабские историки говорят об осаде Дамаска; но трудно согласовать их рассказ с рассказом латинян. Мы взяли из них несколько обстоятельств, которые показались нам наиболее вероятными. Хроника Ибуферата - это та, которая дает наиболее подробные сведения.

[287]"Хроника Геве" приписывает отступление христиан вероломству тамплиеров:—Cum civitas Christianis reddenda esset, accesserunt Templarii, dicentes se primam habituros pugnam, ut omnes deinde in communi victoriam obtinerent, statuerunt itaque tentoria sua inter civitatem и упражняется христианоум, и кончает свое существование в цивитате языческих традиций в будущем. Cives igitur eorum agnoscentes cupiditatem, promiserunt eis tres cados plenos bisantis aureis, si eos ab obsidione liberarent. Delusi itaque Christiani per milites Templi, Damasco recesserunt. Post modicum verò cum Templarii promissos à viribus recipissent cados, in eisdem non nummos aureos, sed cupreos invenerunt, miraculoque quæ ascripserunt.

[288] *Вильгельм Тирский*, род. xvii. глава 6.

[289] Этот крестовый поход с севера упоминается Оттоном Фризингенским. Саксон грамматик дает наиболее подробные сведения в своей тринадцатой книге. Читатель также может обратиться к латинской *Истории Германии* Крунца. В *Истории Дании* Маллета об этой войне не говорится ни слова.

[290] Арнольд, фламандский проповедник, после публикации книги "Второй крестовый поход" призвал народы Франции и Германии записаться в эту благочестивую армию; он последовал за крестоносцами, которые осадили Лиссабон под командованием Арнольда графа д'Аршо. Арнольд отправил отчет об этой осаде Мило, епископу Теруана, в письме, опубликованном Домом Мартеном в первом томе его большого собрания, посвященного двум рукописям. Отношение Арнольда, очевидца, отличное от отношения Роберта с Горы, заимствовано Флери. Историк Португалии Мануэль де Фариа-и-Суза также рассказывает об этой экспедиции крестоносцев.

[291] Святой Бернар написал сословиям королевства, собранным Сугером, чтобы подавить амбиции брата короля и некоторых крупных вассалов. Он также написал аббату Сен—Дени: "В то время как Людовик, - сказал он в своем письме, - сражается за короля, чье правление вечно; в то время как в расцвете лет он изгоняет себя из своего королевства, чтобы служить Тому, кто заставляет править тех, кто служит ему, возможно ли, чтобы были люди настолько опрометчивые, чтобы создавать беспорядки и смуты в его государствах и нападать в его лице на Господа и его Христа?" -*Ep.* 337.

[292] Легенда одной из этих медалей сформулирована в следующих терминах:—

Regi invicto ab oriente reduci,
Frementes lætitia cives.

На другой медали изображен Меандр и поднятый на его берегах трофей с надписью:

Turcis ad ripas Mæandri cæsis fugatis.

[293] У нас есть жизнеописание Шугера, написанное его секретарем. У нас есть на французском языке Жизнеописание аббата Сен-Дени в трех томах. Французская академия в 1778 году предложила *Панегирик Сугеру* в качестве темы для присуждения премии; речь г-на Гарра, которая была коронована, содержит много очень красноречивых отрывков. Перед нами другая речь, опубликованная в 1779 году, которая представляет собой преувеличенную, но очень остроумную сатиру на жизнь и управление Шугера.

[294] Роберт с горы.

[295] Уильям Тирский говорит, что однажды он был сильно шокирован вопросом, заданным ему Амором относительно загробного мира.

[296] Среди арабских авторов, которые приводят наибольшее количество подробностей о завоевании Египта, заслуживает внимания продолжатель Табари; Шехабедин, сын Мухаммеда, автор *Рудатинов* "Два сада, или жизни Нуреддина и Салабединна"), также очень подробно описывает эту войну между христианами и мусульманами. Муджиреддин в своей *Истории Иерусалима* говорит несколько слов о завоевании Египта Чирку. Абулмахасон говорит также о завоевании Египта турками. Говоря о влиянии франков в Каире, он говорит, что у них был особый квартал в городе и рынок, который Шавер построил для них. Кемаледдин в своей *Истории Алеппо* описывает эти события со свойственной ему ясностью. Этот автор согласен с Табари. Ибу-элатир в своей *Истории аттабеков* говорит лишь очень несколько слов о завоевании Египта; он согласен с продолжателем Табари и Кемаледдина. Джемаледдин в своей *Истории Египта* также очень кратко рассказывает об этом важном событии. Макризи в своей книге *"Китаб-алсолук Тимареш Дуал Альмулуек"* ("Институт знаний о династиях королей") лишь кратко описывает эти события. Среди латинских авторов, рассказывавших о завоевании Египта, мы в основном цитируем Вильгельма Тирского и латинскую историю последних лет Иерусалимского королевства, с которой можно познакомиться в *Сборнике* Бонгаров.

[297] Недалеко от замка Тура, в двух лигах от Каира, напротив древнего Мемфиса.

[298] У Саладина было много историков. Среди арабских авторов наиболее известными являются Бохаддин, написавший свою жизнь; Омад-эль-Катед, секретарь султана и автор *Фатаха*; Шахаб-Эддин, автор "Жизнеописаний Нуреддина и Саладина", озаглавленной *"Эль-Реудатайнс, или два сада"*). Несколько подробностей о мусульманском герое можно найти у Абульфеды, который происходил из семьи Айюба, и у нескольких других арабских писателей, цитируемых Д. Бертеро. На французском языке есть "Жизнь Саладина" Марин. В Императорской библиотеке [Франции — Прим. ред.] также можно ознакомиться с двумя рукописными жизнеописаниями, одно из которых принадлежит аббату Ренодо, а другое - Галланду, переводчику *"Тысячи и одной ночи"*.

[299] Это было обычным наказанием на Востоке. В персидской "лодке-смерти", описанной Плутархом, преступника прибивали гвоздями в лодке, оставляя непокрытой только голову; таким образом, его измазывали, выставляли напоказ и оставляли умирать.—Пер.

[300] Шахаббедин, Табари и Абульфедда подробно описывают этот факт.

[301] Я склонен думать, что это была своего рода церемония — сеньор требовал входа в крепость своего вассала.—Пер.

[302] Жак де Витри не щадит христиан Востока в своей Истории, особенно в главах, озаглавленных “О прелаторуме; о регулярной жизни; о Святой земле”. Сатиры Ювенала показались бы умеренными на страницах этого историка, побывавшего в Святой Земле в качестве легата.

[303] Это был тот самый Андроник, который впоследствии взошел на константинопольский престол и прославился своими жестокостями.

[304] В латинской истории иерусалимского королевства есть такой любопытный отрывок: “Что такое вера, что такое фама феребат, что такое движение церебры, что такое абсцисс генитальной ткани, что такое танкуам в обычном женском резервном хранилище, что такое большая мертвая мембрана, что такое фиери”. поссет, виртутис танте сусситарент хередем.— См. *Собрание бонгаров*, стр. 1151.

[305] Среди христианских историков, которые говорили о битве при Тивериаде, можно ознакомиться со следующими: “Хроника святой земли”; два продолжения Вильгельма Тирского, написанные Гарольдом и Хью де Плагоном; и латинская история Иерусалима. Жак де Витри, Уильям де Ньюбридж, “Хроника Жерве”, Поль Эмиль Роже де Ховеден и Мэтью Пэрис также приводят некоторые подробности этой битвы и событий, которые за ней последовали. Однако ни один из этих авторов не описал его достаточно подробно, чтобы дать полное представление о нем; они даже не всегда согласуются друг с другом, и их следует читать с большой осторожностью.

[306] Саладин добавляет в своем письме, что франки летали вокруг креста, как мотыльки вокруг света.

[307] Продолжатель Табари очень подробно рассказывает об этой битве; автор *Рудатайна* в описании, которое он дал об этом дне, проявляет весь энтузиазм мусульманина. Мы находим в этих двух историях и даже у Омада (секретаря Саладина) больше слов, чем вещей, больше восточных фигур, чем исторических обстоятельств. Однако с пользой для себя можно проконсультироваться с ними, сравнив их рассказы с рассказами латинян.

[308] Многие христианские историки обвиняют Раймонда в том, что он помогал делу Саладина. Ни один мусульманский историк не придерживается такого мнения; более того, некоторые из них говорят о нем как о самом жестоком враге сарацин. Продолжатель Табари положительно утверждает, что граф Триполийский был против похода франков на Тверию. М. Марин в своей “Истории Саладина” обсуждал этот исторический момент, и доказательства, которые он приводит, не оставляют сомнений в искренности намерений Раймонда. Абульфед в кратком описании дня Хетина восхваляет доблесть Раймонда и говорит, что он умер от горя, вызванного поражением христиан. В письме, написанном от имени Саладина кадием Альфделем Иману Насиру-Седину-Иллаху-Абу-Ль-Аббасу-Ахмеду, есть эти замечательные слова: “Ни одному из христиан не удалось спастись, за исключением графа Триполийского. Да проклянет его Бог; впоследствии Бог заставил его умереть и отправил его из царства смерти в ад”. Это письмо Саладина, в котором также говорится о взятии Иерусалима, было сохранено Эбу-Хилканом в его Биографии. М. Журден намеревался дать его перевод; но текст представляет так много

трудностей из-за использования восточных цифр и плохого копирования, что ему пришлось довольствоваться некоторыми выдержками из него.

[309] По поводу осады Иерусалима мы можем обратиться к продолжателю Табари, автору *Роудтейнов* и упомянутого выше письма Саладина. Все арабские историки сходятся во мнении относительно основных обстоятельств. Муджиреддин в своей *Истории Иерусалима* из всех арабских писателей того периода дает наименьшее количество подробностей об осаде и взятии священного города. Нам нет нужды повторять, что большая часть этих историков известна нам по латинским отрывкам из Дом. Бертро.

[310] Большинство историков утверждают, что Саладин предоставил жителям Иерусалима отсрочку на сорок дней. В том положении, в котором находились дела, Саладин не мог оставаться сорок дней перед захваченным городом; и что доказывает, что историки ошибаются в этом отношении, так это то, что они сами говорят, что Саладин взял Иерусалим в начале октября и что он выступил из Птолемаиды в день Всех Святых, который всегда приходится на первое ноября, чтобы приступить к осаде города Тир.

[311] Марин и большинство историков говорят, что Сибиллы не было в Иерусалиме во время осады: они ошибаются. Автор "*Рудатайнов*" положительно утверждает, что эта принцесса вышла из Иерусалима вместе с другими пленниками, сопровождаемая своими сокровищами и слугами. Она попросила разрешения Саладина присоединиться к своему мужу, который тогда находился в плену в Наплузе.

[312] Этот факт, который не упоминается нашими западными авторами, во многих деталях описан Бохаддином и Абульфедой.

[313] Эти чудеса напоминают нам о тех, о которых рассказывает историк Иосиф Флавий в своем рассказе о завоевании Иерусалима.

[314] Марин в своей *Истории Саладина* и несколько других после него сделали вид, что Вильгельм, приехавший в Европу проповедовать крестовый поход, не был автором *Истории Иерусалима*. Это утверждение основано на малоизвестном отрывке Хью де Плагона и вовсе не подтверждается свидетельствами современных историков. Мэтью Пэрис и все другие авторы того времени дают имя Уильям архиепископу Тирскому, прибывшему в Европу; если бы этот Уильям не был тем же самым историком с этим именем, разве это не было бы отмечено современными хрониками? Все эти хроники сообщают нам некоторые подробности рождения и жизни Вильгельма, автора *Истории Иерусалима*; и если другой Вильгельм, архиепископ Тирский, прибыл на Запад, почему историки того времени не сделали его известным и ничего не сказали о нем? Его миссия была достаточно важной, кафедра, на которую он был назначен, привлекла достаточно внимания, чтобы упомянуть о второй, а также о первой, если таковая имелаась.

[315] По истории этого периода можно с пользой проконсультироваться со следующими авторами: —С *Деяниями* Раймера, историка Ригорда, Роджера Ховеденского, Мэтью Пэриса, Уильяма Ньюбриджского, с *Хроникой* Альберика из Труа-Фонтена, Оттона из Сен-Блеза, Бромптона, с *Хроникой* из Жерве и др.

[316] “Самым благородным памятником славы завоевателя и ужаса, который он внушал, является Саладин десятый”.—*Гиббон*.—Пер.

[317] Сохранился на латыни отчет о путешествии архиепископа Болдуина по стране Уэльс, озаглавленный *Кембрийский Итинерариум*, составленный Барри, который сопровождал проповедника крестового похода. Это путешествие любопытно из-за необычных чудес, о которых в нем рассказывается. Если верить этому рассказу, архиепископ Болдуин не пренебрегал никакими средствами, чтобы побудить людей принять крест; однажды, по словам Барри, он зарегистрировал большое количество мужчин, которые пришли к нему в обнаженном виде, их одежду спрятали жены и друзья, которые хотели помешать им уйти.

[318] Речь Петра Блуа, которая напечатана в его работах, имеет заглавие "*Трактат о Иерусалимитанском странствии*". процитировав несколько отрывков из Библии и Завещания, чтобы призвать крестоносцев выступить в путь, он приводит два стиха из десятой главы "Ювенала" и два стиха из "*Фастов*" Овидия. Он не довольствуется тем, что приводит паломникам пример Авраама, но указывает им на всех королей и военачальников мирской древности. Петр Блуа в своих рассуждениях не щадит князей и знать, которые заставляли духовенство платить дань на расходы священной войны.

[319] *Cantipratensis apud Surium*, гибель молодых, сар. 20. Об этом также рассказывает Бесольдо, *De Regibus Hyerosolimitanorum*, стр. 274.

[320] Письмо, написанное Фридрихом Саладину, и ответ Саладина Фридриху были сохранены Барониусом и Мэтью Пэрисом.

[321] В сочинениях Петра Блуа есть письмо, которое Александр III. написал султану Иконии, давая ему советы по обращению в христианство. Это же письмо есть во многих других сборниках.

[322] Монах Пант, который сам был крестоносцем, и Крузиус, оба подтверждают это чудо.

[323] Большинство историков считают, что Фридрих погиб в реке Кидн, в которой купался Александр; но, по мнению историков того времени, они перепутали Кидн с Селефом. Кидн, который теперь называется Кара-су, то есть *черная вода*, течет из Антитавра в Нижнюю Армению, близ древней Дианы; он входит в Киликию, проходит мимо города Тарса и впадает в море в двух лье от этого города. Селеф, небольшая река, берет начало в горах Исаврии и омывает стены Селевкии; жители обычно называют ее "водой Селефке". Согласно армянским историкам, именно в этой реке встретил свою смерть Фридрих Барбаросса. С. Нарсес из Лампрона, посланный армянами, чтобы сделать комплимент императору Германии, говорит, что этот принц, купаясь в реке Селеф, был унесен стремительным потоком, и что, будучи ослабленным возрастом, он не смог противостоять ему и утонул. 'Эту ценную и достоверную информацию предоставил нам месье Каан де Сербиед, профессор-армянин.) Арабский историк Омад рассказывает, что Фридрих Барбаросса утонул, пытаясь пересечь реку верхом; сила потока отнесла его к дереву, о которое он ударился головой. Его вытащили из воды, добавляет Омад, и когда его душа была готова покинуть тело, ангел смерти завладел ею и унес в ад.

[324] Хроника, озаглавленная *Historia Hierosolymitana*, описывает все, что происходило в Иерусалимском королевстве с 1177 года до осады Птолемаиды включительно. "*Хроника Святой земли*", два продолжателя Вильгельма Тирского, Флоран и епископ Птолемаиды, сообщают некоторые подробности осады, но гораздо меньше, чем арабские историки, к которым мы часто будем обращаться.

[325] Каракуш был первым министром Саладина в Египте. Именно он приказал выкопать колодец Иосифа, построил цитадель и начал огораживать Каир. Каракуш был невысоким и горбатым. Его имя используется сейчас в Египте для обозначения своего рода Панчинелло, который забавляет людей на улицах, в уста которого вкладывается множество непристойностей.

[326] Арабские историки Шахабеддин, автор *Рудатаинов*, Омад Исфаханский и Бохаддин, сообщают гораздо больше подробностей об осаде Птолемаиса, чем латинские историки. Эти три мусульманских историка сопровождали Саладина во всех его экспедициях.

[327] В этот день я был среди святых людей, и я был с ними на холме, смотрел на битву и наблюдал за тем, что произойдет с врагом. Мы понятия не имели, что битва дойдет до нас; но когда враг смешался с нами, мы вскочили на наших мулов без всякого снаряжения и, увидев, что все войско повернулось спиной, бежали прочь. Мы добрались до Тверии вместе с другими, которые пошли той же дорогой. Каждый из нас забыл ни поесть, ни попить. Другие беглецы дошли до Дамаска, не останавливаясь по пути, постоянно преследуемые страхом.—
Чехабеддин.

[328] Автор "*Рудатаинов*" говорит, что одна тысяча мусульманских всадников была единственным, кто поддержал и восстановил ход битвы. Саладин, добавляет тот же автор, остался один на поле боя, и ангелы защищали его.

[329] Наш автор ранее упоминает *Жерара* д'Авенна как оставленного ответственным за лагерь; но я недостаточно уверен, что не было двух имен, чтобы изменить текст.—Пер.

[330] Об этом несчастном случае с потерявшейся лошадью рассказывает анонимный автор *Истории Иерусалима "Historia Hierosolymitana"*).

[331] Арабские историки говорят, что конь сбежал с судна, и его преследовали; он бросился к мусульманам, которые представили его Саладину, что считалось дурным предзнаменованием.—См. *Шахабеддина*, историка Саладина.

[332] Флорентин, епископ Птолемаиды, рассказывает, что когда среди осаждающих начал царить голод, чтобы обуздать жадность тех, кто продавал провизию по слишком высокой цене —

Barones constituunt uno prorsùs ore
Ut dentur cibaria precio minore.
Sed error novissimus pejor fit priore
Dùm non audent vendere consueto more.
Non enim tùm cibaria inveniuntur
Per forum venalia; sed effodiuntur
Pavimenta, domini recluduntur.
Sic inops et locuples famem patiuntur.

[333] Флери описывает этот факт в своей *Истории церкви* в честь английского историка Роджера Ховедена. Тот же Роджер говорит о предсказаниях и видениях аббата Иоахима, которые закончились тем, что он навлек на себя порицание Святого Престола.

[334] Не мог ли читатель представить, что эти короли *играли* в осаду Трои, а Ричард был угрюмым Ахиллесом? Существует сильное сходство в расстановке сил перед Троей и

независимыми нациями, баронствами и графствами крестоносцев — отсюда разногласия, задержки и бедствия обоих. История становится испытанием поэзии, и Гомер предстает не только великим поэтом, но и правдивым историком и дальновидным философом. — Пер. с англ.

[335] Я бы охотно перевел это слово как *щит* или *баклер*; но поскольку я не могу найти слова, которое *кираса* когда—либо использовалось для обозначения чего-либо из них, я вынужден следовать своему оригиналу. — Пер.

[336] Либо англичане принимали меньшее участие в крестовых походах, чем мы обычно представляем, либо французский историк не воздает им должной чести; архиепископ Кентерберийский - единственное имя, явно английское в этом списке. У меня еще будет возможность вернуться к этой теме. — Пер.

[337] У Саладина была копия *Корана*, составленная Омаром, которую он всегда носил со своей армией.

[338] Флорентин, епископ Птолемаиды, с ужасом описывает нечестие турок:—

Milites aspiceres super muros stantes
Turcos, sanctam manibus crucem elevantes
Cum flagellis asperis eam verberantes,
Et cum impropriis nobis minitantes.

[339] “Один из наших людей, — говорит Омад, - попав в плен, был сожжен, и пламя сопровождало его до места вечного упокоения; мы взяли христианина, сожгли его, и пламя, пожиравшее его, смешалось с адским пламенем”. - См. Рукопись дома Бертеро.

[340] О битве детей рассказывает Омад из Исфахана; и тот же автор говорит о христианских героинях, которые участвовали в битве. Он добавляет, что молодые женщины дрались, а старухи воодушевляли их своими криками.

[341] Поход и сражения христиан и мусульман наиболее подробно описаны Омадом аль-Кабелем, секретарем Саладина, в его книге под названием "*Пхета*"; и Шахабедином, автором "*Рудалайн*". Эти два историка почти всегда заставляют мусульман торжествовать. “Мы, ” говорят они, “ оживили языки копий и мечей, чтобы говорить с христианами и слышать их слова. Тогда Бог сделал сладким для нас все, что было горьким, и по своей доброте приблизил к нам все, что было на расстоянии”. Мы не будем следовать за этими двумя историками, и даже за Богаддином, через сражения мусульман и христиан, сражения, в которых последние, по их словам, всегда побеждают и все же всегда продолжают продвигаться вглубь страны своего врага.

[342] Омад говорит, что мусульмане окружали армию своего врага, как ресницы окружают глаз. Мусульманские авторы высоко отзываются о Жаке д'Авенне. Все историки Саладина не согласны с его поражением и говорят, что Ричард овладел Яффой после того, как был завоеван. Абульфедда более честен; Табари также соглашается с тем, что мусульмане были обращены в бегство; тот же историк добавляет к своему достоверному рассказу следующее примечательное обстоятельство: “Рядом с мусульманской армией был густой лес, в который они отступили. Франки считали, что это отступление было военной хитростью, и не осмелились преследовать

своих врагов, которых они могли бы уничтожить, если бы продолжили свою победу”. Информацию об этих авторах смотрите в латинских выдержках из "Дома Бертеро".

[343] Арабские историки ничего не говорят о единоборстве Ричарда и Саладина. Об этом упоминают только английские историки.

[344] Я не могу придавать большого значения молчанию арабских авторов по этому вопросу, равно как и не могу считать, вместе с нашим автором, столь *невероятным* такое *столкновение* в такой *схватке*. Главный аргумент против этого заключается в том, что Саладин выжил в битве. Ричард был по меньшей мере на двенадцать лет моложе Саладина и в полном расцвете сил, в то время как Саладин был ослаблен тяжелым трудом и болезнями.—Пер. с Англ.

[345] Об этом доблестном поступке преданности Уильяма де Пурселе, провансальского джентльмена, рассказывают как латинские, так и восточные историки.

[346] Об этих переговорах рассказывают ведущие арабские историки. Бохаэддин и автор *Фатаха*. Хотя христианские писатели не говорили об этом, было бы трудно подвергнуть сомнению или ослабить свидетельства арабских авторов, которые были непосредственными свидетелями и сами были замешаны в этом деле. Именно эти переговоры натолкнули мадам Коттен на идею ее романа "*Матильда, или Крестовые походы*"; произведение, полное красноречивых картин и героических чувств, почерпнутых из истории рыцарства.

[347] М. Полтр в своей рукописи "История государств Сирии" полагает, что этот город, названный так историками крестового похода, является городом Элеутерополис, расположенным в девяти или десяти лигах к востоку от Аскалона, по дороге в Иерусалим, в долине, пересеченной Аскалонским потоком, в семи лигах к западу от Иерусалима и в шести от Рамлы.

[348] Таким образом, убийство Конрада связано с продолжением Табари.—См. Рукопись Д. Бертеро.

[349] Аргумент нашего автора здесь очень слаб. Гиббон говорит: “Я не могу поверить, что солдат, столь свободный и бесстрашный в обращении со своим копьем, как Ричард, снизошел бы до того, чтобы заточить кинжал против своего доблестного брата Конрада де Монферрата”. —*Упадок и низвержение*, т. viii. с. 426.—Пер.

[350] Трудно следовать рассказам нескольких историков того периода, которые утверждают, что Ричард не желал брать Иерусалим. Месье Полтр, выдающийся офицер, участвовавший в кампании 1799 года, предоставил нам все средства для понимания старых хроник и оценки их свидетельств. Историки, из-за незнания страны, часто вводятся в заблуждение относительно военных событий. Расположение мест и знание страны часто являются лучшими комментариями, которые мы можем получить к старым историкам крестовых походов. Месье Полтр сам рассказал часть событий, которые мы повторяем; и его рассказ, который он любезно доверил нам, дал нам полезную информацию, которая прольет свет на эту часть нашей истории.

[351] Вывод Гиббона совсем иной. Он говорит: “Лавры Ричарда были уничтожены благоразумием или завистью его товарищей”. — Пер.

[352] Историк Бохаэддин рассказывает, что Ричард в беседе с Абубекером, послом Саладина, сказал, “Что он только искал предлог для возвращения в Европу; что он мало интересовался

делами Палестины; что христиане не могли противостоять мусульманской власти, когда были лишены его поддержки; что очень небольшой силы было бы достаточно, чтобы взять те немногие места, которыми они все еще владели; что султану не нужно создавать трудностей, поскольку мир будет лишь имитацией и послужит устранению единственного препятствия на пути к завоеваниям этого принца”.—Смотрите "*Жизнь Саладина*", Марин.

[353] Латинские историки утверждают, что перемирие длилось три года, три месяца, три недели и три дня. Мы предпочитаем версию восточных авторов, которые говорят, что перемирие длилось три года и восемь месяцев. Омад, рассказ которого мы принимаем, заявляет, что он написал договор собственной рукой.

[354] Гиббон говорит: “Саладин отказался от личного интервью с Ричардом, заявив, что они оба не знают языка друг друга”.— Т. viii. стр. 429.—Пер.

[355] Любовь к тебе.—Пер.

[356] Приключения Шатлена де Куси и леди де Файель описаны в старинной хронике, которую цитирует президент Фоше. В Императорской библиотеке хранится рукописная копия этой хроники, которая, по-видимому, была написана в начале XIII века, вскоре после третьего крестового похода. Мсье Рокфор, чей авторитет имеет большой вес во всем, что касается средневековья, по-видимому, не принимает изложение хроники, цитируемое в его статье “Куси” из *La Biographie Universelle*, и придерживается мнения отца Папона, который приписывает приключение в Шатлене трубадуру Кабестану. Мы можем возразить месье Рокфору, что приключение Кабестана не то же самое, что приключение Куси, и что одно может быть правдой, не ставя под сомнение другое. В работах Беллока мы находим тезис, который не был опровергнут, доказывающий истинность если не некоторых деталей, то основных фактов, изложенных в процитированной нами хронике.

[357] Саладин не слишком снисходительно относился к религиозным вопросам. Аббат Ренодо в своей рукописной истории рассказывает, что по его приказу был задушен философ, осмелившийся проповедовать новые доктрины в городе Алеппо.

[358] Чтобы узнать характер и добродетели Саладина, достаточно процитировать речь, обращенную им к своему сыну Эль-дахеру, которому он доверил управление провинцией: “Сын мой, - сказал он, - ты собираешься править государствами, которые я даровал тебе. Мои немощи дают мне повод опасаться, что я, возможно, никогда больше не увижу тебя; Поэтому я рекомендую тебе, сын мой, в качестве моего последнего наставления любить и почитать Бога, который есть источник всякого добра, и соблюдать предписания его закона; ибо от этого зависит твое благополучие. Берегите человеческую кровь, опасаясь, что она снова падет на вашу собственную голову; ибо однажды пролитая кровь никогда не засыпает. Стремитесь завоевать сердца ваших подданных; вершите правосудие и будьте так же осторожны в их интересах, как и в своих собственных. Вам придется отчитаться перед Богом за это доверие, которое я возлагаю на вас от его имени. Проявляйте уважение и снисходительность к эмирам, имаунам, халифам и всем лицам, облеченным властью. Только благодаря кротости и милосердию я достиг того возвышенного положения, в котором ты видишь меня. Все мы смертны, о сын мой! тогда не питай ни злобы, ни ненависти ни к кому. Прежде всего остерегайтесь никого не обижать; люди забывают обиды только тогда, когда отомстили за них, в то время как Бог дарует нам прощение за наши ошибки за простое раскаяние; ибо он благ и

милосерден”. Эта речь Саладина своему сыну была передана нам Бохазддином, который слышал ее вслух.—Смотрите "Жизнь Саладина", Марин, книга xiii.

[359] Хотя, к счастью, прошли те времена, когда английский писатель ломал копье в защиту характера Ричарда в целом, как бы я ни восхищался общими размышлениями и духом моего автора, я не могу не думать, что он едва ли отдал ему должное. Его недостатки всегда выставляются на всеобщее обозрение, в то время как его хорошие качества, — а они у него были, — либо затушевываются, либо полностью скрываются. В спорах, в которые его естественным образом втягивало его положение, его противники всегда оказывались правы, а Ричард - неправ. До Птолемаиды не зафиксировано ни одного акта, и все же у Ричарда было пять тысяч пленных; большинство авторов говорят о *трех тысячах*, но предполагается большее число, ради массовости. Чем более выдающимися были подвиги Ричарда в армии, сформированной подобно армии крестоносцев, тем сильнее, несомненно, были зависть и ненависть его соратников-вождей. Ричард ничем не хуже других героев меча, начиная с Ахилла. Я очень боюсь, что причиной этого предубеждения является его успешное соперничество с более проницательным французским монархом. Против сравнения с Саладином я ничего не говорю — Саладин был более великим человеком, чем Ричард.— Пер. с англ.

[360] Этот крестовый поход завершился в 1192 году; битва при Бовинах произошла в 1214 году.—Пер.

[361] Наш автор привел выдержку из интересной рукописи, которая снабдила его этим описанием; но она такая длинная, французский язык такой древний, а история так хорошо известна, что я счел за лучшее ее опустить — перевод все испортил бы. It is remarkable that the manuscript chronicle makes Richard see Blondel, and sing *first*—our author reverses this:—Ensi com il estoit en cette pensée, li rois regarde et vie Blondel, et pensa comment li se feroit à lui connoistre, et li souvint d’une canchon que ils avoient fait entre aus deux que nus ne savoit fois que il roi. Si commencha haut et clerement à canter le premier vier, car il cantoit très bien. Мне кажется, что в языке этой рукописной хроники есть расхождения, которые делают ее датировку тринадцатым веком весьма апокрифической.—Пер. с англ.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА:

— Исправлены очевидные печатные и пунктуационные ошибки.

—Переписчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя титульный лист оригинальной книги. Изображение находится в общественном достоянии.